Анна Закревская
Елена Пульгун
ENTRE
DOS TIERRAS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Если не можешь взлететь — ныряй. Если не можешь больше ни дня выдержать, разрываясь меж двух миров, найди в себе смелость выбрать один и остаться в нём до конца. И даже после. А потом приходи к водам реки-под-рекой, сядь на берегу и вглядись в своё отражение. И в миг, когда увидишь себя настоящего, загадай единственное желание — чтобы сегодня не кончалось никогда… Да, нам суждено сгореть падающими звёздами в небе транскода, но прежде мы зажжём огонь в чьих-то глазах. Я знаю это. Я верю.

- Entre dos tierras
  - ○
  - ○
  - ○ Ноябрь 2070
  - ○ Декабрь 2070
  - ○ Январь 2071
  - ○ Февраль 2071
  - ○ Март 2071
  - ○ Апрель 2071
  - ○ Май 2071
  - ○ Июнь 2071
    - ■
    - ■ «Линда, ее пассия и вселенский бедлам»
  - ○ Июль 2071
  - ○ Август 2071
  - ○ Сентябрь 2071
    - ■
    - ■ Осенние цветы
  - ○ Октябрь 2071
  - ○ Ноябрь 2071
  - ○ Декабрь 2071
  - ○ Январь 2072
  - ○ Февраль 2072
  - ○ Март 2072
  - ○ Апрель 2072
  - ○ Май 2072
  - ○ Июнь 2072
  - ○ Июль 2072
  - ○ Август 2072
    - ■
    - ■ Волчий камень

- Сентябрь 2072
- Эпилог. 2077

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

Entre dos tierras
Анна Закревская
Елена Пильгун

Автор иллюстрации — Елена Пильгун

— Как нас вставило, боооже

— А бабушка тебе шарф связала, кашемировый…

— Ты ж носки вязала ба.

— Лопухнулась бабуля, да…

Ноябрь 2070

Транскодом клянусь, падать легко…

…Если в первую же секунду твоего падения откуда-то сверху, из того далёка, с которым ты уже приготовился распрощаться, внезапно не прилетает острый гарпун и не впивается тебе прямо в ямку между ключицами.

— Значит, это была не командировка, Крис… — за практически двадцать лет совместной жизни с Линдой хакер мог по пальцам пересчитать те разы, когда ему доводилось слышать в её голосе смертельную обиду. И сейчас был именно такой случай. Момент крайне редкий, и потому запредельно разрушительный именно в силу своей редкости.

И ведь уже не скажешь тебе в ответ, моя богиня, что давным-давно нет между нами того звёздного, созидающего огня, из которого появились Мария и Лин. Осталась привычка. А основа любой привычки — стабильность. Стол о трёх ножках. Поэтому когда один из партнёров вышибает любую ножку, второй имеет полное право послать первого ко всем чертям, гордо воздев в небеса голову, увенчанную нимбом великомученика.

Прости меня, Линда. Я не смог отыграть до конца ту роль, которой всё это время отчаянно стремился соответствовать ради тебя и ради детей. Мой железный самоконтроль сорвало к чёрту, и хрустальные ледяные осколки разлетелись по полу офиса, когда я упал на колени рядом с едва живым Алексом, которого тогда накрыло прямо на работе. И этого падения за руку с лучшим, единственным другом ты вправе не прощать мне до самой моей смерти. И даже после…

— Считай, что всё-таки командировка, — до крови закусив губу, ответил Крис. — Только в неё я сам себя и отправил.

Будь она неладна, эта привычка шутить подобно паяцу на эшафоте… Кристиан сидит на полу, прислонившись к стенке шкафа, и не поднимает глаз, чувствуя, что сейчас не выдержит даже короткого взгляда Линды. Взгляда взбешённого ребёнка, чью любимую игрушку мимоходом поломал посторонний дядька.

Устало закрыв глаза, Крис отсчитывает быстрые, неестественно ровные удары пульса, эхом отдающиеся в ушах. Три… пять… семь… Звенящую тишину внезапно нарушает резкий шорох, воздух с ароматом сладких восточных духов обдаёт Кристиана, а следом его дыхание перехватывает — не от удара, хотя, казалось бы, самое время, а от невыносимо долгого поцелуя жены, больше похожего на смертельный укус хищника, чем на последнее проявление любви. Поверженный на пол, Крис

начинает задыхаться; быстрые руки Линды разрывают на нём рубашку, и сантиметровые отточенные ногти впиваются хакеру между рёбер, оставляя длинные болезненные царапины.

— Это… фтоб… ты… навфегда… запомнил… кого… потерял… — яростно мычит Линда.

Я отдал тебе всё, что мог, родная. И отдам ещё, если понадобится. Даже несмотря на то, что прямо сейчас ты и сама сорвалась со своей роли доброй, любящей, светлой богини, дарующей безусловное принятие и космическую любовь всем, кто в этом нуждается. Сколько раз ты так срывалась, вспомни? Тот случай, когда ты поймала в транскоде вирус, не в счёт. Но и позже я не единожды видел, как сияющая Парвати превращается в тёмную Кали, разносит всего меня на атомы, как только я позволяю себе свернуть с намеченной ею для меня колеи, а через пару минут вновь сияет, не в силах вспомнить, какие убийственные фразы бросала в мой адрес.

И в каждый из таких моментов я был не в состоянии определить, какое из твоих лиц является истинным, богиня. И сейчас ты вправе причинить мне боль. Я вытерплю её до конца. Но последний глоток воздуха оставь мне. Он предназначен уже не для тебя. По крайней мере, не для такой тебя, какая ты есть сейчас.

Едва не вывернув руки в запястьях, Крис вырывается из удушающих объятий Линды и выставляет вперёд свой острый локоть, создавая преграду между ним и разгневанной фурией. Не желая признать превосходство мужа, Линда продолжает его движение, отталкивая его к стене, словно это она и желала сделать. Ударившись затылком об угол шкафа, Крис не успевает сдержать болезненный стон. Оглушительный треск двери, едва не сорванной с петель уходящей в соседнюю комнату Линдой, звучит над ним, как контрольный выстрел в упор.

Чёр-р-рт.

Дышать. Просто дышать…

Сегодня в твоей безумной осенней любви появилась полынная горечь, Крис. Придётся в одиночку выпить всё до дна, чтобы она сошла на нет.

Перед глазами резко темнеет, невыносимо закладывает уши. Давно с ним такого не было, но сейчас, похоже, никакие наномашины не в силах удержать Кристиана в сознании.

Мягкий шорох тонких колёс по ворсистому ковру. О господи, Лин… Я надеялся, что ты уже спишь.

— Прости, — не открывая глаз, шепчет Кристиан своему сыну. — Я не хотел…

— Я уже не маленький, пап, — в голосе мальчика

неслыханная доселе серьёзность. — Ты нужен дяде Саше как никогда, я сразу понял. Скажешь мне потом, как вас найти, ладно?

* * *

Следующая неделя у Криса прошла на автопилоте. Подписать дарственную на квартиру в пользу жены, передать дела Рафаэлю, который, честно говоря, давно уже ждал повышения, и Шанкару, который повышения не слишком-то желал, однако, более надёжного помощника руководителя Кристиан и представить себе не мог.

Те, кого интересует переменная, а не её функция, узнают истину. Таких всего четверо — собственно, Рафаэль, Шанкар, а ещё Эйрик и Стейнар. Для остальных у Кристиана была заготовлена трогательная история о жертве дауншифтинга… Ну, решил генеральный директор вернуться на должность ведущего разработчика и работать удалённо… С кем не бывает? Айтишники вообще странный народ.

Всю эту неделю, в ожидании регистрации прописки в доме на Ладоге, Крис жил у Шанкара, поскольку Линда, несмотря на протесты сына, не пожелала даже мельком увидеться с мужем. Уязвлённая гордость богини требовала немедленно подать заявление на развод, ибо если её верховный жрец впал в ересь, следует немедленно изгнать его, но здравый смысл меркантильно вещал о том, что вначале стоит получить от него всё, что хакер обязан отдать ей в качестве платы за своё ослушание.

Ещё пару дней Кристиану потребовалось, чтобы собрать свои вещи, выбрав момент, когда жена будет на работе, а Лин — в школе. За неделю, проведённую в ароматах индийских специй и благовоний, хакер немного отвык от запаха родного дома, и тем больнее было сейчас вдыхать эту не поддающуюся анализу смесь, к которой он успел настолько привыкнуть, что не ощущал её даже в фоновом режиме. Прикрыв глаза, Крис медленно шёл мимо закрытых дверей — комната Лина, хлопковые футболки и любимые рыбные сухарики; комната Марии, еженедельные цветы от Хидео; комната Линды, колдовской парфюм и… Иди дальше, чтоб тебя… Электроника и ветер внешнего мира из вечно открытого на узкую щель окна. Последний луч закатного солнца алым прямоугольником падает на стену, охватывая почти все семейные фотографии. Простите меня, родные, я безумно люблю вас и буду любить до последнего удара сердца, но по осени перелётным птицам нет покоя. Свежий ветер срывает их с тёплого

уюта насиженных мест, манит в высокое небо, за туманный окоём. Лететь, сколько хватит сил, не оглядываясь назад, а потом упасть в горячие руки на берегу северных озёр. Это моя осень, и я не имею права опоздать на свой последний поезд.

* * *

Институт был тих и пуст. Гулкие безлюдные коридоры провожали эхом цокот Олесиных шпилек. Она двигалась уверенной походкой человека, знающего цену себе и другим. Причём сравнение явно было не в их пользу.

Дверь в рабочий кабинет мягко чвакнула за спиной. Автоматика зажгла освещение, нежно-синие блики легли на кожаные диваны и старинный деревянный стол. Олеся угнездилась в кресле и крутанулась к абсолютно голой стене напротив. Щелчок пальцев с идеальным маникюром — и вместо стены огромный экран. Уже привычным движением по сенсорной панели открыть папку «Недавние». Дело № 357.

На полстены разворачивается фотография Александра Рыкова. Алекса. Саньки. Трехмерная модель тела крутится волчком. По экрану бежит текст — его история болезни. Но взгляд снова и снова возвращается к пульсирующему алому пятну на правой половине груди мужа. Где-то в тексте мелькает диагноз… Олеся спокойна.

Это не её дело. Важнее угадать, сколько же всё-таки ему осталось. Важнее для неё, потому что такая жизнь уже невыносима.

Это было проклятием. Олеся сначала пыталась не обращать внимания, отшучивалась. Потом злоба и обида захлестнули её с головой. С годами острота проблемы заметно притупилась, но ненависть уже пустила корни в душе.

«Провинциалка». Снобизм москвичей зашкаливал. Это самое мягкое, что слышала в свой адрес Олеся, когда речь заходила о корнях. А было ещё и что-то вроде «человек второго сорта», «ну как можно сравнивать ваш уровень образования и столичный?», «а вот у меня даже бабушка родилась в Москве, да-да».

Где-то в нескольких тысячах километров на восток остался её дом, в котором она не появилась ни разу с семнадцати лет. Умерли родители, порвались все ниточки, которые связывали амбициозную девчонку, приехавшую покорять столицу, с… Нет, наверно, уже и дома-то не осталось. Тайга не терпит постороннего в своём царстве.

А когда Олеся познакомилась с Алексом, наконец, появилась

маленькая вероятность, что всё изменится к лучшему. Надёжный, словно выкованный из железа человек защищал, оберегал, даже непонятно зачем жертвовал собой в мелочах. Олеся этим не прониклась. Но квартира и московская прописка грели не хуже, чем мужские руки.

Впрочем, сейчас, сидя в уютном кресле и забросив ноги на стол, она смотрела на прожитые с Алексом годы как будто с высоты птичьего полета. Нет, её нельзя было упрекнуть в том, что она была плохой женой. Ранний подъём, и пока он ещё спит — собрать завтрак на двоих, съесть свою часть и уйти, стараясь не шуметь. Даже одеваться на работу, не включая свет. Отпахать целый день в институте, минимум одна сложная операция в день, вернуться домой… И упасть? Аж три раза. Приготовить ужин, дождаться Алекса из его «Div-in-E», попутно сделав кучу бытовых мелочей. Всегда она следила, чтоб он был ухожен и опрятен, да и убирать за ним бардак как после тропического шторма — то ещё удовольствие.

Но, кажется, она что-то упустила. Сейчас, вот-вот, еще немного, и она поймёт, что именно. Алекс просил не этого. Он вполне мог бы жить в квартире с уборкой раз в месяц и мятыми рубашками, с консервами в холодильнике и отсутствием супа на ужин. Но только не с этим заботливым, приветливым и таким очаровательным… равнодушием. Олеся поморщилась. Она понятия не имела, в какой семье вырос Алекс, но по её представлениям брак должен был быть именно таким. Построенном на ответственности и спокойствии. Ведь семья — тихая гавань, разве не так?

«Не так», — прозвучал вдруг тихий голос мужа в голове. Фотография на стене криво усмехнулась.

Олеся моргнула.

Тишина в комнате стала абсолютной. Ни шороха, ни звука. Стройный поток мыслей в голове превратился в хаос.

Видимость счастья длилась всего два года. Потом Алекс замкнул все связи на себя, с каменным лицом выполняя поручения по дому. Олеся физически чувствовала, как он давит в себе импульс, гасит эмоции и старается соответствовать этой атмосфере вселенского спокойствия. Но теперь уже её попытки наладить контакт разбивались о широкую грудь Алекса и его сердце, закованное в броню самоконтроля. Лишь изредка, в случайные ночи исполнения супружеского долга, которых Олесе почему-то всегда было мало, Алекс сбрасывал эту маску. Олеся вздрогнула. Эти ночи никогда не забыть. В её объятиях был трепещущий живой огонь, не знающий меры и границ. Он обжигал, оставляя в памяти те шрамы, что так ноют сейчас.

А потом два года заграничной командировки разорвали последние нити между ними. «Но с другой стороны, — фыркнул внутренний голос, — он подарил тебе свободу делать всё, что угодно». О да, институт, карьера, интереснейшие разработки в области нейрофизиологии и нейрохирургии… Мечта, ради которой Олеся и переехала на съёмную квартиру в Деловом центре. Алекс, верный слову, не мешал, посвящая весь досуг детям Вебера. Возился с Лином, прикованным к коляске, сторожил Машу в транскоде.

Олеся закрыла глаза. Как же она была слепа…

Не заметить у мужа опухоль в груди. Ладно, это объяснимо. Всегда одет при малейшем намёке на свет, а ночью или не до того, или ночник вырубает мгновенно.

Не засечь момент, когда у него сдали нервы, и он перерезал себе вены. Катана, черти б её побрали. Олеся вдруг вспомнила, как отмывала клинок меньше года назад. Алекс, весь в крови, притащился с Лином к ней на работу… И ведь тогда же она в первый и последний раз увидела приступ. И не поняла, даже не попыталась узнать, что это было. Достать историю болезни уже тогда не составило бы труда для старшего научного сотрудника, немало поработавшего за свою жизнь с людьми в нужных сферах.

Но всё это мелочи по сравнению с Главным.

Кристиан Вебер.

Сволочь последняя, утащившая мужа куда-то на Север, в деревню с непроизносимым названием. Олеся судорожно выдохнула. Да лучше бы Алекс сдох от потери крови, чем вот так опозорил семью. Ей наплевать на него, нетрудно признать. Она зашила ему руку тогда только потому, что он пришёл именно к ней. А уж простреленное лёгкое и перерезанные вены — на твоей совести, Вебер. Но это не давало тебе никакого права на…

Мысль оборвалась, тщетно ища продолжения. На тело Алекса? На его душу? На что ты претендуешь, вор по имени Кристиан?

Третьи сутки уже пошли, как я узнала обо всём этом. Третьи сутки я ломаю голову. Я понимаю, что просто дружбой здесь и не пахнет. А, значит, вне моего поля зрения все эти годы оставалось нечто фундаментальное между вами двумя.

Женщина тяжело вздохнула. Я, Олеся Рыкова, урожденная Фоменко, готова сейчас сказать: «Моё дело — сторона». В конце концов, я ведь не Линда, у нас с Алексом нет детей, и мы уже несколько месяцев живём раздельно. Но есть куда более важные вопросы, которые я не оставлю без внимания.

Олеся открыла глаза и снова начала читать историю болезни. Она не специалист в онкологии. Придётся советоваться с кем-то

из коллег…

Сколько же тебе осталось жить, Алекс?

Сколько мне ещё ждать?

Декабрь 2070

Сотрудники Первого городского дворца бракосочетания признали свадьбу Марии и Хидео победителем в номинации «Антибанальность декабря». Изящные стильные наряды вместо пышных синтетических юбок, плавные линии серебристого, синего и зелёного вместо дешёвой позолоты где надо и не надо, любимая песня вместо надоевшей до оскомины музыки во время церемонии, а главное — невероятное количество трезвых гостей, которым практически полное отсутствие алкоголя совсем не мешало веселиться от души.

За всё время праздника Крис вышел на сцену лишь единственный раз, когда настало время традиционного танца с дочерью. Невесомая моя радость, как я счастлив, что ты нашла свою пару. Пусть у вас всё будет хорошо… А пока позволь мне закружить тебя, как в детстве, отрывая от земли, чтобы ты никогда не потеряла это ощущение ветра в волосах… Чтобы тебе никогда не пришлось отвоёвывать своё право на полёт у самых близких людей. Чтобы при взгляде на тебя у них даже мысли не возникало полоснуть по твоим крыльям холодной сталью жестокого требования: «Выбирай. Или мы, или…»

Уже перевалило за полночь, когда гости начали понемногу расходиться, вымотанные молодожёны в лучших традициях секретных агентов смылись ото всех незамеченными, и наконец, в полупустом ресторане остались лишь несколько близких друзей да кое-какая родня. Крис обеспокоенно глянул на Алекса, который ещё с утра накачался всем, чем только мог, чтобы выдержать этот день, не менее значимый для него, чем для самого Кристиана, ибо кто, как не Охотник, считал себя нянькой для детей любимого человека?

Приступов вроде бы не предвиделось, но Алекс всё равно выглядел усталым. Что ж, Крис, близится финал, и тебе пора прощаться. Прости меня, Линда. О твоём понимании я уже не рискну просить…

Линда критически оглядывает Алекса, будто только сегодня увидела его. Впрочем, в какой-то степени так оно и есть. Откуда-то сбоку выезжает на своей коляске Лин, пристраивается между отцом и матерью, словно пытаясь вновь замкнуть собой потерянный контакт между ними, но Линда делает шаг вперёд, по-прежнему ни говоря ни слова, хотя сказать сейчас хочется многое, очень многое… А, впрочем, читайте по глазам, вы, двое.

Ещё один шаг разгневанной тигрицы, и Алекс закрывает глаза, готовясь отступить, исчезнуть без следа, как в тот день на

Ленинградском вокзале. Я понял тебя, Охотник. Ты сказал, что отдаёшь мне админские права на тебя, как только пришёл в сознание в маленьком домике у озера, но, похоже, они не вступят в действие без подтверждения от самого администратора.

Чёртова ловушка. «Решай сам, Крис…»

Падать легко?..

Рухнув на колени, словно подрубленный двумя мощными силовыми кабелями, один из которых — ярко-малиновый, а другой — небесно-лазурный, Крис резким движением разводит руки в стороны, то ли пытаясь создать преграду между Линдой и Алексом, то ли распиная самого себя на невидимой параллели между ними.

Три секунды. Три шага назад. Оба. Я сказал, оба…

Нет? Тогда смотрите, чёрт возьми… смотрите, не отводя глаз, как меня разорвёт на куски вашим безудержным, разнонаправленным притяжением.

От болезненного спазма Крис сгибается пополам, вышибая из лёгких остатки воздуха. Перед глазами всё смазывается, теряя привычные очертания, и маски вещей, людей, событий слетают прочь, открывая истинную природу мироздания.

Крис начинает задыхаться; ему мерещится, что он стоит на ярком свету зимнего дня, на остром углу какого-то здания, не то в транскоде, не то в центре города, одной рукой держа свою богиню, другой — лучшего друга. Бетон впивается в спину до крови, сил не хватает, пальцы сводит так, что уже невозможно дышать… Секунды идут, а Крис всё не разнимает руки… Замученная птица в груди бессильно долбится о рёбра, невероятно устав жить на два мира. Не лги себе, сероглазый хакер, ты знал, что когда-нибудь закончится твой лимит странной сверхспособности — заклинания «одно другому не мешает».

Выбирай, Крис. Выбирай, Овер.

— Не надо, Овер, — шепчет друг. — Отпусти меня… Я всё равно останусь жив, останусь на твоей орбите… И мы всё равно будем вместе.

— Иди к чёрту, Крис, — слова даются Линде с трудом, но она заканчивает предложение. — У меня останутся Лин, Маша и Хидео. Алекс настолько жалок, что оказался не нужен никому… кроме тебя.

Жена на минуту отворачивается, не в силах смотреть на спутника своей жизни, которого она, казалось, знала вдоль и поперёк. Но в этой реке, оказывается, было двойное дно… На грани сознания Крис словно получает возможность прочитать тайные мысли Линды о том, что отсутствие мужа будет не таким долгим, чтобы он успел окончательно забыть дорогу к ней.

Тонкие пальцы Криса ловят воздух. Он свободен… или нет?

— Я буду приезжать к вам… Если ещё нужен…

Сказал ли он это вслух или всего лишь представил в бреду, но большего Крис выдавить из себя не смог. Горло снова перехватило — отголоски прошедших приступов, во время которых что-то сбивалось в его электрической схеме. Головокружение до крови из носа, аритмия, падение сопротивления кожи, напрочь сбитое дыхание…

Гордая богиня с розовыми волосами прощально машет рукой и удаляется, едва обернувшись. О, лучше б она не оборачивалась. Её презрительное, брезгливое молчание красноречивее всяких слов, и Крис это чувствует вопреки той нарочитой отстранённости, которую она весь день отыгрывала при Алексе.

Ткань мироздания с треском рвётся по швам. Хреновый ты ткач, Вебер, если не смог закончить двойной узор…

Горячие руки Алекса подхватывают хакера, его голос пытается тёплой волной пробиться в сознание:

— Дыши, Овер, дыши, пожалуйста… — Крис с трудом разбирает сквозь шум в ушах это заклинание. — Ты всем нам нужен так, что… Не разделить тебя, понимаешь? Ты только дыши, а всё остальное не так уж важно…

И от этого заклинания натянутые провода, тонкие лески от рыболовных крючков превращаются в лёгкие разноцветные ленты, летящие на ветру ко всем, кто дорог. Не плен. Связь.

Голос Алекса ведёт Криса вперёд, тёплым пледом падая на уставшие плечи.

Спасибо тебе, Охотник.

Спасибо.

Ты снова вытянул меня за руку.

* * *

— Ну, что скажешь? — спросила Олеся негромко. Её потряхивало. Нервная дрожь, засевшая где-то под лёгкими, грозилась вот-вот переломить тело пополам.

— Прости меня, Олеся, — голос Леночки был до крайности далёким, будто из параллельной Вселенной, — но это безнадёжный случай.

«Господи… Да знаю я это, знаю», — мысленно простонала Олеся. Предчувствуя новую волну соболезнований, в которых она совсем не нуждалась, Олеся пошла в атаку, не дав старому доброму соратнику из группы нейрофизиологов, Леночке Большаковой, и рта раскрыть.

— Сколько? — выдохнула Олеся, пряча под трепещущими ресницами хищный блеск.

Леночка скосила глаза на монитор. Короткие светлые волосы, голубые глаза, как сапфиры, сияют на бледном лице, а в уголках тонких розовых губ — улыбка. Взгляд невольно выхватил заголовок «Александр Рыков. История болезни». Ведь это её муж. Она, наверно, места себе не находит… Хотя, судя по датам наблюдения, это тянется у него уже давно. Во всяком случае, эффект неожиданности исключен.

— Три-четыре месяца, не больше, — сказала Леночка, и сразу поспешно добавила, словно желая забрать сказанное назад. — Я давно не интересовалась онкологией, Олеся. Может, сейчас появились какие-то новые способы…

Олеся кивнула и забрала флеш-карту с файлом Алекса. А теперь надо найти спокойное место и посчитать всё ещё раз.

Холодные пальцы ухватились за запястье. Леночка стояла рядом — маленькая худенькая женщина с абсолютно белыми прядями волос на висках… Её глаза светились.

— Сходи к Лисовскому, который в Барановском корпусе. Второй этаж, в конце коридора, — быстро прошептала Леночка. — Мне говорили, что он одно время практиковал нестандартные методы лечения раковых больных… Это халтура была, но он должен разбираться.

И только выйдя в коридор, Олеся позволила себе выдохнуть. Лисовский. Смутно знакомая фамилия, но скорее по тёмным слухам, а не по статьям в журналах. Олеся напрягла память, собирая воедино все осколки институтской жизни, в которых упоминалась эта фамилия, и на ходу полезла в интернет. Да, всё верно. Статей раз-два и обчёлся, веса в научной среде почти нет, но очень талантливый хирург и нейробиолог. Практик. Экспериментатор. Жуткие легенды слагают о его лаборатории, но наведаться туда всё-таки стоило.

Чтобы попасть в Барановский корпус, не было нужды выходить на улицу. Ажурный виадук с застеклённой галереей соединял здания на уровне пятого этажа. Но Олеся выбрала долгий путь по грешной земле через пропитанный водой снег декабрьской оттепели. От всех этих поисков правды её основательно мутило. Триста раз, не меньше, она прокляла Алекса с его болезнью. Есть же такие, их немало, что от этой заразы выгорают за год… Но это не про тебя. Будешь мучиться сам, и мучить других.

Олеся скрежетнула зубами. За этот месяц она не только обегала всех своих знакомых, имеющих хоть какое-то отношение к проблеме. Она была ещё и у нотариуса, и полученные там вести

не радовали.

Чтобы мне, наконец, встать на ноги, Алекс, нужно больше, чем твоя смерть. Даже в этом у нас всё не как у людей.

Но если подводить итоги, то ждать осталось не так уж и долго. От двух до четырёх месяцев. И совсем не хочется подключать матстатистику и считать разброс этих сроков. Просто учесть, что скажет этот Лисовский — и дело с концом. Закажу тебе анальгетик в нашей химлаборатории ровно на этот срок, чтобы ты не мучился сильно. Хватит с тебя.

Табличка последнего кабинета на втором этаже была лаконична: «Лисовский Г. А. Без стука не входить». Как скажете, Г.А.

Олеся шутки ради оттарабанила какой-то замысловатый ритм и, толкнув дверь, замерла на пороге. Лаборатория и правда поражала воображение. Она была словно выдернута из прошлого века. Такие захламлённые комнаты, перегороженные стеллажами с банками, в которых плавало что-то органическое, нынче показывали только в кино. И ещё здесь было темно. Олеся сделала несколько шагов вперёд, но тусклый свет одинокой настольной лампы в дальнем углу только сгущал тени и жутковато приукрашивал всё вокруг.

— Господин Лисовский? — позвала Олеся, слегка поёживаясь.

За стеной послышались шорохи.

Что-то двигали по полу. Болезненный стон. Ругань сквозь зубы.

«Минуты здесь лишней не останусь», — решила про себя Олеся, наблюдая, как из незамеченного раньше проёма в стене выходит сутулый тощий человек в белом лаборантском халате. Седые нестриженые космы и крючковатый нос наводили на мысль о чём-то птичьем. Картину довершали очки с узкими линзами и тёмные пятна, быстро переходившие с рук Лисовского на кусок ветоши.

— Чем могу быть полезен такой очаровательной пани? — прогнусавил хозяин комнаты с несколько сальной улыбкой. Только глаза подкачали.

— Олеся Рыкова, нейрохирург. Я хотела бы попросить у вас консультацию по одной истории болезни.

— Так-так-так… — Лисовский ощутимо напрягся. — И что за болезнь?

— Рак.

Он тихо присвистнул.

— А почему ко мне?

— Вы должны в этом разбираться.

Лисовский преувеличенно вскинул брови. Ну, его тоже можно

понять: вваливаются всякие с левыми вопросами, отвлекают от дела, да еще и с гонором — должны знать… Однако он молча протянул руку Олесе. Она вложила Лисовскому в ладонь флеш-карту, стараясь не касаться его кожи, поскольку на свету тёмные пятна, не стёртые до конца, оказались местами уже подсохшей кровью.

Через пару секунд Олеся подбирала челюсть с пола. В груде хлама у стены обнаружился настоящий пятимерный проектор — изобретение военных, — который из файлов с личными данными, историей болезни и генетической карты мгновенно воссоздал Алекса в мельчайших деталях. Олеся даже уловила запах его любимого парфюма — взрыв розовой ноты, мускусное сердце и след ветивера. Воспоминания захлестнули сознание. Никуда было не деться в той квартире от глубокого, дымного аромата высушенного на солнце дерева и тёплой земли…

Лисовский деликатно кашлянул.

— Вы ведь знаете, что ваш муж безнадёжен, — тихо, но твёрдо произнес он. — Зачем вы пришли?

Олеся попыталась собраться с мыслями. Но ощущение того, что в голове сейчас кто-то с последней страницы листает её жизнь, никак не исчезало.

— Я хотела бы узнать…

— Полгода, — отрезал Лисовский. — Дело в силе воли. Если ему есть, ради кого жить, то и больше.

Олеся изменилась в лице. Калькулятор в голове мгновенно принялся считать число доз. Но, чёрт побери, как часто у него приступы? Сколько нужно ампул? Тридцать? Сорок? На задворках активных областей мозга интуиция орала благим матом, что нужно убираться отсюда и побыстрее.

Одним стремительным движением Олеся выхватила карту из порта проектора. Виртуальный Алекс исчез, в комнате остался только аромат духов.

Лисовский шумно втянул носом воздух.

— Отличный запах… — сказал он и вдруг улыбнулся. — Не бойтесь меня, пани Олеся. Я не настолько страшен. Но вы очень смелый человек. Вам ведь нужны деньги?

Олеся замерла. Обычный трюк психологов — без перехода задать нужный вопрос после всякой пустой болтовни. Главное не менять тон и не делать пауз. Нет, на дешёвые приёмчики я не куплюсь. Но деньги-то действительно нужны… Вчера подняли плату за аренду жилья в Деловом центре, а контракт на работе подходит к концу, и нового пока не предвидится. Но как он узнал?

— Вы мне можете предложить что-то? — голос Олеси

предательски задрожал.

За стеной снова жалобно застонали. У Лисовского вспыхнули глаза.

— Очень интересная работа, пани Олеся. Кое-кто назвал бы её псевдонаучной, но именно такие исследования определяют будущее. Скажите, вы верите в телепатию?..

Январь 2071

Убедившись, что в собственном кабинете он остался один, Президент Североамериканского альянса подошёл к широкому окну и раскрыл его настежь. Волна свежего зимнего ветра ударила в лицо, взметнула полы светлого пиджака. На очередном правительственном совещании Президент был в ударе, он видел, как его речь зажигает в глазах слушателей огоньки неподдельного интереса и желания идти следом за ним, но боги, даже на этой волне чужого восхищения он едва продержался до конца заседания. Кто бы знал, чего ему стоило не ускорить шаг, с ослепительной улыбкой проходя по красной ковровой дорожке мимо тех, кто приветственно вставал при его приближении, словно благодаря своего лидера за то, что он вселил в них волю к победе…

Доктора звать не хотелось, и Президент опёрся о подоконник, дожидаясь, пока подействует обезболивающее и вновь можно будет связно мыслить, потому что до вечера ещё нужно было подготовить тексты нескольких документов, напрямую связанных с темой сегодняшнего заседания.

Выглянув наружу, Президент рассеянно уставился на панораму Вашингтона. Идеальная геометрия зданий, плавные линии заснеженных лужаек в городском парке, точки на тропинках — это те, кому некуда спешить, кто может уделить очарованию этого солнечного январского дня достаточно времени, чтобы…

Время. Президент болезненно усмехнулся. Таким, как он, времени никогда не хватает. А сейчас его осталось совсем мало. Пара лет, не больше. И он сделает всё, чтобы на его мемориале было выбито: «Президент, при котором гордый американский народ стал первой нацией, сумевшей заселить Марс».

* * *

Позднее утро. Солнце раскидало свои светящиеся жёлтые полосы по спальне, с крыши — капель, а вторая половина кровати пуста — Крис ещё не избавился от своей привычки вставать с рассветом, хоть и два месяца уже как отошёл от дел.

Алекс перевернулся на другой бок, подложив локоть под голову. Никогда он не любил ранних подъёмов — этого форменного насилия над собой, когда продираешь глаза и на автопилоте топаешь на работу, фактически просыпаясь только

ближе к одиннадцати. Но сейчас, здесь всё было по-другому. Ради пары часов тихого светлого утра и сонного Овера рядом стоило проснуться и с первыми лучами солнца.

Правда, это у Алекса получалось только в том случае, если вечером предыдущего дня боль не вытягивала последние силы. Он тихо вздохнул, прижав ладонь к правой половине груди. Родная моя зараза, я ведь даже не знаю, как теперь к тебе относиться. Раньше я тебя ненавидел, и это было просто и понятно. Ты продолжаешь изматывать меня до полного бесчувствия, сосёшь из меня все соки, заставляешь не расставаться с обезболивающими… Но при этом ты подарила мне Овера. Глупо, конечно. Ты не причина, а только спусковой курок. Я почти уверен, что он всё равно бросил бы всё ради меня. «А бросил бы? — ехидно хмыкнула зараза, кольнув под ребром. — Если б не было меня, твоей неотъемлемой части, Охотник?»

Алекс сжал кулак под одеялом. Очень легко не верить в мечту. Легко ждать журавля с неба. Но когда ты, наконец, получаешь желаемое, проходит первая эйфория, и холодное лезвие логичного вопроса «а чем я заслужил это счастье?» впивается в кожу…

Тихо скрипнула дверь в комнату. Охотник постарался успокоить сбившееся дыхание и притворился спящим, чтоб не спугнуть главную добычу своей жизни. Мягкие шаги, стон пятой от кровати половицы, едва заметный крен перины от тяжести, появившейся рядом…

— Алекс?

Предательски дрогнули ресницы.

— Я знаю, что ты не спишь, — Алекс услышал улыбку в голосе Криса. Всезнайка, как же. Ну, раз так, то ты должен быть готов…

Алекс стремительно поднялся, одной рукой обхватил Криса поперёк туловища и опрокинул на кровать под подавленный испуганный вскрик. Да, пока ещё утро, есть силы на такие выходки. Глядя в лицо своей мечте, Охотник хищно улыбнулся.

— Отпусти, — выдохнул Крис, тщетно напрягая плечи.

Ага, так я тебя и послушался. Когда-нибудь мне, конечно, придётся тебя отпустить, но только не сейчас. Рискни, Овер, разорви этот коннект из моих сцепленных рук… А пока ты еще раздумываешь, стоит ли бороться, я коснусь губами беззащитной шеи. И к чёрту киловольты в твоем взгляде.

— Сегодня приёмный день, — сказал Крис негромко.

— Только не у меня, — хмыкнул Алекс.

— Как раз у тебя, Охотник. Там внизу Лин и Олеся.

«А день начинался так хорошо…» — подумал Охотник,

размыкая объятия и отстраняясь. Крис поднялся, оправляя одежду, и с наигранной строгостью взглянул на Алекса. Но глаза у сероглазого короля светились. «Киловольта три, не меньше», — подумал мимоходом светловолосый кодер. Это была его игра — угадывать заряд в кристальной серой радужке.

Здесь, под крышей, оказалась очень странная акустика. До малейших тончайших вибраций воздуха был различим шорох воробья, забившегося в уютную тёплую щель у дымохода, но совершенно невозможно разобрать ни слова из разговора на первом этаже. Алекс прошёлся по комнате, машинально прислушиваясь. Голос Лина был нарочито спокойным, в нем стукались льдинки, а вот Олеся скоро перейдёт на фальцет… Ну что за…

Крис стоял в дверях. Похоже, ему тоже не очень-то хотелось спускаться вниз.

— Хоть рубашку поправь что ли, — тихо произнес он.

— Могу стриптиз устроить, — пошутил Алекс, но веселья в его голосе не было.

Он подошёл к зеркалу. Открывшийся вид особо не радовал. Растрёпанная седеющая шевелюра, восковая бледность, под глазами — синие круги. Прокушенная губа с темно-красным пятном засохшей крови, разорванная на плече рубашка, царапины от ногтей. Вчера вечером был приступ, не настолько сильный, чтобы не вытерпеть, но… Мысль о том, что Овер не видел настоящей Боли, холодными липкими пальцами спустилась по позвоночнику. Да, за эти два месяца ещё ни разу не накрывало Алекса так, чтобы он выл раненым зверем и метался в полном беспамятстве. Но это должно было произойти, и уже скоро. Чутьё не обманешь.

И чем дольше Алекс смотрел на себя в зеркало, тем яснее становилось, что… Его вдруг разобрало на смех. Он вцепился зубами в руку у локтя, чтоб не засмеяться в голос. Но внутри уже всё колотилось, судорогой сводило живот от этой чудовищной и такой правдивой мысли. Алекс упал на колени, не в состоянии унять крупную дрожь под лёгкими. Истерический смех все-таки прорвался сквозь сцепленные зубы.

— Алекс? Что с тобой? — руки друга подхватили, не дав врезаться лбом в дощатый пол.

— Посмотри на… меня. О чём… подумает… она, когда увидит… сейчас? — у Алекса от внезапно появившейся горечи во рту свело скулы.

— У тебя был приступ вчера, — тихо сказал Крис, щуря глаза, словно гоня от себя лживые мысли. — Или…

— …очень бурная ночь с тобой, — закончил Алекс, с трудом

поднимаясь на ноги. — Я спущусь через пять минут. Попробую сделать из себя что-то приличное.

Эти пять минут показались Крису вечностью. Он сидел в кресле в гостиной и нетерпеливо пристукивал каблуком ботинка. Лин осторожно гладил отца по руке. Невооруженным глазом было видно, что парень очень хочет о чём-то поговорить с ним и только присутствие постороннего заставляет его сдержаться. Этим посторонним была Олеся, небрежно опёршаяся о подоконник. В снопе солнечного цвета, бившего из-за её спины, Крис не мог видеть лица, но то, что было доступно взгляду… Безупречная фигура, лёгкая раскованность манеры держаться, даже налёт аристократичности в изгибе рук. Крис мысленно хмыкнул. Куда исчезла та девчонка с копной фиолетовых волос, разъезжавшая на роликах во время «Технокона-2053»? Куда канула заботливая, отзывчивая душа, дни и ночи напролёт проводившая с маленькой Машей, пока вся дружная команда спасала Линду? Под какой бронёй спрятана та Олеся, которая напророчила мне, что я доживу до правнуков? Не знаю. Но ты не настоящая сейчас, Олеся. А если и настоящая, то надо иметь железные нервы, чтобы только спустя два месяца приехать к мужу, который попытался наложить на себя руки и которого я, Крис, а не ты, выдернул с того света.

Наконец-то. Алекс не спеша спустился по лестнице. Он честно попытался сделать всё, что в его силах. Сменил рубашку, создал на голове видимость порядка, наверняка простоял пару минут у распахнутого настежь окна, чтобы согнать с лица бледность и остатки сна. Крис встретился с ним взглядом и невольно вздрогнул. В этих глазах цвета Ладоги он всегда видел бурю эмоций от обожания до тоскливой боли, но сейчас они превратились в лёд.

— Дядя Саша! — потянулся к Алексу Лин, но замялся, украдкой глядя на отца.

Крис улыбнулся и едва заметно кивнул. Прошло уже то время, когда он мог ревновать сына к Алексу. И дело было даже не в том, что друг спас Лина из чудо-лагеря и прикрыл его самого в пейнтбольном клубе. Крис нашёл в себе силы признать, что Охотник вырастил Лина и дал ему то, что не могли тогда дать замученные чувством вины родители и разочарованная сестра: равное отношение к себе. Так пусть это и не меняется.

Алекс сделал пару шагов и, опустившись на колени перед коляской, обнял парня. Сколько он не видел Лина? Пару недель? А соскучился так, что перед глазами всё на миг поплыло. Слабеешь, Охотник. Раскрылся перед Овером, сбросил маску сильного человека, и совсем забыл, дурак, что остальные не

оценят твоей истинной сущности. Впрочем, Лин, пожалуй, единственное исключение из правила…

— Как ты, дядя Саша? — шепнул Лин, пряча лицо у Алекса на груди.

— Нормально, Лин. Спасибо, что приехал.

Нарочито громкий кашель за спиной заставил Алекса поморщиться. Сейчас начнётся… Ладно, цепляем маску холодного равнодушия. Пусть это вымотает меня вконец и спровоцирует заразу на новую атаку, но я должен выдержать разговор. Не показать злобу и обиду, не вспоминать про то, что тебя, Олеся, здесь не было два месяца, постараться не выдумать причину твоего приезда, ибо всё, что нас ещё связывает, — это печать в паспорте и твоя прописка в моей квартире… Квартире? Чёрт побери, неужели ты приехала из-за этого?

Алекс резко выдохнул и плавным движением поднялся, развернувшись на пятках. Он оказался с женой лицом к лицу. Ладожский лёд, хрустально звеня, столкнулся со льдом Москвы-реки.

— Мы можем поговорить наедине, Саня? — Олеся демонстративно вздёрнула идеально откорректированные брови. — Или в этом доме ничего не…

Крис резко поднялся, но Алекс остановил его едва заметным движением руки. Это наше дело, Овер. И, пресвятой коннект, я совсем не хочу, чтобы ты был даже свидетелем, а не то, что участником.

Положение спас Лин, потянув отца за рукав:

— Папа, пойдём во двор… Я права на флаер получил, сегодня у Маши взял машину, чтоб прилететь…

Крис молча смотрел Алексу в глаза. Киловольты зашкаливали. Забирай их, друг. Я знаю, что тебе нужны силы, чтобы не сорваться в пропасть.

Они ушли. Ещё немного пошумели в прихожей, одеваясь. Январь как-никак, хоть Крис, казалось, мог в одной тонкой куртке выжить и в минус двадцать.

Молчание затягивалось.

— Зачем приехала? — спросил Алекс негромко. — Чем заслужил твоё внимание?

— Да вот, — Олеся ткнула пальцем в небольшой чемоданчик на столе. — Привезла тебе. Должно хватить.

Алекс подошёл к столу. В этой комнате, да и вообще — во всём доме, немного потрёпанном, но от того более уютном, этот сверкающий хромированный объект был как инородное тело. Дрогнули пальцы на замке… Откинуть крышку. Ровные ряды стеклянных ампул с бледно-розовой жидкостью. Анальгетик,

который теперь только и спасает от боли в груди. Алекс по старой привычке посчитал дозы. Ха, да не так и много, тридцать пять всего. «Должно хватить»… Если б не эти слова, я, наверно, поблагодарил бы тебя, Олеся.

— Хватить до чего? — уточнил Алекс, очень аккуратно закрывая чемоданчик. Зараза в груди радостно оскалилась. Давай, терпи, хозяин. Уедет твоя гостья обратно в Москву, уж я оторвусь на полную.

Олеся подошла вплотную. В лёгкие Алекса рванулась волна дурманящего цветочного запаха, подбородок защекотали фиолетовые волосы. Их отделяло не больше десяти сантиметров, и Алекс почувствовал, как помимо его воли, словно на автопилоте, поднимается внутри тёмная горячая волна…

— Не обольщайся, Саня, — проговорила Олеся, глядя мужу в лицо. — Я видела твою историю болезни. Её теперь многие уже… видели. Этих доз тебе хватит.

— Спасибо, Олеся, что веришь в меня, — криво усмехнулся Алекс.

— А что, ты дольше жить собираешься?

Алекс дёрнулся. В груди полыхнула зарница острой режущей боли.

— Тише, Саня, — прошептала Олеся, обнимая Алекса. — Я не за этим приехала… Я долго думала… Надо было раньше, но и сейчас не поздно… Я хочу от тебя ребёнка.

Охотник стоял неподвижно. Ныла от поцелуев кожа, холодом обожгло тело, под напором жены вдруг лишившееся защитного панциря из ткани рубашки… Олеся на секунду замерла. Теперь ты понимаешь, почему мое главное условие в нашей интимной жизни звучало именно так — «никакого света»? И бог с ним, милая. Но у тебя было больше пятнадцати лет жизни со мной, однако ты так и не решилась родить детей. И сейчас, после того, как ты мне напророчила скорую смерть, хочешь от меня ребёнка?! Где логика? И ты спросила, хочу ли я этого?.. Я уже не успею ничего ему дать.

— Нет, Олеся.

— Что?

— Я. Сказал. Нет, — выдавил Алекс.

— Ты не хочешь от меня детей? — Олеся сделала шаг назад.

Боги Сети, да я от себя самого их не хочу… И, кажется, Олеся, от тебя тоже. Алекс посмотрел в полыхающие злобой глаза напротив. Читай мой взгляд, Олеся. Я не смогу произнести эти слова… Я не хочу, чтобы у нас были дети. Чтоб они были сейчас. Я безнадёжно опоздал на этот поезд. А тебе всего сорок. При нынешнем уровне медицины и при удачном стечении

обстоятельств ты ещё раз выйдешь замуж после моей смерти и родишь ребёнка. Но я очень сомневаюсь в последнем, потому что…

— Тебе нужна моя квартира, — закончил он вслух свою мысль. — Если ещё не изменили старый закон, то при отсутствии завещания, а у меня его нет, вся собственность переходит к детям. Если их нет, то супругу, но только половина, — Алекс начинал медленно звереть, наконец, понимая, как его попытались сейчас использовать. — И только для этого тебе нужен ребёнок. Но я этого тебе не дам. Ты получишь квартиру. Я напишу этот заветный листок, и ты заберёшь его у нотариуса. Но никаких детей.

Через секунду Охотник уже крепко держал руку Олеси в сантиметре от своего лица. Нет, я, конечно, может, и заслужил пощёчину… Но это уже инстинкт. Одни наносят превентивный удар, другие уклоняются, а я превращаю атакующего в добычу.

— Ты… Ты ненор-р-рмальный… — прорычала Олеся ему в лицо. — Чокнулся на своём Вебер-р-ре. Думаешь, я не вижу твоей прокушенной губы и следов от ногтей?! Жаркая ночка была, да?

— Да, Олеся, — вздохнул Алекс, отпуская её руку и нагибаясь, чтобы поднять с пола содранную с него одежду.

— Я ещё Линде расскажу, а то она, наивная, думает, что ты тут мучаешься, бедненький…

Дыши спокойно, Охотник. Добычу не обязательно бить, чтобы вставить мозги. Просто вложи в свои слова всё пламя, всё желание защитить это хрупкое счастье осенних цветов…

— Ты ничего не расскажешь Линде, Олеся, — говоришь ты, забираясь голосом так глубоко, что перехватывает дыхание. Твои глаза вспыхивают. — Потому что я никому не дам Вебера в обиду, ты поняла меня?

Олеся отшатнулась. Алекс вдруг вспомнил, что, чёрт подери, полгода назад, когда он прикрыл собой Криса и потом валялся в больнице с простреленным лёгким, она тоже к нему не пришла ни разу… Зараза взвыла от счастья. Ну же, ещё немного…

В комнату вместе с облаком морозного воздуха ворвались Крис и Лин. Остановились в дверях, как вкопанные. Охотник стоял столбом посреди комнаты, судорожно выталкивая из лёгких воздух. Он не поднимал головы. Он знал, что стоит в таком состоянии открыть глаза, и в них сразу сгорят все принципы, моральные устои, пробьётся разрядное сопротивление самоконтроля, и он из Охотника превратится в Зверя. А Зверю глубоко наплевать, кто перед ним: тайский монстр, люди в штатском из чудо-лагеря или женщина с копной фиолетовых волос. «Ради Вебера ты готов на всё…»

Но Крис всё понял правильно. В конце концов, приди он во время любовной сцены, муж и жена выглядели бы иначе… Значит, получен отказ. И пока Охотник приходит в себя, я поговорю с тобой, Олеся, хоть мне и хочется сейчас больше всего на свете выкинуть тебя в транскод и дать хорошего заряда в твою лебединую шею.

— Олеся? — позвал Крис. — Лин сказал мне, что Линда хотела со мной связаться на днях, но не смогла. В чём была проблема?

Олеся медленно повернулась на голос. В звенящей тишине из неё рвался беззвучный крик. Да, она добилась того, чего хотела. Но это была не победа, не её триумф, а подачка со стороны силы. И найти крайнего так просто.

«Ты отнял у меня мужа, Кристиан Вебер! Ты околдовал его, присвоил, спрятал в этой глуши. Ты разрушил две семьи своим решением».

«Ты во многом права, Олеся. Я не знаю, насколько благополучна была ваша пара, но… Почему тогда ты даже не попробовала бороться за Алекса? Почему не заслужила его доверия? Почему давно съехала от него на съёмную квартиру? Почему не появлялась здесь два месяца? В этом доме побывали, и не раз, мои дети, Хидео и наши друзья из „Div-in-E“».

— Линда не могла дозвониться, — процедила Олеся. — Наверно, вы были очень заняты… С Алексом…

Охотник вскинул голову и сделал два стремительных шага к жене. В его пальцах блеснул металл. Нет, это не катана, даже не нож. Ключ от этого маленького домика на окраине Сортавалы, в пятистах метрах от Ладоги, куда еще не добрались современные технологии.

— Держи, — рявкнул он, оставляя ледяную пластину с зазубринками в руке жены. Перед глазами плыли красные круги бешенства, голос срывался на крик. — Отдашь Линде лично в руки. Этот дом всегда будет открыт для неё. А теперь уезжай, Олеся.

После её отъезда Алекс и Крис помогли Лину погрузиться в узкий стреловидный флаер Маши. Парень, сильно повзрослевший за это время, пристегнулся ремнём безопасности и улыбнулся провожавшим.

— Я хотел бы еще остаться, — сказал он тихо, — но обещал маме вернуться засветло.

— Я понимаю, сынок, — Крис взъерошил чёрные волосы на голове сына. — Приезжай, когда захочешь. Мы будем рады тебе.

Поцеловать бледный лоб сына, едва коснувшись губами… Спасибо тебе, Лин. Ты единственный, кто понял моё решение

правильно и без лишних слов.

— Дядя Саша?

Алекс невероятным усилием воли заставил себя сосредоточиться на происходящем. Олеся улетела ещё полчаса назад. Боль в груди сорвалась с цепи, но всё-таки оттягивала удовольствие, прекрасно зная, что сегодня будет роскошный пир: целый беспомощный Алекс, который на закате будет корчиться в её объятьях долго, очень долго.

— До встречи, Лин, — ответил Охотник, негнущимися пальцами цепляясь за крыло флаера. — И береги себя. Небо так же опасно, как земля.

Лин кивнул и плавно поднял машину в воздух. В алых лучах закатного солнца небесно-голубой флаер приобрёл фиолетовый оттенок. Алекс зажмурился: цветочные духи, фиолетовые волосы… Звук разрываемого полотна, и стартовавший в сторону Москвы-2 флаер исчез за голыми деревьями.

Теряя последние остатки самообладания, Алекс упал в снег, обхватив грудь руками. Крис, напрягая силы, практически дотащил Охотника до крыльца. Морозный воздух обжигал руки и горло, но это было не важно. А теперь — передохнуть секунду, две, и бежать, бежать в дом за обезболивающим. Крис чувствовал, как сердце пытается сбиться с ритма, и всё никак не может сорваться в пропасть с этих верхних отметок пульса за сотню ударов в минуту. Ибо ещё ни разу за два месяца он не видел, чтобы Алексу было так плохо.

— Сто-о-ой, — застонал Алекс, уцепившись за запястье друга. Крис подавил вскрик. Да, у него низкий болевой порог, а Алекс всегда теряет контроль над своей силой в такие моменты.

— Я принесу анальгетик… — шепчет Крис, обнимая друга за плечи.

— Нет. Не надо, — выталкиваешь ты из себя слово за словом через туман боли, пожар в груди и сцепленные зубы. — Его Олеся привезла. Там по счёту. Она сказала, что хватит. До конца. Не верю. Но ты должен увидеть. Меня. Таким. Если не сможешь, уходи. Насовсем. Два месяца… и так много.

— Я уже выбрал, Охотник, — голос Овера становится далёким до ужаса и словно идёт изнутри, так что не понять уже — слышишь ты это или придумываешь сам.

— Почему. Ты. Остался. Со мной? — последнее усилие. — Только. Из-за этой. Др-р-ряни. В груди?

Память подсказывает, что Крис уезжал на неделю. Сразу, как только ты пришел в себя после той страшной потери крови. Он вернулся грустный, но решительный. И с седой прядью на виске. Но он ничего тебе не рассказал, просто был рядом всё это время.

Впрочем, следом перед глазами появляются и яркие картинки со дня свадьбы Маши и Хидео: беспощадные слова Линды, сбитое дыхание Криса…

— Я протянул тебе руку, когда ещё ничего о ней не знал, — говорит Кристиан твердо, заглядывая другу в глаза. — Просто помни об этом…

Боль сжалась до маленькой точки и замерла. Обратный отсчёт таймера внутри. Пять. Четыре. Медный привкус крови из дёсен. Три. Два.

— Я люблю тебя, Овер, — выдохнул Охотник.

Всё, больше нет сил держать себя в руках. Но уже и не страшно. Можно кричать во весь голос — в этой глуши разве что ели качнут верхушками да сорвётся со скалы чайка. Можно зарыться с головой в снег — на долю мгновения остудить этот жар. Можно стать беспомощным и раненым зверем метаться в руках Овера. Он выдержит, а, значит, выдержу и я. Назло медицинским картам, назло Олесе, назло тебе, зараза. Потому что даже если б не было тебя, Овер всё равно остался бы рядом.

Только меньше было бы этой полынной горечи во рту…

Февраль 2071

Президент Восточно-Европейского сектора рассеянно листал в воздухе полупрозрачные страницы настольного календаря, небрежными движениями руки прокручивая проекции одну за другой. Если немного согнуть палец, под обозначением даты вылетало золочёное окошко короткой исторической справки о праздниках далёкого и не очень прошлого. Февраль едва начался, но, задумавшись, Президент забыл затормозить прокрутку и улетел к самому концу месяца, где был обозначен «День воинской славы, бывш. День защитника отечества».

Хм, так и до гаданий дойти недолго. А что ещё остаётся, когда в стране импорт снова превышает экспорт, в освоении Солнечной системы мы настолько отстаём, что русский язык уже давно не считается официальным языком космоса, а в умах граждан полный разброд, так что о высоком национальном духе и говорить не приходится…

Следовало бы думать о новой стратегии, назначить внеочередное совещание членов Правительства, но мысли Президента помимо желания соскользнули с общего на частное, с настоящего в прошлое, в те дни, когда воспитатель в детском саду выстраивал свою группу по росту. Маленький будущий Президент вытягивался на мысках, как мог, учился гордо вскидывать голову, и однажды настал тот торжественный день, когда в строю слева от него оказалась пустота, а лица ребят по команде воспитателя обратились к нему. Но мало оказалось получить звание Первого. Неограниченные права предполагали и наличие многочисленных обязанностей по сохранению статуса, а главной заповедью отныне было: «не позволяй никому оказаться на шаг впереди тебя и прикрывай тылы». А какое тут, если Тот, другой, всё время идёт параллельным курсом, вполоборота глядя на него, Президента крупнейшей европейской державы, с лёгкой усмешкой откровенного превосходства, словно снимая у него с языка ещё не сформулированные приказы, так, что если утром главе Восточно-Европейского сектора приходила новая мысль по спасению завязшей в кризисе родины, то к вечеру она уже получала противодействие там, за океаном. Паранойя Президента зашкаливала, и он убрал из своего окружения всех мало-мальски ненадёжных людей, но факт оставался фактом, и если уж он собрался гадать на календаре, то можно на секунду и поверить в то, что его, Президента, мозг каким-то неведомым образом стал открытой книгой для этого наглеца, который мало того, что ворует чужие идеи, так ещё и мешает их автору воплотить

задуманное.

А, чтоб тебя там разорвало…

Слегка нагнувшись, Президент нащупал под столом небольшой рычаг, открывающий потайную нишу в стене. Резкое движение — и тонкий перочинный нож летит в стену, попадая точно в горло улыбающемуся темнокожему человеку, чьё изображение висит в нише. Портрет Президента Североамериканского альянса истыкан так, что глаз уже не разобрать, но рваная улыбка по-прежнему белозуба.

Чтоб тебе пусто было, яйцеголовый индюк…

Ладно, не время поддаваться эмоциям. Президент вытер со лба крупные капли пота, тяжело отдышался. Календарь по-прежнему мягко светился в воздухе над столом, словно ожидая, когда же его владелец вновь сможет связно мыслить и воспримет послание на языке переносных значений, единственно доступном простой бессловесной программе.

Свет мой — календарь, скажи…

«…и великий князь сплотил вокруг себя народ, возвеличив одного бога вместо многих, одну столицу вместо ста городов, и послал он быстрых, как мысль, гонцов, чтобы они донесли новый порядок до…»

Быстрых, как мысль, значит.

Вначале было не Слово, ибо мысль изречённая есть ложь. Перед Ударом у недостаточно опытных бойцов всегда следует Взгляд, выдающий его направление и цель.

А значит, чтобы вновь подняться над соперниками, нужно научиться перехватывать их намерения ещё до того, как они станут действием. И самому уметь защищаться от собственного оружия.

— Министру внутренних дел, министру внешней политики, главе Департамента безопасности. К концу недели подготовить доклад о ресурсах, которыми мы располагаем для того, чтобы…

* * *

Третий день февраля. После ночного приступа Алекс чувствовал себя разбитым, но смотреть, как Овер перегибается в окно и пытается ртом поймать снежинки, было тяжело. Значит, решено. Пересилить слабость, натянуть куртку и замотать шею шарфом. Давай, Овер, одевайся. Я же вижу, что тебе невмоготу быть в четырех стенах.

Привычный маршрут. Понтонный мост, главная улица Сортавалы, кирха. Поворот направо, протянуть друг другу руки,

чтобы перебраться через раздолбанный старинный переезд через одноколейку. А дальше… Городской парк. И снова перед глазами Охотника темнеет, потому что весь обзор загораживает самая высокая точка Сортавалы — гора Кухоярви. И нет, сдаваться нельзя. Это не так уж сложно — подняться на вершину ради Сероглазой птицы. Птица должна летать, а гора — самое то. Не транскод, конечно, но всё же замена.

Долгий пологий подъём. Уже на середине тропинка ускользала от взгляда, и приходилось идти наугад, выбирая не слишком скользкие камни… Но неизменно, в самых сложных местах один подхватывал другого, как бы самому не было тяжело в этот момент.

Алекс набрал в грудь побольше воздуха. Вершина. Не до захватывающего вида на Ладогу, но ничего. Здесь есть место, к которому тянет уже столько лет. И можно наплевать на простуду и боль, на бисер февральского дождя и упасть под единственным на вершине можжевельником… Закрыть глаза, стать частью камня. Просто ждать, пока Овер, налюбовавшись видом с обрыва, подойдет поближе и прикоснётся ладонью к горячему лбу.

Глубокий вдох — настолько, что перехватывает дыхание, и лёгкие полны этим влажным февральским ветром, ветром нежданной свободы, которую ты подарил мне, Алекс, моя светлая звезда на излёте. И я буду с тобой до самого конца… И даже после.

Разворот единым движением, и широкая панорама в оттенках серого накладывается на бледное родное лицо. Стремительный шаг вперёд, падение на колени в подмокший снег… Но нет, ложная тревога, и твоя улыбка, Охотник — лучший залог моего ровного пульса.

Лететь, так вместе.

Откинуться на спину, и чёрт с ней, с курткой, пусть промокнет. Я не почувствую этого, потому что твои горячие руки — в моих руках, а твои глаза — это моё небо, без которого мне не летать…

Спасибо, что ты есть, Алекс. Что ты рядом.

Спасибо.

* * *

За двадцать лет, проведённых в прохладном климате Восточно-Европейского сектора, Шанкар, к своему удивлению, искренне полюбил такую вот погоду — ноль градусов и крупные, мягкие хлопья снега, в которых тонут звуки шумного города и

суетные мысли, а воздух полнится то отголосками рождественских чудес, то дыханием близкой весны.

Светлая безмятежность утра была, однако, безвозвратно разрушена коротким, нервным сообщением от Рафаэля:

> 4-FEB-2071
> from: Santi
> to: DelhiOracle
> Шанкар, до конца недели ты за меня
> завтра контрольное тестирование
> в пятницу совещание
> я на связи

Шестое чувство подсказало Шанкару, что звонить или тем более использовать видеосвязь сейчас не стоит, поэтому индус ограничился коротким: «Понял. Всё сделаю. Если нужна помощь, скажи».

Однако ж, когда Рафаэль не явился в офис и в следующий понедельник, Шанкар взял с собой Эйрика и Стейнара, и просто-напросто приехал в квартиру начальника.

Поначалу Рафаэль не хотел открывать, но Эйрик, решив, что полчаса бесполезных уговоров — это уже слишком, пригрозил высадить дверь, и добавил, что плевать он хотел на последствия.

Замок тихо щёлкнул, и в узком проёме показалась растрёпанная голова Рафаэля. Он был одет в драный спортивный костюм и бледен, как всадник апокалипсиса.

— Убедились, что я жив? Валите с миром, — выдал Санти.

— Хрена с два, — моментально ответил Стейнар, просунув мысок тяжёлого сапога в образовавшуюся щель. Вырвать дверь из ослабевших рук Рафаэля норвежцам не составило особого труда.

— Рассказывай, прошу тебя, — оглядев комнатный бардак, живописно разбавленный пустыми бутылками из-под спиртного немалой крепости, Шанкар перешёл прямо к делу. Школа Криса, что уж там…

— Нико-оль!.. — вместо ответа позвал Рафаэль свою жену.

Мёртвая тишина ответила ему. Никто не напевал на кухне, не шёл на зов, пританцовывая и солнечно улыбаясь.

— Нет больше Николь, — с безумной улыбкой констатировал Рафаэль, обессиленно прислонившись к дверному косяку. — Ушла навек… И виноват в этом только один чёртов идиот…

— Умерла? — ахнул Шанкар.

— Изменила? — предположил Стейнар. — Кто он?

Горький, гомерический смех был им ответом.

— Я этот идиот, — через силу выдавил Санти. — Один только я…

* * *

Э-э… Как там было у Шекспира? «Прогнило что-то в нашем королевстве»?

Не думал глава Департамента безопасности Восточно-Европейского сектора, что когда-нибудь ему, убеждённому материалисту, высокому начальнику с докторской степенью по физике, будет предложено заняться той темой, которую он полагал антинаучной ересью, и с теми людьми, над которыми он насмехался тем беспощадней, чем сильнее они верили в сверхъестественное.

И, наверное, у главы государства окончательно поехала крыша, если он даёт своему ближайшему соратнику, который прошёл с ним огонь и воду, такое нелепое, странное задание, как найти и по возможности завербовать всех, кто занимался бы научными исследованиями паранормальных способностей. В частности, телепатии.

Впрочем, глава Департамента смутно догадывался, в какие омуты можно забросить удочку. Полуразвалившиеся НИИ, которые задыхаются без государственного финансирования и потому вынужденные заниматься на свой страх и риск абсолютно любой, даже полулегальной деятельностью, зачастую создавая достойную негласную альтернативу официальной платной медицине.

Решено. Для начала нужно запросить кое-какую информацию в Департаменте здравоохранения, а уж в деле принуждения к сотрудничеству тех, кто окажется ему нужен, глава Департамента безопасности был настоящим виртуозом. Хотелось бы только знать, к чему готовиться и чего ещё ожидать от первого лица государства, в голове которого явно что-то расклеилось. Очередная смена курса? Непопулярные решения? Постановка заведомо невыполнимых задач? Если уж Президент так любит свой исторический календарь, не копался бы он в этой археологической пыли, вспомнил бы дела не столь давно минувших дней, которым он и сам был свидетелем. Тех июльских дней, когда по всему сектору прокатилась волна беспорядков, спровоцированных утечкой секретных данных об арабской спецоперации «Священный огонь», и в итоге закончилась государственным переворотом…

Глава Департамента Безопасности не считал себя асом политических игр, но одно он знал наверняка: история имеет свойство повторяться. Особенно в том случае, если ученики забывают её уроки.

Что-то будет, а?.. Ох, хоть сам телепатом становись…

* * *

Нотариус, безразличный ко всему мужик в массивных очках, молча перекладывал бумажки на столе. Алекс спинным мозгом чувствовал его редкие взгляды, пристальные до дыр в теле.

Редко, очень редко ему приходилось писать официальные бумаги. Пересчитать по пальцам. И то, что эти двое — нотариус и Олеся на диванчике за спиной — нетерпеливо ждут каждого его рукописного слова, не приводило в восторг. И, по крайней мере, один из них задается вопросом: если он так болен, то почему не написал эту бумагу раньше? Не знаю. Думал, обойдется.

Форма официального бланка завещания маячила перед глазами. «Я, такой-то такой-то, находясь в здравом уме и твёрдой памяти…» Ха. Ну, конечно, в здравом уме. Наглотался с утра таблеток, отбился от Криса, вызвал аэротакси прямо к домику у Ладоги… Очень сомневаюсь, что Олеся поставила нотариуса в известность о моей заразе и приступах, во время которых отсутствие твёрдой памяти гарантировано. А, впрочем, может, и сказала ему. Да ещё и сверху накинула за индивидуальный подход.

— Внизу ваша подпись с расшифровкой и дата, — голос нотариуса тёк жидким гелием.

Алекс, усилием воли заставляя руку не дрожать, вывел на завещании: «Александр Рыков. 23.02.2071». Точка невозврата. Кто знает, сколько я ещё проживу. Сколько раз ещё сможет Крис вытащить меня с того света. Сколько дней и ночей я проведу в доме у Ладоги… Моём доме, чёрт побери. Даже с учётом того, что купил его Крис и оформлен он на него.

Алекс закрыл глаза, чтоб не обжечь взглядом человека за конторкой напротив. Он ведь не виноват, что я так ненавижу эти бумажные формальности. Да, я гол и нищ. Квартира моя, оставшаяся от родителей, фактически уже у Олеси. Дом у Ладоги — Криса, и слава богам сети, что хоть на это Олеся позариться не может. Ей-богу, нормальная жена подала бы на развод и дело с концом, а тут…

— До вашей смерти вы сможете изменить текст, — сообщил нотариус, и встревоженно спросил. — С вами всё в порядке?

«Значит, не знает», — подумал Алекс мельком. Боишься, Олеся, что эту бумажку могут признать недействительной?..

Он распахнул глаза. Он знал, что сейчас в его взгляде набирает силу цунами, внезапный девятый вал. Напряжение… Тёмная волна, которая рвётся из глубины зрачков, и только кольцо светлой радужки, едва заметное, пытается сдержать эту боль, чтоб она не вырвалась наружу и не разнесла всё и всех. Он

видел это однажды в зеркале там, на Севере. Крис как раз уехал в тот день куда-то по делам, оставив аптечку на столике под трюмо.

Нотариус вздрогнул, как от удара. Алекс рывком поднялся, кивнул испуганно вздернутым бровям над линзами очков и пошёл к двери. Мягкая хищная походка всегда удавалась ему машинально, но сейчас он контролировал каждую мышцу. Оставалось дело за малым — отыграть ещё немного роли любящего мужа и сбежать в какую-нибудь подворотню, переждать, перетерпеть. И назад, на Ладогу, к Крису.

Они вышли на улицу. Пронизывающий ветер московского февраля и снег в лицо мгновенно привели Охотника в чувство. Это было лучше всяких таблеток. Схлынул жар, и лишь в плече осталась ломота.

Олеся, чинно державшаяся за локоть мужа, резко развернула Алекса к себе. Едва поджившие вены на руке отозвались болью. Ну что тебе ещё, хорошая моя? Я тысячи раз слышал все твои упрёки, я знаю их наизусть. Да, ты ангел во плоти, который всегда прав, который холит меня и лелеет, а я всего лишь неблагодарная свинья, витающая в облаках и воспринимающая всё в штыки. Я даже спорить не буду. Я такой, какой есть. Да, это прикрытие и отговорка, но у меня нет и не было стимула меняться ради тебя.

Глаза напротив полыхали огнём джихада.

— Почему у нас не сложилось? — спросила Олеся. В тихом голосе жены звякнул металл. — Из-за Вебера, да?

Алекс очень хотел бы посмотреть на эту женщину сверху вниз, из-под приспущенных ресниц. Небрежно, чтоб это смогло заменить слова. Но нет, не вышел ростом. Веберу он так вообще чуть выше плеча. А на Олесе — высоченные шпильки. Глаза в глаза. Пусть так. Ответ «да» был бы истиной, но сейчас нужна всего лишь правда.

— Насколько я помню, ты сама от меня съехала на съёмную квартиру, — осторожно сказал Алекс, привычно отключаясь на немедленно прорвавшемся потоке заезженных фраз.

Ты изоврался, Охотник. Ты всю жизнь кому-нибудь о чём-нибудь лгал. Другие, наверно, тоже так делают, но в твоих мозгах стоит бракованный детектор ошибок, который помнит каждую твою ложь за сорок с лишним лет жизни. Так будь же честен хотя бы с собой, сволочь. Ты же знаешь, почему не сложилось. Ты сам виноват в этом.

Каждый поцелуй жены ты сравнивал с тем, что подарил тебе Овер семнадцать лет назад. И сравнение было не в её пользу.

За каждой её лаской ты видел тонкие пальцы сероглазого

короля, которые ещё не касались тогда твоей кожи.

И когда она засыпала рядом с тобой, довольная и счастливая, ты мысленно бил себя кнутом за эту двойную игру.

А игра ведь и вправду была двойной, признайся. Вечера ты тратил на переписку или видеосвязь с Овером, а потом, выжженный дотла киловольтами глаз за плёнкой экрана, распалённый их такой обманчивой доступностью, ты приходил к жене… И выдавал ей свой огонь. Нет, не весь, ибо весь выдержать никто бы не смог. И вот так срывался по-настоящему ты очень редко, если честно… Но даже в эти моменты ты умудрялся оттормаживать речевой центр, чтоб не назвать стонущую под тобой женщину именем сероглазого хакера.

Но это причина, Охотник. Это даже Олеся может понять сейчас.

Однако только ты знаешь, что взвело курок и выстрелило сегодня.

Ту ночь Алекс помнил до сих пор. Даже в эту минуту, когда надо всего лишь заставить память заткнуться и спокойно попрощаться с женой навсегда, под его веками всплывают подробности сцены в спальне родной квартиры.

Тебе плохо. Грудь ноет уже третий день подряд. Что-то ещё на работе… То ли модуль не работал, то ли эксперимент завалили. Не важно. Раздеваешься в темноте и ложишься в постель. Привычка — спать голышом. С детства. Не чета Олесе — в полном обмундировании, как на парад.

Весь вечер она к тебе то ластилась, то вспоминала, что близости не было уже недели три, не меньше. И, конечно, по его вине. Надежда, что засидевшись допоздна за ноутом, ты застанешь жену уже спящей, оказалась тщетной.

Поцелуй. Она прижимается к твоей груди. Заразе это ой как не нравится.

Ладно, вообразить Овера… Может, станет легче. Но на поцелуй ты почти не отвечаешь.

— Ты меня не хочешь? — тогда она спросила шёпотом, а сейчас в голове это у тебя гремит набатом.

Надо было тогда сказать «нет». Но ты и сам знаешь, Охотник, что катана в руках не более чем игрушка, если нет силы воли нанести удар.

— Прости, я устал, — почти правда. То есть, правда, конечно, но не вся.

Но Олеся не сдаётся. В конце концов, ей ведь хочется, не так ли? Можно взять инициативу в свои ласковые и нежные руки.

Ласки не приносят удовольствия. Её волосы щекочут тебе грудь, но тело действует на верхнем уровне. Это просто инстинкт.

Просто Олеся знает, как получить желаемое — где тронуть, как прижаться, куда поцеловать. А ты лежишь, словно чурка, смотришь на неё снизу. Тело улетает вслед за женой, испустившей животный стон, но во рту горечь.

Был бы ты слабее, были б слёзы. Тобой просто воспользовались. Тебя поимели. Тебя спросили, хочешь ли ты, но забыли услышать ответ. И на утро мило улыбнулись, благодаря за замечательную ночь…

Алекс, стоя на февральском ветру, вздрогнул всем телом. Такое не прощают, Олеся. И я нарочно уже потом доставал тебя, чтоб разойтись с миром. Ты не ушла. Молодец, не упустила выгоды, приняв половинчатое решение просто разъехаться.

Но теперь я свободен. Нищ, гол, но стал ветром.

— Прощай, Олеся, — отчеканил Алекс, прервав словесный поток жены. — И не приезжай больше в Сортавалу.

А теперь только идти. Нырнуть в белую метель, затеряться среди снега, на ходу подключиться к сети, вызвать аэротакси.

На Ладогу. К Оверу. И больше не тратить впустую ни одной минуты, когда ты уже догнал мечту.

Март 2071

За последний год экономика Восточно-Европейского сектора пошла на спад, и не так уж важно, что было тому причиной — затянувшееся противостояние с Североамериканским альянсом, участие в безумно дорогой и феерически провальной экспедиции к Юпитеру или неграмотно рассчитанный бюджет, но в тот дождливый день, когда весна прогнала зиму, но решила изобразить из себя осень, а на широкий стол Рафаэля вместе с текстом государственного приказа о всеобщей оптимизации легли бухгалтерские отчёты о расходах компании «Div-in-E», Санти с плохо скрываемым волнением понял, что впервые за эти полгода ему придётся действовать по-настоящему жёстко.

Чтобы вновь взлететь, нужно будет отбросить всё лишнее, второстепенное, не приносящее ни денег, ни пользы, не интересное никому, кроме кучки учёных, от которых неизвестно когда ждать практического результата и которых Рафаэль до сих пор не разогнал только из-за призрачного чувства признательности перед Кристианом, боготворившим всяческие научные изыскания. Но, кажется, дальше тянуть на себе этих нахлебников для компании будет слишком накладно. Если ты хочешь, чтобы гордое имя «Div-in-E» не растеряло своего веса, ты сможешь понять меня, Кристиан. Более того, ты меня ещё и благодарить будешь.

В ожидании финансового директора, маркетолога и начальника отдела кадров Рафаэль поставил в фон несколько песен, присланных Линдой, и начал машинально пролистывать страницу внутреннего форума компании — список отделов, краткая информация о сотрудниках и текущих проектах. Фотографии, фотографии… Импульсы новых идей в глазах программистов. Светлые улыбки девушек из техподдержки. Отдел продаж — сама убедительность… Простите, ребята. Кто-то из вас не даёт требуемой мощности на выход, и мне ничего не остаётся, кроме как найти элемент системы, работающий вполсилы, и заменить его новым, а то и избавиться от целого модуля. Ничего личного, сами понимаете, но если дерево не сбросит старую листву, оно не сможет вновь расцвести и принести плоды, и чувствам здесь не место.

Чувствам… Рафаэль подавил саркастическую усмешку. Кто бы говорил, Санти. Уж не ты ли юным, горячим парнем утверждал, что первый душевный порыв — самый верный, а всё последующее — лишь рассудочная правда, призванная отшлифовать истину до приемлемой формы? И, если уж добивать

до конца, то всё это время рядом с тобой была та, которая верила в магию чувств ещё сильнее, чем ты сам.

И, чтобы после её ухода тебя просто-напросто не разорвало, как паровой котёл, от переизбытка запоздалых, хаотических нервных импульсов, что зовутся эмоциями, тебе придётся нырнуть под лёд и оставаться в холодной реке до тех пор, пока твои мысли не станут кристально прозрачными, как замёрзшая вода, и идеально гармоничными, как острые грани первых снежинок.

Начальник отдела кадров, стройная блондинка с выразительными глазами, привычно выбила лёгкую дробь по двери начальника и, почти не притормаживая, влетела внутрь. Первое, что она увидела — Рафаэль, который сидел за столом, уронив голову на руки, слушая песню с дебютного альбома Марии:

— За каймою прибоя теряется след.
Почему перед ним ты в сомнениях замер?..

Рафаэль медленно поднял голову и окинул кабинет тяжёлым взглядом, словно впервые заметив постороннего человека. Вот она, твоя главная ошибка как руководителя. Чрезмерная открытость, пусковой сигнал для остальных: можно вконец забыть слово «обязанность» и «начальник», ибо на работе у нас что ни день, то фиеста…

— Приучитесь ждать разрешения войти, — ледяной тон начальника заставил лучшего эйчара компании застыть на месте, удивлённо распахнув и без того широкие глаза. — Мне кажется, что мой кабинет — не проходная комната. А теперь зайдите ещё раз, как положено.

Опешив, девушка вышла за дверь, плотно закрыла её и трижды постучала, едва сдерживая слёзы от того, что прямо сейчас её обожаемый начальник куда-то подевал свою приветливую теплоту, заставляя её чувствовать себя никчёмной первоклашкой перед строгим учителем.

— Войдите.

Рафаэль привстал из-за стола, единым движением руки сворачивая трёхмерное окошко музыкального проигрывателя, но чуткий слух сотрудницы успел уловить окончание песни:

— Прожитый хлам отработанных лет
Снова должен быть выброшен за борт…[1]

В кабинете повисло напряжённое молчание. Кожа на руках девушки покрылась мурашками — не то от работающего кондиционера, не то от внезапного, непостижимого осознания того, о чём в ближайшее время пойдёт речь в этом кабинете, начисто лишённом прежнего искристого тепла. И, кажется, что её ответы станут той тетивой, натянув которую, Рафаэль выпустит заготовленные стрелы точно в цель, раз и навсегда избавляясь от тех, кто стал ему не нужен.

* * *

Календарь на столе у Президента Восточно-Европейского сектора расцветал голландскими тюльпанами, и лепестки виртуальных цветов беззвучно опадали на стол, рассыпаясь цветными дрожащими искрами по гладкой поверхности папки с грифом «Совершенно секретно».

Первый этап проекта был завершён. Пролистав увесистый отчёт, на титульном листе которого красовались подписи всех причастных, Президент устало откинулся на спинку кожаного кресла, привычно скрипнувшего под его весом. До чёртиков хотелось курить, да врач запретил, к тому же, не мешало создать хотя бы видимость соблюдения поста, дабы быть достойным примером для подчинённых и сограждан.

Положение обязывает, чтоб его.

А ведь твой заокеанский коллега совсем не курит, мелькнула мысль где-то на периферии сознания. Непереносимость табачного дыма, кажется. Этот темнокожий фраер и свой кабинет министров подбирал с учётом того, чтоб они там ни-ни…

С усилием прогнав от себя тягостное чувство, что он — второй номер в этом заоблачном списке имён с мировым значением, Президент раскрыл отчёт на случайной странице.

> «…могла бы стать биоэлектронная телепатическая связь, попытки создания которой предприняты в числе прочих лабораторией Лисовского Г. А. Однако, мощностей отдела Информационных технологий недостаточно для разработки протокола передачи данных… Стратегически верным решением представляется выделение научного гранта на открытой основе с последующей передачей прав сторонней организации, в роли которой может выступить Институт…»

Усмехнувшись, Президент кивнул своим мыслям, вспомнив

неписаное правило далёких детских игр: если хочешь что-то скрыть, выстави это на всеобщее обозрение. Так тому и быть.

На календаре набух и с тихим шелестом раскрылся очередной бутон.

Придётся подождать до очередного «ТехноКона», лучшей площадки, на которой можно будет во всеуслышание объявить о новом конкурсе, а уж потом голодные, гениальные разработчики слетятся, как мухи на мёд, чтобы штурмовать строгую комиссию, ни один из увенчанных лаврами академиков которой не будет иметь ни малейшего понятия о том, для чего на самом деле будут использованы результаты исследований, если они появятся… А появиться они просто обязаны.

Иначе можно прямо сейчас подать в отставку и заняться разведением аквариумных рыбок, навсегда признав стратегическое и тактическое превосходство своего ненавистного коллеги.

* * *

«Только никому ни слова про папу. Какой позор… Он уехал работать в другой город, ясно?»

Лин пожал плечами. Ну, допустим, с «уехал работать» ты попала в точку, мама, ведь настоящему айтишнику для счастья нужно очень мало — место, куда можно припарковать своё бренное тело, да годный выход в Сеть. А вот насчёт позора…

— Мам, что именно ты считаешь позором?

Линда аж подскочила на месте. Ну как можно не понимать столь очевидных вещей?

— Когда, прости господи, один мужчина уходит к другому. Или ты считаешь это допустимым?!

Лин замялся. Нет, не от того, что затруднился бы с ответом. Даже если оставить за бортом пресловутые «постельные отношения», на которых у многих взрослых свет клином сошёлся, парень искренне считал, что когда близкий друг в беде, когда он нуждается в поддержке, а твой отец — единственный, кто способен дать ему эту поддержку, то худшее, что можно сделать — это доконать папу выбором: «Или мы, или Алекс». Но как тебе сказать это, мама?..

— Ну, мам, папа же не ушёл от нас, — осторожно напомнил Лин. — Он же сказал на свадьбе Маши, что всегда с на…

— Да на какого чёрта он мне нужен такой?! — вырвалось у Линды, и в следующую секунду она испуганно зажала себе рот ладошкой, словно пытаясь из последних сил удержать в себе

горький поток полуночной обиды, но было уже поздно.

— Тебе одной, значит? — вспыхнул Лин. — А я тут так, прохожий… Только на лю-юдях, — Лин издевательски протянул ненавистное слово, — ты вспоминаешь, что я вроде как твой сын. Ой, а где же его папа? Ой, а ведь лю-юди подумают, что я брошенка, нельзя такого допус…

Заканчивал фразу Лин уже на полном ходу, летя в коляске по сумрачному коридору в свою комнату. Не поймаешь, мама, я всё равно быстрее, хоть и «неполноценный», как ты выразилась однажды в телефонном разговоре с какой-то своей клиенткой.

И вот прямо сейчас я назло тебе, назло всему миру возьму да и расскажу истину своему самому родному человеку — после папы, Машки и дяди Саши, конечно.

На миг Лин заколебался, вспомнив, как папа шёл в ванную и молча окатывал голову холодной водой, если по работе что-нибудь не клеилось или мама умудрялась особенно сильно его довести. Возвращался потом пугающе-отрешённый и не обращал уже внимания ни на что, словно создавал вокруг себя невидимую си-сферу на время, которое ему было нужно для завершения дела. «Не всем хорошо удаются действия-до-мысли, Лин».

Но сейчас, пожалуй, самое время попробовать.

Пара щелчков пальцами — и умная система вывела на экран аккаунт Киры, инициируя видеозвонок. Спустя пару секунд на мониторе возникло её чуть заспанное лицо.

— О, Лин, здорово, — улыбнулась девочка.

— Разбудил? — встревожился Лин.

— Неа, — Кира улыбнулась ещё шире. — Рассказывай, чего там у тебя?

Лин набрал воздуха в грудь, зажмурился и единым махом выпалил:

— Ты вот как считаешь: если человек живёт где-нибудь со своим другом, о котором он заботится, но при этом он продолжает любить и свою семью, то он кто? И чего он заслуживает?

Кира присвистнула, и свист эхом отразился от высокого потолка в комнате Лина.

— Он тот ещё канатоходец, ёлки-палки, — ответила, наконец, девочка. — И в спину его толкать уж полюбас нельзя: всё посыпется. Лин, я тащусь с твоих логических задачек по кибернетике, но сейчас-то мы не в школе. Говори как есть.

Лин отвернулся от экрана, крутанувшись в коляске, поднял с пола квадрокоптер и запустил прямо посреди комнаты. Новый девайс гарантированно отвлечёт Киру. Не показывать же ей свои слёзы, пусть они и от радости.

— Спасибо, Кира, — наконец выдавил из себя мальчик. — А теперь пошли гулять. Я зайду за тобой через полчаса, устроим этой штуке тест-драйв во дворе.

Апрель 2071

Линия жизни на правой ладони Линды расходилась надвое так же, как у Кристиана на обеих, и юной девушкой она считала это знаком их фантастического совпадения. Увы. События последнего года показали истинный смысл этой отметки на руке.

Что она сделала не так, если сейчас близкие люди один за другим покидают уютное гнездо, созданное богиней с огромной любовью и тщанием? Чего им не хватает?

Темноглазый Хидео, похитивший Марию, оставался для Линды настолько непостижимым, что помимо желания она в очередной раз переключилась на привычное сравнение себя с Кирой. Память коварно подбросила затёртые до дыр джинсы, полное отсутствие косметики, тяжёлую музыку в наушниках, котёнка за пазухой, которого Кира и Лин не постеснялись притащить с улицы в квартиру, ранним утром отдраенную Линдой почти до полной стерильности.

Но дело было в другом. С приходом Киры изменился сам Лин. Он стал упрям, скрытен, болезненно реагировал на любое замечание матери, а чаще просто замыкался в себе и молчал, опаляя её огнём своих серых глаз… Совсем как, бывало, делал его отец, поймав залётный ветер неизведанных путей, когда понимал, что дорога ждёт лёгкого касания его ног, а Линда не хочет идти следом.

У Лина появился человек, ради которого он просыпался утром.

И того, что этим человеком стала уже не родная мать, Линда не могла простить Кире.

Сравнения шли по нарастающей. Дальше следовал Алекс.

Полная противоположность Линды, за исключением пары случайных совпадений, от наличия которых было ещё больнее. В самом начале, на грани отчаяния, Линда изводила себя мыслью, вернулся бы к ней Крис, если бы у неё, допустим, тоже обнаружили рак. Она перечитала от корки до корки историю болезни Алекса, которую притащила ей Олеся, ещё одна жертва этой чёртовой Ладоги. В безумной надежде найти что-нибудь подобное Линда прошла кучу обследований, но её коллега откомментировал результат одной фразой: «Многим молодым бы твои показатели!»

А может быть, гори оно всё огнём? Что, если шагнуть чуть в сторону, а лучше — упасть наземь, сменив точку обзора? Можно быть пассивной жертвой и мучиться от боли, глядя в спины тех, ради кого положил половину жизни, а они уходят, не

обернувшись. А можно, наконец, сбросить с себя провонявшую потом сбрую с надписью «Должна» и «Надо», гордо поднять голову и взглянуть по сторонам, на втором дыхании упиваясь позабытым ароматом свободы.

И, то ли непостижимым образом жизнь сама синхронизировала две одиноких волны, конвертируя их в общую волну горького взаимопонимания, а затем взаимного интереса, но к концу апреля отправителем доброй половины входящих сообщений в телефоне Линды стал значиться не Крис Вебер, а Рафаэль Гарсиа Дуарте.

По осени тополь перед окнами квартиры Рафаэля нещадно обрезали, оставляя короткий обрубок, но каждую весну несчастное дерево неизменно находило в себе силы выстрелить острыми лучами молодых побегов в лазоревую синь весенних небес, торжествующе разворачивая свежие клейкие листья. Жизнь продолжалась, и солнечным апрельским утром Рафаэль решился.

— Не оставляй меня больше, Линда.

Фразу «выходи за меня» Рафаэль не мог себе позволить, ибо эти святые слова остались навек предназначенными для Николь — той единственной, которая в начале года покинула его, оставив один на один с горькой правдой и запоздалым чувством вины. Но разжечь новый огонь, чтобы согреть озябшие руки брошенной богини, Санти был ещё в состоянии.

Где-то далеко, за горизонтом мегаполиса, от взлётной полосы оторвался трансатлантический лайнер и серебристой стрелой ушёл в небеса. В тот момент, когда самолёт прочертил в небе тонкую белую дорожку, фоном пересекающую тонкие ветви тополя, Линда тихо откликнулась:

— Не оставлю, Рафаэль.

Отлично. Одинокая аргентинская рыбка попалась на крючок. Линда благожелательно кивнула Рафаэлю и отвернулась к широкому окну, пряча за идеально выверенной улыбкой лик торжествующей богини, которой принесли долгожданные дары. Ты ещё не раз пожалеешь, что отказался от меня, Крис.

* * *

Настроение у вице-президента Еврокосмоса было испорчено с самого утра. Голос руководителя проекта «Аэлита» откровенно дрожал, когда тот осмелился сообщить, что долгожданные испытания новых фотонных двигателей вновь откладываются, на этот раз из-за явления представителей летучего отряда

Православных активистов, которые ворвались в лабораторию, неся на устах слово Божие, а в руках — вёдра со святой водой, которой они и не замедлили щедро окропить всю электронику, дабы та работала исправно и богоугодно во веки веков.

Вице-президент едва сумел подавить утробное рычание в горле. Рычание предназначалось, конечно же, не докладчику, а церковникам, но высказываться на эту тему вслух было весьма рискованно, хотя оба собеседника, каждый из которых был по-своему влюблён в космос, поняли бы друг друга и без слов.

Правда, помимо вышеописанного повода была ещё и истинная причина, благодаря которой кипучая деятельность по созданию межпланетного корабля медленно, но верно начала сходить на нет, несмотря на более чем щедрое финансирование со стороны государства. Лучшие умы Восточно-Европейского сектора уже давно стали гражданами других стран, и влекло их туда отнюдь не одно только желание зарабатывать. Призрачный дух свободы, комната в двадцать квадратных метров вместо комнаты в десять — и человек преображался, ибо теперь ему было где раскрыть свои крылья. Нам всем нужна комната с диагональю в размах крыльев и окно с видом на рассвет… Так, по крайней мере, выражался в беседе с вице-президентом Еврокосмоса его сосед по даче, кандидат философских наук в вечном латентном запое.

Как бы там не было, в «Аэлите» начался застой, и нужен был ветер извне, нужна была свежая кровь, чтобы вернуть угасающий проект к жизни.

* * *

В последний день апреля матушка-природа решила, что её миссия по превращению берегов Ладоги в непролазную топь выполнена успешно. Дождь разной степени лёгкости, ливший почти без передышек две недели, ушёл на запад, а клонящееся к закату солнце позолотило голые верхушки деревьев и неспокойное озеро.

Алекс стоял на крыльце, прикрыв глаза и прислонясь спиной к балясине. Внутри тоскливо подвывала зараза, пребывая в полной нерешительности, — то ли пойти в атаку, то ли заныкаться поглубже. За распахнутой настежь входной дверью Крис разговаривал по телефону. Судя по спокойным интонациям и отсутствию надрыва — с Шанкаром и на вполне мирные темы. В добрый час, Овер. Тебе легко, значит, и мне не так уж плохо.

Но одно не давало Охотнику покоя. И имя этому было

«Линда».

Она появлялась на грани сознания всегда внезапно, то ангелом, готовым пожертвовать собой ради Криса на заброшенном вокзале двадцать лет назад, то злобной фурией, в лицо говорящей смертельно справедливые оскорбления. Она даже стала его ночным кошмаром наряду с провалами в лестничных пролётах и несущимся флаером с отказавшим двигателем.

Пугало другое…

Охотник тихо хмыкнул. Он отнюдь не ребёнок, ему даже не двадцать с небольшим, чтоб глупо ревновать Криса к той богине, с которой он прожил всю жизнь. Ревность предполагала бы наличие у него прав на Овера, сейчас или тогда… Их не было, нет, и не будет. Он, Охотник, так решил. И пускай сбудется одна из притч царя Соломона про дитя и двух матерей: он не согласится на половину Овера, не даст его разрубить пополам, а просто отойдёт в сторону, если потребуется спасти его и другого способа не будет.

А ведь когда-то Линда была на том же запредельном уровне коннекта с Крисом, что и он сейчас. Охотник вздрогнул. Он хорошо помнил, как эти влюблённые прятались от спецслужб, как он сам пудрил мозги хорошо вооружённым людям в штатском, спасая, чёрт побери, не Криса, а их обоих и хрупкое счастье беглецов.

А теперь жизнь на новом витке спирали. Не важно, кто из них и когда потерял тот слой взаимопонимания. Не важно даже, почему это произошло. Но сейчас у Овера со мной всё так же, как начиналось с Линдой. Мы с ней в чём-то похожи, в чём-то разные. Нас обоих притянули киловольты в серой радужке.

Боги Сети, нет ревности, нет сравнений, нет сожалений, что ты второй на этой глубине! Есть только парализующий страх потерять синхронизацию по какой-нибудь нелепой причине, страх повторить чужие ошибки. И тем болезненней каждое напоминание о втором мире, оставшемся в Москве-2…

За спиной скрипнули половицы. Тонкие руки обняли за плечи. Овер, я знаю, что ты умеешь читать мои мысли. Так вот, что я тебе скажу — я бы не поддался искушению открутить свою жизнь назад, даже если б мне пообещали вечность с тобой или избавление от заразы. Каждый прожитый миг с мыслью о тебе — не пустой звук. Я не откажусь от этого никогда.

— Замёрзнешь, — укоризненно прошептал Алекс, сжимая ладонями ледяные руки сероглазого короля.

— Нет.

Да, дохлый номер уговаривать. Только если поймать и принудительно нацепить куртку и шарф. Ладно, солнце ещё не

село, вроде не холодно. Охотник вдохнул полной грудью апрельский воздух. Пьянящий аромат весенней Ладоги щекотал ноздри.

— Ты хотел меня научить чему-то, — напомнил тихий голос за спиной.

Алекс неуловимым движением вывернулся из объятий и сделал несколько бесшумных шагов по густому мху, заменявшему на этой широте привычную траву. Крис, недоумённо вздернув бровь, подошел ближе.

— Я показывал тебе, Крис, как держать удар, — тихо начал Охотник, стоя с закрытыми глазами. — Это было давно, первым летом, когда ты взял меня в команду «Div-in-E». Уроки с катаной я тебе ещё обещаю. Однако ты ни разу не переходил в атаку. Но сейчас я чувствую, что…

Охотник судорожно выдохнул. Под веками снова Линда, разгневанная тигрица, готовая выцарапать глаза и в клочья разорвать крылья.

— …что одного умения держать удар тебе будет мало. Нужно уметь делать ответный ход. И лучше — тем же оружием, что напали на тебя.

Прерывистое дыхание совсем близко. Ты понял меня, Овер.

Охотник открыл глаза. Крис ожидал увидеть там пламя, но в синей радужке — только безмятежное спокойствие и уверенность в правильности решения.

Снова шаг назад. Ты подходишь слишком близко.

— Ударь меня.

Крис отрицательно мотает головой.

— Пока ты не переступишь через себя, не перейдёшь черту — ничего не получится, — Алекс мягко улыбнулся. — Ну же, Овер. Я знаю все твои аргументы наперёд, и что ударивший раз — ударит ещё… Ерунда. Ты не стал зверем после того, как взял в руки мою катану. Не станешь и сейчас. Да и как я тебя тренировать буду, когда ты сдачи дать не можешь даже мне?

Крис стоял молча. В глазах набирали счёт киловольты. Сожги меня, Овер, но, боги Сети, научись, наконец, не считать себя виноватым во всём! Тебе из-за меня ещё придётся выдержать столько боли, а ведь я не смогу быть с тобой всё время. Я знаю, что хочу падения ангела на грешную землю, что это мне самому надо бы поучиться у тебя быть таким сильным, чтоб не бить по родным людям, но…

— Тебе не нужно будет поднимать на кого-то руку, — голос так глубоко в груди, что вибрация, кажется, передаётся самой Ладоге. — Хватит заряда в глазах. Но против меня это не оружие.

А, ты решился. Глаза выдали место, куда ударишь. Ничего,

это вопрос техники, я отучу от этого потом. Теперь мне остаётся только подавить инстинкт и не уклониться.

Голова мотнулась в сторону. Миг темноты в глазах. Ничего, ничего… Ты ведь ударил вполсилы, я чувствую. Даже синяка не останется, ни на твоих костяшках, ни на моей скуле.

Охотник вдруг рассмеялся, испытывая огромное облегчение.

— Падать легко? — вспыхнули синие глаза. Безмятежное спокойствие мгновенно сгорело в пламени обожания. — Я тебе и симметрию выдам, Крис.

Алекс быстро шагнул вперёд и сжал друга в объятиях. Так немного, оказывается, нужно, чтобы быть счастливым — просто прижаться лбом к груди любимого человека.

— Один вопрос, — голос Криса был почти не слышен из-за сбитого дыхания. Алекс напряг слух. — Где ты вообще научился драться? Ты ж тогда, на вокзале двадцать лет назад, вообще выглядел, как свежевыкопанный зомби… Бледный, затюканный. И катана в руке словно не твоя.

Вот мы и добрались до главного, Охотник. Придётся найти в себе силы признаться, почему ты на протяжении пяти лет тратил всё свободное время на рукопашный бой и уроки владения катаной, уматываясь до такой степени, что подъём в шесть утра на работу вообще казался величайшим подвигом на свете?..

— Я много тренировался, — будь прокляты все соединения, только б не сорвать голос, — потому что хотел защищать тебя…

Терять нечего. Ты в моих объятиях, и этого никто у меня не отнимет.

— И буду защищать, Овер. До самого конца.

* * *

Что ж, отрицательный результат — тоже результат…

Упав в старое продавленное кресло, Лисовский медленно крутанулся вокруг своей оси, отворачиваясь от нестерпимо яркого монитора. Остальная часть кабинета тонула в глубоком сумраке предрассветного часа, и уставшие глаза учёного едва выхватывали тусклый металлический отблеск деталей новой биомагнитной установки для сканирования энергетического поля человека. Ради этой невероятно мощной и точной красавицы стоило продаться в рабство спецслужбам.

Только как теперь представить результаты исследований, половина из которых сорвалась из-за того, что после вживления имплантов, разработанных лично им, Лисовским, пациенты приобретали способность сопротивляться телепатическому

внушению вместо того, чтобы становиться открытыми для контакта и передавать свои мысли на расстоянии?

Нужно было ещё раз пересмотреть конструкцию микросхемы.

Нужно было запросить расширенную выборку, потому что двадцать простых заключённых, ожидающих смертной казни, и пять природных телепатов, среди которых медсестра, сантехник, менеджер по работе с клиентами, школьник и пожилая «потомственная ясновидящая» — слишком мало даже для такого исследования, о котором никто и никогда не заявит в международные научные журналы.

В конце концов, нужно было время. И его-то как раз не хватало больше всего.

А, ладно. Лгать в отчёте — себе дороже. Тем более Лисовский считал кощунственным лгать самому себе и науке в целом. Узловатые пальцы учёного зависли над бледно светящейся клавиатурой, готовясь взять первый аккорд.

> «В ходе первого этапа исследований удалось разработать протокол защищённого проводного соединения, повышающий резистентные свойства головного мозга человека за счёт сдвига общей частоты синхронизации…»

Привычные формулировки следовали одна за другой, тонкими карандашными штрихами намекая о высокой значимости полученных результатов в деле разработки искусственной телепатической связи и о необходимости продолжения исследований.

Быть может, если вскрыть эту шкатулку Пандоры с надписью «Вход запрещён», разобрать механизм на мелкие части и тщательно изучить каждую из них, то рано или поздно он сможет найти ту маленькую деталь, усилив которую, можно получить полубога, властителя душ, а выкинув — жалкого управляемого зомби.

* * *

Словно решившись, наконец, обозначить точку невозврата, в самом начале майских праздников, когда добропорядочные граждане славили мир и труд феерическим ничегонеделанием, Линда закрыла дверь в комнату Кристиана на два оборота, а ключи спрятала в тёмной глубине своего письменного стола, забыв о том, что от сына хакера вряд ли что-то можно утаить надолго, так что когда матери не было дома, Лин нашёл ключ и

стал тайком брать его, чтобы открыть кабинет отца и с ногами забраться на его кресло, пытаясь уловить тот лёгкий аромат грозового разряда, который неизменно придавал мальчику сил, какие бы испытания не выпали на его долю. Но за эти несколько месяцев ежедневного проветривания, устраиваемого Линдой, родной запах почти исчез.

Как ты там, папа? Я скучаю по тебе. И по дяде Саше тоже…

Рассеянно разглядывая полупустой стол, в углу которого ещё остался еле заметный след от чашки с кофе, без которой Крис не мог корректно загрузиться по утрам, Лин унёсся мыслями к тому дню, когда папа с дядей Сашей подарили ему первый кибернетический конструктор, а в итоге сами увлеклись настолько, что…

Закрыв глаза, мальчик не сразу понял, что в квартире он уже не один.

— Сыно-ок! — призывно кричала с порога Линда.

О боги Сети, это ж надо было так потерять бдительность… Скорее, бесшумным движением пересесть в коляску, осторожно закрыть дверь и явиться пред светлые очи матери до того, как она заглянет за угол коридора.

— Поможешь мне перевезти сумки в кухню?

— Да, мам. Давай.

Поначалу Лин искренне удивлялся, неужели он настолько незаменим, что без него мама не может одолеть двадцать метров от порога до холодильника, но вскоре понял, что этот ритуал, появившийся у Линды вскоре после ухода мужа, был не запросом о помощи, а всего лишь попыткой лишний раз утвердить существующий расклад сил, который пошатнулся зимой, когда из квартиры на пятидесятом этаже упорхнули Мария и Крис, а теперь грозил пошатнуться вторично, с появлением Киры на орбите Лина.

Киры-одетой-как-дворовый-пацан. Киры-с-кучей-бредовых-идей. Киры-она-тебе-не-пара.

Рывком подняв четыре сумки, по две в каждую руку, Лин еле заметно мотнул головой, посылая своей коляске мысленный приказ: «Вперёд». Позади него привычно разохалась Линда, мол, зачем так надрываться. Честное слово, мам, ты уж определись: то ли мне беречь себя от всего подряд, то ли принести себя в жертву, чтобы ты, наконец, перестала сомневаться в том, что я по-прежнему тебя люблю.

— Можно я пойду погуляю с ребятами? — закончив выполнение ритуала, Лин счёл себя вправе спросить разрешения на то, чего ему хотелось с самого утра.

Линда помялась в коридоре, затем поджала губы и устало

вздохнула.

— Я хотела немного убраться, думала, ты мне поможешь… Эх… Ладно уж, иди, я как-нибудь справлюсь.

Забыв про телеуправление, Лин резко крутанул колёса коляски и, обогнув стройную статую, замершую в театральной позе смирившегося самоотречения, вылетел в прихожую. Этот порыв — единственное, что он мог себе позволить, чтобы хоть как-то скинуть накопившееся раздражение от той игры, в которую мать упорно пыталась его втянуть, и не быть при этом уличённым в несдержанности и, хуже того, в неуважении к её божественной персоне.

На лестничной площадке в ожидании лифта Лину полегчало. Издевайся надо мной сколько угодно, мама, я выдержу, ибо сейчас некому больше прикрыть от тебя папу и дядю Сашу. Но главного-то ты не знаешь, а могла бы и знать, не будь ты так непримиримо настроена… Уже месяц, как под кодовым словом «ребята» я подразумеваю Киру. Девочку с именем, которое ты когда-то пророчески произнесла вслух — мол, будет у меня жена Кира, станет расчёсывать мне волосы…

Что, мама, не по нутру, когда пророчества сбываются, а потом выходят из-под контроля? Эх, зря ты не любишь Шекспира. Он, вообще-то, лучше всех показал, что хакерские махинации, на которые ты вынудила меня пойти, добром обычно не кончаются.

Май 2071

За окном шёл майский снег. Не такая уж и редкость на севере. Крупные снежные хлопья танцевали за стёклами, превращая весенний мир в рождественскую сказку, а тишину комнаты — в полную загадок и заговоров шкатулку Пандоры.

Уставившись в экран ноутбука, Крис сидел практически неподвижно, лишь изредка отстукивая тонкими пальцами замысловатый мотив. В его глазах отражались строки программного кода. Он не любил работать по старинке, обычно предпочитал пробивать си-сферу и уходить глубже, но сегодня стоило сделать исключение из правил.

Май. Такой странный месяц… И люди в мае тоже странные. Вот, например, Алекса вдруг прошибло на кухонные хлопоты. Крис едва сдержал улыбку, когда друг решительно запер за собой дверь, убедив весь мир и самого себя, что всё хорошо, зараза впала в весеннюю спячку, а, следовательно, можно заняться и хлебом насущным. Судя по грохоту за дверью и сдавленным ругательствам, хлеб этот давался Алексу не слишком легко… Но Крис не мешал. В конце концов, он тоже не будет сидеть без дела.

Уйдя с должности руководителя компании, Крис стал ведущим разработчиком. По его мнению — чисто номинальным. Так и было в самом начале: он не отходил от Алекса, которого ломало первые месяцы от смены обстановки, климата и нервотрёпки с Олесей. Но постепенно Охотник становился более предсказуемым. Его зараза выработала свой собственный режим, и появилось Время. Словно почувствовав это на расстоянии, Шанкар, человек с потрясающей интуицией, начал присылать Крису одну разработку за другой. Там проверить модуль, там поправить алгоритм… И Крис втянулся.

Снова, как двадцать лет назад, можно было допоздна сидеть за кодом. Снова в задумчивости кусать пальцы и впадать в полный анабиоз на полу, обдумывая его строки. Никаких инвесторов, никаких подписей на документах. Только тишина, шорохи и скрипы половиц, запах дома…

Крис втянул носом воздух. Вместо ожидаемой гари из кухни потянуло корицей и сдобой. Боги, Алекс, неужели…

Подойти к двери в кухню, положить пальцы на дверную ручку и застыть. Крис замер, всё никак не решаясь войти. За шумом воды из крана и звяканьем тарелок он различил абсолютно немузыкальное мурлыканье майского Алекса. Алекса, про которого забыла его зараза. Алекса, который пусть ненадолго, но отрастил крылья.

Крис осторожно открыл дверь и замер на пороге. Вымазанный в муке по самые уши, с закатанными до локтя рукавами, Алекс отмывал миску. Вода летела во все стороны, но больше на него самого. Крис подавил смешок.

Не замечая друга, Охотник вдруг молнией метнулся к плите, только лишь взгляд его скользнул по часам.

— Ведь не будет так, чтоб и волки сыты, и овцы целы, ведь не выкрутить так, чтоб и миру мир, и двоим… — продекламировал Алекс, с грохотом распахивая духовку.

Крис вздрогнул. Волна сдобного запаха окатила его таким же жаром, какой порой его охватывал в горячих руках Охотника. Он даже не успел вникнуть в смысл произнесённого, а в ту же секунду уже оказался за столом перед горкой московских плюшек и булочек с корицей. Алекс стоял рядом с видом победителя. Его глаза светились.

Через пару часов снег сменился дождём. Он смыл последние остатки белизны с первой зелени травы во дворе. Уже темнело, но свет включать не хотелось. Они сидели в гостиной. Алекс, по обыкновению, забрался с ногами в кресло и закутался в плед так, что из красно-чёрно-белой клетки торчала только светловолосая макушка. Крис, откровенно объевшийся сдобы, маялся над кодом, в фоновом режиме пытаясь понять, откуда Охотник научился так готовить и с какого перепугу он вдруг в одиночестве читал стихи. Такие стихи…

— Не получается, — тихо пожаловался Крис.

Плед вопросительно шевельнулся.

— Я пишу алгоритм выбора, а в итоге программа сбоит…

— Трассировку включал? — поинтересовались из соседнего кресла.

— Включал. Всё равно не понимаю, где ошибся. Может, ты посмотришь? — спросил Крис, и шутливо закончил. — Это всё твоя корица виновата.

— Нашёл крайнего, — усмехнулся Алекс, выпутываясь из пледа.

Он подошёл к столу, взял в руки ноут и небрежно, но и изящно одновременно, упал с ним на пол. Крис молча наблюдал, как он устраивается поудобней, подпирает подбородок руками и задирает ноги к потолку.

— Алекс, — позвал Крис. — А почему ты сегодня такие стихи читал на кухне?

— Ммм?

— Про волков и овец, — уточнил Крис. Его интуиция вдруг проснулась и попыталась затормозить речевой центр, но не успела.

— А, это-то, — пробормотал Алекс, — хорошие стихи, мне нравятся. И правдивые.

Они встретились глазами. Ледяные серые с киловольтами и синие с маленькой искрой пламени.

Алекс отвел взгляд первым. Со вздохом откинувшись на спину, он растянулся рядом с ноутом, прикрыв глаза.

— Это правда, Овер. Как бы мы ни старались… Хотя у тебя, кажется, получилось, — Алекс улыбнулся. — Ты сравниваешь две переменные, а первой в другой процедуре присваиваешь значение второй. Выбираешь из двух одинаковых вещей, Овер.

Крис осторожно сполз на пол. Дыхание на миг подвело его, но дело было не в коде, даже не в скрытом смысле допущенной ошибки. Крис вдруг осознал, что этот светловолосый кодер уже давно понял что-то такое, до чего он, Крис, доходит тернистым путём только сейчас. Будто Охотник старше его на целую жизнь. Или это из-за его заразы и боли в груди?..

— Дочитай мне те стихи, — едва слышно произнёс Крис.

Охотник распахнул глаза и обжёг друга синим пламенем.

— …Перекрёст дорог, две прямые, стерео двух прицелов, под которыми равно платить по каждому из счетов[2].

* * *

Время, чёртово время.

По горло занятый важными и неважными делами, общего в которых было только одно — все они требовали его внимания, Президент Восточно-Европейского сектора был вынужден на некоторое время вывести в фон ту тему, которая грозила заполнить собой всё пространство его ночных кошмаров: он, со вскрытой черепушкой, из которой каждый тащит, что хочет, и тонкие нити нейронов с болью выпрастываются из его головы, лишая возможности контролировать не то что государство и своих подчинённых, а и собственное стареющее тело.

Утро порадовало Президента двумя новостями, из которых одна имела форму короткого отчёта от лаборатории Лисовского и призвана была вселить в главу государства уверенность в том, что установление телепатической связи — дело ближайшего будущего, а вопрос защиты от внешнего вмешательства может быть успешно решён установкой его, Лисовского, авторских имплантов, и следующий этап начнётся сразу после того, как будет найдена продвинутая IT — компания, которая могла бы обеспечить достаточно высокий технический уровень реализации поставленной задачи с минимальным использованием внешних

устройств.

Вторая новость оказалась секретным пакетом, который потребовал от Президента трёхкратного электронного подтверждения подлинности собственной личности, к концу которого тот был готов разбить свой монитор вдребезги, но застыл на месте, едва прочитав короткую строку, ради которой ему пришлось унижаться перед бесстрастной машиной.

> «Black Horse. Предполагаемое начало сборки — декабрь 2071».

Опять ты на шаг впереди, чернокожий.

Интересно, сколько моих специалистов предали Родину и работают сейчас на тебя, собирая межпланетный корабль по тем чертежам, которые они тайком захватили с собой, навсегда покинув родные города?

Что ж. Если не удаётся удержать этот поток, нельзя ли, по крайней мере, вбросить в него рыбку, которая непризнанным учёным приплывёт в секретную лабораторию и разнюхает все твои тайны, тёмная лошадка?

* * *

Первым сетевым ником Кристиана в те дни, когда он был в том же возрасте, что и Лин сейчас, а до его первого случайного падения в транскод во время перегрузки энергосети Москвы-2 оставалась ещё пара лет, стало короткое «Скиталец» — слово, которого было достаточно для описания его любимой стратегии в компьютерных играх. Какой бы ни была площадка — космические цивилизации, средние века, эльфийское фэнтези — Крис предпочитал найти место, достаточно удалённое от общего бедлама, создать там боевой космический корабль или защищённый со всех сторон замок, как можно быстрее собраться с силами, не прекращая тайного наблюдения за противниками, кое-кого из которых ему удавалось сделать союзниками, и лишь затем идти в атаку. И уж если Крис терпел поражение, ему ничего не стоило уйти налегке, прочь от руин своих разрушенных городов, ибо хакер знал: пока у него не отняли цель и вектор, всегда найдутся силы отстроить свой мир заново. Главное — делать это так, чтобы противники продолжали думать, что ты по-прежнему беспомощен, глуп и полностью зависим от них.

И, кажется, Лин неосознанно перенял эту стратегию, вынеся её далеко за пределы виртуальной реальности, как и его отец.

Именно поэтому в середине мая Крис получил от Лина

короткое письмо:

15-MAY-2071
from: LinStranger
to: _overdrive_
Привет, папа!
Как ты, как дядя Саша?
Тут такое дело… Мы с Кирой хотели бы съездить на пару дней в Питер, но мама не горит энтузиазмом отпускать меня. Помоги, как хакер хакеру)))
Кроме шуток, пап. Есть ещё кое-что, но это уже при личной встрече.
Обнимаю, Лин.

Получив сообщение, Кристиан на минуту уставился в пространство, даже не пытаясь сопротивляться воспоминаниям двадцатилетней давности — он, Линда и её родители, оба потомственные медики, которые возненавидели юного хакера ещё заочно, когда их ненаглядная дочь стала слишком много времени проводить с ним в сети. А короткий тюремный срок, по окончании которого выяснилось, что чёртов взломщик умудрился ещё и обрюхатить отдушину всей их жизни, уж тем более не способствовал установлению тёплых отношений между Крисом и родителями Линды.

Кристиан видел их всего дважды: первый раз — издалека, в зале суда, во время оглашения приговора по делу о краже секретной информации с серверов Департамента безопасности, и даже несмотря на слегка съехавшее зрение, хакер уловил на их лицах смесь презрения и… желания показать свою власть над дочерью. А это было уже верным признаком слабости, и Крис понял, что сумеет выдержать атаку, какую бы форму она не приняла.

Второй раз состоялся в больничном коридоре, в атмосфере тягостного ожидания приговора — на этот раз не судебного, а медицинского. Пока коллеги Линды всей бригадой откачивали девушку и её преждевременно родившуюся дочь, свежеиспечённые бабушка и дедушка не нашли ничего лучше, как заняться вытягиванием последних сил из Кристиана, словно заправские вампиры, чуя, что в сердце хакера и без того открыт широкий канал, по которому он отдавал свою энергию любимой богине, кричащей от боли за плотно закрытыми дверями.

Едва усталый реаниматолог радостно возвестил, что жизнь молодой матери и ребёнка вне опасности, родители Линды молча поднялись с места и вышли вон, не оборачиваясь.

Однако, спокойная жизнь Овердрайва, Иштар и маленькой

Марии продолжалась недолго.

Через пару месяцев мать Линды, словно настигнутая запоздалым родительским инстинктом, начала названивать дочери по триста раз на дню, автоматной очередью выдавая кучу советов разной степени бесполезности, а вскоре тайком сняла копии ключей и стала заглядывать в квартиру на пятидесятом этаже когда ей вздумается, но, как правило, в те часы, когда Крис был на работе. Будто распробовав слово «бабушка» на вкус, пожилая женщина металась по квартире, то принимаясь за готовку блюд, которые не нравились ни Крису, ни Линде, то начиная уборку, в фоновом режиме повторяя заклинание «Ты устала, доченька, отдохни», до тех пор, пока Линда, держа на руках готовую заплакать Машку, не начинала чувствовать себя уставшей от этой непрошеной заботы гораздо сильнее, чем если бы сама, в одиночку, убралась в квартире и приготовила обед. А уж сколько было намёков вроде: «Если вы с ним разругаетесь, приезжай к нам с Машенькой, мы тебя всегда примем!.».

Линда никогда не сообщала Крису о дневных визитах матери, но в такие дни хакер словно сам чуял неладное на расстоянии, а когда однажды вечером, еле-еле уложив малышку спать, жена предприняла героическую попытку отдаться супругу и в самый ответственный момент разрыдалась у него на плече, простонав что-то вроде «Не могу, прости…», Крис мягко, но решительно сказал:

— Завтра же поставлю на вход сканер отпечатков пальцев. И учётных записей будет только две. Моя и твоя. А теперь ложись и спи до утра. К Маше я сам встану, если понадобится.

Но, кажется, этот яд замедленного действия всё-таки проник в сердце Линды, несмотря на её с мужем отчаянное сопротивление, раз сейчас тёмная богиня пыталась манипулировать собственными детьми так же, как её родители манипулировали ею — о нет, не наказывая, не лишая подарков, а всего лишь задавая один вопрос:

— Почему ты не хочешь принять нашу любовь такой, какую мы считаем нужным дать? Почему отказываешь нам в этой малости — жить так, как советуют тебе самые близкие люди? Теперь мы для тебя — никто?

История повторялась, лихо заходя на очередной виток бесконечной спирали.

И нужно было идти на разрыв, не поддавшись слабости виновато отвести взгляд перед теми, кто произвёл тебя на свет, не позволяя себе упасть на колени и вручить им поводок от собственного ошейника только потому, что они в своё время решили продолжить самих себя с твоей помощью.

Лети, Лин. Ты должен стать свободным до того дня, когда родительская любовь превратится в смертельный яд.

Ты — это не я. Ты — это не Линда.

Ты — это ты.

А теперь я закажу вам с Кирой билеты в Питер.

До скорой встречи, сынок.

Скрип входной двери вывел Кристиана из глубокой задумчивости. На пороге показался тонкий силуэт Алекса, залитый солнечным светом. Да ты и сам — свет, Охотник.

— Не знаю, соскучился ли ты по Питеру, Алекс, но уж по Лину — наверняка, — раздалось из кресла, и Алекс на автомате сделал шаг вперёд, услышав родное имя.

— Он приедет?

— Нет, — ответил Крис, и торопливо закончил, не скрывая улыбки, — потому что мы сами едем к нему. Готовься, будешь экскурсоводом. А пока, чёрт возьми, брось ты свои саженцы, Мичурин…

Что, прямо сейчас?

Не похоже на тебя, Крис. Чтобы вот так пойти на меня в атаку, не оставляя никакого выбора, кроме как стянуть садовые перчатки и скинуть обувь при входе, тебе надо поймать неслабый заряд. Обычно я беру это на себя, но сейчас тебя подняла волна хороших новостей, источник которых для меня пока ещё неизвестен.

Три шага навстречу солнцу, с закрытыми глазами, а затем Кристиан внезапно разворачивается спиной к Алексу, раскидывает руки и отклоняется назад.

Проверяешь мою реакцию, чтоб тебя? Всё равно же поймаю, провокатор.

— Охота лучше земледелия, правда? — не открывая глаз, смеётся Крис. — Как тебе добыча, а?

Алекс осторожно разомкнул свою крепкую хватку. Добыча, значит. Ну и ладно, Овер…

Горячие пальцы Охотника расстёгивали пуговицы на рубашке сероглазого короля медленно, будто нехотя. Охотник старался дышать ровно… Не обжечь. Не спугнуть. Мало поймать добычу, ты попробуй её удержать до последнего. Но сейчас моей силы, Овер, с лихвой хватит на это.

Последняя. Рывком выдернуть края белой ткани из-под пояса брюк, сдёрнуть рубашку с узких точёных плеч, и обнять птицу снова, пробегая пальцами по голой спине. Алекс заглянул Крису в глаза, прося разрешения, наконец, выпустить наружу это пламя, что сжигает всё внутри и заставляет возрождаться фениксом

настоящего Охотника — не с заразой в груди, не бледного после приступа, а сверхчеловека, живой язык пламени, монолитный нервный импульс, отзывчивый как шёлк…

Крис прикрыл глаза. Не бойся меня, птица. Я прижмусь губами к месту, где сходятся твои ключицы, к месту, где у тебя самая нежная кожа. Судорожный выдох. Мой или твой?..

Огненными ладонями Алекс провёл по спине Криса, заставляя того выгнуться дугой от их жара. Я снова догнал мечту. И это снятие всех ограничений. Обжечь дыханием кожу на твоей груди, целовать жадно, вкладывая всего себя в это неумолимое движение вниз по твоему торсу…

Господи, Алекс… Почему я не знал тебя раньше? Не видел в упор этого фантастического огня?

Одной рукой Крис держит Охотника в объятиях, другой мягко отклоняет его голову назад. Успокойся, свет мой, я не кусаюсь. Более того, я едва сознание не теряю, когда прижимаюсь губами к бьющейся под твоей кожей жизни. Пульс за сотню. Давно уже. У обоих.

Ладно… Пусть не отмотать назад, но догнать друг друга мы наконец-то можем…

Всё это время я буду держать глаза широко открытыми. Поэтому замечу, как твои зрачки сначала сужаются будто от яркого света, а затем расширяются до предела. Моё первое падение в транскод было не таким стремительным, захватывающим и бесповоротным, как в твои глаза сейчас.

Охотник еле слышно застонал. Прости, Алекс… кажется, я слегка ободрал тебе спину. А впрочем, можешь не прощать. Я сделаю это снова. Помнится, ты говорил мне, что не выносишь таких минут при дневном свете… Щелчок пальцев, и окна слегка теряют прозрачность. Ровно настолько, чтобы видеть, как ты улыбаешься, и чувствовать, как ты дрожишь…

Редкость, но руки мои почти так же горячи, как твои.

Иди ко мне, Алекс…

Ты горишь весь, но я не собираюсь останавливаться… Ох, не сейчас.

А чтобы не болело, поцелую.

Искра.

Ты начинаешь задыхаться, Овер. И хоть ты и просил не останавливаться, я дам тебе передышку, замерев над тобой и прижавшись лбом к твоему боку. Потому что я тоже всё-таки сбил себе дыхание и захлёбываюсь едва уловимым запахом твоего тела. Секунда, две… Защита сгорает к чертям. Приподняться на локте, поцеловать твои отзывчивые губы и дать, наконец, вольную этому пламени.

Ты — моя добыча, Овер. Ты сгоришь вместе с Охотником. И чтоб ты уж точно остался моим до самого конца, прости, я буду держать тебя за плечи и прижимать к сердцу.

И больше не буду останавливаться.

— Я твой, Овер, — голос Охотника срывается на стон, но ещё можно разобрать слова.

Вдох и…

Синхронизация.

И выдох. Уже за гранью.

Одновременно.

Сползти с кровати на пол… Лежать так, соприкоснувшись головами, теряя счёт времени…

Да и о каком времени идёт речь?

Мы сами себе система координат, Алекс. Мы задали новую точку отсчёта, вместо «end» написав «begin».

Обнять, притянуть к себе, заглянуть в твои светящиеся глаза.

Слова излишни.

Ты и так знаешь, Овер, чего я хочу больше всего на свете.

Чтобы сегодня не кончалось никогда.

* * *

Устав ходить кругами по кабинету, Президент остановился перед интерактивной картой Восточно-Европейского сектора. Над страной плыли лёгкие облака, клочьями отрываясь от северных земель и уходя по диагонали вниз, до границы на Урале и до Чёрного моря на юге. Проекция минутной стрелки в углу карты плавно передвинулась на отметку «12», накрыв собой часовую. Вот-вот должен был прийти Лисовский, чтобы…

Усилием воли Президент отогнал от себя мысли о возможных рисках, насчёт которых пожилой учёный честно предупредил его, пообещав свести вышеупомянутые риски к минимуму.

Вежливый стук в дверь. Холёная секретарша с подобострастной улыбкой заглянула в кабинет.

— Господин Президент, к вам посетитель.

Наконец-то.

При виде Лисовского, который возник на пороге, как призрак, Президента на миг бросило в дрожь. Спокойней, спокойней… Будь этот пан хоть сто раз научным гением, сейчас он — его подчинённый и вынужден соблюдать все условия, поставленные перед ним и его подпольной лабораторией.

— Вы готовы, господин Президент? — голос учёного был буднично ровным, словно он работал врачом по вызову и пришёл

осмотреть очередного пациента. — Не курили, алкоголь не принимали?

Президент отрицательно помотал головой.

— Тогда пройдёмте.

Повинуясь едва уловимому жесту главы государства, широкая книжная полка отъехала в сторону, открыв узкий проход в соседнюю комнату. Туда уже установили всё необходимое оборудование, список которого прислал Лисовский накануне. Оставался сущий пустяк — лечь при нём в мягкое кресло, вытерпеть укол в вену и довериться тонким, поразительно чутким пальцам, которые сменят его, Президента, стандартные импланты на новую модель, единственным недостатком которой было проводное соединение. Но этим неудобством можно было пренебречь ради высочайшего класса ментальной защиты, о которой Президент грезил денно и нощно.

* * *

В тот вечер на исходе мая Алекса было не узнать. Он, конечно, пытался держаться в рамках приличия. Пытался — ключевое слово.

Чинно выдержал чаепитие на веранде, лишь иногда разрешая себе нахмуриться, когда прилетевшая на свидание Линда отпускала колкости в его адрес. Ему было всё равно.

А Линда, кажется, решила устроить шоу. Именно поэтому за столом присутствовали Хидео, Мария и Лин. Впрочем, японец сохранял фантастическую невозмутимость, лишь единственный раз дружески подмигнув Кристиану, пока Линда отвернулась. Спасибо тебе, хакер из Токио. Я вижу в твоих глазах такой же заряд, как и мой собственный, если не больше. А это значит, Мария неуязвима, пока ты рядом с ней. А что до моей супруги… Прости её. Пусть станет сейчас наглядным пособием в разделе справки о том, в кого вы с Машей любой ценой не должны превратиться.

Тяжелее всех приходилось Лину, ведь сейчас он был главным козырем на руках у матери. Поначалу мальчик пытался прервать неудержимый поток её слов насчёт того, что нельзя парню быть без отца, что яблочко от яблоньки недалеко падает и прочее в том же духе, но окончательно его добило то, что Линда при всех начала обсуждать Киру — ту самую девочку в экзоскелете, знакомство с которой на «Инноватике-2070» переросло в такую крепкую дружбу, о которой Лин и мечтать не смел. Кира — это святое, и мальчик до боли сжал подлокотники коляски в

отчаянной попытке подняться из-за стола.

— Твой сын такой же эгоист, как и ты, — продолжала Линда. — Плевать он хотел на мнение матери, словно я для вас пустое место… Вот так жертвуешь собой всю жизнь ради детей, а благодарности никакой. Умирать буду, а стакан воды и то не подадут…

— Хватит, мам… — теряя равновесие, выдохнул Лин.

Крис метнулся к сыну; сидящая рядом Мария успела поймать коляску, которая начала заваливаться набок. Даже Хидео привстал с места, расширившимися глазами глядя на весь этот бедлам.

— Закрыли. Тему, — тихий голос Криса рассёк вечерний воздух подобно холодному клинку катаны, которую он спрятал на чердаке тайком от Охотника.

Повисло неловкое молчание, но всё было понятно и без слов, стоило лишь окинуть взглядом расстановку сил: Хидео, обнимающий Марию; Мария, придерживающая коляску с Лином; Лин, уцепившийся за рубашку отца, и, наконец, Крис, сделавший шаг вперёд, закрывая собой от Линды всех вышеперечисленных с Охотником впридачу.

Светлые глаза богини полыхнули ненавистью раненной пантеры.

— Живите, как хотите, — бросила она, разворачиваясь к выходу. — Я умываю руки.

Только после заката они остались вдвоём. Крис был хмур и неразговорчив. Хакер пытался поймать за хвост ускользающую мысль, мимолётное видение грозной богини, достающей острый меч из глубоких складок своего одеяния. Линда что-то задумала, и она не остановится, пока не отомстит. О боги, нужно срочно подыскать Лину путёвку на какой-нибудь очередной слёт айтишников, лишь бы он оказался как можно дальше от матери в те дни, когда она будет рвать ему, Крису, крылья острыми когтями, приговаривая что-нибудь вроде «Аз отмщение, и Аз воздам».

Поделиться с другом, высказать всё, чего не произнесёшь вслух при остальных… Алекс обнимал сероглазого короля, пропуская через себя рассказ и машинально теребя чёрные пряди над его светлым лбом. Внутри росло пламя, которое, увы, не могло остудить ничто, кроме самого Овера.

Причина банальна — тихое светлое утро, тихий день, эмм… не очень тихий вечер, но не страшно… Чёрт побери, он прямо чувствовал, как за лопатками режутся крылья. Из горла рвался крик, адресованный всем, кто мешает жить. Я жалок. Я бесполезен. Из-за меня, из-за моих необъяснимых чувств к этой

птице, что дышит сейчас в моих руках, рушится ваш мир обыденных представлений о счастье. Вы в силах и вправе порубить в труху, распылить на атомы, развеять пеплом по воздуху моё существо. Но только огонь мой не достанется никому из вас.

Рассказ был кончен. Крис тяжело вздохнул и откинул голову на плечо Алекса. Прости, король, но твое прикосновение рождает внутри такой разряд, что я схожу с ума. И самое естественное для меня желание — отдать переизбыток заряда тебе, вконец обессилевшему, заставить забыть всю горечь этого летнего вечера… На счастье или на беду — это единственное, что я могу сделать сейчас. Принимай, Овер. Я — твой.

Крис вопросительно вздёрнул брови, когда Алекс молча и без всякого предупреждения встал с кровати, с какой-то небрежностью отодвинув друга к стене. Охотник почти беззвучно прошёлся по комнате, по привычке задёргивая шторы, хотя кому увидеть их тут, в одиноком домике на берегу Ладоги?

— Алекс? — окликнул Крис в сиреневых сумерках комнаты.

Дрожь по телу… Этот голос заводит даже больше касания тонких хрупких пальцев. Держись, Охотник. Оправдывай свое имя.

Стащить рубашку под округлившиеся глаза короля. Да, обычно ты всё делаешь сам, но сегодня мой вечер.

Развернуться в одном стремительном движении, замереть… И идти к тебе медленно, смотря в глаза, разогревая и без того огненные ладони.

Вложить силу в последний стремительный прыжок, за доли секунды перекрыв то небольшое расстояние, которое отделяло пламя в груди от… Чёрт, опять ты долбанул меня своим током, Овер. Ну, ничего, я переживу. И ты меня только раззадорил этим.

Алекс тихо рыкнул. Крис многому научился. Уже не так просто, как раньше, застать врасплох и воспользоваться моментом. Короткая борьба. Нет, Овер. Твои руки подняты к изголовью кровати, твои запястья крепко сжаты в моих ладонях. Остается лишь приблизиться к тебе вплотную и поцеловать. Так, как целуешь обычно ты. Страстно, жарко, не оставляя другого выбора, кроме как сдаться на милость победителя.

Это до безумия легко — почувствовать, как ты невольно расслабляешь мышцы, тянешься ко мне всем телом… Одно это движение, когда ты выгибаешь спину, чтобы прижаться плотней, сносит у меня всю защиту.

Стон. Наверно сжал слишком крепко, прости.

И я знаю, как заставить тебя дышать чаще, Овер, хоть и кажется уже, что ты скоро сорвёшься на крик. Не

останавливаться. Ни на секунду. И запустить горячие пальцы в твои чёрные кудри. Медленно, от основания шеи к затылку. Увидеть, как ты откидываешь голову назад. Увидеть, как пульсируют зрачки твоих кристальных глаз, в которых уже столько киловольт, что я давно сбился со счёта…

Июнь 2071

Первое лето совместного отшельничества началось для Криса не самым радужным образом. Внешний мир устал ждать, когда Крис надышится свободой, сняв свою маску, а поскольку одевать вновь хакер её не планировал, следовало каким-либо образом заставить его вернуться в привычную колею.

В компании «Div-in-E», лучшем проекте всей его жизни, намечался раскол, ибо часть сотрудников была недовольна новым курсом Рафаэля. Кто-то ушёл по своей воле, кого-то попросили уйти, но всего этого Кристиан не знал, поскольку никто не осмеливался поманить его за кулисы красивых и ёмких отчётов об увеличении эффективности работы компании. Шанкар не выдержал первым. Его письмо было торопливым и состояло всего лишь из одного длинного предложения:

> 01-JUN-2071
> from: DelhiOracle
> to: _overdrive_
> У нас раздрай, Овердрайв, чёртова оптимизация, прошу тебя, поговори с Рафаэлем, меня он уже не слушает, и возвращайся хотя бы как руководитель какого-нибудь отдела, мы без тебя рассеемся на атомы к бабушке лешего, ибо сейчас делаем не то, что хотим и не так, как хотим, а ещё у нас теперь дресскод.

Кажется, за последний год твоя интуиция, Крис, настроилась на один канал и стала глуха ко всему остальному. Неужели тот Рафаэль, которого ты знал, канул в прошлое так же безвозвратно, как и Линда, так же безнадёжно, как когда-то Артём, а ты вновь упустил из виду миг этого перелома на границе света и тьмы?

В памяти Кристиана всплыл короткий разговор с Рафаэлем сразу после назначения его на должность. Открытая улыбка аргентинца, задорный огонёк в глазах… А через три месяца — полная прострация, звенящая пустота во взгляде, дрожащие руки. Эйрик, этот отъявленный любитель спиртного, помогал Крису выводить Рафаэля из запоя, в который тот ударился после отъезда Николь. Она молча вернулась на родину холодной ночью с января на февраль, пока Санти был на очередном корпоративе, и оставила лишь короткую записку: «Ты думал, что я не могу иметь детей и был этому так рад, что я скрывала от тебя все эти пять нерождённых душ, но больше не могу жить во лжи. Очередного аборта я не вынесу. Уезжаю домой, к сестре. Твой сын станет её

сыном. А затем я посвящу свою жизнь Богу».

Когда Санти наконец пришёл в себя, он был уже другим. Отбросившим свою фееричную эмоциональность, как ящерица хвост. Неуязвимым и решительным. Он горел желанием с головой нырнуть в работу, и Крис подумал, что, воистину, это единственный приемлемый способ бегства от боли. Но хакер забыл о том, что тёмная волна, накрывающая тех, кто остался жить в одиночестве, рано или поздно выплёскивается через край и разрушает всё, что было создано в дни света.

Следующим письмом, которым электронная почта порадовала в тот день Кристиана, оказался официальный запрос на проведение процедуры развода, инициированного Линдой.

Ладно, чёртов мир. Будем считать, что это нокаут.

Кое-как оправдав своё нежелание видеть жену тем, что в последнюю неделю Алексу дважды было «совсем хреново», Крис планировал ограничиться подтверждением своего согласия в ответном письме, однако, государственные органы работали по старинке и требовали очной встречи всех участников театрального действа.

Линду было не узнать. Оставив в прошлом ярко-розовые пряди, она выкрасила волосы в фиолетово-чёрный. Лицо богини было бледным и решительным; никаких сомнений в собственной правоте Линда не чувствовала, или, по крайней мере, тщательно их скрывала.

— Маша с Хидео отправились в путешествие по Северной Африке, если тебе интересно, — голос Линды ледяной спицей пронзал насквозь голову Кристиана. — Ах, наверное, зря я об этом… Тебе же наплевать. Тем более наплевать тебе на Лина. Ты хоть знаешь, что он устроил на той неделе? Сбежал на сутки в Питер с этой своей Кирой.

О боги, ну конечно, Крис об этом знал. Более того, он лично заказывал им билеты и встречал на вокзале. По части экскурсий уже не было равных Алексу, бредившему Петербургом с юности, но про него сейчас вообще нельзя упоминать… А лучшей наградой были светящиеся запредельным счастьем глаза сына и его подруги, когда они, тайком взявшись за руки, летели на скоростной «Ракете» по Неве, и никому даже в голову не приходило сказать парню по возвращении: «Посмотри на себя, Лин. Что ты можешь ей дать? И, тем более, что она со своими протезами может дать тебе?»

Никому, кроме Линды.

И об этом Крис тоже знал. От самого Лина, конечно же.

— Вот уж не думал, что буду защищать сына от собственной

матери, — голос Кристиана был по-прежнему тихим, и Линде пришлось слегка наклонить голову, чтобы расслышать его, — но запомни одно… Во-первых, у Лина свой путь. Найди в себе силы принять его, наконец, таким, какой он есть. И, во-вторых, Линда Рыбянская. Согласись, ведь «Линда Вебер» тебе шло больше. Но как знаешь. Если ты захотела именно такого подарка на день рождения, я исполню твоё желание.

О боги, Крис, ты выдержал. Не сорвался голос, хотя пульс уже зашкаливал. Тебя пронесли сквозь этот ад лишь тёплые руки да светлые крылья друга, который ждёт сейчас в нескольких часах безумного полёта на аэроцикле. Совсем один… Так давай, Овер. Сделай так, как он учил тебя. Увернуться от удара — половина дела. Обратить энергию врага против него самого — вот ключ к победе.

И Крис поднимает глаза, в упор встречая взгляд Линды.

Когда-то тебя намертво притянули мои чёртовы киловольты в тёмных зрачках, и все эти годы я выкладывался, как мог, чтобы ты была счастлива. И я тоже был счастлив, поверь. Но сейчас ты — уже не ты. И либо моя система распознавания сбоит, либо, что более вероятно, сегодня любимая светлая богиня навсегда ушла в прошлое, код возврата в которое стёрт ею же самой. В том, что случилось — моя вина, признаю. Но, разрываясь между двумя родными людьми, я сказал тебе: «До свидания, Линда». А уж в «Прощай, Кристиан» ты переименовала эту программу сама.

Разряд, Иштар.

Прости.

Линда коротко вскрикивает и отшатывается от Кристиана, занося руку с бумагами, и наотмашь бьёт его по лицу.

Имеешь право, родная, и я не отшатнусь, не перехвачу твой удар. Но это был поступок проигравшего, и позволив себе поднять на меня руку, ты сама выгнала меня на яркий свет абсолютной свободы.

В безоблачное июньское небо Москвы-2 Крис взмыл перезаряженным более, чем полностью, но чем ближе был его новый дом, тем сильнее затягивало горизонт низкими серыми облаками. Картину довершил телефонный звонок от Стейнара:

— Крис, ты долбанулся. Трындец нашей компании. Твоей, ваще-то, компании, — с места в карьер начал норвежец.

— Что такое? — растерянно спросил Кристиан.

— Блинский блин, чувак. Я думал, что ты уже давно догадался, но я смотрю, ты там совсем из реальности выпал. Нахрена ты дал ей развод? Твоя Линда мутит с Рафаэлем уже почти месяц, чтоб ты знал.

Стрела в спину, навылет.

Чёрт.

Всё-таки обыграла.

Вот зачем тебе понадобился развод, тёмная богиня.

А я ведь давно позабыл, как мы, юные и беспечные, сутками пропадали в сетевых играх. Твоей излюбленной тактикой было притвориться безвредным целителем, тайком набрать боевых артефактов и ударить врагу в спину, предварительно обезопасив собственную жизнь… Но ничего, я так просто не сдаюсь. Мария сбежала от тебя вместе с Хидео, и спасибо ему за то, что вытащил мою дочь на свободу до того, как родительский дом превратится в золотую клетку. Насчёт «Div-in-E» разберусь, когда долечу домой, а Лина на растерзание я тебе ни за что не оставлю.

Чёрная хромированная машина резко дёрнулась в воздухе, стремительно набирая скорость, словно её владелец, выжимая максимум, пытался разорвать прочную нить, что тянулась за ним из самой столицы, но острый крючок впился глубоко в позвоночник, и с каждым взятым километром этот незакрывающийся канал связи высасывал из хакера всё больше энергии.

— Я вер-р-нусь, Шторм, — прорычал Кристиан в ответ Стейнару и, мотнув головой, сбросил вызов. Хакер был уверен, что его товарищ поймёт и не будет перезванивать. По крайней мере, сейчас.

В наступающих сумерках Крис едва успел посадить аэроцикл прямо в низкорослые кусты; в глазах на миг всё поплыло, и хакер обессиленно вывалился прямо на некошенную траву. Нет, не время расклеиваться. Короткий спазм где-то за рёбрами — безошибочный сканер состояния друга. Перекатившись на бок, Крис встал на колено и вытолкнул себя вверх, поднимаясь на ноги.

Молчать и дышать в такт — не такая уж и сложная задача для уставшей птицы. Но сейчас требовалось нечто большее. Как все эти лекарства Охотника с труднопроизносимыми названиями: сначала спасают лёгкие и почти безобидные таблетки, но зараза быстро привыкает и начинает требовать нечто посильнее. А этого «посильнее» Крис именно в настоящий момент никак не мог выдать, несмотря на все свои старания. Где же твоя хвалёная визуализация на грани телепатии, хакер? В голове твоей пусто, и она гудит, словно колокол, в который со всей силы долбанули словами истины о Линде.

Нечто большее?

Так тому и быть.

Почему ты не можешь забрать боль своего лучшего друга,

Крис? Может быть, пора признаться себе, что ты просто слаб для этого?

Низкий болевой порог, как же. Да, Крис, пытками из тебя признаний не выбить, ибо ты вырубишься ещё до того, как к твоей коже поднесут раскалённый докрасна прут или что похуже.

Ты не знаешь, каково это — чувствовать такую боль, которая заставляет безмерно дорогого тебе человека лезть на стенку и выть волком, грозя утопить тебя в омутах своих расширенных зрачков.

А без истинного понимания все твои слова поддержки — пустой звук.

Дрожь на кончиках пальцев. Поверхностное дыхание.

Разорви меня, безумная волна действия-до-мысли. Я разрешаю.

Оставив Алекса, которого уже ничто в мире не способно будет поднять до самого рассвета, Крис молнией вылетел за дверь. Холодные северные звёзды в компании полной луны равнодушно взирали на хакера с небес белой ночи.

Падающая звезда…

Рванув с шеи тонкую цепочку, Кристиан сжал в кулаке серебряную звёздочку с острыми краями. Тонкие пальцы перехватили подвеску поудобнее. Отводишь взгляд, слабак… А теперь вспомни глаза Алекса в тот далёкий декабрьский день, когда ты, наивный, изловил в Питере какого-то именитого доктора, светило науки, и пытал его вопросами до тех пор, пока тот не выдавил из себя нечто вроде: «Ну, если очень повезёт, то…» Вспомни, как ты ворвался в этот домик на краю мира, неся на своих крыльях призрачный отблеск надежды, и разом застыл на пороге, как вкопанный, впервые увидев Охотника без рубашки. Но не открывшийся вид убедил тебя в бесполезности и ненужности каких бы то ни было метаний, а бесконечно усталые глаза друга, которые он и не думал отводить в сторону.

— Ты хотел, чтобы та моя записка оказалась правдой? — криво усмехнувшись, произнёс Алекс. — Поверить легко…

Вот она, точка невозврата, за которой остаётся последнее желание — провести остаток своих дней в том месте, где мечтал, с тем человеком, о котором грезил со школьной скамьи, и который один может дать то, что лучше любого лекарства — свободу и бесконечный покой.

Все эти полгода, Крис, ты пытался свыкнуться с мыслью о собственном бессилии. Но судя по тому, что ты собираешься сделать, ты так и не смог принять эту аксиому.

А теперь размах.

За все те бесчисленные дни, когда я не смог уберечь тебя от

боли, Алекс.

Пронзительная боль в запястье.

За все те годы, когда я сначала проходил мимо, не видя тебя в упор, а затем уже вполне ясно видя, но невероятным усилием воли не позволяя запретным, неведомым мне раньше чувствам выплеснуться наружу. Знал бы ты, сколько раз я, сжав зубы, говорил себе: «Не время, Овер, твоя программа ещё не выполнена до конца. Вот родятся у Маши внуки… Вот поступит Лин в институт… Вот, наконец…»

Хрена с два.

Сколько бы дел я не брал одновременно, соревнуясь сам с собой по скорости и точности работы, в этой бесконечной беготне мне едва удавалось выкроить тот краткий промежуток времени, которое я мог бы назвать личным. Но я не думал, что настанет момент, когда я буду чудовищно ограничен в одном из самых ценных ресурсов нашей жизни, понимая, что каждый день моего ожидания — это бессердечная кража времени у тебя, Алекс.

Сейчас или никогда, помнишь? И я решился.

Мне даже вечности с тобой будет мало.

Ты моя утренняя звезда, Охотник.

Пальцы немеют, но, кажется, именно теперь я смогу удержать тебя, как ни странно это звучит.

Вдох.

Упасть на колени, запрокинув лицо к луне.

Выдох.

Рассудочный голос инстинкта самосохранения прорывается в сознание, и Криса накрывает тошнотворная слабость. С трудом сфокусировав взгляд на руке, Кристиан уставился на ровный порез — шириной в несколько миллиметров, как самый длинный из лучей звезды, а вот глубиной — чёрт его знает, но, судя по количеству тёмной крови, которая, почуяв свежий ночной ветер, рванула на свободу, не меньше сантиметра.

«Целостность системы нарушена. Перезагрузка через три… две… одну…»

А ладно, безумный хакер. Ты сделал, что хотел. Ты переступил черту и выдержал за нею себя самого. Выдержишь и что угодно. Проверка завершена. Вырубайся прямо на крыльце, раздери тебя троян.

Яркий свет ударил сквозь сомкнутые веки, и Кристиан слабо застонал, что означало: «Выключи эту чёртову лампу, Охотник». Секундой позже неровные доски крыльца подсказали затёкшей спине, что эта ночь прошла за пределами комнаты и явно была неспокойной.

Тихое чавканье вдруг раздалось над самым ухом, и Крис наконец-то разлепил глаза. Пушистый серый в полоску сортавальский кот по кличке Кузя, прикормленный хакером втайне от друга, сейчас тщательно вылизывал запястье на его руке, закинутой за голову, и рука почему-то отзывалась глухой болью.

Входная дверь рывком распахнулась, поддав кота под зад, и он с недовольным мявом улетел куда-то в огород.

— Какого хрена?! — голос Алекса вихрем ворвался в не до конца проснувшийся мозг Кристиана.

— Ну, прости, Охотник, — застыдившись своего неравнодушия к кошачьим, Крис торопливо добавил, — но это же такая мякись… Он каждый день к нам на крыльцо приходит. В дом я его не пускаю, ты не думай…

Алекс с силой мотнул головой. Плевать он хотел на кота, когда тут такое…

— Ты. Что. С собой. Сделал?

Крис крепко зажмурился, лихорадочно вспоминая, что он мог натворить… А, чёрт.

При свете утреннего солнца магический ритуал инициации потерял всю свою сакральную значимость и больше стал напоминать обыкновенную глупость, однако Крис нашёл в себе силы прошептать:

— Выдал симметрию, Охотник.

— Идиот, — прошипел Алекс. — Ты посмотри, сколько крови было… К чёртовой бабушке твою симметрию, если это таким боком выходит.

Он сбегал за аптечкой. Бинты, перекись, что ещё… Голова звенит как котелок, так нет, мало тебе проблем, Охотник.

Перевязать запястье, стараясь не показать, как трясутся руки и дрожат пальцы. Затянуть узелок бинта, не пережать, бережно. А теперь, Овер, смотри в мои глаза. Пусть тебя долбанёт моим огнём хорошенько, чтоб навсегда из твоей головы вылетел этот бред про симметрию… в боли.

— Это. Моя. Боль, — чеканишь ты слова, глядя в серые глаза напротив и держа в горячей ладони разрезанное запястье друга. — Ты оставишь её мне. Обещаешь?

Можешь посчитать, что я сейчас проиграл тебе в гляделки, подумал Крис. Но я закрываю глаза до того, как отведу взгляд.

Позволь мне не отвечать, потому что сейчас меня самого накрывает последствиями этого действия-до-мысли, и речевой центр отказывает напрочь, словно говоря: молчи, дурак, хуже будет.

Едва заметно помотать головой, словно пытаясь поймать

стабильную точку в пространстве, а может быть, в знак несогласия.

Думаешь, как я узнаю, что ты уже не в норме?

Где бы я ни был. Если я пытаюсь синхронизироваться с тобой в этот момент, у меня сердце заходится. И никакие чудеса медицины не спасают от этого.

«Линда, ее пассия и вселенский бедлам»

Выжимая из коляски максимум, Лин летел по пустынной парковой аллее навстречу Кире, и мальчику казалось, что если бы он был создан роботом, то эта худенькая девчушка, наверное, одна-единственная получила бы права полного доступа к нему, ибо она сумела найти тот скрытый в глубине его сердца рычаг, который при одном её появлении в поле видимости превращал Лина из замкнутого, молчаливого одиночки в крылатого парня, готового выдать целый ворох феерических идей, чтобы подруге было с ним весело.

Сверкающие глаза в двадцати метрах.

Запрос.

Летящая улыбка.

Ответ.

Объятия.

Синхронизация.

— Привет, Кира.

— Привет, Лин.

— Слушай, помнишь ту гусеницу из полимеров? Мы так и не запустили её превращение. Я её до сих пор держу в шкафу, давай по-быстрому всё доделаем, пока мамы нет…

— А она не придёт случайно?

— Неа, сказала, что в салон красоты пойдёт. Это надолго…

Кира прыснула в кулак, впрочем, так и не сумев спрятать ямочки на щеках. Кажется, именно ради этих ямочек Лин готов был превзойти себя самого…

— Садись.

— Ты с ума сошёл?

Но Кира, настойчиво притянутая Лином за руку, уже падает на его колени, и желание сопротивляться у девушки пропадает очень быстро, примерно через пару секунд после взлёта. И, честное слово, ей совсем не хочется думать о том, что будет, если их заметит какой-нибудь воздушный патруль, хотя Лин старается проложить курс через дворы, верный золотому правилу хакера: если хочешь немного пошалить, делай это с умом.

Пятнадцать минут полёта — и они на месте. Приложив ладонь ко входному сканеру, Лин распахнул дверь перед Кирой.

Не так уж много времени понадобилось, чтобы замотать тёплую, пушистую гусеницу в полимерный кокон. Ещё меньше времени ушло на то, чтобы запачкать остатками густого, тянущегося, словно гигантская сопля, изомера новый ковёр, купленный Линдой в комнату сына, хотя мальчик искренне

полагал, что этот скучный рисунок в полосочку уже ничто не способно ухудшить сильнее, чем и так было.

Гусеница начала мелко вибрировать, её фасетчатые глаза полыхнули красным огнём, что выражало собой требование немедленно повесить её вертикально в тёмном помещении и оставить в покое на неделю. Лин не успел ничего сказать, когда Кира молниеносным движением своей механической руки ухватила биоробота и рванула в сторону кладовки.

— Осторожней! — обеспокоенно крикнул мальчик вслед своей подруге, выкатываясь в коридор.

Входная дверь внезапно распахнулась.

— …нет, он ушёл гулять, — беспечно прощебетала Линда, вваливаясь в квартиру.

Желание Лина немедленно исчезнуть из поля зрения матери было таким сильным, что его коляска восприняла это как руководство к действию и резко сдала назад, впечатавшись в резную деревянную тумбочку. Грохот разбившейся вазы слился с испуганным возгласом Киры, которая моментально забыла и про скрытность, и про гусеницу, бросившись поднимать Лина.

— Вы ш-што тут делаете?!

— Мам, мы сейчас…

— Я тебе ш-што говорила, не приводить её больш-ше!

Ш-ш… Щёлк.

Датчик критического уровня освещённости в гусенице исправно отработал, запустив программу самоуничтожения, и неудавшаяся бабочка с громким чавканьем взорвалась в прихожей, залив зеленоватым гелем отполированную до блеска мебель, обои с золотистой искоркой, паркетный пол, навесной потолок и четыре лица — виноватое, растерянное, возмущённое и удивлённое до крайности.

— Э-э… М-м… Ладно, давайте знакомиться, — смуглый мужчина с глазами цвета крепкого кофе мягко отстранил багровую от гнева Линду и сначала протянул руку Лину, но, не дождавшись ответа, попробовал поймать ладошку Киры, чтобы поцеловать её в запястье, в чём также не преуспел. — Меня зовут Рафаэль.

* * *

Запас бессодержательной болтовни был исчерпан. Перемыты кости всех знакомых дам бальзаковского возраста, раскритикованы последние веяния в модных показах Милана, за бортом остались погода и извечные пробки Москвы-2. Олеся

глянула на Линду поверх кромки бокала с рубиновым вином. Ну что ж, или прощаться, или о наболевшем.

Они сидели напротив друг друга в Олесиной съёмной квартире. Семидесятый этаж одного из небоскрёбов Делового центра. Панорамное остекление вместо одной из стен. Уютная обстановка, где всё продумано для нужд одинокого любителя комфорта и максимум двух-трёх редких гостей.

В мягком оранжевом свете ночника Линда выглядела совсем молодо. Олеся отметила это вполне равнодушно, потому что и сама ещё блистала красотой. Новейшие разработки, регулярный уход за собой, практически ежедневное посещение салонов красоты и центров релаксации… Это, так сказать, необходимый минимум. А дальше — кто во что горазд. Линда вот решилась на развод с Крисом и охмурила этого аргентинца, Санти. Какие там светлые чувства — Олеся понятия не имела, но крутила новым сожителем Линда как хотела.

Олеся прикрыла глаза. Нет, постоянный мужчина рядом — это слишком накладно и та ещё нервотрёпка. Случайные связи — интересно, но чревато проблемами с репутацией. Лучше справляться в одиночку. Её бросило в жар от одной мысли о том, что вот сейчас закончится разговор, уйдет восвояси эта стройная женщина с чёрно-фиолетовыми волосами, и… Свобода. Упасть на кровать, слишком широкую для одного, погасить свет, привычным движением натянуть на голову специальный шлем, вынесенный с работы после закрытия темы. Олесе вдруг даже померещился вместо бокала с вином маленький пульт в руке с затертой кнопкой «Play». Стоит только нажать, и сразу побегут по вискам малые токи, под веками зажгутся огни, а в голове зазвучит расслабляющая музыка с привычным уже шумом на заднем плане. Это и есть те самые пресловутые бинауральные ритмы, из-за которых в свое время институт почти раскололся надвое. Одни утверждали, что это ересь или не что иное, как аудионаркотики. Другие, более смелые люди, пробовали это на себе и либо из страха присоединялись к первым, либо тщетно пытались продавить разработку через административный барьер. Сама же Олеся написала разгромную статью в научный журнал, но шлем с пятьюдесятью различными записями для достижения оргазма утащила домой. Тем более Алекс слишком мало уделял внимания постельной стороне их отношений, чтобы удовлетворить её запросы…

— Есть новости оттуда? — негромко спросила Линда, выдёргивая Олесю на грешную землю.

Олеся едва заметно поморщилась. Надежда быстро попрощаться помахала хвостиком и растаяла.

— На днях буду передавать анальгетик, — ответила Олеся. — Не знаю как, правда, у меня командировка в Питер, но к ним я не полечу.

Они помолчали. Это на самом деле было странно. Логичней было б еще почти год назад встретиться, синхронно прокричать что-то вроде «твой муж отнял у меня моего мужа» и разойтись с кровной обидой в сердце. Но этого не случилось. Олеся и Линда сумели договориться, и если уж Криса им было не достать, то третировать Алекса доставляло истинное удовольствие.

— Ещё одна пачка доз, — во взгляде Линды сквозило искреннее непонимание. — Зачем? Ты ж говорила, что он протянет полгода. В лучшем случае.

— Ну, кто ж знал, что… — Олеся осеклась, чуть не сказав «твой бывший», — что Вебер сможет так его тащить на себе. Да и потом, они там не теряют времени даром.

Зрачки Линды болезненно расширились, ужав радужку до едва заметной тонкой линии. Ей бы не хватило сил признаться себе, как много всё-таки Крис значит для неё до сих пор, но и знать, что кому-то другому предназначен его заряд, было невыносимо. Особенно, если этот кто-то — не первая красавица, а всего лишь Алекс, бесполезный, больной, обиженный жизнью. Бывший подчинённый её бывшего мужа. Лучше б она тогда, при первой встрече на заброшенном вокзале двадцать лет назад, перерезала ему шею.

Олеся осторожно коснулась руки подруги, сжатой в кулак. Она прекрасно понимала, что Ладога стала их общим позором: ведь до сих пор не считается в обществе нормальным то, что вытворили два этих сумасшедших. Но ясно и другое — даже с разными мотивами, и Олеся, и Линда с удовольствием разнесли бы в щепки этот дом на берегу озера.

— Ты решила вопрос с квартирой? — спросила, наконец, Линда, с трудом успокоившись.

— Он написал завещание. В мою пользу.

— Но это значит…

Олеся молча кивнула. Надо было оформлять дарственную. А так придется ждать… Сколько? Месяц? Три? Пять? Его квартира сдаётся внаём, но полученных денег хватает на этот семидесятый этаж лишь с большой доплатой. Она уже в долгах, как в шелках. И чем дальше, тем хуже.

Пан Лисовский оказался прав. У Алекса был стимул жить, и вместе с Вебером они бежали наперегонки со смертью.

Ускорить бы.

Эти два слова вгрызались в мозг с упорством буровой установки. Олеся на автопилоте проводила Линду и нырнула в

душ.

Ускорить бы.

Подсушить волосы и допить вино, стоя у стеклянной стены.

Ускорить…

Олеся задумчиво крутила пустой бокал в руке. По донышку скользила бледно-розовая капля, так похожая на анальгетик, который она за собственные деньги заказывает в химической лаборатории института и отдаёт Алексу. Давно уже пора заставить Вебера платить по счетам, раз уж он решил остаться с товарищем Рыковым до конца. Решено, следующая партия будет из его кармана.

Отражение в стекле, перекрытое миллионом огней ночной Москвы-2, вдруг хищно улыбнулось. Да, Олеся лишь однажды видела приступ боли у мужа, и если так происходит всегда, то вряд ли он в запарке обратит внимание на немного другой оттенок жидкости в спасительной ампуле.

И процесс ускорится настолько, что через месяц это несчастное завещание вступит в силу.

* * *

Если бы в далёком 2053 году кто-нибудь умудрился бы выловить вечно спешащего Кристиана в узком коридоре бизнес-центра, в котором команда стартапа с рабочим названием «Div-in-E» снимала небольшой, но светлый офис, и сказал бы на ухо, что через пару десятков лет хакеру придётся перехватывать управление компанией у своего же ближайшего соратника, Крис рассмеялся бы шутнику прямо в лицо и полетел дальше. Но Крис-26 навсегда остался в той затерянной во времени, залитой солнечным светом системе координат, где ещё не были прописаны коды объектов «ребёнок с ограниченными возможностями», «развод с женой» и «смертельно больной друг». И уж если говорить начистоту, то Крис-44 не без основания полагал, что раз уж он посадил себе сердце бесконечными энергетиками, поскольку днём и ночью, в будни и праздники делал всё, чтобы вывести свой проект на высокую орбиту, то сейчас, когда его корабль развил крейсерскую скорость, можно и передать штурвал в надёжные руки того, кто всё это время был по правую руку от него.

Кто же мог подумать, что новый капитан первым делом примется за перекраску палубы и разгон доброй половины команды?

Пролистав список уволенных сотрудников, тайком

составленный Шанкаром, Крис отогнул тонкий край экрана, словно делая закладку из уголка книжной страницы, и устало потёр глаза. Дорогой мой Оракул, ты даже не представляешь, как мне не хочется быть разбуженным здесь, у этой тихой воды, но тревожный и назойливый звон будильника не оставляет мне выбора.

Если бы не текст коллективного письма, под которым оставили свои подписи полсотни лучших сотрудников «Div-in-E», по воле Рафаэля перешедшие на днях в разряд «бывшие сотрудники», я бы, наверное, поддался слабости пустить всё на самотёк.

Но твой отчаянный призыв о помощи был адресован не Кристиану, а Овердрайву.

И одно это заставляет меня собраться с силами, забыть о боли в запястье, которое я так неудачно рассадил ради Алекса, и широко распахнуть глаза в потемневшее небо, чтобы поймать тонкий росчерк молнии на самом краю горизонта.

Первая гроза в этом году.

Под музыку грома мы с братьями ван Эйками рушили стены старого режима, взломав сервера Департамента безопасности.

Молнии тропического шторма плясали вокруг яхты, с борта которой мы провели успешную атаку на то, чем впоследствии стали братья ван Эйки.

Да и во время первой презентации нашего проекта на территории «ТехноКона-2053» была такая буря, что энергосеть, не выдержав ещё и кибердара, легла к чертям.

Если бы кто-нибудь сказал, что мне предстоит взломать код программы, начало которой написано мною, а обновления единолично установлены аргентинским кодером под ником Санти, я бы ни за что не поверил.

Но сначала всё-таки попробуем играть в открытую.

> 07-JUN-2071
> from: _overdrive_
> to: Santi
>
> Привет, Рафаэль. Мне хотелось бы обсудить с тобой перспективы развития компании. Есть пара хороших идей, поэтому я бы рекомендовал тебе не расформировывать вторую и пятую лаборатории.
>
> Сообщи, в какое время ты будешь свободен, обговорим дату встречи, и я прилечу.
>
> *Крис.*

Отправив сообщение, Кристиан вышел на крыльцо, сел на

приветственно скрипнувшую ступеньку и прислонился к перилам. На самом краю обзора перед глазами мигнул зелёный значок входящего сообщения: Мария прислала новые фотографии из экспедиции по Северной Африке, которую они с Хидео выбрали в качестве «идеального места для первого отпуска». Разглядывая снимки археологических раскопок, колоритные портретные фотографии местных жителей и потрясающие кадры звёздного ночного неба, раскинувшегося над бесконечными горбами песчаных дюн, Крис краем уха уловил какую-то возню в саду. Пара секунд — и светлое лицо Алекса наложилось на очередное изображение широкой зеленоватой реки, что лениво катила свои воды под палящим солнцем.

— Минуту, Алекс, — рассеянно попросил Кристиан, поднимая непрозрачность изображения с семидесяти до ста процентов, чтобы, наконец, уделить фотографиям дочери то внимание, которого они заслуживали.

Шорох послышался откуда-то справа, совсем близко. Интересно, как я выгляжу сейчас со стороны? Рассеянный взгляд, уставившийся на что-то невидимое там, чуть выше старой корявой яблони, бесстрастное лицо с еле заметной улыбкой, причина которой ясна лишь мне одному…

Шорох слева. Ты как тот бездомный щенок, который однажды летом прибежал на дачу к моей бабушке, когда я гостил у неё на летних каникулах. Ни минуты без внимания. Даже когда я уходил мыться, на пороге перед душем меня ждал пушистый шерстяной коврик с преданными, скучающими глазами. Он ничего от меня не требовал. Просто следовал за мной по пятам, вверив мне свою маленькую щенячью жизнь. И одно это заставляло меня заботиться о нём сильнее, чем…

А, ладно.

— Садись уже рядом и принимай синхронизацию, я расшарю папку. Маша фотоотчёт из Африки прислала.

Фотографиями, однако, насладиться не удалось. Установление контакта было прервано новым входящим сообщением, на этот раз от Рафаэля.

Крис едва заметно мотнул головой, отменяя следующую попытку беспроводной связи. Это уже исключительно его дела, и ни к чему лишний раз грузить Алекса, тем более, что…

07-JUN-2071
from: Santi
to: _overdrive_

Здравствуй, Кристиан. Насчёт личной встречи пока не могу обещать, у меня очень плотный график. К

следующей пятнице, возможно, получится организовать видеоконференцию. Если есть желание, присоединяйся, но хочу напомнить, что в должностной инструкции ведущего разработчика не предусмотрен такой пункт, как вмешательство в процесс принятия стратегических решений руководителем компании.

С уважением,

Рафаэль Гарсиа Дуарте

Вот, значит, как.

Ещё одна потерянная душа, которую ты, Крис, слишком надолго оставил без внимания.

«Не разорвать тебя, Овер»… Чёрт подери, да я готов разорваться, знать бы, в каком соотношении, чтоб хватило на всех вас разом…

Что ж, Рафаэль, моя атака по первому попавшемуся порту провалилась, и привычный канал связи оказался закрыт. Попробуем действовать в обход. Хакер я, в конце концов, или кто?

В течение следующей недели нескольким десяткам сотрудников, уволенных из компании «в связи с недостаточной экономической эффективностью труда», было выслано личное приглашение от Кристиана Вебера. Изгнанникам, чьи отделы были расформированы, стоило предложить достойную замену, и Крису пришлось сутками напролёт метаться по городам-подрекой, стремительно нагоняя летящий на всех парах локомотив высоких технологий, за маршрутом которого он в последние полгода почти перестал следить. Транскод, земля обетованная, был рад возвращению Овердрайва и приветственно раскинул перед ним сверкающую паутинку — сеть перекрёстных ссылок, пролетая над которой на большой высоте, можно было увидеть картину близкого будущего, словно написанную широкими мазками художника — импрессиониста, и на этой картине нейрофизиология и информатика шли рука об руку.

Так тому и быть.

Рабочее название нового проекта — «Souls Unite» — было выбрано Кристианом почти случайно, в честь какой-то полузабытой песни, но суть новой разработки вновь была выхвачена им так же метко, как в своё время и при создании незабвенного «Div-in-E». Выход в сеть давно стал беспроводным, но проблем с этим не было только на Земле, а ведь чем дальше, тем больше было разговоров об активной колонизации Луны и Марса. Жизнь ускорялась нелинейно и требовала устранить задержки во времени везде, где это только возможно. Отчего бы

не рискнуть и не отпустить фантазию в полёт? Пусть скажут, что Овер совсем чокнулся на своей Ладоге, но если нет научного объяснения тому, как между двумя близкими душами устанавливается коннект, не требующий никаких гаджетов, коннект, от скорости которого в ушах закладывает, то он лично признает техническое поражение. А если удастся всё-таки поймать птицу-феникса за хвост, команда отчаянных раскольников сможет совершить революцию в мире высоких технологий, открыв новый тип соединения, аналогов которому ещё не существует.

* * *

Из справочника по истории развития биокибернетики Лин узнал, что когда-то, в пору молодости его родителей, люди были вынуждены подключать свои импланты проводами к компьютеру, и мальчик был безмерно рад тому, что его отец приложил немало усилий, дабы разработать их беспроводной аналог, иначе сейчас бы он остался без Сети по воле матери, уже третий день пребывающей в скрытом раздражении. Сегодня она зашла к нему в комнату совсем ненадолго, с безразличием тюремщика принеся сыну тарелку, полную горячего супа. Прекрати, мам. Я давно знаю, где твой слабый порт, вот только не могу решить, стоит ли атаковать тебя сейчас или это выйдет себе дороже… Ладно, рискнём.

— Я сделал уроки. Все-все.

— И что? Гулять ты всё равно не пойдёшь.

Получен стандартный ответ. Но отклик есть, а значит, отступаем на шаг, делая петлю…

— Я и не прошу, мам. Просто хотел сказать тебе. Думал, ты обрадуешься.

Молчание, но Линда уже поймана в ловушку несоответствия, ибо она наращивала броню, ожидая нападения мольбами, но получила лишь приветственное касание тёплых слов сына.

— Что ж, молодец, — в голосе богини готов вскрыться весенний лёд, но невероятным усилием она замораживает тонкую полоску воды обратно.

У тебя пять секунд, юный хакер, прежде чем…

— Мам, а сегодня… снова придёт… Рафаэль?

— Да. Придёт. Снова. И сегодня он останется на ночь, так что веди себя хорошо, Лин.

* * *

Больше всего на свете Крис не любил рассказывать кому бы то ни было о своих незавершённых делах. О нет, суевериями тут и не пахло, тем более в них нельзя было упрекнуть хакера, который если уж и поклонялся каким-нибудь богам, то лишь тем, которые жили в реке-под-рекой и обеспечивали надёжный коннект. Дело было в другом. Пару раз в разговоре — с родителями ли, с друзьями — неважно, но Кристиан сказал вслух о своих планах и… тут же почувствовал, как весь заряд, который он так тщательно набирал для действия, ушёл во внешний мир на выдохе и растаял без следа.

Поэтому, Алекс, ты имеешь полное право сердиться, что я улетел рано утром, собравшись так тихо, что умудрился не разбудить тебя, а вместо записки оставил на столе едва тёплый пирог с финиками. На этот раз он почти не подгорел, имей в виду.

И я надеюсь, мне будет не слишком сильно икаться от тех слов, которыми ты меня покроешь в домике у Ладоги, всё то время, что я буду очумевшей молнией метаться по Питеру в поисках подходящего офиса для моей будущей команды, ибо тему новой разработки я, кажется, уже нашёл.

Да, ты не ослышался, Охотник. Но, прости меня, я не позволю себе больше ни слова, до того, как…

Тихий мелодичный звон календарного напоминания, звук на грани слышимости, словно невидимая фея звенит в колокольчик. Следом в углу появляется маленькая картинка: луноликая богиня с розовыми волосами. Фото почти двадцатилетней давности.

День рождения Линды. Сегодня.

Резкий вираж вниз — и чёрная хромированная машина совершает неуклюжую посадку на крышу одного из жилых домов недалеко от Невы. Это уже рефлекс: если начало крыть в воздухе, сожми зубы и садись где придётся, серокрылая птица.

Выдох — и Крис падает на руль замершего аэроцикла, сжимая тонкие пальцы на хромированной рукоятке выключения двигателей. Обернуться бы назад, в единую секунду став тем молодым хакером, который был в силах домчать до седьмого неба свою нежную Иштар. Богиню, что так мастерски умела обращаться со скальпелем…

> Сердце пропускает удар.
> Где твои крылья, которые нравились мне?..[3]

На спине осталась только пара отметин, следы от ветрянки, которую Крис неведомо как умудрился подцепить через шесть лет после рождения Лина. Всё началось с высокой температуры, на

которую Овер привычно положил с прибором, позволив себе лишь слегка ослабить узел тёмно-серого, в цвет глаз, галстука, который он, покорно опустив глаза, позволил Линде завязать на собственной шее потому, что «настоящий руководитель должен выглядеть соответствующе, а не как те фрилансеры, которые…»

Однако ж, на следующее утро стало ясно, что очередную корпоративную фотосессию ребятам придётся провести без руководителя, ибо заставлять ретушёра убирать всё, что за ночь появилось на лице Криса, было бы слишком негуманным занятием.

Беспомощно замерев перед зеркалом, Кристиан понял, что он в ловушке. В дверь ванной уже ломилась вечно опаздывающая Линда, которой позарез нужно было навести макияж, в то время как муж позволял себе занять этот островок уединения на лишних три минуты.

Глубокий вдох не состоялся: непрошенное, иррациональное чувство вины, которое после рождения Лина настигало Криса всё чаще, вновь заставило его диафрагму судорожно сжаться и вытолкнуть в закрытую дверь:

— Прости меня, Линда. Сейчас выйду. Попроси Машу посидеть с Лином в своей комнате…

Шорох платья по ту сторону. Раздражённое:

— Ну что там у тебя ещё?..

Шифровку принял. Запрос о сочувствии отменяется. А, к чёрту. Схватить полотенце, и, дыша через плотную ткань, выскользнуть из ванной, дабы не осквернить своим дыханием рассерженное божество и не дать возмущённой Линде и рта раскрыть насчёт того, где же его угораздило и какое наказание его ждёт, если, не дай бог, он заразит кого-нибудь из домашних, ну ладно, я, уже привыкла, что от тебя одни проблемы, а дети-то…

Кажется, именно в тот день Крис впервые заперся в своём кабинете изнутри и, постелив рядом с рабочим столом жалкий потёртый плед, обессиленно рухнул прямо на пол.

Кажется, именно в тот вечер, когда он не мог найти себе места, извертевшись вконец, чтобы не чувствовать раздражающего жжения от десятков болячек на коже, между Марией и Лином впервые проскочила искра взаимопонимания и молчаливого единения, которое навело их на мысль улучить момент и тихо поскрестись в дверь, чтобы вручить отцу ужин, собранный лично Машей.

И, кажется, именно в ту ночь было положено начало его, Криса, переписки с Алексом, страниц которой, если их собрать воедино за все последующие годы, хватило бы на три

полновесных тома с хвостиком. Да какое там, на все четыре. Пресвятой коннект, о чём только они не говорили… Зашли, как водится, издалека: о городах, где были и не были, о книгах, которые читали и не читали, попутно успев немного похоливарить на тему «что лучше — бумага или экран». Потом настало время ностальгии по школе, и Крис сдался первым, не сумев выдать симметрию на очередное горькое воспоминание Алекса о давно прожитых днях, которые на поверку оказались ближе к поверхности его ранимой, но фантастически сильной души, чем обоим думалось вначале.

И тогда, словно желая сполна отплатить Алексу за его доверие, Крис рискнул расширить этот едва установившийся канал связи, сбросив свою ледяную маску перед этими сияющими тёплым светом глазами. Тонкие пальцы Овера не дрогнули, когда он коснулся кнопки голосового вызова на экране своего планшета.

…Устанавливается соединение…

Какого чёрта ты делаешь, Крис, уже полночь…

Ожидайте ответа…

На боковой панели — список недавних абонентов. Последний сеанс видеосвязи с Линдой состоялся больше года назад, когда Крис вёл аэроцикл со сломавшимся гидроусилителем, едва удерживая тяжёлую машину на заданном курсе, а богине во что бы то ни стало требовалось похвастаться своими трудовыми подвигами в деле креативных стрижек.

— Классно, Линда, ты талант… А, бл*дский цирк…

— Что-о?!

— О нет, это не тебе, родная, прости. Едва не подрезали на развязке, перезв…

— Ты хоть понимаеш-шь, — шипение рассерженной змеи, — что тебя сейчас весь мой салон слыш-шал? Я на громкую связь вывела, думала, мой муж приличный человек… Я обижена, Крис.

Увернуться от грузовой фуры, что заняла половину встречного ряда.

— Но я же не тебе, Линда…

— Какая разница. При мне — значит, в мой адрес.

Конец связи.

…Соединение с пользователем Dreamhunter установлено.

00:01

— Кри-ис?..

В горле моментально пересыхает, и сидящего на полу Овера ведёт в сторону — то ли сил бороться с болезнью уже не осталось, то ли до безумия хочется нырнуть в глубину этого голоса и остаться там навсегда.

— Э-э… Не потревожил тебя, Охотник?

— Какое там, — на лице Алекса появляется лёгкая усмешка, кодер включает свою камеру, и в его глазах отсветом зажигается тихий синий огонёк. — Я один в квартире, Олеся усвистала в командировку. Что с тобой? Ты написал, будто…

— Да, Алекс. Подстава та ещё, все планы к чёрту. Слушай, надо написать нашим, чтоб коллективно закинулись таблетками для профилактики, и ты сам тоже… Прямо завтра с утра. И это… Прости, если вдруг окажется, что ты от меня…

— У-у, понесло-ось, — в голосе Алекса малая капля беззлобной иронии — ровно столько, чтобы дать Крису понять, что он, Охотник, не собирается занимать место в очереди жаждущих обвинить Овера во всех смертных грехах и немедленно пофиксить, словно программу, сплошь состоящую из критических ошибок. — Включи видеоканал, покажись мне уже, Гюльчатай.

Ну, ладно, Охотник. Ты знаешь, чего попросил. И если сейчас я увижу на твоём лице хоть тень брезгливого отвержения, если ты хоть на сантиметр отодвинешься от экрана, то…

— Падать легко, Алекс. Смотри.

В ту ночь, Охотник, жёсткий пол в кабинете стал мне милее супружеского ложа, а добровольное изгнание превратилось в высочайшее наслаждение, ибо каждую ночь до самого утра рядом со мной — казалось, протяни руку и коснёшься светлых ресниц — были твои глаза, два моря, два неба, затопившие половину экрана, словно ты хотел пробить головой тонкую границу жидкокристаллической плёнки и нырнуть ко мне, чтобы упасть рядом и удержать за руку именно тогда, когда я больше всего в этом нуждался.

И я затянул свой карантин до последнего, потому что там, на полу, в тонком пледе и с прозрачным прямоугольником планшета в руках, мне было на порядок теплее, чем в одной постели с Линдой.

Но настало утро, когда я больше не смог оправдываться ветрянкой, ибо она прошла без следа, и острый взгляд богини, искушённой в медицинских делах, вновь заставил меня склонить голову, чувствуя такую страшную вину за эту неделю странной виртуальной свободы, словно я изменил ей с тобою прямо на том самом пледе, отделённый лишь тонкой стенкой от наших детей и от неё самой.

Увидев, что я чист, как младенец, Линда сменила гнев на милость и пожелала, чтобы я служил ей. Тонкие руки Иштар скользили, где им вздумается, временами с поистине нечеловеческой силой сжимаясь то на моих запястьях, то на плечах, словно проверяя, всецело ли я принадлежу ей или моя

энергия уходит сейчас в какой-то другой канал. Машинально ускорив темп, я не сразу заметил, что пальцы Линды уже давным-давно не гладят меня по спине, а сдирают острыми ногтями остатки моих болячек. Наверное, ты приняла мой болезненный стон за выражение удовольствия, родная, но я настолько боялся разочаровать тебя, что вновь предпочёл молчать. О боги, а ведь мы с тобой сошлись именно на этом обоюдном желании принять друг друга такими, какие мы есть, и защитить нашу маленькую вселенную от любых посягательств извне. Воистину, лучшее — враг хорошего. Какого же чёрта, что произошло такого, что теперь наш симбиоз оказался нарушен?!

Судорожное движение, резкий разворот. Мне надоело дышать вполсилы, и теперь стонешь ты. Ничего, потерпишь.

Тебя мотает меж двух архетипов, Иштар. То ты — примерная мать, хранительница домашнего очага, и тебе позарез нужны мои сильные крылья, чтобы чувствовать себя защищённой. То ты — свободолюбивая тигрица, ночи напролёт проводящая в богемных кругах, и я ухожу в фон, беря на себя обязанности матери по отношению к Маше и Лину, становлюсь многоруким богом, держащим в тонких пальцах телефонные трубки, обеденные тарелки, книги и коммунальные квитанции, не забывая в восхищении упасть на колени перед твоими талантами и тобой, без которой моя жизнь не имеет смысла.

Но тебе уже не хватает этого, богиня. Словно заправский тестировщик накануне выпуска программы, ты ищешь во мне ошибки и находишь их в областях, помеченных как неизменяемые в условиях пользовательского соглашения, которое ты обещала принять, отметившись собственной росписью в графе «заключение брака». Там стоит и моя подпись, если помнишь, и за все эти годы я не нарушил слова, принимая тебя такой, какой ты хотела быть, даже в те моменты, когда мне было невыносимо трудно выдержать твой тёмный лик. В те чёртовы моменты, когда ты заставляла меня сделать какой угодно выбор, начиная от цвета обоев для ремонта, заканчивая полом будущего ребёнка, только для того, чтобы разнести мою точку зрения в пух и прах, после чего мне ещё и полагалось признать себя недалёким дикарём, в пещеру которого снизошёл свет великой истины в виде тебя. Прости, Иштар, но сейчас во мне помимо желания срабатывает автозапуск программы самосохранения. Я знаю, близится финальный момент нашего соития, когда ты вновь схватишь меня за волосы, отклоняя мою голову назад, чтобы увидеть выражение неземного блаженства на лице твоего верного жреца, но вот прямо сейчас мне, чёрт подери, надоело переламывать такого со всех сторон неправильного себя через твоё точёное, божественно

идеальное колено. Нет во мне этого бешеного кайфа, и виной тому — твои острые, как скальпель, ногти, которыми ты правишь меня, как тебе вздумается, наплевав на мою боль, утверждая, что это — для моего же блага.

Испуганный вскрик, падение на пол. Нет, я не разрываю соединение, только на этот раз моя очередь быть сверху. Поверженную богиню, закрывшую лицо руками, бьёт короткий разряд.

— Какого… чёрта… ты твор-ришь… Овердр-райв?!..

Отдышаться бы. Скинуть бы эти двести ударов в минуту хоть на треть…

Вот что бывает, если пробить мою защитную оболочку.

Будь осторожнее, Иштар. Завтра я попробую стать прежним, приготовлю тебе завтрак, но имей в виду, сегодня меж нами образовалась трещина, и на этот раз не мне её латать. Я буду молча стоять в десяти шагах от тебя и не сдвинусь с места. А захочешь ли ты пойти навстречу, зависит только от тебя…

Хмарная пелена воспоминаний перед глазами Криса постепенно светлела, нехотя пропуская через себя питерский горизонт, шпили на том берегу Невы и белых чаек, горланящих в синем небе. Таком же синем, как глаза человека, у которого хватило сил принять тебя, Овер, таким, какой ты есть. Человека, в чьих надёжных объятиях ты раскрываешься так, как ни с кем и никогда не мог, ибо знаешь, что в его руках нет и не будет скальпеля, которым можно срезать крылья, в слепоте душевной перепутав их с болячками, что вскрываются по весне.

Не доверяя собственным пальцам, дрожащим после приступа так, словно он уже пару недель пил горькую, Крис перевёл интерфейс на голосовое управление.

— Линда. Фото. Стереть. Подтверждаю.

Следующим в списке был день рождения Алекса.

Ну, это уже совсем другое дело…

* * *

Два месяца подготовки к очередному «ТехноКону» стали для Шанкара последней каплей, которая, подобно концентрированной серной кислоте, разъела металлический сосуд его запредельного терпения, крышкой в котором было обещание, данное Кристиану полгода назад. Обещание стать для Рафаэля таким же надёжным, незаменимым помощником, каким он был для Криса. Обещание предоставить Санти доступ на том же уровне доверия, который был установлен между Оракулом и Овердрайвом.

— Презентация готова, Рафаэль, — протянув в сторону начальника руку с флеш-картой, Шанкар отвернулся к монитору. — Все твои правки я внёс, но ещё раз повторю, что теперь визуальный ряд идёт вразрез с текстом, и мы рискуем не добить…

— Чтобы добиться успеха, не обязательно всю жизнь копировать стиль, заданный Вебером, — отрезал Рафаэль.

Ох. Если в ход пошла фамилия Кристиана, дело труба. Шанкар вздохнул.

— Одна маленькая просьба, Рафаэль, — индус устало присел на краешек стола, и плевать, что от этой его вольности глаза Санти потемнели ещё больше. — Позволь мне уйти в отпуск сразу после «ТехноКона». Я за два года так и не…

Рафаэль равнодушно уставился на Шанкара.

— Да уж лучше до «ТехноКона». По крайней мере, тогда твоё недовольное лицо не будет маячить у меня перед глазами.

Выйдя из кабинета начальника, Шанкар почти бегом одолел короткий коридор. На повороте его едва не занесло в кадку с чахлой пальмой. С трудом удержавшись на ногах, Шанкар нырнул в приоткрытую дверь серверной и со всей силы треснул кулаком по стене. На сбитых костяшках моментально выступила кровь.

Обессиленно привалившись спиной к стене, Шанкар медленно сполз на пол. Его била крупная дрожь, которую индус никак не мог унять. О боги реки-под-рекой, за все эти долгие годы, проведённые под началом Кристиана с ним такого не случалось, хотя, бывало, и они спорили друг с другом до хрипоты.

Решено. Написать два коротких письма: одно — заявление на отпуск, а второе…

12-JUN-2071
from: DelhiOracle
to: _overdrive_

Крис, привет. У меня тут образовалась пара свободных месяцев, и я хотел бы провести их с пользой. Например, вместе запустить в небо новый бумажный самолётик.

И, честно говоря, я просто соскучился по тебе.

Оракул.

* * *

Солнце стояло в зените. Алекс задёрнул шторы на кухне и

рухнул в кресло за холодильником. Здесь, в домике на берегу Ладоги, он попытался воссоздать тот мир, что остался в его родной квартире на окраине Москвы-2.

Тишина. Томящая, давящая, ватная. Ранним утром позвонила разобиженная Олеся и в приказном порядке потребовала не просто забрать анальгетик, а выкупить его. Одно радовало — новую пачку доз она прихватила с собой в Питер. Командировка или что там у неё… Неважно. Недалеко лететь, это главное.

Крис сорвался в мгновение ока. Тщетно Алекс, поймавший его уже на крыльце, просился лететь вместе. Короткий разряд во взгляде сероглазого короля, несколько пустых слов о каких-то ещё срочных делах, новых разработках, и чёрный аэроцикл разрывает воздух, стартуя на запад.

Алекс волевым усилием подавил в себе тёмную волну боли. Никчёмный. Ненужный. Жалкий. Абсолютно всё равно, если так думают все вокруг. Но если среди этих всех вдруг окажется Овер… О, нет. Лучше сразу со скалы, в мутную глубину…

Время текло медленно. Алекс бесцельно блуждал вдоль берега озера, пытаясь угадать, сколько ещё времени Овер выдержит его рядом с собой, ибо скептик в его голове до сих пор кривил губы в иронической усмешке всякий раз, когда Крис говорил: «Я буду рядом. Всегда». Так ничего и не придумав, Охотник уселся на берег и, повинуясь странному порыву, откинулся навзничь. Голова слегка закружилась, и Алексу показалось, будто нагретая земля под ним медленно проваливается вниз, словно там вдруг открылся портал в реку-под-рекой, которая до сих пор не забыла Охотника и ненавязчиво приглашала его в гости. Небо над Ладогой было безоблачным, но внезапно на краткий миг полуденное солнце затмила стреловидная тень. Аэроцикл заходил на посадку. Алекса подняло в воздух. Наконец-то ты…

Спустя несколько минут он наблюдал театральную постановку «Крис и его проблемы». Чемоданчик с анальгетиком, на этот раз без пломб и обычной маркировки, грохнулся на стол, едва не задев тарелки с дымящимся обедом. Крис устало потёр виски. Извинения были невнятными. Чтобы хоть как-то отвлечься, Алекс перетащил обезболивающее на его обычное место и по привычке пересчитал дозы. Однако… Олеся повышает ставки. Пятнадцать доз всего.

Зараза в груди хищно оскалилась, проведя когтистой лапой по измученным нервам. Что, хозяин, неприятно, когда другие считают твои дни за тебя? Когда они подменяют собой небо, ад и иже с ними? Пора привыкнуть. Да и драгоценному Оверу своему ты уже наверняка надоел до чёртиков. Мало того, что носится с

тобой как с писаной торбой, содержит тебя, кормит-поит, так ещё и за анальгетик теперь платить будет. Охотник сцепил зубы и нарочито аккуратно опустил крышку контейнера. Ты права, зараза. В кои-то веки мне нечего тебе возразить.

Обед начался и закончился в гробовом молчании. Сгрузив грязные тарелки в мойку, Алекс резко выдохнул и пошел в атаку. Ведь это самый худший случай, когда добыча решительно равнодушна к Охотнику, когда ей настолько некогда думать об этом, что она вдруг перестает быть добычей по определению.

— Овер, мы собирались сегодня…

— Завтра, Алекс. Потренируемся завтра.

Охотник сверлил взглядом спину друга.

— Скоро сюда приедет Рафаэль по поводу раздрая в моей компании. Или уже не моей, не знаю, — выдохнул Крис, не оборачиваясь.

Ну, хорошо. Я всё понимаю. Ну а потом, после…

— А после мне надо в транскод. Ребята ждут уже с утра. Новый проект, Охотник. Или ты забыл?

Читаешь мои мысли, Овер. Охотник зажмурил глаза, отчаянно борясь со Зверем внутри. Молчи, Овер, молчи сейчас… Пресвятой коннект, ни слова.

Крис обернулся. Опять киловольты в серой радужке, опять эта сводящая с ума безупречная грация благородной птицы, опять режет солнечный свет острый профиль лица. Только сейчас это не заставляет меня падать на колени, восхищаясь своим королём. Это провоцирует гиблую страсть к соревнованию, к стремлению не проиграть в заведомо безнадёжной партии.

— Я знаю… — мягко произнес Овердрайв, и Зверь мгновенно разорвал Охотника в клочья.

— О да, ты все знаеш-ш-шь, — прошипел Зверь, невольно пригибаясь и обнажая клыки. — Ты же всесведущ и идеален, р-р-раздер-р-ри тебя все соединения… С тобой невозможно жить.

— Это ты кому? — уточнил Крис, поднимаясь и делая шаг к Зверю. Мой милый, ласковый, меня так задолбали в Питере, в том числе твоя очаровательная стерва-Олеся, что я сейчас могу выдержать любое пламя в твоих синих глазах. Ещё и останется, чтоб спалить тебя дотла. Но я не буду этого делать. Крис тонко улыбнулся. — Невозможно, значит… Молчу, Охотник.

Зверь взревел. Опять это ангельское всепонимание! С языка сорвался многоэтажный мат. Одно изящное предложение, которое описывало мироздание гораздо точнее, чем Новый и Ветхий Завет. И досталось в нём всем. На этот раз — без исключений.

А теперь бежать. Не оглядываться. Забиться на чердак… Алекс рухнул на колени и с размаху ударил кулаками по

дощатому настилу пола. Зверь в тщетной попытке уцелеть под напором раскаяния рвал глотку первозданным криком и заставлял сердце уходить в горящие виски.

Что-о-о ты наделал… Ты же больше всего на свете на самом деле хотел даже не того, чтобы Овер был твоим, а чтобы ты, Охотник, наконец обрёл администратора в его лице. Ты же сам доверился, сбросил маску, стал открытой книгой в руках этого до невозможности запредельного человека. Чего ты теперь хочешь, идиот? Чтобы этот ангел, который тебя вытащил с того света, вдруг перестал листать твои страницы и притворился слепым? Подыграл тебе? Говорил правду, когда знает истину?

Боль с размаху обожгла грудь, протягивая огненный шнур через плечо. Зря стараешься, зараза. Анальгетик внизу и я за ним не пойду, мы оба это знаем. Но мне плевать на тебя. Сейчас внутри такая боль, что в тысячи раз сильнее тебя.

Это трещина. Один из того миллиона малых надломов, которые в итоге рушат всё. Ты уподобился Линде, Охотник. Из светлой Парвати превратился в темную Кали. И очень слабое утешение, что ты, в отличие от богини, всё-таки понимаешь, что натворил сейчас. Когда всё сказано, это уже не спасёт.

Вытянуться на полу под низкой двухскатной крышей и попытаться вдохнуть как можно глубже, сопротивляясь спазму диафрагмы. Скрюченная судорогой рука вдруг нащупала в груде затхлой соломы у самой стены что-то твёрдое. Нет, осязание не обманешь. За столько лет ты знаешь каждую выбоинку, каждый штрих этих деревянных ножен.

Алекс рывком вытащил катану на свет божий. Так вот куда ты её спрятал от меня, Крис…

В руке дрожит клинок. Эфес, обтянутый кожей, кажется совсем чужим.

Зашумел флаер. Где-то далеко внизу, за шумом крови в ушах, раздались голоса. Прилетел Рафаэль. Какая же ты сволочь, Охотник. Из-за тебя Криса наверняка достала в Питере Олеся и ещё бог знает кто. Ты сам подрубил ему крылья, сорвавшись с цепи. И сейчас его добьёт Санти.

А ты ведь должен был отдавать свой заряд, потому что ничего больше не умеешь.

Ты его не достоин, сука.

Ну, так давай, чего стесняться… Овер — ангел, он выдаёт симметрию. А ты выдай себе наказание. Сам. Потому что у сероглазого короля никогда не поднимется на это рука. Он будет терпеть снова и снова.

Холодная сталь на шее. Клинок лежит плашмя. И поставить его на заточенное до остроты бритвы ребро проще простого, когда

ты это заслужил.

Прости меня, Овер.

Разговор Рафаэля и Кристиана был недолгим, главным образом потому, что состоял из коротких пояснений Санти под текстом документов, которые один за другим получали украшение в виде нервной, летящей подписи Овердрайва. Несколько бухгалтерских бумажек, как прелюдия перед основным действием, а именно — заявлением об увольнении.

— Я слышал, ты тут тайком ловишь моих ребят над пропастью во ржи, Крис, — едва заметно усмехнулся Рафаэль, отработанным движением кладя бумагу на стол и слегка подталкивая её к сероглазому хакеру, словно и не было никаких совместных разработок, споров до хрипоты, которые неизменно заканчивались дружеским рукопожатием, и бесчисленных моментов, когда один только взгляд Овердрайва и его тонкая рука, неизменно протянутая навстречу другу, удерживали горячего аргентинца на краю обрыва, в глубине которого кишат голодные твари большого бизнеса, готовые пожрать любую рыбёшку, даже не подавившись. Что ж, Санти. Я не знаю, что стало причиной твоим метаморфозам — уход Николь, жёсткие требования инвесторов или пресловутый кризис среднего возраста, но если ты настолько изменился, что смог без боли вырезать из своей памяти эту долгую дорогу, по которой мы шли плечом к плечу, с той самой победы над тайским монстром, то…

— Не думал, что в эту пропасть их будешь сталкивать ты, Санти, — тихо ответил Кристиан. — Спасибо, что отпустил меня. Теперь я смогу ловить их не таясь. Ну, а про тебя слышно, что твоя новая стратегия получила единогласное одобрение инвесторов?..

— Именно, Кристиан, — Рафаэль упорно не желал вспоминать истинное имя хакера. — Ты, наверное, злишься на меня за то, что тебе за эти годы не удалось достичь того же, что сделал я за несколько месяцев? А всё почему? Вспомни наши сетевые игрушки. Сколько раз тебя выносили к чертям только из-за того, что в поединке ты медлил с последним, смертельным ударом? Есть дела, в которых жалость неуместна, Крис. Стоит пожалеть одного — остальные мигом разорвут тебя на куски и выпьют до дна. И ни-че-гошеньки не останется. Давай, подписывайся уже. Я опаздываю на презентацию.

Дышать… Как можно глубже. И не думать, чёрт возьми, что тебе снова придётся уходить из отстроенной с такой заботой крепости, которая почти двадцать лет была твоим вторым домом, и найти в себе силы не обернуться последний раз на её светлые

башни, пронзающие синее небо… А теперь на остатке самообладания добавить немного металла в голос и выложить на стол два листа бумаги, заполненных мелким шрифтом — свой последний козырь. На смертельный удар не тянет, но будет больно.

— Я передам тебе контрольный пакет акций, Рафаэль. Но при одном условии. Больше никаких увольнений. И восстанови в правах инициативную группу, потому что в принятии ключевых решений ты обязан прислушиваться к мнению тех, на чьих плечах по-настоящему держится компания. Ты согласен.

— Эм-м…

— Это не вопрос, Санти, — неожиданно мягко добавляет Крис. — Это утверждение. И только в том случае, если ты безоговорочно согласишься, я уйду из «Div-in-E». Твоя подпись первая.

Кофейная гуща против нержавеющей стали.

Чёрт дери тебя, Овер.

Рафаэль схватил ручку. С того дня, когда он прилетел из Буэнос-Айреса в Москву-2 на зов своего заокеанского друга, подпись аргентинца разительно изменилась. Порывистая широта сменилась основательным размахом и коротким росчерком в самом конце.

Свою последнюю в истории компании «Div-in-E» подпись Кристиан поставил вслепую, не отрывая руки от бумаги, а потемневших глаз — от Рафаэля. Следовало бы сказать ещё что-нибудь, а лучше — выдать разряда на пару десятков киловольт, но хакер вдруг почувствовал, что за эти месяцы незаметно для себя самого растерял почти всё своё фантастическое влияние на грани магнетизма, которое притягивало к нему людей и, словно призывный гудок далёкого поезда, звало в путь к новым городам. Вот она, цена отшельничества. Цена каждого дня, в котором рядом с тобой — живой Охотник, и каждой ночи, за которую он успевал перезарядить тебя для нового дня.

Воистину, Овер, те времена, когда ты мог жить на два мира, канули в прошлое. Настал срок платить по счетам. А счёт такой: «Div-in-E» и Линда за Свободу и Охотника.

Кристиан судорожно вздрагивает, машинально прижимая руку к груди, и тонкое перо в его пальцах едва не рвёт бумагу. Рафаэль прав. В силовой онлайн-схватке у Овера практически не было шансов, если только противник не оказывался совсем уж неповоротливым, так что сероглазая птица успевала выклевать врагу глаза и перегрузить его энергосистему. Уходить налегке и возвращаться нежданным — вот твоя стратегия, Крис. Только почему же сейчас так больно это делать?..

«Моя память убита и ты вместе с ней,
Умирай, умирай, не проси подаянья!
Я теряю людей, я теряю людей,
Я теряю наследников, имя теряя…»[4]

15.06.2071
Кристиан Вебер.
— Это всё, Рафаэль? Тогда прощай. Навсегда.

* * *

Из горького тумана, застилающего глаза, Охотника вывел чей-то тихий стон. Скрип рассохшихся перекрытий, шорох падающего рядом невесомого тела, волна свежего воздуха от… крыльев?

Неуловимое движение — и тонкие пальцы сероглазого короля оказываются прямо на твоём горле, создавая преграду между острым лезвием и побледневшей кожей. Тебе бы сейчас попросить прощения да отдать свой заряд Оверу, но он не просит этого. Более того, он слегка отстраняется, когда ты протягиваешь к нему руки.

Запрокинув голову, Крис закрывает глаза и судорожно вдыхает пыльный воздух, пахнущий смолой и летом. А вместо выдоха слышится тихое, на грани потери сознания:

— I can’t take anymore,
I have no more wings,
I can’t take anymore,
The gates of heaven sealed.
Don’t you hear me…[5]

Такое естественное желание — согреть в своих горячих ладонях эти озябшие даже летним днём пальцы, обнять за плечи и держать, пока не утихнет их дрожь, но сейчас, как бы тебя не тянуло сделать это, ты не имеешь права прикоснуться к своей (своей ли?) птице до тех пор, пока не отзвучит её песня.

— Don’t you fear me,
Hanging heaven’s black…[6]

Крис медленно открывает глаза и поворачивает голову вбок,

встречаясь взглядом с Алексом. Ты никогда не злился на меня, Овер, ибо искренне полагал, что если я не желаю разозлить тебя, то и думать об этом нечего, а если вдруг пожелаю, то лучшим наказанием для меня будет отсутствие в тебе той самой злости, так что, образно говоря, пинг будет бесполезен. Но сейчас я вижу в твоих глазах не только критически низкий уровень заряда. Я вижу то, чему ты раньше не позволял проявиться при мне, хотя поводов было хоть отбавляй.

Боль от свежих ран на твоих крыльях.

Катана летит в сторону.

Прости меня за эту минутную обиду и слабость перед твоим превосходством, Овер.

Если ещё не поздно, позволь мне убрать эту трещинку в наших отношениях, пока она не стала пропастью. Прошу тебя, протяни мне руку, как той далёкой ночью, когда я впервые взломал чужой компьютер ради тебя.

Не в силах подняться, Крис перекатывается на бок, болезненно застонав, и замирает, уткнувшись горячим лбом в плечо Охотника. Невнятный шёпот:

— Можно я… побуду так немного…

О пресвятой коннект, ты смеешь предполагать какой-то другой ответ, кроме «Можно. Когда угодно»?

Мои руки на твоих плечах. Дыхание в такт.

Ты никогда ничего не требуешь от меня, и именно поэтому я хочу сделать всё возможное и невозможное ради одной твоей улыбки. Это не классическое «ты мой». Это — запредельное «я твой, Овер».

Уже спишь, птица? До чего же ты устал, что тебя в последнее время вырубает, где придётся?..

Ладно, остаёмся на чердаке.

Воистину, неважно, где. Важно, с кем.

* * *

Любой уважающий себя индус считал своим долгом заявиться в гости минимум с двумя баулами подарков. Баулов у Шанкара не было, но он решил, что список грантов, принесённый Кристиану за две недели до официального объявления конкурса на «ТехноКоне», станет достойным сюрпризом для человека, под началом которого он готов был работать до самого последнего дня, о чём и прилетел сообщить ему прямо на Ладогу.

Толкнув деревянную калитку, Шанкар оказался в полузаросшем саду, впрочем, кое-где виднелись следы

присутствия человека в виде вскопанных грядок. Крис возился с колодезным насосом, и по его загорелому лицу было понятно, что хакер готов до вечера воевать с электроникой, лишь бы не тащить ведро с водой вручную.

— Привет, Шанкар, — Алекс, как всегда, умел оставаться незамеченным до тех пор, пока сам не решит заявить о себе. — Какими судь?..

Окончание фразы Охотника было прервано порывистыми объятиями Шанкара, в которые он за компанию заграбастал и тонкого Кристиана. «Совсем его Рафаэль заездил, — мельком подумал Крис, — раз он бросается на друзей, будто солдат, сбежавший в самоволку».

— Пророчить вам приехал, — улыбнулся индус. — Хотя это ещё вопрос, кто кому пророчить будет… Блин, Крис, ты угадал с темой своего стартапа ещё до того, как участникам «ТехноКона» разослали этот список. (Вечно на шаг впереди, подумал Охотник, краем уха прислушиваясь к разговору). Если успеешь подготовить документы, Овер, вырвешь отличный кусок из глотки «Div-in-E». Вот, смотри, что там будет предложено…

— Ты откуда эту инфу спёр, Оракул? — с улыбкой прищурился Крис.

Шанкар изобразил, что до крайности поглощён разглядыванием полуденных облаков, а потом непринуждённо сменил тему:

— Я так понял, что свою новую цитадель ты решил устроить в Питере? А кто-то, помнится, за Зимнего короля не любил играть…

— Ну-ну, в жару самое то, — отозвался Крис. — Наверное, половина команды будет на удалёнке, а остальные и так оттуда…

Покосившись на Алекса, который отошёл куда-то к мастерской, Оракул слегка понизил голос.

— Э-э… Я имею в виду, ты сам-то, что, будешь каждый день мотаться по семь вёрст?..

И, не дожидаясь, пока Крис начнёт загнанно озираться по сторонам, Шанкар решительно закончил:

— Я уйду из «Div-in-E» и перееду в Питер. Хочу, чтоб на моих документах снова была твоя подпись.

* * *

Сидя в своей комнате под домашним арестом, Лин прислушивался к голосам на кухне. В тот раз, когда мама привела Рафаэля домой, звёзды явно никак не располагали к знакомству,

и мнительная Линда решила не рисковать повторно, убрав собственного сына с глаз своего аргентинского воздыхателя, чтобы ничего не напоминало Рафаэлю о Кристиане Веберe.

Плотно закрытая дверь не располагала к тому, чтобы расслышать отдельные фразы, но Лин мастерски научился различать интонации говорящих, словно талантливый парфюмер, слыша базовые, средние и верхние ноты аромата, да ещё и прикидывая их соотношение. В голосе матери добрая половина состояла из приторного желания произвести хорошее впечатление, а остальная гремучая смесь была представлена металлическим запахом затаённого гнева и хлорным ароматом тотального самоконтроля. Голос Рафаэля имел аромат чашки крепкого кофе на берегу утреннего моря, и лишь на задворках пляжного ресторанчика еле уловимо пахло протухшей рыбой мужской тайны, которую больше не было возможности скрывать.

— Её сестра… Родился сын… Мой святой долг… Не бедствовали там… Пойми правильно…

Сгорая от любопытства, Лин приоткрыл дверь своей комнаты на тонкую щёлку, как раз вовремя, чтобы услышать:

— Ты будешь сдавать квартиру или продашь её?

— Придётся продать, Линда. Ну, я в своём кабинете новый диван поставлю, пока там поживу. А с пропиской что-нибудь придумаю…

— Зачем тебе столько проблем? Переезжай ко мне, а? Насовсем.

Лин за дверью едва не поперхнулся.

— А твой сын? — бумажный запах логического вопроса с трудом перекрывал мускусную волну радости аргентинца от того, что щедрая богиня избавила его от необходимости принимать самостоятельное решение, чего ему и так с лихвой хватало на работе.

— Н-ну, — вкрадчивый голос Линды истекал миндалём и змеиным ядом, — Он полюбит тебя. Уж я об этом позабочусь.

* * *

О, на ловца и зверь бежит.

Так бежит, что предложение даже слегка превышает спрос.

Ночь после закрытия «ТехноКона — 2071» была предназначена для проведения неформальной вечеринки, а вот вечер — для традиционной «раздачи слонов», а именно полуофициального распила государственных денежных средств под прикрытием благородных научных тем, одна формулировка

которых занимала минимум три строки печатного текста.

Грант на разработку системы сверхдальней телепатической связи объявили предпоследним, и глава Службы информационной безопасности, всё это время сидевший за монитором, положив ноги на стол, решил сменить позу на более подходящую моменту.

Экран перед пожилым чиновником выдал таблицу, разделённую на две колонки. В левой значилось всем известная компания «Div-in-E», флагман высоких технологий, а в правой — впервые заявленная команда «Souls Unite». Пять тысяч сотрудников против жалкой полусотни. Как они вообще прошли соответствие теме? Документы явно готовились в крайней спешке. А, впрочем, важнее другое…

Таблица начинает стремительно заполняться, и внизу возникают две тонких светящихся полосы: у «Div-in-E» синяя, у «Souls Unite» — зелёная. Программа автоматически обрабатывает информацию о количестве специалистов, чей профиль работы совпадал бы с заявленной темой, приблизительно определяет доступные технические мощности обоих компаний…

1. Общая численность персонала:
«Div-in-E»……..5100 чел. (Вост. — Евр. отдел. — 1250 чел.)
«Souls Unite»……52 чел.

2. Количество профильных специалистов по теме «Разработка системы сверхдальней телепатич…»
«Div-in-E»……..48 чел (1 канд. техн. наук, 1 д-р. техн. наук).
«Souls Unite»……43 чел (4 канд. техн. наук, 2 канд. мед. наук, 3 канд. психол. наук).

3. Техническое оснащение, соответствующее заявленной теме:
«Div-in-E»……..69%
«Souls Unite»……67%

4. Количество публикаций по тематике гранта:
«Div-in-E»……..4
«Souls Unite»……21

5. Прочее (развернуть…)

6. Общее соответствие заявленной теме:

«Div-in-E»……..77%
«Souls Unite»……82%

Бренд или стартап? Надёжный, но медленный крейсер или лёгкая, но быстрая яхта?

Начальник Службы информационной безопасности задумался так глубоко, что даже не услышал мягких, кошачьих шагов главы Департамента внутренней политики, и вздрогнул, мгновенно покрываясь холодным потом, когда тот встал спиной своего подчинённого и тихо произнёс:

— Каждый из этой золотой пятидесятки — изгнанники из «Div-in-E». Свободные, как ветер, умные, как большая энциклопедия, и, что самое важное, без гроша в кармане. Заарканить эти потерянные души будет на порядок легче, чем громаду, из которой их выперли в рамках оптимизации. Где там твои переговорщики? Выходите в транскод на связь с руководителем «Souls Unite».

* * *

«Весна прошла, а весеннее обострение у начальства осталось», — первое, что пришло в голову бывшему астрофизику и нынешнему спецагенту с кодовым именем Ваня Кошкин, когда он, ещё не до конца проснувшись, принял шифрованное послание не от кого-нибудь, а от главы Департамента безопасности. Письмо было кратким и помимо информации о дате и времени предстоящей очной встречи содержало весьма туманный намёк на длительную работу за рубежом. Что самое забавное, по его первой специальности.

В длинных коридорах Департамента, начисто лишённых окон, отчего-то пахло вербой. Мда, денёк продолжал удивлять…

— Присаживайтесь, Иван, — вот уж кого-кого, а вице-президента Еврокосмоса пожилой агент никак не ожидал увидеть среди всех этих высокопоставленных шишек, которые изучающе буравили его своими глазками, скрывшись в непроглядном сумраке кабинета, тогда как лицо Ивана было ярко освещено мощной светодиодной лампой. У меня что, внеочередной экзамен? Нет, не похоже… Вы все ждёте от меня соответствия какому-то доселе неизвестному критерию, который…

— Совершенно верно, пан Кошкин, — тихий голос с едва уловимым акцентом отозвался из дальнего угла кабинета. — Критерию, который отличает вас от девяноста процентов населения земного шара. И, полагаю, вы не откажетесь немного

поработать на благо своего отечества и во имя науки.

* * *

Ладно, автоматизировать подачу воды из колодца — это, конечно, здорово, но ручной труд никто не отменял.

Охотник тихонько вздохнул. В школе учился лучше всех, институт с отличием, но если ты хакер или кодер по призванию — это не приобрести. И не пропить, как говорится.

Поэтому банка серой краски в зубы, и на крышу. Солнце палило немилосердно. К чёрту принципы. Скинуть рубашку, босиком по горячему шиферу…

Синтетический запах дурманил, серые брызги расцветили кожу, даже волосы каким-то образом стали в крапинку. Да, Охотник, аккуратность — это не про тебя.

И дурак ты ещё. Все за Овером во дворе подглядываешь, как пацан малой, кисточкой машешь, а вокруг не смотришь. Оставил вокруг себя пятачок, и путь тебе один, если не хочешь следы оставлять, — по козырьку и на чердак.

Ну и ладно. Это в детстве ты был толстяком, а сейчас — сухарь. Охотник осторожно перегнулся с крыши, ударом кулака в раму распахнул окно на чердак и, подтянувшись, скользнул рыбкой в раскалённый затхлый мирок под крышей.

Тишина. Как же здесь нереально здорово: можно забыть, кто ты, выкинуть из памяти все свои имена и свойства, можно даже впасть в анабиоз… Ха, ну если точнее, то просто не выкидывать фокусов полчаса.

От полевых работ Кристиана отвлёк входящий вызов прямиком из транскода. Судя по раскалённой алой метке запроса шифрованного соединения, звонящий к простым смертным себя не причислял и долго ожидать не собирался.

Распахнув входную дверь, Крис ворвался в дом, пролетев крыльцо на автопилоте, и с размаха приземлился на диван в гостиной. Пружины жалобно скрипнули, но Овер этого уже не услышал за стеклянным хрустом си-сферы, пробитой его плечом.

— Кристиан Вебер?

А кого вы ожидали услышать, господин Инкогнито на том конце?

— Да. Слушаю.

— Примите информацию по запросу участия компании «Souls Unite» в научной работе совместно с Государственным институтом нейрофизиологии, — голос на том конце отдавал

механическими нотками, но принадлежал всё-таки человеку, хоть и непонятно, мужчине или женщине. — Ваша заявка одобрена. Подтвердите получение входящей документации…

Долгая пауза. Это было непривычное ощущение. Алекс вдруг почувствовал себя добычей, настоящей добычей, а не Охотником. А ведь есть ещё возможность уйти от погони, пока Крис где-то на первом этаже, ещё можно успеть вылезти в чердачное окно и по брёвнам спуститься вниз, как кошка. Не слишком изящно, но…

Едва завершив видеоконференцию, Крис скатился с дивана на пол и, словно заправская рок-звезда, проехался по гладким доскам на коленях, победно вскинув голову.

— Алекс?

Так, анабиоза не получится. Но и отзываться не буду. Поиграем в прятки, птица?..

— Мы выиграли грант, Охотник! — услышала вечерняя Ладога благую весть, принесённую сероглазым хакером из глубин реки-под-рекой, в которой несколько минут назад завершился многочасовой конкурс на право участия в заоблачно крутых и перспективных исследованиях, под которые мировое научное сообщество не скупилось выделять весьма и весьма приличные средства.

— Что за тема? — откликнулся Алекс.

— О-о, пресвятой коннект, — кажется, от долгого пребывания в официальной обстановке Крис окончательно отвык, так что неизвестно, как он умудрился отыграть в транскоде себя прежнего, ледяного короля в непроницаемой броне высокого напряжения. — Наша песня, сверхдальняя телепатическая связь… Как там… Время идёт, и не видать пока на траверзе нашей эры лучше занятья для мужика, чем ждать и крутить вернье-еры[7]…

Внизу раздался невнятный грохот, Крис чертыхнулся сквозь зубы, а затем настала тишина. Пару минут Алекс подождал продолжения песни, но не услышав ни звука, решил спуститься вниз.

В комнате было пусто. На улицу, что ли, покурить вышел? Охотник выглянул на крыльцо. Хм, никого…

— Кри-ис?..

Еле слышный шорох где-то за диваном в тёмном углу комнаты.

— Тут я.

Растрёпанный хакер вылез из-под дивана, держа в руках флеш-карту.

— Чуть не упустил в щель, — отдышавшись, пояснил он.

А вот улыбаешься ты зря, Овер. Я бы поддался магии этой беспечной, мимолётной усмешки на твоём лице, если бы оно, это лицо, не было бы сейчас таким бледным.

— Что с тобой?

Твои вопросы, Алекс, как удар без промаха, которому ты меня всё учишь-учишь, да никак… Ладно, зато я мастерски умею уклоняться.

— Э-э… Да ничего, задолбался просто с этим марафоном. Не судьба мне, видимо, отрешиться от мира и познать дзен. Раньше мог выдать трое суток без сна, сейчас только пару… Старею, что ли, — боги, Овер, откуда в тебе ещё берутся силы шутить. — Кстати, мне кто-то обещал читать вслух после ужина. А?

Есть. Ответная улыбка.

— Всё-таки поймал на слове, — рассмеялся Алекс, шмыгнув на кухню. — Погоди, сначала тот ужин надо…

Проводив взглядом спину Охотника, Крис позволил себе рухнуть в кресло, обессиленно откинув голову назад. Пара минут на перезагрузку, а потом он снова будет в норме. Чёрт, а гарантийный срок закончился ещё весной… Ну и ладно. Как там?.. «Ведь не будет так, чтоб и волки сыты, и овцы целы»?

Твоя Олеся заломила слишком большую цену за анальгетик, Алекс. Гораздо большую, чем стоимость обновления моих наномашин. Но я не выбирал ни секунды, ведь если есть ради кого жить, можно как-нибудь обойтись без их переактивации до лучших времён.

Едва дождавшись окончания болезненного спазма в сердце, Крис несколько раз глубоко вдохнул, синхронизируя собственное дыхание с резко замедлившимися ударами пульса, заставляя его прекратить эти свои чёртовы перебои. Н-ничего, пройдёт. Осталась самая малость — неслышно подойти к Алексу, который вовсю хозяйничает за столом, и осторожно обнять его сзади, прижавшись щекой к тёплому плечу… в серой краске? Неважно.

Мне хватит этого, чтобы восстановиться.

— Ты точно в порядке, Овер?

— Да…

Ложь во имя твоего спокойного сна, свет мой.

Прости.

Что-о?!

«Отказ в получении гранта на тему…»

Рафаэль раздражённо стукнул кулаком по столу. Целая неделя томительного ожидания — и кукиш с маслом?! Неужели обычная простуда испортила впечатление от его речи на «ТехноКоне», неужели он и вправду зашёл слишком далеко, словно Икар, дерзко взлетевший к небесам вопреки отцовским наставлениям? Ни денег теперь, ни славы. И правда, как там говорится: «За двумя зайцами погонишься…» Кто же, чёрт подери, обошёл его сверкающий крейсер?

«Souls Unite». Название ничего не говорило Рафаэлю. Компания-однодневка, надо полагать. Интересно, кто за ней стоит, а?.. Сайт наполовину в разработке. А ну-ка, глянем в раздел «Контакты»… Адрес, карта Санкт-Петербурга со спутниковой меткой, и… имя того, кто вывел его на новый уровень, а взамен был уволен лично им, Рафаэлем, там, на Ладоге.

Махнув рукой в сторону экрана, Рафаэль заставил свой моноблок перейти в ждущий режим до следующего утра. Что ж, Санти, сегодня ты ночуешь на новом месте. Линда уже приняла тебя победителем. Посмотрим, примет ли она тебя проигравшим.

Сидя напротив Рафаэля за столиком модного ресторана, луноликая богиня внимательно слушала его долгий рассказ о неудачной презентации на «ТехноКоне», терпеливо ожидая, когда же Санти перестанет ходить вокруг да около и нырнёт глубже, вытащив на поверхность истинную причину своего раздражения.

— Угадай с одного раза, Линда, кто руководитель той шараги, которая увела грант прямо у нас из-под носа?! — не выдержал, наконец, Рафаэль.

Линда задумалась. Она давно потеряла контакт с большинством старых знакомых из «Div-in-E», но личность какого-нибудь рядового сотрудника, уволенного накануне и решившего отомстить, не заставила бы аргентинца так быстро скинуть маску холодного спокойствия и на минуту стать собой прежним — тем, кого он с самой зимы стремился упрятать с глаз долой и, кажется, почти преуспел.

Значит, кто-то из близких соратников.

Эйрик? Не похоже на него, давно ушёл в прошлое тот лёгкий на подъём норвежец, любитель пятничных кутежей и растрёпанных волос, разметавшихся от скорости, выжатой из мотоцикла.

Стейнар? Этот вечный «ведущий программист отдела», который впадал в тихую панику, если под его началом оказывалось больше трёх человек? Он, пожалуй, достаточно сумасброден для того, чтобы присоединиться к очередной рискованной затее, но недостаточно смел для того, чтоб её возглавить.

Неужто Шанкар? Ох, говорил же тебе Крис, что Оракул — как сосуд с водой: можно долго лить туда всякую гадость, полагая, что сосуд бездонный, а потом однажды получить в лицо такой выплеск, который собьёт тебя с ног и отшвырнёт прочь, как щепку…

Стоп.

Угадать, о ком идёт речь, можно ещё и по имени того, кому адресована загадка.

И, если уж говорить начистоту, то ты, Иштар, знаешь одного такого сероглазого хакера, которому под силу в рекордно быстрые сроки собрать команду и фениксом возродиться из пепла, с лёту выдавая ещё более захватывающие идеи, которые немедленно обретали последователей.

— Э-э… Неужто… Мой… — Линда замялась. Ты сама потребовала развода от Кристиана, так кто он тебе теперь?

— Да, Линда. — Рафаэль сжал под столом кулаки, на одном выдохе выплюнув три ненавистных слога: — Крис Вебер. Подобрал тех, кого я выгнал со своего корабля, и решил дать мне пощёчину? А ведь я рассчитывал на этот грант, чтоб его…

Покрутив в руках бокал вина, Линда поджала губы. Честно говоря, ей было глубоко наплевать на все эти битвы высоких технологий, но безмерное удивление и глубокая обида в голосе Рафаэля помимо желания запустили в ней программу «Мамочка поможет», и Линде больших трудов стоило придержать коней, напомнив себе, что все те, кого она за волосы вытягивала из болота, улетали прочь от неё, едва просушив свои крылья на ветру свободы.

Надоело… Линда одним махом отпила половину содержимого бокала и в упор посмотрела на Рафаэля. Терпкое красное вино ударило в голову, унося Линду в тот день, когда родился Лин. Бог знает, что на неё нашло, но по возвращении домой она выкинула свои любимые драные джинсы и заказала полный комплект новой, элегантной мебели вместо разнокалиберного, слегка потёртого беспорядка, проигнорировав просьбы Криса «оставить хотя бы во-он то кресло» и слёзы Маши по поводу того же самого кресла, в котором она любила вить себе гнездо, играя в орлицу на вершине горы.

Если бы Крис узнал тогда, что пусковым стимулом к столь

радикальным изменениям послужила короткая формулировка «Позднородящая», которую шёпотом выдала в сторону Линды какая-то акушерка старой закалки, он бы сначала приложился головой о стену, а потом сказал бы:

— Не лишай меня моей Иштар, Линда.

— Тебе уже не пятнадцать лет, Линда. Пора бы немного повзрослеть, стать адекватнее, — далёкий голос матери идёт помехами в эфире, заглушая голос мужа и выводя в первую линию шёпот акушерки. — Или ты вознамерилась всю жизнь соответствовать диагнозу «отставание в социальном развитии»? Помнишь, в три года невролог сказал, что…

Линда помнила — конечно же, не из первоисточника, ибо при ребёнке врач такого не стал бы говорить, а в вольном пересказе из уст собственной матери, которая возвела эту формулировку малоопытного специалиста в ранг кармической печати, которую дочь была обязана смывать всю свою жизнь.

Тебя уже нет в этом мире, мама, но за своим плечом я всё равно чувствую твой бдительный, оценивающий взгляд, который ты бросаешь на всё, к чему мне стоит подойти слишком близко.

Интересно, что бы ты сказала, став бабушкой неходячего ребёнка?

А, впрочем, знаю.

То же самое, что и, допустим, в ноябре прошлого года, если бы разнюхала про Ладогу. То же самое, что и всегда…

«Ну, и как на тебя люди теперь смотреть станут? Говорила я, от Криса твоего кроме проблем, ничего путного. Сама его выбрала, сама и расхлёбывай».

Лю-юди. Да плевать она хотела… Но положение обязывало. У жены преуспевающего руководителя не может быть сына-инвалида, а если он есть, то это, конечно же, её вина. Тот редкий случай, когда общественное мнение совпадало с личным, ибо Линда потеряла счёт бессонным ночам, в течение которых она кляла себя последними словами за то, что вернулась к работе с биологически опасными препаратами, не подозревая о том, что её запрос на второго ребёнка уже получил в небесной канцелярии статус обработанного. И вот так-то она отблагодарила своего запредельного Кристиана за все те годы, что он подарил ей, согласившись тянуть на своих плечах сначала Линду, затем Машу, а теперь ещё и Лина?!

О, нет. Ради их с Крисом благополучия, ради того, чтобы красавицу Марию в школе никто не дразнил «неполноценным» братом, загнанная богиня с розовыми волосами сутками напролёт вкалывала в собственном салоне красоты, отточив свою улыбку до совершенства, и заводила там полезные знакомства, если

чувствовала, что человек мог бы пригодиться её или её близким. Ради того, чтобы возвести вокруг своего маленького уютного мира сверкающий бриллиантами непроницаемый купол, требующий бережного отношения и ежедневной полировки, Линда встроила в себя датчик, который затыкал её сердце и акушерским шёпотом говорил уму, что, как и в какое время должно произойти в расписании жизни её горячо любимой семьи. Датчик, который маминым голосом подсказывал ей слова и жесты, прошедшие строгую проверку на соответствие критерию «адекватности». А ещё в тот год, когда родился Лин, луноликая богиня впервые надела на себя маску жертвенности-во-имя-семьи, заставив себя пройти точку невозврата к юной Иштар, чтобы совершить самосожжение себя прежней, и горючей жидкостью для этого ритуала ей послужили собственные слёзы, в которых буйно смешалось горькое бессилие и неизбывное чувство вины, а искру в её душе высекли серые глаза Кристиана, который, как и всегда, ничего от неё не требовал и тем повергал богиню в откровенное смятение, ибо тогда, на острие клинка, Линде казалось, что безусловное принятие — это самая неадекватная реакция, которую могла бы получить никчёмная жена от своего идеального мужа.

Крис ничего не требовал и через год, и через два. Он просто начал приходить домой с работы всё позже и позже, а потом стал ночевать в собственном кабинете. Заподозрив неладное, Линда раздобыла скрытую камеру и установила её на смартфон мужа, сутками напролёт мониторя эфир в ожидании увидеть свою соперницу, но соперницы не было, а от ночных бдений богиня лишь осунулась ещё больше, так, что посчитала себя недостойной того пурпурного шёлкового белья, которое Кристиан подарил ей на очередную годовщину свадьбы.

О, если бы Крис изменил ей с кем-то… Это ещё можно было бы понять. Но чем больше усилий Линда прилагала, чтобы быть безупречной женой и идеальной матерью, тем кислее становились улыбки на лицах мужа и детей, которые даже понятия не имели, как горько плачет Иштар ночами в туалете, и как крепко она сжимает зубы, грозясь раскрошить их до корней, чтобы ежедневно подниматься раньше всех, а ложиться — всех позже, чтобы наготовить целый холодильник полезной еды, которую потом забракует капризная Маша, чтобы быть с иголочки одетой и не навернуться на острых шпильках, катя в школу коляску с маленьким Лином, чтобы, чёрт возьми, сдержать поток бранных слов, готовый сорваться с её губ, когда, наконец, каблуки ломались, и Линда разбивала колени до крови, привычно глуша боль мыслью о порванных колготках.

Лину было десять, когда Линда не выдержала и сорвалась со своих ангельских высот. Падение было опасным, откровенным и безумно притягательным. В компании нескольких подруг Линда решилась пойти на ночную вечеринку в стрип-клуб, ничего не сказав Кристиану.

Вечеринка набирала обороты, и в какой-то момент Линда оказалась выдернутой на сцену, прямо к самому шесту. С одной стороны от неё танцевал рослый блондин-стриптизёр, а с другой — полуобнажённая девица-хостесс с короткими, почти под мальчика, волосами цвета шартрез. Линда была изрядно пьяна, а дело довершил маленький косячок, неумело скуренный ею в туалете, и теперь Иштар тихо подхихикивала, то утыкаясь лбом в плечо блондина, который немедленно начинал ласкать её там, где раньше дозволено было только мужу, а то приобнимая за талию эффектную девушку, которая змеёй извивалась рядом с ней. Что Линде понравилось больше — мужские ласки или женская грация, она и сама толком не смогла понять.

Рассветный луч наложил табу на воспоминания о прошедшей ночи, но через месяц Линду вновь пригласила в клуб та самая девушка с электрически-жёлтыми волосами, и богиня приняла её приглашение, не раздумывая. В конце концов, Крис вечно на работе, Маша забыла про маму, усвистев гулять с подружками, а Лину ничего не надо, кроме как засесть в своей комнате наедине с конструктором или очередным паззлом.

Но соцсетям не прикажешь, и боги реки-под-рекой смогли выкрутить так, что очередную порцию снимков из фотоугла ночного клуба, на которых Линда была отснята в весьма откровенной позе, Кристиан увидел в виде записи на странице жены быстрее, чем она сама. Отправителем фотографий значилась некая Леди М, андрогинная девушка с прядями цвета концентрированного фурацилина, в чувственных объятиях которой застыла томно изогнувшаяся богиня в чёрном латексе, навсегда пригвождённая к месту и времени яркой заполняющей фотовспышкой.

Когда Кристиан вернулся домой в десять вечера вместо привычной полуночи, Линда поняла, что очень скоро, сразу после молчаливого ужина, воспоследует что-то из ряда вон, ибо Крис впервые за последний месяц смотрел ей прямо в глаза, а не куда-то мимо, и киловольты грозили разорвать его тёмно-серую радужку к чертям.

— Я тут подумал, Линда… Мы давно никуда не выбирались. Машка с Лином в летнем лагере. Отчего бы не тряхнуть стариной? Мне кажется, у тебя есть на примете пара интересных мест.

Дьявол. Не успела скрыть запись от твоих глаз, хакер. Давай, мой безупречный падре, скажи мне, как сильно я согрешила. Только прости, но на эти шесть часов от заката до рассвета, на личное время свободы тёмной богини, я никогда не предоставлю тебе админских прав, ибо для того, чтобы упасть со мною за руку, тебе придётся испачкать свои белоснежные крылья.

— Там вход по приглашению, Крис.

«И от меня ты его никогда не получишь».

— А, ну ладно…

Слишком быстро сдался, даже с поправкой на хроническую усталость, Овер.

Кристиан отходит к раковине, чтобы разгрести гору немытой посуды. Ты бунтуешь, богиня. Знаешь, а у меня сегодня достижение. Километрами по маршруту «дом-работа», набежавшими на дисплее аэроцикла, уже можно дважды покрыть окружность земного шара. Наверное, достойный повод, чтобы послать к чёрту рутину жизни и попытаться заново разжечь медленно затухающий огонь в глазах. Отчего ты не хочешь допускать меня на ту территорию, где твоего тела могут равно касаться мужские и женские руки? Знаешь, если гора не идёт к Магомету, то…

Тонкий нож для фруктов вполне подойдёт.

Стремительно развернувшись, Крис задевает локтём чашку, стоящую на самом краю стола. Звон разбившегося фарфора на миг отвлекает богиню-хранительницу дома, и Кристиан пользуется её растерянностью, сшибая Линду со стула вниз, на пол. Отчаянное сопротивление, короткий тычок в рёбра, но, кажется, она напрочь забыла, насколько сильным бывает Овер-с-отключённой-блокировкой. Овер, который с силой гидравлического привода разводит в стороны её, Линды, ноги своим острым коленом. Овер, в руках которого даже нож вспоминает своё истинное назначение, предвкушая не фруктовый сок, а свежую кровь.

— Я видел… Фотки… — обжигая Линду своим дыханием, шепчет ей на ухо Крис. — Там были… такие игры… Почему не говорила… что хочешь попробовать…

На секунду светлые очи Линды встречаются с потемневшими глазами Кристиана. О, моя богиня, ты сама подписалась на это. И не чёртовыми снимками, а лишь тем, что предпочла искать новые удовольствия в чужих руках, словно заранее решив, что раз я никогда раньше не предлагал тебе ничего подобного, то по умолчанию неспособен апгрейдиться до расширенной версии, так что и говорить со мной об этом нечего.

Раздевайся, луноликая. Сейчас я покажу тебе все

возможности новой демо-версии, и даже ужас в твоих глазах не остановит меня.

— Сама снимешь или тебе помочь? — поддев остриём ножа край кружевных трусиков, тех самых, которые он, Крис, подарил ей на день рождения и в которых Линда щеголяла месяц назад у шеста, Крис с безумной улыбкой добавил: — Пожалуй, помогу.

Сверкающая сталь разрывает тонкое кружево, и Линда судорожно дёргается, когда холодный металл касается её кожи, заставляя тело покрыться липкими мурашками страха, ибо весь её небогатый опыт БДСМ-отношений вопит сейчас о том, что нынешняя игра вышла из-под контроля, едва начавшись. Нет в ней желания сейчас… То есть, может быть, и есть, если поискать, но инстинкт самосохранения упорно заставляет Линду сопротивляться до последнего, ибо смерть в нечеловечески сильных руках этого генератора высокого напряжения обещает быть поистине мучительной.

Как там положено?.. Ох, рискнём.

— Повелевай мною, господин, — покорно опустив глаза, прошептала Линда.

Запрос.

— Господ в семнадцатом году перебили, — тёмная усмешка Криса-с-той-стороны-зеркала, нож у горла, а тонкие пальцы глубоко в… какого хрена?!

Истошно закричав, Линда начала извиваться всем телом, пытаясь соскочить с этого крючка, который грозил разорвать пополам то, что равно могло сделать её и матерью, и шлюхой. Крик ударил Кристиану в уши, и нож в его руке непроизвольно дрогнул, оставив тонкий порез на нежной шее Линды. И в тот момент, когда Крис дошёл в своём стремлении вперёд до самого предела, тёмная кровь переполнила царапину, и хакер молча прильнул губами к порезу, словно желая выпить свою богиню до дна.

А потом случилось самое странное. То, чего Линда, уже начавшая кое-как ловить сквозь адскую боль волну нового, непривычного возбуждения, не смогла ни понять, ни простить Кристиану.

Он осторожно извлёк пальцы из тёмных, жарких недр своей жены, поднялся на ноги и, повернувшись к истерзанной богине спиной, вымыл руки под кухонным краном.

Вот оно, истинное унижение, способное причинить страдания большие, чем тысяча плетей.

Вот такой была их последняя совместная ночь, после которой Крис стал ночевать в своём кабинете. И если до Ладоги Линда пребывала в абсолютной уверенности, что тогда, на холодном

кафельном полу кухни, Крис не довёл дело до конца оттого, что сам не смог выйти на нужный уровень возбуждения, то теперь поверженной богине ничего не оставалось, кроме как признать, что в ту ночь ей изящно намекнули, что «не для вас мой заряд набирался».

И если Рафаэль хочет отомстить Овердрайву, то Иштар сама поможет ему в этом, каким бы там у него ни был повод. Потому что истинная причина — одна, и звучит она голосом Линды: «Ты позволил себе унизить меня, Овер? Так познай сам, что значит быть униженным». А теперь смотри под ноги, Санти, смотри внимательно, чтобы вовремя заметить карту, обронённую щедрой богиней:

— Помнится, ты говорил мне, что этот грант — история с продолжением? А не хочешь попробовать заслать к ним шпиона?

Рафаэль, всё это время с тревогой пытавшийся заглянуть в глаза Линды, которую унесло в дали тёмных воспоминаний, заметно оживился.

— А что, можно попробовать. Ха, я даже знаю, кого туда можно закинуть. Ты гений, Линда. Спасибо. Но… Получается, что мы вроде как воруем у твоего…

— Кого? — светлые глаза богини полыхнули в свете хрустальных ламп. — Он мне уже никто, Рафаэль. В отличие от тебя.

Вместо ответа Санти поцеловал Линде руку, и щёки довольной богини слегка порозовели. Воистину, как же мало нужно женщине для счастья, подумал аргентинец. Всего-то пара красивых слов, ужин в ресторане и сладкая месть на десерт.

* * *

— Просыпайся, Охотник. Так ты всё пропустишь…

Интересно, на каком из слоёв их с Крисом общей реальности Алекс уже слышал эту фразу?

— С тобой пропустишь, — на автомате откликнулся он. — Кто целую неделю пропадал в Питере? Ладно, ладно, молчу…

Пока Алекс медленно приходил в себя, не открывая глаз, тёплое июльское солнце опустилось почти до самого горизонта и сейчас окрашивало занавески в огненный оттенок волос незабвенных братьев ван Эйков.

Вновь лёгкие шаги в комнате, тихая песня… Песня?! О, наверное, Крис решил, что разбудить друга ему не удалось, поэтому, Охотник, постарайся не спугнуть эту птицу. Замри, дыша через раз, и слушай её тихий голос…

— Оставь свои тревоги, что мы так непохожи
И то, что гороскопы наши не сошлись.
Не жди дорог пологих, они ровней, быть может,
Но мало счастья в этой будничной пыли…[8]

Пытаясь удержать в пальцах тающие нити сновидений, Алекс мысленно перенёсся тот далёкий день на «ТехноКоне — 2064», когда Крис битых полчаса мучил звукооператора, чтобы тот поднял громкость на его микрофоне, но куда там: всё, что можно, техник уже выкрутил на максимум, а чтобы добить до конца зала, Оверу то и дело приходилось срываться чуть ли не на крик.

Нет, птица, твой козырь — не в диапазоне покрытия, а в точности прицела, ибо если твоя тихая песня достигает цели — пиши пропало, ты можешь делать со своим слушателем всё, что угодно.

— Ты свой день рождения во сне отмечать планируешь, а, Алекс? — присев на край кровати, Кристиан осторожно откинул край одеяла, а секундой позже Охотник почувствовал, как тонкие пальцы ласково перебирают его отросшие за лето волосы.

О боги, сегодня же его день рождения…

Кажется, Алекс возненавидел эту дату уже в старших классах школы и с тех пор предпочитал никак не выделять её среди прочих дней своей жизни. Но сейчас рядом с ним был сероглазый хакер, которому ничего не стоило сбить его, Охотника, таймер и переписать вместе с ним всю систему координат. И, раз уж Овер настроился на праздник, так тому и быть.

Пока Алекс привычно зависал на отметке «водные процедуры», солнце уже наполовину село за острую кромку леса, прощальным лучом превращая золото мокрых прядей Охотника в расплавленную медь.

Алекс толкнул плечом скрипучую дверь душа и вышел на улицу, накинув полотенце на голову, поэтому Крис, словно разведчик, засевший в кустах, благополучно остался незамеченным.

Тихий щелчок зажигалки.

Нет, на этот раз не сигарета, Охотник. Кое-что… мм… по-настоящему красивое.

Искра. Ещё одна. Ну же…

Услышав треск сухой ветки, Алекс останавливается, даже не вздрогнув, а затем медленно оборачивается, прислушиваясь к шороху в кустах. Оправдываешь свой ник, Охотник. Ещё пара секунд — и ты разглядишь меня за этим чахлым северным кустарником, но я первым успел перехватить синее пламя твоего

взгляда и теперь…

Огонь.

Три. Два. Один.

С тонким свистом в вечернее небо ушла первая ракета, рассыпалась цветными искрами высоко-высоко. Громкий хлопок отдался далёким эхом в лесу. Следом за ней устремилась вторая и третья…

«Деньги на ветер», как любили приговаривать твои родители, но сейчас я вижу перед собой светлую, счастливую улыбку и понимаю, что им не удалось убить в тебе того шестилетнего пацана, в глазах которого до сих пор искрят фейерверки, когда-то давно сгоревшие без следа в высоких небесах.

Мы с тобой взлетели высоко-высоко, Охотник, и нам тоже суждено сгореть. Но прежде мы успеем зажечь искру в чьих-нибудь глазах.

Я знаю это.

Я верю.

* * *

Идти в ногу со временем и даже слегка его опережать — вот как выглядел девиз Лисовского, но в последние годы то ли ритму самой жизни можно было ставить диагноз «тахикардия», то ли он, уважаемый Георгий Антонович, стал безбожно отставать от общего потока.

И можно было сколько угодно учиться новым навыкам — в конце концов, Лисовский кое-как освоил технологию голосового управления и привык к интерактивному сенсорному дисплею, но что-то фундаментальное в нём так и осталось родом из тех далёких 2040-х, когда о беспроводном интернете через импланты ещё и речи не было, а он, молодой преподаватель, днём вёл в институте семинары по нейрофизиологии, а ночью до одурения читал тематическую литературу или запрещённые книги, чтобы через несколько лет решиться на свой первый подпольный эксперимент по вживлению микрокамеры ночного видения в глаз макаке-резус, а через неделю, когда убедился в успешности проведённой операции, и человеку. Человек оказался сотрудником спецслужб, и с тех пор государственные ведомства не беспокоили лабораторию Лисовского излишним вниманием. А потом пришла новая стажёрка с кафедры магнитобиологии, Ирма, кажется…

Учёный рассеянно мотнул головой и с усилием поднялся из кресла, чтобы распахнуть единственное окно своего узкого

кабинета, впустив внутрь безоблачное, жаркое июльское небо. Да что ж такое, старею, что ли… Опять унесло в воспоминания. Всё, хватит витать в облаках. Работы ещё непочатый край. Чёрт, а кто оставил «Альтаракс» включённым на ночь?

График сменных дежурств любезно подсказал, что вчера была смена Витьки Бубнова, неизлечимого троечника, которого отправили лаборантом к Лисовскому, словно в наказание за плохую учёбу, однако, ещё неизвестно, кто для кого стал большим наказанием…

Судя по количеству использованных светочувствительных пластин, установку использовали минимум три часа. Что, Витя, всё ещё надеешься обнаружить на задворках своего недалёкого мозга способности к телепатии? Сессию ты всё равно завалишь, что с ней, что без неё…

Стоп. Стройный силуэт на снимках явно принадлежал женщине. Олеся?!

Проверив карту памяти и лог-файлы «Альтаракса», Лисовский с удивлением обнаружил, что Олеся, судя по всему, пыталась использовать установку не совсем традиционным способом, хотя такой режим, в принципе, был предусмотрен разработчиком. Эта молчаливая женщина с фиолетовыми волосами запустила сканирование биополя в момент своих самых ярких и болезненных воспоминаний, чтобы умная машина подобрала частотный диапазон и цветовую гамму для коррекции её душевного состояния, читай, создания анестетика для памяти, измученной невыносимыми, еженощно повторяющимися короткометражками из прошлого.

Нет, Олеся, я не буду просматривать фильмы из твоей головы, которыми почти до краёв полна флеш-карта «Альтаракса». Считай это пережитком прошлого, рыцарством от науки, и пусть мою спину обжигают насмешливые взгляды амбициозных, расчётливых учёных нового поколения, но я не кинусь тащить всё, что плохо лежит, едва представится возможность.

Однако ж, и ты, пожалуйста, соблюдай порядок в работе, нечего разбрасывать бумагу по всей кабине, тем более если ты делаешь важные записи… Э-э… Что?

> «поездка в чехию. гранатовая подвеска. почему я её ещё не продала?»
>
> «мост. река. разговор о детях. на тот берег по льду. назло мне!»
>
> «…ты готов на всё».

Последний лист был разорван пополам, и левой половины

Лисовский отыскать нигде не смог. Интересней было другое. Проявив светочувствительные пластинки, учёный присвистнул. Нет, телепатических способностей у Олеси по-прежнему не было. Просто в те моменты, когда она, забившись в ровно гудящие недра установки, черкала карандашом по бумаге, выплёскивая на неё вперемешку свои горькие и радостные воспоминания, в её биополе возникали настолько мощные пробои, что войти в её сознание можно было так же легко и быстро, как стрелой нырнуть с пирса в море, разбрызгивая вокруг себя сверкающие на солнце капли солёной воды…

Решено. Прочь из лаборатории — и в Серебряный бор, окунуться в реку, а потом упасть на песок, отдышаться и додумать до конца ту мысль, которая осенила учёного и теперь лежала где-то в голове маленьким клубочком ниток, предназначенным для разматывания на свежем воздухе, у самой воды Москвы-реки.

* * *

Хм, а команда подобралась что надо. Уж с чем — с чем, а с коллективом Кристиану всегда везло. Тем более с таким коллективом, в котором все эти владельцы учёных степеней на первое в истории «Souls Unite» совещание устанавливают себе облик хиппи в драных джинсах и технорокеров из 2060-х, дабы войти в реку-под-рекой в том облике, который соответствует их истинному состоянию души.

Тем не менее, к концу третьего часа конференции гвалт поднялся невыносимый, и Крис, чувствуя, что дело зашло в тупик, нейрохирурги не понимают программистов, программисты — психологов, а инженеры — конструкторов, объявил перерыв. Тем более, что ещё с утра Маша прислала очередное видео, на этот раз из Индии, а Крис до него так и не добрался.

На коротком полуминутном ролике, надо полагать, отснятом Хидео, дочка танцевала в традиционном индийском сари в компании двух полноватых, но удивительно пластичных женщин. Внизу бежала узкая текстовая строка на хинди и ломаном английском, и, кое-как справившись с переводом, Кристиан понял, что смотрит сейчас не просто танец, а целую историю жизни одного из героев индийского эпоса. Каждый жест, каждый взгляд нёс в себе смысловую нагрузку. Ни единого шага не делалось просто так. Улыбка в уголках губ была выверена до миллиметра: чуть больше — и она станет означать нечто совсем другое, собьётся шифровка, и придётся начинать заново, словно

радисту, потерявшему связь.

Нет, даже спустя двадцать лет работы с медиками Овер не считал себя вправе лезть в чужую область, но сейчас, кажется, ему было что сказать всем этим людям, которых он собрал под своим серебристым крылом.

— Мы застряли на том, как модифицировать импланты, чтобы они стали усилителем наших мысленных сигналов. Но ведь в выражении мысли принимает участие не одна голова, а всё тело. Когда мы общаемся вживую, то получаем в разы больше информации, чем, например, при телефонном разговоре, когда слышим только голос, да и то порой с помехами… Я не знаю, возможно ли это, и лучше сразу скажите мне, если нет, но отчего бы нам не подняться уровнем выше? Нервная система ведь не ограничивается мозгом. Если мысль — это электрический импульс, для её усиления нам нужно подключить все системы организма, а мы по привычке разделяем человека на голову и «всё остальное». Как нам задействовать себя целиком?..

«Вспыхнуть и выложиться до конца», — раздался в голове Кристиана тихий голос Алекса, и хакер умолк, словно поймав волну Охотника даже сквозь поверхность реки-под-рекой, которая разделяла их сейчас, хотя откуда этот светловолосый кодер мог знать, о чём тут в эти минуты идёт речь? А может быть, ещё немного, и он догадается, что…

— Есть такой способ. Наномашины.

Вспыхнуть и выложиться до конца.

Алекс едва слышно вздохнул, вытягиваясь на голом полу в гостиной. Лёгкая немота разливалась по телу, наполняя каждый кубический сантиметр плоти тягучим ощущением звенящей пустоты. Абсолютная тишина обостряла слух до крайности, ведь только так можно было различить дыхание Овера, нырнувшего в реку-под-рекой ещё поутру.

Вспыхнуть… Проще простого. Для этого не нужен даже импульс извне. Алекс усмехнулся своим мыслям. Всего-то и надо, что собрать силы в одной точке парой сантиметров ниже основания шеи, задержать дыхание и закрыть глаза. И тогда на сороковой секунде, когда инстинкт уже порежет на ленточки все остальное внутри и заставит вдохнуть, перед глазами встанет золотистое марево и нестерпимо ярко полыхнёт белым.

А уж выложиться до конца несложно. Было б ради кого.

Алекс с трудом приподнялся на локте. Серокрылая птица лежала без движения. И всё равно есть ради кого. Только сначала надо дождаться, не сгорев просто так.

«Странные мысли лезут в голову», — мельком подумал он,

снова падая на пол. Странные, не ко времени и месту, будто с другого уровня коннекта.

Охотник очнулся. Кроме трепещущего пульса в висках, который стремился превратиться в один звонкий удар, внутри не было ничего. Абсолютно ничего.

Медленно шли минуты. В затёкших руках, лежавших на плечах спящего Овердрайва, пробегали лёгкие искры и гасли на кончиках пальцев.

Охотник улыбнулся. Он знал, что эти искры — последний отголосок пламени, в котором сгорела его душа и весь он впридачу. Самая малость осталась, вырубиться до рассвета, чтоб с солнцем вместе восстать из пепла. А Овер пусть даже и не догадывается, откуда этот сумасшедший заряд в нём наутро…

Ведь если что ещё умею, так это вспыхнуть и выложиться до конца.

* * *

К моменту возвращения Эйрика и Стейнара из долгой командировки в Объединённую Скандинавию, за время которой норвежцы не без помощи обильных возлияний наладили контакты с местными разработчиками, компания «Div-in-E» преобразилась настолько, что напоминала собственное отражение в искривлённом зеркале. Три проекта из десяти были переведены на самоокупаемость, а помимо этого Рафаэль лично подписал крупный контракт со спецслужбами, раздери их троян, в соответствии с которым добрая половина из оставшихся сотрудников была вынуждена оставить свои подписи на документах о неразглашении секретной информации сроком на …дцать лет, в течение которых ни о каких свободных поездках за рубеж для них не могло быть и речи.

Ни разу за почти двадцать лет существования «Div-in-E» в стенах её офиса не было слышно такого неудержимого, зубодробительного мата, какой на одном дыхании выдал в адрес Рафаэля до крайности возмущённый Стейнар.

— …чтоб тебе, Санти, даже ведьма лысая не дала, — поперхнувшись, закончил Стейнар, и, едва откашлявшись, добавил, — а я пошёл писать заявление и собирать своё барахло. Ноги моей тут не будет.

— Хорош орать, Шторм, — попытался осадить взбешённого друга Эйрик, но Рафаэль равнодушно пожал плечами и махнул рукой, мол, вали уже на все четыре стороны; видишь, люди работают, так не мешай им своими выкриками.

Едва оказавшись на улице, Стейнар порывисто вытянул из заднего кармана пачку сигарет и, едва не разорвав её пополам, вытянул одну. Еле уловимое движение руки в сторону друга, но Эйрик отчего-то мотает головой.

— Поздравляю, Стейнар, — невесело усмехнулся Эйрик. — Куда теперь, свободный художник?

— А чёрт его знает, — вместе с дымом выдохнул Шторм. — Может, Крису напишу. Настька недавно обмолвилась в общем чате, что он вроде как снова собирает неприкаянные души под своим крылом. Хочешь, вместе уйдём?

— В закат, ага, — Эйрик и не думал скрывать горькую иронию в голосе. — Ты счастливый человек, форевер двадцать два, так и не обзавёлся семьёй. А у меня семеро по лавкам, ещё и кредит. Ох, если б ты знал, до чего я хочу накуриться с тобой сейчас, как неделю назад в Стокгольме, но нет, жена учует и начнё-ётся…

Стейнар затушил окурок и прищурился на Эйрика, обессиленно прислонившегося к узкой колонне у стеклянных дверей офиса, словно старый мотоцикл, из которого владельцы выжали, что могли, и от окончательного развала его удерживает лишь стена в сумрачном углу гаража.

— Иди, Стейнар, — тихо произнёс Эйрик, устало прикрыв глаза. — Крису привет. Пиши, как время будет. А сейчас уходи и не оглядывайся, прошу тебя. Хочу, чтобы для меня ты навсегда остался Штормом.

* * *

Отпустив замученную Олесю и пару молодых лаборантов, Лисовский заперся в кабинете, скинул замызганный халат и, не раздеваясь, упал на раскладушку, стоящую прямо за лабораторным шкафом. У него, конечно, была квартира, но ехать туда во втором часу ночи ради того, чтобы ещё острее почувствовать своё одиночество, учёному что-то совсем не хотелось. Лучше уж тут, в призрачном соседстве госпожи Науки, которая готова приоткрыть пытливым умам бесчисленные шкатулки своих светлых и тёмных загадок. А взамен требовала от своих восторженных почитателей всего-то отказаться от суетной радости семейной жизни и искристого вкуса вечерних развлечений в компании друзей, которых Наука также оттесняла своим заполняющим сиянием, в любой момент готовым превратиться в ядерную вспышку, сжигающую дотла тех малодушных отступников, которые не сумели вынести

открывшихся перед ними тайн.

Замотавшись в шерстяной плед, Лисовский незаметно для самого себя задремал. Кошмары снились ему редко, он умел управлять сюжетом собственных сновидений, но в последнее время эфир молчал, а может, просто эти полгода работы так вымотали учёного, что его мозг, не в силах обработать скрытый смысл снов, начисто стирал их перед самым пробуждением.

Интересно, а вот эту комнату необычной пятиугольной планировки и высокого темноволосого мужчину, лежащего в широком кресле, он тоже забудет?

— Вы точно уверены, Кристиан ээ… — тоненькая девушка в белом халате встаёт за спинкой кресла, и мужчина закидывает голову назад, чтобы взглянуть на неё. Лисовский смещает точку обзора, поднимаясь над плечом девушки, и заглядывает в тёмно-серые, словно грозовое небо, глаза её пациента.

— Просто Крис. Уверен. Поехали.

Девушка вкатывает Кристиану два полных шприца с голубоватой жидкостью и, не удержавшись, берёт его за руку. Она знает, что будет через три… две… одну…

— А, ч-чёррррт!..

Сероглазый резко выгибается на кресле, крепко зажмурившись и до крови закусив тонкие губы. Девушка едва сдерживает болезненный вскрик, когда мужчина судорожно сжимает её руку своими тонкими пальцами. Тёмная кровь из его вены толчком заполняет тонкую прозрачную трубку, подключённую к неизвестной Лисовскому установке пирамидальной формы. Через пару минут на прозрачном стекле внутри пирамидки появляется еле заметный серебристый отблеск, а очищенная кровь возвращается по другой трубке обратно к своему владельцу.

— Двадцать… минут… точно сможете? — выдыхает лаборантка. — Можем прервать в любой…

Пальцы Кристиана немного ослабляют хватку.

— Смогу. Не волнуйся, Юля… Сходи к Тимуру, скажи, чтоб готовился форматировать…

Дождавшись, когда лаборантка покинет комнату, невидимый Лисовский решился на невиданную авантюру — установить телепатический контакт с незнакомцем, не прерывая собственного сна. Склонив голову на подлокотник кресла, учёный глубоко вдохнул лёгкий свежий аромат, название которого было ему неизвестно, но удивительно подходило этому человеку, чья тонкокостная хрупкость была настолько обманчива, что заставляла невнимательного собеседника предполагать, будто силы воли у сероглазого едва хватит на пару минут процедуры.

Но шла уже десятая минута, а Крис всё не звал лаборантку, лишь изредка мотая головой, чтобы не вырубиться совсем. В такие моменты Лисовскому удавалось поймать обрывки его мыслей:

«Ну, и к чёрту вашу оплату по завершении, не даёте нам денег на материалы, так получайте секонд-хэнд, раздери вас троян… А, впрочем, я уверен, что Тимур и его команда перепрошьют эти наномашины так, что вы там челюсть с пола поднимать будете… Только бы определиться, в каком соотношении раскидать их потом… Вроде бы Владимир Фёдорович говорил, что половину всё-таки в мозг, а в пальцы четверть оставшегося…»

«Тётушка-бухгалтер, как её… Кажется, Дарина? Говорила что-то про молодёжный форум, у неё сын туда едет с докладом. Когда закончим, надо написать Лину, вот было бы классно их с Кирой на целых две недели туда… Только, чёрт, придётся как-то с Линдой говорить. Или не говорить? Действительно, нахрена, если там достаточно разрешения и от одного родителя?»

Стройный поток логических рассуждений внезапно прерывается яркой картинкой, стоп-кадром из немого кино: женщина с иссиня-чёрными волосами, которая настойчиво подталкивает вперёд инвалидную коляску с сидящим в ней худеньким мальчиком-подростком, шаг за шагом приближаясь с ним к латиноамериканцу средних лет, который вольготно развалился в его, Криса, рабочем кресле.

— Это твой новый папа, Лин, — вкрадчивый голос женщины лишает парня последних сил, ибо в нём слышится фоновое «Соглашайся, не то хуже будет». — Ну же, сынок, скажи: «Привет, папа!»

Не отдавая себе отчёта, где он — в лаборатории или в своей бывшей комнате — Кристиан всем телом подаётся вперёд, едва не разорвав вены тонкими катетерами, и какой-то датчик вне поля зрения Лисовского начинает пищать, как голодный птенец, отмечая резкое ускорение пульса его… мм… будущего коллеги?

«Р-раздери его дисконнект, не сейчас… Не вырубиться бы сейчас… Держись ты, размазня, долбаных пять минут осталось… Юлька закончит свои дела и на сегодня хорош, надо отпустить этих полуночников и самому тоже валить… А, ещё в магаз заскочить, Охотник просил корицу найти… Блин, только б его там без меня не…»

Яркая вспышка — и в сознании Лисовского, который к этому времени уже начал терять самообладание, ибо ни разу за всю свою многолетнюю практику ему не удавалось установить подобный контакт во сне, проявляется новый образ. Берег спокойного озера, ослепительно яркий рассвет, а на его фоне —

добродушный белый волк, невесомо стоящий на поверхности воды, и его снежная шерсть светится ярче тысячи солнц, а глаза — словно два осколка северного неба. Лисовский ещё не успевает подумать о том, бродят ли светящиеся волки по воде, как вдруг большая серебристо-серая птица пикирует вниз со звёздной высоты, и её уставшие крылья обдают учёного свежим запахом ночной прохлады. Птица ползёт к воде, и на её лапке становится видно золотое кольцо, от которого отходит ярко-розовый шнурок. В тёмно-фиолетовом сумраке уходящей ночи проступает стройный женский силуэт, и луноликая богиня торжествующе вскидывает руки над головой. В её пальцах — золотистый обруч, и шнурок проходит сквозь него, а другой, короткий, конец оказывается привязанным к шее мальчика, сидящего в коляске рядом с ней. При виде птицы и волка мальчик срывается вперёд, не замечая, насколько коротка верёвка, которая тут же врезается ему в горло, но богиня держит обруч крепко, и птицу резко оттягивает от волка назад, к богине. Белый волк кидается вперёд, чтобы перегрызть розовую ленту, но лёгкий взмах серого крыла останавливает его…

Обрыв соединения. Кажется, абонент всё-таки отключился.

Лисовский медленно открыл глаза и скатился с продавленной раскладушки на пол.

Думать о том, какие значимые для исследования выводы можно бы сделать из этого сновидения, учёному абсолютно не хотелось. А хотелось просто лежать навзничь, наблюдая, как на потолке возникают яркие полосы от фар редких машин, и представлять, что это злобные инопланетяне сканируют его лабораторию, пытаясь запеленговать источник невероятно мощного и чистого сигнала, который был случайно получен им, Лисовским, во втором часу этой летней ночи.

* * *

Если настроение первого совместного отпуска — это морская волна, то ничто в мире не способно погасить её лучше, чем напоминание о рабочих обязанностях или семейном долге, и если первого Марии удалось благополучно избежать, то со вторым она влипла по самые ушки, едва открыв письмо от матери:

24-JUL-2071
from: — ishtar-
to: Maria_Medici
Машенька, привет.

Скажи, пожалуйста, вы с Хидео можете на следующей неделе пожить у нас? Я уезжаю в командировку, а Лина одного оставлять не хочется, ты же знаешь, какой он нервный…

Еды я наготовлю много, так что не стесняйтесь, а то вон как после своей Индии исхудали.

Целую, мама

Мда, корректное завершение программы под названием «Отпуск» полетело к чертям.

Мария плюхнулась в кресло, пытаясь понять, из каких глубин в ней сейчас поднимается это неясное желание противостоять матери, ведь её письмо от первой до последней буквы было верхом приветливости и заботы. Цепкий взгляд девушки, полгода как работающей младшим тестировщиком в одной из небольших IT-компаний, ещё раз пробежался по тексту. А, вот оно. Знак вопроса после «у нас» — лишний. Дальнейшими пояснениями из категории «неоспоримые доводы» Линда не оставляла дочери выбора.

— Ты, кажется, говорила, что у Лина есть права на флаер? — ну когда же она научится замечать тот момент, когда Хидео бесшумно оказывался за спиной своей жены, каждый раз удивляя её каким-нибудь сюрпризом. Что на этот раз, мой обожаемый ниндзя?..

— Э-э… Ну, да. Он любит летать по району. Пару раз сбегал в одиночку на Ладогу к папе.

— Спроси его, согласится ли он освоить новые территории…

— Ты хочешь забрать его к нам? — на лице Марии появилась улыбка проказницы, замышляющей очередную шалость.

— Если ты не против, — в тёмных глазах Хидео проскочила лёгкая искра, какую, бывало, Маша видела во взгляде отца, правда в последние годы это стало случаться очень редко. — Я до сих пор не считаю, что хорошо знаком с твоей мамой, но мне отчего-то кажется, что Лину стоит немного развеяться.

* * *

Закат в конце июля умирал медленно, каплю за каплей выдавливая из себя терракотовый и алый, словно лето упорно не желало перелистывать страницу, дочитанную почти до конца. Тьма с Ладоги подкрадывалась с опаской, лапой сиреневых сумерек трогая зелёную полоску неба над пламенем упавшего за горизонт солнца.

Алекс, наблюдавший за этой метаморфозой цвета с крыльца дома, зябко поёжился. От озера потянуло холодом, и надо было б идти в тепло, но Алекс не шевелился. Он чувствовал, как вместе с воздухом остывает он сам. Медленно холодеют руки, тело гонит кровь с каждым ударом пульса всё спокойней и равнодушней, запрокинутое к небу лицо превращается в маску.

Только где-то над диафрагмой судорожно бьётся то, что отчаянно хочет жить.

Алекс заставил себя встать. Это было, в сущности, никому не нужно… В мозгах настойчиво крутилась мысль, что он сам никому не нужен. Вот сейчас он хлопнет входной дверью, на ощупь пересечёт короткий коридор и войдёт в большую комнату на первом этаже, полную бархатных сиреневых теней. Там на диване лежит Крис. В его имплантах — карта беспроводного интернета. Под закрытыми глазами — свинцовые тени, а дышит он так тихо и редко, что услышать это можно, только если положить голову на грудь этого сероглазого короля.

Овер пропадает в транскоде долгими часами. Охотник хлопнул входной дверью, перешёл коридор и заглянул в комнату. Как же всё стало предсказуемо… Он рухнул на пол, откинув голову на холодную руку Овера. Глупо. Глупо было надеяться, что мир оставит их в покое. Слишком много желающих присвоить себе Кристиана Вебера, а у меня не хватит сил, чтобы отстоять его у них. Тебя не разделить, Овер. И всё, что мне остаётся, — это стоять в очереди за кусочком твоих сил и души. Я прячу ярость в котле эмоций на самое дно, чтобы, переплавив её, выдать тебе заряд и ветер в твои крылья…

Охотник приподнялся и развернулся к лежащему без чувств другу лицом. Он стоял перед ним на коленях. В десятый, сотый раз? Давно уже не считаю. Мне немного надо, чтобы жить, даже когда ты настолько далеко от меня, что я на своей орбите превращаюсь в глыбу льда. Только слышать твоё дыхание. Только держать за руку. Только позволить маленькую вольность, как много лет назад.

Ты ничего не почувствуешь, но я всегда рядом.

Короткий поцелуй в губы.

И встать. Шаг за шагом. Назад. Не отрывая от тебя взгляд. До самой двери…

Я дождусь тебя, Овер. Каким бы брошенным не чувствовал себя сейчас.

Крис вынырнул из транскода. Под растрёпанными прядями чёрных волос жгли кожу разогретые импланты, подниматься с дивана не хотелось, но мысль о том, что между его новыми

коллегами наконец-то установился контакт и работа пошла полным ходом, придала Оверу немного сил. Всё-таки начинать с нуля было очень трудно, как бы прекрасно хакер не владел мастерством тактических отступлений на новые территории. Да, он потерял контроль над ситуацией, но, боги Сети, кто же знал, что люди способны менять плюс на минус так внезапно… Да и причина была серьёзная, чтобы на целых полгода пустить всё на самотёк. Увы, так считал только Крис и пара верных друзей, но не все остальные.

Светловолосая причина сидела в дальнем конце комнаты, исподлобья разглядывая друга.

Охотник молчал. Крис, пытаясь выдержать это синее пламя, прекрасно понимал, что Алекс хочет задать очень много вопросов… И молчит. Чёрт тебя раздери, ну подойди, спроси, возьми за руку! Я вымотан в ноль. Это уже не двойной узор, это испытание на выносливость. Меня берут измором, а ты…

А может быть, ты сердишься, Охотник, что на этот раз я не поймал тебя за руку и не увёл за собой, как тогда, далёкой летней ночью? Веришь ли, нет, но я уже был готов предложить тебе место в новом проекте, но вовремя заткнулся, вспомнив тот панический ужас на твоём лице, с которым ты озирался на коллег, едва пришёл в себя после того приступа в офисе. Одной фразы — «Они никогда не забудут меня таким» — мне оказалось достаточно, чтобы найти время и возможность спрятать тебя от неизбежных, почти случайных взглядов наших с тобой соратников, неважно, что бы там в них сквозило — тайная боязнь, праздное любопытство, робкое сочувствие… Рискну предположить, что и ты не захочешь возвращаться к тем, у кого не хватит силы духа оставить в памяти все подробности того далёкого дня и при этом сохранить прежнее отношение к тебе.

Август 2071

«Мы ничего не скажем маме». Лучший код на разблокировку высшего уровня доверия.

К концу недели, проведённой среди «аскетичного хайтека» в квартире Маши и Хидео, которые научили Лина закладывать лихие виражи на аэроцикле, выдерживать ночь напролёт в сетевых играх, готовить курицу карри, а главное — не запрещали ему встречаться с Кирой, мальчик наконец решился.

— Маша, — отозвав сестру в сумрачный закуток между прихожей и комнатой, Лин глубоко вдохнул, прикрыв глаза, словно не желая раньше времени выдавать точные цифры мощности своего заряда. Совсем, как папа, мельком подумала Мария, когда её брат на одном дыхании выпалил:

— У мамы появился другой мужчина.

— Э-э… Что-о?! Давно? Кто?

— Его зовут Рафаэль. Фамилию я слышал лишь раз и не запомнил, но он мне показался откуда-то знакомым. А, помнишь, когда в том году папа притащил своих друзей с работы… Короче, он ночует у нас пару раз в неделю. Похоже, у него с мамой всё серьёзно.

Больше всего Маше хотелось сползти по стенке и прислониться горячим лбом к тонким холодным ободам коляски Лина, что она и позволила себе сделать, еле слышно пискнув откуда-то снизу:

— Неужели это Санти? Быть не может… Но какого хрена?.. Слушай, а папа в курсе?

— Я ещё не рассказывал ему, — отозвался Лин. — И не знаю, стоит ли. В начале июня мама с ним развелась.

Контрольный.

Маша застонала. Злость могла бы толкнуть её на откровенный разговор и весьма решительные действия если уж не по изгнанию непрошеного чужака (в конце концов, мама имеет право встречаться с кем хочет), то по крайней мере по проведению оппозиционной демонстрации. Но сейчас в ней не осталось даже злости, одно только горькое бессилие.

Как же ты так, папа? Что она сделала с тобой, чем выбила из тебя эту злосчастную подпись?

Ты, по крайней мере, свёл к минимуму тот промежуток времени, в течение которого тебе пришлось вести двойную игру. Ты рассказал всё как есть, раскрыл все карты, и мне было нелегко это вынести, да я и до сих пор не до конца привыкла к изменившейся карте нашего мира, а вот Хидео с невероятной

лёгкостью смог признать нового тебя. Что ж, выходит, твоей богине не пришло в голову ничего лучше, как отомстить за ту жалкую неделю, в течение которой тебе пришлось целовать Охотника и Иштар одновременно? В конце концов, мама имеет полное право на реванш, но пусть эти разборки останутся между вами двумя. И ещё, пап. Если хоть капля гибельного яда тёмной богини заденет Лина, клянусь, я не стану сдерживать себя в отношении вас обоих…

— Лин, а Лин, — после долгого молчания выдавила из себя Мария, — держи меня в курсе насчёт маминых выходок. И, если она совсем тебя достанет, ты знаешь, где можно зависнуть на пару дней, чтоб переждать бурю.

* * *

Алекс отпустил такси. Город вокруг полыхал под лучами заходящего солнца, перемежая алые пятна света с фиолетовыми пропастями теней. Глубокий вдох… Да, Охотник, ты настолько привык к Ладоге, что уже не рискнёшь назвать эту адскую смесь смога, гари от полыхающих торфяников и запаха раскалённого асфальта — родной.

До небольшой двенадцатиэтажной свечки оставалось шагов сто. Алекс покрывал это расстояние вальяжной походкой человека, все дела которого закончены и которому абсолютно некуда спешить. Миллион раз он этим маршрутом возвращался домой, кинув байк или флаер на ближайшей парковке. И вот так же миллион раз искал глазами свой балкон на одиннадцатом этаже, в стёклах которого всегда бесновался закат.

Кстати о флаере. Он ведь столько месяцев уже на ответственном хранении. Два квартала отсюда. Можно забрать… Взгляд Алекса задумчиво скользил по индустриальному пейзажу. Это были места его детства. У кого-то дом в глуши, у кого-то берег моря, а у него — нагромождение новостроек, автострады и вантовые мосты в виде двух огромных букв «А» с зелёной подсветкой. Транскод наяву. На языке появился чуть заметный медный привкус — так сильно Алекс стиснул зубы.

В соседнем дворе когда-то росла огромная липа — он забирался туда с книгами по программированию, когда мать впадала в истерику по поводу его весьма пухлой внешности, ибо «разве можно быть таким, посмотри, коровень настоящий, даже спортом не занимаешься». В той дальней подворотне, зияющей темнотой как врата ада, он впервые отбился от местного заводилы по кличке Север и его дружка, навсегда запомнив, что

некоторым не доступен другой язык, кроме силы. А из того тактического укрытия на старом гараже он следил за первыми полётами Криса на аэроцикле.

Охотник вдруг замер на полушаге.

Помотал головой и вгляделся в родной дом. Ошибки быть не могло. На веревках, натянутых поперёк балкона его квартиры, мотылялась цветастая простынь мерзопакостного сиреневого цвета. Твою ж…

Он рванул с места в карьер. Кодовый замок на двери подъезда требовал подтверждения комбинацией цифр, отпечатка пальца ему было мало. Какие новшества… Алекс чертыхнулся. Он обещал себе завязать с хакерством после истории с эмулятором. Но сейчас уважительная причина забыть об этом.

Воровато оглянувшись, Охотник вытащил из кармана флэшку. Одно из немногих напоминаний о жизни «до» Ладоги. Старая, с затёртыми надписями, с мизерным по нынешним меркам объёмом памяти. Но в каждом бите — самое ценное и полезное. Да, я обещал завязать с кибернарушениями закона, но это не значит, что я к ним не готов.

Подобрать код с помощью проги-взломщика оказалось делом десяти секунд, но и их не хватило, чтобы успокоиться и начать наконец дышать полной грудью, а не жить на одном выдохе с золотым маревом перед глазами. Лифт. Подъём. Ну и сволочь же ты, Олеся. Дать кому-то вселиться в мою квартиру… И я уверен, что там тебя нет. Привычки люди не меняют — ты всегда предпочитала белоснежные простыни.

Дверь квартиры осталась верна своему хозяину: либо Олеся забыла удалить метку Алекса из модуля распознавания, либо, как обычному юзеру, ей это оказалось не по силам. Дверь со скрипом распахнулась. В нос ударил тошнотворный запах перегара и отхожего места. Алекс попытался дышать ртом, но помогло мало. Чёрт побери, сейчас вывернет наизнанку.

Но то, что видели глаза, вообще вгоняло в ступор. Пустые бутылки на полу, какое-то грязное тряпьё, капельница в углу?.. Кабинет разворочен весь. Аскетичное убранство в строгих чёрно-белых тонах заменила пошлятина из розовых занавесок и какого-то неопрятного мешка вместо привычного кресла. Компьютер… Боги сети… Алекс, как зомбированный, сделал несколько шагов к тому, что было целью приезда в Москву-2.

Было. Целью.

От компа остался один остов. Разворочены внутренности, экраны в слое грязи, а поверх этого безобразия — игровой шлем дополненной реальности. Та-а-ак. Геймеры, значит. Я с вами поиграю сейчас.

Последним включился слух. Ритмичные чвакающие звуки из спальни имели слишком очевидную причину, чтобы сомневаться. Алекс почувствовал, как спазм тошноты подкатывает к горлу. За стенкой чьё-то сбитое дыхание переходило в животный рык и стон.

Охотник с трудом удержался на ногах. От боли в груди, которую он терпел с самого утра, хотелось удавиться. Рука вцепилась в больное место, будто впившиеся в кожу ногти могли переплюнуть заразу.

Ты не имеешь права уйти. Ты должен досмотреть этот кошмар до конца. А уж потом вынести приговор Олесе. Ты меня убиваешь, жёнушка, но я не сдамся.

Три шага к спальне. Появиться в дверях в тот самый момент, когда… Кадр. Из фильма для взрослых. Не нужны подробности, ты не запомнишь лиц. Просто мужик, просто голая баба. Просто заломленные руки за спиной и застывший ужас в её глазах, обращенных к потолку.

Алекс вырвался из родной квартиры, как волк из-под собачьей облавы. Сил держать себя в руках не осталось в принципе. Он бежал, не глядя перед собой, отдавая всего себя в этот замах ноги и контроль дыхания. Пару раз его чуть не сбили насмерть, спас только рефлекс. Зачем спас — непонятно. Рефлекс, наверно, выбрал и цель — пункт хранения. Алекс ворвался туда, до заикания напугав менеджера за стойкой.

Прости, мир, мне не до тебя сейчас. Обжечь пламенем в глазах, выгрести из карманов всё, что накопил за две недели последней халтуры — отсмотра камер видеонаблюдения в крупных госкорпорациях, и забрать флаер, не имея за душой ни гроша.

Алекс немного сдержал себя, выводя машину на стартовую площадку. Больно. Как же больно, кто б знал… Второй раз уже за последние месяцы от душевной рваной раны хуже, чем от заразы. Мягкое кожаное кресло приняло в свои объятия, как отец, бывало, обнимал на ночь глядя. Автоматика раскрыла машине крылья, послав зайчик в глаза. Зажглась подсветка у приборной панели, отметив зелёным заряд аккумулятора. Ответственное хранение, раздери тебя все соединения. Кто-то недавно на нём летал, но всё равно. Я даже скажу ему спасибо сейчас.

Солнце висело над горизонтом малиновым шаром, грозясь упасть за горизонт так же внезапно, как пульс в ушах с сотни до пятидесяти. Охотник с размаху распахнул тайник под рулём. В руку скатился полный боевой набор — ампула с анальгетиком и стерильный пакет.

Светловолосый кодер выдохнул вдруг очень спокойно. Хоть

какие-то вещи не меняются… Его руки не дрожали, пока шприц втягивал в себя содержимое ампулы. Где-то на заднем плане внутренний голос отметил, что при этом освещении цвет у анальгетика не такой, как там, на Ладоге. К чёрту. Половина дозы. Хватит, чтоб не потерять сознание и продержаться еще пару часов.

Слова бессильны, чтобы описать тебя, Олеся. Поэтому они мне не нужны сейчас.

Я буду последней сволочью. Я прилечу к тебе. Я вытрясу из тебя все деньги, которые ты получила за пока ещё мою квартиру. Я отомщу тебе за ночь между нами, когда ты породила в моих глазах такой же ужас, как у той бабы на моей, чёрт побери, кровати в моей квартире…

А потом я придушу тебя.

И все равно останусь лучше, чем ты.

* * *

Вот ведь парадокс: эффективность работы компании растёт, а персонал бежит из неё, как крысы с тонущего корабля. Вот и Эйрика, наверное, так припекло, что он, классический пример среднестатистического семьянина, бегающего по треугольному загону, в вершинах которого вписано золотыми буквами: «Дом-работа-кредит», решился уйти в туманную, но полную приключений неизвестность, которую представлял собой новый проект Кристиана.

— Скажи, какой у тебя должен быть минимальный размер зарплаты, — Крис до сих пор не растерял умения молниеносно переключаться между рабочими задачами, перейдя от тёплого приветствия сразу к делу.

— Э-э… Ну, у меня там ещё халтура на дому, — замялся Эйрик. — Короче, запас на полгода у меня есть, так что сколько у тебя программисты получают, столько и я буду, и никаких поблажек. Мне уже одно то, что я от Рафаэля смылся, дороже денег. А то, что ты меня принял — и подавно.

Кристиан, машинально крутивший в тонких пальцах сенсорное перо от планшета, на секунду остановился и пристально посмотрел Эйрику в глаза. Никогда я не слышал в твоём голосе такого благодарного, почти раболепного тона, мой суровый норвежский друг. Мда, похоже, Санти тебя просто сломал. Ладно, работы у нас хоть отбавляй, будет где разгуляться твоим талантам.

— Дай я скину тебе инфу по проекту, — загоняя флеш-карту

Эйрика в свободный порт своего моноблока, откликнулся Крис. — Пару дней приди в себя, просмотри их дома. С понедельника поможешь тестерам.

Копирование файлов заняло минуты две, не больше, но Крис за это время успел подписать какие-то бумаги, прозвониться насчёт поставки переносных генераторов магнитного поля и жестами объяснить влетевшему в кабинет Тимуру, что на очередную перепрошивку он подойдёт через пятнадцать минут. Кондиционеров в офисе ещё не было, и Крис взмок даже в светлой рубашке с коротким рукавом.

— Чёртова жара, — выдохнул он, протягивая Эйрику заполненную флэшку. — Э-эй, ты чего завис?

— Ничего, — очнулся норвежец. — Да, жарко… Спасибо. Тогда до понедельника?

Выйдя из кабинета Кристиана, Эйрик с трудом прогнал прочь назойливое видение тонких рук, исколотых многочисленными инъекциями, как у… наркомана? Но нарики не умеют мастерски разруливать три дела одновременно, по крайней мере, так полагал Эйрик. Или он чего-то не знает?..

Едва оставшись один, Крис упал в глубокое кресло, уронив голову на руки. Третья перепрошивка за неделю. Ничего не поделать, ведь не было у него другого способа проверить корректность исполнения кода, кроме как выудить наномашины из собственной крови, прогнав её под сильным магнитным полем, отдать вакуумную пластинку с серебряной пылью ребятам на растерзание, а потом загнать обновлённую птичью стаю обратно. К слову сказать, первая перепрошивка состоялась через два часа после торжественного запуска дебютной версии, когда Крис ворвался в лабораторию к Ухтомскому, и, в панике озираясь, потребовал, чтоб все заткнулись, потому что у него, Криса, башка готова лопнуть от галдежа в эфире, в который он не мог ни вклиниться, ни выбрать какой-то один канал, ни хотя бы отключить громкость.

Но сегодня, на магический третий раз, кривая должна была вывезти лихую тройку под названием «Souls Unite» прямо к заклинанию: «Лабораторные испытания бета-версии программного продукта „L-Aura-01“ успешно завершены».

У Юли мягкие руки, и уколы она делает так ловко, что и не заметишь, но дыхание Криса всё равно чуть сбивается, когда тонкая игла входит в вену. Что за самопроизвольный хардкод в моей голове, почему в такие моменты я всегда вижу тебя, Охотник?

Двадцать минут полубреда — и в лабораторном кресле остаётся Крис-как-он-есть. Тот Крис, который может струсить, солгать, сорваться, ибо слаб, и…

— Форматирование.

Крис, от которого Линда сходила с ума, готовая бежать с ним на край света, а потом, после первой в их совместной жизни ссоры, выдала фразу: «Ты лишил меня крыльев, Овер. На ангелов мы уже не потянем. Так пусть у нас всё будет хотя бы как у нормальных людей».

— Перезапись.

Крис, которого Охотник, едва придя в себя, сначала по инерции покрыл матом как непрошеного спасителя, а потом, без всякого перехода, назвал растерянного хакера «воздухом, без которого ему, Охотнику, уже не суждено дышать».

— Готов? — серьёзный голос Сергея, молодого биокибернетика, возвращает Кристиана в реальность.

— Давно уже, — откликается Крис, хотя, честно говоря, никогда он не станет полностью готовым к этой раскаленной лаве, что ворвётся сейчас в его кровь, как орда степных захватчиков, заставляя его метаться в узком кресле от невыносимого жжения под кожей, и подчинит себе каждую клеточку его тела, чтобы его снять все ограничения биологического кода, и….

«Снимите, снимите с меня кандалы…»[9]

Задыхаясь, Крис из последних сил пытался отвлечься, заставляя себя вспомнить автора этих вырванных из собственной памяти строк, а Юля уже бросилась ему в ноги, вводя код разблокировки фиксаторов и не обращая никакого внимания на гневное Серёжино: «Ты какого лешего творишь, Юлька, ещё три минуты осталось!!»

— Приказывай мне, Кристиан, — подняв голову, тихо произнесла лаборантка.

Покорное лицо, дрожащие губы и абсолютно пустые глаза, как сумрачные проёмы дверей, широко распахнутых в девичью душу, откуда до Криса долетает аромат вишнёвых духов, утренней росы и… желания отдаться ему до конца.

А красивая ты, Юлька. Дай мне хоть раз подержать тебя за руку, а то всё время лишь твои пальцы на моём запястье…

Прикрыв глаза, Кристиан проводит внешней стороной ладони по раскрасневшейся щеке девушки. Абсолютное доверие, искушающее того, кому ты доверилась, безусловная готовность сделать что угодно, даже из окна сигануть… Э-э, стоп! Остановись! Замри, дурная!

— Что, блин, происходит?! — благим матом орёт Сергей,

сбивая на пол Юлю-не-Юлю, пустоголовую куклу, механически тянущую свои напряжённые руки к недосягаемому подоконнику.

— Выруби… Выруби меня, Андрей, — стонет Кристиан, и темноволосый нейрофизиолог срывается с места, хватая нераспечатанный шприц, быстрым движением набирает в него сильнодействующее снотворное и бросается на колени рядом с собственным начальником.

Не думать, ни единой мысли себе не позволять сейчас… Не вспоминать эти бледные, горячие руки с едва зажившими шрамами на вздувшихся венах, которые были вручены тебе на берегу Ладоги вместе с ключом активации: «Я твой, Овердрайв. Весь. Без остатка».

Что ж такое, чёр-р-рт. Не думай, Овер, или думай про белого бычка, покуда из тебя вновь не выкачают эти долбанные наномашины и ты не отключишься прежним Кристианом, ибо лучше признать слабость собственных рук, чем держать в них поводок от ошейника, который надет на шею того, кого любишь… Наш код, ребята, мотает из крайности в крайность. Впрочем, как и нас самих. Абсолютное принятие или абсолютный контроль.

— Н-не хочу… Админских… Прав… Прости… Слишком… Опасно… Переписывайте модуль… Срочно…

* * *

Поток мыслей. Косяк золотистых рыбок на небольшой глубине, у самой поверхности. Управлять ими до безумия легко и сложно одновременно, самое главное — расслабиться, доверить им себя, не вести, а быть ведомым.

У Олеси это никак не получалось. Она полулежала в анатомическом кресле из бесформенного материала, мгновенно подстраивавшегося под тело. Под веками снова вспыхнуло красное. Обрыв соединения.

— Десять секунд, — прокомментировал голос пана Лисовского на задворках сознания. — Как у вас говорится, на безрыбье и рак — рыба.

Олеся с трудом открыла глаза. Затылок ломило немилосердно, а в висках явно завелась парочка миниатюрных отбойных молотков. Приподнявшись на локте, она мельком глянула на напарника: пан Лисовский сидел за приборами, уронив голову на руки. Несмотря на несколько месяцев активного сотрудничества, он всё равно оставался для Олеси человеком-загадкой. В сравнении с первым днём знакомства она узнала о нём немного нового, лишь две вещи: во-первых, пан Лисовский

оказался не только талантливым нейробиологом, но и обладал слабым телепатическим даром, а во-вторых, его исследования спонсировались Департаментом Безопасности в суммах с энным количеством нулей. И Олесе перепадало немало, чтобы оставаться довольной и держать рот на замке. В кои-то веки даже удавалось что-то отложить на светлое будущее.

— Десять секунд — тоже неплохо, — ответила Олеся, сползая с кресла и вставая на негнущиеся ноги. Следом за ней потянулось тончайшее серебристое волокно.

— Не отключились, пани, — проговорил Лисовский, не поднимая головы.

Нет, это уже не телепатия. Просто Олеся всегда забывала про эту почти доисторическую вещь — проводное соединение. Но Лисовский стоял на своём. Ему поставили целью синхронизировать мысленные потоки двух людей, образно говоря, создать папку с общим доступом, и он шёл к ней напролом, не ища лёгких путей. Может быть, это была врождённая паранойя или опыт общения с известными организациями, но от использования стандартных имплантов с разъёмом беспроводного интернета он отказался. «Дальняя связь — это не моя сфера интересов», — заявил он, и, подключив к работе Олесю, угробил три месяца на создание собственного вживляемого устройства. Электронику он отдал делать на сторону, и, как только прибыли первые образцы, спокойная жизнь Олеси закончилась. Помимо дневной нагрузки появилась ночная. Высший пилотаж нейрохирургии на смертниках и безнадёжных больных, которых Лисовский откуда-то доставал пачками. Лишь после двух десятков неудач они, наконец, поймали место на голове подопытных, в котором канал был чист, как родниковая вода, и электрические импульсы мысли записывались приборами без помех. Тогда под скальпель лёг Лисовский, а потом решилась и Олеся, получив за этот риск, впрочем, немалые деньги.

А теперь, полгода спустя, ситуация зашла в тупик. Он слышал её мысли. Даже без приборов, они были нужны только для подтверждения этого факта. Но мало было просто слышать, от них требовали диалога… Было ясно, что два телепата наладят разговор мигом, без специальных имплантов и проводов, был бы механизм сверхдальней связи. Но Лисовский изменил постановку задачи настолько радикально, что его заказчики были повергнуты в шок. Этот гений нейробиологии предложил организовать передачу мыслей между людьми, не обладающими телепатическим даром, и начал с половины — хотя бы один из участвующих в эксперименте должен являться таковым.

Олеся едва заметно поморщилась, растирая затёкшую спину.

Ну кто ж виноват, что она именно таким «неодарённым» оказалась. Да и вообще, критерий отсева ей до сих пор был не ясен. Но пока Лисовский хорошо платил за бессонные ночи, она готова была терпеть и этот серебристый провод, по счастью крепившийся близко к обычным имплантам, и десять секунд чужого голоса в голове.

— Как будто защита какая-то срабатывает, — тихо сказал Лисовский, откидываясь на стуле. — Меня выкидывает из твоего мозга, словно ударной волной. С учётом того, что я дважды переделывал всю микросхему, думаю, это уже вопрос доверия.

Олеся вздохнула. С доверием у неё всегда была напряженка.

— Нужен кто-то более близкий… — Лисовский рассматривал потолок. — Если есть какая-то эмоциональная связь, то, возможно, сработает коннект даже двух нетелепатов. Я смогу загнать мысль одного в мозг другого и вернуть ответ. Если хватит скорости и устойчивости соединения.

Они переглянулись. Лисовский развёл руками.

— Я повенчан с наукой, пани. У меня нет никого — ни жены, ни детей, — он криво усмехнулся. — Вот уж не думал, что они мне когда-нибудь пригодятся в этой комнате. А у вас есть муж… Он ещё жив?

— Месяц назад я отвезла ему анальгетик, — голос Олеси дрогнул. — С тех пор вестей не получала.

Лисовский удивлённо вскинул брови, но сказать ничего не успел.

Грохнула дверь, едва не сорвавшись с петель. На пороге возник человек, больше походивший на призрака, — растрёпанные светлые волосы, светящиеся в темноте глаза и нечеловеческая грация хищного зверя. Сделав пару шагов в сторону хозяина комнаты, он театрально поклонился.

— Простите мою невежливость, господин Лисовский Г. А., я без стука, но не к вам, — гость брал голосом так глубоко, что уже не слово «призрак» приходило на ум, а «вестник ада». — Я к этой мрази.

Олеся отшатнулась. Под ногу подвернулся стул. Не удержав равновесие, она упала спиной назад.

Лисовский, от которого никто не ожидал такой прыти, вскочил и одним стремительным движением оказался между гостем и Олесей. Спокойно выдержав синее пламя в глазах напротив, он произнес:

— Нет, Александр Рыков. Вы пришли к нам обоим.

Ну-ну, кто-то у нас здесь очень смелый… Алекс скривился и плавно обогнул стоящего на его пути Лисовского. Олеся так и лежала на полу. Глаза её были закрыты, губы непрестанно едва

заметно шевелились. О, молитва — это святое. А ещё это модно, я знаю.

— Поднимайся, — рявкнул Алекс.

В голове возникла мысль, что, может, стоит поменять последовательность действий: сначала «дать» жёнушке так, чтоб на всю жизнь запомнила, а уж потом забрать у неё деньги за сданную без ведома собственника квартиру. Но деньги сейчас были важнее. Нужен компьютер. Нужна хотя бы видимость независимости от Овера. И если эта независимость приводит тебя в рабство к другому… Что ж, значит, такова она, твоя собачья доля.

Олеся тянула время. Нечасто она видела мужа в таком состоянии, но четко знала: Алекса-на-последней-стадии-бешенства и Алекса-просто-злого отделяют считанные минуты бездействия. Только бы не ошибиться, не сделать резкого движения… Боги, да за что мне все это! Месяц прошёл, минимум семь отравленных доз, а ему хоть бы хны. Или Вебер что-то пронюхал?

— Что случилось? — тихо спросила она, вставая, и вдруг на автопилоте добавила. — Не позорь меня перед людьми, пожалуйста.

Хлёсткий удар. Почти без замаха.

Успев выставить руки перед собой, Олеся впечаталась в пол, перекатилась на бок и замерла. Челюсть немела, щека быстро распухала… А она всё не могла оторвать взгляда от нависшего над ней демона. Нет, Алексом-на-последней-стадии-бешенства здесь и не пахло. Это было что-то новое. За гранью.

— Не позор-р-рь… Ты, ***, ты вытащила из меня завещание! Не смогла дождаться, да? Сдала квартиру сукам каким-то, мне не сказав ни слова, а теперь говоришь мне не позор-рить тебя?!

А единственный зритель вдруг довольно улыбнулся. В голове у вновь прибывшего такая каша, что чёрт ногу сломит, но это и не страшно. Сами разберутся. Лисовский с трудом удержался, чтоб предвкушающе не потереть ладони. Немного дипломатии, чтоб посадить этого волчонка на цепь, и всё пойдет как по маслу…

— Чего ты хочешь? — прошептала Олеся.

Зверь довольно оскалился.

— Сначала деньги за мою квартиру. А потом тебя. И на этот раз я спрошу, хочешь ты или нет, но, какая жалость… Забуду услышать ответ. Как ты однажды.

Олеся мельком глянула на Лисовского, пристроившегося в партере за спиной Алекса. Тот ей подмигнул. Ладно, рискну, потому что мне не хочется быть твоей сейчас. Даже человек без богатого воображения сможет представить, что ты сделаешь со

мной в таком состоянии.

— Я вчера заплатила аренду за свою квартиру…

— Др-р-рянь!..

— Минуту внимания, Александр. Если позволите.

Алекс медленно повернулся на голос.

— Что?

— Я не знаю подробностей, — мягко начал Лисовский, — но, кажется, понял, что материальный вопрос для вас сейчас важнее личных мотивов. Меня они не касаются, но, думаю, я могу вам предложить неплохую сумму в обмен на временное перемирие в моей лаборатории, в которую вы так бесцеремонно ворвались, и…

Алекс молча смотрел на хозяина комнаты. Ярость опадала, уступая место расчёту. Боги, Овер, как хорошо, что ты не видишь, в какую сволочь я умею превращаться. Бить по родным людям так просто, особенно если можешь оправдаться в этом сам перед собой. Зараза в груди тихо поскреблась, напоминая о себе. Да, я тоже по тебе соскучился.

— И участие в небольшом эксперименте для блага науки, — закончил Лисовский.

Олеся подавила испуганный вздох.

Но Алекс уже проглотил крючок, задней интуицией поняв, что кроме натуры с Олеси ничего не возьмёшь.

— Сколько? — спросил он глухо, глядя Лисовскому в глаза. В сумерках плохо освещённой лаборатории это было трудно, почти невыполнимо, но Алекс всё-таки сумел разглядеть в тенях, залёгших в глазницах Лисовского, неяркий блеск.

Попался, Охотник.

— Сколько нужно? — поинтересовался Лисовский уже вполне по-деловому.

— Восемьдесят тысяч, — отрезал Алекс.

Это был максимум, на который он рассчитывал, зная о непрестижности района, в котором родился. Никогда там жильё не стоило дорого, хоть и считался Дивногорск не таким уж захолустьем Москвы-2. Обман был во всём — от «хорошей транспортной доступности» до самого названия. Не было там гор. Ни Дивных, ни Красных, ни высоких, ни низких.

— Безнал, — откликнулся Лисовский.

— Согласен.

Номер счёта Алекс назвал на автопилоте. Лисовский на минуту выпал из реальности, подключившись к интернету и списав на счёт Алекса требуемую сумму. Ха, да пусть там эти с погонами подавятся ночным перекусом, если таковой есть, или обоссутся во сне, но такой случай я не упущу. Плевать, что их коннект явно со знаком минус. Зато какая мощь…

— Две минуты, — сказал Алекс, загоняя в импланты карту беспроводного соединения.

Проверить баланс, быстро залезть на сайт магазина электроники, пролистать до середины каталог раздела «Готовые компьютеры»… При других обстоятельствах он выбирал бы тщательно, делал собственную комплектацию, но сейчас оставалось довериться испытанному правилу: «Дороже — значит, лучше, но до определённых пределов». Что ж, пожалуй, всё. Курьерская доставка в дом на Ладоге, запланированная на завтрашнее утро, довела сумму заказа до означенных восьмидесяти тысяч. Чёрт, опять на нуле. Ну и ладно. Можно было б сэкономить, забрать самому, но сил не хватит. Выдержать то, во что ввязался, и отрубиться с чистой совестью в какой-нибудь подворотне.

На заднем плане шебуршалась Олеся. Держа левой рукой у стремительно синеющей щеки ледяную металлическую пластину, правой она готовила инструмент. Ей не нужны были инструкции. Если Лисовский втянул в это Алекса, то первое, что потребуется — это вживить их проводную разработку, а уж потом сам эксперимент. Только вот об этом вообще нельзя думать сейчас, иначе руки будут дрожать во время операции. Сколько гадости в них обоих, сколько яда и старых обид… Если открыть эти вентили самоконтроля, снять щиты, они захлебнутся оба. Одна надежда — десять секунд, но не больше.

— Я готов, — голос Алекса был очень спокойным. Он скинул с себя потрёпанную кожаную куртку и теперь как парус белел своей рубашкой посреди лаборатории.

Олеся украдкой оглянулась. Алекс-двадцать-третьего-часа-в-сутках. Замкнут на себя, хладнокровен, тщательно контролирует себя и ситуацию.

Лисовский уложил его на так называемый операционный стол, под которым в его лаборатории понимался стол, да, с продавленным матрасом сверху, но, правда, застеленным чистыми простынями, чтоб не видно было следов от предыдущих — удачных и не очень — операций.

— Анестезия, пани Олеся, — спокойно произнес Лисовский, когда рядом грохнул лоток со стерильными инструментами.

— Нельзя, — тихо возразил Алекс.

— Что?

Олеся едва слышно застонала. Она всё поняла.

— Я ввёл себе половину… своей обычной дозы, — сказал Алекс, глядя на них из своего беспомощного лежачего положения. — Перед приходом сюда. Если вы сейчас добавите…

Лисовский махнул рукой и повернулся к Олесе.

— Ты знаешь, сколько это — половина?

Олеся кивнула, становясь бледнее простыни, на которой лежал Алекс.

— Это много?

Снова кивок.

Алекс закрыл глаза. Я вляпался по самые уши. Этот сумасшедший не остановится. Последний козырь на столе.

— Тогда ровно столько, чтоб он не свихнулся, — процедил Лисовский и потянулся к перчаткам.

— Нет, стойте!

Оба смотрели на неё, но Олеся уже каплю за каплей цедила анестетик в шприц. Лишь спустя долгих несколько секунд она сказала твердо:

— Я всё сделаю сама.

Игла ушла под кожу. Алекс попытался абстрагироваться от ощущений, но ласковые пальцы жены, которые он не успел забыть, холодным металлом ножниц обожгли кожу правее имплантов, срезая волосы.

Тугие ремни притянули руки и ноги к столу. Тощие пальцы Лисовского впились в затылок, легли на горло… Нет, чёрт побери, никому не позволено касаться моей сонной артерии! Зверь взвыл, пытаясь вырваться, но не успел.

Адская боль захлестнула раскаленной волной.

Спустя какое-то время Алекс очнулся. Жжение возле имплантов то и дело попадало в резонанс с заразой, которой вообще, строго говоря, было глубоко наплевать на своевременность момента. Был день, была пища. Много вкусной злобы, много ненависти и адреналина, но больше всего ей нравились воспоминания — такие яркие, как цветные сны. Зараза смаковала их с нескрываемым наслаждением.

Он хотел что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Чёрт.

— Тише, — прошептала Олеся совсем близко. Знакомое лицо мутным пятном заслонило грязный потолок. — Ты сорвал себе голос, Саня.

В губы ткнулась чашка. Вода… Алекс жадно глотал, чувствуя, как влага заливает подбородок и пропадает, наконец, этот противный железный привкус во рту. До дна. До последней капли.

— Спасибо, — прошептал Алекс едва слышно. Он мог бы и громче, но не хотел. Мстительная часть его «Я» заметно уменьшилась в размерах, но ещё занимала доминирующую позицию.

— Ну что вы там? Готовы? — окликнул Лисовский.

Алекс его не видел, но заметил, как исказилось лицо жены. В её руках возникло тонкое серебристое волокно с каким-то странным самодельным коннектором на конце. Олеся осторожно повернула голову Алекса на бок. Зарница боли полыхнула перед глазами, он застонал.

Олеся тихонько ругнулась. Волокно скользнуло по плечу, как змея. Щелчок.

— Лежи, не шевелись, — и уже обращаясь к Лисовскому. — Имплант не прижился полностью, снова кровит. Может быть, нужно подождать…

— Ждать? Мы и так уже потеряли три часа из-за операции. Мы начинаем. Прямо сейчас.

— Ну хотя бы позвольте мне снять с него эти ремни…

Алекс закрыл глаза. Что толку смотреть, когда всё равно знаешь, что происходит. Вот стоят они напротив друг друга — сутулый худой сумасшедший от науки и моя стерва-жена. Хотя, если стерва, тогда какого она меня защищает? Нет, благодарю покорно, Олеся. Я ценю твой порыв, но справлюсь сам.

— Оставьте, как есть, — вклинился Алекс в их спор, который изначально был лишь фоном для его мыслей. — Меня накроет скоро… Приступ. И лучше уж так.

Тело мгновенно запротестовало, напомнив о том, что ни рук, ни ног он уже не чувствует, что онемели они окончательно и бесповоротно. А зараза жадно потёрла ладошки — вот оно, счастье. Ни заботливых рук Овера, ни возможности расцарапать кожу над больным местом, даже кулаки уже сжать не по силам. Слабак.

— Ну и ладушки, — одобрительно поддакнул Лисовский. — Пани Олеся, прошу вас…

Время тянулось до безобразия медленно. Алекс лежал лицом к тёмному углу комнаты, в котором не было света. Наверно, сейчас уже глубокая ночь. Самый глухой предрассветный час. С Ладоги он уехал днём, значит, уже скоро сутки, как в Москве. И если Овер еще не сошёл с ума, то уж точно обругал его, Охотника, последними словами. И поделом.

Ей-богу, не жена, а ходячее недоразумение…

— Я и про тебя тоже самое могу сказать, Саня.

— Что?!

— Что слышал.

Это было как дурной сон. Вокруг тишина, а в твоей разламывающейся голове двое разговаривают на два голоса.

Алекс невероятным усилием воли сконцентрировался на беседе. Олеся — не тот человек, которому он мог доверять абсолютно, но кто бы знал, что при ней придется контролировать

не только поступки и выражение лица, но и собственные мысли…

— Нас слышит сейчас твой друг?

— Скорее всего, да. Во всяком случае, он записывает всё на своих приборах. И он мне не друг.

— Спонсор?

— Теплее. Коллега по работе.

— Мало платит тебе, видимо, коллега этот, раз сдала внаём мою квартиру…

— Мне нужно на что-то жить.

Логично.

— Мне тоже.

— Ты там был?

— Да. Сегодня. Видел полную разруху и двух совокупляющихся особей рода человеческого в весьма жёстком виде.

Молчание. Алекс вдруг растянул лопнувшие до крови губы в злой усмешке. В конце концов, когда еще будет шанс сказать всё, что думает… Правую половину груди охватило пламя. Он попытался сжаться в комок, чуть шевельнул головой. В черепе что-то ощутимо затрещало, как будто на чистый сигнал кто-то кинул хорошую наводку.

Боль, снова боль. Почему её всегда так много?

Надо спешить.

— Почему ты ведёшь себя так, как будто я уже умер?

Олеся не успела оттормозить ответ.

— Потому что анальгетик отравлен…

Она вздрогнула и рывком поднялась со своего кресла. Не увидеть отсюда его лица — только затылок и растрёпанные светлые волосы. Нет, не светлые. Седые. Белые, как первый снег.

Соскочив на пол, Олеся рванула к Алексу. Грозный окрик Лисовского остался на краю сознания. Алая вспышка на короткий миг затмила лабораторию. Потеря коннекта. Са-а-аня, нет…

В фон. Всё в фон.

Выдернуть из импланта чёртов провод, снова окропив красными каплями воротник его рубашки, заглянуть в лицо. Алекс задыхался. Связанный по рукам и ногам, он не мог перетянуть боль никуда из этого проклятого места в груди, разве что попытаться разбить себе затылок или лоб, мотая головой, как китайский болванчик. И было так трудно удержаться в сознании, прорваться через туман… Зачем? Обычно рядом есть Овер, который зовёт, держит за руку, крыльями закрывает.

— Прости меня, Саня… Прости, если сможешь.

Слезы опаляют щёки. Не плачь, Олеся. У меня связаны руки, я не могу даже обнять тебя, а слова такие ненастоящие. Но у меня

только они и остались.

— Я виноват, — выдавил из себя Алекс, широко распахивая глаза. Тройной вдох через спазм. — Не надо было жениться… Я надеялся, что с тобой забуду его. Не получилось.

Алекс рванулся что было сил, разорвав ремни на руках. Свобода.

Давай, Охотник. Некого уже стесняться. Закричи напоследок так, чтоб где-нибудь в соседнем корпусе проснулся ночной сторож, обхвати больную грудь руками и отпускай сознание в синее небо беспамятства, как жар-птицу.

Боги Сети, ну где же он… Крис растерянно огляделся на перекрёстке, глядя куда-то мимо домов, словно сканируя их на просвет в поисках маленького светлого огонька.

О какой, к хренам, дальней телепатической связи может идти речь, если прямо сейчас он не может почувствовать, в какую сторону сделать шаг, чтоб скорее найти Охотника.

Разыгравшееся воображение рисует тёмные подворотни, куда Алекс мог забиться перед тем, как…

И ведь некому сейчас обнять его, удержать от падения в тёмное острозубое нигде…

Где ты, Охотник? Отзовись, свет мой. Дай хотя бы знак, хотя бы еле заметный след в эфире, иначе меня разорвёт здесь на части…

> Dreamhunter: online

Ну наконец-то.

Короткое: «Ты где, Охотник?»

Ох, до чего он, Крис, наверное, сейчас похож на Олесю — такой же раздражённый долгими поисками в пространстве неопределённых координат, заданных этим чудаком, который то сидит тихо-тихо и смотрит тебе в глаза, а то выкидывает какой-нибудь эдакий номер, после которого не знаешь, что делать — то ли высказать первую пришедшую в голову мысль, то ли с улыбкой заткнуться и сделать вид, что всё в порядке, то ли выдать симметричный ответ.

«Платформа Каланчёвская».

Кристиан гнал над переплетением железнодорожных веток так быстро, что неповоротливый флаер дорожного патруля, поначалу взявший его след, вскоре понял бесполезность усилий и ограничился яркой фотовспышкой, дабы определить личность владельца горячей машины и выслать ему штраф.

Жёсткая посадка: координация летит к чёрту, непонятно, от чего больше — от очередной бессонной ночи или от… злости на тебя, Охотник?

— Мог бы и написать, куда тебя понесло, — едва припарковавшись вплотную к Алексу, словно желая задеть его отполированным до блеска бортом аэроцикла, Крис глушит двигатели, но не слезает с сиденья. Я не сделаю ни шага к тебе, пока не услышу объяснений, Алекс.

— Я смотрю, ты прям часто рассказываешь мне о своих делах, Овер.

Удар тонких пальцев, сжатых в кулак, пришёлся по приборной панели аэроцикла. Хочешь симметрии, Охотник? Тогда придётся забыть о том, что кое-кого из нас стабильно накрывает пару раз в месяц, а то и чаще, и не на две минуты, а минимум на полдня, в течение которых может произойти что угодно. Я-то забуду. С лёгкостью. Вот прямо сейчас, хочешь? Давай, подыграй мне. Представим, что записка оказалась правдой, и всё это время ты ломал передо мной комедию, мастерски играя на моих натянутых нервах, извлекая из них то скрипичные ноты сочувствия и желания защитить синеглазого кодера, то фортепьянный аккорд признательности и светлой радости от каждого шага, пройденного рука об руку с тобою. Но если ты ещё не слышал барабанную партию моей стремительной ярости, то зря ты полагаешь, будто ангелы не умеют играть тяжёлый рок.

— О, ну давай, Алекс, отомсти мне за то, что я впахиваю как проклятый, чтобы…

(Остановись, придурок…)

— Чтобы что?

Февральский лёд против июльской Ладоги.

— Договаривай, Кристиан.

Чёрт. А, ладно. Надоело тебя жалеть, надоело постоянно держать программу самоконтроля первой строкой в диспетчере задач, чтобы ненароком не сказать, да, боги Сети, даже не подумать лишнего, ибо рядом со мной настолько чувствительный сенсор, что его может перегрузить любое слово, любой мимолётный взгляд или жест, в котором твоя зараза (или всё-таки ты сам?) умудряется разглядеть повод для очередной неудержимой вспышки, после которой, так или иначе, выгораем мы оба. Придержи на минуту свой огонь, Охотник, и получи-ка хорошего разряда перед тем, как я рассыплюсь пеплом по ветру.

— Чтобы заплатить твоей шантажистке Олесе за анальгетик, чёрт подери.

Глаза Алекса удивлённо расширяются, в зрачках вспыхивает

боль, словно от удара, и, с подавленным стоном обхватив плечо, он отступает на шаг, едва не падая набок. Нет, Охотник, я не поддамся жалости. Мы же договорились, что играем в тех, кто полон сил и доживёт до правнуков? Впрочем, похоже, ты снова пошёл на обманный манёвр, ибо в последнюю секунду падение превращается в резкий разворот, к концу которого на бледном синеглазом лице появляется знакомая до дрожи ироничная усмешка.

— Так перестань платить ей, Овер. Как-нибудь переживу. В чём проблема?

В чём, значит? А может, в ком?!

Сейчас я отведу взгляд, Алекс, чтобы ты подумал, будто выиграл в эти чёртовы гляделки. Чтобы ты не заметил моего сбитого дыхания и не понял, что во мне уже скопился немалый заряд, который я не могу больше держать в узде. Время напомнить тебе о границах дозволенного, свет мой.

В следующий миг Охотник оказывается вплотную притянутым за шиворот цепкой рукой Кристиана. Ткань рубашки охватывает горло плотным кольцом, и ошарашенный Алекс забывает сопротивляться. Или просто не хочет?..

Тонкие пальцы Овердрайва медленно скользят по шее Охотника, грозя в любой момент пережать тому сонную артерию. Зрачки сероглазой птицы расширены до предела. Боги, откуда в тебе сейчас взялась такая демоническая сила, перед которой остаётся только замереть виноватым щенком и тихо прошептать: «Прости, Овер…»?

Пальцы ослабляют хватку. Кристиан судорожно вздрагивает и осторожно, словно не доверяя себе самому, кладёт дрожащие руки на плечи Алекса, а потом, так и не сумев выровнять дыхание, стремительно подаётся вперёд, не оставляя Охотнику никакого выбора, кроме как ответить на свой отчаянный, безумный разрядный поцелуй.

Родное и такое привычное ощущение тепла невесомого тела в горячих руках. Рубашка Алекса промокает на плече от слёз сероглазой птицы, которая снова, как в тот космически далёкий день, часто-часто дышит в его надёжных объятиях.

— Пр-рости… Чёр-рт, что со мной…

— Всё хорошо, ну же, успокойся… Ты мой воздух, Овер. Мы сегодня оба задолбались в край. Поехали домой, а?..

Кристиан медленно отстраняется от Алекса, не отпуская его руку.

— Садись сзади, ладно? Твой флаер пустим следом на автопилоте.

Проверка наличия обновлений…

Примешь ли ты чистый сигнал, Охотник, или снова исказишь его до неузнаваемости?

Подумаешь ли, будто я не доверяю тебе лететь в одиночку, или поймёшь, чего мне сейчас не хватает сильнее, чем воздуха?..

— Хорошо, Овер. И я не разомкну своих объятий, даже когда мы приземлимся, имей в виду.

Слава богам Сети, ты понял меня правильно, Алекс.

Полетели.

Сентябрь 2071

«Биты по осени считают».

«Не клади все тэги в одну корзину».

«Не плюй в буфер обмена, пригодится воды напиться».

Тимур жёг, как никогда, украшая цветными распечатками свежепридуманных афоризмов светлые стены офиса. Занятия ерундой помогали программисту выдержать тяжесть последних полутора часов, в течение которых дверь маленькой переговорной, спешно (они всё, чёрт подери, делали спешно, чтоб подавиться этому заказчику!) переоборудованной под операционную, была заперта изнутри, не пропуская ни звука в коридор, полный любопытствующих коллег.

Желание оказаться по ту сторону двери жгло Тимура изнутри. Он, ёлки-палки, ведущий программист, который в компании пары-тройки ассистентов четырежды перепрошил эту серебристую пыль общим весом меньше грамма, и теперь имеет полное право знать, что делают с его начальником, который, собственно, и отдал свои наномашины ему на растерзание, заявив: «Гарантия кончилась. Обновления не ставил. Обещай, что отформатируешь не глядя».

Программист выполнил обещание, хотя искушение хакнуть исходную программу и вызнать тайну Криса было ой как велико. Но теперь-то, теперь…

За дверью что-то грохнуло, стеклянный звон рассыпался по углам, наперебой загалдели голоса, а потом всё стихло, и вновь потянулись долгие минуты ожидания. Сейчас или… никогда? Что, если и Ухтомский, предложивший провести Крису какую-то дополнительную процедуру сразу после активации наномашин, не достигнет успеха?..

Шанкар забился в угол и сел по-турецки, закрыв глаза. Какое-то время Эйрик смотрел на товарища, которому он снова стал коллегой, потом не выдержал и ушёл курить на лоджию.

Щелчок открываемого электронного замка поднял кодеров, рассевшихся прямо на полу в коридоре, быстрее, чем сирена ядерной войны.

— Ну?.. Что там, парни? Удалось? Э, Кристиан, отзовись…

Три шага вперёд, и руки Шанкара ловят лёгкую птицу, не

давая ей упасть.

— Отвези меня домой, — шепчет Крис на ухо другу, и, с усилием вскинув голову, добавляет чуть громче, с улыбкой ожившего покойника, — Привет, ребята. Десять секунд, полёт нормальный.

Выходя из офиса, Крис был абсолютно уверен, что идёт по прямой, и Шанкар, молча корректируя курс Овера, не считал нужным его разубеждать. Только когда они свернули за угол, Оракул позволил себе побеспокоить друга короткой фразой:

— Тут заказчик пишет, что тебе обязательно надо сделать скан биоэнергополя. Чем быстрей, тем лучше.

— И куда нам?..

— Написано, от Института нейрофизиологии свернуть во двор и… — смачно плюнув на асфальт, благо поздним вечером никто этого не увидит, Шанкар добавил, — координаты дали, и на том спасибо. Как там у вас говорят: «умри, а высри»? Только я тебя за руль не пущу, садись сзади и пристегнись как следует.

Тёмные корпуса института казались Крису похожими друг на друга, как высотки серверов одинаковой модели в транскоде. Хакера мотало из стороны в сторону, и пару раз он отпускал руку Шанкара, который понимающе останавливался на месте, пока Овера выворачивало в ближайших кустах. Наконец-то, вот она, древняя деревянная дверь на задворках, однако ж и тут зачем-то прикрутили сканер сетчатки…

Тонкий зелёный луч скользит по зрачку, и Крис еле слышно стонет. Его глазам больно от яркого света, прикосновения к чему бы то ни было отзываются ознобом во всём теле. Упасть бы сейчас в тёплые руки на берегу Ладоги да выспаться от души…

— Проверка пройдена. Добро пожаловать.

Деревянная дверь оказалась лишь декоративной нашлёпкой на мощной створке, почти как в бомбоубежище. Теперь ясно, зачем им сканер… Снова полутёмные коридоры, еле слышные шорохи и цокот каблуков вдоль обшарпанных стен, словно тени безымянных лаборантов, которых давно уже нет в живых, собрались поглазеть на очередную жертву безумных опытов, которым в этом институте не будет ни конца ни края ныне, и присно, и во веки веков.

— Становитесь вот сюда, — руки молодого парня упихивают Кристиана в какую-то нишу, на поверку оказавшуюся установкой типа вертикального томографа, и хакер обессиленно прижимается головой к прохладной внутренней поверхности своей новой тюрьмы, чувствуя, как в виске неровно бьётся тонкая жилка. А потом наступает время настоящего кошмара: установка

начинает вращаться вместе со своим пленником.

Шанкар беспокойно озирается, но комнатушка пуста, даже лаборант куда-то смылся, лишь на стене висит широкое зеркало, а в самом её центре со звуком сотни разогревающихся серваков берёт разгон неведомая машина, призванная просканировать биоэнергосистему Криса, дабы убедиться в том, что его дерзкая идея с наномашинами увенчалась успехом, и отныне хакер сможет читать людей, как открытую книгу, а то и писать на пустых страницах…

Истошно взвыв напоследок, установка резко сбавила обороты и замерла в исходном положении, раскрыв узкий шлюз, и лишь её корпус пылал нестерпимым жаром выплеснувшейся силы. Не дождавшись лаборанта, Шанкар подхватил под мышки потерявшего сознание Кристиана и извлёк его из этого исчадия ада.

— К хренам, мой друг, сюда я больше не ездок, карету мне, карету! — выдал индус в сторону установки, и та, словно издеваясь, подмигнула ему четырьмя алыми огнями.

Всего нескольких секунд Лисовскому не хватило, чтобы выбежать из соседней комнаты, откуда он тайком наблюдал за экспериментом сквозь одностороннее зеркало. Будь оно неладно, это ведро, которое его лаборант вечно оставляет где ни попадя…

Коротким тычком в нужную кнопку запустив распечатку результатов, учёный включил в душной комнате вентиляцию и потрясённо застыл на месте, разглядывая снимки тонкого силуэта в ярких вспышках белого и градиентах глубокого синего, переходящего в кроваво-красные лучи и серебристые всполохи крыльев за спиной…

Кем бы ни были эти ребята, у них получилось то, на что у самого Лисовского не хватило то ли знаний, то ли смелости, то ли фантазии. Наномашины. Кто бы мог подумать, что эта серебряная пыль, невидимая армия, не столь давно вошедшая в арсенал прогрессивных медиков всего мира, способна усилить естественное биополе человека и поднять до небес его ментальные способности, если написать для них верный код, распределяющий от макушки до пяток в каком-то хитром соотношении, которое активировало все системы организма и выводило их на полную мощность, превращая человека в ходячий приёмник мысленных сигналов, он же их передатчик. Код, который превращал Человека Ходячего в Человека Крылатого.

Но отчего-то сейчас учёному не было обидно. Ни капельки. В конце концов, они трудятся по одну сторону баррикад, хоть никто из команды «Souls Unite» пока и знать не знает о некоем Георгии Лисовском, который ростом почти не уступает тому сероглазому

кодеру, кого он случайно увидел во сне, а сегодня, хоть и на короткий миг, заполучил в своё распоряжение.

Ну ничего. Даст бог, мы ещё встретимся, пан Вебер, и я не побоюсь прикоснуться к твоим тонким пальцам, с которых срываются молнии даже тогда, когда ты отключаешься к чёртовой бабушке. А уж пару сожжённых микросхем в «Альтараксе» я тебе прощаю.

* * *

Так, значит, этот трудоголик все-таки наплевал на вчерашний уговор, поднялся ни свет ни заря и улетел на работу в собственный день рождения. Алекс еще раз обошёл дом, зачем-то заглядывая даже под кровать, будто Крис мог вдруг уменьшить свой рост раза в три или превратиться в зяблика. Какая-то мысль упорно билась в виски, но была ещё слишком аморфной, чтобы обрести словесное выражение.

А ведь накануне вечером ты, Овер, очень прямо глядя мне в глаза, сказал, что возьмёшь сегодня отгул. Руководитель и идейный вдохновитель тоже имеет на него право, верно? Но, наверно, я упустил в твоем обещании пару строк мелкого шрифта, где ты указываешь в качестве обстоятельств неодолимой силы собственное желание упахаться в ноль.

Алекс загадочно улыбнулся и метнулся к ноутбуку друга. Пароль «321», ради смеха поставленный ещё полгода назад, сейчас походил на обратный отсчет до запуска программы «Алекс-полный-коварных-намерений». Техническая часть вызывала некоторые сложности морального характера. Охотник помотал головой, отгоняя дурные мысли. С хакерством я завязал… почти, а эта планируемая феерическая пакость, которая непременно сначала выведет Криса из себя, а потом заставит счастливо улыбаться, — это совсем не… Ладно, Охотник, не обманывай себя. Сегодня ты играешь в хорошего хакера.

Но сначала надо подготовить ловушку, а уже потом подносить к губам манок.

09-SEP-2071
10:35
from: Dreamhunter
to: _overdrive_

привет, Овер. ты во сколько сегодня скажешь свое любимое «аллес. погнал»? если опять часов в девять вечера, то торта не получишь.

И где ты хоть — в Питере или первопрестольной?

«Ждите ответа, ждите ответа…» Алекс гипнотизировал взглядом экран. И бог с ним, со временем его отлёта сюда, на Ладогу, — всегда можно успеть расставить сети, но от геолокации зависит всё.

09-SEP-2071
10:54
from: _overdrive_
to: Dreamhunter
Я в Москве, Охотник… Дела. Прости. Часов в пять освобожусь и сразу к тебе.

Алекс очень широко и очень кровожадно улыбнулся. Москва — это фора в несколько часов. А теперь поиграем в хакера. Ведь можно голову отдать на отсечение — Крис будет, как всегда, настолько уставшим, что включит функцию автопилота в своём аэроцикле и вырубится прямо за рулём.

Солнце уже медленно клонилось к горизонту, поджаривая левую половину тела. Не спасало даже стекло-хамелеон на щитке. Автопилот уверенно вёл машину Кристиана к зелёной точке на берегу Ладоги. За шумом турбин мысли гасли так же быстро, как и вспыхивали. В Москву сорвали из-за дурацких бюрократических проволочек, ведь разве могли мелкие чинуши закрыть глаза на возникший из-под земли стартап, который с разгона перехватил крупный куш у своей альма-матер? Не могли. Вот и получай, Крис. В собственный день рождения держать темп гончей и покрывать километр за километром…

Экран приборной панели обозначил впереди «Великий Новгород» и что-то около двух часов пути. Можно расслабиться и, наконец, прикрыть глаза. Только сначала дождаться Волхов, эту широкую ленту застывшей ртути, величественно катящую свои волны к Ладоге. Да и сам Новгород с высоты выглядел невозможно красиво. Стоит только стереть новостройки с заднего плана — и вот она, красота ожившей старины: Кремль, София, звонница и белые арки Торговой стороны.

Навигатор слабо пискнул, принимая… Что?! Какого хрена? Но система уже вбила новые координаты. Цепочка из трёх красных светящихся точек сложилась в пологую дугу, имеющую своё окончание вовсе не на Ладоге. Крис ударил кулаком по приборной панели. Помогло мало. В финише по-прежнему значился Петербург-1, самый центр города.

Лихорадочно просчитывая варианты — от разряда в любой

свободный порт до принудительного форматирования системы, — Крис вдруг увидел медленно разворачивающееся на экране сообщение.

09-SEP-2071
19:20
from: []
to: _overdrive_
Даже не думай.

Крис тихо рыкнул, но убрал руки от приборной панели. Ладно, поиграем. Но не будь я хакером, если не достану потом тебя, оператор.

На Троицкой площади по обыкновению было тихо и пустынно. Гравийные дорожки цвета киновари бежали в радиальных направлениях, порой путаясь в показаниях и образуя между купольными кустарниками уютные и всё ещё зеленые альковы. Осень в Питере всегда наступала внезапно, но не в сентябре. Сиреневые тени скрыли флаер Алекса, а сам он, свернув ноги по-турецки, устроился на одной из скамеек в центре площади. Ноутбук, с которого кодер и перехватил управление автопилотом на аэроцикле Криса, обжигал кожу даже через ткань брюк. Да, такие нагрузки определённо выдержит не каждый.

Входящее сообщение. Даже удивительно, что ты так поздно вспомнил обо мне, Крис.

09-SEP-2071
21:33
from: _overdrive_
to: Dreamhunter
Задержусь. Извини. Нелётная погода.

Ох, Овер… И что я должен был бы подумать, если б сидел сейчас в домике на Ладоге и совсем никаким боком не касался этой маленькой шалости? На небе ни облачка, видимость стопроцентная, а у тебя «погода нелетная». Вот уж впору было б к зеркалу подойти и посмотреть, не выросли ли рога у меня, пока твоё королевское величество бурно празднует день рождения.

Алекс хитро сощурился и подавил смешок. Пару недель назад он, в очередной раз проснувшись один на кровати, оделся и спустился в гостиную. Овер был обнаружен в абсолютно невменяемом состоянии после ночи в транскоде. Безумный взгляд, фарфоровая бледность и растрёпанная шевелюра. Настолько растрёпанная, что поставив друга перед зеркалом и

уже открыв рот для долгой и проникновенной отповеди о вреде полуночного образа жизни, Алекс вдруг поперхнулся и зашёлся в истерическом смехе.

— Э-э-эй… — обиженно выдал Крис, чуть пошатываясь. — Ты чего ржёшь?

— А ты… посмотри… что у тебя… на голове… — простонал Алекс и кончиками пальцев вытянул в разные стороны две чёрных пряди, вставших торчком после трудовой ночи.

— И чё? — фыркнул Крис, отмахиваясь от рук Охотника. — Это антенны. С космосом разговаривать.

Алекс согнулся пополам от смеха и рефлекторно сделал шаг назад, прежде чем дать контрольный:

— Это рога, Овер. А ещё, говоришь, не суеверный…

И сейчас, сидя на скамейке в парке, Алекс мысленно смаковал это выражение шока, плавно переходящее в ярость на лице сероглазого короля. Что и говорить, досталось мне потом за эту шутку. Так бы всегда доставалось, боги Сети. Потом, под вечер, они уже смеялись над этим вместе, вспомнив, что Линда и вовсе перекрасилась и сменила имидж, дабы не светить прилюдно новоприобретённое украшение на голове. А на выпад Криса об отсутствии рогов у Охотника ответ был прост… Даже сейчас Алекс лишь усмехнулся. Олеся была очень правильной женой. И справлялась сама, когда ей чего-то не хватало.

Точка на зелёной координатной сетке неумолимо приближалась. Он уже пролетел над Американскими мостами через Обводный. Ну же, ещё немного, Овер… Точка мигнула и вдруг исчезла. Алекс с размаху ударил кулаком по скамейке. Хакер, чёрт тебя дери. Решил в последнюю минуту перехватить управление. Для пущего эффекта.

Спокойно, Охотник. Ты ведь не боишься его?

Алекс захлопнул ноутбук и поднялся. Не боюсь. Почти. Просто я знаю, что если у Овера слетают блокировки, то вся моя хвалёная сила вкупе с огнём — это лишь мизер по сравнению с его зарядом. И вряд ли сейчас он будет со знаком «плюс».

Таймер, что уже столько лет отмыргивал под лопаткой время до приступа или действия анальгетика, начал обратный отсчёт до события века «Овердрайв-на-последней-стадии-бешенства». Аэроцикл буквально пропахал гравий, зайдя на посадку из крутого пике. Неуловимым движением Овер соскочил на землю и, обгоняя ветер, понесся на Охотника. Тонкие руки совершали непроизвольные хватательно-выкручивающие движения.

Охотник глубоко вдохнул. Наверно, это и спасло его, когда Овер одним махом покрыл оставшиеся два метра сумеречного пространства. Птичьи когти рванули ворот рубашки. Охотник

почувствовал, как ткань впивается в шею, услышал, как с треском отлетает верхняя пуговица, но надо же было выдыхать когда-то? Только не в холостую.

— А не фиг было в день рождения переться чёрте куда, — выпалил Охотник, в азарте не замечая даже, что вторая рука Овера уже сделала захват.

Глаза северного короля сверкнули в наступающей ночи. Свежий ветер с Невы обжёг пылающие щёки. Ладно, Охотник. Сам напросился.

— Прими… мои извинения… хакер… — Овер притянул кодера ближе. — Но разве я разрешал использовать мой ноутбук… для таких… целей?

И прежде чем Охотник успел придумать ответ, его настигли стальные объятия обманчиво хрупкого Овердрайва. И ближайшее дерево оказалось так кстати…

Сердце пропустило удар, а потом забилось пойманной птицей. Но наваждение не исчезло. Тёплые губы Овера не оставляли другого выбора, как отдаться без остатка. Вложенный в этот поцелуй заряд страсти, настолько мощный, что волна возбуждения за миг накрыла Охотника с головой, настойчиво требовал симметричного ответа… И выдавая свой огонь, Охотник уже не помнил себя от этого полета или падения?.. Выше или глубже? Птичьи когти впились в поясницу, плечи впечатались в ствол дерева так, что можно было бы с кожи срисовывать каждую неровность коры.

Охотник судорожно выдохнул, чувствуя как тонкие пальцы касаются шеи… Нет, Овер, подожди, не пробивай мой самоконтроль. У меня ещё были планы на эту ночь. И мои планы должны стать твоими, чёрт побери. Охотник я или нет?

— Мы опаздываем, — выдохнул Алекс, невероятным усилием воли сдерживая стон, когда губы Овера коснулись его ложбинки под скулой.

— Я никуда не спешу, — едва слышно прошептал Крис. — Я ещё не искупил свою вину…

Да что ж ты делаешь, хакер… Ломаешь лёд моей защиты, как будто я цель твоей сетевой атаки. Охотник замер. Обжигающее дыхание на шее сменилось прикосновением горячих губ. Рука Овера отклонила его голову назад, заставив упереться затылком в шершавую кору. И последняя блокировка с треском сгорела, когда поцелуй в горло вдруг сменился очень нежным и осторожным укусом.

Чёр-р-рт.

Охотник сгрёб псевдодобычу в охапку, чуть ли не перекинув через плечо. Остальное потом, Овер. Дома. На Ладоге. Раз уж ты

решился на такое — не обессудь, если я зайду ещё немного дальше и поцелую тебя чуть за пределами твоих «границ дозволенного». Ну а сейчас…

— У нас десять минут, — отчеканил Алекс на другом конце площади, всё-таки опуская Криса на грешную землю. Слабеешь. Слишком далеко уже не утащить. — Погнали.

Вопрос «куда» ещё в воздухе висел, а Алекс с рукой Кристиана в своей ладони уже взял низкий старт. Не ледокол «Красин», конечно, но птице нужен был разгон, пусть даже она и не знает цели… Всего одно слово, Овер.

Планетарий.

Они успели как раз к началу последнего ночного сеанса в Звёздном зале. Усадив в кромешной тьме растерявшегося Криса в крайнее кресло, Алекс с тщательно скрываемым хрипом загнанной лошади рухнул рядом. Не шутка — на крейсерской скорости пересечь весь Александровский сад и площадь перед театром, успеть пробить билеты, ввалиться в зал со света софитов в полную темноту — и всё это до первого слова лектора. А здесь ничего не изменилось за годы… Никаких тебе электронных заменителей с механическим голосом, только старый добрый человек с учёной степенью за пультом и красная точка лазерной указки на куполе. И звёзды. Бездонная пропасть купола с сотнями ярких точек. Всё лучше избитого кинотеатра.

Холодные пальцы коснулись запястья. Голова друга легла на плечо, волной вогнав в лёгкие свежий запах морского бриза с апельсиновой ноткой. Алекс вздрогнул, коснулся щекой шёлковых волос и замер, глядя в чёрную бездну.

Глаза привыкали постепенно. И новые звёзды, будто по волшебству, зажигались над головой. Твоя магия, Овер. Я знаю. Если от одного твоего прикосновения у меня кожа искрит, как при коронарном разряде на силовой батарее, то что тебе стоит зажечь парочку сверхновых? А ещё, Овер, я скажу тебе по секрету потом, что ни одна ткань, ни атлас, ни шёлк, не сравнится с небесной гладкостью кожи над тонкими венами твоего хрупкого запястья. И если б меня спросили, что можно делать вечно, я бы к стандартным «смотреть на огонь, воду и воздух» добавил бы «держать Овера за руку».

Но рано или поздно кончается всё. Как часто говорили дома, «пройдёт и это».

Оранжевый свет софитов, так похожий на пятна уличных фонарей, неумолимо рождался у основания купола. Его было не остановить, как и рассвет нового дня. «К счастью, до рассвета ещё далеко», — подумал Алекс мельком, выходя на свежий воздух. Крис маячил где-то за спиной. Не видеть, но ощущать

присутствие. Наверно, даже если я ослепну, Овер, я физически почувствую твоё приближение. И впереди ещё добрая часть ночи… А когда-то я лишь мечтал о нескольких минутах рядом, боги Сети…

— А торт обещанный где? — выдал вдруг Крис, прижимаясь к спине.

Искреннее возмущение заставило Алекса мысленно выругаться. Вот и жди благодарности, ага.

— А больше тебе ничего не надо? — уточнил он на всякий случай.

Лёгкие крылья заслонили мир.

— Тебя надо. Чтоб сегодня не кончилось никогда — надо, — выдохнул Овер, и с усмешкой добавил. — И торт надо. Ну что за день рождения без торта?

Ладно, шутник.

— «Север» на Невском теперь работает до утра. Пошли в метро, мосты уже развели. Будет там тебе и торт, и кофе по-ирландски…

И я буду, Овер.

Твой до конца.

* * *

Главное отличие хакера от обычного юзера — неудержимое желание разобрать программу на части, чтобы узнать, как она работает. В случае с эмулятором, который папа с дядей Сашей написали для Лина, мальчику достаточно было задать вопрос одному из них, а лучше — обоим сразу.

— Мы работали в паре, Лин, — начал Крис. — В одиночку ничего бы не вышло. Дядя Саша писал слова, на мне была визуализация.

— Что за слова?

Алекс быстро глянул на Кристиана и, получив в ответ едва заметный кивок, едва слышно произнёс:

— Воля. Верность. Чужак.

Ничего с тех пор не изменилось. Только кто бы мог подумать, что чужаком он станет в собственной семье, по своей же воле, желая остаться верным той дружбе, что случается раз в жизни и бывает крепче иной любви.

И до сегодняшнего дня Лин полагал, что у него хватит терпения и сил переждать бесконечные осенние дожди и трескучие крещенские морозы, установившиеся в квартире на

пятидесятом этаже. Но, кажется, теперь ему стоило готовиться к раскалённому пустынному лету.

— Куда ты собрался, Лин?

Ох, нет… Что-то он совсем расклеился. Незастёгнутый рюкзак, флеш-карты с электронными книгами, интерактивная карта Варшавы, выведенная с проектора на стену…

— Э-э… Никуда, — ответил Лин. Слишком быстро ответил. Второй прокол, он же последний.

— Зачем ты обманываешь маму, Лин?

Какого?.. Вход в мою комнату без запроса подтверждения… Не слишком ли многое ты себе позволяешь, Рафаэль?

— По себе о других судишь? — дерзкая фраза срывается с языка парня, пробив все возможные защиты самоконтроля, вежливости и прочей ерунды, но он не прячет упрямые глаза, которые мигом затягиваются прозрачным февральским льдом, способным выдержать любой удар извне. Вошедшая следом Линда набирает воздуха в грудь, чтобы разразиться очередной воспитательной тирадой, но её опережает Рафаэль.

— Тебя папа научил дерзить? — тихо бросает аргентинец мальчику. — Ух ты, классный проектор. Разрешишь посмотреть?

Критическая ошибка, Санти. Ты схватил гаджет, забыв дождаться моего «Да». Или скорее «Нет», потому что я не хочу, чтоб твои грубые смуглые руки прикасались к тем вещам, которые достались мне из тонких, обманчиво холодных пальцев моего отца…

— Верни на место, — в голосе Лина дрожь близкого разряда.

— Отними, — весело отвечает Рафаэль.

Либо ты глуп, как пробка, Санти, либо издеваешься, и скорее второе. Или ты думаешь, что я дурачу тебя, сидя в коляске шутки ради?

Стремительным движением Лин подаётся вперёд, протягивая руку за проектором, но Рафаэль отпрыгивает назад, спотыкаясь о невовремя подвернувшуюся табуретку, и падает навзничь, а следом ему в ноги летит потерявший равновесие мальчик. Из проектора со звоном вываливается линза, и картинка пропадает, остаётся лишь яркий белый свет, отчаянно рвущийся на свободу из узкого отверстия.

— Как ты с-себя ведёш-шь, а?! — змеиное шипение слышится над самым ухом Лина, и он взлетает в воздух, поднятый матерью за шиворот, как котёнок.

— Ничего, Иштар, ничего. Переходный возраст, бывает, — поднявшись на ноги, Рафаэль выставляет перед собой раскрытые ладони. — Ладно, на этой ноте предлагаю попрощаться до завтра.

Знак примирения — правда. Нежелание признавать в

случившемся свою вину — истина. А ещё, Рафаэль, на твоих ногах, в которые я так неудачно упал, сегодня одеты папины тапочки.

Это война, чёрт подери. А мне доступно до смешного мало. Только стремительный жест, только сталь в голосе и разряд в глазах — пока ещё не такой мощный, как у отца, но я научусь. А сейчас…

— Вон из моей комнаты.

Кое-как вернув на своё лицо косую насмешливую улыбку, Рафаэль ретируется за дверь. И тогда случается непоправимое.

Коротко размахнувшись, Линда бьёт сына по щеке и выходит следом.

А потом в закрывшейся двери поворачивается ключ.

Снаружи.

Закрыть глаза, откинуть голову назад, заставляя слёзы утечь туда, откуда они, проклятые, вот-вот готовы были хлынуть. Щёку немилосердно жгло, и полученный импульс требовал немедленной разрядки, настолько немедленной, что первонаперво Лин вцепился зубами себе в руку, чтобы не заорать благим матом на всю квартиру, а уж затем бросился к своему планшету, попутно отключив питание сломанного проектора.

«Вытащи меня отсюда».

Было, было уже такое, и не далее, чем год назад. Но сейчас дяде Саше не напишешь. Ох, неужели уже тогда, прилетев за ним на «Инноватику», Алекс был…

Может, папе?

Ну, а что именно? «Твоя мама привела домой мужика, которому ты отдал свою компанию, и хочет прописать его у нас. Чё мне делать?»

Лин всхлипнул сквозь слёзы. Папа же там с ума сойдёт. Оседлает аэроцикл, прилетит нежданным и… что? Фантазия упорно рисовала мальчику Алекса, а не Криса, едва он раскручивал сцену с дракой в квартире, и без того уделанной при взрыве гусеницы. Значит, разговор. Меткий выстрел из лазерного пистолета прямо в сердце сопернику. И… снова что?

Боги Сети, неужели судьба ему — вечное бегство, горькое изгнание, сколько не зови его «тактическим отступлением»?

В памяти всплывают тёмные глаза с необычным разрезом и тёплые слова Машкиного мужа:

— Эй, Лин, хочешь освоить новые территории? Тогда пиши, пересечёмся.

Как ни больно это признавать, но в одиночку тебе всё ещё не справиться, Лин. Надо валить туда, где тебя готовы принять

таким, какой ты есть.

14-SEP-2071
from: LinStranger
to: Maria_Medici
Маша, привет. Хидео, привет.
Если у вас есть время, я бы хотел снова вас увидеть. Проблема в том, что я щас заперт и на этот раз без понятий, насколько долго мне торчать под арестом.

Ответ Марии пришёл мгновенно.

14-SEP-2071
from: Maria_Medici
to: LinStranger
Что значит «на этот раз»?
Лин. Ты переезжаешь к нам. Будь готов и жди у окна в полночь. Хидео тебя подхватит.

О, это был лучший побег в его жизни. Налегке, с одним рюкзаком, где было самое необходимое, то, без чего ему не быть Лином — ноутбук, один-единственный любимый конструктор, футболка не по росту с юбилейного «ТехноКона», электронный паспорт и неведомо как оказавшийся в его комнате старый, полупустой флакон с папиным одеколоном. Капля светло-голубой жидкости в глубине прозрачной льдинки. Это на самый крайний случай, если дышать станет совсем невмоготу.

Треугольный флаер Хидео бесшумно завис перед окном, и, в лучших традициях героев детских страшилок, японец тихо постучался в стекло. Только он ни капли не был похож на злого бабайку, которым Лина в раннем детстве пугала мама, когда он не хотел ложиться спать. Впрочем, Лин быстро понял, что если уж кого и следует бояться, так это живых людей, которые ходят с тобой рядом, едят с тобой за одним столом и делают с тобой одно и то же дело, до тех пор, пока…

— Открой окно, — жестом показал Хидео.

Стараясь не шуметь, Лин распахнул форточку, и японец невесомо, как лунатик, шагнул с подножки флаера на подоконник, заставив мальчика тихо ахнуть не то от страха, не то от восхищения.

— Ну, привет, — прошептал Хидео, едва прикоснувшись плечом к плечу Лина, что означало у него объятия. — Где твои вещи? Что, так мало? Ну, ладно, тем быстрей мы полетим. Теперь смотри. Расстановка такая…

К тому моменту, как до сознания Линды, увлечённой

ночными играми с Рафаэлем, наконец-то дошло, что звуки, которые она слышит — не яростное сопение горячего аргентинца над её ухом, а прогрев движков аэроколяски Лина, было уже поздно. Едва одевшись, Линда бросилась к дверям комнаты сына. Чёрт, куда же она дела ключ?.. А, вот он, в кармане халата.

Не уйдёшь, Лин.

Разгневанной тигрицей скакнув вперёд, Линда едва не выпала наружу, но успела ухватиться за обод колеса, другой рукой крепко вцепившись в трубу отопления, проходящую рядом с оконной рамой. Двигатели взвыли, слегка протащив её по подоконнику, но Лин вовремя успел стабилизировать своё положение и теперь беспомощно завис меж двух миров на высоте пятидесятого этажа.

— Давай, Лин… Убей меня, — обезумев, выкрикнула Линда прямо в бледное лицо сына. В коридоре тяжело топал Рафаэль, из комнаты пахло родным до боли теплом золочёной клетки, а на улице буйствовал ночной ветер, разнося в клочья осенний туман, и время стремительно утекало сквозь пальцы.

Упругая воздушная волна с ароматом сандала, и рядом с Лином оказывается остроносая машина, приветственно мигнувшая зелёными огнями.

— Приношу извинения, Линда-сан, — одним махом выдаёт Хидео, вскидывая тонкую руку в направлении тёмной богини. С кончиков его пальцев срывается короткая голубая искра, и Линда, охнув, отцепляется от коляски и отступает в глубину комнаты.

— Летим!!

Резкий вираж с безумным креном в сторону еле видной в тумане громады Делового центра — и Свобода.

Единственная остановка — на вершине башни Меркурий. Осторожно пересадив Лина на свою машину, Хидео складывает коляску мальчика, убирая её в багажник флаера. Следом летит портативный генератор силового поля, маленький металлический прямоугольник, который спас Лина из цепких когтей Линды.

— Пристегнись и держись за меня, ладно? — запрыгнув вперёд, японец оборачивается к Лину, и в его тёмных глазах отражаются тысячи огней ночного города, транскод наяву.

— Да, — выдыхает Лин и прижимается щекой к тёплому плечу Хидео, затянутому в кожаную куртку. И, когда флаер стрелой взмывает в ночное небо, полное свежего ветра, щека у Лина перестаёт болеть.

* * *

Если что-то хочешь спрятать — положи на видное место. Если прицепилась песня — пропой вслух. Если не можешь избавиться от воспоминаний…

Олеся попыталась расслабиться и вдохнуть полной грудью. В комнате было абсолютно темно, за тяжёлыми гардинами прятались небоскрёбы Делового центра. Пахло сердечными каплями. Взрывная смесь валерьянки, пустырника и индийской смеси — в этом вопросе Олеся была консервативна, хотя давно уже понимала, что пачка таблеток с валерьянкой, даже запитая нехилым количеством энергетика, не приведёт в чувство, и тем более — не выключит память.

Однако прогресс был налицо. Созданная ею программа для шлема психостимуляции успешно глушила мелочи: обжигающие взгляды Алекса, его ехидную улыбку, предвещавшую очередную фразочку из серии «хоть стой, хоть падай», цветные кадры из редких совместных вылазок на природу. Но от того, что лежало глубже этой шелухи, спасения не было.

Олеся поправила датчики, передвинула рычажок на пульте в положение «Record» и откинула одеяло. Идеально откорректированное тело нерожавшей женщины было нагим. О, страшное нарушение всех правил. Но Лисовский, возможно, прав — надо записать самое болезненное, самое сильное воспоминание в условиях, максимально близких к тем, что были в ту ночь… И тогда к нему можно будет подобрать код отмены. Код, который, наконец, сотрёт тебя, Алекс, из моей головы раз и навсегда. Ведь, согласись, если я не нужна тебе, то какого я должна помнить тебя?!

Волны из разночастотного шума бились на краю сознания. Бинауральные ритмы работали безотказно — мозг слышал то, чего не было на входе в ушную раковину, и выкладывался на полную, вырубая тело до состояния взведённой пружины.

Голос Лисовского тихо прошелестел, и не понять было, где он звучит — в голове или всё же на некоторой дистанции:

— Когда онемеет тело, вы должны будете удержать себя на грани сна и яви, пани Олеся. Не обещаю, что это будет легко, но как только вы перешагнёте этот рубеж, ваше воображение из врага превратится в друга… И вам останется только вспомнить.

Словно предчувствуя эту пытку, каждая мышца отчаянно сопротивлялась, отзываясь судорогой на несуществующий сигнал. За пятнадцать минут, пока тягучая волна бесчувствия катилась от ступней до горла, Олеся сотню раз прокляла мужа. Снова и снова на имя «Алекс» память первым делом выдавала кусок яркой солнечной кинохроники. Алый спортивный флаер со стреловидными крыльями. Невысокий человек в этой вечной

рубашке с закатанными по локоть рукавами и старых джинсах почти танцующей походкой приближается к машине… Больно щемит сердце. Олесе всегда казалось, что в исполнении мужа «Ласточка», имя красного красавца-флаера, звучит нежнее, чем её собственное. Но вот мужчина уже за пультом управления, в ярком солнечном свете почти не разглядеть деталей. Всё затмевает плавящееся золото его растрёпанных от ветра волос. Он закрывает глаза, делает глубокий вдох… И стартует в небо.

«Ненави-и-ижу тебя-а-а…», — мысленно кричит Олеся. Дыхание уже перехватило, тела нет. Полная свобода и абсолютный плен. Нет, Алекс, я выдержу. Ты будешь стёрт из моей памяти. Сейчас или никогда.

Та. Самая. Ночь.

Которая не даёт мне покоя.

Которая мне показала другого тебя. Настолько не-Алекса, что я не смогла это принять.

Которая дала мне Шанс заполучить тебя с потрохами, а я по глупости думала, что это не нужно, что ты и так мой.

В тёмной спальне нет никого. Ещё слишком рано, всего одиннадцатый час ночи… О, ты, конечно, думаешь, что я ничего не знаю. Впрочем, я старательно поддерживаю в тебе эту мысль. Да-да, милый Алекс, это вовсе не болтовня с Кристианом Вебером о всякой ерунде, а деловые контакты. И не бурная переписка ночь напролёт с ним же, а код нового модуля.

Мелькает шальная мысль: «А почему я, собственно, ни разу не устроила тебе скандал за эти бдения до пяти утра? Ведь имела право. Может, всё дело в том, что не загорелась внутри лампочка с подписью „Измена“? Где это видано, чтобы абсолютно нормальный мужик залипал на другого… Не отрицаю, чертовски красивого, элегантного и аристократичного Другого. Мне Кристиан и самой нравился. Было в нём что-то гипнотическое. Какой-то стальной стержень внутри, который гибок при этом, как тростник. И воля к жизни. Я точно не ошиблась, когда сказала ему, что доживёт он до правнуков. Наверно, ты, Алекс, уже больной тогда, чувствовал это и тянулся за Вебером изо всех сил…».

— Не отвлекайся… — в хриплом шепоте пана Лисовского напряжение. Значит, ты всё-таки решился смотреть этот фильм вместе со мной… Я смогу удивить тебя, пан.

Внезапный грохот на кухне рвёт тишину квартиры в клочья. Летит в дальний угол яростно захлопнутый ноутбук, но это я узнаю только утром. А пока… Алекс матерится. Трудно из спальни разобрать слова, но есть что-то в этих обрывистых рубленых фразах про собственную жизнь, слишком умных людей,

которые решают за него, и бренность бытия. Но это всё я различаю почти интуитивно, ибо нецензурные конструкции, выдаваемые тобой под грохот посуды, сгружаемой в мойку, всё больше усложняются. Звонкие щелчки выключателя. Шум воды в ванной. Как всегда ты подвис там надолго, счета за воду приходят с неприличными суммами в графе «К оплате». Настежь распахнутая дверь в спальню, твой силуэт в жёлтом прямоугольнике света.

Темнота. Чёртова темнота. Ты никогда ложишься при свете.

Обжигающе горячее тело рядом ещё пахнет свежестью близкой воды.

Тело Олеси охватывает дрожь. Снова, как в зацикленной программе, накатывает волна возбуждения. Алекс… Ты здесь, рядом со мной. Непривычный час. Непривычный напор. Непривычный ты.

Жадный поцелуй, будто ты хочешь упиться мной, утолить какую-то неведомую жажду. И мой ответ только провоцирует новую вспышку твоего тела. Крепкие руки мнут меня, как майский цвет. Интуиция, прежде чем ее затыкает страсть, успевает подсказать, что неспроста этот огонь, что причина не в тебе, Олеся, она там, на кухне, и в сердце Алекса… Но к чёрту все мысли. Наши ночи так редки, что не до причинно-следственных связей.

Судорожный вздох. Смотри, пан Лисовский. Может быть, завтра я не увижу ехидной усмешки на твоих губах. Может быть, ты всё-таки поймёшь, какое солнце я потеряла.

Алекс вдруг замирает, удерживая Олесю в своих объятиях почти на весу. Осторожно отпускает. Готовое сорваться в седьмое небо сознание ухает в пропасть с трёхэтажным матом. Почему ты остановился, чёртов Охотник? Чего тебе не хватило?

Крепкое объятие, из которого не вырваться. Его дыхание обжигает щеку, а бедро недвусмысленно намекает, что остановка умышлена.

— Олеся… — хриплый шёпот, срывающийся голос.

Я молчу. Я знаю, что это верный способ узнать всё. Вопросы только отдаляют тебя.

— Я хочу… быть… твоим.

Что???

В руки ложится узкая полоса бархата. С трудом давлю в себе желание поинтересоваться, какого хрена вообще происходит и почему именно я в это влипла. Нет, я знаю, о чём ты просишь, но тебя явно подменили, Алекс…

«Или показали настоящим», — шепчет Лисовский и тут же просит прощения. О да, я в курсе уже, спасибо.

Молча связываю протянутые мне руки. Бархатная полоса ложится в знак бесконечности вокруг широких запястий, перекрутить концы, затянуть узел. Рывком затянуть, чёрт побери. И не спрашивай, откуда я это умею.

И когда ты забрасываешь связанные руки за голову, меня накрывает паника. Пульс барабанной дробью отзывается в висках, мгновенно поднимаясь до запредельной частоты. Мне не в новинку роль доминантки, ты и раньше позволял мне это, но в сумерках этой ночи таится что-то запредельно откровенное. В твоих глазах, которые так близко сейчас ко мне, я вижу, как тухнет пламя, они становятся хрустальными. И я ничего не понимаю… Зачем ты соглашаешься на это, если не хочешь, если я этого не требую? Мне вообще, если честно, это не нужно. Верёвка на запястьях — пикантная деталь, не более того. Или нет?..

Нетерпеливое движение твоего бедра обрывает мысли. В конце концов, когда ещё выпадет Шанс.

Я делаю с тобой всё, что хочу, Алекс. Ты дышишь, как подбитая птица, порой сквозь твои стиснутые зубы вылетает стон, и я ловлю его своим поцелуем. Пробежаться пальцами по груди, чувствовать дрожь твоего тела. Быть моим, значит. Ты не обидишься, если я пойму это совсем буквально? А впрочем, ты ведь связан, зачем я спрашиваю.

Кончики пальцев на шее. Сонная артерия пульсирует, как зуммер во время тревоги. Я чувствую, как ты давишь в себе желание дёрнуться, напрягая всё тело, чтобы этого не сделать. Ты терпишь, Алекс. Неужели ты всерьёз решил довериться мне настолько, что допустил к Запретному Месту № 1?.. Эта мысль о вседозволенности — как взрывная волна. И рука сама по себе обхватывает твою шею, судорожно сжимая пальцы.

«Первая ошибка», — голос Лисовского искусственно сух. Исследователь, как же. А сбитое дыхание не спрячешь ведь.

Алекс закрывает глаза. Он отзывается на ласки, но Олесю не оставляет ощущение, что это уже чисто рефлекторное. Пальцы чувствуют, как возникает вибрация в его горле. Он с трудом сглатывает, но движение не прекращается ни на миг… Наверно, если сейчас нагнуться вплотную, то можно услышать этот почти беззвучный счёт:

— Раз… Два, три… Четыре-е-е…

О, это уже давно не секрет для меня. У тебя нет музыкального слуха, Алекс. И тебе приходится считать ритм словами. Даже сейчас, когда ты беспомощней новорождённого щенка, когда связаны твои руки и я над тобой, я, твоя хозяйка, ты всё равно продолжаешь считать, будто это твоя ночь и твой ритм.

Сердце теряет свой привычный ритм к чертям. Тело Олеси,

раскинувшееся на белых простынях, изгибается дугой, съезжают датчики шлема. Судорога разрядом проходит по телу, замыкая контакт на диафрагме. Нечем дышать.

— Олеся! — громовой раскат Лисовского не выдёргивает из страшного небытия, нет, он держит ее на краю.

Воображаемая ночь продолжается. Они оба почти кричат. Секунда, две… Рука, отрываясь от манящей ниточки жизни на горле Алекса, шарит по стене. Выключатель. Дотянуться. Ещё немного.

Яркий свет ударяет в глаза. Я хотела увидеть его лицо, когда близок конец. Я не видела ни разу.

— Нет! — вскрикивает Алекс.

И вторит ему Лисовский, чувствующий всё происходящее будто на собственной шкуре. Даже невозможно поручиться, что не их двоих одновременно.

Время сворачивается в малоаппетитный ролл, закукливая на себя события. Звериный рык Алекса. Удар спиной о стену, позвонками прямо о выключатель. Свет гаснет.

И нет больше доминантки, нет хозяйки. По щекам Олеси текут настоящие слёзы.

Есть Зверь, обезумевший от того, что он явно счёл недопустимым, и его жертва. Трещит бархатная полоска — это рвётся в клочья пустая видимость подчинения, символ превосходства, дающий порой такую неограниченную власть над тем, кто тебе доверился.

Невероятным усилием воли Олеся вынырнула из сна. Совсем немного подождать, пока запись будет сохранена, и сдёрнуть этот проклятый шлем с датчиками. Ибо конец той ночи она не покажет никому. Чем выше ты взлетел, тем больнее падать. И падать вот так, как, оказывается, умел организовать Зверь. Жестоко, вцепившись зубами в плечо и не давая даже секунды на передышку от этого крика, что рвётся из истерзанного тела.

* * *

Алекс потянулся к кружке. Пусто. Чёрт побери… Придется всё-таки оторваться, хотя осталось совсем немного.

Он спустился вниз, в кухню. Дом на Ладоге в этот предзакатный час жил своей жизнью. Говорят, что мебель трескается около трёх часов ночи. Очень может быть, но здесь, под Сортавалой, старый дом имел обыкновение не придерживаться обычного для всех режима.

Чуть слышно щёлкала остывающая крыша, нагретая солнцем

за целый день. Шуршали под шифером воробьи, забираясь в теплую труху подальше от вечерней озёрной сырости. И трещали поленья в маленькой каменке в гостиной на первом этаже — сентябрь встретил Северную глушь холодными ясными ночами, достойными декабря.

Алекс плеснул в кружку воды. Тёплая, она едва уловимо отдавала на языке вкусом накипи. Глоток. Два. Все семь чувств словно ушли в фон, уступая объём оперативки мозгу, занятому решением задачи.

Полностью погружённый в себя, он поднялся обратно в спальню и упал на кровать перед новым ноутбуком. Машина попалась так себе, но могло быть и гораздо хуже. Всё-таки правило золотой середины себя оправдало: неплохая матрица, мощное ядро, беззвучная клавиатура — немалый плюс во время ночных бдений при спящем Крисе. Алекс улыбнулся этому слабому параллельному потоку мыслей. Наверно, можно было бы пальнуть из пушки, но при этом не разбудить Овера, вымотанного в ноль за трудовой день в своих таинственных делах, из которых Алекс знал от силы только геолокацию и то весьма абстрактно. Почти каждое утро Крис срывался на аэроцикле в Питер. Если не срывался — то нырял в транскод, невелика разница. Ладно, вернемся к нашим баранам…

Алекс пролистал код главной процедуры. Заказ на эту прогу свалился словно с неба. Объявление о фрилансе висело без внимания уже почти три месяца, с того самого дня, как Охотник понял, какой обузой является для своего друга. Нет, он понимал и раньше, но острая спица боли подняла эту тему на новую высоту именно с Олесиным требованием денег за анальгетик. И тогда он решился: написал резюме, где название «Div-in-E» было главным козырем, и параллельно начал искать работу по силам. То есть без транскода. Её оказалось немного — из небольшого списка предложений более-менее приемлемым оказался только отсмотр записей с камер видеонаблюдения в госкорпорациях. Платили до смешного мало, но зато появилось занятие для пустых вечеров и одиноких дней.

В конце концов, подумал Алекс, если б я мог долго находиться в транскоде, всё сложилось бы по-другому. Но вход в город-под-рекой дольше, чем на час, теперь был ему заказан. Элементарно не хватало сил. Прячась от Криса в укромных углах дома под сенью вечной паутины, он раз за разом пробивал плечом си-сферу, разлетавшуюся с хрустальным звоном. Город манил огнями, сияющие магистрали неустанно напоминали о тех временах, когда зараза в груди ещё не перешла в атаку и просыпалась лишь по праздникам. Концентрация на виртуальном

себе требовала безусловной отдачи, но страх, что в любой момент может случиться приступ и он потеряет сознание, зависнув в транскоде, сводил на нет все усилия. И Алекса либо просто с размаху вышвыривало в реальность с пульсирующей молнией в виске, либо он терял в Реке свою сущность, превращаясь в тонкую серебристую плёнку у самой поверхности иллюзорного мира. Опытным путём в бесконечные часы одиночества, Алекс установил единственный приемлемый способ существования в реке-под-рекой. Только после превентивной дозы анальгетика. Только двадцать минут. Для экстренного случая пойдёт, но на работу в таком режиме рассчитывать не приходилось.

А потом вдруг заказ. Интуиция упорно била в темечко, что кусок разработки, отданный Алексу, неспроста был выдернут из чьего-то общего проекта. Уж очень специфическими оказались исходные данные с переменными, имена которых содержали недвусмысленные намёки на биополе человека. Но сумма была приличной, а душа светловолосого кодера так жаждала снова заняться любимым делом, что было уже абсолютно наплевать на таинственного Заказчика. Тем более, он сразу дал аванс.

Код был практически готов. Можно было б отдать прямо сейчас, но программистская гордость требовала стиля. Библиотеки, выискивание перекрёстных ссылок, оптимизация памяти… Алекс ненавидел вылизывать код, но положение обязывает. Особенно с учетом того, что при его способе раскручивать код с одного блочка из середины без этого вылизывания сам не поймёшь, что написал, уже через месяц.

Ещё час ушел на допиливание программы до удобоваримого вида. Сорок первый час. Алекс потёр виски. Сейчас Криса нет дома. А был он ночью? Не помню. Если и был, то не мешал и явно спал в гостиной.

В три клика Алекс отправил архив с проектом Заказчику. Машина, купленная за деньги Лисовского, довольно заурчала и разразилась коротким звуковым сигналом. Адресат принял письмо.

При мысли о Лисовском, вдруг выехавшей на первый план, Алекс поморщился. Эти долбанные новые импланты так и не прижились за неделю. Кожа вокруг них воспалилась и была горячей на ощупь. Чтоб я ещё раз согласился на эксперименты с операциями в совершенно кустарных условиях… Да ни за что. Но нужны были деньги тогда. Деньги на комп, чтобы выполнить заказ на программу. Заказ на программу, чтобы получить деньги для того, чтобы получить видимость независимости…

Хрен тебе, Охотник. Ты сам запутался. И ясно лишь одно — деньги не цель, но средство. Ты никогда особо не гнался за ними.

Может, потому, что их всегда хватало? Или запросы на материальные блага всегда были неприлично низкими. Мотоцикл, спортивный флаер, пара компов — вот и все твои крупные покупки в жизни. Недвижимостью не баловался, детей не растил. Наверно, поэтому сейчас так невыносимо больно чувствовать свою зависимость от кошелька другого человека. Личные отношения портят деловые отношения, воистину.

Усталость накатывала волнами. Алекс решил не испытывать судьбу. Положив голову рядом с нестерпимо горячим боком ноутбука, он терпеливо ждал сигнала. Ведь если фрилансеру, коим он сейчас был, ставят такие жёсткие требования по времени на приличный по объёму модуль, то вправе он надеяться на не менее оперативную оплату? Тошнота подкатила к горлу. Деньги. Снова деньги. Боги Сети, Духи Севера, ну кто-нибудь, пожалуйста, вырубите этот поток мыслей… Ведь решено уже. За неделю, что прошла с памятного разговора с Крисом на платформе Каланчёвская, всё сто раз обдумано и передумано, прокручено в голове, отброшено логичное и возведено в истину невозможное. Надо только…

Пополнение баланса. Отлично, они приняли работу. А вот теперь за дело.

Охотник жёстко прищурился и рывком поднялся с кровати. Еще с аванса он заказал в химлаборатории Военно-медицинской академии несколько доз своего анальгетика. Их привезли вчера, но он даже не вскрыл пакет. Смелости не хватило. Зато теперь, когда заказ закончен и, главное, Криса нет дома, смелость появится. Только градуса добавить. Как ты там, Овер, милый мой, говорил? Никогда не пей, когда тебе плохо? Я терпел неделю. Неделю я гнал от себя все мысли, которые, так или иначе, касались этих чёртовых ампул. Но и моему терпению пришел конец.

Заначка в виде непочатой бутылки коньяка обнаружилась в одном из кухонных шкафов. Алекс заметил её давно, ещё в мае, когда облазил всё в поисках корицы. Но пить, тем более — пить тайком, не тянуло. Зачем обжигающая жидкость в глотке, когда дурман в голове от одного только тихого голоса сероглазого короля? Алекс посмотрел на коричневую жидкость и, глубоко вдохнув, залпом опрокинул стопку. Коньяк опалил пищевод. С трудом отдышавшись, Охотник подошел к трюмо в коридоре. Зажёг свет. В круге переотражений он увидел свою расхристанную фигуру с осунувшимся лицом. Тёмные круги под глазами подчеркивали полную отрешенность в почти свинцовой радужке. Приступим.

Охотник разорвал пакет из Военно-медицинской академии.

На ладонь выкатились три ампулы с розовой жидкостью. Осторожно выложив их в ряд на столешнице, он открыл чемоданчик, привезенный Кристианом Вебером от Олеси Рыковой в июне месяце. Именно так. Кристианом. Вебером. Чёрт побери, хоть горшком назови, лишь бы не сорваться… Спокойно, Охотник, спокойно. Ты тогда посчитал количество доз. Их было пятнадцать, сейчас осталось пять. Вынимаем три и кладем рядом с новыми.

Сердце пропустило удар. Алекс закрыл глаза и нарочито медленно, вслух, подавляя рык, досчитал до десяти. О, если б это что-то могло изменить… В ярком свете галогеновых ламп шесть ампул казались абсолютно одинаковыми, если б не одно «но»: в первых трех жидкость была розовой, а в остальных её оттенок неумолимо стремился к красноватой киновари. И списать бы это на издержки производства, а не на разную рецептуру. Списал бы, подумал Охотник. С огромной радостью. Но ещё забирая флаер, я заметил другой оттенок в старой ампуле годичной давности. А потом Олеся во время того чёртового эксперимента по обмену мыслями проговорилась, что анальгетик отравлен…

Охотник вернулся в кухню. Накромсав лимон и щедро засыпав его сахаром, он налил себе новую стопку. Крис приедет не скоро, но нужно его дождаться в приемлемо адекватном состоянии. Руки непроизвольно сделали хватательно-выкручивающее движение. Боги Сети, да даже если мне это всё привиделось тогда, в кабинете Лисовского, очевидного нельзя отрицать так же, как можно верить во что угодно, пока я не снял рубашку. Мне становится хуже от этих чёртовых пятнадцати доз. Раньше после того, как Крис вкатывал анальгетик, я вырубался через считанные минуты. А теперь… Я не теряю сознание. Боль просто уходит на периферию, оставляя место для галлюцинаций и бреда. И это продолжается часами, это выматывает настолько, что сутки я могу потом проваляться, не в силах даже шевельнуть рукой. В этом бреду я вспоминаю нелепости своей жизни, несу околесицу, выпускаю на язык подсознательное. А потом удивляюсь, ловя странно-тяжёлый хмурый взгляд Овера. Овера, который купил эту отраву для меня. Овера, который меня же ткнул в это носом… Овера, который решил избавиться от Охотника, ставшего ненужным жалким щенком на пороге его дома.

От полной бутылки осталась едва четверть, когда стукнула входная дверь. Добыча не спешила, добыча очень тихо скинула плащ и вымыла руки при минимальном напоре воды. Охотник криво усмехнулся внезапно наступившей тишине. Добыча явно подвисла у ярко освещённого трюмо, судорожно придумывая оправдания раскрытому… Обману? Предательству? Почти

убийству? Я не буду тебе мешать, Овер. Изобрети что-то пооригинальней, прежде чем я придушу тебя собственными руками. Даже катану осквернять не буду.

Крис, бледный, как покойник в ясную лунную ночь, возник на пороге бесшумно и мгновенно оценил обстановку. Резкий запах алкоголя и лимона был явно ему не по вкусу. Что, Овер, не рассчитывал увидеть меня таким? Причину избавиться от меня ты, видимо, уже нашёл, так не буду утруждать тебя поисками повода.

— С хрена ли не закусываешь, Охотник? — устало спросил Крис.

«Вот сволочь», — мелькнуло в голове Алекса, пока рука твердо наполняла стопку до самых краёв. Он приглашающе кивнул на соседний стул.

— Водка с колой меня выносит на две с половиной минуты быстрее, чем стопка коньяка, — еле заметно усмехнувшись, прокомментировал Крис, обращаясь не то к Охотнику, не то к блюдцу с лимоном. — Ладно, за неимением лучшего — сойдёт. Надеюсь, ты туда никакой корицы не подсыпал…

— Нет, — тихо сказал Алекс, дождавшись, пока тонких губ Криса коснётся коричневая жидкость. — Даже не подлил твоего отравленного анальгетика.

Крис поперхнулся на вдохе и закашлялся, судорожным движением руки опрокинув стопку. Коньяк растёкся по столу. Такой чудесный напиток пропадает зазря.

Охотник одним слитным движением оказался за спиной сидящего Овера. Выкрутить ему руку до едва слышного хруста в плече, намотать на дрожащий кулак чёрные волосы, рывком запрокидывая голову короля назад… Глаза в глаза. И всего один вопрос, чёрт побери. Последний вопрос Зверя, преданного тем, кого ещё месяц называл смыслом жизни. Зверя, который ещё может говорить, а не просто рычать от этой дикой первобытной ярости.

— Какого хр-р-рена ты тогда спас меня, когда я перерезал себе вены, если сейчас убиваешь собственноручно?

Что, к едрёной матери, происходит, а?!

Какую чушь ты несёшь, Охотник? А, впрочем, спрашивать тебя опасно и более того, невозможно, когда ты едва не отрываешь мне голову так, что нечем закрыть беззащитную шею, хоть катаной по ней полосни.

Смотри мне в глаза, чёрт возьми. Читай, как открытую книгу. Я тебе всегда позволял это, а сейчас тем более готов. Что ещё остаётся? Можешь придушить меня, если станет легче. Я и сам не понимаю, что с тобой происходит в последние месяцы, но…

— Я. Не. Трогал. Твой. Анальгетик, — рвётся из горла хрип, сходящий на шёпот.

Невербальная магия? Побочный эффект бесконечных экспериментов с моим сознанием? Секунда, вторая, а я всё ещё дышу, хоть и с трудом по твоей милости.

«Не верь ему!» — взревел Зверь, с размаху вгрызаясь в душу. Охотник закрыл глаза. Меня не пугают твои киловольты, Овер. Мне глубоко начхать на них сейчас, я сам выдам тебе на порядок больше. Ты виновен.

Кажется, последнее он произнёс вслух, потому что зрачки короля становятся большими и бездонными.

— Ты привёз отраву мне. Ты платишь за неё. Там, на Каланчёвской, я уловил связь, но не верил до последнего, — Охотник горько рассмеялся, отпуская вывернутую руку и низко склоняясь над жертвой. — А я ведь чувствовал себя виноватым, что такая обуза… Нашёл работу. Лёг под нож ради денег, которые не хотел брать у тебя.

Ну, давай, Овер, не бойся. Перед смертью не надышишься. Протяни руку, дотронься до моего нового импланта имени Г. А. Лисовского, который не дает мне спать, раскалённым железом вгрызаясь в черепушку. Всё, одного касания хватит. А теперь — конец комедии.

Зверь рванул добычу за волосы, разворачивая к себе лицом. Стон. Рывком поднять это хрупкое тело, которое столько раз за прошедшие месяцы отдавалось тебе добровольно, опрокинуть на кухонный стол и крепко прижать собой. А ведь ты даже не успел ничего предпринять, король. Или ты плохой ученик, или из меня хреновый учитель. Бутылка с остатками коньяка летит к чертям на пол. Ничего не выйдет. На твоей тонкой шее мои пальцы. Ты мне очень задолжал, ангел.

И всё-таки немного жаль, что ты оказался таким подлецом, Овер.

Чертовски жаль.

Поцелуй. Такой, которого не было никогда. И больше не будет. Охотник выложился весь, чувствуя, как силы, собираясь в тугой комок у ямки, что у основания шеи, поднимаются вверх и рвутся криком в горле.

— Тот, другой, — выдавил из себя Охотник, не пытаясь даже остановить мысль, изречённую вслух, — в транскоде… Твой двойник… Он, наверно, был прав.

Под стиснутыми пальцами бился рваный пульс серокрылой птицы.

Крис молчал. И в его глазах Алекс увидел не киловольты, а…

Не-е-ет…

Так смотрела та женщина в его квартире. Так смотрел он сам на Олесю много лет назад.

Первобытный ужас. Страх.

Алекс отшатнулся, выпуская из смертельных объятий свою добычу. Шаг назад. Два. Три. Нога вдруг теряет опору, наступив на бутылку с коньяком на донышке. В другом состоянии он бы извернулся как кошка в воздухе, удержал бы равновесие, но сейчас ни рассудок, ни инстинкт даже не попытались это сделать. Короткий миг падения на спину, испуганный вскрик Овера на краю сознания и адская боль в затылке, разбитом о дверной косяк.

И внутри подыхает зверь. И ясно уже, что анальгетик отравил не Овер. И взрывается зараза в груди.

Но, чёрт побери, где и в чём я ошибся…

Всё плывет перед глазами. Не смазывается, как обычно говорят. Все ошибаются. Слёзы помогают видеть ясней, преломляя реальность под нужным углом, выворачивают ее изнанкой к замыленным глазам. Я первый раз плачу при тебе, Овер. Прости меня за всё, но прежде всего — за эту полынную горечь, что идёт рука об руку с моим огнём…

* * *

С затаённой надеждой Рафаэль в очередной раз проверил свою личную почту, но информации от Эйрика по-прежнему было до смешного мало. Стремясь оправдать немаленькую сумму денег, полученных от Рафаэля в обмен на бессрочный шпионаж в стане врага, норвежец выслал на почту Санти все материалы, которыми его снабдил Крис, но на поверку оказалось, что это всего лишь техническое задание от какого-то НИИ, да ещё и невыразимо заумные теоретические выкладки на тему сверхдальней телепатической связи, выдержки из теории биоэлектрического взаимодействия и прочие мелочи в том же духе. Модуль связи, который дали тестировать Эйрику, не давал почти никакого представления о принципах работы программы. Оставалось только ждать, когда норвежец вновь выйдет на нужный уровень доверия с Кристианом, и тот сам ему расскажет о своём волшебном коде за стопкой чего-нибудь горячительного.

* * *

— Опохмеляться будешь? — тихий голос Криса был

абсолютно серьёзен и не содержал даже малейшего намёка на издёвку. — Хотя обычно это первый признак алкоголизма, Охотник.

Алекс отрицательно помотал головой, даже не пытаясь поднять зудящие веки. Как будто песка насыпали, ей-богу.

Сколько времени прошло? Яркого света нет, но это ни о чём не говорит, просто у окон прозрачность могла быть выкручена до минимума. Голова гудела немилосердно, вместо глотки явно появился выжженный песчаник. И ещё что-то такое тягучее, чужеродное в груди вместо сердца. А, временный альянс. Совесть и Память против бедного меня. Привет, старушки, сто лет вас не видел вместе.

Глухо застонав, Алекс заставил себя приподняться на локтях и принять хоть и неустойчивое, но полувертикальное положение. Пульсирующая боль в затылке отозвалась радостным воплем команчей, вышедших на тропу войны. Опять угораздило вляпаться в историю… Кажется, я понял огромную разницу между нами, Крис. Вся моя жизнь выходит мне боком на физическом уровне. То перерезанные вены, то вспышки боли в груди, то звон в голове наутро от коньяка. Но при всём этом нижние слои моего «Я» остаются такими же, как и много лет назад… Редко, очень редко, душевная боль оказывается настолько сильной, чтобы задеть эту глубину. Задеть, но не изменить. А вот по тебе почти никогда не определишь, что скрывается там, внутри. Всегда — или почти всегда, ты под бешеным самоконтролем, и в тихом омуте черти водятся…

Ладно, я был не настолько пьян, чтобы ничего не вспомнить сейчас. Достаточно ключевых слов.

Отравленный анальгетик.

Желание убить тебя.

И ещё что-то, что заставило меня понять, что виноват не ты. Понять сердцем, чёрт побери, но не мозгами. Железная логика накидывает удавку на твою шею, Овер. Слишком железная, и оттого мне ещё трудней сопротивляться ей сейчас.

Алекс открыл глаза, мгновенно наткнувшись на взгляд Криса, который стоял на другом конце гостиной, опираясь плечом на шкаф и сложив руки на груди. Если б я даже имел полную коррекцию зрения в минус восемь диоптрий, я бы всё равно вот так же вздрогнул от этих киловольт. О, если б… Жуткое желание ослепнуть раз и навсегда на миг заглушило в Охотнике все чувства. Но глаза уклонялись от разряда во взгляде птицы, упрямо соскальзывая на белоснежную шею Овердрайва. На шею, которая сейчас должна быть украшена багровыми отпечатками его, Охотника, пальцев, поскольку вчера он… Или всё-таки это

случилось лишь в его воспалённом, одурманенном воображении?

— Пока ты валялся здесь без чувств, — начал Крис, странно поводя головой, словно силясь избавиться от этих невидимых взгляду отметин Большой Охоты, — я заказал экспресс-анализ содержимого двух ампул с твоим анальгетиком. И чуть не загремел в руки полиции, между прочим.

— Не понимаю, — прохрипел Алекс.

Вот блин, дожили. Стакан воды подать некому. Не говоря уж о том, что или он сам, или мир сошёл с ума окончательно и бесповоротно.

— В ампулах, которые я забрал у Олеси, к анальгетику примешано сильнодействующее психотропное вещество, — равнодушно пояснил Крис. — Поэтому ты и бредил, как ненормальный, после каждой дозы в эти три месяца.

— Который ты забрал у Олеси… — уцепился за главное Охотник.

Боги Сети, как же не хочется играть сейчас в гляделки, танцевать с волками, строить карточные домики на минном поле… Если не ты отравил анальгетик, Овер, то прибей меня с лёгким сердцем. Ибо такое не прощают. Я поднял на тебя руку. Не в спарринге, не в учебной тренировке. Это даже не резкое обидное слово, которое можно попытаться замазать событиями новых дней. Там, на Каланчёвской, ты тоже сорвался. Я не знаю, сколько раз уже с тобой такое было. И почему-то кажется сейчас, что ты вообще мне чужой. Что всё мое знание тебя — это фикция, изучение рельефной текстуры твоей маски.

Это будет самым разумным решением с твоей стороны — немного пособить тому, кто так жаждет моей смерти. Но, чёрт побери, приятно, что кому-то я нужен, хоть и со знаком «минус».

— Я повторяю в последний раз, Алекс. Я не виновен в этом.

Лучше б ударил. Охотник с трудом поднялся с дивана, куда, наверно, оттащил его Крис, и дело было не в последствиях распитой в одиночку бутылки и накрывшей потом боли в груди, а в чём-то другом. Кажется, Овер, эта история раскалённой иглой нырнула в такую запредельную глубину меня, что твой транскод нервно курит в сторонке. И если уж сегодня день или ночь Великих Откровений, то давай начистоту.

Подойти вплотную. А если оттолкнёт?.. Двум смертям не бывать, Охотник. Это твоё главное свойство, которое ты упорно давишь в себе, но раз за разом оно пробивается наружу в таких вот ситуациях. Ты первым идёшь на примирение, даже если стоящий напротив тебя виноват объективно во всех смертных грехах и ещё парочке новых, только что изобретенных им самим. Без разницы, кто это был за долгие годы: твоя мать, всегда

находящая повод для хорошей моральной трёпки, Олеся, с амбициями не по средствам, Овер, который не так давно падал до подозрений тебя в предательстве в истории с эмулятором. Ты всегда первым протягиваешь руку, втайне надеясь на удар, потому что тогда он освободит тебя от примирения и устроит пир ненависти. Но удара никогда не происходит. Кто будет отталкивать от себя соломинку, когда болотная жижа уже заливает уши?

Тонкие пальцы в раскрытой ладони.

Есть контакт.

Боги Сети… Оранжевая волна облегчения накрыла Охотника с головой. Перестав бороться с собой, он обнял Криса за плечи. Дышать, просто дышать. Я принимаю на веру твои слова, Овер. Без доказательств. Без каких-либо условий. Без слов. Ты поймёшь это просто так. И, может быть, даже найдёшь в себе силы простить и не запомнить меня таким, каким я был вчера.

Руки Криса осторожно наклонили голову Алекса на себя. Никакого сопротивления. Если ты это делаешь, значит, зачем-то тебе нужно, чтоб было так.

Обжигающий лёд пальцев на новом импланте с проводным разъёмом. Охотник едва слышно застонал сквозь сцепленные зубы. Больно, чёрт. Даже если подживёт и прирастёт — заноза на всю оставшуюся.

— Кто это сделал? И зачем?

Великое Откровение… Ха. И снова я первым тяну руку. Ладно, Овер, одна надежда на твою симметрию. Именно она и отличает тебя от всех, кому была кинута соломинка доверия.

— Лисовский какой-то. И Олеся. Это был эксперимент по обмену мыслями.

Да, вот так. Без подробностей о разгроме в моей квартире, об операции без анестезии, о приступе, что был ещё более невыносим, когда я был вполне профессионально привязан к столу.

— Зачем это тебе?

— Деньги. На новый ноут.

Тихий мат над ухом. О-о-о, да ладно, мог и погромче, Овер. Эти слова мне не в новинку.

Охотник вдруг почувствовал, как судорожно, с нечеловеческой силой впились в его спину руки сероглазого короля. Сбитое дыхание, боль вместо киловольт в широко распахнутых глазах, и рваный пульс, который мотает это хрупкое тело в его, Охотника, горячих руках. Раз за разом, от зашкаливающих отметок до едва заметного нитевидного уровня. Чёр-р-рт, да что ж с тобой, Овер? Так было в ту ночь атаки на

тайский сервер. Так было на Каланчёвской. Так было вчера. Где же твои хвалёные наномашины, что столько раз гасили эту дикую аритмию?..

Сумасшедшей концентрацией сил Алекс удержал птицу на весу, не дав ей пропахать лбом пол гостиной. Нет, вот сейчас ты меня не обманешь этой болезненной полуулыбкой и вечным твоим «всё в порядке». Выдавай симметрию уже, пресвятой коннект!

— Что с твоим сердцем, Овердрайв? Чего я не знаю?

Истину, истину говори… Мне не нужна ложь во благо, только не сейчас.

— Дары волхвов, р-раздери их троян, — выдохнул Крис, даже на улыбку сил не хватило. — Мои наномашины… Я их… Мы их… Короче, они уже перепрошиты под новый проект. — Судорожный вдох. — Я продолбал срок обновления… То есть… положил я, чёрт подери, болт на их обновление, чтоб хватило денег на твой анальгетик. Теперь пусти… На пол…

Упасть вместе, бережно подхватив птицу на руки. Дышать в такт. Горячими ладонями унимать спазм в её лёгких.

Только не думать о том, что услышал.

И всё потом вроде как стало по-старому. Через пару часов Алекс молча перекинул на баланс Криса свои вырученные деньги за прогу, не став уточнять детали. Анальгетик в Военно-медицинской академии стоил на порядок дешевле, чем Олесин, но суммы всё равно не хватило бы на обновление наномашин Овера, если верить прайс-листам крупнейших клиник.

Алекс вцепился пальцами в перила крыльца. Всё-таки был день. И была пища. Щурясь на солнце, кодер едва слышно прошептал:

— Я достану деньги. Любой заказ. Любая работа. Клянусь тебе, Овер. Ради твоего сердца я готов на всё.

* * *

Отчёт второго этапа исследований был гораздо более содержательным, чем первый, теоретический, от которого у Президента Восточно-Европейского сектора осталось смутное ощущение, что и тут его водят за нос, и если бы не новые импланты, от которых у него до сих пор изредка побаливал затылок, всё произошедшее казалось бы ему первоапрельским розыгрышем восьмидесятого уровня. Но нет, микросхемы Лисовского исправно отражали любые ментальные атаки, от попыток чтения мыслей до дерзких манипуляций с двигательным

и речевым центром мозга главы государства.

Головы полетели одна за другой, ибо в правительственном аппарате оказалось немало закулисных интриганов, полагающих, что контрольные пакеты акций в крупных компаниях позволяют им играть Президентом, как марионеткой, лоббируя собственные интересы под прикрытием благородных слов о единстве целей и стремлении ко всеобщему благу.

Кажется, тот седой учёный говорил, что побочных эффектов быть не должно, однако, Президента по нескольку раз в неделю накрывал приступ тошноты. Наверное, дело было в том, что теперь ему во всей красе открылся вид на широкий, мутный поток тайных истинных мыслей тех, кого он искренне считал своими соратниками.

Никому. Нельзя. Доверять.

Следовало вызубрить эти три слова так, чтобы они намертво впечатались в подкорку, а потом…

Кстати, что потом?

То ли имплантам не хватало чувствительности, то ли в его окружении всё-таки остался необнаруженный шпион, но входящие сигналы из-за океана до сих пор не были обнаружены.

Не может же быть такого, что их просто никто и не думал посылать?..

Ладно, что там в отчёте?

Президент прокручивал страницы одну за другой с чувством, будто разворачивает сверкающий фантик, в котором завёрнута фантастически вкусная конфета.

Первая версия протокола сверхдальней телепатической связи была разработана и апробирована в лабораторных условиях в конце сентября. Да, перфекционист Лисовский не преминул расписать недостатки новой системы: предел покрытия — три тысячи километров, что подтверждено …дцатью измерениями, проведёнными между тремя городами Восточно-Европейского и Западно-Сибирского секторов; кроме того, рекомендованная продолжительность одного непрерывного сеанса с использованием наномашин составляла всего сорок семь минут чистого времени, а выход за пределы был чреват маштабными сбоями баланса процессов возбуждения и торможения в центральной и периферической нервной системе, а проще говоря, человек начинал либо скакать до упаду с улыбкой чистого безумия на лице, либо падал, где стоял, и потом беспробудно дрых двое суток подряд.

Ну, как говорится, кто не рискует — не пьёт шампанского.

Президент свернул отчёт в угол экрана и взял в руки тонкую пятиугольную флеш-карту. Программа кодировки нанороботов,

разработанная командой «Souls Unite». Код Будущего, в котором любая переменная получает определение, едва на неё обратится взор того, в чьей крови рассеяны серебристые разумные машины, позволяющие проникнуть в глубину истинной сути скрытого знания.

Больше всего на свете Президенту хотелось убить двух зайцев одним махом, заполучив себе и наномашины, и импланты, но, словно предчувствуя рост аппетитов Заказчика, на последнем листе отчёта чьим-то летящим почерком было приписано: «Но не выкрутить так, чтоб и волки сыты, и овцы целы. Одновременно прокачать и атаку, и защиту не получится». И ещё была подпись, разбирая которую, Президент едва не сломал глаза.

Крис Вебер.

Повинуясь взмаху руки, на экране перед Президентом возникло короткое досье. Да ты хакер со стажем, Кристиан. Вот 2051-й, утечка данных с сервера Департамента безопасности, революция, чёрт возьми. Вот 2053-й, неподтверждённое участие во взломе крупного поисковика, сайта авиакомпании и прочее, не говоря уже об угрозе государственной безопасности со стороны экстремистов-транскодеров. Вот 2060-й, публикация засекреченной информации об аварии на Десногорской АЭС, срыв онлайн-заседания Правительства. И, наконец, 2071-й, создание эмулятора личности для работы на метауровне…

Ты в долгу у государства, товарищ Вебер. И отрабатывать свой долг ты будешь теми же руками, которыми писал код взлома отлаженной правительственной машины.

Осенние цветы

Даже с поправкой на возраст и состояние, ночи Овера и Охотника были чем-то запредельным не только в силу своей редкости, но и из-за того фантастического коннекта, который за этот год, казалось, стал только сильнее. И было в них что-то такое, что не вписывалось в рамки обычного касания рук или жара дыхания, словно бы ток, которым Овер так виртуозно владел в транскоде, проникал в реальный мир и освещал маленькую комнатку как солнце, стоило этим двоим лишь встретиться взглядом. Ни одному из них не нужны были слова, достаточно было быстрого взгляда, расширенных зрачков, единственного вдоха, после которого можно забыть, что такое выдох, падая всё так же за руку.

Поначалу Овер, и без того осторожный, боялся сделать Алексу больно, но вскоре понял, что чем сильней он выложится, тем на более долгий срок заткнётся зараза в груди друга, словно отогнанная прочь этим светом, и с тех пор хакер научился выводить всю свою тысячу вольт в дело.

А Алекс никогда не останавливал этот заряд. Как бы плохо не было днём, как бы не клинило в груди на закате, достаточно было одного прикосновения тонких пальцев к этому самому измученному месту — и он мог всё. Сначала осторожно, чтоб не напугать друга, он приучал его к своему огню… А потом, когда Овер постепенно привык, можно было, наконец, сбросить маску. Стать самим собой. Отдавать, не требуя взамен. Этот огонь не оставлял ожогов, но Овер чувствовал с каждым днем всё сильнее, что тысячи вольт — это не предел для Охотника. И даже если от этого сумасшедшего адреналина боль приходила внезапно… ну что ж, она просто сгорала. Вместе со всем миром. А после разряда, что накрывал обоих, можно было вырубиться до самого рассвета, и первые слова следовали только утром…

— Как ты, Алекс?

— Норма. С тобой, Овер?

— Симметричный ответ, Охотник…

И потом были дни прогулок, золотых и медных листьев, дни первого снега, дни покорения вершин… пока индикатор заряда вновь не выдаст сотню, вопреки всем законам физики возникающую не как награда за мучения, а из одного лишь безумного желания — чтобы сегодня не кончалось никогда.

Но что больше всего радовало Охотника в эти сумасшедшие ночи и дни — это то, что можно было наконец перестать быть сильным, как бы банально это ни звучало. Можно было

довериться, показать свою слабость, быть ведомым, к чёрту посылать все свои привычки, установки и амбиции… И отдаваться Оверу со всем пылом и таким смирением, которое не снилось даже ангелу. Быть беспомощным, и чувствовать в тонких руках бешеный заряд, который никогда не даст упасть.

В этой слабости была скрыта фантастическая мощь. Доверие, которое все эти годы поднимало с колен, давало силу, чтобы держать, нести на руках в новый рассвет…

Будь, Алекс… просто будь. Ты лучшее, что случилось со мной.

Перед глазами всё на миг смазывается, но я не отвернусь. Не бойся, от счастья тоже плачут, Охотник…

Эхом повторить — ты лучшее, что… И уснуть на твоём плече, точно зная, что рассвет встретим вместе.

* * *

— Да ладно, далеко не убежит, — обронил Рафаэль в проём раскрытого настежь окна в ту ночь, когда дерзкий сероглазый птенец вырвался на свободу прямо из родного гнезда на пятидесятом этаже. Следующая неделя показала, что Санти не ошибся.

Несмотря на то, что Лин выглядел старше своих лет, он всё-таки был ещё не в том возрасте, когда можно спокойно мотаться в одиночку по всему Сектору, не рискуя привлечь к себе внимание бдительных стражей порядка. Да и Киру парень пока не мог выкрасть у этой жизни. К тому же надо было как-то ходить в школу. Поэтому Лину пришлось принять приглашение Маши и Хидео, хотя парень ни на минуту не прекращал думать о том, как бы ему выкрутить так, чтоб и миру мир, и двоим любовь.

Уведомления об оценках, полученных Лином на уроках, продолжали исправно приходить на электронную почту Линды, и через пару дней после побега сына она догадалась тайком проследить его новый маршрут из школы.

— Машенька, привет. Скажи, ты сегодня дома во сколько будешь? Я пирожки испекла, давай привезу, раз уж вы к нам совсем не заглядываете… Наверное, некогда тебе домашним хозяйством заниматься, так смотри, Хидео долго терпеть-то не будет…

— Спасибо, мам, не надо, я сама дофига всего приготовила, — голос Марии чудом не сорвался, лишь тонкие пальцы слабо хрустнули, сжавшись в кулак.

— Ну ладно, ладно… Ты проверяешь уроки у Лина? Позови

его к телефону, кстати…

— Лин. Занят. Я. Проверяю. — кажется, мама, твою программу зациклило на отметке «Лину семь лет», и кода отладки для неё просто не существует.

— Да что ты нервная-то такая? — голос Линды поднялся на полтона выше.

Беспокойное недовольство — правда. Коварное ожидание искусного провокатора — истина.

— Я? Не, всё в порядке. Ой, тут у меня что-то связь пропадает… Ладно, до завт…

А уж обрыв соединения, мама, я за все эти годы телефонных разговоров с тобой научилась имитировать мастерски.

Но уж кому-кому, а папе позвонить стоило. И даже подрубить видеоканал, а то давно не виделись. Да и просто хотелось похвастаться цветастым индийским нарядом, зная, что Крис, в отличие от Линды, не обзовёт её сари «дешёвыми тряпками».

— О, Маша, ты ли это? — в голосе отца теплая радость и привычная фоновая усталость. Крис приветственно улыбается в объектив, и точка обзора смещается чуть выше, в динамиках слышится монотонное жужжание: наверное, новая домашняя аэрокамера, догадывается Мария.

— Нас тут мно-ого, — смеётся она, жестом подзывая к экрану Хидео и Лина, и с нескрываемым удовольствием наблюдает, как удивление на лице Криса грозит зашкалить до критической отметки.

— Какими судьбами?.. Алекс, иди сюда, тут ребята…

Не дожидаясь появления Охотника, Мария на одном дыхании выдаёт:

— Лин теперь живёт у нас.

— Ч-чего?

Резко вдохнув, Кристиан поперхнулся своим термоядерным кофе и судорожно закашлялся. Кошачьим движением Алекс метнулся к нему и пару раз стукнул раскрытой ладонью по спине.

— Что… там у вас случилось? — прохрипел Крис, хватаясь за край стола.

— Что-что, — вздохнула Мария. — Мама, что ж ещё.

* * *

— Охо-о-отник…

Далёкий зов заставил Алекса вздрогнуть всем телом. Тихий, надорванный голос друга звучал в голове, как набат. Где он? Что случилось? Бежать, надо бежать к нему, но совершенно не ясно,

куда.

Обрывы скал, по которым карабкается Алекс, превращаются в небоскрёбы. Ладога — эта та же Москва-2, только вместо миллиона островов — миллиард зданий, а вместо глумливых чаек — те же чайки, только с руками вместо крыльев.

Внутри поднимается волна боли. Не такой, к которой я привык. Обычное жжение сменяется электрическим разрядом в частоте, словно кто-то снова и снова пускает импульс тока в грудь. Он прошивает её насквозь, упираясь в лопатку, долбит её и никак не может выбраться наружу. Но перебороть себя и заставить идти вперёд — не такая сложная задача.

Знать бы, куда идти…

Нет, уже даже не Москва-2. Охотник судорожно сглатывает. Это транскод, раздери тебя все соединения. И спрашивать, как это вообще возможно — не время. Улицы ночного города-под-рекой знакомы, хоть он и не бывал здесь уже несколько месяцев. Запах озона выжигает лёгкие. Оператор-невидимка начинает обратный отсчёт.

— О-овер-р… Боги Сети, где же ты…

Я чувствую, как тебе плохо. Когда у тебя в груди рвано бьётся серая птица, мой пульс зашкаливает до предельных отметок.

Перекрёсток. Охотник вдруг замирает, как вкопанный. Сердце пропускает удар за ударом, даже зараза в груди забывает о том, что нужно мучить хозяина. Опоздал…

На разорванном в клочья серебристом плаще прямо среди магистрали лежит тот, кто звал тебя. Хрупкое тело с заломленными за спиной руками. Белоснежная кожа вся в царапинах. Тёмно-фиолетовая кручёная веревка обвила ступни и запястья, с силой перетянула грудную клетку и впилась в шею. И только едва заметное свечение магистрали под Овердрайвом еще доказывает, что в задыхающемся человеке с лицом, залитом кровью из носа, теплится жизнь.

Шаг.

— Куда спешишь, Алекс? — от друга отделяется стройная тень.

Всё слишком очевидно, чтобы не верить, но уточняющий вопрос срывается с языка сам собой.

— Линда?

— Она самая, Алекс.

Облик стоящей на пути Охотника женщины странно метаморфичен. Её волосы постоянно меняют цвет с розового на фиолетовый, одежда проигрывает все писки моды за последние двадцать лет, оставляя неизменным только глянцевый блеск чёрной кожи.

— Отпусти его, — голос пытается создать мягкие интонации, но привычка берет своё — в нем всё равно шорох катаны, вытаскиваемой из ножен. — Отпусти немедленно.

— С какого …? — глаза Линды впиваются в твои зрачки как две чёрные дыры, в которых всё доброе и светлое погибает без следа. — Ты же не назвал Его своим, Алекс. У тебя нет прав на Кристиана Вебера.

Дыхание сбивается к чертям. В душе снова поднимает голову Зверь — сверхконцентрация тёмных инстинктов, который посылает в долгое пешее эротическое путешествие все мысли в коре головного мозга. Потому что Зверь точно знает, что Овер — его. И делиться с кем-то Зверь не приучен.

— У тебя тоже нет прав на него, — выталкивает из себя Охотник, стискивая кулаки. — Вы в разводе…

— Ну и что? — смеётся Линда. — И ты, и я — мы оба были на этом уровне коннекта, дорогой. Но у меня хватило ума заявить свои права, а у тебя нет. И раз ты так великодушен, то смотри…

Нет сил пошевелиться. Нет сил помешать. Я столько раз говорил «я твой, Овер», но никогда не считал себя вправе сказать привычное всем «ты мой»…

Линда обходит лежащего на дне транскода человека, опускается рядом с ним на колени. Её руки порхают, кончиками пальцев изучая каждый изгиб связанного тела. Скулы. Плечи. Излом бедра. Овердрайва накрывает дрожь.

А Зверь рвется с цепи, но её звенья сделаны из сумасшедшего сплава логики и самоотречения. Их не порвать так просто. Сейчас Линда ласкает Овера. Через считанные секунды она причинит ему боль. А ты, Охотник, будешь молча стоять и смотреть, как тот, кто тебе дороже всего на свете, то поднимается минимум до пятого неба, то корчится от рвущих кожу крючков. И поздно уже что-то менять.

Это цена вашей с Овером взаимной свободы.

Это слишком.

Это черта.

Нет больше Алекса. Нет Охотника за мечтой. Только Зверь — белый волк, который рвёт когтями грудь, выбираясь наружу…

Алекс проснулся с криком. Его била крупная дрожь, судорога сводила онемевшие руки. Он снова упал на подушку. Отдышаться бы… С каждым разом кошмар всё острее, будто затачивают его дневные события и полируют картинки из чердаков памяти. Давно бы уже пора забыть про Линду и иже с ней, про Москву-2, но нет, подсознание не сдаётся.

Протянуть в темноте руку на вторую половину кровати…

Пусто. Чёрт побери, без паники. Сон уже закончился. Зараза ехидно оскалилась: «А явь-то пострашней будет, да, хозяин?»

Подняться, натянуть первые попавшиеся под руку вещи, сбежать по лестнице на первый этаж. Коридор, комната, диван. Рухнуть на колени, обдирая до крови кожу об нелаченые половицы.

Кошмар закончился.

Ты здесь, Овер. Спишь там, где и закончил работу, успев только вытащить из имплантов карту беспроводного интернета. Просто не было у тебя сил подняться на второй этаж. Давно уже нет на это сил.

Значит, я буду ночевать здесь, на полу. И держать тебя за руку, потому что, чёрт побери, я не знаю сейчас, кому из нас это нужней — тебе или мне.

Октябрь 2071

«…И повелел он кликнуть по городам и весям, не найдутся ли на земле Русской смельчаки, что не убоятся испытаний тяжких да разгадают загадки хитрые…»

Что ж, календарь. Умеешь ты выдавать нужные фразы в нужное время, не то, что эти правительственные подхалимы, которых хлебом не корми, а дай кило сахара в твои уши по тонкой трубочке всыпать.

Что ж, господа учёные. Вы запросили… э-э, как там… «репрезентативную выборку, сохраняющую свойства генеральной совокупности». То есть мальчишек и девчонок, юношей и девушек, мужчин и женщин, стариков и старух. Студентов и безработных, кандидатов в мастера спорта и инвалидов, чернорабочих и докторов наук. Государство в государстве.

И твоё счастье, что глава Департамента здравоохранения в кои-то веки родил умную мысль, предложив объявить по Восточно-Европейскому сектору всеобщую добровольно-принудительную вакцинацию, призванную повысить уровень когнитивных способностей человека, его работоспособность и что-то там ещё, во что Президент не стал глубоко вникать, по инерции пропустив рекламное клише: «Уникальная разработка отечественных учёных позволила подчинить себе наномашины и использовать их в борьбе за улучшение качества жизни граждан», притормозив на фразе: «К заселению Марса — будь готов!» и сосредоточившись на предложении: «Участие в пилотном эксперименте абсолютно безопасно для здоровья, предполагает еженедельное наблюдение у врача в течение трёх месяцев и единовременную выплату в размере ста тысяч рублей каждому добровольцу (в случае несовершеннолетия — законному представителю добровольца)». Под «добровольцами» на данном этапе понимались солдаты срочной службы, персонал государственных медицинских учреждений, сотрудники закрытых НИИ, студенты целевых направлений, а также инвалиды III группы с сохранными психическими функциями — словом, все те, к чьей ноге была привязана более или менее короткая верёвка, предоставляющая им право выбора между пряником в виде ста тысяч рублей и поощрения на работе / учёбе, или кнутом в виде косых взглядов коллег, девяносто девять из которых уже прошли процедуру, повышающую их шансы пройти отбор в первую отечественную межпланетную экспедицию «Марс — 2072», и лишь один лентяй-саботажник портит им всю картину, не желая улучшать себя, тогда как послушные сотрудники остальных

отделов уже обласканы начальственным вниманием и одобрением.

На секунду Президенту показалось, что он слышит отчаянный коллективный вой из лаборатории Лисовского, чей «Альтаракс» будет пахать двадцать четыре часа в сутки на контрольных пробах биополя добровольцев (ладно, дадим тебе ещё две установки), и слова, которыми глава Минэкономразвития кроет «трижды нахрен никому не нужный бред, да ещё с такими расходами, больше заняться, что ли, нечем, у самого Альцгеймер скоро будет, а всё туда же…»

Президент тонко усмехнулся. Ну-ну, дорогие мои маски. Думайте, что хотите. Весь кабинет министров, команда «Souls Unite» и даже ты, пан Лисовский, отныне получат лишь ограниченные права доступа на уровень правды.

А уровень истины останется за мной.

* * *

Раздери вас всех трижды, надоело до ужаса…

Это только в Сети моему запросу суждено получить симметричный ответ…

Съехав на обочину, Эйрик заглушил двигатели мотоцикла и, натянув на сиденье плащ-палатку, забился в узкую норку, прижавшись к разогретому боку своего железного коня, которого он все эти годы безбожно лишал радости свободного полёта по ночным магистралям.

Мгновенная установка соединения, и уставший Эйрик падает, раскинув руки, в бесконечное небо майского полудня, а внизу до самого горизонта расстилается виртуальный город, и плевать, что где-то там его одинокое усталое тело мокнет в холодной сентябрьской сырости.

Рафаэль недоволен. Жена недовольна.

Рафаэль ограничился задатком ещё тогда, в июле, и больше не заплатил ни копейки, раздражённо бросив: «Утром файлы, вечером бабки», думая, что так-то просто вырвать новую тайну из рук сероглазого хакера, которому норвежец не знал равных.

Жена предала Эйрика анафеме, ибо он позволил себе выполнить просьбу младшего сына «покатать его на мотике», в результате чего ребёнок с переломом руки попал в больницу, а папаша едва не загремел следом с подозрением на разрыв барабанной перепонки, полученный от ультразвукового крика супруги: «Я же говори-и-и-ила!!!»

Выловить бы Криса, да как его тут найти, если вся река-под-

рекой — это его огромный, сверкающий дом, в котором всегда гуляет свежий ветер?

— Отзовись, Овер… Что мне делать?.. Я подыхаю в собственной клетке.

Светлая молния пролетает мимо и притормаживает напротив норвежца, тревожно улыбаясь.

— Эйрик? Ты чего полуночничаешь?

— А что мне ещё остаётся… — жалкая усмешка, слабая попытка синхронизации.

— Та-ак… Рассказывай.

Через пару часов маленькая переговорная комната в офисе «Souls Unite», она же единожды и операционная, быстрыми руками Кристиана и Шанкара была превращена в суровый мужской бар. Друга следовало вытягивать всеми доступными способами, и прежде всего, принятием лекарств внутрь, ибо к тому моменту, когда Крис запеленговал Эйрика на трассе М-12, у замёрзшего норвежца уже не было ни сил, ни желания вновь подняться на ноги.

Сначала, как водится, речь зашла о работе, и после второй стопки норвежец сумел героически преодолеть состояние внутреннего раздрая, кое-как вспомнив о своей шпионской миссии:

— Крис, чё у нас там дальше по плану, а?

— До нового года — тестирование на добровольцах, и если полёт нормальный, то второй этап, — кажется, у Кристиана по достижении определённого градуса включался режим «партизан 80-го уровня», зато Шанкара, который и без того был словоохотлив, начинало просто нести.

— Как там Андрюха сказал? Создание единого ээ… ментального пространства? Короче, от нас требуется разработать прогу поиска телепатов по тэгам, наподобие того, как в телефонной книге ищешь нужный номер… На самом деле, Эйрик, второй этап тоже нужно выиграть. Короче, ещё один конкурс будет, но он вроде как формальный, просто этот антимонопольный закон никак не обойти…

— А что, если всё-таки не выиграем? — решился Эйрик.

— Тьфу-тьфу на тебя! — Шанкар постучал норвежцу по лбу, словно намекая, что такую версию можно было озвучить вслух, только если у тебя вместо мозгов — опилки.

— Тогда придётся закрывать проект, — неожиданно выдал Крис, подхватывая бутылку. — Мы живём этим грантом, и даже на рынок выйти пока не можем. Ты же сам подписывал документы о неразглашении… А к чёрту, давайте уже по третьей.

После третьей между кодерами наконец-то установился контакт, надёжности которого было достаточно, чтобы перейти от повода к истинной причине этих стихийных ночных посиделок.

— Да н-ну их всех в ж-жо… — ага, похоже, сорокаградусное снадобье подействовало быстрее, чем предполагалось. — Лучше б я не женился. Вот ты, Шанкар, с хрена ли не женился?

Не дожидаясь ответа Оракула, зрачки которого расширились до опасных пределов при воспоминании о погибшей Юймин, Эйрик выдал ответ, казавшийся ему истинным:

— Потому что ты умный мужик. А вот ты, Крис, с хрена ли сбежал от Линды?

Дыши, Овер. Молча дыши. Придётся немного поработать ассенизатором чужой души и дождаться, пока из Эйрика до последней капли выйдет яд, накопленный им за пятнадцать лет семейной жизни. Интересно, а что этот окосевший индивидуум выдаст сейчас в его адрес?..

— Потому что бабы — дуры. Поэтому правильно ты сделал, что ушёл к своему Алексу.

У-у, после этого остаётся только налить до краёв и выпить до дна, но Эйрика несёт.

— Чё, как вы там с ним этого… того… А, Овер?

Что ты хочешь услышать, сын фьордов? Про наши дни… или про наши ночи?

Шестьдесят процентов мощности заряда — на блокировку речевого центра, сорок — на стабилизацию мелкой моторики рук, ещё немного — и тонкостенный бокал разлетелся бы к чертям, сжатый тонкими пальцами, в которых активируются невидимые наномашины, готовые выдать такого разряда, какой и в транскоде Овердрайву нечасто удавался.

— Я работаю. Как видишь. Алекс практикует фриланс. Периодически.

— Скучает по транскоду, наверное? — подал голос Шанкар. — Он же вскрывал серваки, как консервные банки. До сих пор помню, как в тот раз…

Да вы сговорились что ли, мужики?!

— Точняк, Овер. Вытащи его в Дом-под-корнями, пусть развеется, тряхнёт стариной… Я знаю парочку банковских сайтов, которые прям так и плачут по взлому, если, канешн, ваш брачный контракт не предполагал, что ты впахиваешь за двоих, а он… Э, Оракул, ты чё меня толкаешь? Что я такого сказал?!

Сжатая до предела пружина внутри Криса не выдержала, и хакера подбросило с дивана в сторону лоджии. Пойду покурю, мужики, лишу вас обоих зрителя в своём лице, авось успокоитесь…

Отчаянный крен в сторону стены — и наспех выставленным локтем Кристиан с хрустом высаживает тонкое стекло лабораторного шкафчика, а потом, не удержав равновесия, падает на колени.

— С-сука…

Разодранная в клочья рука — лишь повод, чтобы сказать бранное слово вслух. А истинная причина — ты, Эйрик.

— Ёшкина мать, — вторит Шанкар откуда-то сбоку. Осторожное касание его дрожащих рук, а-аррх, какого хрена, попытки промыть рану недопитой водкой (не пропадать же добру, приговаривает Оракул). И следом — привычный уже трёхэтажный мат Эйрика, из которого, убрав весь навоз, можно получить тонкую жемчужную нитку слов:

— Мужики… У меня глюки… Как… у тебя… щас так быстро… всё заживает?!

Не дождавшись ответа, норвежец вырубается прямо на диване.

Крис скосил глаза на собственный локоть, отчего головокружение только усилилось, дополнившись странной дрожью во всём теле. Запрос, успеть бы дать запрос…

— Что это, блин, была за водка, Оракул?..

И, на грани потери сознания, услышать ответ:

— Та же, что обычно, чёрт тебя дери, Овер. Это ты изменился…

* * *

Изнурительные тренировки, которым практически ежедневно подвергали Ивана Кошкина, включали в себя полтора часа синхронного перевода с русского на английский и обратно, три часа всевозможных упражнений в спортзале, после которых Иван долго приходил в себя, стоя под прохладным душем и тихо проклиная неизвестного автора этой «физкультурной паузы», но жемчужиной всей программы были «тренировки силы духа», проходившие под контролем странного, тощего человека с полубезумным взглядом, который он тщетно пытался спрятать за стёклами слегка затемнённых очков.

— Ложитесь в кресло и забудьте всё, что вы вычитали в брошюрках о медитации, пан Кошкин, — если бы в голосе Лисовского было чуть больше иронии и чуть меньше усталости, Иван бы позволил себе огрызнуться в ответ. — Вы отлично умеете сопротивляться, как тот резистор, и я впечатлён вашей силой воли. Честно сказать, я бы не выдержал этих пыток ледяной водой

и давно бы уже проболтался. Понимаю, вас готовили к тому, чтобы скрывать свои мысли. Но сейчас нам необходимо научиться обратному… То есть, скорее, не научиться, а вспомнить, каково это — открываться навстречу другому…

Голос Лисовского ушёл куда-то на периферию, превратившись в невнятное мурчание, от которого Ивана неудержимо потянуло в сон. В убаюканном сознании медленно всплыла яркая статичная картинка: солнечное лето, старый деревянный дом с рассохшимися половицами, бидон свежего молока, только-только из-под коровы, а вот и бабушка — сотня морщинок разбегается по её загорелому лицу, когда она улыбается навстречу внуку.

— Поешь малинки-то, — сколько отец ни делал бабушке замечаний насчёт «этого деревенского оканья», никуда оно не пропало. — Чегой-то ты плачешь, Ванюш? Ох, коленки твои бедовые… Ну садись, водички принесу, отмывать будем. У птички поболит, у лошадки поболит, а у Ванечки и пройдёт…

У бабушки была плавная, напевная речь, а у матери, известной телеведущей — чёткая, быстрая, отрывистая, но даже вне эфира она не замедляла своего темпа. На широкой груди бабушки можно было спрятать заплаканное лицо, тогда как замочить слезами отглаженную мамину блузку Ваня просто не решался. Тем более бабушке можно было рассказать всё до последней капли — и о том, что Колька начал драться первым, и что Алёшка поджёг в поле сено, а спички подбросил ему, Ване, да ещё и наврал родителям, что сам-то он и рядом не стоял, и, наконец, что Танька с соседней улицы сегодня наконец-то улыбнулась ему с крыльца своего дома, когда он проезжал мимо на велосипеде, а какое там следить за дорогой, когда у неё такая улыбка…

Бабушка не пожмёт плечами, как отец — мол, тебе уже шесть лет, взрослый парень, сам справишься, не отвлекай. Бабушка не кинется к новому велосипеду, не станет ругаться над погнутым колесом, как мать. Прежде всего бабушка одним прикосновением уймёт боль в Ваниных коленях, не требуя взамен ни благодарности, ни обещаний «больше не драться и вести себя как воспитанный мальчик»… И именно потому, что эта седая женщина с лучистыми глазами ничего не требует от внука, он готов отдать ей самое ценное, что у него есть — свою любовь и бесконечное доверие…

— Деревня. Бабушка. Доверие, — резюмировал где-то на периферии голос Лисовского. — Это ваш код доступа, Иван. На счёт «три» вы проснётесь. Один… Два… Три.

Тонкие, узловатые пальцы учёного маячат перед лицом

агента, и он машинально принимает протянутую бумажную салфетку, вытирая мокрое лицо. Раздери их всех дисконнект, а снять броню ему оказалось в разы сложнее, чем её нарастить…

Предоставив Ивану время прийти в себя, Лисовский отошёл к широкому окну лаборатории. Всё-таки совместная работа имеет свои преимущества. Вот, например, без этих ребят из «Souls Unite» он никогда не узнал бы о том, что семантические образы можно использовать для кодирования адреса обращения к пользователю. А дополнив эту процедуру классическим гипнозом, Лисовский смог превратить Ивана в ходячий приёмник телепатического сигнала от того, кто произнесёт ему на ухо три кодовых слова.

Отвернувшись от окна, учёный едва слышно вздохнул. Переписка с кодерами «Souls Unite» велась с корпоративной электронной почты и, надо полагать, тщательно просматривалась со стороны Заказчика, который запретил соисполнителям личные контакты и встречи в оффлайне. Тем сильнее Лисовского подмывало нарушить глупый запрет, выловить руководителя этих айтишников и напроситься на долгую беседу обо всём подряд где-нибудь в кафе на Невском.

* * *

Самым большим, но, увы, неизбежным унижением для Лина были ежегодные походы в поликлинику с целью доказать, что чуда, чёрт побери, не произошло, и ходить он по-прежнему не может. Тяжелее оказалось только Кире, которая была вынуждена демонстрировать, что отсутствующие с рождения конечности у неё таки не выросли. Однажды на осмотре, когда врач засомневался в том, что нейропротезы можно считать их полноценной заменой, девочка идеально отточенным движением вскинула перед его лицом руку с неприличным жестом. На том разговор и закончился.

Сегодня, однако ж, скуку стандартной процедуры разбавил главный врач поликлиники, вошедший в кабинет терапевта прямо во время приёма, когда Лин лежал на кушетке, раздетый до трусов.

— Милочка, это же наш клиент! — радостно возвестил главврач, глянув на мальчика. — Расскажите ему про новую программу…

Милочка (звали терапевта как-то по другому, но главврачу всё было едино) не глядя сунула в руки Лину несколько листовок, механически пояснив:

— Процедура повышения когнитивных способностей… Экспериментальная отечественная разработка, требуются добровольцы. Вот тут информация, вот здесь — список врачей, которых надо пройти для допуска к ней…

Выйдя из кабинета, Лин первым делом подключился к Сети. Любую информацию следовало проверять, тем более, в том случае, когда на официальном сайте Департамента здравоохранения написано, что за участие в исследовании полагается вознаграждение (при взгляде на сумму Лин тихо присвистнул), а в листовке, выданной терапевтом, об этом нет ни слова. Теперь понятно, почему главврач так суетился… Интересно, можно ли по толщине его кошелька понять, сколько народу прошло эту неведомую процедуру за бесплатно?..

— Кира?

— О, Лин, привет!

— Скажи, тебе на осмотре давали такую бумажку?

[отправить файл]

— Да. Муть какая-то.

— Нет. Смотри, что я нашёл. Нас пытались обдурить, надо подавать заявку через сайт, а не в поликлинике, и тогда…

— О! Ни фига себе. Но я бы всё равно не связывалась.

— Я тебе и не предлагаю. Но и ты меня пойми, надоело сидеть на шее то у предков, то у Машки…

— Лин, если ты куда-то лезешь, туда же лезу и я, забыл? — голос Киры оставался по-прежнему тёплым, но в нём появились знакомые упрямые нотки.

Парень едва слышно вздохнул.

— Короче, Кир, давай встретимся вечером, как следует подумаем. Вроде бы ничего опасного там нет…

Ноябрь 2071

Алекс сидел у окна, завернувшись в плед. Глаза его были закрыты — всё равно ничего не увидишь в этой тьме снаружи. Оставалось положиться на слух. В звенящей тишине ежеминутно мерещился звук заходящего на посадку аэроцикла. Алекс замирал, не дыша, но тревога оказывалась ложной. Никто не скрипел ступеньками крыльца, не шуршал одеждой у входа, не поворачивал ручку двери… Криса не было уже пять часов.

Он улетел не внезапно, предупреждал заранее, чтобы не создать в Алексе это горькое чувство преданного и забытого всеми. Просто сказал, что должен быть на семейном празднике по случаю годовщины помолвки Марии и Хидео. Алекс вдруг забыл вдохнуть. Годовщина. Год прошёл уже. Год как он, Алекс, попытался форматнуть свою жизнь и уйти. Год как они забрались в эту Северную глушь на берегу Ладоги. Год как остались один на один, убрав в фон весь остальной мир.

Тишина вокруг стала осязаемой. Алекс никогда не думал, что чёрный может быть таким бархатным, а сиреневый — мягким, как кроличий мех. «Наверно, слепые вот так же могут взять цвета на ощупь», — подумал он, крепко зажмуривая глаза. Тоска и потеря из видимости главного ориентира жизни холодной волной поднималась по телу вверх, к сердцу. Даже зараза молчала. Впрочем, это было как раз объяснимо — она сейчас срабатывала как датчик на определённый порог эмоций. Любых. От злобы до заоблачного счастья. Но не было никого сейчас рядом: ни Олеси и Линды, которые с их вечными намеками на скорый конец истории и грязными оговорками очень часто заслуживали первого, ни Овера, который одной искрой рождал в Охотнике ядерный взрыв всепоглощающего обожания.

И, пожалуй, это действительно был единственный выход заставить заразу заткнуться. Не чувствовать, не реагировать, убежать в темноту и пустоту. Не жить. Охотник скривился. Нет, это невозможно. Да и не в его правилах.

Воображение сорвалось с цепи. Алекс медленно сполз с кресла, не пытаясь сопротивляться. В отсутствие внешних раздражителей образы в голове становились до ужаса реалистичными. Тонкие пальцы Овера на шее — самом запретном месте на теле Охотника. Долгая процедура оформления завещания под пристальным взглядом Олеси. Волчий камень. Нет, только не об этом сейчас… Таруниеми.

Охотник ухватился за эту соломинку с финским именем и попытался сосредоточиться. Это было давно, больше пятнадцати

лет назад. Первая поездка в Карелию. Май. Солнце мгновенно сменялось вьюгой и проливным дождём, забыв предупредить всех грешных тварей. Но на Таруниеми или, как его ещё называли — Сказочном мысе, царила тёплая весна с робкими первоцветами. Толпа экскурсантов послушно следовала за проводником по парку, кругом обошла дом Винтера, в котором Рерих писал свой русский Север, и вышла к еловой Аллее Желаний.

Алекс вспомнил, с каким недоверием отнёсся к рассказу проводника, что проход между двумя узкими петляющими рядами вековых елей поможет исполнению загаданного.

— И помните — надо очень сконцентрироваться на этом, — напутствовала всех молодая девушка с горящими карими глазами.

И когда Алекс проходил мимо, равняясь с ней и первой елью, он услышал тихое, на выдохе:

— Надо только очень сильно верить…

Он не помнил, сколько прошло времени. Минута? Две? А показалось, что протискивание между стволов длилось как небольшая вечность.

Алекс беззвучно усмехнулся. Потом сказали, что Аллея длиной-то всего пятьдесят метров… А тогда это было похоже на марафонскую дистанцию.

Он загадал две вещи. Сменить работу и быть рядом с Овером. И грех жаловаться — он желал этого так сильно, что Северные духи сжалились над ним и выполнили обе просьбы, попросив взамен не так уж много… Там, на Таруниеми, его в первый раз накрыло всерьёз. И сейчас уже не кажется, что они заломили большую цену.

Шестой час тишины. Алекс стиснул зубы. Возвращайся, Овер, пожалуйста. Я знаю, что там у тебя семья, дети, праздник. Я не имею на тебя прав сейчас. Но возвращайся, когда всё закончится…

Грохнула входная дверь. Зараза в груди с размаху пробила щит отстранённости, зажигая пламя под кожей. Чёртов датчик на эмоции.

Вспыхнул под веками белый свет.

— Успел… — выдохнул Крис почти над самым ухом. — Гнал во весь опор. Как ты, Охотник?

И снова это обволакивающее тепло хрупких рук борется с болью, снова закрывает от неё крыльями… Как же ты вовремя, Овер.

— Я думал о тебе, — шепчет Алекс едва слышно, прижимаясь пылающим лбом к ледяной от сырости ткани плаща и вдыхая этот запах свободы с нотками апельсина и свежего ветра.

Спасибо вам, духи Севера.

Вы помогли мне догнать мечту.

— Так, сегодня моя очередь разносить кухню, — объявил Крис. — Огнетушителя нет, но если что, ведро воды на крыльце.

Крылья исчезли. Ладно, затейник, флаг тебе в руки…

Так и не решив, чего ему хочется больше — дождаться окончания экспериментов Криса или провалиться в сон, Алекс застрял на границе между сном и явью, привычно разрешая памяти, этому заправскому дайверу, погружение в тёмные глубины прошлого. Достаточно было медленно листать страницы своей книги в обратном порядке, начиная с предпоследней.

Предпоследняя… Шрамы на руке так и остались. Перерезать вены, подумать только. Но мне никто никогда не обещал счастья. Оно всегда было чем-то недостижимым, да я и не верил в него. Особенно в такое, что сваливается, как снег на голову, ничего не требует в качестве оплаты. Как правило, все было с точностью до наоборот: за смех я платил болью. Жизнь брала натурой, чёрт побери.

Но человек странное существо. Ему всегда всего мало. Мечтал об Овердрайве. Вырвал у судьбы его поцелуй столько лет назад. Догнал мечту, и что? Успокоился? Хрена с два. Пошёл к Оверу работать, нянчился с его детьми… Да боги, всё что угодно, чтоб увидеть лишний раз эту тонкую фигуру и порывистые движения.

Пропадал в объятиях Олеси, то и дело контролируя речевой центр, чтобы не назвать её Овером. Ах да, новая мечта — сутки напролёт в этих тонких хрупких руках. С упорством тарана подниматься с колен после каждого приступа, чтобы жить ради этого. И снова никто ничего не обещал. Только вера, слепая старуха, которой глубоко наплевать на обстоятельства, рассудок и весь мир, вела сквозь эту темноту.

Один раз она оступилась. Запнулась. Потеряла ориентир. И я упал в такую чёртову глубину, что… И это не перерезанные вены. Тогда просто усталость от жизни, пустота, унижение от прилюдной боли сыграли свою роль. А веру я потерял там, в чёртовом транскоде, на ступеньках Оперы.

И я до сих пор не знаю, с кем я тогда разговаривал, кому задавал тот самый вопрос… Овер убил своего двойника, выжег так, что следов не найти. Смирнов убит. Прайма уже сто лет никто не видел, а он, пожалуй, единственный, кто смог бы мне сказать истину.

Овер со мной. Овер рядом. Мне не нужно ничего, я вырвал у жизни счастье на своем излёте. Но, чёрт побери, в тылу висит такой вопрос, что невозможно забыть.

«Говори до конца. Прошу тебя».

О да, Овер, ты всегда просишь этого, даже не догадываясь, что можешь получить… Но я никогда не расскажу тебе об этом вслух, даже шёпотом на ухо. Даже в короткой записке, оставленной где-нибудь на подушке. Это моя боль, мои воспоминания, и делиться ими я не намерен. Да, я до сих пор сомневаюсь в том, нужен ли я тебе. До сих пор не понимаю, зачем ты, на плечах которого семья и крупная фирма, взвалил туда ещё и меня? Может быть, это жалость или твоё вечное чувство долга и не более того?

И снова, как тогда, ощущение вакуума вокруг, лицо короля с киловольтами в радужке глаз и мой хриплый сорванный голос:

— Ты ко мне равнодушен, Овердрайв?

Грохот на кухне.

«Ты… ко мне… равнодушен?»

Если б можно было списать услышанное на очередной сбой наномашин, Охотник. Но нет, принятый мной сигнал чист как никогда. Чёрт меня дёрнул проверить их прямо сейчас. А может быть, оно и к лучшему…

«Нет, троян тебя раздери, неверующий ты, мнительный, импульсивный человек, да сколько ж можно сомневаться, ну что мне ещё сделать, чтобы ты…»

Дверь на кухню распахивается, словно от удара с ноги, и задремавший Охотник едва заметно вздрагивает. Крис стоит на пороге, вцепившись в дверной косяк, чтобы не упасть. Быстрый отчаянный взгляд, по которому не поймёшь, то ли готовка не удалась, то ли Оверу снова нехорошо, но вопросы остаются невысказанными, ибо Крис делает три стремительных шага вперёд и затыкает Охотника таким поцелуем, какого ещё никогда себе не позволял.

«…свет мой».

— Свет мой. Люблю… тебя… — Кристиан утыкается лицом Алексу в шею. Пара секунд — и Овер снова на кухне, никогда не успеешь отследить, как он перемещается с места на место, но это и неважно, ведь вопрос, в фоновом режиме тревоживший Охотника, сегодня, кажется, успешно снят. Навсегда.

Рассеянно докромсав овощи в салат, Крис едва не порезал себе палец. О, если бы мне заранее знать об этом разговоре на ступеньках Оперы, то даже разгоняться бы не пришлось, сразу бы вкатил полный заряд в лоб собственному двойнику. Но беспокоит меня не это. Вредоносная программа давно уничтожена, а сомнения продолжают терзать тебя до сих пор… Знаешь что, Алекс? Я отказался от той версии кода, который позволял мне диктовать всем свою волю, поэтому сейчас просто повторяю, как

мантру, те же слова, что однажды уже были сказаны здесь, на Ладоге. Надеюсь, что ты услышишь меня.

«Ты для меня всё, Охотник».

* * *

Одним из самых ценных воспоминаний, вынесенных из медицинского института, Линда считала первую лекцию пожилого профессора, преподавателя по клинической фармакологии, которую он начал фразой: «Не теряйте время на борьбу с симптомами, ищите причину болезни».

А что тут искать, когда причина — вот она, на самой поверхности, и имя ей — Кира.

База данных, которую Линда унесла с работы, устарела лет на пять, но вся необходимая информация о Кире Даниловой нашлась в ней без проблем. Её мать уехала из Десногорска в Москву-2 сразу после аварии на тамошней АЭС, не дожидаясь, когда всех беременных в городе изловят и направят на принудительные аборты, и девочка родилась уже в Москве, а теперь проживает там-то, состоит на учёте здесь-то, и, надо полагать, в ближайший год никуда не денется, хотя сам чёрт уже не разберёт, что там у неё с Лином на уме… Срок очередного обновления протезов подходит в конце месяца… О, так ещё и повышенный риск наследственной передачи врождённых пороков развития верхних конечностей по женской линии…

Нет, девочка моя, взгляни на себя трезво. Ты Лину не пара.

Достаточно мне одного такого в семье.

— Рафаэ-эль! — призывный клич богини разнёсся по квартире, заставляя аргентинца оторваться от нетбука, за которым он пытался работать, и подойти в комнату Линды.

— М-м, любовь моя?

— Скажи, дорогой, — голос Линды был сама невинность, — легко ли взломать кодировку нейропротезов вот этого производителя? Тут коллега по работе интересуется, хотел бы написать защиту, да талантливых хакеров не может найти…

Рафаэль прищурился на экран, вникая в одному ему понятные технические характеристики.

— Этих? Да раз плюнуть, у них кинетика так себе, — выдал он наконец, не без гордости добавив, — хочешь, покажу, как это делается?

Линда кивнула.

— Ничего, если я запишу взломанную версию на флэшку?

— Пиши, — откликнулся Рафаэль, — только ни слова про

меня там, ладно?

В назначенное время на электронную почту врача-ортопеда, который вёл Киру в районной поликлинике, пришло письмо от компании-производителя протезов девочки. Компания приносила извинения в связи со сбоем оборудования и обещала прислать специалиста техподдержки, который доставит требуемые обновления лично в руки доктору.

Торопливый стук в дверь; на пороге кабинета — стройная темноволосая женщина в синем комбинезоне и тонких белых перчатках, кепка с широким козырьком лихо сдвинута набок.

— Здрасте, вы обновления от Нейромеда забираете? — выпалила она. — Распишитесь вот тут.

Доктор приветственно кивнул, поставил свою размашистую подпись, почти не глядя, и вновь углубился в заполнение бесконечных карточек, которые отнимали времени едва ли не больше, чем приём пациентов.

И уж тем более пожилому врачу было не до того, чтобы обратить внимание на изменившийся домен в сервисном почтовом адресе разработчика, с которого пришло злосчастное уведомление. Neuromed@ya.ru или Neuromed.owl.ru — какая разница. Главное, обновления доставлены в целости и сохранности… О, а вот и Кира.

— Здравствуй, бубенчик, — врач тепло улыбнулся девочке, которая привычно сморщила носик на прозвище, приставшее к ней с самого первого приёма в этом светлом кабинете с еле заметным запахом мандаринов. — Заходи, присаживайся. Как там вы говорите? «Щас апгрейдиться будем?»

* * *

Какая-то мелкая, но важная деталь, затерявшаяся среди бесчисленных рядов цифр в приложениях со статистической обработкой результатов, уже три дня не давала покоя Андрею Ухтомскому, преподавателю кафедры прикладной нейрофизиологии и главному внештатному консультанту проекта «Souls Unite», и сегодняшним утром он хотел основательно порыться в записях предыдущих экспериментов, но си-сфера на его компьютере выдала масштабный сбой, и доступ ко всем файлам слетел напрочь.

Ухтомский попробовал обойтись собственными силами, но где-то на двадцатой минуте безуспешной реанимации системы понял, что дело труба и дальше ему один путь — в чертоги

айтишников.

На счастье учёного, в дверях ему повстречался Эйрик.

— О, надежда на спасение, — приветствовал его Андрей. — Скажи, Эйрик, ты очень занят?

— Э-э… Нет, а что?

— У меня комп накрылся. Можешь глянуть?

Ну ёлки-палки, для этих медиков что тестер, что программист — всё одно, сисадмины. Мысленно чертыхнувшись, Эйрик зашёл в кабинет Ухтомского и плюхнулся в его кресло, ловя соединение со взбрыкнувшей машиной.

— У-у… — многозначительно выдал норвежец через пару минут. — Я попробую поднять систему, но нужен ваш пароль.

Вместо ответа Ухтомский поднёс собственный палец к микрокамере моноблока, которая радостно вспыхнула и мигом просканировала его отпечаток.

— Отлично. Но это займёт минимум полчаса, — едва сдерживая волнение в голосе, предупредил учёного Эйрик.

Выйдя в коридор, чтобы не мешать компьютерщику, Ухтомский рассеянно выглянул в окно, наблюдая за тем, как холодный ветер срывает с деревьев остатки золотой листвы. Отчёт был благополучно сдан и так же благополучно принят, деньги на счёт поступили — казалось бы, чего и ворошить старое, но опыт мастера пел дуэтом с его интуицией, и начиналась песня со слов: «Перерасход энергетических ресурсов организма», которая посещала его всякий раз при виде вусмерть уставшего после бесконечных телепатических сеансов Кристиана, который ловил мысленную связь с командой то в Москве, то в Питере, а то прямо с борта яхты на Ладоге.

И сейчас Ухтомский опасался, что первая версия программного обеспечения наномашин, в адской спешке написанная к началу сентября, начнёт выдавать то, что кодеры звали багами, а медики — побочными эффектами. Качество телепатической связи было приемлемым, но установление и поддержание контакта отнимало много сил. Чересчур много.

Восстановление системы заняло минут двадцать, не больше, а оставшееся время Эйрик потратил в метаниях под светлым куполом си-сферы, пытаясь подобрать ключ к двери с надписью «L-Aura. Архив (версии)». В узкое окошко бронированной двери были видны облака, дразнящие и недоступные, но пройти по ним мог только тот, у кого был код доступа на порядок сложнее того, с которым Эйрик вошёл в си-сферу. Ну не спрашивать же его у Ухтомского… Да, если честно, и взломать такую дверь Эйрику при всём своём умении было не по силам. Норвежец вздохнул.

Никогда, никогда ему было не догнать в этом деле Кристиана, сколько бы взломанных серверов он не оставил за своей спиной. Как не рви задницу, а быстрокрылый Овердрайв всегда оказывался на шаг впереди него…

Ухтомскому надоело мерить шагами коридор, и он решил заглянуть к своим лаборантам. В конце концов, не стоило поднимать панику раньше времени. В своих расчётах он исходил из стандартного соотношения, в котором принято распределять наномашины в организме человека. Другой вопрос, что с подобной целью, да ещё и с перспективой дополнить семантическим кодированием, их использовали впервые… Даже немного обидно, что все права на результаты исследований переданы Институту нейрофизиологии без возможности публикации в течение трёх лет, за которые кого угодно может осенить та же светлая идея, и все лавры достанутся смельчаку, по счастливой случайности не обременённому кодовым замком на собственных губах.

А может быть, не стоило так уж сразу переносить частное на общее, и причина замеченного им явления заключается лишь в том, что называют «индивидуально-типологическими особенностями личности», в переводе на общечеловеческий — в сути самого Криса Вебера, который не успокоится, пока не упадёт на пол, едва дыша, только в руках транспаранта не хватает: «Не переплюнул самого себя — не заслужил отдых». Это же не значит, что все люди таковы. Более того, большинство-то как раз не отличается таким стремлением… «Вспыхнуть и выложиться до конца»? Хм, где-то он уже слышал эту фразу…

Впрочем, скоро всё прояснится. Нужно лишь дождаться отчёта от Института нейрофизиологии, который сейчас проводит масштабные исследования на выборке, о которой научные работники, пищущие свои диссертации, грезят в самых смелых мечтах, ибо представитель Заказчика обещал подогнать «каждой твари по паре» в возрасте от десяти лет и выше.

* * *

Надоело, до чего ж надоело жить на два мира… И всё ради чего? Ради двойной зарплаты. Ради денег, троян их раздери.

Эйрик поморщился. Вчера он специально завалил тестирование своего модуля, нагло продолбав все сроки и сообщив об этом Крису только поздним вечером. Немного фантазии — и в тёмно-серых глазах, набирающих заряд, вместо

осуждения, которого заслуживал каждый лентяй, можно было вообразить гнев и неприязнь Криса лично к нему, Эйрику. А капля алкоголя на рабочем месте довершила картину, так что вместо холодного: «Иди проветрись», выданного Овердрайвом, норвежец услышал желанное: «Вали к чёрту, Эйрик». И теперь можно было заткнуть свою совесть ровно на то время, в течение которого он скажет Рафаэлю, что…

— Они используют облачное хранилище с трёхуровневым запросом авторизации: пароль, отпечаток пальца и что-то ещё. В общем, вот тебе распечатка всей этой технической лабуды. Интересней другое…

Рафаэль мельком глянул на лист бумаги и продолжил выжигать душу Эйрика своими глазами цвета кофейной гущи.

— Что же?

Презираешь меня, Санти? Считаешь, что я не способен выдать ничего стоящего? Давай, уподобляйся моей дорогой супруге, провоцирующей меня на такие отчаянные выходки, чтобы заслужить её одобрение, будто…

— Во-первых, я видел, как изменился Крис после своих наномашин. Во-вторых, походу, я знаю, кто мог бы взломать этот сервак.

Тёмные глаза полыхнули сначала плохо скрываемой неприязнью, затем — неподдельным интересом, и Эйрик одним махом выложил до конца всё, что знал, а точнее то, о чём догадался, опохмеляясь ранним утром после той феерической попойки, которую они устроили прямо в офисе «Souls Unite».

— И умнее ты ничего не выдумал, Эйрик?

Ах, вот как.

И это твоя благодарность, Рафаэль?

О да, наверное, в свете дня мои полуночные выкладки выглядят смешно. Ну так отпусти меня прямо сейчас, пока я ещё каким-то чудом сдерживаюсь, чтобы не…

— Похоже, в обществе Вебера ты совсем умом тронулся. Э-э, ты какого хрена…

Короткий, хлёсткий удар отбрасывает привставшего Рафаэля обратно в кресло, и Эйрик пулей вылетает из кабинета, хлопнув дверью так, что в окнах зазвенели стёкла.

Прочь. Прочь ото всех вас.

Прочь от себя самого.

Оседлав старенький мотоцикл, Эйрик выжал газ и рывком выехал с парковки. Неважно куда, лишь бы ехать, оставляя за спиной километры серого асфальта, кое-где припорошённого снегом, сильно припозднившимся в этом году.

Спидометр уже зашкаливал, а Эйрик и не думал сбрасывать

скорость: ему казалось, что ещё немного — и он сумеет обогнать себя прежнего, вновь став сильным и смелым скандинавским парнем, которого никто не посмеет затюкать вечными сомнениями в его правоте…

Трасса коварно подбросила под колёса Эйрика резкий поворот с уклоном, и мотоцикл норвежца пошёл юзом, в своём стремительном полёте пробив дорожные ограждения. Секунда — и дорога вновь стала пустынной, лишь снизу, из оврага, послышался треск ломающихся веток и глухой удар железного коня о промёрзшую землю.

Тело онемело от удара, кровь залила глаза. Застонав, Эйрик откинулся навзничь, лицом в светло-серое небо, и раскрыл рот, ловя на судорожном вдохе редкие снежинки.

Вальгаллу он, наверное, не заслужил: полжизни прожито не так, как мечталось. Что ж, хотя бы смерть пришла к нему в том облике, в каком он грезил ею все эти чёртовы годы.

Декабрь 2071

— Ничего слышать не хочу, — отмахнулся Крис. — На улице жара такая, а ты на меня тёплую куртку с шарфом пытаешься напялить. И нечего так зыркать, Охотник.

Алекс тяжело вздохнул. Жара. Первый день декабря, вообще-то. Столбик термометра каким-то чудом дополз до нулевой отметки и всё, хоть застрелись. Овер почуял весну и готов в одной рубашке лететь в Питер. Кстати, что-то он поздно сегодня. Девять утра, а он мало того, что ещё здесь, на Ладоге, так и носится как оглашённый, собирая в кучу какие-то бумаги.

— Ну, кажется, всё. Погнал, — Крис мягко улыбнулся и начал боковое обходное движение к входной двери.

Разбежался… Ладно, бог с ней, с курткой. Все равно ты её до сих пор так и не одел. Но без шарфа я тебя не выпущу. Может быть, он хоть немного снизит вероятность того, что ты вернёшься вечером с хриплым горлом и температурой при таком ветре и обманчиво ярком солнце.

Алекс заступил другу дорогу, рывком прижал его к стене у самого дверного косяка и быстро обернул два раза шарф вокруг белой шеи, пока Крис не успел опомниться.

— Ну ты… — выдохнул Овер. Глаза у него вспыхнули.

Охотник прищурился и нарочито медленно убрал с его плеч руки. Боги Сети, как же не хочется отпускать… Но надо.

Ладно, маленькая вольность с моей стороны, и ты свободна, серокрылая птица. Алекс коснулся губами тёплой шёлковой кожи на скуле Овера, подавив судорожный вздох.

— Свободен. С вещами на выход, — ехидно сообщил Алекс, уступая дорогу королю. Только глаза подвели: тоски в них было на порядок больше, чем смеха.

Через пару минут чёрная хромированная машина стартовала в сторону Питера, унося на борту всё, что было дорого Алексу: хрупкий лёд тонких пальцев, растрёпанные пряди чёрных волос, абсолютную свободу бытия. Стоя на крыльце, Алекс критически посмотрел на свой красный спортивный флаер, притулившийся у хилого березняка на краю участка. Пыльный, грязный, в разводах от вчерашнего ливня. Да, бедный, это тебе не ответственное хранение в тёплом гараже. На секунду в голову Алекса закралась мысль, что проблема «добыть деньги для обновления наномашин Овера», долбившая мозг уже третий месяц, имеет вполне очевидное решение. Продать флаер. Пресвятой коннект, да хоть сейчас, только всё равно не хватит вырученного. Машина старая, ещё столько вбухать надо, чтоб товарный вид придать… Да и

анальгетик покупать и забирать можно самому, не напрягая Криса лишний раз. Точнее, не напоминать об этом. Благо, халтуры на обезболивающее пока хватало.

Холодок прошёлся по коже. Алекс поёжился и быстро нырнул в домашнее тепло, заперев дверь. Да, шарф определённо Крису не помешает.

Куртка Криса, брошенная в спешке, а теперь поднятая с пола и перекинутая через локоть Алекса, вдруг издала странный шорох. В космической тишине домика на Ладоге любой звук звучал, как набат. Очень редко, когда становилось совсем уж тоскливо без Овера, Охотник залезал в Сеть и подключался к потоку вещания какой-нибудь радиостанции с музыкой больше эн-летней давности. Внутренний голос посмеивался, обзывался «стариком», но тоже слегка пританцовывал под ремиксы Coldplay.

Алекс осторожно развернул к себе куртку. Снова шорох. Рука сама, опережая мысль, потянулась к внутреннему нагрудному карману и расстегнула молнию. Пальцы ухватились за мятый листок бумаги и вытащили его на солнечный свет.

И пока глаза машинально пробегали рукописный текст, сердце в груди ушло в разнос, как после хорошего заряда, выданного Овердрайвом в одну из теперь уже редких запредельных ночей.

Пульс перескочил отметку в сотню ударов, то и дело замирая на секунду, словно прислушиваясь к свистящему вдоху на сведённой судорогой диафрагме. Чёр-р-ртова аритмия… Заразная она, что ли?

Скользнув на пол из-за слабеющих коленей, Охотник наконец смог выдохнуть. Не узнать листок, сжатый сейчас его дрожащими пальцами, было невозможно. Мой почерк.

> *«Прости, Крис, но вся эта история с моей болезнью была спектаклем. Я кривлялся. Врач подкуплен.*
>
> *Просто я так и не узнал, кто я для тебя. Ждал ответа семнадцать лет. Больше нет сил терпеть»*

И подпись в углу, наполовину смазанная бурым пятном засохшей крови. Моей крови.

> *«Твой Dreamhu…*
> *…убивший меч…»*

Глухой удар кулака об стену. Со всей дури.

Он сохранил её. Он-сох-ра-нил-её! Какого хрена… Зачем? Алекс крепко зажмурился. Что он вообще помнил о том злополучном дне, какого-то там ноября 2070? Боль накрыла на

рабочем месте настолько внезапно, что он даже не успел выйти из-за стола. Пришлось прилюдно падать на колени, обхватив грудь руками. Дальше появился Крис, потащил его в клинику. Пока врач там распинался перед Овером, он успел сбежать… Написать вот эту записку, что трепещет в руке сейчас, как пойманная птица, было гениальной идеей. По крайней мере, тогда казалось, что Кристиан Вебер проглотит эту полуправду, не поморщившись. О, Кристиан Вебер, может, и проглотил бы, но только не Овердрайв.

«А очнулся я уже здесь, на Ладоге, — подумал Алекс. — Значит, Крис забрал не только мою почти бездыханную тушку, не только катану, которую потом спрятал на чердаке, но и записку…».

Однако, если катана ещё как-то поддавалась логическому объяснению, то этот клочок бумажки не укладывался ни в одну из десятка теорий, уже устроивших драку в переговорной комнате сознания.

Впрочем, половину из них можно было отмести сразу. Овера так и не удалось этой зимой заставить одеть хоть что-то теплее тоненького плаща, то есть записка валялась в куртке целый год с того самого дня, и он не перетаскивал её по всей верхней одежде.

Алекс тихо рыкнул. Нет, идти к врачам уже не было смысла. Это ничего не изменит, кроме нового срока в виде какого-то количества месяцев. Да и Овер, вроде бы, свыкся с мыслью, что домик на Ладоге живёт сегодняшним днём. Но что-то ещё, маленькое и юркое, металось в голове, никак не давая поймать себя за хвост.

«Просто я так и не узнал, кто я для тебя…»

Ответ.

Алекс отпустил записку в свободное падение и закрыл лицо руками. Вспоминай. Сейчас вспоминай. В твоей черепушке столько всякой дряни, а самое главное, видимо, запихнуто на антресоль.

Мать. «Ты наша надежда, должен получить хорошую профессию, которая бы тебя кормила… А всё остальное потом». Да-да, а кто подумал о том, что после осточертевшей оплачиваемой работы у тебя уже не будет сил на «остальное»?

Нет, не то. Выше. Или глубже.

Поп из церквушки соседнего квартала. «Эта болезнь — наказание Божие за измену». К чёрту. Какая измена в пятнадцать лет? Да, сейчас уже можно было бы это принять как аргумент… Если б я сам считал это изменой. Но что-то сломалось внутри, датчик не срабатывает. Мечта, воплощённая в жизнь — это не

измена.

Неважно. Следующий уровень. Пресвятой коннект…

Олеся. «Ты должен быть приличным человеком. Мы же семья. Не позорь меня перед людьми. Не ругайся матом. Не кричи. Почему ты всё принимаешь в штыки? Я скучала. Ради Вебера ты готов на всё, а ради меня почти ни на что». К чёрту. На самом деле я для тебя никто, Олеся. Очень даже возможно, хоть я в это и не верю, что ты меня любишь. И либо ты это делаешь каким-то извращённым способом, либо я просил чего-то невозможного от тебя.

Вместо сердца в груди — свайная баба. Вместо комнаты перед глазами — золотое марево. Вот она, запредельная глубина, когда вспоминаешь уже не семантику, не интонации, а то, что скрыто от разума.

> У нас хорошая школа — прикуривать от горящих змей,
> Вырвать самому себе сердце, чтобы стать ещё злей,
> Держать голову под водой, не давать делать вдох…[10]

Овердрайв. Голос, за которым я пошёл на свет из темноты небытия.

Тот, кто дал мне смысл жить, когда я уже порвал финишную ленточку. Когда я мысленно и в жизни уже раздарил все вещи, идеи, мысли. Когда уже спел песню вычеркнутого из списков.

«Ты для меня — всё».

Алекс едва слышно застонал. Горько, как же горько в душе и на языке. Я у тебя в долгу, Овердрайв. В таком, что не оплатить. Что не вернуть, даже триста раз прикрыв собой от пуль. И сумма за обновление наномашин — не совсем уже мелочь только потому, что актуальна как никогда.

Я сделаю всё, что смогу. Я уже поклялся в этом.

Но в эту минуту, глядя на заляпанную кровью записку, я не произнесу ни слова. Это будет даже не мысль, потому что мне порой кажется, что мысли мои для тебя — кристальная ладожская вода.

Это будет просто нечитаемая и почти невидимая зарубка в душе.

Я отдал бы тебе своё сердце.

Я не уберег многого из себя, но оно ещё бы тебе послужило.

Рывком поднявшись с пола, Алекс подхватил записку, куртку и сорвался в кухню. Мысль, изречённая вслух, есть ложь. Ну что ж, никогда он не решится попросить об этом Криса. Приступ аритмии обеспечен. Давным-давно он рискнул сказать об этом Олесе, но получил в ответ скептически поднятую бровь и

кручение пальцем у виска.

И раз уж на этом листочке собрано всё, что он хотел сказать перед смертью ещё в позапрошлом ноябре, то почему не добавить то, что уже столько лет сидит в подкорке? И дело, чёрт побери, не в Волчьем камне, о котором он уже давно запретил себе думать. Это просто дурацкое желание хоть в чём-то нарушить общепринятые правила, выйти за рамки обыденных представлений, перестать идти окольными тропами…

Алекс перевернул листок обратной стороной и нацарапал карандашом над бурым пятном короткое:

«Бросьте меня в Ладогу».

Всё. Засунуть в нагрудный карман. Осторожно повесить в шкаф… До следующего ноября?

Весну обещали раннюю в этом году. Может, только в марте будут холода.

Тихий писк забытого на столе компьютера выдернул Охотника на поверхность, словно спасательный круг — утопающего. Боги Сети, кто мог ему писать? Может быть, снова Крис, неисправимый визуал, балуется красивыми картинками, которые он каким-то неведомым способом находит в недрах поисковиков?..

Хм, входящее с неизвестного адреса.

> 1-DEC-2071
> from: [nemo]
> to: Dreamhunter
>
> О вас известно немногое: вы отличный хакер, умеете не задавать лишних вопросов и нуждаетесь в деньгах. Этого достаточно, чтобы предложить вам работу.
>
> Взлом сервера. Цена вопроса — 700 000 р. Срок — до 20.12.2071
>
> Ответив на это письмо согласием, вы получите техническую документацию касательно объекта атаки.

Охотник невольно хрустнул пальцами. Перечитал сообщение несколько раз, ища подвох. Но нет, абсолютно равнодушный заказ на Плохого хакера… Деловой подход. Ну что ж, кем бы ни был отправитель, он прав: я умею не задавать вопросов. И сумма больше полумиллиона только способствует моей немоте.

«Ну и чем ты лучше Олеси? — с иронией поинтересовался голос внутри. — Та тоже ради денег готова на что угодно». Алекс скрежетнул зубами, но всё-таки решительно придвинул к себе клавиатуру. Короткое: «Согласен. Кидайте инфу без лишних подробностей». Кнопка «Отправить».

Я скажу, чем лучше. Да, цель не оправдывает средства, но Олеся делает это ради выгоды, а я ради человека, ровный пульс которого — залог того, что я прожил минуту, час или день не зря.

* * *

Ох, Виктор Иванович Бубнов, доведёте вы своего рецензента до белого каления…

Раздражённо махнув рукой, Андрей Ухтомский свернул в фон дипломную работу Виктора и уставился в его наивные светлые глаза.

— Витя, — после стольких мучений в попытках достучаться до того отдела мозга, который у студента отвечал за научное мышление, Ухтомский счёл себя вправе перейти на «ты», — вроде бы у тебя подработка в Институте нейрофизиологии, а толку? Ну не можешь ты описать статистически значимые различия, так расскажи хоть, чем там занимаешься.

Студент заметно оживился.

— О, ну мой начальник исследует телепатию, а мне иногда разрешает сканировать биополе пациентов, и вроде как получается, что у тех, кто отродясь телепатом не был, после какой-то процедуры появляется способность мысли читать… Но он мне деталей никогда не рассказывает. Скрытный уж очень.

Так. Что-то это нам весьма и весьма напоминает…

Ухтомский вежливо указал Виктору на кресло и сам сел напротив.

— По глазам вижу, положительная рецензия тебе нужна позарез. И, честно говоря, льстить твоей работе у меня нет никакого настроения. А вот если бы ты сумел разговорить своего начальника на тему того, не обнаружил ли он каких-нибудь побочных эффектов на тестировании, а ещё лучше, раздобыл бы мне его данные, я бы смог договориться со своим чувством прекрасного и оставить о твоём дипломном опусе отзыв, который будет написан лучше, чем сама работа.

* * *

— Да не парься ты, мне доктор недавно обновления поставил, — беспечно махнув искусственной рукой, Кира запрыгнула на переднее сиденье флаера Лина. — Пристегнулся? Тогда держись, взлетаем!

Крыши спального района на востоке Москвы-2 остались

далеко внизу за считанные секунды, и Лин пару раз ткнулся лбом в спину разошедшейся Киры, намекая ей на то, что неплохо бы слегка сбросить скорость. Девушка выровняла курс, одновременно выкручивая рукоятку тормоза, резко откинула голову назад и солнечно улыбнулась Лину, но в следующую секунду её улыбка превратилась в болезненную гримасу, а с губ сорвался невнятный стон.

— Лин… Заклинило, чёрт… Перехвати…

Флаер, потерявший разгон, на миг завис в воздухе и сорвался в штопор.

Судорожно цепляясь за тонкие перила на боку очумевшей машины, Лин кое-как перегнулся через теряющую сознание Киру. Вот же она, кнопка автопилота. Ну же, ещё немного…

Пять…

Земля стремительно приближалась, заснеженные улицы закручивались калейдоскопом в оттенках серого. Кира упала на руль, и Лин изо всех сил прижал её к сиденью своим телом. Дыхание перехватило напрочь, в голове с бешеными ударами пульса билась одна мысль: ты — самое дорогое, что у меня есть, Кира, и если не успею выровнять флаер, то хотя бы прикрою…

Четыре…

Рванув крепления, удерживающие его правую ногу, Лин глухо зарычал и подался вперёд всем телом, словно желая ускорить падение, но на самом деле обгоняя невесомость, и отчаянным ударом кулака по приборной панели запустил программу автопилота.

Три…

Автоматическая коррекция курса.

Два…

В двадцати метрах от земли флаер вышел из штопора, и по крутой дуге машину вынесло на аэротрассу, проходящую над широкополосным шоссе с многокилометровой вечерней пробкой. Ускорение было так велико, что Лина выдернуло с сиденья, и мальчик отчаянно закричал, когда его левая нога, всё ещё пристёгнутая к корпусу, с хрустом переломилась где-то в колене.

Боль была настолько адской, что Лин отключился прямо в воздухе, болтаясь, словно живая карта таро под названием «Повешенный», и очнулся уже на земле, когда флаер завершил автоматическую посадку.

Кажется, были ещё сирены скорой помощи, слёзы Киры на его горячей щеке и её пальцы, сплетённые с пальцами Лина, а потом — гневный голос матери и звонкая пощёчина.

— Это всё ты виновата, дура недоношенная! Чтоб ты провалилась! Вон с глаз моих!..

* * *

Откинувшись в кресле, Рафаэль не сдержался и заржал в голос. Прозвал себя Охотником, бледнолицый, а сам так легко проглотил наживку… Интересно было бы понаблюдать за тобой в ту секунду, когда ты узнал бы, что тыришь данные у того, в кого втюрился по самые уши. Но ладно, взломаешь ты сервер, вынесешь оттуда всё, что сумеешь, а дальше-то что? Компании «Div-in-E» ведь нужно как-то стать единственным правообладателем той технологии, которую выдумал этот чёртов генератор идей по имени Кристиан Вебер.

— Может, выкупить их с потрохами? — рассеянно пробормотал Рафаэль. — Хотя это рискованно и накладно. Мы не знаем точной стоимости их разработки…

Настойчивые руки с цепкими коготками. Не сейчас, Линда, погоди пару минут. Я, конечно, понимаю, что с отъездом сына можно ходить в коротком халате почти нараспашку, но…

— Ты уверен, что Алекс, — Линда едва заметно поморщилась, — справится за такой короткий срок?

— Уверен, уверен, — покивал аргентинец ей в ответ, — Может, для надёжности ещё и сам сервак прибить стоит? Хотя, блин, это одиночке уже не по силам, да и не хочется пускаться во все тяжкие…

Линда слегка крутанула тяжёлое кресло с Рафаэлем так, чтобы оказаться за его спиной. Ей до ужаса не хотелось встречаться взглядом с этими кофейными глазами в ту минуту, когда в комнате, при нестерпимо ярком дневном свете, будут звучать фразы откровения, тонкими шёлковыми нитями протянувшиеся от дверей до окна.

> «Кто прядёт лён,
> кто прядёт шерсть,
> кто прядёт страсть,
> кто прядёт месть,
> А я…»[11]

— Ты правда готов отвалить кучу денег за эту шарагу? — уточняет Линда как ни в чём не бывало.

Что тебе ответить, моя богиня? Мы оба понимаем, что не в шараге дело.

— А знаешь, Рафаэль, — в голосе Линды тихий шелест шёлковой нити, — хочешь секрет? Тебе достаточно будет написать Крису, что ты хочешь купить его стартап.

— В смысле? — Санти попытался переключиться на уровень скрытых значений.

— Преступленье — любви цена, так переступи, переступи поро-ог, — вдруг пропела Линда, удерживая горячими руками голову Рафаэля, готового испуганно обернуться назад. — Не обращай внимания, дорогой. Едва ты заполучишь данные, готовь документы, будто и вправду собираешься поглотить эту компашку, и напиши Кристиану, чтобы готовился к сделке. Он сам снесёт все файлы до основания, приговаривая что-то вроде: «Так не доставайся ж ты никому».

— А если нет, Линда?

— Будь уверен, — острые ножницы режут последнее волокно, и богиня переступает упавшую на пол алую нить, словно черту, за которой нет возврата. — Я знаю, о чём говорю.

* * *

«Соединение разорвано. Попытка повторного подключения через…»

Боги Сети, неужели за мою сумасшедшую свободу суждено расплачиваться родным людям?

Лин, как тебя угораздило?..

А я ведь чувствовал неладное, недаром пару дней назад колено заклинило. Алекс ещё шутил, что я с какого-то перепугу в психосоматику ударился.

Только почему же я узнаю о случившемся не от Линды, не от тебя самого, а от Маши и Хидео?

И действительно, откуда во мне появилась эта дурацкая уверенность в том, что в порту, откуда я ушёл в дальнее плавание, всё останется по-прежнему: старое дерево у причала, приветливые рыбаки, белёные дома на улице, уходящей на вершину холма?..

Всё меняется, и на руинах уютных домиков отстроены типовые бетонные многоэтажки, просёлочная дорога закатана в асфальт, и некому здесь вспомнить меня прежнего.

Когда-то давно, накануне выпускных экзаменов в институте, мне приснился сон, будто я — специалист техподдержки с Земли-2, эдакого параллельного мира, в котором реально всё, чему не оказалось места на всем известной Земле-1, и миссия моя заключалась в том, чтобы найти как можно больше порталов меж этими двумя мирами и восстановить их энергетический уровень, иначе связь ослабнет, миры разойдутся навсегда и погибнут оба,

ибо один без другого существовать не может. А располагались эти порталы, как назло, в тех местах города, с которыми у меня было связано столько воспоминаний, что, выполнив своё задание, я проснулся среди ночи с безумной, жалкой улыбкой, задыхаясь от слёз, и ещё долго метался по простыне, впервые услышав в ушах непривычные сдвоенные удары сердца.

Похоже, я снова безбожно затянул с восстановлением порталов своей Земли-2.

Пора лететь.

* * *

На подготовку ко взлому у Алекса ушло чуть меньше недели. Самым сложным было отыграть «Алекса-у-которого-нет-ничего-на-уме» перед Крисом. Для этого всего-то требовалось погасить хищную искорку в глазах, не слишком долго зависать за компом по вечерам во избежание подозрений и выкинуть из головы все мысли о взломе. Алекс мог поручиться, что коннект вышел если не на стадию ментального контроля, то на режим одностороннего чтения мыслей уж точно. Слишком часто Крис снимал у него с языка фразы и мигом выдавал ответы, при этом сохраняя такое невозмутимое выражение лица, что было не подкопаться.

Технических проблем тоже оказалось немало. Неведомый Заказчик, конечно, попытался «облегчить» жизнь кодеру, прислав документацию с обычным для таких вещей неприличным количеством воды. Из этого Алекс сделал неутешительный вывод: о сервере, который надо было взломать, Заказчик знает очень много, то есть — ничего. В сухом остатке надо было проникнуть в облачное хранилище данных с тремя уровнями авторизации — пароль, отпечаток пальца и какая-то ещё штука, которую Заказчик отметил как «трудности поиска». Ладно, будем импровизировать.

Впрочем, импровизация касалась только этого туманного третьего пункта. Для подбора пароля Алекс прокачал старую прогу, добавив в неё таких наворотов, что Овердрайв только бы восхищённо выругался. А вот с отпечатком пальца пришлось повозиться. Сначала Охотник хотел запросить его у Заказчика, но быстро передумал. Был бы он у них — сами дали. Значит, выкручиваться самому. С другой стороны, вполне логично было предположить, что подойдёт скан пальца любого сотрудника компании, название которой, кстати, нигде не фигурировало. Алекс знал только, что скопировать ему надо файл с названием «L-Aura. Архив (версии)».

План в голове Алекса сложился почти мгновенно.

Перехватить запросы на сервер с адресами клиентов, выбрать пару-тройку жертв и простучаться к их компам, миновав все защитные системы. А уж там запустить перехватчик сканов отпечатков, и готово. Можно начинать взлом.

На этом месте Алекса уже который раз заклинивало. Это были даже не угрызения совести, а ступор от того, как легко он, оказывается, может переступить все свои принципы и вернуться к хакерству. А уж об удовольствии, которое доставляло ему написание «плохого» кода, лучше вообще не упоминать.

В ночь на понедельник, 7 декабря, Алекс неслышно выскользнул из кровати, где безмятежно спал Крис, вымотанный рабочей неделей до состояния полутрупа, и спустился с ноутом в гостиную. Перед глазами еще было это аскетично-бледное лицо с тёмными кругами под трепещущими ресницами и разметавшиеся по подушке пряди чёрных волос. Какие там совместные ночи, боги Сети! Долететь, съесть что-нибудь и упасть — в этом был весь Крис в последние полгода. И всё, что позволял себе Алекс изредка, так это обнять серокрылую птицу, почти незаметно прощупать сбитый к чертям пульс на её запястье и снова ударить себя со всего маху. Деньги. Наномашины. Овер. Эти три слова поднимали с колен не хуже, чем птичьи крылья.

В гостиной на первом этаже было темно, как в погребе. До рассвета оставалось больше двух часов, но в Питере, — судя по сетевому адресу, цель атаки была именно там, — в этот ранний час первые трудоболики уже наверняка появлялись на своих рабочих местах. Алекс рухнул в кресло перед ноутом, по старой привычке глубоко вдохнул и, сделав полный оборот вокруг своей оси, досчитал до десяти. Пароль сейчас подбирать не будем. Перехватываем запросы на сервер от самых ранних пташек, не вникая в верхний уровень описания с фамилиями и должностями, копируем адреса отправителей и забираем отпечатки пальцев… А для надёжности пусть их компы перезагрузятся и попросят авторизацию ещё раз.

В прищуренных глазах Алекса бежали строчки кода. Боги Сети, как же я соскучился по делу всей жизни… Внутренний голос мягко поинтересовался где-то у правого уха: «Дело всей жизни — это хакерство, или я чего-то не понял?» Заткнись, зануда. Я не виноват в том, что у меня одинаково хорошо получается и восстанавливать систему, и рушить её.

Алекс машинально прислушался к шорохам дома. Охотник я или кто? Ох, Овер, говорил же тебе — скрипят седьмая и десятая ступеньки. Они выдают тебя с головой. Только почему ты поднялся в такую рань? Ладно, мне сейчас снова придется притворяться, что ничего не происходит. Что я кодер, а не хакер.

Только бы ты не увидел мой экран…

Крис почти бегом спустился на первый этаж.

— С хрена ли полуночничаешь, Алекс? — изящно свесившись с перил, спросил он. — Мне тебе бурной ночи пожелать или доброго утра?

— М-м? — Алекс выглянул из-за монитора, сделав вид, что ничего не слышал. «Никогда не смогу привыкнуть к этому его чувству юмора, за которое надо убивать», — мельком подумалось Охотнику.

— Ясно. Тогда бурной, — кинул Крис через плечо. — Полнолуние же…

«Что-то увлечённо программирует там», — отметила совесть Овера. Сутки в одиночестве как-нибудь протянешь, Охотник, или…

— Мне тут надо Лина навестить. Срочно. Не бойся, Алекс, с ним всё хорошо. Завтра днём вернусь.

Опять упреждающий удар, не оставляющий вопроса на вопросе. Что с тобой творится, Овер?

Порывистые объятия, для которых Крис встаёт на колени перед Алексом, чтобы тому не пришлось вылезать из компьютерного кресла. Небольшой разворот по инерции — и…

«Только не смотри на экран, Овер…»

Тёмно-серые глаза за секунду до короткого замыкания. Слишком близко, чёрт. На сколько там метров положено отойти от работающей силовой установки с напряжением выше двадцати киловольт? Чуть больше года прошло с последнего экзамена по электробезопасности, а уже и не вспомнить толком…

— Ладно, ладно, Алекс, не подглядываю. Расскажешь потом как-нибудь.

Быстрый поцелуй в ямочку на подбородке, скрип входной двери и свист прогревающихся турбин аэроцикла.

Алекс вздохнул. О боги, пусть с Лином действительно всё будет в порядке. Ну, а пока…

Через пару часов у Охотника всё было готово к взлому. И казалось бы, что ещё нужно? Пароль подобрать нетрудно с таким-то опытом ломать чужие системы, целых пять отпечатков на выбор, Криса не будет до следующего утра… Но Охотник медлил. Сидя в кресле за холодильником с ноутом на коленях, он всё крутил в пальцах ампулу с анальгетиком. Только так он сможет продержаться в транскоде несчастные двадцать минут, не будучи размазанным по куполу си-сферы от страха того, что его накроет внезапно, и он останется здесь навсегда. Превентивный удар по самому себе. Это не сложно. И вопрос, который не даёт ему

начать взлом, не в этом.

Может быть, есть иной путь спасти Овера?

Нет, если б он был, то за эти месяцы я бы увидел хотя бы отблеск надежды.

Алекс решительно захлопнул ноутбук. Я это сделаю, но не здесь. На берег. Нырнуть в первый декабрьский мороз, под яркое солнце… Не осквернять этот дом грязным делом.

В прихожей он замешкался. За минуту до этого Охотника кинуло в жар, и теперь он стоял у самого порога в полной растерянности. Куртка, а уж тем более колючий шарф, категорически не внушали расположения. Рука сама потянулась к серебристому летнему плащу Овера. Своим невозможным, почти электрическим блеском он уже давно напоминал Охотнику застывшую в атласе молнию. Не моя ростовка, ну да ничего. Охотник вдохнул родной запах морского бриза с лёгкой цитрусовой нотой. Выдох делать не хотелось, но пришлось. Пора, мой друг, пора. Оставь ностальгию на потом.

Мороз настиг Алекса уже у самого берега. Снега по колено, набивается за голенища сапог. Пропахав белую целину наискосок, Алекс остановился у небольшого скального выступа. Летом здесь можно было провести весь день, лёжа на теплом камне, а сейчас… Кодер смахнул с камня снег, чувствуя, как медленно коченеют пальцы. Запоздалая мысль о том, что через двадцать минут после дозы его вырубит минимум часа на три, которые он проваляется здесь, на берегу, считай в одном белье, с размаху влетела в мозг и растерянно замерла. Это никого не волновало, даже инстинкт самосохранения дрых, как младенец. И здравая мысль растаяла, не дав ростка разумных действий.

Забраться на скалу, лечь, вытянувшись во весь рост и вогнать в импланты карту беспроводного доступа. От случайного касания пальцев заныл подарок Лисовского. Ассоциативный ряд выстроился в голове мгновенно. Лисовский — Олеся — квартира. Продать квартиру?.. Тихий рык разрушил тишину Ладоги. Какого хрена, Охотник?! Раньше думать надо было. Или, может, тебе всё-таки стоит нырнуть поглубже и признаться самому себе, что квартиру ты оставил Олесе только потому, что чувство вины перед ней в тебе всё-таки есть?

Всё.

Превентивный удар по заразе. Жидкость из ампулы быстро перетекла в шприц. Разорванный стерильный пакет тихо шелестел где-то у правого уха. Алекс поморщился, глядя на дозу. Чёрт побери, это оказалось сложней, чем я думал. Одно дело, когда тебя накрывает такая боль, что хоть на стенку лезь, а совсем другое, когда в больном месте безмятежное спокойствие и

полный штиль.

Левая рука, прижатая к груди, где бесновалось не желающее впадать в анабиоз сердце, скользнула вниз. Что-то прямоугольное в кармане плаща само легло в ладонь. Охотник вытащил находку на солнечный свет. Початая пачка сигарет.

«Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?»[12]. Строчка всплыла в памяти и оборвалась. Овер курил только в экстренных случаях. То есть во время приступов аритмии. Ха, сколько раз порывался я сказать ему, что сигаретами сердце не лечат, но каждый раз натыкался на заряд в миллион киловольт и тормозил комментарий. А ведь я тоже курил когда-то… Много курил. Но бросил, когда пришел в «Div-in-E». Это не то чтобы считалось там дурным тоном, но хотелось измениться ради мечты. Да и Олеся на дух не выносила табака в квартире.

Ну а теперь, когда я уже почти скатился до хакерства, падать ниже совсем не страшно. Интересно, а прикуривает Овер от своего электрического разряда, который у него не гаснет на кончиках пальцев, или всё-таки более традиционным способом? Никогда не мог засечь этот момент.

Зажигалка нашлась в нагрудном кармане. В пронзительное синее небо взвился сизый дымок. Алекс глубоко затянулся, чувствуя, как головокружение сменяется кристальной ясностью. Сколько лет прошло с последней сигареты? Восемнадцать? А, к чёрту. Когда ты упал, солнце кажется ближе.

Игла вошла под кожу почти нежно. В яркой белизне зимнего дня следы от бесконечных инъекций напоминали россыпь веснушек. Алекс затушил окурок о холодный камень. Таймер внутри привычно, как сотни раз до этого, начал обратный отсчёт. Ему было плевать на отсутствие боли. Он долгие годы, пока Овер не перевернул жизнь вверх дном, был неотъемлемым спутником Охотника. По нему сверялись часы, под него подстраивались дела… С ним приходилось считаться в любых мелочах. Но этот год, что прошёл на Ладоге, он всё чаще сбивался из-за магии сероглазого хакера с тонкими пальцами, хрупкими, как февральский лёд.

Для тебя, Овер.

Охотник с разгону пробил плечом си-сферу.

И я не посрамлю своё имя и тебя. Ведь ты всегда был для меня идеалом в этой странной игре в кодера наоборот.

19:45

Транскод встретил Охотника морем ночных огней и лёгким июльским ветром. За спиной осталось коченеющее на камне тело в серебристом плаще с чужого плеча, а здесь всегда можно было быть таким, каким себя ощущаешь. Вот оно, абсолютное

принятие. Здесь не работает принцип «сумма физического и умственного в человеке есть величина постоянная», и здесь никто не будет считать, в какой статье убыло от тебя, а где — прибыло. Это как в центре большого города, в толпе на Арбате или Невском. Ты не нужен никому, и никто не нужен тебе.

Охотник включил невидимку, мельком подумав, что где-то там, в реальном мире, ноутбук выбивается из сил, раз за разом генерируя новый адрес своего подключения. Плагиат, конечно, но не сердись на меня, Овер. Мне тоже иногда хочется занять место в партере и появиться внезапно, сорвав овации.

17:20

Почти на месте. Странный сайт, похож на Избушку на курьих ножках, которой сделали рестайлинг в стиле хайтек, оставив только бревенчатые стены. Вокруг сновали люди типично сисадминской внешности. Замерев на секунду, Охотник проводил взглядом какого-то парня в гавайке и коротких шортах. Этот персонаж в избушку с пятиугольными окнами вообще не вписывался, но это было не главное: он нырнул в дверь с табличкой «Посторонним вход строго воспрещён» — лучшим приглашением для хакера. Охотник тенью скользнул за ним, но дверь закрылась очень резко. Защита сработала. Ла-а-адно…

Введите пароль.

Десять секунд на подбор.

Ха, ну хоть не «12345». Хотя люди здесь с особым чувством юмора, видимо, раз поставили на вход фразу «try_again_321».

16:02

В комнатке за дверью никого не оказалось. Парень в гавайке или разлогинился, или прошёл через единственный возможный выход кроме того, что остался за спиной. Бронированная жуть в два метра высотой с узким окошечком-бойницей, при виде которой Охотнику не пришло в голове ничего более достойного, чем «Врата». Вся она была такая старинная, что хоть в музей. Только микрокамера над литой рукоятью портила впечатление.

Охотник подошёл вплотную. Наверно, это и есть второй уровень авторизации. Отпечаток пальца. Рука машинально натянула первую из пяти попавшихся перчаток с чужим допуском. На границе сознания возник вопрос, а сколько неудачных попыток пройти барьер разрешает система до объявления тревоги? В документации ничего об этом не сказано.

В бойнице плыли облака. В таком же синем, как на Ладоге, небе. Облачное хранилище данных. Охотник тихо хмыкнул: век живи — век учись, такую цитадель ему брать ещё не приходилось.

Чёр-р-рт.

Отказано в доступе.

Если б не было режима невидимки и был благодарный зритель, то он, зритель, уже превратился бы в кучку пепла на стуле. Охотник с адским пламенем в глазах ждал сигнала тревоги. Тихо. Значит, есть ещё одна попытка.

Быстрым взглядом окинуть оставшиеся четыре варианта. Пусть этот, с необычными завитками в центре подушечки.

Ну же…

«Андрей Ухтомский. Доступ разрешён».

12:40

Бронированные Врата закрылись за спиной. Да ты в ловушке, Охотник. Под подошвами твоих ботинок от силы полметра деревянного настила, как в спальне домика на Ладоге, за которым начинается бездна во всех направлениях координатной сетки. Так вот что Заказчик назвал «трудностями поиска». И что я собирался делать, импровизировать?

Одно из белых облаков плыло таким курсом, что оказалось в зоне досягаемости через пять секунд. Сделать шаг. Под подошвой ботинок с хрустальным звоном разбились задетые сектора с информацией. Охотник тихо выругался, едва успев спрыгнуть обратно на помост, который всё больше напоминал доску, перекинутую через борт пиратского корабля с недвусмысленным приглашением прогуляться к акулам. Но ведь должен быть способ…

Охотник вспомнил, как много лет назад помножил свои принципы на ноль, ради Кристиана Вебера превратившись из охотника на хакеров в одного из этой дружной братии. Тот взлом был не в пример проще, но перед глазами упорно вставала другая картинка той злополучной недели. Полуобнажённая спина Овера уже в реальном мире с красным следом от… силового кабеля в транскоде? Тогда это казалось невозможным. Кажется и сейчас. Но безумная мысль уже командовала телом. Скинуть ботинки, к чёрту выключить невидимку — всё равно тут других таких сумасшедших нет, и прыгнуть на ближайшее облако.

Ноги зарылись в пушистую белую массу по щиколотку. Ни хрустального звона, ни звука. В транскоде мы — комбинация нулей и единиц… Или нечто большее?

И это уже не хакерство, а забава какая-то. Перепрыгивать с облака на облако, стараясь слишком долго не смотреть в синюю пропасть под белым пухом байтов.

9:32

Нет, это пустая трата времени. Закрыв глаза, Охотник криво улыбнулся. Я упускаю что-то важное… Не хватит и вечности, чтобы проверить каждое облако на наличие файла «L-Aura. Архив

(версии)». Но система не рыщет наугад, значит, должен быть ключ. И увидеть его можно только с её позиции. С высоты.

В транскоде реально всё, что ты можешь вообразить.

Охотник сжался в комок. Жжение в лопатках стало нестерпимым. Боги Сети, помогите мне, прошу… Два огромных белоснежных крыла вырвались из спины и подняли своего обладателя в воздух.

Выше.

Разорванные клочья облаков имели очень интересные формы. И некоторые настолько сильно просились быть соединёнными, что удержаться от шальной мысли не было ни возможности, ни желания.

> *«…вашу базу сломали, как будто кошка прыгнула на паззл и смешала все детали. Эффектно, быстро и качественно. Мне такой способ неизвестен…»*

Двадцать лет назад я потратил 50 часов своего времени, чтобы восстановить базу данных, играючи доведённую Овердрайвом до состояния первобытного хаоса. Такого же вот хаоса, в котором находятся эти клочья облаков. Уж не знаю, Овер, ты ли приложил к ним свои тонкие пальцы или твое ноу-хау вышло в тираж, но у меня нет сейчас даже часа. Только семь минут.

И раз уж в городе-под-рекой реально всё, во что ты веришь…

4:05

Огромные белые крылья устало сложились за спиной. Охотник судорожно выдохнул. Под ним вместо хаоса белых клочьев был застывший циклон с гребнями облаков, закрученных по спирали вокруг кружка пустоты. Око Бури.

Единственный шанс. Нырнуть туда. Выдержать нестерпимо долгие секунды поиска искомого файла, пытаясь не обращать внимания на задержки отклика между мысленным приказом и движением. Там, на Ладоге, анальгетик уже вовсю опускает рубильники и гремит ключами.

2:30

Есть. Финальное копирование. В нижнем углу окна на ноутбуке в реальном мире медленно ползёт зеленая змейка. Набегают проценты. Рано, рано расслабляться… Это невыносимо трудно — перегонять через себя информацию, но если просто забрать с собой этот клочок облака, то можно не успеть выйти. А так можно тоже не успеть, но копия останется в реальном мире. Охотник, зависший прямо в центре циклона, стиснул зубы, выгибаясь дугой от нереальной, но такой настоящей боли. В его руках медленно таял обжигающий пушистый сгусток. Ждать.

Смотреть. Не думать.

Я плохой хакер. Но ради твоего сердца, Овер, я готов и не на это.

0:07

Копирование завершено.

Из последних сил рвануть из распадающегося циклона информации к бронированной двери…

— Любая дверь, Охотник…

— Держись, Овер, уже выходим…

Это бред. Это не сейчас происходит. Это было давно. Но сколько ещё раз я буду вынужден наступать на горло собственной песне?..

Алекс вынырнул в реальность с животным стоном из-за боли в ладонях, покрытых волдырями. Ожог второй степени, констатировал мозг. К чёрту. Удостовериться, что файл сохранен.

Три.

— Сообщение. Немо. Готово. Сначала деньги.

Два.

— Отправить.

Один.

Горячие слезы на ледяных щеках. Когда замерзаешь, когда уже не чувствуешь своего тела от дозы обезболивающего, неминуемо падаешь в темную пропасть беспамятства.

— Ради тебя, родной…

* * *

Если бы была возможность, Лин выкатился бы из палаты в больничный коридор навстречу отцу, но в нынешнем состоянии парень мог лишь слегка привстать с кровати, чтобы потянуться к самому родному человеку на свете.

— Пап, только не ругай меня, ладно?

— Ты что, Лин… — Тонкие руки Кристиана обнимают исхудавшего мальчика, а в висках бьётся тревожная мысль: когда в последний раз он слышал от сына эту фразу? Утро, балкон, лагерь, взлом… — Ты жив, это главное.

— И Кира тоже, — шепчет Лин, кладя горячую голову на колени отцу.

Кира?

— Так вы летели вместе?

— Ну да. Пап, она классно водит, правда. Просто у неё руку невовремя заклинило, и до сих пор не удалось до конца

восстановить кинетику. А всё эти бесплатные обновления из поликлиники, говорил же ей, нафиг их…

Вот она, точка восстановления.

— У меня в команде есть один классный доктор, — порывшись в недрах планшета, Крис вывел голограмму визитки одного из своих сотрудников. — Передай его контакты Кире, пусть скажет, что от меня. Он ей всё бесплатно поправит. И даже не думай спорить со мной, Лин. Я тебе никогда не указывал, что делать, но, ёлки-палки, сейчас тот самый момент…

— Ладно, ладно, па. Только маме не говори. Она от одного имени Киры становится как демон, призванный из ада, — Лин слабо улыбнулся. — Это даже Хидео заметил.

Момент истины, Крис. Закрой глаза и ныряй уровнем ниже, протяни руку своему сыну, вконец ослабевшему от выходок тёмной богини.

— Маша тебя не обижает?

[ты пока не хочешь возвращаться домой?]

— Нет, у нас всё путём. Она мне разрешили балкон разрисовать, только у меня с собой фоток нет.

[я ушёл туда, где меня смогли принять на равных]

— И на собрания в школу тоже она ходит?

[а что творится сейчас с Линдой?]

— Один раз Хидео был. После этого наш нравственник перестал ко мне докапываться. Второй раз пришла мама.

[с Рафаэлем под ручку]

— Лин, пиши мне о собраниях и вообще… Если ты думаешь, что мне сложно прилететь…

[я никогда не оставлю тебя одного, моё плечо всегда рядом]

— Не парься, пап, всё хорошо. Дяде Саше привет.

[поправлюсь, сам к вам летать буду каждые выходные]

— Передам. До встречи, Лин. Люблю тебя.

— Я тоже, пап. До связи…

* * *

На безрыбье, как говорится…

Жалкие семь листов, наспех выдранных из незавершённого отчёта, Ухтомский прочитал трижды: первый раз — по диагонали, только чтобы убедиться в том, что это действительно нужные материалы, второй — с плохо скрываемым волнением, а третий — нарочито спокойно, наслаждаясь выражением лица дипломника Бубнова, который мялся и потел, в молчании стоя перед столом учёного.

— Хорошо, давай сюда титульный лист, я распишусь, — изрёк, наконец, горе-рецензент.

Едва получив желаемое, Витька понёсся по коридору на выход, но Ухтомскому уже было плевать на него, ибо на этом клочке текста, что был написан его неведомым коллегой, учёный увидел тревожное подтверждение своим гипотезам, о которых Олег Волков, биоинженер, однажды отозвался коротким словом «паранойя».

И на Олега Ухтомскому также было решительно плевать, ибо настало время серьёзного разговора с руководителем, чью фамилию он поначалу считал несклоняемой, а когда выяснилось, что она-таки склоняется, её владелец успел приучить всех к «просто Крис».

— Они засекли проблему, о которой я тебе говорил ещё перед самым релизом, — ворвавшись в кабинет Кристиана, с порога выдал Ухтомский, не обратив ровно никакого внимания на Шанкара, который пристроился в кресле около окна.

Крис рассеянно глянул на учёного и вскинул руки, словно дирижёр, который пытается утихомирить не в меру разошедшийся оркестр.

— Кто «они»? И какая именно проблема, Андрей?

— Эти, из Института, — пояснил Ухтомский. — У некоторых людей наномашины выходят на полную мощность помимо желания, даже тогда, когда им не надо горы сворачивать. Самоконтроль отказывает, и они просто сгорают… Живут словно в ритме «год за семь».

Шанкар приподнялся с места. Крис замер, как стоял, лишь с губ сорвалось отчаянное:

— Кто-то снова умер… из-за меня?

— Нет, нет, всё обошлось, — взмахнув распечаткой, заверил Ухтомский. — Этим товарищам откачали наномашины, исключили из исследования, да и дело с концом. Но это сейчас, пока у нас всё под контролем. А нужны ведь лонгитюдные исследования, года два минимум, да, я помню, у нас второй этап на носу, но какое, к чёрту, семантическое кодирование, если…

— Я понял, Андрей, понял, — несколько раз тихо повторил Кристиан, прежде чем Ухтомский кое-как овладел собой и выдал финальное:

— Давай запросим у Заказчика разрешения на полный двусторонний контакт с Институтом, а? Что мы с ними, как неродные?

— Попробую, — прикрыв глаза, кивнул Крис. — Но учти, обещать ничего не могу. Всё, ребята, хорош впахивать. Давайте по домам.

Согласно правилам воздушного движения, сон за штурвалом не допускался даже в режиме автопилота, но система аэроцикла, которую Овер поимел во все доступные и недоступные места, покорно молчала, не смея нарушить лёгкую дремоту серокрылой птицы, летящей сквозь ночь по маршруту «Санкт-Петербург — Ладога».

Крупные хлопья пушистого снега залепили Кристиану глаза. Пришлось опустить прозрачный щиток на шлеме почти до упора, оставив лишь узкую щёлку для свежего воздуха.

Яркие огни предновогоднего Питера остались далеко за спиной, а впереди Овера ждали несколько часов одинокого полёта сквозь бесконечный ночной снегопад. Едва вырвавшись за черту города, хакер по привычке выжал рукоятку тяги до максимума. Летящий навстречу снег превратился в звёздные скопления, размазанные по периферии внешнего обзора, а машина Криса стала космическим кораблём, готовым вот-вот перейти в подпространство. На секунду Оверу вспомнилось, как маленьким мальчиком он выдал маме гордое: «Хочу стать космонавтом! Вот будут мне говорить: „Вставай на работу, а то опоздаешь, сходи в магазин, вынеси ведро“, а я не могу, я в космосе!» Мама тогда долго смеялась, а потом отчего-то заплакала. Боги, целых сорок лет ты не понимал причины этих слёз, а сейчас что с тобой, Овердрайв?..

К чёрту. Поднять противоударное стекло, открыть лицо ветру и врубить первую попавшуюся песню в плеере. Боковая сенсорная панель выдаёт лёгкую искру: то ли где-то в электронике снова пробой, то ли в нём самом…

> I crossed the deepest seas to reach the guarded shore
> And cherish all of what is worth to be adored,
> I crossed the deepest seas
> It’s like a vision of the perfect symmetry…[13]

Трек, который легко можно убрать в фон — стандартные сэмплы, незамысловатый мотив, но привычка Кристиана переводить текст на ходу уже взяла своё.

> Я пересёк глубочайшие моря, чтобы добраться до охраняемого берега
> И сберечь всё то, что достойно обожания.
> Я одолел глубокие моря,
> Это как видение идеальной симметрии…

Две широких волны на экране осциллографа. Частота одной, кажется, чуть выше, и из-за этого через равные промежутки времени волны то встают в противофазу, то накладываются друг на друга. Очередной запрос синхронизации. Как ты там, светловолосый кодер?

Глаза на миг застилает тёмная картинка: комната на первом этаже ладожского домика, освещённая лишь тусклой заставкой на экране ноутбука, и внезапный серебристый отблеск на диване. Мой летний плащ? Вроде бы я его оставил на вешалке… Да без разницы. Ты-то где, Охотник?

> Foolish dreams to face reality is like a gift of race,
> No casualty seems hard to find
> Until you slip into my world…[14]

> Глупые мечты встретиться с реальностью, как приз в соревновании,
> Мне ничего не стоило найти приключений на свою голову,
> Пока ты не пришёл в мой мир.

Левая турбина аэроцикла выдаёт сообщение о перегреве, вынуждая Криса слегка притормозить воздушную машину. Ох, турбина — всего лишь повод, признайся себе, Овер. Истинная причина — там, на Ладоге, и ради этих невозможных синих глаз ты сбрасываешь скорость на несколько процентов от технического максимума.

Ну наконец-то.

Выдохнуть перед дверью, почти на ощупь вставить ключ в замок и ворваться внутрь, заполняя себя до предела этим запахом смолы, корицы, старых книг и ещё чего-то неуловимого, что и позволяет назвать это место своим домом.

— Охотник?..

Тишина.

Наверное, спит наверху после своей бурной ночи и целого дня наедине с кодом. Я, конечно, всё понимаю, симметрия, но не уподоблялся б ты мне, Алекс…

Не включая свет, Кристиан с размаху плюхнулся на диван и в следующую секунду вскочил, как ужаленный.

Боги, Охотник…

Невнятный стон из глубины пледа, в темноте принятого Овером за кучу неразобранных шмоток, заставил хакера упасть на колени перед диваном и осторожно развернуть край шерстяного

полотна.

Исхудавшая рука протянулась навстречу Крису и была немедленно поймана тонкими пальцами, в данную конкретную секунду горячими от стыда.

— Прости, Алекс, — прошептал Кристиан. — Ты как там?

Очередной стон, и рука болезненно отдёргивается назад.

— Птица… — Охотник заходится в мучительном кашле.

Крис ныряет в глубину пледа, сквозь запах июльского ветивера, и дотрагивается губами до лба Алекса. Чёрт возьми, да на тебе воду кипятить можно, Охотник. Пресвятой коннект, что же заставило тебя выбежать на улицу в одном моём плаще почти на голое тело, пока меня не было рядом?!

— Эй, Охотник, отзовись, — тревога в голосе Криса грозится взлететь до критической отметки. — Что с тобой, а?

— …а я говорю, полетели, поищем, там впереди Арбат, — сбивчивым шёпотом выдаёт Алекс, — От него по касательной вверх, и к чертям городские огни…[15]

Стихи?.. Ну всё, финиш.

Метнуться к чайнику, выловить в холодильнике лимон, распотрошить аптечку в поисках чего-нибудь жаропонижающего, и слышать, как Алекс судорожно выдыхает строки неизвестного стихотворения вперемешку с диким кашлем.

— Пей давай, — Крис пытается поднести кружку с тёплым чаем к губам Алекса, и тот сначала мотает головой, но опыт не пропьёшь, Машка в детстве мотала головой ещё сильнее, а накормить-напоить её я всё равно успевал. Так будет и сейчас.

— Мы летим вдвоём… далеко… высоко… и долго[16], — когда в чашке остаётся чуть меньше половины, Охотник закрывает глаза, добивая Овера последней строкой, и без сил падает в его объятия.

Кое-как забравшись с ногами на диван, Крис кладёт голову Алекса на колени, и снежно-белые волосы широкой волной падают на лоб простывшего кодера, а половину лица закрывает серебристый воротник плаща. Моего плаща, вообще-то. На секунду Кристиана охватывает непреодолимое желание залезть к Алексу в горячую голову, узнать, что он тут ещё отколол в гордом одиночестве, но усилием воли Крис гонит эту мысль к чертям, ибо если Алекс жив, то всё остальное — не более чем производная, а потому с лёгкостью подождёт до утра. Спи, родной. Мои руки на твоих плечах, а лёгкий поцелуй в горло — плюс сто к действию тёплого шарфа. Я хочу знать только одно, но, боюсь, ответа мне не дождаться вовек. Когда ты успел так поседеть? Когда моё солнце превратилось в луну, Охотник?

* * *

Боги Сети и пресвятой коннект! Да, за это стоило отвалить денег…

Не удержавшись, Рафаэль хлопнул в ладоши, и система видеозахвата на его компьютере восприняла жест аргентинца как руководство к действию, развернув полученные от Алекса файлы во всю ширь экрана, словно гадалка — свои карты.

Выстрел, пулю для которого в пистолет Рафаэля вложила Линда, грозил попасть точно в цель. И теперь оставалось надеяться, что, получив в начале января письмо от «Div-in-E», жалкая команда, ставшая единственным конкурентом крупной компании, добровольно сойдёт с дистанции, после чего Рафаэль сможет перехватить желанный грант, не нарушив ни единой буквы закона.

Так, и что теперь у нас на руках?

Полный ассортимент модулей рабочего кода — валет червей, хорошо, но ожидаемо. Версия подчинения и контроля — это, пожалуй, дама и король, с которыми стоит познакомиться поближе. А в этой папке что?

Разорви меня протокол передачи данных, это самый настоящий пиковый туз в рукаве.

Пустые пока ещё трёхуровневые соты, от каждой из трёх прозрачных, как тонкая льдинка, ячеек отходит прочный серебристый провод, паутинка, блестящая на осеннем солнце. Паутинки сплетаются в косу, еле заметно колышутся на ветру, уходя высоко в небо, и теряются там из виду.

Система адресации телепатического сигнала по семантическому образу. То же простое изящество и многомерная функциональность, та же чувствительная, гибкая подстройка под запросы пользователя, как и тонкие пальцы сероглазого кодера, создавшего это чудо.

Нет, невозможно забыть, как ты, Крис, выкладывался тогда на пару с Алексом, создавая эмулятор для сына, неспособного входить в транскод. Как ты, обессиленно свалившись на пол, доверил мне закончить внешнюю оболочку программы.

Чёрт подери, Овер, можно ли ещё пофиксить критическую ошибку в наших с тобой отношениях?

* * *

Заняв своё место в бизнес-классе белоснежного «Боинга», который должен был унести его к далёким берегам

недружественной державы, агент Джон Кэтсман, он же Иван Кошкин, законопослушно пристегнул ремни и закрыл глаза. Он откроет их тогда, когда самолёт возьмёт разгон и оторвётся от земли. С детства Иван любил тот миг, когда стальная машина резко уходила в небеса, даря своим пассажирам мимолётное ощущение невесомости, отдающееся щекоткой в горле, и очень расстраивался, если кто-то отвлекал его внимание в эти краткие секунды истинной свободы.

Когда «Боинг» набрал высоту, оставив далеко внизу заснеженную столицу, бескрайнюю пуховую подушку облаков, и пошёл убаюкивающе ровно, будто замерев на одной точке среди синей бесконечности, Иван принял горячую коробку с обедом из рук вежливой стюардессы и углубился в изучение материалов предстоящей миссии.

Оставив за спиной долгие часы психологических обследований, когда он сидел, увешанный датчиками, как новогодняя ёлка гирляндами, и месяцы секретных тренировок, во время которых ему пришлось извлечь на свет божий не только идеальное знание английского языка, навыки стрельбы и ближнего боя, но и полузабытые способности к проведению точных инженерных расчётов — сначала во имя восторженного стремления к звёздным мирам, а затем во имя получения заработной платы, Иван несколько раз перекатил на языке до сих пор немного непривычное «Джон», а затем развернул перед собой тонкий лист планшета, полностью непрозрачный со внешней стороны. Что ж, на уровне действия от него требовалось не так уж и много — как можно больше времени проводить в главной испытательной лаборатории американского космического проекта «Black Horse», внимательно слушать разговоры, ещё внимательнее смотреть на чертежи будущего корабля, скользить взглядом по плавным изгибам его каркаса высотой с двадцатиэтажный дом, подсвеченный нестерпимо яркими огнями лазерной сварки, и при этом ещё умудряться выполнять свою основную работу, которая, по легенде, и привела его в этот проект — рассчитывать поправки к будущему курсу межпланетной махины, призванной стать первым кораблём новых Колумбов, грезящих о скором покорении багровых марсианских песков.

А что до уровня тайного смысла, на то он и оставался тайным, что по поводу него Иван получил от Лисовского одну короткую инструкцию: «Скрытые камеры содержатся в чистоте и прохладе, и не забивают себе голову чем попало. Связь может установиться когда угодно. Помни об этом и будь готов».

Январь 2072

«На крыле — броня.
Не убьёт стрела. Взамен
Про полёт забудь».

Лёгким движением пальцев Кристиан свернул электронную книгу со стихами Хидео, к которым Маша недавно нарисовала иллюстрации, и проекция чёрной птицы с хромированным оперением вместе с тремя строками текста втянулась куда-то в нижнее поле си-сферы, оставив его лицом к лицу с нестерпимо белым прямоугольником письма. Кажется, сейчас Крис начал понимать Алекса, который предпочитал сидеть перед экраном, не погружая своё сознание внутрь объёмного, чуть светящегося шара с кучей ярлыков. От экрана можно было в любой момент отойти, оставив его на периферии, и спокойно окинуть взглядом размер тех свиней, которых жизнь в очередной раз решила выпустить на твою дорогу.

Охотник, догнавший мечту. Ради полёта с тобой я отказался от какой бы то ни было брони, и теперь каждый тычок под рёбра мотает меня, словно осиновый лист на ветру.

Глубокий вдох, и на выдохе — ещё раз перечитать письмо.

> 5-JAN-2072
> from: Div-in-e.corp
> to: soulsunite_eur
>
> Настоящим письмом выражаем намерение приобрести исключительное право на разработку «L-Aura» (версия, зарегистрированная 19.09.2071 г.)
>
> В случае отказа просьба ознакомиться с документами по проведению процедуры слияния с одновременным присвоением компании «Souls Unite» статуса отдела разработок компании «Div-in-E».
>
> Проект договора, расширенная калькуляция и прочие документы представлены во вложении.

Кто? Чёрт возьми, кто эта крыса, у которой вода не удержалась в…

Стоп.

Помнится, с этой фразой на устах ван Эйки готовы были сорваться с места и перетрясти полтранскода, а Овердрайву ничего не оставалось, кроме как поймать их за шиворот так,

чтобы взор братьев обратился от жалких актёров к таинственному Некто, стоящему за кулисами.

Во-первых, Институт нейрофизиологии до сих пор имел статус «терра инкогнита» в пространстве координат Кристиана. Кто знает, откуда произошла утечка информации. Да, чёрт возьми, даже если предположить, что кто-то из команды «Souls Unite» разболтал Рафаэлю все тайны разработки, мы же просто-напросто можем отказать ему в заключении договора… Или уже не можем, когда он предлагает сумму, вдвое превышающую размер нашего гранта, а письмо болтается на корпоративной почте, то есть не прочёл его к этому времени только ленивый или потерявший Сеть в новогоднем похмелье, а таковых в команде на данный момент не наблюдалось.

Крис еле слышно застонал. Ну зачем, зачем тебе добивать меня, Санти? Мы же разошлись с миром. Или… это Линда не даёт тебе покоя?!..

Успокойся, чёртово сердце… Нет, конференцию на пять десятков человек я сейчас не потяну.

Классика жанра, анонимный чат: здравых мыслей — одна на сотню, зато ребята сбросят пар и будут более-менее вменяемы, когда Кристиан задаст один-единственный вопрос:

— Продаёмся или шлём их лесом?

А затем останется лишь наблюдать, как на интерактивной диаграмме рядом с узкой полоской тех, кто пожелал сдаться, поднимается монолитный прямоугольник с отметкой «Лесом!»

И всё бы ничего, но в общий чат прилетает короткий текстовый отчёт от Ухтомского, которым учёный размахивает, словно красной тряпкой перед быком. А в заголовке — всего пять слов: «Массовое производство телепатических наномашин опасно!»

— Мы сами не понимаем, что у нас в руках! — вопит Ухтомский. — Вспомните, как осваивали атом. Мечтали о полётах в космос, а создали ядерную бомбу!.. А ещё это ваше семантическое кодирование…

— Не дадим Рафаэлю нажиться на наших идеях! Кукиш ему с маслом! — голос Дарины перекрывает пламенную речь Ухтомского, и неожиданно находит столь широкую поддержку, что бухгалтера собираются качать на руках, благо в транскоде можно поднять любой вес, если очень захотеть.

— А если нас Заказчик к стенке припрёт? — чей-то робкий голос пытается образумить собравшихся.

— Мы сдали первый этап, по договору всё выполнили, — невозмутимо отвечает Шанкар. — А над системой адресации мы начали работать неофициально, ещё документов нет, и неясно,

будут ли они…

Крис стоит чуть в стороне, небрежно привалившись к шершавой бревенчатой стенке так и не доделанного сайта, и глаза его закрыты. Подскажи мне, река-под-рекой, что дальше?

…Отпечатки следов заливает вода,
А ушедших вперёд не догнать никогда.
Но раз вышел к болоту — не ной,
Даже если не видно дороги прямой,
Даже если тропинка ведёт в никуда —
Лучше в омут дурной головой,
Чем с позором вернуться домой…

Судорожный вдох.

Сжатые в кулак пальцы медленно раскрываются, лёгким движением ложатся на тёплые стены уютного деревянного домика, очертания которого Крис неосознанно скопировал с дома на Ладоге, добавив пару футуристических элементов типа зеркальных окон пятиугольной формы.

С губ рвётся горькое: «Простите. Простите меня за всё». Крис резко откидывает голову назад, больно ударившись затылком об острый угол сруба.

— Форматируем всё к едрёной матери, ребята?

Уходить, позволяя врагу разрушить твой дом, и рушить его своими руками — это две абсолютно разных реальности.

Кодеры отходят на безопасное расстояние, и Крис остаётся в дверях сайта, один на один с той задачей, которую кроме него, никто не вправе взять на себя.

Тонкие пальцы на автомате генерируют силовое поле, и Крис сводит ладони, рождая меж ними миниатюрную чёрную дыру. Где-то позади слышится отборный мат: не стесняйся, Тимур, такое видят лишь однажды.

Первая комната. Программный код наномашин, ушедший в релиз. Ещё год — и у всех участников пилотного эксперимента нанороботы запросятся домой за обновлениями, а дома-то уже и след простынет, и через месяц после сбоя подключения код остановится сам, выкидывая людей из чудесного сна о сверхспособностях в прежнюю обыденную реальность, к себе настоящим.

Простите, смелые мечтатели.

Вторая комната. Две ранних ошибочных версии с рабочими названиями «Укэ» и «Сэмэ» — код абсолютного подчинения и абсолютного доминирования, имя которым дала Таша, одна из лаборанток, страстная поклонница японских комиксов про

нетрадиционные отношения. Версии, которые Тимур не стёр только потому, что Ухтомский умолял оставить их в «научных целях». Прости, Андрей.

И, наконец, третья комната. На полу раскиданы модули незавершённой работы над системой адресации телепатического вызова. Системой, создание которой Заказчик поручил команде словно в насмешку над её руководителем, зная, что тому известен способ, с помощью которого можно работать с виртуальными образами людей. А может быть, Ухтомский и прав. Не пришло ещё время для этой технологии. Слишком опасно делиться ею со всем миром. Кто по своей воле отпустит синюю птицу в небо, если ему вручить нитку, привязанную к её лапке? Кто удержится от искушения надеть ошейник на доверчиво обнажённое горло?

Во многих знаниях — многие печали, истинно так.

И пусть эти знания останутся только в моей памяти, как невысказанные образы далёкого будущего, которое может настать где-нибудь на Земле-2, но не здесь и не сейчас.

Мысль изречённая есть ложь.

Зарычав от напряжения, Кристиан удерживает границы чёрной дыры ещё пару секунд, а затем резко отбрасывает сферу абсолютного, всепоглощающего холода прямо в стену сайта.

> Три… Две… Одна…
> Сундук за чёрной дверью без дна,
> Желание побега сведёт с ума.
> Ключ у летучей мыши в зубах,
> С рассвета лучами исчезнет страх[17].

Разряд.

Всё, что минуту назад было текстурой, цветом, звуком и теплом, покрылось коркой чёрного, ледяного, горького на вкус пепла, но не развеялось, нет. Просто исчезло без следа, открыв вид на сияющий огнями город.

Это конец? Финальная строка кода, острый серп закрывающей скобки?

Пошатнувшись, Крис упал на колени и слабо махнул рукой, обозначая конец собрания. Все вопросы потом. Боги Сети, нет больше сил вести за собой…

Ещё никогда тебя, Овердрайв, не накрывало прямо в транскоде, вот и на этот раз надо успеть разлогиниться до того, как…

А уж сбежать на заснеженный ладожский берег он успеет. Главное, чтобы Алекс не кинулся следом.

Внезапный грохот вывел Алекса из безмятежного спокойствия, в котором он пребывал последние несколько часов этого умирающего январского дня. Временами накатывало вот так: в тишине и сумерках тот-что-внутри выходил наружу, скептически оглядывал лежащее на кровати тело аскета с копной серебристых волос и начинал грезить о том, чего не случилось. Без тоски, без грусти, без зависти.

Просто если б не было заразы в груди, никогда бы не ценил минуты тишины и солнечный цвет.

Просто если б не было Криса, стал бы обычным никому не нужным человеком с пеплом внутри.

Просто если б не было смысла в каждой минуте жизни, давно уже уехал бы к Волчьему камню.

С размаху хлопнула входная дверь. Алекс метнулся к окну. Серая тень, припадая на правое колено, сломя голову пересекла двор. О да, он обещал не мучить вопросами, не заставлять договаривать, не пытаться заглянуть в глаза, когда Оверу плохо. Но это касалось только дома на Ладоге, иезуитски добавил про себя Алекс, сбегая по лестнице на первый этаж и хватая с вешалки первую попавшуюся тёплую одежду. Только дом, но не берег.

Не надо было быть Охотником, чтобы проследить путь Овердрайва. Следы отчетливо виднелись на свежем снегу. С первыми снежинками, упавшими на лицо, Алекса накрыла волна паники. Не такой обычной человеческой паники, от которой просто мечешься как ненормальный, не зная как жить дальше, а вполне осмысленной паники, не мешающей телу двигаться на автопилоте. Поворот едва заметной тропинки, большой талый след с отпечатком ладони в нескольких десятках сантиметров впереди… Ты упал, Овер, но нашёл в себе силы подняться. Боги Сети, если я сейчас бегу, то как же нёсся ты тогда?..

Берег Ладоги. Покатые серебристые скалы, ныряющие прямо под корку сизого льда. И на них лежит сломанный пополам человек, тонущий в снегу, как в реке-под-рекой, безвозвратно, захлёбываясь, теряя воздух на выдохе и не делая вдох. И вопреки всей логике вещей, Охотник не бросается с разгону на колени перед тем, кто ему дороже всего на свете. Он подходит осторожно, расстилает на снегу схваченную впопыхах куртку и склоняется над серокрылой птицей. Перенести её со снега на ткань, завернуть в пальто, скинутое с плеч, — дело одной минуты.

Горячие ладони. Одна на спину, другая — на последнее ребро, чуть ниже того места, где пульс рвётся из привычных обывательских рамок равномерности. И на этот раз дышать не в такт. Дышать спокойно, чёрт побери. Забирать себе этот клин, что

вбили считанные минуты назад в грудь Овера.

— Охо-о-отник…

Тише, Овер, тише. Только дыши, пожалуйста, Что бы ни случилось в том, другом мире, который ты упорно пытаешься сшить алой ниткой с моим, ты нужен мне. Я не Ткач, я в этом тебе не помощник. Если скажешь слово — я готов исчезнуть с твоего горизонта, но только вряд ли кому-то от этого станет легче, кроме наших жён.

Минуты текли нестерпимо долго. Но Оверу не становилось легче. Хрупкое тело била дрожь. Не в силах вдохнуть полной грудью, он прятал лицо на груди Охотника, невнятно шепча что-то успокаивающее, от чего становилось лишь невыносимей. Алекс тихо выругался. Огонь уже был бессилен спасти от этого приступа аритмии. Тогда, быть может, вода… Живая. И мёртвая?

Алекс разомкнул объятия, опуская Овера на уже начавшую подмокать куртку. Я здесь, родной, не волнуйся. Я лишь отойду на пару шагов.

Духи Севера, сжальтесь надо мной.

Удар кулаком об лёд. Вложить в него всю силу, и надеяться, что январские дожди и оттепель в прошедшие выходные помогут достучаться до воды и до небес.

Короткий вскрик. Тёмная ледяная вода обожгла рассаженные в кровь костяшки. Охотник зачерпнул горсть, смыкая пальцы так крепко, что пробило нерв где-то в локте, но сумел донести живительные капли до пылающего лба мечущегося короля. Тот вздрогнул всем телом, возвращаясь в реальность. Отлично.

Охотник вытащил из кармана пальто свой обычный набор «на всякий пожарный»: стерильный пакет и ампула с анальгетиком. Мёртвая вода. Нет, Овер, не делай такие глаза. Не целую дозу, лишь четверть, чтобы снять этот дикий спазм в твоей груди, чтобы ты, наконец, смог отдышаться.

— Руку.

— Не… надо… Уже лучше.

— Разве я спросил, хочешь ли ты?

Тонкая рука тянется навстречу. Пальцы кажутся холодней ладожской воды.

Коннект.

Соединение установлено.

Алекс, почти не дыша, закатал рукав на руке своего короля. Боги Сети, сколько следов от инъекций… Что я знаю о тебе, Овер? Мне думается, что вообще ничего. Ладно, потом вопросы. Отточенным движением он вогнал иглу под почти прозрачную бледную кожу, отдавая мёртвую воду хрупкому телу. Да, не как в сказке, но иного способа вытащить тебя я не знаю.

Сработало. С трудом преодолевая спазм, птица начала дышать ровнее, запрокидывая лицо к низким январским тучам, готовым в любой момент обрушить снежный заряд на Великую Северную глушь. Плевать на то, что сам уже на грани, что в груди вспыхивает факел… Алекс тихо выдохнул, прижимая к груди Криса. Под веками плыли фиолетовые пятна, сталкиваясь и проникая сквозь друг друга. А теперь, пока не разорвано соединение, я должен впервые заставить тебя сделать выбор, Вебер.

— Ты читаешь мои мысли, Овер, — прошептал Охотник, прижимаясь лбом ко лбу своего короля. Испарина к каплям растаявшего снега. — Не отговаривайся. Я не сержусь на это. Но сейчас я приказываю тебе их прочесть. Ради всего того, что есть между нами…

«…я прошу от тебя решения одной маленькой проблемы. Ты не рассказываешь мне всего. Ты лжёшь во благо. Ты прячешь от меня боль, как будто от этого она исчезает. Я готов играть по твоим правилам, но эта игра затягивает, Овер. Однажды мы оступимся, решая, что для другого благо, а что нет. И это уже будет переписывание чужого кода под себя, под свои мысли и понимание. Что ты выберешь, Овердрайв? Стену благой лжи или нестерпимо обжигающую симметрию истины?»

Распахнуть глаза. Слишком близко, боги…

Киловольты и синее пламя.

— Мы друг в друге увидели столько… что до сих пор… стоим у порога[18]… — если не знать, что это песня, никогда не догадаешься по сбивчивому шёпоту Кристиана. — Я никогда не хотел лгать тебе… и сейчас не собираюсь. И прости, что заставил тебя задать этот вопрос… Алекс.

«Ты не хотел отдавать мне свою боль, а теперь хочешь разделить мою?.. Хорошо. Вот он я, без блокировок, без паролей… Всё, что хочешь знать обо мне… спрашивай. Но, умоляю, отныне не проси меня решать за двоих, Охотник. Никаких больше „Выбирай сам, Овер, админские права у тебя, а я тут в сторонке постою“. Высказывай своё мнение, хоть вслух, хоть… так. Я ловушек тебе ставить не собираюсь. Прошу, оставайся со мной тем, кто ты есть. Рука об руку. На равных. Да, Алекс, это симметрия. Это баланс, чёрт возьми, без которого не пройти по мосту над пропастью. Договорились?»

Синхронизация. Алекс коротко коснулся губами тёплой щеки Криса.

«Да, Овер. Я останусь твоим и буду рядом, как бы ни было трудно. Потому что я всё равно не смогу уже уйти на дальнюю орбиту».

Домой. Мне ничего не стоит взять тебя на руки и пронести эти несколько сотен метров через уходящую вразнос январскую метель. А завтра утром мы полетим в любую клинику, где будут готовы принять, и поставим обновления на твои наномашины. Деньги уже две недели как на твоём счету, а ты старательно культивируешь в себе не только избирательную глухоту, но и избирательное зрение. Но больше я это терпеть не намерен. Быть может, если твоё сердце будет биться ровно, то моя совесть, наконец, заткнётся и перестанет вместе с заразой грызть меня изнутри.

Ибо ради тебя, Овердрайв, я готов на всё.

* * *

— Лин, да ты рехнулся, — с порога выдала Мария, размахивая смартфоном, на экране которого светилось уведомление о сумме, поступившей на её счёт с пометкой «Моя первая зарплата для сестры». — Откуда это?..

Вместо ответа Лин сунул ей помятую листовку с призывом участвовать в исследованиях на благо личности, государства и светлого межпланетного будущего, добавив:

— Не парься, Маш. Это было абсолютно безопасно. Мы с Кирой как следует вникли в…

— …срочно его увидеть! — матовая дверь палаты едва успела отъехать в сторону под напором темноволосой фурии по имени Линда. — Во что ты ввязался на этот раз? И так здоровьем не блещешь, нет, надо себя совсем угробить. А тебе, Маша, на брата наплевать, да? В упор не видишь, чем он там занимается?

— А ты, мам, откуда узнала? — напряжённо прищурившись, спросила Мария.

— Эти ваши учёные наконец-то догадались прислать уведомления родителям. Папу не жди, он ради тебя за семь вёрст не…

— Непр-равда! — вскрикивает Лин, привстав на кровати, и Маша ловит его за руку, пытаясь утихомирить парня прежде, чем мать успеет воспользоваться эмоциональным порывом своего сына, но уже поздно, и фурия почуяла запах свежатинки.

— Лин, а ты внимательно читал условия договора? — чуть наклонив голову, спросила Линда. — Там написано, если пациент несовершеннолетний, оплату принимает его законный представитель. Так что спасибо, конечно, ты мне очень…

— Не тебе, мам, — Лин молниеносно овладел собой, и теперь с Линдой вновь разговаривала бесстрастная маска

информационного бота, каких полно на перекрёстках городов транскода. — Хидео подписал согласие быть моим законным представителем, и я провёл деньги через его счёт.

Линда судорожно втянула воздух в грудь, словно готовясь разразиться длинной тирадой, но потом как-то резко сникла, почти равнодушно пожала плечами и тихо сказала:

— О, ну раз ты уже взрослый мальчик, то в состоянии сам себя обеспечивать. Не сегодня так завтра возьмёшь в жёны эту свою Киру. Ой, а где же вы жить будете? А где придётся, сынок, потому что про свою долю в моей, — Линда сделала упор на это слово, — в моей квартире и думать забудь. Ты понял?

— Мам, да при чём тут… — попыталась вклиниться Маша, но Линду уже несло.

— Считай, из-за папы ты её потерял, вот пусть он тебе и помогает! А так хоть бродячими артистами становитесь. Детей с Кирой наплодите и можно цирк уродов открывать, что… Ай!

Пластиковый стакан с томатным соком, пущенный меткой рукой сына, летит прямо в лицо Линде. Густая красная жидкость обдаёт ей грудь и растекается по ярко-зелёному платью, словно бутафорская кровь. На секунду Линда замирает, как вкопанная, не зная, что ей отыграть — то ли смертельно раненную мученицу, то ли разгневанную валькирию, но жизни в ней слишком много, чтобы упасть в обморок, а ярости отчего-то оказалось меньше, чем нужно для того, чтобы схватить обездвиженного Лина за шкирку и влепить ему пощёчину.

Не вынеся внутреннего раздрая, Линда поворачивается к выходу и вылетает в коридор, в бессильной злобе ударив кулаком по светлой матовой створке, которая снова не успела раскрыться перед ней.

Секунду спустя только тяжёлый аромат восточных духов да размытый алый след на двери напоминают о внезапном набеге тёмной богини.

— Мда… — первой нарушает молчание Маша. — Предлагаю так. Завтра мы с Хидео забираем тебя на выписке, пару дней ждём и летим к отцу. Это уже ни в какие ворота не лезет… А сейчас ложись, я уберу тут всё, не будем медсестру звать.

* * *

— Олеся, я не успел добавить график частотных распределений, — Лисовский подскочил на месте, прервав своё хаотическое перемещение по лаборатории. — Вставь его в отчёт на тридцатый лист, я там место оставил, и скинь мне, пока я в

пути.

Олеся молча кивнула. Мда, признайся, пан Георгий, что даже таких отшельников, как ты, приводит в трепет необходимость предстать перед начальством, особенно когда они ждут от своих подчинённых «пятилетку в четыре года».

Едва с тихим чваканьем закрылась дверь лаборатории, Олеся развернула текст на широком экране своего монитора. Пара минут, и график занял положенное место. Машинально поправить пару опечаток и… Так, а что это ещё за раздел?

> «5.1. Возможные побочные эффекты применения наномашин для установления сверхдальней телепатической связи.
>
> В двухста восьмидесяти случаях из четырёх тысяч было зафиксировано резкое ухудшение общего самочувствия респондентов, отмечались нарушения оперативной памяти, зрительно-моторной координации, бледность и сухость кожных покровов, снижение остроты зрения… Запрос субъективной оценки состояния лиц данной группы показал, что участники исследования (дословно) „чувствуют себя старше своих лет“, „выжаты до предела“ и „не в состоянии жить, словно за двоих“.
>
> С учётом продолжающегося набора данных требуется уточнение причин данного явления, однако, если процент подобных случаев превысит критическую отметку 1 % от общей выборки, то, согласно международным критериям применения медицинских препаратов, использование наномашин в целях, заявленных Заказчиком, будет представляться небезопасным для здоровья…»

Ты умом тронулся, Лисовский? Сначала соглашаешься играть с огнём, а теперь рубишь правду-матку в лицо тем, кто согласился тебя спонсировать? Да за такие выводы твою лабораторию мигом прикроют. Тебе-то, может, и всё равно, а вот мне…

Нельзя этого писать. По крайней мере, сейчас.

Лёгкое касание, последняя правка.

> > delete

— И есть ещё кое-что, — письменная речь давалась Лисовскому не в пример легче устной, и под конец невыносимо официального доклада учёному до чёртиков хотелось ввернуть что-нибудь разговорное. — Мы зафиксировали почти три сотни случаев, когда наномашины вызывали ухудшение состояния

добровольцев… Где-то тут были сканограммы этих пациентов… Да что ж такое…

Глава Департамента безопасности молча ждал, буравя учёного тёмными глазками, но Президент, похоже, ждать был не намерен.

— Продолжайте исследования, Лисовский. И вот ещё что. С февраля вы будете работать с новым соисполнителем. Компания называется «Div-in-E». Дальнейшие инструкции будут высланы вам на электронную почту.

* * *

Прожитый в отшельничестве год на Ладоге не прошел для Алекса бесследно. Нехватка личных контактов, узкий круг общения и уютная, но всепоглощающая тишина маленького дома сделали его дикарем, а точнее, вернули в юношеское состояние замкнутости на себя и боязни всех и вся. Когда-то давно он смог перебороть в себе это. Научился не впадать в панику перед телефонным звонком в государственную контору, уверенным движением открывать впервые увиденную дверь, разговаривать с людьми, спрятав огонь так глубоко, что никто и не догадывался о его наличии.

Но сейчас маска уверенного в себе человека давалась с огромным трудом. Он сидел в мягком кожаном кресле в приёмной одной из питерских клиник, из-под полуопущенных век наблюдая за тем, как Крис у стойки администратора заполняет документы. Он стоял вполоборота к нему, в ореоле света январского солнца, водопадом изливавшегося из окна во всю стену. Острые черты лица, вытесанные Создателем из белого мрамора, чуть сглаживались плавным изгибом скулы. И Алекс предпочёл бы не заметить, как молоденькая девушка за стойкой откровенно подвисает, глядя на хакера. Да, Овер, равнодушным к тебе никто не останется, плюс или минус — это вторично.

В противовес Алексу, Крис, кажется, был по-настоящему спокоен, будто проходил процедуру обновления наномашин уже не раз. «Он что-то говорил про перепрошивку… Надо было всё узнать еще тогда… Сейчас уже слишком поздно», — подумал Алекс с тоской. Пару недель назад, на берегу Ладоги, Овер разрешил спрашивать его о чём угодно, но Алекс этим правом не воспользовался. Слишком много накопилось своих скелетов в шкафу из-за нехватки этих чёртовых денег. Алекс прекрасно понимал, что на вопрос: «откуда у тебя на руке столько следов от инъекций?» Крис выдаст истинный ответ. Но симметрия, троян её

раздери, возведённая серокрылой птицей в культ, немедленно озвучит тихим шёпотом: «А откуда у тебя столько денег сразу появилось, Алекс?». И, клянусь, я никогда не скажу тебе этого сам. Снятие блокировок и паролей сметает всё на своем пути, кроме паритета из тайн и нежелания делиться с другом своими грехами.

Неуловимым движением Крис вдруг оказался рядом с креслом. Чёрт, ну как это тебе удается? Наверно, даже не испытывай я к тебе никаких чувств, все равно бы счёл тебя лучшей добычей в жизни. Пусть и испытывая при этом только азарт охоты.

— Всё в порядке? — тихо спросил Алекс, поднимаясь.

Разница в росте снова заставила его встретить разряд кристальной радужки из положения «снизу». Вот же засада, хоть табуретку с собой таскай. Ещё и платформу носит, как специально.

— Да, — Крис вдруг отвёл взгляд. — Они свободны, готовы начать хоть сейчас. Вот, держи документы.

Алекс быстрым движением перехватил бумаги, едва заметно удержав в своей ладони холодные пальцы друга. Ходим по струнке, соблюдаем правила, не нарушаем приличий. После искренности Ладоги питерский официоз угнетал. Ты ведь забыл уже, Охотник, каково это, быть не тем настоящим, какой ты с Овером, а тем, кого хотят видеть в тебе окружающие. Уравновешенным, достойным мужчиной среднего возраста, который для сероглазой птицы минимум — группа подержки, максимум — верный друг. И не более того.

— Идёшь?

Не могу коснуться, не могу сказать, ничего не могу, Овер. Дай мне знак, я теряю ориентиры.

— Ну, раз уж ты меня сюда затащил… — отшутился король, но глаза его на миг вспыхнули.

«Я держу твою руку, Овер. Ведь ничего плохого не случится?»

«Я знаю, Охотник. Пока ты рядом — нет».

Хрупкий мирок был бессовестно разбит голосом с периферии:

— Кристиан Вебер? Вас ждут.

Алекс молча наблюдал, как за тонкокостной фигурой Овердрайва сомкнулись автоматические двери с мутными, будто замёрзшими, стеклами. Боги Сети, пусть плохие предчувствия окажутся марой… Он рухнул обратно в кресло и машинально начал пролистывать отданные Крисом бумаги. Информированное согласие. Просроченный гарантийный талон на наномашины. Короткая медицинская выписка… Алекс перевернул этот листок не глядя. Разобрать шифрованные каракули в графе «Диагноз»

ничего не стоило с учётом толщины его собственной медицинской карты, но смысл, если это ничего не изменит? Хватало того, что с завидной регулярностью сердце Овера уходило вразнос.

Следующим в пачке лежал договор и счёт. Четыреста пятьдесят тысяч за обновление комплекса наномашин. Программа RegulRate 5.0, последняя версия. Разработчик — Институт нейрофизиологии. Алекс едва заметно поморщился. В ходе позиционной двухнедельной войны сначала за сам факт необходимости обновлений, а затем — за выбор клиники, Крис настаивал именно на Институте. Как правообладатель, он держал заметно более низкий ценник, но Алекс даже и думать не хотел об этом. Кошмар лаборатории Лисовского с топчаном вместо операционного стола теперь глубоко сидел в подкорке, да и перспектива случайной встречи с Олесей не радовала. Ведь он так и не отомстил ей за отравленный анальгетик. В душе снова поднялась волна ярости, рука непроизвольно сжалась в кулак. Когда я свёл все части мозаики в единую картину, Олеся, я подавил в себе первый импульс. Ты должна меня знать. Если я до сих пор не приехал к тебе и не избил до полусмерти, если я больше не покупаю у тебя анальгетик и всё-таки ещё жив, то ты не можешь спать спокойно по ночам.

— Кофе? Чай? — тоненький голосок выдернул Алекса в реальность.

Рядом с креслом, чуть склонившись, стояла давешняя администратор с карамельной улыбкой, столь же не вяжущейся с морщинкой между бровей, как и тёмные глаза с хвостом абсолютно белых волос.

— Что?

— Операция будет длиться не меньше часа, — улыбка стала прямо-таки сахарной. — Если вы будете ожидать здесь, то я принесу вам напитки на ваш выбор и свежую прессу.

Чёрт побери, похоже, я безнадежно отстал от жизни, раз кто-то может пить и читать, пока родной человек мучается в операционной! Алекс позволил себе чуть-чуть приспустить маску. Девочка, если ты сейчас в моих глазах не прочтёшь ответ, то ты безнадёжна. И поверь, если у мужика на пальце нет обручального кольца — Крис его снял ещё год назад, а я проходил с этим символом всего месяц после свадьбы, — это не значит, что он готов бросаться на всё, что шевелится.

Администратор слегка отпрянула. Улыбка слетела с её лица.

— Стакан воды, пожалуйста, — выдавил из себя Алекс, стараясь хоть как-то извиниться за удар. — И ещё… Я слышал, у вас есть бесплатная услуга по консультированию у электронного

врача. Без очной встречи со специалистом.

— Для этого нужна полная история болезни в электронном виде, — на автопилоте выдала администратор, все ещё не совсем придя в себя.

— Куда ее отправить?

— Одну минуту, я открою защищённый канал.

Алекс быстро вышел в сеть, благо карта беспроводного интернета уже была в имплантах, и скинул всю инфу о своей заразе. Опять не могу назвать вслух её настоящее имя, чёрт побери. Ну и ладно. Приятно услышать, что «такие уже не живут», когда ты ещё дышишь.

За стеклянными дверьми появилось нездоровое оживление. Громкие голоса, приглушённые звукоизоляцией. У Алекса потемнело в глазах. Нет, что там ещё случилось… Душераздирающая телефонная трель прозвучала как сирена скорой.

— Клиника Альтерме… — администратор осеклась. — Что?.. Но по документам у него стоит штатная программа… Одну минуту…

Алекс стремительно обернулся, получив в ответ разряд от заразы, прошивший грудь наскозь. Администратор мялась с телефонной трубкой в руках, не зная, как задать ему нужный вопрос. На кофе-то не согласился, имени не назвал. Теряешь квалификацию, Охотник. В цивилизованном обществе нужно быть хорошо воспитанным толстокожим носорогом, ты забыл?

— Александр Рыков, — быстро сказал он. — Что произошло?

— У вашего друга в комплекс наномашин поставлена какая-то программа… Не кардиология, понимаете, — девушка совсем растерялась и глянула на строчку из коротких ключевых слов, накарябанных в блокноте. — И там стоит защита от перезаписи. Наши специалисты говорят, что если они попытаются поставить на них RegulRate, то они не отвечают за…

«С хрена ли ты молчал об этом, Овер?!», — мысленно взвыл Охотник, а часть ещё державшихся на волне паники нейронов лихорадочно просчитывала ситуацию. Не можешь использовать старьё, так делай всё с нуля.

— Проведите меня к врачу, — потребовал Алекс, включая давно заброшенный блок навыков «я здесь главный». — Немедленно.

— Я не имею права пускать посторонних, — администратор крепко вцепилась в стойку.

Ну да, ну да. Однако ж мать вы мою пустили энное количество лет назад прямо в комнату диагностики, когда меня накачали радиофармпрепаратом и просвечивали насквозь…

Прямо к пульту пустили. И не надо было быть, чёрт побери, медиком, чтоб понять, что к чему.

Ладно, мама. Ты смогла прорваться, значит, и я смогу. Немногому я хотел у тебя научиться. Но твоя способность пробиваться сквозь стены и барьеры передалась мне по наследству.

— Я. Иду. К нему, — отчеканил Алекс. К чёрту защиту. Я выжгу любого, кто сейчас встанет на моем пути.

Первой пала администратор. Вторым — лаборант, пытавшийся остановить душеспасительным нытьём шторм по имени Александр Рыков. В кабинет врача он ворвался через пять минут после плохих новостей. Разговор был коротким до ужаса.

— Два варианта, — без вступлений заявил пожилой человек в белом халате, нервно теребя в руках очки в роговой оправе. — Либо мы возвращаем всё как есть, либо добавляем новые машины с кардиологической программой. И не отвечаем за конфликт их со старыми, что вполне возможно.

Ну ладно, грёбаный мир. Ты требовал от меня баланса, Овер. Чтоб я высказывал собственное мнение… Чтоб я был твоим админом, другими словами, да? Я не знаю, с какой целью ты перепрошил свои наномашины. Я не знаю, сам ли ты писал код или тебе кто-то помогал. Я не знаю, зачем на них поставлена защита от перезаписи. Но ты никогда не брал в команду плохих программистов. Ты и сам кодер, хоть и зовёшь себя хакером. И ты никогда не бросался в атаку, не имея запасного аэродрома.

— У нас мало времени, — голос врача звучал на краю сознания, как шорох гальки, катящейся по берегу от удара девятой волны. — Он уже двадцать минут подключён к аппарату.

Только бы не ошибиться.

— Запускайте новые машины, — голос Алекса сорвался.

Лаборант за спиной тихо выругался.

— Но это будет стоить… — пискнула сзади администратор, которая вместе с лаборантом была принесена штормом в кабинет врача.

Охотник очень медленно обернулся. Ты крепкий орешек, девчонка. И не будь я уже занят, ей-богу, я бы прямо отсюда увёл тебя в загс.

— Сколько?

— Шестьсот тысяч, — интонации в голосе администратора до боли напомнили о Лисовском. Деловой подход. Ну что ж, любим, умеем, практикуем, как говорил Овер.

Боги Сети, почему я думаю о нём в прошедшем времени? Пора заканчивать.

— Вы ставите машины. Мы отдаём деньги после операции, —

голос Алекса прозвенел металлом. — И вы позволите мне быть с ним. Это не обсуждается.

«Потому что если вы потребуете деньги вперёд, мне придется снова стать хакером и взламывать счёт Кристиана Вебера, который в данный момент наверняка в невменяемом состоянии и не может сам перечислить вам эту сумму», — мысленно закончил Алекс, уже слыша за спиной щелчок двери операционной.

Мысли исчезли. Все до единой. В десяти шагах, в центре большой нестерпимо белой комнаты в анатомическом кресле лежал Крис. Уже не сдерживая себя, сквозь зубы кроя матом всю отечественную медицину, Алекс в один миг преодолел пропасть из зеркального скользкого пола. От лаборатории Лисовского, чёрт побери, было не сильно много отличий. Разве что чище и светлей, потому что мягкие, но надёжные ремни так же притянули Кристиана к креслу, как тогда его самого.

— Охотник… — еле слышно прошептал Крис, с силой откидывая голову назад. — Я с тобой… тут…

Горячие пальцы на виски измученной птицы. Тише, тише… Под твоим затылком мягкая подушка, сколько ни бейся, всё равно не почувствуешь долгожданной отвлекающей боли. Алекс чуть слышно застонал, не в силах выдержать зрелище беспомощного Овердрайва. Инстинкт защищать и обрегать, пусть даже в ущерб желаниям объекта защиты, требование внутреннего эгоиста решать за другого, рвущееся из глубины «ты мой, Овер» — всё проснулось разом, разрушая искусственно созданный мир абсолютного принятия и безусловной свободы.

Два тонких катетера соединяли руки Криса с хрустальной пирамидой, в центре которой, над непрестанно бегущим потоком крови клиента, блестела горстка серебряной пыли.

В операционную почти неслышно проник лаборант в полном обмундировании для помещения высшего класса чистоты, на вытянутых руках неся какой-то контейнер. С мягким «вжик» лаборант вставил его в дно пирамидки. Через пару секунд серебряной пыли в ней прибавилось.

Лаборант подошел к Алексу вплотную. За маской Алекс видел только его глаза. Полные плохо скрываемого страха.

— Там… За дверью… Бригада реанимации, — с трудом разобрал Алекс. — Если он начнёт задыхаться, сразу к ним. Через минуту… начинаем.

Алекс закрыл глаза. Это было уже слишком. Какую же свинью я подложил тебе, Овер, когда не сдох от потери крови, когда отдал тебе админские права на себя… Теперь я понимаю, почему ты выдержал всего год с этим статусом. Я не выдержу и месяца.

— Спасибо, что ты рядом… свет мой, — тихий шепот Криса

заставил Алекса вздрогнуть. — Обними меня, Алекс…

Чёртова реальность. Мне не отдать тебе свои силы, Овер. Это всё фикция, бред нашего воображения. Вот я кладу свои ладони на твои хрупкие плечи и сжимаю пальцы. Я чувствую, как под ними концентрируется мой жар, но это самообман. Это ничего не изменит.

Мягкий звон заполнил уши. Словно в замедленной съёмке Алекс увидел упавшую в поток крови серебристую пыль. Крис с глухим стоном выгнулся дугой, силясь вырваться из захвата фиксаторов. Чёр-р-рт, как же это похоже на мою боль… Какую силу воли надо иметь, чтоб раз за разом смотреть на это со стороны, Овер?

Дыши же, боги Сети…

Самоконтроль отключился. Боковым зрением Охотник успел увидеть, как в операционную влетает бригада реанимации, но ваши способы, ребята, мне известны. И раз вы здесь, значит, камер видеонаблюдения здесь тоже полно. Ну и хрен с ними. Есть только один Шанс, и он мой, а не ваш.

Обжигающие ладони сами ложатся на горло Овера, губы касаются лба… Иди за мной, родной, не ныряй в эту темноту глубже. Забирай мой огонь. Его хватит на двоих. И уже спокойней твоё дыхание, исчезает дрожь под кожей… Ну же, Овер, верь мне!

Когда онемевшая бригада реаниматологов, наконец, обретает дар речи и разражается гулом восклицаний, которые всё равно не способны передать их шокированное состояние, Алекс уже обессиленно цепляется за кресло, с трудом удерживаясь в сознании. На губах ещё живет краткий ответ Овера на его поцелуй. Медный привкус на языке неумолимо уносит воспоминаниями в день атаки на тайский сервер восемнадцать лет назад. Неважно. Овер дышит ровно и скоро придёт в себя… Что-то ещё могу.

Пробиться через толпу зрителей стоило огромного труда. Ещё большего труда стоило удержаться, чтоб не попросить у них что-нибудь сильнодействующее и обезболивающее. Алекс вывалился в коридор. Спрятаться бы где… Короткий звук входящего сообщения. А, чёрт, я ведь так и не отключился от защищённого канала консультирования. Решил меня добить, искусственный интеллект? Вцепиться слабеющими руками в хромированные перила лестницы и нырнуть в сеть. Алекс машинально закрыл глаза. Он давно уже вывел для себя правило: плохие новости должны ассоциироваться с куском реальности, сведённым к минимуму. Никакой стерильной больницы на заднем плане у огромного треугольника входящего сообщения.

«Александр Рыков (47). Оперативное вмешательство

считается нецелесообразным. Вероятность успешного курса химиотерапии — 23 %. За дальнейшими рекомендациями и временными рамками…»

Алекс с проклятием снёс сообщение и выдернул флеш-карту из имплантов, медленно сползая по лестнице на негнущихся ногах. К чёрту рекомендации и сроки. Единственное лекарство — это Кристиан Вебер. А срок я себе установлю сам.

На лестничной площадке он замер. Клиника находилась на одном из последних этажей Лахта-центра — огромного небоскрёба, стрелой уходившего в небо. За стеклянной плёнкой стены в клубящемся тумане копошился Питер, невозможно маленький и совсем игрушечный. Даже шпиль Петропавловки был простой золотой иголкой в море серых клочьев, гонимых ветром с Финского. Остальные три стены площадки были зеркальными.

Ненавижу зеркала. В них ты никогда не увидишь себя настоящего, только внешнюю оболочку, по которой все и судят. А что сейчас увидит амальгама? Седого человека в старом пальто на два размера больше, чем нужно, еле стоящего на ногах от боли, что так похожа, оказывается, на боль Овердрайва. Они не покажут огонь, который всё-таки смог вытянуть серокрылую птицу с того света.

Ты мнил себя избранным, Охотник. Думал, что боль только у тебя одного во всём мире.

И, Боги Сети, было б лучше, если б я так жестоко не ошибался.

Февраль 2072

Ну что ж, Санти. Теперь, когда в транскоде на месте футуристической избушки команды «Souls Unite» остались лишь разорванные трубы интернет-коммуникаций, а к тебе благоволит сам глава государства, заинтересованный в тех материалах, которые ты спёр с помощью возлюбленного твоего бывшего руководителя и лучшего друга…

Рафаэль с размаху ударил себя по лбу, чтобы не сорваться в бездну истерического смеха над всей этой Санта-Барбарой, такой, что нарочно не выдумаешь, а затем резко поднялся с кресла, быстрым жестом руки выключая компьютер, крутанулся на месте и упал в кровать рядом с Линдой, которая уже начала терять терпение в эту ночь полной луны.

— Иди ко мне… — шёпот богини властно манил аргентинца сквозь сумрак спальни, насыщенный удушающе сладким ароматом её духов. — Мой герой…

Иду, Линда. Иду со щитом в руке и копьём, на котором воздет флаг победы, стараясь не думать о том, что я оказался всего лишь марионеткой в твоих ловких руках, горячих от жажды мести. И теперь, когда я, словно боевой слон, управляемый тобой, наездницей-амазонкой, вторично раскатал Овердрайва, могу ли я потребовать от тебя платы за то, что мне пришлось собственными руками разорвать и без того ослабевший контакт с сероглазым кодером?

— Линда… — тяжело дыша, Рафаэль склоняется над раскинувшейся в шелках тёмноволосой женщиной. Имитировать страсть так легко, зная, что аппетит придёт во время еды.

— Что, дорогой?..

Слегка вспотевшие ладони Рафаэля прокальзывают под тонкую ткань пеньюара Линды. Секунда — и тряпка цвета выдержанного вина летит на пол, обнажая грудь идеальной формы. Слишком идеальной, чтобы казаться настоящей…

— Мы же… начнём новую жизнь… в этой квартире?

Богиня медлит с ответом. Знать бы, какие мысли мечутся сейчас в этой чуть склонённой набок голове примадонны заморского театра…

— Да, Рафаэль. Я думаю, нам стоит расписаться. Лина отправим к Маше… И будем… вдвоём…

Речь Линды сбивается, заканчиваясь слабым треском ткани на трусах Рафаэля, стянутых ею в безумном порыве. Равнодушная луна глядит сквозь тонкое стекло на забавы двух немолодых тел, жаждущих забрать друг от друга больше, чем они могут (или

хотят?) дать сами.

Луне есть с чем сравнивать. Достаточно лишь обратить взор от столицы на северную окраину Восточно-Европейского сектора.

В серебристом свете за тёмным окном одинокого домика проскакивает внезапный блик. Электрическая искра? Нет, отражение луны на изящном кольце, едва заметная линия кристаллов в котором похожа на ещё не названное созвездие. Тонкие пальцы тянутся с кольцом куда-то в темноту.

— Тебе, Охотник.

Из полуночного мрака выныривают горячие ладони: пока одна из них занята в руках высокого темноволосого мужчины, вторая жестом фокусника создаёт, словно из воздуха, широкое серебряное кольцо, в центре которого — сердце Леса, застывшая капля росы на мшистом валуне у Ладоги. Симметрия, как же.

— Овер…

Говорящий делает шаг вперёд, и лунный свет пронизывает насквозь шёлковые серебристые пряди, упавшие ему на лоб. Серые глаза темноволосого искрятся от улыбки и полнятся запредельными киловольтами.

— Люблю тебя…

Кто из двоих сказал это? А может, оба одновременно?

И плевать на гравитацию. Может быть, завтра на далёком тайском побережье будет большой прилив, но на пару секунд Луна притормаживает своё бесконечное вращение, чтобы увидеть поцелуй, от которого пульс у обоих безумцев зашкаливает до критической отметки.

* * *

Решив, что раз местом Силы в квартире сестры у Лина стал балкон, Хидео заказал утепление внешних стен, чтобы мальчик мог и зимой проводить там столько времени, сколько ему захочется, тем более в компании с Кирой. Вот и сейчас ребята засели на светлой застеклённой лоджии голова к голове, с ноутбуком в руках.

— Давай ещё раз, Кира. Что тебе сказал папин друг, после того, как пофиксил обновления?

— Что мой врач облажался и поставил кривую версию, а всего-то надо было зайти на сайт производителя да скачать нормальный архив, что он в итоге и сделал.

Бред какой-то.

— Тогда с фига ли твой врач не скачал их?

— Он сказал, что у «Нейромеда» в те дни возникли какие-то

проблемы с сайтом, поэтому они вынуждены были слать курьеров с обновлениями.

Ёлки-палки. Каких, к трояну, курьеров?!..

Предупредительный стук в балконную дверь, и следом в узкую щёлку просовывается голова Хидео.

— Вы обедать собираетесь? А то мы тут суши наделали. Долго на столе не останутся.

— Да, щас идём, — отвечает Лин. — Хидео, можно тебя на пару слов?

Чёлка падает японцу на глаза, когда он перекатывает коляску с мальчиком через низкий балконный порог. Лин сдерживает себя, чтобы не обернуться на слегка растерянную Киру, когда Хидео вывозит его в коридор.

— Что случилось?

— Да как бы… — вот же странность, почему тебе, Лин, так сложно высказать свою просьбу вслух, когда за глаза вы с Хидео давно уже известны друг другу как первоклассные хакеры?

Лёгкий разворот — и японец присаживается перед коляской на корточки, чтобы мальчик смог посмотреть ему в глаза, если захочет.

Глядя в восточное лицо с тонкими чертами, как будто кто-то карандашом чётко обозначил только самое главное на смуглом лице, Лин вдруг вспомнил, как на Ленинградском вокзале вот так же перед его коляской сидел отец. Нет, ничего общего. Совсем не похожи. Разве что заряд в радужке… Такой же сильный. Так же быстро и неумолимо убирает всё несущественное, помогая облечь мысль в слова.

Воистину, один шаг вместо сотни слов. Наверное, это у Хидео в крови. И Лина прорывает.

— Видишь ли, Хидео, тут Кире поставили какую-то дрянь вместо обновлений. Курьер принёс их в поликлинику, сказал, что сайт полетел или что-то вроде того. Но сайт не падал, это точно. Блин, в этой поликлинике вообще что-то неладное творится, врачи от слова рвачи. Короче, я их всех уже подозреваю. Мы пробовали пробиться к серваку поликлиники, но скорости не хватило. Скажи, можно ли глянуть, кто приходил в кабинет терапевта Киры в тот день?

— Всё можно, — тихо ответил Хидео. — Адрес сайта давай, день и точное время, если известно. И сходи поешь, отвлеки Машку, а то она нам сорвёт всю миссию со своим обедом.

К тому времени, как Лин решил, что больше ни один ролл с тунцом в него не влезет, Хидео уже закончил ломать лёд и ждал мальчика на одной из улиц северной окраины города-под-рекой, о чём и прислал ему короткое сообщение, добавив: «Я на

лестничном пролёте между восьмым и девятым, отпросись выйти».

Что, уже?!

А куда я, спрашивается, Киру дену? Или ты думал, что она и попросила меня о взломе, Хидео?

Ну да ладно. Попробуем не выдумывать очередную ложь во благо. Обойдёмся предоставлением неполной информации, хотя это верный путь к тому, чтоб по возвращении получить кучу версий на тему: «Где ты был?», одна другой страшнее. Только сначала надо тихонько открыть входную дверь, чтобы сократить себе время на манёвры.

— Маш, мы на минутку. Скоро будем. Покажи Кире, как гамать в «Тайны Трансильвании», вернёмся — попробуем партию на четверых.

— Э-э… Куда, блин?.. Ну ладно, если чё — звоните.

У, неужели пронесло?

Хидео сидел прямо на холодных ступеньках, на спокойном лице лёгкая улыбка, глаза полуоткрыты, ну чисто наркоман после желанной дозы. Вслепую протянув подъехавшему Лину свой планшет, японец прошептал:

— Подрубайся, будешь отсматривать записи.

Лин кивнул, привычно активируя подключение к Сети. После случая с эмулятором юный хакер возвёл вопрос: «Может ли кто-нибудь пострадать от моих действий?» в ранг обязательного к заполнению поля регистрации на сайте, но сейчас вроде бы никому из случайных посетителей сайта поликлиники не угрожала опасность от того, что парочка взломщиков собралась порыться в её видеоархивах.

Боги Сети, да тут гигабайты записей… Взгляд Лина заметался по внутренней поверхности экрана, проекцию которого его мозг ловил с планшета Хидео. Дата была известна наверняка, а вот точное время Кира не смогла вспомнить, поэтому в распоряжении хакеров оказался весьма продолжительный промежуток «с десяти до двенадцати часов утра». Нет, отсмотреть всё это просто невоз…

Голова у Лина закружилась, мальчик пошатнулся и выпал из коляски на пол, теряя привычные ориентиры. Перед глазами всё слилось в невнятную мешанину, прямоугольники файлов проступили сквозь косую решётку солнечного света на ступенях лестницы, а потом исчезли и они. А следом под инстинктивно выставленными вперёд руками Лин почувствовал холод кафельного пола, слегка присыпанного стеклянными осколками от пробитой си-сферы.

Торопливое шарканье чужих ног заставило мальчика открыть глаза и оглядеться. Не может быть этого, потому что…

— Не ушиблись? — молоденькая медсестра склонилась над Лином, помогла ему встать и ускакала дальше, цокая каблучками по бледно светящемуся полу виртуальной поликлиники. Лин по инерции сделал шаг следом за ней, чувствуя босыми ступнями прохладу стерильно-белого кафеля.

Пресвятой. Коннект. Я иду. Сам.

Это и есть транскод?..

Чья-то рука хватает Лина за шиворот и втягивает в узкую полутёмную нишу.

— Чего так долго? — знакомый шёпот с едва заметным акцентом.

Лин мотает головой, пытаясь избавиться от лёгкого звона в ушах. Прости, Хидео. Ты ведь не знал…

Нужный файл нашёлся буквально за считанные минуты.

11:05

Кира входит в кабинет терапевта. Обычно она щеголяет в коротких майках, особенно на всяких техновыставках, где полно людей, живущих под девизом: «Я — человек с неограниченными возможностями, и плевать, что у меня протезы», но на приём ко врачу его подруга до сих пор ходит в рубашке с длинным рукавом…

Значит, чуть раньше.

10:50

Вот он, курьер. Точнее, судя по формам, она. Синий комбинезон с логотипом «Нейромеда», кепка… На входе камера смотрит ей в спину, и видны только короткие тёмные волосы над воротником. Тогда ещё чуть вперёд, осторожно скользя пальцем по голографическому ползунку…

— Увеличение! — вскрикивает Лин.

Хидео кивает и разводит ладони в стороны, давая покадровую перемотку с сильным зумом.

10:55:16

Глаза женщины-курьера по-прежнему скрыты под козырьком кепки, но Лин готов поклясться, что на эти полные, резко очерченные губы, что так часто сжимались в строгую линию, он насмотрелся в своей жизни достаточно, чтобы узнать их даже на самом углу размытого стоп-кадра.

— Э-эй, Лин? Сохраняю?

Мальчик рассеянно смотрит, как ловкие пальцы японского хакера вынимают тонкую плёнку скриншота из ванночки с голубоватой жидкостью.

— Как я сюда попал? — тихий шёпот Лина моментально

разворачивает Хидео в его сторону.

— Ты… до сих пор не бывал в транскоде? — от удивления глаза японца становятся похожи на две вишни в тёмном сиропе.

— Нет, — Лин делает шаг навстречу Хидео и протягивает ему руку, словно боясь, что в следующую секунду его пальцы пройдут сквозь пустоту, а затем откажут ноги, и он останется здесь навсегда. Но рука Хидео оказывается такой же тёплой, как и в ночь побега из дома.

— Ясно, пофиксим, потом научу тебя ориентироваться в реке, — спокойно отвечает японец. — Но сейчас давай выйдем. Любая дверь подойдёт, просто представь, что за ней выход на ту лестницу, где мы уже битых полчаса тусуемся в реале. Закрой глаза, так легче будет, а я тебя проведу.

Снова темнота, лишь светящиеся круги под сомкнутыми веками — синий, ярко-зелёный…

Хидео тянет мальчика за собой, словно Орфей этого странного мира, где реально всё, во что хватит сил поверить, и Лин идёт за ним, не открывая глаз, до тех пор, пока не слышит над собой:

— Просыпайся, Лин. Мы сделали это. Ну, и с дебютом тебя, что ли…

* * *

Ох, пан Лисовский, не всё ли равно, кто твой новый соисполнитель? Задачи-то остались прежними… Знай себе тестируй добровольцев, которые согласились загнать себе в вены серебряную пыльцу с программным кодом, в копирайте которого вместо «Souls Unite» теперь прописано «Div-in-E».

Ан, нет.

Что-то неуловимое, невыразимое вслух, изменилось для учёного с того самого дня, когда на титульном листе отчёта вместо стремительного, слитного росчерка «Вебер» он увидел монументальное, вычурное «Рафаэль Гарсиа Дуарте».

Пальцы Лисовского прошли сквозь яркую голограмму подписи, уйдя в ночную темноту, царящую в кабинете. Нет, по безликому отсканированному изображению ничего о тебе не узнать, Рафаэль. Нужна бумага, к которой ты прикасался бы руками, только кто ж сейчас пишет на бумаге?..

Ладно, лишние мысли в сторону. Какие задачи нам предстоит решать с вами плечом к плечу, ребята из огромной корпорации?

«…Провести процедуру семантического кодирования всем без исключения добровольцам, принимавшим участие в пилотном

эксперименте по вживлению наномашин с программным обеспечением, разработанным для установления сверхдальней телепатической связи».

Ну да, логично. Протянуть телефонный кабель в дом — мало, нужно ещё зарегистрировать за каждой квартирой свой индвидуальный номер. Интересно другое. На секунду Лисовский напрягся, машинально сжав пальцами обшарпанный край лабораторного стола. После того, как второй этап будет завершён, у кого в руках окажется доступ к базе индивидуальных адресов зарегистрированных пользователей?..

Резкий звук заставил учёного подскочить на месте. Звонок по секретному каналу. Прямой контакт с Президентом, на который необходимо было ответить без промедления, будь ты хоть на вершине Эвереста, хоть на дне Марианской впадины.

— Послезавтра жду вас со всем необходимым оборудованием для установки наноботов, — Президент был краток. — Соисполнитель должен был открыть вам доступ к файловому хранилищу. Мне требуется «Версия 02». После установки программу уничтожить.

Чем дальше в лес, тем толще партизаны…

Пролистав аннотацию к запрошенному файлу, Лисовский уяснил для себя лишь то, что «…данная версия оказывает положительное влияние на эмоционально-волевую сферу личности и значительно повышает самоконтроль». Да что бы она там не повышала, введение наномашин в кровь Президента вызовет немедленное отторжение проводных имплантов, о чём ещё незабвенный Кристиан Вебер начертал от руки на последнем листе этапного отчёта, и если бы у главы государства не взыграла самонадеянность, он бы дочитал…

От руки.

Карандашом.

Выудив из ящика распечатку, которая была благополучно подписана и убрана в стол ещё осенью, Лисовский рухнул в кресло и закрыл глаза, вызывая в памяти тонкий высокий силуэт и тёмные волосы, упавшие на бледное лицо кодера, который неосознанно перегрузил «Альтаракс» в момент сканирования собственного биополя, словно не желая, чтобы кто-нибудь увидел светлые крылья за его спиной. Кем бы ты ни был, Кристиан, отзовись.

— Кто… вы?

Зрение подводит Лисовского, выдавая двойную экспозицию: старый деревянный шкаф и вешалка при входе накладываются на размытые очертания далёкого берега в едва освещённом окне.

— Простите, что побеспокоил, Кристиан, — голос Лисовского

звучит на периферии восприятия Овера, словно тихая вечерняя радиопередача в уютном сумраке бабушкиной квартиры. — Это профессор Лисовский, мы с вами знакомы по совместным отчётам… Не отвлекаю?

— Э… Нет, — весь телепатический опыт Кристиана ограничивался коротким общением с парой собственных кодеров, которым также вкатили наномашины и отправили в турне по городам Восточно-Европейского сектора, дабы установить предельную зону покрытия сигнала. — Что-то случилось с разработкой?

Да зачем тебе наномашины, хакер. Ты и так зришь в корень.

— Случился новый соисполнитель, Крис. Хотел бы я знать, почему вам отказали.

— Кто-о? — резко выдыхает Кристиан, и Лисовского неудержимо тянет выдохнуть вместе с ним.

— Не знаю, как правильно читается… «Див-ин-е»?

— «Дивайн»? Какого хрена?!

— Ты их знаешь? — после таких выражений можно уже и на «ты», решает Лисовский, ибо защита сорвана.

— Чёрт подери, я был генеральным директором, — выдаёт Крис. — Пока не…

Череда кадров, словно серийная съёмка со вспышкой: высокое здание с ярко-синим логотипом, упрямые кофейные глаза, презрительный лик богини, остриё японского клинка, чьи-то волосы — раскалённый вольфрам в лучах северного солнца…

Лисовский еле слышно стонет. Остановись, визуал, ты меня перегрузишь…

— Что за «Версия 02», Крис? — любой вопрос, лишь бы переключить абонента на том конце.

— Ни малейшего понятия, о чём вы, — Кристиан с усилием возвращается в реальность. — Послушайте меня, ээ…

— Георгий.

— Послушайте, Георгий. Мы снесли всё к чёртовой матери, решили отказаться от второго этапа, потому что эта игра слишком опасна. Как «Дивайн» сумел выиграть грант, если…

— Чёрт возьми, — теперь несёт уже Лисовского. — У них все ваши разработки. Я думал, вы передали им…

— Что?! О боги Сети, как?! Нет… Только не…

Обрыв соединения.

Повторный набор…

Абонент вне зоны доступа.

Упав с кресла, Лисовский вытянулся прямо на полу, пытаясь унять непонятно откуда взявшуюся дрожь под рёбрами. Какие там сорок семь минут, при таком коннекте и десяти не выдержать.

Дыши там, Крис. Кажется, без тебя мне уже не найти выход из этого лабиринта, который в любой момент может превратиться в мышеловку.

* * *

— Деревня. Бабушка. Доверие.

Образы в голове Ивана Кошкина уже легка замылились от ежедневного использования, и силуэт бабушки, готовой в любую минуту обнять любимого внука, периодически проваливался куда-то в зону нечёткой фокусировки внутреннего зрения агента, но сверхдальняя телепатическая связь устанавливалась по-прежнему быстро и легко, и ежедневно в течение сорока минут Иван, он же Джон, усердно трудился над чертежами американского межпланетного лайнера «Black Horse», бегал по лабораториям и в рабочей зоне огромного ангара, а иногда корпел над графиками расчёта траектории полёта Земля — Марс, каждый раз удивляя начальство своим неумеренным служебным рвением. Впрочем, за прошедший месяц агента повысили в должности, а это означало получение нового уровня допуска к секретной информации насчёт строящегося корабля.

Обратную связь с далёкой родины Иван не всегда успевал запросить, а чаще всего на неё просто не хватало сил, отнятых необходимостью превращаться в ходячий сканер и диктофон в невидимых руках на той стороне земного шара, как только в телефонной трубке, поднесённой к уху агента, прозвучат три кодовых слова, открывающих доступ к самым тёмным глубинам его мозга.

И в этот момент самым сложным было — не думать.

Забыть к чёртовой матери, что ты вообще умеешь мыслить, ибо никому на том конце не нужны бесполезные электрические импульсы, почём зря перегружающие систему, которая была запрограммирована разработчиком исключительно на приём и передачу закодированной информации.

* * *

За прошедшие месяцы Лин не пропустил ни одного вечернего киносеанса в торговом центре у метро, побывал на трёх открытых выставках инновационных технологий и мог поспорить с любым дорожным навигатором в знании улиц и переулков старой Москвы. Мальчик не упускал ни единой возможности подольше

болтаться вне своего нового дома, пару раз даже умудрился подработать аэрокурьером — неофициально, само собой. И дело было ни в том, что улыбки Маши или Хидео стали менее приветливыми. Просто в них появилось едва уловимое замешательство. Пауза в отношениях Лина и матери чересчур затянулась, и мальчик чувствовал, что его присутствие в квартире сестры вынуждает Машу и Хидео выводить весь поток энергии в канал под названием «родственные чувства», оставив медленно пересыхающую реку личных отношений где-то на дальней границе фотоснимка их семейной жизни.

Но, кажется, в этот светло-серый февральский день, когда зима решила единым махом вывалить из закромов неизрасходованные запасы снега, ветер внешнего мира играючи передвинул ползунок на календаре с отметки «Сегодня» на отметку «Вчера».

И эта неблагая весть прилетела на площадь в сорок восемь квадратных метров вместе с Марией, которая, вернувшись с работы в десятом часу вечера, распахнула входную дверь со словами:

— Парни, отзовись. У нас ахтунг.

Ахтунг заключался в наличии делового предложения от Линды. Настолько делового, что Маша на минуту засомневалась, что короткое письмо мама сочинила сама, без помощи какого-нибудь юриста. Ну, это если не брать в расчёт Рафаэля, который наверняка был рядом, когда она писала эти строки.

> 10-FEB-2072
> from: — ishtar-
> to: Maria_Medici
> Здравствуй, Маша.
> Я собираюсь продать свою квартиру, но есть одна загвоздка. Лин должен быть где-то прописан. Если хочешь получить деньги за воображаемую треть своего брата, подумай о том, чтобы прописать его к себе.

Ну не офигела ли ты, мама?!

Прочитав письмо из-за плеча Марии, Хидео тихо присвистнул и предпочёл занять выжидательную позицию. Шут знает, на что можно нарваться, если невовремя влезть между молотом и наковальней. Японский хакер позволил себе лишь единственный вопрос:

— Что будет, если мы не согласимся?

Маша издала странный звук, нечто среднее между шипением вскипевшего чайника и рычанием дикой кошки, изловленной для отправки в зоопарк.

— Знаешь, где находится станция Шахунья?

Хидео отрицательно помотал головой. Ещё бы, откуда тебе это знать, взломщик из Токио. Лин, впрочем, тоже помотал. Ох, ещё бы, откуда тебе помнить себя годовалого в двухэтажном бревенчатом домике, куда Линда попыталась вытащить семью на лето, гордо объявив это чудо самопальной архитектурной мысли собственным родовым гнездом, оставшимся от родителей? В домике, ремонт которого встанет вдвое дороже его номинальной стоимости. В домике, из подпола которого постоянно лезли змеи.

— Короче, мазафака. Шахунья — это жопа мира и по совместительству единственное место, куда мамка может прописать тебя, Лин. Поэтому завтра летим к папе, — решительно выдала Мария. — Он тебя без угла оставил, он пусть и разруливает.

* * *

В уже знакомую потайную комнату, скрытую за шкафом с самыми настоящими бумажными книгами начала двадцатого века, Лисовский прошёл без прежней нерешительности, пришлось только вновь согнуться в три погибели, чтобы не приложиться головой о низкий потолок секретного тоннеля. Так ты вынуждаешь кланяться в ножки всех, кто оказался выше тебя ростом, господин Президент? Ну-ну.

— Подпишите информированное согласие, — Лисовский сунул лист бумаги в руки Президенту и повернулся к нему спиной, настраивая аппаратуру. Прочтёт, не прочтёт — какая разница. Главное — подпись, гарантирующая у главы государства не должно возникнуть никаких претензий к профессору Лисовскому, который через несколько минут вкатит ему полный комплект наномашин с таинственной, обетованной «Версией 02».

— Готовы? — едва дождавшись решительного росчерка пера, Лисовский широким жестом приглашает Президента в глубокое кресло, единожды уже принимавшее это высокопоставленное стареющее тело в свои объятия.

Тихое клацанье электронных фиксаторов, прикосновение гладкого прохладного металла к сухой, морщинистой коже на запястьях и лодыжках. Президент еле заметно вздрагивает, словно только сейчас пройдя свою личную точку невозврата, хотя у него есть ещё десять секунд, чтобы поддаться страху, солгать себе, что он одумался, и крикнуть в сутулую спину седого учёного:

— Стойте!

Но нет. Птицы высокого полёта, такие, как Президент, должны принимать решения сразу начисто, ибо код отмены единожды сказанного слова в их жизни не предусмотрен. А точнее, они сами отказались от него. И голос Президента срывается, но он всё-таки выжимает из себя короткое:

— Поехали!

Ослепительная вспышка, писк неведомого агрегата, похожего на объёмную букву «Ф» размером с хорошую обувную коробку. Дождавшись готовности системы, Лисовский глянул на дисплей и вытащил откуда-то из недр тихо жужжащей машины два тонких катетера со шприцами на концах. Цепкие руки на предплечьях Президента, острый укол в вену, следом за ним — симметричный в другую руку. На секунду Лисовского накрывает страстное, необъяснимое желание засадить иглу до упора, уловить чуткими пальцами момент разрыва внутренней стенки сосуда, услышать глухой стон своего пациента, который, как та старуха из сказки о золотой рыбке, хочет с каждым разом всё больше и больше. Как же ты беспомощен сейчас, старик…

Глубоко вдохнув, Лисовский жмурит глаза, делает шаг назад и тихо добавляет:

— Процедура займёт полчаса. Постарайтесь не вырубиться раньше времени.

* * *

О боги Сети, это что ещё за почётный эскорт…

Лин. Маша. И… Хидео?

Алекс осторожно опустил кухонную занавеску и отошел вглубь комнаты. Такой состав гостей не предвещал ничего хорошего, хоть и издалека всё вроде было ничего: радостные улыбки и немного напряжённые движения типичных городских жителей, попавших на необитаемый остров. Да и Крис, встречавший делегацию во дворе, не проявлял признаков беспокойства, хотя обладал поразительным чутьём на неприятности.

В конце концов, может, я зря волнуюсь? Всё должно быть в порядке. Только отчего ж такая заноза под сердцем в этот снежный февральский день?

Кристиан приветственно помахал двум снижающимся флаерам, обозначая место для посадки на девственно-чистом пятачке свежевыпавшего снега.

— Привет, Маша. Привет, Лин. Здравствуй, Хидео.

Двадцать секунд, штатный режим. Маша привычно виснет на

папе, Лин легкомысленно машет рукой — мол, не переживай, колено уже в порядке, Хидео крепко жмёт ладонь Кристиана, но, кажется, даже сквозь мутное оконное стекло Алексу видно, как тревога в тёмно-серых глазах Овера неумолимо набирает обороты. Никогда ещё они не прилетали сюда втроём. Никогда ещё Хидео не был настолько растерян. Никогда ещё нежные губы Маши не были сжаты так плотно. Никогда ещё Лин не смотрел на отца так… виновато?

— Что случилось? — Алекс не слышит вопроса, но это и не обязательно. Достаточно однажды увидеть эту болезненную улыбку и еле заметную морщинку над тонкими бровями серокрылой птицы, чтобы понять, о чём сейчас спрашивает Овер.

Да и по раздражённому взмаху Машиной руки можно без особого труда прочитать короткий ответ:

— Мама.

Крис закидывает голову к серому февральскому небу, словно рассчитывая найти там ответ, доколе суждено его самым близким людям расплачиваться по счёту, выставленному богиней за его, Криса, желание следовать сделанному в прошлом ноябре выбору. Но небеса Великой Северной глуши продолжают хранить суровое молчание, словно в насмешку, осыпав бледное лицо хакера редкими колючими снежинками.

Шум в прихожей был непривычно громким. Алекс вышел в коридор. Что ж, теперь его очередь принимать гостей. И уже в который раз Алекс ловил себя на мысли, что чувствует себя немного не в своей тарелке, отыгрывая роль радушного хозяина. Загвоздка именно в слове «хозяин». И дело было скорее всего не в том, что домик на Ладоге куплен и записан на Криса, а в нежелании прилюдно выставлять себя равным серокрылой птице. Никогда я бы не назвал себя здесь «чужим», но и показывать всем своим видом «это моё» в сущности посторонним людям… Тяжело. Сбежать бы наверх, в спальню. И так бы Алекс и сделал, если бы с Машей и Хидео не прилетел Лин.

В прихожей они обменялись лишь беглым взглядом, но этого, как и раньше, хватило. Охотник вздрогнул. В глазах мальчика рвалась наружу такая боль, что, казалось, еще немного, и она разорвёт его на куски.

Начавшийся было разговор в гостиной на отвлечённые темы быстро угас от невольного разряда в глазах Криса. И хотя Хидео с Лином всё продумали заранее, японец даже мысленно построил разговор, они не учли одного фактора — Машу на последнем градусе кипения.

— Ну как так можно, пап? — девушку откровенно понесло, даже присутствие мужа её уже ни капли не сдерживало. — От

мамы ты, значит, откупился, а про Лина забыл?!

О боги Сети… До чего же ты наивен, Крис. А ещё хакер, называется. Всё можешь продумать на три хода вперёд, только одну важную мелочь забываешь принять в расчёт. Пора бы уже привыкнуть, что близкие люди могут не задумываясь ударить в спину, и хорошо, если в твою собственную, а не как сейчас…

— Я поговорю с Линдой…

— И что ты ей скажешь? Совет да любовь вам с Рафаэлем?! — взрывается Маша. — Очнись, папа. Это у вас с дядей Сашей тут вечное «сегодня»…

Крис закрывает глаза, склонив голову. Добивай, Маша…

— Ну, а если Линда и вправду выполнит своё обещание, — внезапно подаёт голос Хидео, — не всё ли равно, что Лин будет прописан у нас, если на эти деньги мы сможем снять для них с Кирой…

— Всё-то ты понимаешь, Хидео… Что ж мы раньше-то не додумались, а?..

Резко развернувшись, Маша бросает на мужа убийственный взгляд, но Хидео не отводит тёмных глаз. Ты думаешь, Мария, что я плаваю слишком мелко и болтаюсь на уровне действия, когда вы с папой уже очертя голову нырнули на слой эмоций, но нет, моя миссия в том, чтобы оттянуть твой огонь на себя, дать Крису время набрать заряд, и, судя по твоему поведению, я её успешно выполнил.

— Постой, Маша… — Кристиан говорил тихо, почти шёпотом, лишь его ногти впились в кожу ладоней. — Неважно, где будет прописан Лин. Хоть здесь. Моих денег хватит на съёмную…

Разучился блефовать, Овер. Особенно с тех пор, как оставил должность генерального директора «Div-in-E» вместе со своим окладом, от заначки с которого к настоящему моменту остались рожки да ножки, даже долбаные наномашины пришлось обновлять за счёт какой-то халтуры, найденной Охотником…

— На сколько? На три месяца? — смеётся Маша. — Нашёл что предложить, ещё шведской семьи нам тут не хватало…

Алекс молча вышел из комнаты. Я прекрасно знаю, кто станет крайним через пять минут. И хрен вам всем, я не собираюсь смотреть вам в глаза в этот момент.

Мария проводила взглядом слегка сгорбленную спину Охотника. Боги Сети, сколько раз она злилась на эту его навязчивую заботу, на неусыпное наблюдение за нею в транскоде, и только сейчас, когда на далёком горизонте перед ней самой показался городок с надписью «Дети», девушка поняла, что в её душе готовы прорасти семена, случайно обронённые этим

кодером, чьи медово-золотые, как осенняя листва, волосы за эти полгода успели покрыться январским инеем.

Кристиан молча отвернулся к окну, уткнувшись лбом в холодное стекло, украшенное морозными завитками по краям. Тонкие пальцы впились в подоконник. Привычка — едва дыша, замереть на месте и ждать, когда сердце выдаст сдвоенный удар и провалится в бездонную пропасть, дыхание перехватит, а дрожь в коленях лишит его хрупкой иллюзии равновесия, заставляя покинуть нейтраль и сделать выбор, проще которого не бывает на свете — упасть на правый бок или на левый. Но хрен там, Овер. Даже этого краткого момента отключения от внешнего мира ты теперь лишён по настоянию Алекса.

Лин обеспокоенно вскинул голову, щурясь против света, чтобы разглядеть лицо отца. Мария пару раз сглотнула, запихивая поглубже тщательно заготовленные в полёте фразы, которые она уже почти передумала высказывать вслух.

— Пап, ты в порядке?

В голосе Маши уже нет и следа грозовых разрядов, только ливень, но очень скоро закончится и он.

— Да, — Крис разворачивается к дочери, прикрыв ладонью глаза от яркого дневного света. — Маш, может быть всё-таки…

— А дядя Саша как? — слегка понизив голос, Мария успевает поймать едва не упущенную вконец волну прежнего коннекта. Лин замирает в коляске, искренне полагая, что прислушивается к разговору незаметно для остальных.

Крис медлит с ответом. Перед его глазами двоятся лица — Олесино: «Сколько ещё ему, чёрт подери, осталось?», и Линды — «Сколько ещё ты будешь тянуть его на себе, забыв о собственной семье?» И если сейчас ты, Маша, собираешься пополнить этот пантеон тёмных богинь…

— Я пойду посмотрю, — вырывается у Лина, и мальчик резким движением разворачивает коляску на месте, устремляясь к выходу из комнаты.

Неуловимым движением Хидео ловит за край пушистого свитера свою жену, по инерции метнувшуюся куда-то по диагонали между дверью, где исчез Лин, и окном, у которого застыл Кристиан.

— Мы собираемся в Бразилию в мае или июне, — не моргнув глазом, поясняет японец. — Я видел коллекцию минералов, хотел уточнить у Алекса, что ему привезти…

О всеблагие провайдеры, благословенна будь строка корректно написанного кода. На лице Маши — невыразимое облегчение. Ты настоящий вербальный маг, Хидео.

— У него на компе где-то были закладки на эту тему, —

отзывается Крис. — Спроси, если не боишься, что вас потом за перевес багажа в самолёт не пустят… А теперь давайте по делу…

Вырвавшись за дверь, Лин судорожно выдохнул. Он не смог бы самому себе сейчас честно признаться, только ли ради дяди Саши он это сделал. Нет, настоящему хакеру надо быть честным с кодером, что сидит глубоко внутри. Иначе недолго заиграться и перепутать правду и истину.

А сейчас дядя Саша был правдой, а истин он мог насчитать целых три. Первая — разговор о его судьбе в таком контексте и тоне невыносим. Вторая — не посвятив Машу в результат хакерской атаки на видеосервер, он и Хидео связали себе руки, ибо требовалось поймать отца одного, а это практически невозможно. И третья… Видеть слабость и бессилие того, кто с рождения был для тебя идеалом, опорой, лёгким ветром свободы в тесном материнском мирке с тщательно спланированным счастьем. Прости, папа, я за этот год так и не свыкся с мыслью, что ты больше не всесилен.

С трудом успокоившись, Лин решился довериться интуиции и прикрыл глаза. Куда мог уйти дядя Саша?.. Если наверх, в спальню, то ему туда не добраться. Пандуса не предусмотрено, а в полёте над узкой лестницей не развернуться. Обоняние вдруг очнулось, посчитав отсутствие картинки внешнего мира в мозге сигналом к действию. Ветивер. Лёгкий шлейф запаха тёплой земли. Пересечь коридор, чуть левее… Кухня. Опять в любимом кресле за холодильником — типично хакерском укрытии всех жаждущих покоя?

Но нет, интуиция подвела. Когда Лин открыл глаза, то с трудом удержался от удивлённого восклицания. Чёрный, как бездна материнских зрачков, силуэт дяди Саши вырисовывался в нестерпимо ярком квадрате света из окна. Совсем сгорбившись, он сидел на краю кухонного стола лицом к окну, нарушив одну из заповедей, которую сам вбил в Лина когда-то: «Сидеть на столе позволено начальству, допустимо женщине и запрещено всем остальным». А потом с улыбкой добавлял: «Особенно кошкам».

Но его уже заметили. Дядя Саша обернулся и приглашающе махнул рукой на место рядом с собой. Лин осторожно подъехал к столу и спустя пару мгновений уже сидел не в коляске, а на коленях у Алекса.

— На столах сидеть… — на автопилоте начал Лин и вдруг рассмеялся.

Алекс тонко улыбнулся, взъерошил волосы мальчика, пропустив сквозь пальцы тёмную челку, лишь после действия осознав, что так же обычно делает в попытке отвлечь Криса от грустных мыслей.

— Сегодня можно, — негромко произнес он.

Лин положил голову ему на плечо. Запах ветивера и нотка кедра заполнила лёгкие. Мальчик вдруг почувствовал, как по коже промаршировала армия мурашек. Это вечно прохладные руки, унаследованные от отца, начали отогреваться в тепле Охотника. И низкое северное солнце, бившее обоим в глаза, даже не пыталось оспорить этот расклад сил.

— Послушай, Лин, — начал Алекс после долгого молчания, чуть заметно морщась и поводя правым плечом в сторону. — Ты уже взрослый и, конечно, понимаешь, что попал в такую передрягу с жильём из-за меня.

— Но, дядя Саша… — запротестовал было Лин, однако, поймав взгляд державшего его на руках человека, быстро смолк.

Давно он видел в этих синих глазах Время. Но сейчас, кажется, заглянул в Вечность.

— Я знаю, что говорю, Лин. Не думаю, что отец посвящал тебя в подробности этой истории, да и я не хочу сейчас. В конечном счёте всё равно всё упирается в меня. И я не просто могу тебе помочь… — Алекс едва слышно вздохнул, — я обязан это сделать.

Лин уже почти не дышал. В памяти вдруг всплыла «Инноватика-2070», зов, брошенный им Охотнику за мечтой, сцена с убитыми людьми в штатском… Неужели этот человек, так резко постаревший, превратившийся почти что в ходячее анатомическое пособие, и сейчас сможет вынести его на своих руках из этого болота? Но как, пресвятой коннект?

— Я перепишу на тебя завещание, Лин, — тихо ответил Алекс на немой вопрос в глазах мальчика. — Я не могу оформить на тебя дарственную прямо сейчас, потому что нужно согласие Олеси. Она не собственник, но там какие-то дурацкие правила… И продать тяжело. Мне эту бумажную волокиту не вытянуть, а твоего отца грузить этим не хочу. Поэтому на ближайшие месяцы что-нибудь придумаем тебе все вместе, а уж там…

Лин, теряя самообладание от услышанного, вдруг обнял Алекса за шею. Предательские слёзы, недостойные мужчины, размазали картинку залитой солнцем кухни, вернув куда-то в глубину детства, где было лето, рыбалка на берегу заброшенного песчаного карьера и всё те же горячие руки на плечах.

— Не говори так, дядь Саш, — всхлипнул Лин, пряча лицо на груди Алекса.

Эх, бедный ты мой маленький бог по имени Лин. Как же тебе досталось… Наверно, больше всех. Ты оказался единственным, до кого Линда смогла дотянуться обеими руками. И во всём, чёрт побери, виноват именно я, слабак. А всего-то надо было не

оставлять той записки, раздери её все соединения. Добавил спецэффектов. Промолчать не смог. Как же, умирающему от потери крови простительно всё… Нет, Охотник, не умирающему, а умершему. Овер тебя вытащил с того света, зато этим взял на себя оплату стольких счетов, что просто на разрыв.

Ладно, сменим тему на нейтральную.

— Как там Кира? — осторожно спросил Алекс, прислушиваясь к сбитому дыханию бога.

Лин что-то неразборчиво пробормотал, не открывая лица.

— Я не слышу, Лин.

— Ей лучше. Кинетику восстановили после аварии, пока я там в больнице валялся…

— Что-о-о!?

Лин прикусил язык. Хакер, тоже мне. Надо было сначала узнать, есть ли нужный стек, а уж потом давать информацию. Но почему папа ничего ему не рассказал?

Лин почувствовал, как под его щекой напрягаются мышцы, а руки Охотника за мечтой становятся стальными. Не вырваться, не уйти от ответа, не применить уже излюбленную стратегию уклонения и перевода стрелок.

— Рассказывай всё, — в голосе Алекса не было и намёка на возможность промолчать. — А с отцом твоим я потом поговорю по душам. Он ведь знал об этом?

— Знал, — тихо откликнулся Лин. Молодец, хакер. Ещё и папу подставил. Финиш.

Не вдаваясь в подробности, а уж тем более не описывая приход матери после получения премии за статус добровольца в проекте «Марс-2072», Лин обозначил основные вехи истории с аварией. В конце концов, сам вляпался, сам и расхлёбывай.

— Небо опасно, помнишь, я говорил тебе? — спросил Алекс. — Никогда не знаешь, что тебя ждёт в следующую минуту полёта. И надо много тренироваться, чтобы сохранять концентрацию…

Лин отшатнулся. Его обожгла мысль о том, что этот человек, столько сил и времени потративший на него по причине, которая до сих пор тайна за семью печатями, человек, который любит его как родного сына — в этом Лин был уверен, сейчас что-нибудь придумает в качестве объяснения этой чёртовой аварии и потом уже не сможет заменить правду на истину… Или не успеет, если отец снова решит, что правда всё-таки лучше… Нет, не бывать этому. И пусть это будет нарушение договора с Хидео, но он сможет меня понять.

Дяде Саше можно доверять, да и вопросов с паникой будет на порядок меньше обычного.

— Дядя-а Саша, — простонал Лин, выпуская, наконец, то, что уже столько дней рвалось наружу. — Кира не виновата в этом… Ей кривые обновления поставили на протезы. Их моя мама врачу принесла…

Лин ожидал чего угодно: взрыва, волны вопросов, осколков недоверия и шока… Но не такого спокойного уточнения:

— Как ты узнал?

Что, ещё и Хидео сдать тебе, дядя Саша? Ты поймал меня в свою сеть, ты вопросами бьёшь без промаха. Я зову себя хакером, а ты — Охотником. Но я знаю, что когда-то ты был Охотником на таких, как я. Но я рискну не рассказать тебе всего.

— Я хакнул сервер больницы с записями камер видеонаблюдения. Там всё видно, дядя Саша. Могу скриншоты скинуть.

Алекс отрицательно мотнул головой. Между светлыми русыми бровями у него залегла глубокая складка. Линда. Недаром ты мне снилась такой дерзкой и готовой на всё. Хозяйка Овердрайва. Стерва, считающая, будто может решать за других, переписывать код их жизни и править критические ошибки. Кодер, возомнивший себя Господом Богом. Но на каждую программу найдётся взломщик, а на темноликую богиню… Нет, не ангел. Никогда им не был, дорогая. Но за дьявола сойду, верно?

— Один вопрос, Лин, — голос Алекса почти не дрогнул. — Обновления на протезы ведь были не просто кривыми, они были взломаны?

Лин кивнул. Хидео это уже подтвердил. Ну а кто это сделал, дядя Саша…

— Санти, — выдохнул Охотник и, не стесняясь пацана, накрыл матом весь белый свет.

Невесомый поцелуй в висок. Прости меня, Лин. Я не в курсе, знает ли об этом Овер. Из него клещами ничего не вытянешь, когда говорить не хочет. Важно, что это знаю я. И это уже перевело Линду-которая-достойна-мести-Охотника в разряд всей той швали, с которой отлично справляется на нижнем уровне Зверь без всякой шелухи в виде жалости, милосердия и чести.

— Слушай меня, Лин, — проговорил Охотник, возвращая пацана в коляску. — Я как-то попросил тебя не делать глупостей. Сейчас я, наверно, сделаю кое-что из того, что твой отец обычно называет выходом за границы дозволенного. И это, конечно, будет страшная глупость. Но я не могу иначе. Одна просьба… — Алекс запнулся и отвел взгляд. — Прикрой меня. Дай мне полчаса форы, а потом говори отцу что хочешь. Любой процент истины, но мне нужно время оторваться от него.

Лин вцепился в подлокотники коляски. Пресвятой коннект, какую кашу он заварил… Еще и дядю Сашу втянул в это. Наверно, папа не просто так скрыл от него аварию. Но и отговорить уже не получится. Он точно полетит сейчас в Москву, в их квартиру… Или уже квартиру Рафаэля?

Чёрт, как же всё сложно.

Лин смотрел в синие, как Ладога, глаза напротив. И видел, как небесного цвета радужка медленно ужимается черной пропастью зрачка, несмотря на яркий солнечный свет. Остаётся только вымолить прощение для той, кого сам прощу ещё не скоро.

— Охотник, — тихо произнес Лин, даже не осознавая, как копирует интонации отца.

Алекс вздрогнул. Наваждение, но как будто говорит с ним сам сероглазый король.

— Пощади её. Прошу. Я дам тебе фору в полчаса, не проси большего.

— Не буду…

Лин? Овер? Алекс мотнул головой, возвращаясь на самый поверхностный уровень реакций и действий-без-мысли. Время пошло. Крепко сжать холодную ладошку пацана в коляске, слитным движением подняться с колен и выскользнуть в коридор. Из гостиной до него долетели обрывки разговора про… минералы? Хм, интересный поворот беседы после квартирного вопроса. Ну что ж, Овер, давай, сбрось заряд. Расскажи дочери и Хидео, как я часами ползаю на карачках с киркой по островам Ладоги, собирая самые интересные образцы. Да-да, а потом часами вбиваю их названия в твою голову, которая всё же, кажется, к этому не приспособлена.

Натянуть пальто, перекинуть через плечо катану — благо только вчера, Овер, тебя учил, рукой нащупать дозу в кармане… Алекс прикрыл за собой входную дверь, глубоко втягивая в лёгкие холодный февральский воздух. В воздухе кружились настоящие рождественские снежинки, и огромная серая хмарь на полнеба ползла с запада, грозя вот-вот дотянуться до солнца.

«Надо обогнать метель», — подумал Алекс, на малой скорости поднимая свой красный спортивный флаер в небо и искренне надеясь, что рокот двигателя никто не услышал.

Взгляд его, оторвавшись на мгновение от ориентиров Сортавалы — горы Кухоярви и шпиля кирхи, — скользнул по правой руке. Тонкое серебряное кольцо с едва заметной гравировкой и цепочкой маленьких прозрачных кристаллов. Твой подарок и твоя душа, Овер. А ведь уже свободно сидит на пальце, словно я таю на глазах, как снег под майским солнцем. Но что бы

ни случилось, я больше не позволю Линде играться с тобой, как кошке с добычей. А этому подкаблучнику Санти и вовсе влетит по первое число. Я возьму на себя грязную часть работы, а уж ты сам потом решишь: великодушно их простить или великодушно же добить.

И когда ты во имя баланса и симметрии спросишь моего мнения, я искренне посоветую тебе второе.

* * *

С недавних пор Олеся сменила высокие каблуки на мягкие платформы, не издававшие ни звука во время её путешествий по сумрачным безлюдным коридорам Института нейрофизиологии. А ещё она выкрасила волосы в свой натуральный каштановый цвет. Пару дней назад на своём рабочем столе она обнаружила короткую записку — рецепт сильного успокоительного, выписанный лично Лисовским, который после той памятной ночи уже не предпринимал попыток влезть в её голову, но ему уже и не требовалось читать мысли, чтобы понять, что Олеся боится. Панически боится.

Выйдя в коридор, Олеся набрала номер Линды. Да, придётся наступать друг другу на больную мозоль, но ей нужна была хоть капля информации о том, чем живёт сейчас домик на Ладоге.

— Абонент временно недоступен. Оставьте сообщение…

Чертыхнувшись, Олеся тряхнула смартфоном, сбрасывая вызов. Ну да, ей сейчас ни до чего. Наверное, со своим Санти развлекается вовсю.

Внезапный шорох за спиной заставил Олесю присесть на ослабевших ногах. Сердце пропустило удар, а потом забилось, как безумное, грозя выпрыгнуть из горла. Тихий шелест катаны, вынимаемой из ножен, и шёпот, моментально подхваченный коридорным эхом:

— Помниш-шь?..

Яркий свет сквозь сомкнутые веки.

— Эй, гражданочка, вам нехорошо? Вы в каком отделе работаете?

Сильные руки сторожа придают Олесе вертикальное положение и направляют в сторону выхода. Скрип тяжёлой двери, и холодный февральский ветер бросает в лицо Олеси горсть колючих снежинок, рассекающих кожу на щеках.

— Не положено тут оставаться после отбоя, если допуск не оформили, — мягко поясняет сторож. — Доброго вечера, сударыня. До завтра.

Настанет ли для тебя это завтра, Олеся?

* * *

— Это всё гелиотроп, — на лице Кристиана появилась робкая улыбка, верный знак найденной в темноте тропинки, что выведет заплутавших путников к морю. — В конце концов, Шанкар — единственный друг, которому я ещё доверяю. Подождите минуту, я созвонюсь с ним, но думаю, он не будет против прописать Лина к себе. А уж со съёмной квартирой мы решим, но Маша, обещаю, я Лина без жилья никогда не…

Коляска предательски скрипнула, и все взоры обратились на мальчика. Мда, сегодня явно не твой день, юный хакер. И если ты хочешь выиграть хоть немного времени для дяди Саши, придётся переступить через себя и пойти в атаку.

— А меня никто не забыл спросить, чего я хочу? — с непривычки взяв тоном выше обычного, спросил Лин.

— Так не молчи, Лин, давно пора, — подхватила Маша.

Лин растерянно замер на вдохе. Что же ты? Написал «begin», задавай и вид переменной.

— Я бы хотел жить с Кирой тут, неподалёку. Прям в Сортавале. Учиться по удалёнке, у меня так сейчас три друга делают…

Дрогнувшие ресницы отца, поперхнувшаяся Маша. Отлично.

— Это тебе дядя Саша предложил? — подаёт голос сестра.

Что, как Сортавала, так сразу и Охотник?

— Нет, — не моргнув глазом, отвечает Лин.

— Слушай, сынок, есть идея. Если не понравится, откажешься, — Кристиан мягко вклинивается в узкий промежуток меж двух циклонов по имени Мария и Лин. Идти по острому лезвию, разрядами молний сшивать грозовые облака, заставляя их излиться дождём на обезумевшую птицу, прошивающую небеса — привычое дело, Крис.

Ничего себе идея. Хотя, впрочем, не лишённая логики и изящества. Лин вспомнил, как на одном из семинаров по математике учитель предлагал им соединить девять точек, расположенных в квадрате три на три, с помощью всего лишь четырёх линий. «Выходите за границы, ломайте рамки», — подсказал тогда пожилой педагог. И сейчас папа сделал то же самое, рискнув кинуть взгляд за пределы их узкого семейного мирка.

— А теперь дайте мне пару минут, я позвоню Шанкару, — Крис выжал всё, что смог из этого момента всеобщего

замешательства, на минуту вернув себе себя двадцатилетнего, который мог ворваться на любой сервер в транскоде и перехватить управление, пока вокруг него, словно в замедленной съёмке, будут падать зеркальные стены сломанных защит.

Маша неопределённо махнула рукой, словно позволяя отцу выйти из комнаты в коридор. Лин выкатился следом, даже не спрашивая разрешения. Хватит вершить мою судьбу за моей же спиной. Сейчас я должен сам услышать всё, от начала и до конца.

— Оракул, привет. Не занят? Тут такое дело…

Устав от вынужденного бездействия, Хидео просочился в коридор. Если Маше с Крисом он сейчас без особой надобности, можно улучить минутку и спросить Алекса насчёт минералов.

Японец махнул по лестнице на второй этаж, предупредительно постучав в закрытую дверь, но, приветственно скрипнув, она легко поддалась под его пальцами. Осторожно, словно разведчик в страйкбольной команде, Хидео заглянул внутрь. Пусто. Значит, снова вниз.

Проходя по коридору, Хидео краем уха уловил тихое:

— Спасибо, Оракул. Я в долгу перед тобой…

Алекса, однако, нигде не оказалось. Может быть, вышел на улицу?

Распахнув дверь, Хидео вышел на крыльцо. После сумрака, царившего в деревянном доме, ослепительная белизна заснеженного двора резанула японца по глазам. Хидео тихо застонал и прищурился. Пара сараев, рядом с которыми припаркован чёрный аэроцикл Криса, чуть дальше — голубой Машин, зелёный — его собственный… Цепкая память моментально подбросила картинку, согласно которой на том месте, где сейчас остался лишь примятый снег, ещё с утра стоял красный флаер Охотника.

— Крис-сан?.. — растерянно пробормотал Хидео, вваливаясь обратно в дом. — А далеко ли полетел Алекс?

— Куда… — Кристиан с трудом переключился на вошедшего японца. — Он вроде сегодня не собирался…

Ладно, сейчас узнаем.

Тонкие пальцы на отзывчивом экране планшета. Сканирование в поисках GPS-метки, которую я установил на твоём флаере после той ночи на Каланчёвской. Маленькая тайна, Охотник. Прости.

Зелёная точка на пару секунд проявляется на самой границе экрана и исчезает без следа, но координаты успевают определиться с точностью до километра. Что ж такое ты творишь, догнавший мечту? Не оставляешь мне выбора, кроме как броситься следом.

— Э-э… А, он скоро вернётся, Хидео. Побудь пока с Машей и Лином, ладно?

Нет времени на прогрев турбин, и снежная пыль взметается вокруг чёрной машины, которая уходит на форсаже в серое февральское небо, вот-вот грозящее разразиться метелью.

Чёрт возьми, Охотник. Куда тебя несёт? Не знаю, как ты это делаешь, но даже выжав из аэроцикла максимум, я не могу приблизиться к тебе, едва ловя твой пропадающий сигнал.

Не исчезай, Алекс. Если я потеряю из виду этот свет, мне не найти дорогу…

Замёрзшая Ладога по диагонали, Санкт-Петербург справа по курсу, озеро Ильмень на далёком горизонте, вечерние огоньки Твери, и, наконец, сверкающая громада Москвы-2. Боги Сети, о чём же вы с Лином говорили там, на кухне, после чего тебя, Алекс, сорвало с места как ужаленного?

Прижавшись к чёрному хромированному боку аэроцикла, Крис прикрыл глаза, неосознанно вызывая перед глазами уютную тёплую комнату, покинутую им в безумной, непонятной для Маши и Хидео спешке. Поймёшь ли ты, Лин?

Мальчик сидел неподвижно, лишь тонкие пальцы рассеянно блуждали по рисункам на срезе агата, вытащенного из закромов поистине бесконечной коллекции Алекса. Сердце шторма, навсегда застывшее в камне. Каждый завиток — отдельная мысль, не похожая на предыдущие.

«Не стоило рассказывать дяде Саше, раз уж я не сказал папе…»

Крис неосознанно подался вперёд, как будто бы всё ещё сидел рядом с Лином, желая выслушать его хотя бы так, на расстоянии, которое с каждой минутой всё увеличивалось.

«Блин, а вдруг я ошибаюсь? Не может же мама оказаться настолько гадкой, что попросила Рафаэля ломануть прогу для протезов, чтоб мы с Кирой…»

Потеря соединения. Лин оборвал свою мысль на полуслове, но её оказалось достаточно, чтобы дыхание у Кристиана перехватило от неведомой ранее, неудержимой злости. Может такое быть, Лин, ещё как может.

Навигатор Криса, тихо пискнув от радости возвращения в родные пенаты, выдаёт развёртку знакомых улиц. Слишком знакомых, чтобы считать это простым совпадением. Значит, ошибки нет. Ты где-то здесь, Охотник, и тебя ведёт тот же импульс, что и меня, и уже неважно, кто из нас услышал слова Лина, а кто — его мысли.

Дверь квартиры на пятидесятом этаже широко распахнута. Грохот на лестничной площадке — на той самой, где я поймал в

темноте твои горячие пальцы перед тем, как вместе нырнуть в транскод и прибить моего двойника. Мусорный пакет порван в клочья. О да, Линда любит гонять своих мужиков вынести ведро. Тут-то тебя, Рафаэль, и настиг монолитный сгусток света по имени Алекс Рыков. И, судя по тому, что катана с полоской крови на лезвии (боги, только бы не твоей, Охотник) уже отшвырнута в угол, вы перешли к рукопашной. Вспомнить бы незабвенное: «Вы прекрасно могли бы разрешить ваш спор словами, а не дракой» из «Малыша и Карлсона», но тонкие пальцы Кристиана сами сжимаются в кулак.

Глухо рыча, Рафаэль пытается оседлать Алекса, но Охотник непонятно как умудряется держать оборону, и тогда аргентинец, который весит в полтора раза больше своего противника, выдаёт контрольное:

— Спасибо… за усердие… Каково это… воровать у тех, кого любишь, а, Охотник?

Широко раскрыв глаза, Алекс заходится в кашле, словно ему и вправду врезали под дых. Рафаэль выдирает свою руку из цепких пальцев Охотника, занося её для удара. Далеко, слишком далеко отвёл, засранец. Метнуться вперёд и перехватить её в запястье — как нефиг делать. А уж вложить всю силу в упреждающий удар Алекс меня научил.

Вместо тысячи слов, Санти.

Хруст носовой перегородки, уходящей вглубь черепа, слился с отчаянным воплем Рафаэля, отброшенного к дальней стене. Светлая плитка на полу окрасилась алой россыпью капель крови аргентинца, судорожно пытающегося отползти как можно дальше, что ему и удалось, едва он достиг ступеней, уходящих вниз, и с мучительным стоном скатился куда-то на нижний пролёт.

— С-снова ты, с-сволочь! — свист воздуха, неумело рассекаемого тяжёлым клинком, заставил Кристиана обернуться.

Сто процентов мощности на кинетику. Блокировка чувствительности…

Неумолимое движение острого клинка, направленного тёмной богиней в грудь обессиленного Алекса, разбивается штормовой волной о скалы, лезвие до половины входит в ладонь Кристиана, стремительным движением раскрывшуюся навстречу Линде, и безнадёжно застревает между рассечёнными сухожилиями.

Утробный рык в груди хакера пугает обезумевшую Иштар сильнее, чем зрелище того, как свободной рукой Овердрайв хватается за острое лезвие и нечеловеческим усилием вырывает катану из её ослабевших ладоней.

— Мрррразь!

Охотника волной подняло в воздух, и не успело затихнуть эхо его последнего «а», а Линда уже отправилась в свободное падение на кафельный пол от удара в лицо, который Охотник нанёс ей почти не глядя.

— Н-не… твоя… — киловольты в тёмно-серых глазах сносят последнюю преграду, и Крис медленным, отточенным движением вынимает клинок из собственной ладони, словно из ножен.

— Кто… ты… чёрт тебя дери? — кровь на лице Линды смешивается со слезами ужаса.

— Назови ей… моё истинное имя, Охотник, — Крис опускается перед Линдой на колени, держа её на прицеле не то острия катаны, не то собственных пальцев, готовых пустить по окровавленному металлу клинка смертельный разряд.

— Овердрайв, — выдохнул Охотник, непривычно смягчая второе «р» и весь словно немея от сознания того, что сейчас произойдёт. Это уже не порыв, это…

Кафельная плитка рядом с обнажённой шеей лежащей Линды идёт трещинами, когда в неё вонзается закалённая сталь катаны. Тонкие пальцы Криса железной хваткой сжимают затылок стонущей от невыносимого страха женщины, и шёлковая юбка под ней намокает в лужице желтоватой жидкости.

— Крис, умоляю тебя, пощади…

Сервер не найден.

— Овер…

Но уже поздно, и ослабевшее вконец сознание Линды рвётся в клочья под напором чистой электрической энергии, невыносимо яркий свет пронизывает все до единого тёмные уголки её мозга, и давно покрытые пылью скелеты начинают шевелиться в шкафах её бессознательного, ощерив стучащие челюсти в хищных улыбках.

— Ты. Хотела. Смерти. Лина.

Боги Сети, что несёт этот получеловек, поименованный при рождении Кристианом Вебером?!

— Н-нет… Как ты мо…

Пальцы чуть ослабляют хватку на затылке, ибо Овердрайв уже добрался до сектора с названием «Проучить Киру, чтоб она отстала от Лина, и не более того», но тут же смыкаются на горле поверженной богини, и на каждом выдохе хакер выплёвывает ей в лицо тихим, абсолютно бесстрастным машинным шёпотом:

— Ты. Не. Продашь. Эту. Квартиру. Ты. Разменяешь. Её. На две. Одну — Лину.

Это — не просьба и не приказ. Это — код. Каждое слово — болезненный разряд.

Пять киловольт.

Прости, Линда. Я любил тебя. И люблю даже сейчас, вопреки всему, во имя той запредельной секунды, когда твои пальцы впервые прикоснулись к моей спине в сумраке ночного клуба, и моё сердце выдало в ответ такую горячую волну, которой до тебя ещё никто не поднимал.

Десять.

Но ты — уже не ты, ибо ударила не меня, а Лина. Того, кто зависим от тебя. Подлый, несимметричный ответ, и если в моём коде иногда проскакивали нестыковки, то, чёрт возьми, ты выдала самую настоящую критическую ошибку. Выдала сознательно, с лёгкой улыбкой в уголках тех самых губ, которые я целовал, вырывая твоё сознание из плена вирусной программы.

Пятнадцать…

Помнишь, я говорил тебе, что лучшее — враг хорошего. Давай, богиня, перезагрузись, чёрт возьми, и откати себя назад, в те дни, когда мы поклялись не трахать друг другу мозг по мелочам и лететь над землёй к рассвету, крепко держась за руку. В те дни, когда мы пообещали друг другу счастливо избежать крючков, поджидающих нас на поворотах трассы «Семейная жизнь», и не плести липких сетей из белого вещества собственного мозга.

Двадцать пять.

За все дни царствия той Иштар, перед которой я ошибался вне зависимости от сделанного выбора, выбиваясь из сил и теряя перья в ловушке, расставленной ловкими руками, которые меняли мне сгоревшие импланты в незабвенную ночь нашего знакомства. За все ночи, в которые ты требовала от меня полной отдачи, игнорируя то, что я был вымотан в ноль и оступался на каждом шагу, и за те ночи, когда мой заряд зашкаливал, я готов был нести тебя до звёзд, а ты находила повод придраться ко мне дневному, чтобы оставить один на один с ледяной постелью. За все те осуждающие взгляды и незаметные для окружающих тычки в спину, которым я потерял счёт, слишком поздно догадавшись, что каждый из них оказывался лишь зацикленным повтором кода, в котором ты прописала себе права на редактирование учётной записи второго администратора системы, забыв запросить его разрешения на это…

Тридцать.

Отключение системы «Иштар» через три…

Статичная трёхмерная заставка: девушка с ярко-розовыми растрёпанными прядями, в стремительном развороте прикрывающая тонкое тело сероглазого хакера от зависшего в прыжке светловолосого парня с катаной…

Два…

Той же самой катаной, которой она сейчас…

Один.

— Т-ты как, О-охотник? — Кристиан медленно поднимается с колен, вытирая клинок о собственные драные джинсы, и протягивает катану Алексу, рукоятью вперёд. — Пойдём… отсюда… Только ещё минуту дай… Пару вещей для Лина… заберу…

Алекс стоит с закрытыми глазами. Тонкая царапина у него на шее полнится кровью, которая медленно стекает на воротник.

— Разверни катану, — голос Охотника спокойный и безнадёжно уставший.

— Не понял?.. — тихо откликается Крис, опустив клинок.

— Убей меня, Овер… Как её… — Охотник начинает задыхаться, но глаза его по-прежнему закрыты. Короткая судорога сводит плечо. — Это я забрал все разработки с твоего сервера и отдал Санти.

— Тогда нахрена… — Крис отшвыривает катану и хватает Охотника за воротник, едва не раскатывая его по обшарпанной стене лестничного пролёта. — Нахрена ты припёрся сюда, если знал, что это он?

— Я не знал, — тихое, на одном выдохе. — Не знал, Овер, клянусь. Просто искал… работу… деньги… Прости.

Твой последний слабый разряд, Крис, ушёл не по адресу. Тонкие пальцы отпускают ворот рубашки Алекса, легко ложатся на плечи, оставляя тёмно-красные следы на бежевой в клетку ткани. Наномашины перезагружаются, словно раскрытые шлюзы, пропуская по нервам всю долго сдерживаемую боль, и Кристиан медленно оседает на пол.

— Прости, Охотник.

Нет сил даже думать, Овер. Твоего разряда хватило, чтобы выжечь последнее, что ещё осталось живого после слов Санти.

Наклонившись почти до самого пола, Крис падает на колени рядом с кучей мусора и сгибается пополам, его плечи вздрагивают то ли от сдерживаемых рыданий, то ли от истеричного смеха. Впрочем, кажется, одно другому не мешает.

— Я… не убивал её… Через полчаса придёт в себя, — едва дыша, выдавил Кристиан. — Охотник… Дай мне руку, прошу…

Вновь эти дрожащие, тонкие пальцы, протянутые ему навстречу в стылом воздухе не-дома-не-улицы.

И как сильно не был бы виноват каждый из нас, только это — тонкий февральский лёд в горячем июле — и удерживает над пропастью между мирами.

— Пойдём, Овердрайв… Обопрись о меня. Здесь нет причин оставаться дольше.

Тёмно-серые глаза напротив ярко-синих. Острые скалы над ладожской водой.

— Он задел тебя?

И, прежде, чем Алекс успевает ответить, Кристиан чуть отклоняет его голову в сторону. Лёгкая искра прямо в рану, и уже совсем не больно от быстрого горячего поцелуя.

— Уходим. Уходим…

В отражении узкого зеркала в лифте — две фигуры. Темноволосый хакер и седой кодер? Нет. Серокрылая птица и белый волк. И к тому моменту, когда двери кабины бесшумно раскрываются на первом этаже, царапина на шее Охотника неведомо каким образом успевает полностью затянуться.

Вынырнув из подъезда, Алекс с катаной в одной руке и слегка пошатывающимся Крисом — под локоть в другой на крейсерской скорости рванул к брошенным абы как машинам. «Штраф за несоблюдение правил парковки обеспечен», — хмыкнул Алекс. И, похоже, что твой, Овер, побольше моего будет: чёрный хромированный аэроцикл был оставлен прямо на газоне.

Ладно. Катану в флаер, под сиденье. Криса в аэроцикл… Ага, разбежался за руль. Сиди, руку баюкай, хотя, чёрт побери, я вообще не понял, что там произошло. Алекс быстренько отмотал назад цветной фильм этой всеобщей драки до эпичного момента «Овер, его ладонь и катана». А ведь ты даже не закричал от боли, Крис. Адской боли, я уверен. Христиане не дураки, знали за какие места к кресту прибивать. И ладонь навстречу клинку — это не лучший вариант. Моя вина. Я такому не учил, но кто ж знал, кто ж знал…

— Эй, Охотник, хорош круги нарезать, — с чуть слышным ехидством прокомментировал Крис метания кодера от одной машины к другой. — Ты сейчас похож на наседку, у которой яйца украли…

Алекс на ходу наклонился, неуловимым движением создал из рыхлого пушистого снега в ладони плотный шарик и почти не целясь зашвырнул в Криса. Я тебе припомню наседку, вот только дай на Ладогу вернуться. Ну а пока я врубаю автопилот на своем флаере, сажусь за руль твоего аэроцикла, а Сортавала — лишь второй пункт назначения.

Короткое «ой» на заднем плане подтвердило попадание в цель. Вот не фиг свое больное чувство юмора на мне тренировать.

— А куда мы летим, Сусанин?

— В травмпункт, куда ещё. Я тебе сам руку зашить не смогу.

Поворот. Что-то белое летит в лицо с такой скоростью, что даже хвалёная реакция Охотника спасает лишь наполовину. Снежок ощутимо чиркнул по щеке. Алекс рассвирепел. Ну всё,

доигрался ты, Овер. Не понял… Какого хрена? Как?!

А Крис как ни в чём не бывало продолжал лепить в руках новый снежок уже совершенно неприличного размера. Двумя руками лепить. И еще так показательно энергично постукивать по белому шару продырявленной насквозь ладонью.

— Челюсть сейчас потеряешь, — припечатал Крис, пристально разглядывая обалдевшего Охотника. — Отвечаю на твои вопросы. Это всё старые мои наномашины, которые мы в «Souls Unite» перепрошили под… эмм… другую задачу. Впрочем, если ты заглянул в документы с нашего сервака, то знаешь, для чего они. Ну, а сверхбыстрое восстановление повреждённых тканей — неожиданный, но приятный бонус, согласись.

— Сплошные плюсы? — уточнил Алекс, подходя к королю вплотную и разглядывая разрезанную руку.

Рана и правда начинала затягиваться. Это казалось невозможным, но она сама собой перестала кровить и по краям уже покрывалась корочкой. Не верится даже.

— А ты поверь, — откликнулся вслух Крис. — Или попробуй найти свой свежий порез на шее.

Охотник резким движением рванул ворот пальто и провёл рукой по шее. Какого лешего? Где царапина? Нет, Овер, заткнись. Мне и так порядком осточертело твоё всезнайство. Я не дурак, сам догадаюсь. Ты меня поцеловал в неё. И этого хватило, да?

«А вот интересно, — подумал вдруг Алекс, привычным движением цепляясь рукой за плечо, чтобы прижать локоть к огню под кожей на правой половине груди. — Если мне эти штуки всадить, они заразу смогут убить или как?».

— Никто не пробовал, Алекс, так их использовать… — прошептал Крис, отбрасывая в сторону снежок и притягивая кодера к себе. — Этот эффект проявился только на третьей версии программы. И старые раны, как видишь, от этого не проходят. Но если хочешь рискнуть…

Вот уж увольте. Мне Лисовского хватило и тебя, Крис, в том чёртовом кресле с катетерами в венах. Это вслепую можно почти безбоязненно лечь под нож, а когда ты уже много видел… Ну нет.

— Не всё так радужно, Охотник. У апгрейда есть и побочный эффект: при таких нагрузках меня вырубит на сутки.

— Когда? — быстро спросил Алекс, ловя взгляд серокрылой птицы. Киловольт пять, не меньше. Не хочет говорить правду.

— Ну, домой на Ладогу у меня хватит сил вернуться. А, может, ещё на что-нибудь останется…

Дразнишь меня, Овер? Так я в предварительном разогреве никогда не нуждался. Мне хватает твоего взгляда или одного движения тонких пальцев по шее.

— Надеюсь, что их останется сейчас на поездку к нотариусу, — выпалил Алекс, даже не особо просчитав дальнейшие шаги.

Но эффект того стоил. Несколько коротких мгновений, в течение которых король теряет самообладание и высоко вскидывает тёмные брови. И всё это откладывается в памяти. Вот сядешь зимним вечером, завернёшься в плед, вытащишь этот кадр из чердачного отсека головного мозга и будешь любоваться…

— Зачем тебе к нотариусу? — В такие минуты легче спросить, чем копаться в твоих планах, Охотник.

— Я перепишу завещание на Лина.

О, дубль два. Сегодня, Овер, явно не твой день, ибо проходит он под девизом: «почувствуй себя дураком, то есть Алексом». Но как же красив, чёрт побери…

Оставив флаер и аэроцикл на перехватывающей парковке, Алекс и Крис прошли половину Смоленского бульвара и остановились перед вывеской «Нотариус». Небольшое замешательство при входе позволило Крису наконец схватить седого кодера, целеустремлённо мчащегося всю дорогу, за рукав.

— Стой, Охотник. Может, хотя бы что-то объяснишь? — Не лучшее начало разговора, но и троян с ним.

— Я хочу переписать завещание на твоего сына, — взгляд синих глаз обжигал. — На тебя могу, в принципе, только всё равно Линда влезет в это дело.

— Она сделает всё, как я сказал, — в голосе Овердрайва прозвучал громовой раскат. — Разменяет квартиру…

Алекс хмыкнул.

— Наивный ты, Овер, — на губах улыбка, Охотник, но глаза снова тебя подводят. — Вспомнишь меня добрым словом, когда она тебя и Лина снова подставит.

И уже взявшись за ручку двери, Алекс уточнил:

— А ты взятки умеешь давать, Овер?

Крис на мгновение растерялся.

— Не доводилось как-то.

— Ну ничего, не умеешь — научим…

Впрочем, опасения Алекса оказались напрасными. Взятку давать не пришлось. Нотариус, тот самый, у которого он писал завещание год назад на Олесю, встретил их радушно и не задавал лишних вопросов. Немало этому способствовала катана, с которой Охотник не расставался. Крис представился, как отец Лина, выдал все возможные справки и потом напряжённо смотрел из угла кабинета, как Алекс карябает на бумаге свою последнюю волю, часто меняясь в лице.

* * *

— Папа сказал, чтоб мы его не ждали, — не выдержав долгого ожидания, Лин созвонился с отцом и теперь, словно диктор на радио, передавал сводки с фронта. — Разрешил нам всем тут переночевать, ну, а если очень хотим, то лететь домой. Ещё он странное сказал…

— Что? — откликнулась Мария.

— Чтоб мы прикрывали спину, ибо за углом начинается рай, нужно только чуть-чуть подождать[19].

Маша скептически помотала головой. Они там с дядей Сашей надрались по уши, что ли?!

— Ладно, полетели домой, — решительно объявила Мария.

Тихо звякнули ключи, совершая положенные два оборота, в стылом воздухе февральского вечера раздался тонкий свист стартующих флаеров, и домик на Ладоге погрузился во тьму. Тихо потрескивали перекрытия на чердаке, и раз в десять секунд тишина кухни нарушалась звонким плеском капли воды, падающей в раковину из крана, который снова начал подтекать. В ожидании своих хозяев укрытый снегом дом незаметно задремал, ибо и ему тоже нужен был отдых.

* * *

— Всё, Охотник, пошли бухать.

Мда, Овер, либо это очередной побочный эффект от твоих наномашин, либо я тебя совсем не знаю…

— А куда? — только и уточнил Алекс.

— О-о… — Крис мечтательно улыбнулся. — Тебе понравится. Только когда выйдем из метро, позволь завязать тебе глаза.

Несмотря на поздний час, народу в подземке было ещё прилично, однако, у Кристиана, который и так-то умудрялся плевать с высоты птичьего полёта на пресловутое «общественное мнение», в эту ночь, кажется, сорвало последнюю блокировку, и его тонкие пальцы порхали вокруг головы Охотника у всех на виду, завязывая тонкий шейный платок узелком на его затылке.

Прохладная ладонь касается горячей руки.

— Пойдём, Алекс.

Шаг — в шаг в тишине. Такт — в такт…[20]

Обрывки невозможно длинного стихотворения, без пяти

минут поэмы, вспоминаются Охотнику, пока он идёт, не видя дороги, крепко сжав руку Овердрайва. Почти зажившую руку, которая едва заметными движениями направляет его, подсказывая, где ступенька, а где поворот. Шокированных глаз Алекса никто не видит, зато мечтательную улыбку с прикушенным уголком нижней губы…

Остановка, стремительный разворот, от которого у Алекса слегка начинает кружиться голова, и быстрый поцелуй в губы.

— Просыпайся, Охотник. Мы на месте.

Боги Сети.

Мощный столб яркого света насквозь пробивает низкий слой ночных облаков и теряется где-то в высоте. Алекс запрокидывает голову, ловя ртом снежинки, мерцающие в свете прожекторов, теряя привычные координаты в этом мире плавных изгибов металла и бесконечных отражений стекла в стекле, но рука Кристиана по-прежнему остаётся в его руке. Нет, не Кристиана. Овердрайва, который стоит вплотную к нему, Охотнику, и улыбается так, словно привёл его в гости к себе домой.

Овер втягивает в себя свежий воздух с лёгкой озоновой ноткой.

— Я тут давно не был. Вроде бы за тем поворотом должна быть классная кафешка…

Кафешка за прошедший год успела превратиться в полноформатный ресторан, сохранив, впрочем, прежнюю атмосферу техноандеграунда: чёрная мебель с подсветкой в пол, тяжёлый рок фоном из динамиков, андроиды-официанты, рай для интроверта.

— Погоди минутку, — Крис отчаливает к барной стойке, с кем-то там успевает поговорить, после чего изящный робот подвозит к их столику бутылку красного вина, судя по этикетке, не предназначенного для широкого розлива. Тёмная жидкость заполняет бокалы до точно выверенной отметки, и механические руки мягко ставят их на стол перед кодерами.

— За что пьём? — с улыбкой провокатора спрашивает Охотник.

Чёрт подери, одна эта улыбка да синие искры в твоих глазах вырубают мой речевой центр лучше всякого алкоголя, Алекс.

— За сегодня, — тихо отвечает Кристиан, возвращая улыбку.

— Которое не кончится никогда, — добавил Охотник, уже поднеся бокал к губам.

Спустя два часа вдрызг пьяная парочка с истерическим хохотом вывалилась на улицу.

— Шотландские воины носят юбки, под которыми[21]… — пошатываясь, начал Крис.

— Ой, не-ет… — сквозь смех простонал Алекс.

— Как нас вставило, бо-о-оже!! — Овер ускорил конец песни, перейдя сразу к заключительной фразе припева. — Чтоб вас так вставило то-оже… Слушай, я тут про Санти сочинил… «Это страшнее ядерного гриба, хлеще попавшей под хвост вожжи. Хуже орды недотраханных баб — лишь недотрахавший их мужик»… Ай…

Последнее восклицание относилось к действиям Охотника, который сгрёб Криса в охапку и прижал спиной к высокому парапету, слегка не рассчитав свой импульс, так, что Овера отклонило назад, и он не стал оттормаживать это движение, запрокинув голову в ночное небо, которое в свете прожекторов казалось тёмно-серым, как радужка его глаз.

Алекс, однако, медлил, будто движение его горячих рук по телу Кристиана кто-то вдруг поставил на паузу. Зрачки Охотника расширились, но температура в них упала почти до абсолютного нуля, и Крис вздрогнул, словно взглянув в иллюминатор космического корабля на безжизненные межзвёздные пространства.

— Охотник?.. — крепко обняв исхудавшее тело друга, Крис собрался положить его голову на своё плечо, как делал всегда во время приступов, но Алекс слегка отстранился и отрицательно помотал головой.

— В норме… Олеся… тут где-то… знаю…

Крис осторожно размыкает объятия, и его рука наталкивается на что-то твёрдое за спиной Алекса. О боги, ты ещё и катану с собой притащил. Почему я её сразу не заметил? Может быть, она уже просто приросла к тебе?

Нет, Охотник, не заводись. Мы и так сегодня наломали дров. В принципе, можно и ещё наломать, но, прости, это нужно было делать до того, как ты зажал меня в угол так, что спиной я чувствую инфразвуковые удары сердца транскода наяву, а собственной грудью — твой частый пульс.

— Что, Охотник, по женскому телу соскучился? — непроизвольно вырывается у Криса. Не самая лучшая фраза для разрядки, но…

Алекс вздрагивает, словно прикоснувшись к оголённому проводу под напряжением. Ох, можешь мне врезать, Охотник. Я заслужил. Прости. Но даже пощёчина не поможет мне заткнуть этот дурацкий, безудержный смех, от которого перехватывает дыхание. И да, меня до безумия заводит это твоё выражение лица: «ещё немного и ты получишь по первое число, Овер». Играть с огнём так здорово, когда не боишься сгореть в нём без остатка…

— Ты это… Скажи, если на эксперименты потянет, —

Кристиан заходится от смеха, который, оказывается, так похож у него на приступы, ещё недавно доводившие Алекса до самой натуральной паники.

— Я могу и на два фронта, мистер пошляк, — шипит в ответ Охотник, ещё крепче прижимая добычу к парапету. — А если сильно попросишь, то даже при тебе.

Ты меня плохо знаешь, Овер. Сгоришь ведь сейчас. У меня сняты к чертям блокировки после сегодняшнего дурдома, и я живу только этой минутой.

— Тогда не обессудь, если я одену на Олесю намордник и как следует ввалю ей шипастым поводком по заднице, — в тон ему отвечает Крис. — А насчёт твоих собственных предпочтений… скажи сам. Хочу слышать тебя…

Ну и несёт же тебя, Овер. Алекс резко выдохнул. Воображение, живо нарисовавшее Олесю в указанных стеснённых обстоятельствах, впрочем, не компенсирующих всех её грехов, вдруг одним махом стерло всё и вывело на гранжевый фон старого питерского гранита то, что уже давно мечталось сделать. Сейчас или никогда, Овер? Пусть так. И выпитое сыграет со мной злую шутку, раз я решился облечь это в слова.

Рука Охотника скользнула по обнажённой коже короля вниз. Почти разорвать этот коннект, оставить только кончики пальцев и услышать твой вздох, Овер. Это лишь отвлекающий манёвр. Секунда — и пояс на твоих брюках уже расстёгнут. Ты не замёрзнешь в этот вьюжный февральский вечер, серокрылая птица. Я об этом позабочусь. Когда подпишешь такие бумажки, как сегодня, невольно начинаешь ловить каждую наносекунду счастья.

А вот теперь, когда ты не видишь моего лица…

— Мои руки… Связаны лентой… За голову. И я твой, сделаешь со мной всё, что захочешь…

О боги… Вот вы какие, админские права…

Хочешь знать, о чём я мечтаю?

Тонкие пальцы (а может быть, птичьи когти?) впиваются в спину Охотника, едва удерживаясь на острой грани между «погладить» и «оцарапать до крови», и, кажется, всё-таки слегка обдирают кожу, но Крис делает это с таким сумасшедшим зарядом обожания, что Алексу ничего не остаётся, кроме как бессвязно застонать.

— Не останавливайся…

Рубашка Охотника оказывается выдернутой из брюк, молния не то расстёгнута, не то разорвана, и февральский лёд устремляется в царство июльского зноя. Дыхание Алекса становится частым и поверхностным, но Крис не останавливает

движения, лишь осторожно кладёт ладонь на горячую грудь Охотника.

— Какого… — невнятно шепчет хакер, но фраза обрывается, в ушах звенит от запредельного полёта, перед глазами встаёт стена электрического огня… Последний кадр — запрокинутое лицо Овердрайва в ореоле ярких огней Делового центра, и Охотник закрывает глаза, но через пару мгновений широко распахивает их прямо в февральскую метель, в которой силуэты зданий становятся размытыми и ещё больше напоминают транскод. Это ты вызвал снег, Овер? Тогда я буду смотреть на твоё волшебство до самого конца. Откажусь от старой привычки смыкать веки, вырубать свет, прятать лицо на твоей груди в тот момент, когда…

Осторожное касание, лёгкие пальцы гладят ямочку на подбородке Алекса и чуть запрокидывают вверх его голову, словно Овер почувствовал, что последняя, самая мощная блокировка в сознании Охотника только что разлетелась на куски.

— Ты невозможно прекрасен, — выдыхает Крис. — Свет мой…

Звук чужого падающего тела остаётся где-то на дальней границе восприятия, но вот отборный мат в исполнении женского голоса игнорировать уже сложнее.

Олеся?!

Раздери тебя троян, вспомнишь говно, вот и оно. Но ты не учла одного. Думаешь, что пред твои очи предстали Кристиан Вебер и Алекс Рыков? Хрен там. Это внешний уровень, глубже которого тебе никогда не нырнуть, не увидеть сердце Охотника, раскалённое, как мартеновская печь, и сгусток заряженной плазмы в тонких пальцах Овердрайва.

Алекс едва заметно вздрагивает, но лишь крепче обнимает Кристиана. Это код на запуск защитной программы, Охотник. С губ Овера слетает короткое:

— Ты… мой.

Сильные руки до половины вытаскивают катану из чехла за плечами Алекса, и спинным мозгом он чувствует, как Кристиан обнажает лезвие. Сантиметров десять, не больше. Это как показать острые клыки противнику, обозначая свою территорию. Тихий шелест клинка дополняется утробным рыком, рвущимся из груди Охотника.

Обжигающе горячая, будто вместо кожи — кипящая сталь, ладонь Охотника ложится на эфес катаны поверх руки Овердрайва. Едва заметный укус боли под плечом — из-за заразы так выгибать назад руку становится всё сложнее. Перехватив клинок, Охотник чуть отталкивает руку Овера. Всё ясно без слов.

Это твой бой, Охотник. Но я всегда рядом.

Клинок покидает ножны, которые вместе с чехлом отрываются от спины и падают в снег. Я не знаю, как далеко ты стоишь, Олеся. Судя по удалённости потока возмущений и жалоб небесам и аду — метров пять, не меньше, но я тебя достану.

Взгляд глаза в глаза. Тысяча киловольт. Ты нужен мне, Овердрайв. Сейчас как никогда.

— И долго ты там стоять будешь, за моей спиной? — очень громко спрашивает Охотник, вкладывая в голос всю силу лёгких.

Рука машинально перехватывает катану поудобней. И метель резко стихает. Спасибо, Овер. Так будет легче.

На плавном развороте у Алекса перехватывает дыхание. Он жёстко прищуривается, тщетно надеясь на обман огней этого почти-транскода, но иллюзия не исчезает. Женщина, стоящая перед ним, действительно Олеся… С лёгким налётом шика Кристиана Вебера. Сапоги на платформе, тёмные кудри вместо легкомысленного фиолетового облака и распахнутое настежь пальто, рвущееся с плеч от ветра. Захотела поиграть в двойников, жёнушка? Или это маскировка, которая заставит меня отвести клинок? Наивная… Я смог убить точную копию Овердрайва два года назад, а уж тебя…

Олеся замерла в трех шагах от неподвижно стоящего Алекса. Почему я не промолчала, зачем не прошла мимо… Какого хрена, Алекс, меня тянет к тебе, как магнитом, даже сейчас, когда в твоей руке чёртова катана, весь ты расхристанный в край, а за твоей спиной сверкает глазами твой любовник?

— Сколько мне осталось, Олеся? — давя в себе звериный рык, спрашивает Охотник.

Ага, ты задумалась. На короткий миг, но переборола страх и прикинула сроки. Ты ждёшь моей смерти.

Стремительный прыжок Охотника застал Олесю врасплох. Крепкие объятия, горячая рука на пояснице, с остервенением впившиеся в спину пальцы… И только ледяное лезвие самурайского меча, прижатое к шее, не даёт сорваться сладострастному стону с её губ.

Охотник взглянул в лицо Олесе. Раздери меня троян, опять снизу вверх! Ну, нет, это уже осточертело.

Рывком опрокинуть в снег ту, чью улыбку боготворил когда-то. Испуганный вскрик. Охотник краем взгляда увидел, как Овер подходит ближе. В памяти всплыло недавнее: «соскучился по женскому телу»… Полюбуйся, Овер, не стесняйся. Откуда ж тебе знать, что мой огонь может быть огнём равнодушным, которому вообще всё равно, кто рядом?

Оседлать извивающееся от ужаса тело жены Алексу удалось

без труда, хоть он и оказался лицом к её дрыгающимся ногам. Возбуждения внутри не было ни капли. Обернувшись, Охотник презрительно посмотрел через плечо на искажённое страхом лицо Олеси. Нет, с женой я определённо пролетел. Может, на работе или ещё где ты можешь казаться сильной и смелой, Олеся, но раз ты не выдерживаешь моего огня — ты слаба. Ты не нужна мне.

Крепко схватив за щиколотку одну из двух пытающихся лягнуть его ног, Охотник резким движением согнул её в колене и отвёл в сторону. Удары женских кулаков в спину почти не отвлекали. И зря ты пытаешься вцепиться мне в волосы, Олеся. Я ж могу и промахнуться.

Отвести в сторону катану для удара, стальным захватом фиксируя ногу жены…

Крис до крови закусил запястье, но не двинулся с места. Стремительно трезвеющий разум хакера пытался устроить демонстрацию с транспарантом: «Содействие и укрывательство преступления», но короткий разряд — и долбанный, вечно правильный всезнайка отключается до утра, уступая место титановому киборгу с ядерным реактором вместо сердца.

— Добей её, Охотник. А потом я займусь камерами башни «Эволюция».

— Добью, — едва слышно ответил Алекс. — Но сначала спущу с небес на землю.

Превентивный истошный вопль Олеси. Короткий кат… И платформа, отрезанная от сапога без единой зацепки, летит к чертям в сторону.

— Какого… Хрена… Са… А… Охотник…

Ты даже не знаешь, как назвать меня. Но я чувствую дрожь твоего тела, когда перехватываю твою вторую ногу, Олеся. Ты ведь не уверена, что во второй раз я снова ударю по сапогу, а не по живому телу?

— Просто я ненавижу, когда на меня смотрят сверху те, кто не имеет на это права, — цедит сквозь зубы Охотник, ловя прицел для второго удара.

Короткий выдох сквозь сцепленные зубы. Всё внутри сгорает синим пламенем: первые счастливые месяцы совместной жизни, редкие выезды на природу, постоянные попытки пробиться сквозь холод речной воды твоей души, Олеся… Такое простое желание — быть понятым. И его исполнила не ты.

Удар. Дрогнула рука и клинок ушёл чуть в сторону. И снова крик, но уже по делу. Упала в снег вторая платформа, и почти сразу белое окрасилось алым. Ничего страшного, заживёт твоя царапина на пятке до свадьбы, которой не будет. Потому что я никогда не дам тебе развод.

Выбирали друг друга вместе, и в том, что ошиблись, тоже виноваты оба.

Всё. Теперь ты на истинной высоте, Олеся. И я готов отдать долги.

Охотник слитным движением развернулся, не теряя контакта с телом Олеси, и оказался с ней лицом к лицу. Боль, страх, панический ужас женщины разбились о синий ладожский лёд в глазах Охотника.

Приподнять слегка, мягко положить ладонь под затылок с такими незнакомыми каштановыми волосами, выпустить катану, которая с тихим звоном падает на полированный гранит…

— Если б я был Овердрайвом, то уже форматнул бы тебя, — прошептал Алекс, глядя жене в глаза. — Но я Охотник. Я просто выжгу тебя за исковерканную судьбу, за ту ночь, за подставу с квартирой, за встречу с Лисовским, за отравленный анальгетик… Хотела убить мою жизнь и это сбылось. Хоть мне и придётся замарать об тебя руки…

Ласка за лаской. Отточенные движения без души. Я хорошо знаю, что тебе нравится, стерва. Тебе хочется вот так, с напором, чтобы мои пальцы в твоём липком мирке делали приятно и немного больно… Но мне плевать. Я даже не сбил себе дыхание, хоть и вцепился второй рукой тебе в горло — то, что давно хотел сделать. И страстное желание придушить тебя борется с желанием принести боль гораздо более сильную, чем может сделать тело или сталь.

Что ж, пора. Ты на излёте, Олеся. От твоего животного рыка уже закладывает уши, а ведь я дал на выход всего пару пальцев и лишь десятую часть своего огня.

Резко разорвать этот жалкий коннект на самом верхнем уровне, рывком подняться. Охотника чуть повело в сторону от огненного шнура, прокинутого через плечо, но он устоял. Задыхающееся тело, которое так и не достало до звёзд по моей милости, лежит на ледяном граните, у моих ног, и его бьёт крупная дрожь… Твои последние секунды, Олеся.

— Я изменил завещание, — выдохнул Охотник, глядя в жалкое лицо жены, быстро белеющее в неверном свете фонарей. — Ты не получишь мою квартиру.

Он отвернулся, не дожидаясь ответа, стянул с себя рубашку и вытер измазанную руку. Чуть помедлив, швырнул на землю. К чёрту все. Счёт оплачен. Пальто на голое тело и катану в ножны. И где-нибудь упасть, чтобы вкатить хоть четверть дозы. Иначе совсем невыносимо.

— Уходим, Алекс, уходим… — кажется, ещё один повтор, и эта фраза станет лейтмотивом сегодняшнего дня.

Уйти, однако, удалось не слишком далеко, всего лишь до башни «Город столиц». Нырнув куда-то под низкий навес безлюдной автомобильной парковки, Алекс медленно сполз по стене, рванув из кармана запечатанный пакет с анальгетиком. Секундой позже Кристиан приземлился рядом с ним, разворачивая в руках тонкий прозрачный лист планшета. Неуловимое прикосновение к затылку — и беспроводное интернет-соединение активировано.

— Я быстро, — хакер обнял Охотника и откинул голову на его плечо, ныряя в реку-под-рекой.

— Что, прямо сейчас? — вопросил тот, но ответа уже не получил.

Оставалось молча смотреть на эти длинные дрожащие ресницы, вслушиваться в редкое дыхание птицы и ждать, ждать…

Обгони мою боль, Овер. Давай поимеем этот чёртов таймер вместе.

Двадцать минут.

Сальто в воздухе, курс на витой сервер «Эволюции», острые боковые грани которого подсвечены бледно-голубым, каждый огонёк — свободный порт для входа, но стреляного воробья на мякине не проведёшь, и Овердрайв, включив «невидимку», пикирует прямо на тёмную крышу. Вскрыть вентиляционную решётку, ведущую в шахту лифта — минутное дело.

Восемнадцать.

Тонкая стрела призрачного света отпускает себя в свободное падение. Снизу, навстречу ей, медленно поднимается лифт. Снова забили внутренний канал всякой ерундой, подумалось Кристиану. Ладно, прижмёмся к стене, пропустим эту кавалькаду, и погнали дальше.

Шестнадцать.

Технический этаж. Двери плотно сомкнуты, но в левом нижнем углу есть датчик аварийного открытия. Быстрое касание пальцев, треск короткого разряда, и датчик срабатывает на перегруз защитного модуля, устроенный Овердрайвом. Тяжёлые створки раскрываются с черепашьей скоростью, и Крис с размаху пинает их ногой, тихо кроя матом настройки шлюза и всех админов этой долбанной башни.

Четырнадцать.

Сменить окрас плаща на униформу сотрудника техподдержки, нырнуть за угол, и, как в старые добрые времена, смешаться с толпой офисного планктона, замерев у двери с надписью «Камеры внешнего наблюдения». Некогда подбирать код доступа. Разряд. Это значит, осталось сорок процентов мощности и пять минут, по окончании которых в здании

поднимется тревога.

Пять.

Второй раз за этот долгий день пальцы хакера сжимаются в кулак, но теперь его цель — не мерзкая харя противника, а тонкие стеклянные пластинки, свободно висящие в тёмной комнате, начисто лишённой гравитации. На каждой пластинке — светящееся изображение: мелкие фигурки припозднившихся сотрудников, аэроциклы и машины одна другой круче…

Четыре.

А, вот и нужный кадр: женщина, медленно ползущая на корточках. Костяшки пальцев разбивают экран на мелкие осколки, и те разлетаются в стороны, словно в замедленной съёмке. Для надёжности стоит разбить ещё три-четыре смежных экрана, уничтожая записи последних пятнадцати минут видеоэфира. Было бы чуть больше времени — сделал бы красиво, вырезав лишние кадры и идеально склеив соседние, никто б не заметил подмены. Но времени, как всегда, в обрез. Удар о тонкое стекло отдаётся в руке, перекрываясь с болью в разрезанной ладони реального мира, и Овер тихо стонет, в следующую секунду чувствуя, как горячие руки Охотника придерживают его голову там, на закрытой парковке.

Три.

В коридоре раздаётся топот десятка ног и короткие невнятные вскрики, но и так понятно, по чью душу бегут вооружённые до зубов секьюрити. Некуда отступать. Теряешь квалификацию, Овер. Остаётся только сосредоточиться, бросить жалкие остатки сил на пробой речевого центра и, срывая голос, закричать на весь этаж в надежде, что там, в февральской метели реального мира, Алекс услышит хотя бы его тихий шёпот…

— Отключи меня от Сети.

Два.

Картинка перед глазами плывёт и стремительно теряет цвет, тонкое тело хакера бросает в жар, а сразу после этого — в безвоздушный арктический холод. Это Охотник выдернул из разогревшихся имплантов хакера карту беспроводного интернета, оборвав соединение. Именно таким способом кто-то отключил Тришу Миллер целых двадцать лет тому назад, когда она сумела выйти с ним на связь прямо из психиатрической клиники, где её, абсолютно здоровую женщину, держали за то, что она не пожелала отказаться от ветра свободы в собственных крыльях…

Задыхаясь, Крис выгибается дугой и падает в темноту, сквозь невыносимо громкий треск разрываемой ткани виртуальной реальности.

— Дыши, Овер, дыши…

Горячие руки под лопатками.

Один. Один процент мощности, дисконнект его раздери…

— Всё… всё сделал. Валим отсюда. Спасибо, Охотник. Я бы сдох без тебя… Чёрт, вырубаюсь…

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Ладога.

«Меня вырубит на сутки». Такая простая вроде фраза, а ты, Охотник, снова поступил как эгоист. Потащил раненного Овера к нотариусу, потом надрался с ним, уже не совсем раненным. А после совместного сумасшедшего полёта совершил при нём не менее сумасшедшее падение. А ведь в первый миг ты хотел убить Олесю, признайся. И только испытанная на собственной шкуре истина, что смерть — лёгкое избавление от всего в сравнении с долгой жизнью и твёрдой памятью о своем унижении, удержала тебя от непоправимого.

В кромешной ночной тьме Алекс не видел никаких ориентиров. Оставалось лететь по приборам и изредка оглядываться на огоньки собственного флаера, летящего следом на автопилоте.

Аэроцикл Криса мягко шумел турбинами. Алекс не стремился выжать из машины максимум, ибо спешить было некуда. Да и, честно говоря, после осторожного подключения к системе он выяснил, что машина Овера не сравнится с его собственным флаером, даже если снести все условности электронной системы управления. Ну хоть в чём-то я могу с тобой поспорить, король.

Алекс тихонько вздохнул. Левое плечо, на котором покоилась голова Криса, уже давно окончательно и бесповоротно онемело, но он и помыслить не мог хоть на каплю изменить положение. Наверно, кто-нибудь очень разумный предложил бы сгрузить валявшегося в отключке Кристиана Вебера в одноместный флаер и пустить его следом на автопилоте, как сейчас. Ага, аж три раза я доверю электронике самое ценное, что у меня есть в жизни. Я не ищу лёгких путей. Пусть Овер будет практически лежать на моей спине, пусть я буду слышать его дыхание возле своей шеи. Одна предосторожность — обернуть твои хрупкие руки, король, вокруг своего тела и связать кисти тем самым шейным платком. Падать — так вместе.

Чем ближе к Ладоге, тем холодней. Алекс врубил печку на максимум, и облако горячего, почти июльского тепла окружило летящих.

А знаешь, Овер, у всего есть плюсы. Даже в твоем нынешнем состоянии. Я в кои-то веки могу подумать без свидетелей, точно зная, что ко мне в голову никто не залезет. Только по закону подлости ничего дельного как раз туда и не идёт… только то, что

я очень угадал с дозой. Ведь эта игра с заразой, Овер, меня уже вконец задолбала. Когда ты вкатываешь мне полную дозу — я вырубаюсь почти сразу и часов на восемь. А при части, например, четверти, как сегодня, я лишь терплю двадцать минут эту чёртову боль, а потом анальгетик гасит её почти до фона. Ненадолго, часа на три-четыре. И вот вопрос — если б я решил ввести себе больше и, потеряв скорость реакции, не успел вырвать тебя из транскода?..

Входящий звонок. Боги Сети, Лин.

Рука нажала клавишу приёма вызова раньше, чем мозг выдал сомнения, что Алекс — это именно тот, кого ожидает увидеть пацан за рулём отцовского аэроцикла.

— Па… Дядя Саша?!

Ну, это финиш, Охотник. Что врать будем? На твоё счастье, обзор у камеры видеосвязи маленький, и связанных рук отца, лежащих на твоём боку, он не увидит. Да и плечи у тебя широкие, Крисовой макушки тоже не видать.

— Привет, Лин, — тепло в голосе неподдельное, но лишь Овер смог бы уловить напряжение на нижнем слое эмоций. — Мы уже возвращаемся на Ладогу.

— А где папа?

Весь в отца, чёрт подери. Хакерская семейка, сразу главное выцепливают. А вот теперь, Охотник, начинаем врать напропалую.

— Он в моём флаере, Лин. Следом, на автопилоте. Поменялись шутки ради. Только ты не звони ему, вдруг он задремал.

Сосредоточенное лицо Лина на экранчике хмурится, ловя кучу несостыковок. Алекс молчит, но, кажется, выражение его лица красноречивей слов. Честно, всё в порядке, парень. Мы живы, мы целы, мы… эээ… почти ничего плохого не натворили. Разбитый нос Санти, две наших жены, получившие по первое число, хорошая пьянка, от которой следа в голове уже не осталось, и хакнутый сервер одного из небоскрёбов — не в счёт. Ну, оторвались мужики по полной… Потом всё узнаешь. Это в легенды войдёт.

— А… мама? — продолжает допытываться Лин. Ёлки-палки, почти как в анекдоте: «Папа, а где мама?»

— Твоя мама дома, — выдав самую светлую из всех возможных улыбок, ответил Алекс. — И с ней всё в порядке.

[Почти в порядке, если честно.]

— Ладно, дядя Саша, — решительно кивает Лин, проникшись ситуацией. — Когда вам можно будет позвонить?

В голове мигом включается бешеный калькулятор. Овера

вырубило в восемь вечера, я сейчас, как прилетим, тоже, наверно, не выдержу и добью себя до отключки… Но «послезавтра» звучит уж слишком безнадёжно.

— Завтра в это же время, — рискует речевой центр, получая добро от мозга. — Не волнуйся. Всё будет хорошо.

— До связи, дядя Саша.

— До связи, Лин.

Бр-р-р, кажется, пронесло. На зелёной сетке координат появилась финишная точка. Ещё пять минут полета, Овер, и мы дома. Где-то по левую руку остаются огни Питера. Знаешь, если бы ты был в норме, король, я бы утащил тебя туда, к застывшей во льдах Неве, на пустынный гранитный причал Петропавловки. Маленькая боковая площадка у самой воды, и космическая тишина транскода. Не будет рядом никого, не появится из-под земли ни одно даже смутно знакомое лицо. В свете прожектора с Нарышкиного бастиона мы будем как двое преступников, совершивших побег из мира обыденных представлений. И тебе не придётся после всего, что я позволю себе, ломать лёд серверов. Единственную камеру, которая всегда барахлит там из-за ветра с залива, я прицельно собью снежком…

Но я фаталист, когда не властен над судьбой. Я иду на посадку. Моя машина сзади издаёт звуковой сигнал, повторяя манёвр. Быстро развязать узел платка на твоих руках, поймать в полёте падающее на бок бессознательное тело, на руках занести в дом — дело пары минут. Прямо так, не разуваясь, пройти в гостиную и положить тебя на диван, устроив поудобней.

Спи, моя птица. Твои лёгкие крылья помогли мне выдержать этот день. Я отдам тебе себя, без остатка, ибо что ещё я могу оставить на твоем берегу?..[22]

Март 2072

Голографический ключ от базы данных, похожий на переливчатую гармонию кристалла висмута, мягко светился в руках Президента. Лисовский со своими ребятами работал на разрыв, проводя процедуру семантического кодирования почти пяти тысячам граждан Восточно-Европейского сектора, и теперь глава государства стоял внутри сумрачного пространства си-сферы перед бронированными дверьми с высшим классом защиты, ожидающими лёгкого прикосновения ключа, чтобы раскрыть перед взором своего единственного владельца ровные ряды ячеек, по три слова в каждом модуле. Коды доступа к людским умам, три заветных слова для каждого, кто подписался участвовать в исследованиях, впустив в свою кровь серебряную армию наномашин, и слов этих по мере почти круглосуточной работы трёх «Альтараксов» с каждым днём становилось всё больше и больше.

В компании Рафаэля Гарсиа Дуарте был сформирован особый отдел, перед которым была поставлена задача написать программу синхронизации, рассчитанную на создание общего ментального поля для нескольких сотен человек одновременно. На разработку модуля согласно условиям гранта отводилось два месяца, но гордый аргентинец обещал справиться за полтора.

* * *

Уже почти две недели прошло с той ночи, когда Линда, не успев поднять трубку, услышала в автоответчике дрожащее, хриплое Олесино: «Помоги мне…», но по неясной причине до сих пор не стёрла запись её звонка.

Может быть, потому, что в голосе той, которая когда-то именовала себя Зоряной, сквозь плач и невнятные объяснения слышался отчаянный призыв к самой богине Иштар, к единственной близкой душе, которая ещё не отвернулась от неё?

Ещё не совсем придя в себя после форматирования, устроенного Овердрайвом, Линда поднялась с холодного пола лестничной площадки, кое-как привела в чувство Рафаэля, вызвала ему скорую, а по прибытии медиков выбежала на улицу, на ходу отключая сигнализацию своего флаера. Вот только вопрос, куда лететь: вслед за побитым Санти или к раненной Олесе?

Впрочем, от мучений выбора Линду избавил сам Рафаэль, уже

из дверей машины скорой помощи накрывший трёхэтажным матом и Криса, и Алекса, и саму Линду. А мата богиня не переваривала ни в каком виде.

— Ну и хрен с тобой, сам виноват, — обиженно резюмировала Линда, закладывая вираж в сторону Делового центра.

На пронизывающем ветру ей захотелось расплакаться. Чёртовы мужики, думают, что раз у них есть член, то им всё дозволено…

При виде Олеси, которая сидела на низком гранитном парапете и жалобно стонала, слегка покачиваясь из стороны в сторону, сердце Линды пронзила острая игла жалости. Лихая метель почти уже скрыла от глаз кровавый след, но было ясно, что Олеся ползла из последних сил, лишь бы исчезнуть из вида вездесущих камер наблюдения. Что здесь произошло, почему она позвонила ей, Линде, а не в больницу, не в полицию, наконец?

— Охотник был рядом… — выдохнула Олеся, пряча лицо в тёмных мехах шубы Линды.

— Что-о?!

Ты бредишь, Олеся, и твой лоб пылает.

— Последние деньги трать, не бойся, будет ещё… — сбивчивым шёпотом продолжает Олеся. — Теперь так будет всегда, будет больше, чем…

— Объясни, что случилось?! — Линда хватает Олесю за плечи и резко встряхивает: верный способ вывести из ступора или шокового состояния, такому учат на курсах по оказанию первой помощи. Но сейчас этого приёма оказывается недостаточно, ибо Олеся, словно маятник, бросается в другую крайность и почти кричит:

— Какая ошибка, ты думала, это любовь!!![23]

Звонкий шлепок, и Линда бьёт Олесю по щекам, выводя из точки кипения на нейтраль, так что раненная женщина заканчивает почти спокойно:

— Мне не нужна твоя жизнь, не нужна твоя смерть… Охотники рядом…

И всю дорогу до больницы, весь путь до дверей реанимации Олеся, как заведённая, повторяла эту короткую фразу, словно кроме неё не было во всём мире иных слов.

Ворвавшись в операционную, Линда подвинула молодого анестезиолога в сторону и сама подобрала нужное сочетание препаратов для Олеси. Спи, Зоряна, не думай ни о чём, а я пока залатаю твою ногу. Новый день настанет очень скоро, и наша

месть будет страшна и прекрасна.

* * *

Развеяв уютный домик «Souls Unite» пеплом по ветру транскода, Крис, Шанкар и Стейнар подались в бескрайние поля гейм-дизайна. Кристиана готовы были с руками оторвать на должность руководителя отдела визуализации, но на собеседовании он не дал кадровику и слова сказать, вымолвив короткое: «Максимум — ведущий разработчик. И не надо спрашивать, кем я вижу себя через пять лет».

Шанкар сказал, что в случае действия непреодолимой силы, а именно сумасшедшей Линды, он без проблем пропишет Лина у себя, добавив, что тот может приезжать в любое время дня и ночи, приводить с собой Киру, а уж Оракул постарается не злоупотреблять специями в своей готовке.

После гибели Эйрика Стейнар в один день бросил курить, мужественно превозмогая желание врезать Шанкару, который изображал из себя пророка, хитро прищуриваясь на норвежца со словами: «Не ровен час, и женишься, Шторм…»

Нет. Жениться решительно не хотелось. Мстить Рафаэлю — при существующем раскладе сил никак не моглось.

— Овер, ну не верю я, что мы сдались с концами, — горячился Стейнар. — Колись, где ты ему трояна оставил?

Но Кристиан молчал, лишь в его серых глазах отражалось дождливое мартовское небо. И хрен там поймёшь по этому тонкому, бледному лицу, то ли действительно финита ля комедия, то ли ещё когда-нибудь повоюем…

* * *

— Лин Вебер? Проходите, садитесь.

От этой фразы, что преследовала его в ночных кошмарах, Лин по привычке вздрагивает, хотя пожилой мужчина, который готовится провести ему процедуру семантического кодирования, достоин благодарности хотя бы потому, что не пытается изобразить на своём лице преувеличенно добрую и слащаво-приветливую улыбку, которую считали своим долгом напялить на себя все без исключения работники медицинских служб при общении с ним, Лином.

Мальчик ныряет в нишу уже знакомой установки. Был бы помладше — представил бы себя космонавтом, проходящим

проверку на прочность в какой-нибудь центрифуге.

Створка бесшумно закрывается, и по бокам от Лина зажигаются синие огоньки. Из динамиков доносится голос Лисовского:

— Лин, сейчас тебе нужно будет вспомнить три самых важных вещи, три самых ярких воспоминания в своей жизни. Таких, куда ты захотел бы вернуться на минуту, будь ты сейчас в машине времени. Не торопись, подумай. Слова мне не нужны, просто представляй картинки, образы, прикосновения, звуки — всё, что сочтёшь нужным. Нажми на зелёную кнопку справа, когда будешь полностью готов.

Лин закрыл глаза.

С первым воспоминанием у него проблем не возникло. Ему пять, первая и единственная поездка с родителями за границу, в Западно-Европейский сектор. Около гостиницы, где они жили, обитал бродячий щенок. Тёплая коричневая шерсть, умные, почти человечьи, глаза. Щенок привязался к Лину настолько, что стал ночевать на пороге гостиницы, упрямо игнорируя раздражённое шиканье и пинки персонала. Впрочем, шиканье быстро прекратилось, но тогда Лин думал, что сотрудники гостиницы прониклись, наконец, их дружбой, а сейчас мальчику уже было ясно, что их неприязненное отношение смогла изменить небольшая сумма денег, оставленная отцом на ресепшн.

Второе воспоминание. Далеко лезть не надо, это побег из дома, момент сразу после вылета из окна. Стройный силуэт японца на крыше высоток Делового центра, ветер и дождь, огни в тумане, воплощённый транскод. Вдох полной грудью, и дыхание у Лина не перехватывает, как обычно бывало дома, при маме, ибо в его сердце нет больше чувства, что он мешает кому-нибудь своим существованием.

И третье.

Питер. Стремительный полёт по Неве, брызги воды на лице. Кира. Её улыбка ослепляет сильнее летнего полуденного солнца. Рука в руке. Один мир на двоих. Не отпускать. Никогда.

— Готов! — кричит Лин, забыв про звукоизоляцию кабины, и со всей силы нажимает на зелёную кнопку, скрытую в правой панели.

— Теперь вспоминай их по очереди. На каждое — ровно десять секунд. Поехали, — голос Лисовского долетает до Лина словно из космоса.

Лин по привычке хватается за боковые поручни, ожидая вращения установки, но «Альтаракс» остаётся неподвижным, лишь где-то над его головой загорается слепящий белый свет, а из динамиков слышится тихий писк таймера.

— Первое… Второе… Третье.

Спасибо, что хоть на этот раз меня никто не заставил подбирать слова, ибо слова бледны…

Ровно через полминуты свет гаснет, и шлюз машины времени открывается, возвращая юного путешественника в то время и место, из которого он отправился в миры собственных воспоминаний. Лин машинально вытирает лицо, на котором ещё не высохли брызги невской воды.

— Всё, через минуту отпущу, — кивает Лисовский, и пока учёный сохраняет отчёт, выданный «Альтараксом», мальчик успевает краем глаза заглянуть на экран его компьютера.

«Дружба». «Свобода». «Си…».

Экран выдаёт заставку, и третье слово скрывается от Лина за беззвучными переливами северного сияния. Ладно, он и так уже успел нарушить тот пункт информированного согласия, в котором говорится, что результаты семантического кодирования в текстовом виде участникам исследования не предоставляются…

— С этой бумажкой можешь идти в кассу, — Лисовский протягивает мальчику узкий бланк подтверждения явки. — И приглашай следующего…

* * *

После феерического самоуничтожения проекта «Souls Unite» Крис наложил негласное табу на разговоры с Алексом о своей новой работе. О нет, скрывать там было абсолютно нечего, и, более того, распространение информации про небольшую команду разработчиков сетевых игр всячески приветствовалось, но Крис решил, что эта тема будет закрыта отныне и навсегда, ибо с узкого мостика трёпа о гейм-дизайне всё ещё так легко было сорваться в воспоминания о том, что ему пришлось сделать в январе. О, Крис бы выдержал. Крис-после-обновлений уж точно. А вот Алекс…

Впрочем, питерские отлучки Кристиана не стали от этого менее частыми, и в какой-то момент Алекс не выдержал, заказав себе большой набор акриловых красок и тонких кистей. Некоторые камни, найденные им среди ладожских скал, так и просились под роспись. Можно даже серию сделать…

С головой уйдя в рисование острых крыльев чаек, парящих над весенней Невой, Алекс направил все силы на контроль движения собственных пальцев, и мысли в его голове не замедлили этим воспользоваться, подбрасывая яркие картинки воспоминаний, сохранившихся с той далёкой весны, когда они с

Крисом, тогда ещё руководителем махины с названием «Div-in-E», рванули на неделю в питерскую командировку.

До чего же же Охотнику хотелось положить ладони Крису на плечи и крепко обнять, прижимаясь губами к небесно-шёлковой коже на шее, вдыхать его запах, тонкий, едва уловимый запах свободы, а потом медленно пропустить сквозь пальцы тёмную челку, всегда падающую на глаза.

Давно ты не выбирался в люди, Крис. Пора бы и напомнить IT — сообществу, что есть некая компания с кучей разработок, которые только и ждут, чтоб быть благополучно отданными на благо простых юзеров и разработчиков…

— Волнуешься? — как всегда, точно в цель, Охотник.

— А что, заметно? — обернувшись, Крис отошёл от окна и приветственно кивнул Алексу на соседнее кресло. — Кофе будешь?.. А, стоп. Помню. Есть сок в холодильнике.

— Ну как тебе сказать… — ответил Охотник. — Мне — заметно.

Улыбается, свет мой.

— Ладно, — закончив кулинарное извращение под названием «столовая ложка сгущёнки в кофе», Крис садится рядом. — Помаши мне там рукой, я найду тебя взглядом и буду рассказывать про всю эту муть так, будто мы с тобой одни в этом зале.

Когда Овер летел по проспекту, он казался высоким и недоступным, настоящая птица. А когда он, вымотанный презентацией и переговорами, вышел в жалкий сквер около бизнес-центра и упал на скамейку рядом с Алексом, положив голову ему на плечо и замерев, Охотник почувствовал, как к его беспомощности примешивается и восторг и страх, что не сможет он защитить эти хрупкие серые крылья. Ты как-то сжался тогда весь, Овер, и больше всего я мечтал обнять тебя и никогда не отпускать…..

На твоих запястьях даже не кожа, это какая-то небесная материя.

Время останавливается, когда веду пальцами над тонкими венами.

И весь ты как мелодия неведомой песни, которую мне никак не выучить. Рука в руке. Тихое прерывистое дыхание и киловольты в глазах, не придуманные, не на бумаге.

Самый волнующий момент, когда моё сердце пропускает удар, а я забываю вдохнуть — это когда ты замираешь, что-то задумав. Доли секунды, мои судорожные попытки угадать, что будет, когда я таю под твоим взглядом

И даже когда я жду этого, я готов, ты всё равно обнимаешь

меня внезапно и так же неожиданно целуешь.

И ей-богу, мне порой кажется, что что-то напутано, и огонь в тебе. Он не мешает электрическому разряду, он его дополняет.

И тот поцелуй, огненный, настоящий, который как новый уровень коннекта… Его никогда не забыть. Это была настоящая невесомость, когда отрываешься от земли и летишь на твоём крыле.

Мы в ответе за тех, кто нас приручил. Я не отпущу твою руку, Овер.

Перед глазами всё на миг смазывается, и Охотник машинально отводит тонкую кисточку в сторону, чтобы не испортить рисунок. Тихий голос с трудом прорывается сквозь помехи весеннего ветра и расстояния, но Алексу удаётся разобрать:

[И я не отпущу твою руку, Охотник. Спасибо, что ты есть. Твои волосы на солнце как раскалённый вольфрам. В твои глаза я падаю, словно в небо, раскинув руки и ловя попутный ветер. Эти горячие ладони и ямочку на подбородке я готов целовать до бесконечности.

Я сделаю всё, что угодно, ради твоей счастливой улыбки.

Ты хотел знать, о чём я мечтаю?

Пожалуйста. Пусть будет эта ночь. С лентой. На любой из питерских крыш.]

«Свободу речевому центру!» — потребовал мозг Алекса и незамедлительно выдал ответ Овердрайву.

[Что, крышу тоже я должен найти? А без неё, значит, ничего не будет?..]

* * *

Сучий ты потрох, Кристиан Вебер.

Рафаэль критически оглядывал собственное отражение в зеркале. Команда пластических хирургов сделала всё возможное, чтобы восстановить форму носа аргентинца, но теперь вместо прежней линии решительного профиля он получил какую-то невнятную, хоть и идеально симметричную, картофелину.

Думаешь, Овер, если ты научился регенерировать, аки вампир, то можно и руки распускать?!

Не-ет… У каждого героя есть слабое место, и уж поверь, я найду твою уязвимую точку.

Устав пялиться в скучный потолок больничной палаты, Санти закрыл глаза. Перед его мысленным взором уже в который раз встало искажённое лицо, растрёпанные седые волосы и горящие

бешеным огнём глаза. В горле у Рафаэля мигом пересохло, пальцы непроизвольно сгребли в горсть край тонкого одеяла, словно желая довести до конца то, чему так невовремя помешал Крис. Задушить Зверя, который позволил себе наброситься на своего невольного благодетеля после того, как ему в пасть была брошена целая уйма денег. А потом развернуться и с утробным рыком припечатать Овера к стене, впиться пальцами в эти непокорные серые глаза… но прежде заставить его смотреть на бесконечно долгую агонию Охотника.

Что ж, если ты каким-то образом и обрёл бессмертие, Крис, тем лучше. Рафаэль судорожно сглотнул, зажмуриваясь ещё крепче. О, Кристиан, я бы заставил тебя встать на колени перед измученным, бездыханным телом Алекса, и сказал бы: «Получай, Овер. Твоего любимого больше нет. А ты останешься жить. Твоя боль будет длиться вечно, и избавиться от неё тебе вовек не суждено».

* * *

Услуга «Лови момент», отключавшая модуль логического мышления вместе с сектором планирования будущего, оказалась платной, и вот она, цена. Две полоски на белом прямоугольнике теста, очертания колеи, что впервые проявились перед ней на февральском снегу и вполне чётко обозначились в грязи весенней распутицы. Наверное, во всём была виновата полная луна, взошедшая над развалинами заброшенного буддистского храма где-то в Таиланде, откуда они с Хидео вернулись в конце января, всего на неделю вырвавшись во влажное тропическое лето из холодной московской зимы. А может быть, причиной всему стал дразнящий, сладкий аромат крупных белых цветов на деревьях с плотными глянцевыми листьями, который заставил молодую пару забыть про полное отсутствие каких бы то ни было средств защиты и поддаться обоюдному порыву прямо в глухую полночь, на пустынном пляже, недалеко от живописных развалин.

Хидео искренне полагал, что успел остановиться. Мария тоже.

Первые минуты осознания у Марии прошли под знаком трясущихся рук и ощущения странной пустоты внизу живота, где, казалось бы, ей стоило представлять коварную маленькую загогулинку, которая уже начала сосать из неё все соки, стремительно увеличиваясь в размерах, пока Маша безмятежно спала, сидела за компом на работе и вместе с Хидео ходила на каток по выходным. А очень скоро эта (или этот)?.. словом, это

существо лишит её и катка, и работы, и самой себя, переименовав файл «Мария» в файл «Мама… Васи? Люси?»

Заперевшись в ванной, Мария задрала футболку, повернулась перед зеркалом и воззрилась на свой живот. Пока ещё ничего не заметно. Может, сделать аборт? Муж вроде бы ни о чём не подозревает…

Мария решительно распахнула дверь ванной и чуть не въехала по лбу Хидео, который невозмутимо шёл из кухни с чашкой чая. Тёмные, как безлунная полночь, глаза на миг встретились с кристальной гармонией чистого льда.

— Что-то случилось, Маша?

[Рассказывай, что стряслось. Я рядом.]

Маша не выдержала и отвернулась. Ещё не хватало расплакаться при тебе, Хидео. Понравлюсь ли тебе такой?..

Тёплые объятия, словно её укрывают от всех бед сначала сильные руки, а потом и лёгкие крылья японского хакера.

— Ты хочешь детей? — шёпот Марии еле слышен. — Ну, в перспективе…

— Хочу, — отвечает Хидео. — Мальчик будет или девочка?

Догадался, ёлки-палки. Миновал все защиты и пробился на уровень истины. Так же, как умеет делать отец… Что ж, Хидео, мы рискнули один раз — там, на тайском берегу, рискнём и ещё. Только не обвиняй меня потом во всех смертных грехах и прежде всего, в упущенном моменте, если вдруг тебе не по нраву окажется роль отца Пети или Кати.

Короткий выдох.

— Ещё не знаю… Только никому пока не говорим, ладно?

* * *

Лисовский мерил шагами кабинет в ожидании специалиста техподдержки, спешащего в его лабораторию с благой целью заменить очередную сгоревшую микросхему второго «Альтаракса», который словно почуял весну и стал брыкаться каждую неделю. Устав от бесцельных метаний, профессор прислонился спиной к прохладному матово-белому боку машины и закрыл глаза.

На тех данных, которым по воле Заказчика суждено было остаться вовек засекреченными, уже сейчас можно было защитить несколько диссертаций, но Лисовскому оставалось лишь досадливо стукнуть по столу кулаком и заткнуть себя выполнением рутинных операций.

— Здравствуйте. Ваша фамилия, имя, отчество. Это бланк

информированного согласия. Прочитайте и подпишите, пожалуйста. Присаживайтесь вот сюда, осторожно, стуенька, руки можно положить на колени. Процедура займёт несколько минут…

Перед закрытыми глазами Лисовского начала медленно проявляться светлая картинка. Бессловесные образы, пойманные его цепким взглядом, блуждали под сомкнутыми веками, потепенно выстраиваясь в ровную цепочку, как школьники, бегающие по коридору на перемене, выстраиваются на линейку под строгим взглядом учителя, едва прозвенит звонок.

Школьники.

Да будь я азартен, поставил бы «Альтаракс» против велосипеда, что психика подростков на порядок чувствительнее к изменениям, происходящим в каждом из тех, кто пришёл в его, Лисовского, лабораторию обычным человеком, а ушёл без пяти минут героем древнегреческих мифов.

И сколько бы господа бытовые психологи не говорили про трудности так называемого переходного возраста, Лисовскому ясно было лишь одно. В группе, условно поименованной «10–15», наблюдался максимальный разрыв между фоновым и контрольным сканированием биополя, то бишь до и после введения наномашин. Это время стремительной весны, состояние «уже-не-дети-ещё-не-взрослые», запредельная лабильность психических процессов, бьющие через край эмоции, лёгкая внушаемость, перестройка всех систем организма, когда за одну ночь и один день может свершиться то, на что соседней группе «16–21» потребуются недели, категории «22–27» месяцы, а гражданам из комнат «28–33» — годы.

Молодое дерево гнётся, старое — ломается, вот что. Только в отчёте такие слова не напишешь. Они ж там все из категории «45+», не поймут.

Лисовский открыл глаза и грустно усмехнулся, ловя собственное отражение в отполированной до блеска деке «Альтаракса». Внешний фактор, чёрт его дери. Седые пряди, пусковой стимул для матерей мальчиков: «Уступи место дедушке». И плевать они хотели, что этому дедушке, который так и не обзавёлся ни детьми, ни внуками, не шестьдесят, которые указаны в паспорте, а сорок восемь, на которые он себя чувствует, и так вовек пребудет до самого последнего его вздоха на этой чокнутой планете.

* * *

Пока Олеся лежала в больнице, Линда заказала для неё

аэросапоги. На изготовление ушло почти две недели, но этот шедевр стоил долгого ожидания и вложенных денег. Тонкая чёрная кожа, изящный подъём, золотистые крепления, плотно охватывающие ногу почти до колена, на месте одной пятки — мягкий уплотнитель. А самое главное — мощные реактивные движки, направленная струя, взметающая городскую пыль, и бонус от производителя — магнитные платформы, позволяющие ходить хоть по потолку, если он сделан из металла.

— Я в долгу у тебя, Линда, — тихо прошептала Олеся, сделав робкий первый шаг в сторону двери больничной палаты. От непривычной высоты у женщины слегка закружилась голова, и она машинально схватилась за плечо Линды.

— Осваивай понемногу, — пряча довольную улыбку, откликнулась та. — А пока предлагаю немного нарушить твой режим дня…

Следом за сапогами на свет божий была извлечена бутылка белого вина. Олеся присвистнула. С каждой минутой Линда нравилась ей всё больше.

Первый тост был на автомате поднят за здоровье, второй — за наступившее восьмое марта, а уж потом клубочек беседы размотался сам собою, привольно поскакав в сумрачные лесные дебри.

— Как он нашёл тебя, Олеся?

— Это не он… Это я случайно их увидела.

Может быть, обойтись без уточнений, в какой именно позе?.. А, к чёрту. Когда нечего терять…

Решившись нырнуть на уровень полной откровенности, Олеся глубоко вдыхает пропахший лекарствами (а теперь ещё и спиртным) воздух, но Линда перебивает её торопливым вопросом:

— Всё-таки не понимаю, за что он хотел тебя убить?

Олеся выдыхает, резко уходя с намеченной траектории. Не спроси ты, Линда, я бы и сама тебе рассказала, дай только срок. Нет, ещё не настало время прочного коннекта с тобой, богиня.

— Он не хотел. Просто унизил, срезал каблуки… И сказал, что переписал завещание.

— На кого?! — взвивается Линда. — На Криса, что ли?

— Надо полагать, — тихо откликается Олеся.

Золочёные шестерёнки в мозгу Линды начинают бешено вращаться, прикидывая новый расклад сил. Так. Если Крис получит Олесину квартиру, можно будет с чистой совестью выписать Лина туда. Наверное, дни Алекса сочтены, раз он так подорвался с завещанием. Интересно, как скоро ожидать конца?

— И… Олеся, как он выглядел? — упорно не называя Охотника по имени, забросила удочку Линда.

Олеся вздрогнула, вспоминая сильные руки мужа, горячечную порывистость его движений, адское пламя в глазах… От своей болезни он выгорает, как реактор с отключённой защитой, это ясно. И если б не постоянное присутствие Кристиана, этого хрупкого ледяного короля, внутри которого, оказывается, был спрятан несгибаемый стальной стержень, Алекс давно бы превратился в кучку пепла.

— Я не знаю, сколько ещё… — сквозь спазм в горле выдала Олеся. — Да и неважно. Просто обидно… Они там при всех… Понимаешь… А потом он перед Кристианом так со мной…

Линда непроизвольно подбирается, словно дикая кошка, готовая в любую секунду выпустить когти, и склоняет голову ближе к Олесе. Один вопрос, Зоряна, только один…

— И… что Крис?

— Сказал… Добей её, Охотник, — шёпот Олеси настолько тих, что Линде приходится читать по её губам, и то, что она прочла, заставляет богиню впиться острыми ногтями в собственные ладони. До крови.

Ты не успеешь получить квартиру, Кристиан.

Клянусь, вы подохнете оба. В один день.

Апрель 2072

День космонавтики в 2072 году больше походил на День дурака, благо между ними было всего одиннадцать дней разницы. По крайней мере, так считал вице-президент «Еврокосмоса», получив отчёт от руководителя «Аэлиты». В отчёте недвусмысленно говорилось, что даже огромный объём обрывочных данных, выкачанных агентом Кэтсманом-Кошкиным из американского проекта «Black Horse» и переданных им по сверхдальней телепатической связи, помог команде «Аэлиты» лишь сделать более или менее качественный копипаст, но никак не превзойти своих заокеанских конкурентов.

— Пуск состоится в июле, — сообщил Кошкин. — На борту будет порядка пятисот специально подготовленных американцев, и они больше не вернутся на Землю, став первыми марсианами. По крайней мере, так говорит наш… то есть их президент.

Обогнал, чёртов выскочка.

Или… нет?

На первое апреля календарь Президента Восточно-Европейского сектора выдал какие-то частушки в дурашливой цветовой гамме, и в числе прочего — короткую детскую считалочку.

«Первый — горелый, второй — золотой…»

Президент уставился на голограмму. Первый — горелый, значит…

— Главу Роскосмоса ко мне. В восемнадцать вечера прямая связь с агентом. Новое задание.

* * *

«Целое больше, чем сумма частей».

Красивая фраза на одном из слайдов презентации к «ТехноКону — 2067», где Кристиан битый час распинался про тонкости эффективной организации трудовых будней компании, в которой все сотрудники сидят на удалёнке в разных концах земного шара?

Нет, Крис никогда не бросал слов на ветер и не говорил попусту о том, что было вне его понимания. А значит, настало время Олесе и Линде объединить усилия. Тебе будет чертовски приятно узнать, что у твоего правила нет исключений, сероглазый всезнайка.

Итак, что мы имеем?

— Ты до сих пор работаешь в лаборатории у этого… как его… Хвостовского?

— Лисовского, — машинально откликнулась Олеся.

Линда чуть вздёрнула чётко очерченную бровь. Если не принимать во внимание её ошибку, то фамилию, произнесённую Олесей, она за это время уже где-то слышала, а точнее, видела — не то на рабочих документах Рафаэля, не то в скане справки из поликлиники, сотрудники которой любезно уведомили Линду о том, что её сын благополучно завершил свою эпопею с участием в эксперименте «Марс — 2072».

— А, точно, Лисовского. И чем занимаешься?

Олеся задумчиво подняла глаза к потолку. Ну натуральное собеседование в отделе кадров.

— Сканируем биополе добровольцев после введения наномашин.

Ожидая натолкнуться на непонимающий взгляд землянина, с которым заговорил пришелец, Олеся была немало удивлена, когда Линда задала вопрос:

— Это уж не про телепатию ли речь?

— Как тесен мир, — вырвалось у Олеси. — Ты тоже участвовала?

— Я? — Линда фыркнула. — Нет. Но Лин прошёл оба этапа и ничего мне не рассказал, представляешь, еле из Машки вытянула, куда его черти носили… Прости, Олеся, не хотела тебя обидеть…

— Да ладно, проехали, — в тон ей отозвалась Олеся, парируя удар. — А ты-то как? Свадьбу с Рафаэлем не планируете?

— Пока у него нос не заживёт, и думать не хочу, — нарочито весело рассмеялась Линда, не желая признаваться самой себе в том, что насмешка над Санти — лишь маска, призванная скрыть лёгкое презрение к нему, возникшее в Линде после той ночи, когда этот вечно бравирующий своими мускулами аргентинец не смог справиться с двумя мужиками, один из которых — дрищ дрищом, а второй смертельно болен.

Ладно, чёрт возьми. Будем и дальше обмениваться колкостями или перейдём к делу, Олеся?

Рассеянным движением пальцев Линда активирует проектор, встроенный в самый край стола, и в воздухе перед ней повисает голограмма электронной заметки. Острый ноготь проводит черту на слабо светящемся бежевое поле, разделяя его ровно пополам. Левая колонка — Олеся. Правая — Линда.

Пресвятой коннект, Иштар. Как же ты похожа сейчас на Криса Вебера, который не ввяжется в бой, пока не составит чёткий план действий, желательно с раскадровкой предстоящего экшена со всех возможных точек обзора? И какой же надо быть наивной,

чтобы не заметить в этом монолитном сплаве немецкой точности и английской сдержанности ту залётную, чумовую, насквозь неправильную птицу, что судорожно билась всё это время в стальной клетке? А может, и не было никакой птицы, пока не прискакал этот чёртов кодер с катаной и не объявил Криса своей мечтой?

— Как. Нам. Достать. Эту. Парочку, — сквозь сжатые зубы процедила Линда. — Что у нас на руках?..

Голографические часы над дверью гостиной равнодушно отсчитывали секунды, складывая их в минуты, а минуты переплавляя в часы. К утру кофе в доме Линды закончился чуть более, чем полностью, но таблица была готова.

Сохранив файл, Линда оперлась о край стола, закрыла глаза и медленно выдохнула. Помнится, ты, Олеся, сама сказала, что в долгу у меня. И если всё пройдёт по плану, мы придумаем, как распорядиться твоей квартирой.

* * *

Каждый градус, покорённый погодой на столбиках термометров, добавлял лишних пятнадцать минут времени, в течение которого Лин продолжал болтаться на улице в компании друзей, но чаще — за руку с Кирой. И ему совсем не нужно было читать мысли сестры, которая то и дело скрывалась в ванной комнате, чтобы понять, какой из параметров системы оказался случайно изменён, по прикидкам Лина, где-то в начале февраля.

Хидео старательно делал вид, что в Багдаде всё спокойно, однако, в его тёмных глазах то и дело проскакивало виноватое выражение. Словно сговорившись, все трое решили ничего не рассказывать Линде, но японец в упор не видел причины таиться от отца Марии, тем более, что она и сама начала тяготиться присутствием брата, понимая, что срывается на нём помимо своей воли.

Положение спасла Кира, с улыбкой энтузиаста с раритетных советских плакатов провозгласившая:

— Лин, я нашла, куда нам смыться почти на месяц! Смотри, всех, кто участвовал в «Марсе-2072», приглашают в лагерь на Селигер, чтобы пройти подготовку к космической миссии. Целых три недели!!

Отлично, Кира, принимается. И к отцу поближе. Лин с улыбкой ударил раскрытой ладонью по тонкой ладошке Киры. И, хотя протез имел текстуру её кожи, а температура в нём корректировалась с учётом общего состояния организма, в такие

моменты девочка всегда протягивала ему здоровую руку.

* * *

«Если женщина интересуется твоими делами, значит, ты халтуришь в постели, — такова была одна из заповедей, завещанных Рафаэлю от отца. — На твою работу ей по большому счёту плевать, просто это самый безобидный способ получить от тебя желанное внимание».

Поэтому, потратив ровно пять минут на импровизированную лекцию о благополучно завершённом проекте по созданию единой базы данных для работы с семантическими образами пользователей, желающих установить друг с другом телепатическую связь, Санти свернул все окна на своём моноблоке и предпочёл перейти к связям половым.

На этот раз, однако, Линде впервые пришлось симулировать оргазм, кувыркаясь в кровати с аргентинцем, ибо её мысли были заняты вопросами, никак не способствующими усилению желания.

«Лин-то наверняка в этой базе, как участник исследований. Это что ж получается, мой сын — телепат? Неужто он подслушал мои мысли насчёт обновлений для Киры и сдал отцу? Чёрт подери, а как иначе объяснить, что они припёрлись сюда драться? И где гарантии, что не припрутся снова?»

— Сладкий мой…

«Хотя стоп. Отставить панику. Олеся говорила, что связь проходит только между теми, у кого установлены наномашины, и больше сорока с чем-то минут в сутки она не держится. Тогда, выходит, Алексу каким-то чудом открылось, что он спёр данные у Криса и отдал их Рафаэлю на блюдечке, по поводу чего и прилетел ему навалять…»

— Ещё, ещё, глубже…

«Кстати говоря, надо подсмотреть, как авторизуется Рафаэль, и улучить момент, пока он будет дрыхнуть. А для надёжности вкатить ему снотворного. Да ёлки-палки, что ж такое? Я сейчас даже думаю, как Овердрайв…»

Дежурный вопль сладострастия, и Линда выгибает спину, напрягая нужные мышцы, чтобы скорее услышать львиный рык Санти и покончить с этим.

Крис никогда не рычал. Он вообще не издавал ни звука, лишь изредка позволяя себе тихий короткий стон. Зато его невозможно было обмануть даже самой изощрённой имитацией. Овер просто приостанавливался на миг, а потом выкладывался больше

прежнего, позволяя себе вырубиться лишь после того, как донесёт Линду до небес своим двойным зарядом.

И знать, что этот заряд отныне предназначен не ей, угрохавшей полжизни на то, чтобы Крис был счастлив, а чокнутому кодеру, который должен был оказаться проходным персонажем, но стал сначала коллегой Кристиана, затем его близким другом, а теперь и любовником, было поистине невыносимо.

Ты допустил критическую ошибку в наших с тобой отношениях, Крис. А я по доброте душевной дала тебе слишком много времени, чтобы одуматься.

Но время вышло, Овер. Просто знай это.

* * *

Глава Департамента безопасности Восточно-Европейского сектора вышел из кабинета Президента ровным шагом, бросив все силы на то, чтобы сохранить непроницаемую каменную маску на собственном лице. Новое задание было понятным до ужаса и, честно говоря, с момента завершения секретной операции «Марс — 2072» стало номером один в списке ожидаемых приказов свыше, грозя перейти в разряд ночных кошмаров.

> «Команде деактивации (отдел Информационной безопасности). Провести процедуру избирательного удаления файлов памяти с датой создания от 01.06.2071 и до настоящего времени:
>
> — медицинскому персоналу, принимавшему участие в процедуре введения наномашин;
>
> — инженерно-техническому персоналу компаний „Souls Unite“ и „Div-in-E“ (см. Приложение № 1).
>
> Начиная с 01.05.2072 особое внимание уделить лицам, указанным в Приложении № 2».

Сердце главы Департамента ухнуло куда-то в пятки, а через секунду ударило в уши с силой цунами на японском берегу, пока он открывал на своём планшете «Приложение № 2». Но фамилий в нём было совсем мало, и его в том списке не оказалось.

Пожилой чиновник облегчённо выдохнул. Ах, вот что значила туманная фраза Президента: «Досчитал до десяти — можешь погулять пойти». Если работа будет выполнена качественно и в срок, всё ограничится простым увольнением и скромным коттеджным домиком где-нибудь под Сергиевом Посадом.

А этим, кто в коротком списке, не позавидуешь… Но что

делать. Выбора нет. И не было с самого начала.

* * *

— У меня всё готово, Линда, буду ждать тебя на проходной. Ты как, успела?

— Да, вылетаю.

Сумасшедшая гонка по диагонали над весенней Москвой, в которую ворвался свежий ветер, выгнав вечную удушливую дымку выхлопных газов далеко на юго-восток. Твоё любимое время года, Иштар. Первые робкие листья на деревьях, очнувшихся от долгой зимней спячки. Светло-синяя бесконечность неба, каждый глоток которого пьянит почище любого вина.

Сегодня, однако, ты прячешь лицо под забралом защитного шлема, как Кристиан в транскоде прятал свои глаза за бесстрастным блеском зеркальных очков, готовясь совершить очередной взлом.

Едва не заплутав в переплетении московских проулков, Линда, наконец, нашла нужную дверь — неприметную, обшарпанную створку, в которую было встроено узкое окошко сканера отпечатков пальцев. Не успела Линда поднести к сканеру свою руку, как дверь с утробным гулом подалась в сторону, словно черепаха, неся на своей стальной громаде толщиной в полметра жалкую деревянную нашлёпку.

Вот ты какой, настоящий Институт нейрофизиологии…

Цепкая лапка впилась в запястье Линды, и Олеся втащила её в прохладный сумрак неожиданно высокого коридора.

— Пойдём, у нас всего пара часов, пока Лисовский уехал с докладом, — лихорадочно зашептала она. — У нас после исследования остался ровно один комплект прошитых наномашин, так что тебе очень повезло. Вот, проходи сюда, садись… Минуту, уберу это барахло…

Давно позабытое ощущение прокола в коже, от которого Линда вздрагивает, мигом вспомнив и учебную практику в институте, и первое место работы, простой медсестрой в больнице.

— Двадцать минут или около того, — Олеся с трудом скрывает волнение, поскольку она ни разу не проводила подобной процедуры лично, ибо эту часть работы выполняли врачи в поликлиниках. — Через три минуты наномашины попадут в твою кровь, и у тебя появится немного ээ… странное ощущение…

— Какое? — голос Линды внезапно оказывается настолько

спокойным, что дрожь в руках Олеси пропадает без следа.

— Ну… как будто ты лишилась тела и поднимаешься в воздух. И ещё всякие воспоминания могут лезть…

Пять минут.

Родители, в которых словно был встроен таймер, заставляющий их гнать дочку от компа через пять минут после того, как она доделает за тем же самым компом свои бесконечные уроки и дерзнёт, наконец, посвятить себя любимому делу. Отдых за экраном, оказывается, портил зрение, в отличие от задачек по геометрии.

Десять минут.

Странный парень в серебристом плаще, который прикрыл её собой в жаркой битве какой-то сетевой игры. Ему оставалось несколько секунд до отключения, грудь была пробита навылет, но тогда ещё не было корректных протоколов передачи сенсорных данных, поэтому парень улыбался, как чёрт, и что-то тихо шептал. Маны у Линды не хватало, чтобы его вылечить, но на тихое: «Мы ещё встретимся, Иштар?» она успела ответить коротким кивком, даже не задумываясь.

Пятнадцать минут.

Тёмные волосы, разметавшиеся по плечам хакера от грозового ветра, который укрыл беглецов стеной дождя. Вахадж вёл аэроцикл, и Линда держалась за его куртку, зажав между пиротехником и собой тонкое, стройное тело Кристиана, в котором непонятно как держалась жизнь. В ту ночь она впервые меняла сгоревшие импланты живому человеку, но руку богини вело неизведанное прежде чувство, что раз уж её угораздило влюбиться, то она сумеет выполнить самую сложную операцию, не причинив хакеру никакого вреда. Боги Сети, как же ей стало страшно, когда Крис выгнулся дугой, словно ударенный током, и со стоном упал на пол. В сознании Линды билась одна мысль: «Он или не вспомнит, кто я, или возненавидит меня». И что будет лучше, неизвестно.

Двадцать минут.

Ресницы Кристиана дрогнули, и Линде, случайно поймавшей его взгляд, показалось, что она лишается своего медленного, неудобного тела, вылетая из него, как пробка из бутылки. Только сейчас, при ярком свете безоблачного дня, девушка наконец-то разглядела цвет глаз хакера. Не карие. Тёмно-тёмно-серые. Не бывает таких глаз. Но Крис не использовал контактные линзы. Казалось, в этом взгляде была вся Сеть, вся её энергия, направленная на то, чтобы перекроить ошибочную версию локальной реальности здесь-и-сейчас, пока не стало слишком поздно…

— Всё, Линда. Отключаю. Ты молодец, — голос Олеси маячил где-то на периферии, как клич ёжика в тумане. — Расскажешь потом, удалось ли тебе связаться с Лином…

* * *

Целых полтора часа Кира провела в магазине одежды, выбирая себе платье, которое бы понравилось Лину. Боги Сети, а предстояло ещё отыскать подходящие туфли, ибо раздолбанные кроссовки девушки неожиданно стали раздражать её друга, которого в своих смелых мечтах она уже называла молодым человеком. Да и в нём самом за последнюю неделю стали происходить какие-то неуловимые изменения, словно где-то глубоко в душе мальчика с коротким треском вскрывался тонкий лёд, моментально берущий шпионскую паузу, как только в его сторону обращался чей-нибудь любопытный взор или не в меру чуткое ухо.

— Привет, Лин, — бежать на каблуках было непривычно и более того, опасно, но Кира рискнула на привычной скорости одолеть эти десять метров до сероглазого бога, восседавшего в коляске, как на троне и озарённого лучами заходящего солнца.

Последний рывок к свету, ветер в волосах, но крупный булыжник беззвучно смеётся и предательски подворачивается девочке под ногу. Сдавленно вскрикнув, Кира летит прямо в объятия Лина.

[Глупая, кто ж бегает на каблуках?]

Инстинктивно Лин выставляет перед собой тонкие руки, то ли ловя Киру, то ли защищая себя от её падающего тела. Коляска с мальчиком откатывается назад, и Кира не успевает удержать равновесие, падая голыми коленками на асфальт.

— Не ударилась, Кира?

Голос Лина звучит чуть сверху, и в закатном солнечном свете, бьющем в глаза, девочка не может разобрать выражение его лица, но, пресвятой коннект, в этом голосе нет прежней готовности разделить её боль, а лишь дежурная безликая забота. И от этого без пяти минут равнодушия Киру накрывает такая злость, что в её груди зажигается адское пламя, готовое превратить проклятый, невесть откуда взявшися лёд в воду, а воду — в пар.

— А если ударилась, то что?

[Сама виновата]

— Сама виновата, — смеётся Лин.

— Да что с тобой?! — взрывается Кира, крича на весь двор, лишь бы не заплакать.

[Чего орёшь, как психбольная?]

— Чего орёшь? — спокойно спрашивает Лин.

Кира вдыхает, собираясь разразиться пламенной речью насчёт никому не нужных жертв в виде долбанных платьев, но давится слезами и заходится в мучительном кашле, однако, даже согнувшись пополам, не сводит с Лина потемневших глаз, на сиплом выдохе бросая ему в лицо:

— Не нужна… тебе… так и скажи…

[Не нужна.]

— Не… — Лин осекается, его бросает в жаркую дрожь.

Боги, ты мне нужна, Кира.

[Не нужна, уходи прочь.]

Останься, умоляю… Без тебя мне не жить.

— Пр-р… — тошнотворный спазм заставляет Лина заткнуться, и для надёжности мальчик крепко зажимает себе рот ладонью.

Что с ним такое, чёрт подери? Что за дьявольский морок?

Решительно развернувшись, Кира быстрым шагом уходит прочь по узкой асфальтовой тропинке, не обращая внимания на порванный в клочья подол и слегка прихрамывая на живую ногу. И когда дробный цокот её каблуков затихает в подворотне, Лин осторожно отводит ладонь ото рта, всё ещё не доверяя себе, а потом разражается беззвучными рыданиями, глядя на свои дрожащие пальцы, залитые кровью из носа.

— Пр-рости меня, Кира… Только не уходи… Не-ет…

* * *

Расплевавшись с компанией «Div-in-E» и стараясь почём зря не вспоминать подбитый в полёте чудо-стартап «Souls Unite», Шанкар по традиции сначала махнул на родину, в контрольную точку восстановления системы, а уж потом, с новыми силами вернувшись на орбиту Кристиана, рискнул задать Кристиану единственный вопрос:

— Кто нас сдал, Овер?

И, не дожидаясь, пока Крис затянет гладким льдом ровные края пробоя, внезапно возникшего в его защитном поле стараниями Оракула, индус торопливо добавил:

— Ведь и ёжику без поллитры ясно, что Санти сейчас использует наши разработки. Стиль-то не спрячешь, бета-версия от исходника недалеко падает. И я в упор не поверю, что ты этого всё ещё не заметил, Овер. Короче, рассказывай, кто оказался крысой и как ты об этом узнал.

У-у, Оракул. Еслия умею перегружать видеопоток, то твой конёк — вынос фунции восприятия речи. И, раз уж ты так настойчив сегодня, прошу, давай хотя бы по порядку… Но прежде всего — убедиться, что ты готов войти на уровень истины и не задохнуться от услышанного.

— Допустим, Санти хакнул наш сервер, — Крис взял разгон плавно, как утренняя «Пустельга», стартующая в Питер с Ленинградского вокзала Москвы.

— Ну-ну, — прокомментировал Шанкар, закатив глаза.

— Не щурься ты на меня как на еретика, Оракул. Я знаю, что он уже не тянет на экстра-класс, как в былые годы. Наверное, — Крис мотнул головой, словно пытаясь выкинуть оттуда лишние мысли, — он кого-то нанял. Но всё же. Что бы ты сделал с ним?

В сознании Шанкара, ещё не отошедшего от неприкрытой чувственности индийских храмовых скульптур, рисуются сцены наказания Рафаэля одна другой краше, и только слабо пискнувшая в его сознании мысль о том, что Овер может всё это подсмотреть, если не будет ленив, возымела эффект ведра ледяной воды.

— Будь я Стейнаром, уже сейчас бы оседлал мотик и поехал бить ему морду, — выдал наконец Шанкар. — Э-э… Крис? Ты зачем стенку подпирать собрался? Только не говори, что вы с ним это уже практиковали…

— Нет, нет, — Кристиан постарался выдать индусу одну из своих улыбок с маркировкой: «Я белый и пушистый» и непроизвольно согнулся от короткого приступа истеричного смеха. — Не с… Короче, Стейнару не говорим, а то свершится твоё пророчество. Итак, слушаю тебя…

— А шут знает, — Шанкар отбросил шутки в сторону и задумался по-настоящему. — Будь я тобой, выдал бы симметрию и хакнул его сервак, тем более это для нас почти дом родной. А сам бы… Овер, были у нас какие-нибудь непроверенные косяки во втором проекте? Небось были, до тестирования ведь так и не дошло. И я отчего-то уверен, и три продукта, сданные под его началом, убеждают меня в этом одним своим видом, что Санти вновь положится на твоё немецкое качество и пролетит тесты, как фанера над Парижем, лишь бы сдать заказ раньше срока и выпендриться перед… коллегами.

Спасибо тебе за этот коннект, Оракул. Лови синхронизацию.

— Да перво-наперво перед Линдой, не стесняйся уж, — Крис с усилием произнёс имя своей бывшей супруги. Казалось бы, первые буквы те же, что в имени сына, а разница колоссальная.

— О, ну сам попросил не стесняться, Овер. Тяпница, вечер, только маньяки вроде нас ещё на работе. Предлагаю в срочном

порядке это пофиксить. Недалеко от Исаакия открыли классный бар, там всю неделю скидки по этому поводу…

Бухать со Стейнаром — это значит быстро, весело и агрессивно. Бухать с Шанкаром — это спокойно, многословно и до упора. До момента, когда у Криса заканчиваются силы на вечный контроль собственного речевого центра.

— Ты меня спросил, Кр-рис, — с рассеянной улыбкой Шанкар покрутил в руке пустой бокал, на миг возвращаясь к той теме, которую Кристиан посчитал закрытой, — что бы я сделал и всё такое… Так вот сейчас я бы набрался наглости и позвонил Рафаэлю. И знаешь, ч-что сказал бы?

Крис едва заметно вскинул голову, улыбнувшись одной правой половиной рта, что означало у него готовность выслушать любую идею, и чем безумнее, тем лучше.

— Сказал бы я: «Фиговый ты хакер, Санти, и мы оба это знаем, — беспечно признался Шанкар. — Колись, какого умельца ты заарканил для взлома нашего сервака?»

Улыбка Кристиана пропала так же внезапно, как и появилась, словно он в одну секунду нажал «delete».

— Не надо ему звонить, — тихо предупредил Крис. — Прошу тебя.

И, боги Сети, даже сквозь алкогольный туман Шанкар понял, что это была не просто просьба. Это было самое настоящее табу на дальнейшие обсуждения больной для обоих кодеров темы.

* * *

Может быть, всё-таки сдать билеты?

Убрав платье в самый дальний угол шкафа, Кира уселась прямо на письменный стол, ловя последний луч закатного солнца. Два дня уже прошло, а от Лина ни звонка, ни сообщения в соцсети, хотя он каждый день бывает онлайн и даже каким-то образом смог нырнуть в транскод. Изучив кучу материалов о реке-под-рекой, Кира поняла, что всё её почти полувековое существование можно описать парой коротких фраз: «Сначала в меньшинстве были транскодеры, а сейчас в меньшинстве те, кто оказался не способен пробить двойное дно. Сначала в транскод входили те, кому нечего было терять в реальности, те, кто стал чист, как серебряное кольцо, отмытое стеклоочистителем, а сейчас в него входят все, кому не лень, даже не приняв душ перед запросом авторизации».

Раздумья Киры были прерваны тихим скрипом двери в её комнату. Тихое шарканье мягких босоножек…

— Привет, мам, — успела нарушить конспирацию Кира, чтобы хоть как-то уравнять счёт с матерью, которая старательно игнорировала просьбы Киры стучать перед тем, как войти в её комнату, а не после.

Вот и он, короткий стук, и следом без всякой паузы:

— Кира, у тебя три минуты. Слезай со стола и переоденься в платье.

— Нафига? — искренне удивляется девочка.

— Там Лин пришёл.

Ну блин, это уже ни в какие ворота…

— И что теперь, мне себя в фантик завернуть ради него?

— Да можешь не заворачивать, — с деланным равнодушием отвечает мать. — Кому только ты нужна будешь? На работу придёшь устраиваться, так там посмотрят и скажут…

— Какого фига ты припёрся, Лин?! — со всей дури орёт Кира. Маму сдувает прочь, а этот сероглазый нахал, пользуясь отсутствием преград в коридоре, вкатывается прямо к ней в комнату, на одном дыхании выпалив:

— Извиниться хотел… Прости меня, Кира. Вот.

Маленькая коробочка на тонкой раскрытой ладони.

— Открой, Кира, прошу.

Тихая просьба, которая хуже приказа.

Боги Сети.

Подвеска, словно большая капля твёрдой прозрачной смолы, в которой навсегда застыли тонкие золотые шестерёнки.

— Я сердце разделю пополам, Кира, и не смотри, что там механизмы внутри… я тебе отдам половину, — непонятно, то ли Лин цитирует неизвестного поэта, то ли сочиняет на ходу. — Прости, что не писал тебе. Почти два дня делал. А теперь смотри…

Тонкая рука мальчика ныряет куда-то под рубашку, и перед ошарашенной Кирой появляется вторая подвеска, края которой оказываются идеально пригнанными к той, которую только что подарил ей Лин.

— Они парные, Кира. Вместе — одно сердце.

Пресвятой коннект, Лин…

— Прости меня, — вырывается у Киры, и она встаёт перед коляской на колени, не обращая внимания на боль ещё не до конца зажившей ссадины.

[Я виновата перед тобой.]

— Я виновата перед тобой…

Лин отрицательно мотает головой, мол, не виновата ты ни в чём, успокойся, но Киру уже уносит безудержным тёмным потоком стыда, вины и презрения к себе самой, такой…

Неловкой? Неумелой? Вот оно. Неполноценной.

[После того, что случилось на флаере, я недостойна тебя, Лин]

— После того, как мы… чуть не долбанулись… — короткие рыдания сотрясают худенькую спину Киры, — я недостойна быть с тобою, Лин.

— Эй, Кира, что ты такое говоришь? — Лин протягивает девочке руку, но она резким движением отводит её в сторону, и подвеска летит на пол, почти полностью скрывшись под диваном.

[Между нами всё кончено.]

> Оставаясь на том же краю,
> Воскрешаем друг друга из пепла.
> Случай сводит лицом к лицу,
> Но у каждого песня допета.
> Замирая от каждого скрипа, как воры, крадёмся…
> Что с нами стало?!

— Оставаясь на том же краю, — немузкально выдаёт Кира, отвернувшись к окну, — не поднимая забрала…[24]

Когда она решает, что слёзы просохли достаточно для того, чтобы позволить себе обернуться, комната оказывается такой же пустой, как десять минут назад, словно и не было никого и ничего. Только тонкая золотая цепочка на полу уходит куда-то под диван, словно соломинка, брошенная утопающему.

Наклонившись, Кира тянет за цепочку и с удивлением смотрит на подвеску ручной работы. Шедевр, созданный чуткими руками Лина. Гладкая поверхность хранит успокаивающую прохладу его тонких пальцев, и Кира прижимает половину механического сердца к своим горячим губам, мотая головой из стороны в сторону, словно отбиваясь от тучи назойливых комаров, желающих напиться её крови.

Сама не понимаю, что со мной было, чёрт возьми. Ни единого слова не могу вспомнить. Осталась только горечь во рту и нестерпимая тяжесть в груди. Сегодня я разбила твоё сердце, Лин. Смогу ли я починить его?

* * *

Ни-че-го.

Ничегошеньки вы друг для друга больше не значите. Ты, чья суть — «Лето. Вера. Полёт», и ты, чьи новые координаты — «Дружба. Свобода. Симметрия».

Оборвав удалённое подключение к рабочему столу Рафаэля, Линда откинулась в кресле и истерически засмеялась — нет, заржала, широко разевая рот, словно рыба, выброшенная на берег.

— Лог-файлы, Иштар, — хорошая попытка выдернуть разошедшуюся богиню в реальность, Олеся, но, увы, программа не отвечает, обратитесь к разработчику.

— Хрен с ними, потом, — сквозь смех отвечает Линда. — Ты зацени, как я их, а? Это же круче любой игры, подключаешься к любому, в ком есть эти наномашины, и крутишь им, как хочешь… Ой, а знаешь, есть идея…

Мельком глянув в безумные, покрасневшие от напряжения глаза Линды, Олеся напряглась.

— Линда… Давай завтра. Мы и так уже превысили все нормы. Позавчера полдня мониторили твоего сына, да ещё и сегодня играли на нервах у Киры…

— Тебе её жалко, что ли?! — Линда аж подскакивает в кресле, но в ту же секунду падает обратно, роняя голову на руки, и окончание фразы звучит уже приглушённым рыданием, — меня бы кто пожалел, а-а?..

Олеся осторожно протягивает руку, чтобы погладить измотанную Линду по согнутой в три погибели спине, но та резко выпрямляется, словно только этого и ждала, и коротким ударом в плечо отшвыривает Олесю на диван, от чего её и без того короткая юбка задирается по самое некуда.

— А ты ничего так, — сладострастно облизнувшись Серым волком на Красную Шапочку, Линда стремительно подаётся вперёд. — Иди-ка сюда…

Вот это поворот, чёрт подери.

Коротко взвизгнув, Олеся пытается соскочить с дивана и ретироваться за дверь, но цепкие пальцы плотным кольцом охватывают её лодыжку, и боль моментально прошивает Олесину пятку, с таким тщанием восстановленную богиней, которая в данную конкретную минуту сгорает от похоти настолько слепой, что, отымей она сама себя скалкой, эффект был бы тот же.

Скалка, однако, под руку Олесе не подвернулась, зато большой фарфоровый кофейник, стоящий на столе, оказался весьма кстати. Отчаянным рывком Олеся зацепилась пальцами за его ручку, и, широкой коричневой волной обдав светлые обои в золотинку, со всего маху залепила острым углом кофейника Линде в висок.

— Н-ну ты… — ошарашенно выдала Линда. Глаза её остекленели, теряя остатки последней безумной мысли, и тёмная богиня медленно осела на пол.

Схватив свои вещи в охапку, задыхаясь от пережитого шока, Олеся выбежала на лестницу, через ступеньку отмахала пару пролётов вниз и только там вызвала лифт, который словно назло ей ехал в этот злосчастный день с черепашьей скоростью. Я, конечно, всё понимаю, Иштар, но ты сама наплевала на моё предупреждение насчёт сорока семи минут. Дважды наплевала. Я искренне надеюсь, что мой удар был метким, и если я ещё что-то помню из лекций по нейрофизиологии, то, очнувшись, ты не вспомнишь, как гадко вела себя со мной. Остаётся решить, обо что сейчас приложиться мне самой, чтобы выкинуть эту сцену и из собственной памяти.

Май 2072

Билеты всё-таки сданы не были, и Кира с Лином поехали на Селигер, хоть и в разных вагонах поезда, но одинаково нагруженные вещами, которые, по мнению их собственных родителей, «крайне необходимы в поездке». Однако, чем дальше поезд уносил из Москвы двенадцать вагонов с галдящими подростками, тем легче им дышалось, и к моменту распределения по отрядам Лин и Кира уже оказались в трёх шагах друг от друга.

Новое место — широкое, спокойное озеро, сосны до самой воды. Новые люди — как выснилось, не только школьники, но и взрослые, правда, их расселили по разным корпусам, здраво рассудив, что каждому проще будет раскрыться в компании сверстников, чем в смешанной команде. Десятки гигабайт информации — детально составленный обзорный курс астрономии, основы космической медицины и психологии, кибернетика, вездесущая физика и математика, опять же, скорректированные с учётом возраста слушателей, большинство из которых никогда и нигде не вступили бы друг с другом в контакт, если бы их всех не объединяла одна мелочь, радикально меняющая картину мира.

Наномашины для установления сверхдальней телепатической связи.

На вводном занятии, ясное дело, речь шла о том, что и в какое время ожидает тех, кто прошёл оба этапа исследования и не был настолько ленив, что отказался от поездки на Селигер.

— Подавляющее большинство из нас устремилось в первую очередь за хорошими деньгами, — легко сняв микрофон со стойки, начал вещать высокий импозантный шатен средних лет в тёмно-коричневом костюме-тройке. — И не нужно этого стыдиться. Наше первое правило — максимальная открытость, ибо здесь и сейчас мы — одна большая семья, скреплённая невидимыми для глаза нитями мысленных связей. Знаете ли вы, что каждый из нас, временами направленно, а временами непроизвольно формирует вокруг себя ментальное поле, некое пространство, которое, словно магнит, притягивает то, о чём мы долго и упорно мечтаем? А о чём мы чаще всего мечтаем? О богатстве и славе? О любви и дружбе? Да, конечно, но чаще всего, засыпая, мы просим небеса о том, чтобы они послали нам человека, который сумеет понять и принять нас такими, какие мы есть, без лишних помех в виде нагромождения принципов, что вбиты в нас родителями, школой, да всеми, кому не лень, и которые на поверку лишь сбивают наши датчики, призванные

чувствовать ближнего своего. Так вот. Вы уже сделали первый шаг на пути от Человека разумного к Человеку крылатому. Вы решились изменить себя. Второй шаг на этой площадке станет вашим разгоном, а на третьем вы взлетите в небеса. И какая бы планета не стала для вас Домом, какие бы расстония не отделяли вас от ваших близких, вы всегда сможете держать связь с ними. А что до способов, то за эти три недели вы в совершенстве овладеете любой техникой под нашим чутким руководством. Ну, а теперь объявляется время банкета!..

Уйдя чуть в сторону от толпы людей, возбуждённо сверкающих глазами и галдящих на весь холл, словно первоклашки, по волшебству переселившиеся в тела менеджеров по продажам, страховых агентов и экономистов, Лин и Кира, не сговариваясь, завернули за угол и спрятались на безлюдной лестнице, вход на которую был почему-то перегорожен красно-белой лентой.

— Кира, — как Лин не старался, ему пока не хватало смелости посмотреть Кире прямо в глаза. — Тебе это сборище ничего не напоминает?

Кира озадаченно почесала в затылке. Что ей одновременно с Лином должна напомнить куча людей на выезде, которых долбануло в темечко одной общей идеей, а также расписания занятий и сладкоголосый директор всего этого балета?..

— Ты «Инноватику», что ли, имеешь в виду?

— Именно, — тихо откликнулся Лин.

Кира почесала в затылке ещё раз.

— Ну, даже если и так, то будем начеку. И есть одно отличие, Лин, — девочка тихо засмеялась, возвращая Лину себя прежнюю, острую на язык пацанку, — тут нам, по крайней мере, заплатят за присутствие. А свалить мы всегда успеем, чай, не маленькие.

* * *

— Я продал квартиру и возвращаюсь в Дели, Крис, — с такой фразой Шанкар ввалился в угол, отгороженный тонкой перегородкой от остальных таких же квадратов, составлявших рабочее пространство той шараги, куда они с Кристианом и Стейнаром прибились на старости лет.

Крис удивлённо поднял серые глаза от монитора. Секунда — и их выражение стало полностью осмысленным, когда Овер закрыл сессию в си-сфере.

— Что-то случилось, Оракул? Садись, чего ты…

Но Шанкар остался стоять, тихо добавив:

— Мне позвонил брат. Мама умерла.

Серые глаза переполнились сочувствием.

— Боги, Шанкар… Если нужна помощь…

Индус медленно помотал головой, словно запрещая самому себе даже мысль о том, чтобы злоупотреблять чьим-то неравнодушием.

— Нет, Крис… Спасибо. Только, знаешь…

— Мм?

— Я больше не вернусь. Прости меня. Так надо.

Короткий разряд в радужке цвета грозового неба. Не гроза. Замыкание внутри системы.

— Хорошо, Оракул. Я… понял тебя. Если что-нибудь понадобится, выходи на связь, я приеду.

Тонкие руки, раскрытые в прощальных объятиях, словно два крыла самолёта, что донесёт Шанкара до далёкой родины.

Все семь часов ночного полёта Шанкар провёл во сне, и даже стюардесса, развозившая обед, не сумела разбудить его.

Едва первый солнечный луч ударил в иллюминаторы благополучно зашедшего на посадку лайнера, Шанкар открыл глаза, растерянно огляделся, машинально подхватил свою лёгкую сумку и приготовился выходить.

За спиной у него отныне не было ни имени, ни прошлого, которое казалось не то дурным сном, не то чьим-то длинным рассказом, написанным в полуночном бреду. Ни брата, ни матери, ни Юймин, ни Овердрайва никогда не существовало. Самое время начинать новую жизнь.

* * *

Линда рассеянно вертела в руках новый чехол для ключей, выполненный из крокодиловой кожи, который одна пожилая дама, супруга первого заместителя мэра Москвы-2, подарила Линде в знак благодарности за волшебство, творимое мастерицей над её жидкими поседевшими волосами.

Мда, подарок пришёлся вовремя, ибо старый чехол у Линды уже на ладан дышал.

Перецепив один за другим ключи от собственной квартиры, флаера и запасной ключ от квартиры Маши, Линда с удивлением воззрилась на длинный тонкий ключ с необычными зазубринками. Откуда он?.. А, точно. Это Олеся отдала ей ещё в прошлом году со словами: «Алекс сказал, что их дом всегда будет открыт для тебя».

Какое одолжение, божечки-кошечки.

А может быть, проверим, в силе ли ещё ваше чёртово разрешение? Вот только дайте мне повод…

Изящным движением Линда разорвала тонкую полиэтиленовую упаковку на матово блестящем бежевом прямоугольнике, и в ладонь ей удобно легла новая усиленная модель гражданского электрошокера. Приятное дополнение к ключу, и смотрится стильно. Как говорил незабвенный Аль Капоне, «добрым словом и пистолетом можно добиться большего, чем одним только добрым словом».

* * *

Первая неделя в лагере на Селигере промелькнула как один долгий день, до отказа заполненный семинарами, один другого интереснее, прогулками на лодках по озеру и неистребимыми песнями под гитару у костра. Лин и Кира в числе прочих успели несколько раз попробовать силы в учебном полёте на тренажере космического корабля, в котором были воссозданы все условия жизни на орбите, полетать в аэротрубе, про йти психологические тесты, которые никогда не попадались им раньше, и основательно подсесть на игру в майндболл. О, это был вызов, который стыдно не принять.

Конструкция майндболла была проста и гениальна, как велосипед. Длинный узкий стол с тонкой металлической полоской во всю длину, маленький магнитный шарик и два изящных обруча, с помощью которых фиксировались ритмы мозга игроков. Цель каждого заключалась в том, чтобы поймать альфа-ритм и как можно дольше удержаться на его волне.

— Что такое альфа-ритм? — вопрошал команду забавный лаборант, он же судья игры. — Это одновременно ваше внимание и спокойствие. Если вы начнёте отвлекаться, противник забьёт шарик в ваши ворота. Если начнёте нервничать и сомневаться в себе, шарик тоже сдвинется с середины стола, и результат будет не в вашу пользу. Вера в себя — вот залог вашего успеха.

Когда подошла очередь Лина, напротив него села какая-то смуглая девочка с упрямыми глазами. Потом был парень с ирокезом, женщина в красной блузке, высокий мужчина в круглых очках… Поначалу парень едва не сдал позиции, стараясь сосредоточиться на белом капризном шарике, одно движение которого в ту или другую сторону само по себе значило так много, что усиливало собственный же эффект, и если игрок, увидев, что шарик катится в его ворота, хоть на миг поддавался панике, опуская руки и заранее принимая поражение, исход

битвы умов решался за считанные секунды. Но потом Лина осенило. Не думать про белый шарик. Поверить, что ради тех, кого любишь, ты сможешь забить столько мячей в чужие ворота, сколько понадобится. Искрящиеся серые глаза отца. Горячие руки дяди Саши. Светлая улыбка Киры. Лёгкая походка Маши. Надёжное плечо Хидео. Строгая, но по-своему любящая его мама. Выложиться для каждого из них. Принять это как аксиому…

Через час непрерывной игры вымотанный до предела Лин стал чемпионом среди ребят из своей возрастной категории.

— Чувак, как тебе это удалось? — догнав коляску мальчика, пристал к нему давешний парень с ирокезом.

Лин улыбнулся легко и чуть устало.

— Если есть ради кого побеждать, ты сможешь всё.

На вечер восьмого мая, в воскресенье, был назначен первый общий сбор всех участников проекта. Воздух полнился радостной тревогой, словно перед последней контрольной в четверти.

— Волнуешься? — тихо спросил Лин, взглянув на Киру, которая тайком ото всех грызла ногти на здоровой руке.

— Не то чтобы сильно, — замялась Кира. — Просто не люблю тесты. Ладно, наша очередь. Пойдём получать задание.

Зайдя в закрытую кабинку, Кира, согласно инструкции, одела тяжёлые наушники и прислонила руку к прозрачному зелёному полю в стене. Тонкая, ослепительная полоска света прошлась по её ладони с той стороны стекла, разогревая кожу.

— Данилова Кира Андреевна, — механический голос констатировал факт присутствия Киры в кабинке и выплюнул из стены короткую распечатку. — Лето. Вера. Полёт. Проходите на место и ожидайте указаний.

Кира вздрогнула, словно у неё из-под ног вышибли опору и остановили время.

Лето. Бесконечный июнь, босые ноги на прибрежном песке, поцелуи солнца в макушку.

Вера. Никаких: «А что, если…» или «Чем докажешь?» Безусловное принятие.

Полёт. Краткий миг невесомости, отрыв от земли, восходящий поток воздуха в сильных крыльях…

Выйдя из кабинки, Кира проигнорировала встревоженного Лина, отыскала взглядом своё место и села на стул, сложив руки на коленях, ровная, прямая и космически спокойная.

Через пару минут Лин подъехал к ней и молчаливой скульптурой замер в двух шагах от подруги.

Томительные полчаса ожидания, в течение которых гул и броуновское движение стихли сами собой, освещение в зале

медленно сошло на нет, и в полной темноте на сцену перед тремя тысячами безмолвных, безликих индивидуумов, ожидающих условного знака, вышел Оператор.

— Здравствуй, — Оператор обращался не просто к залу. Он говорил с каждым по отдельности и со всеми разом. Его голос пробивал отключённые защитные барьеры в сознании людей, входя в контакт с их истинной сущностью так же легко, как горячий нож входит в масло.

— Закрой глаза. Глубокий вдох. Медленный, спокойный выдох. Ты — чистый лист и часть мирового древа. Ты — проводник заблудших душ в новый мир, горящее сердце во тьме заблуждений. Ты — вестник нового порядка.

В твоих руках — слова и смыслы. Открой их. Прочти в первый раз и прими их как аксиому. Прочти во второй раз вслух, словно рядом с тобой твой хороший знакомый. Прочти в третий раз вслух, словно рядом с тобой — самый близкий человек.

Начало процедуры.

Зал вздохнул в едином порыве, и воздух внезапно стал разреженным, как на горном плато. Включать освещение не было нужды, ибо короткий текст в руках каждого из участников этого феерического действа излучал слабое, призрачное свечение, и бумага трепетала в пальцах вдохновлённых людей, словно серебристые листья мирового дерева, когда они тихим шёпотом читали вслух неизречённую истину, а наномашины в их крови брали невиданный разгон, заставляя каждую клетку тела работать в запредельной синхронизации с импульсами нервной системы, отрывая от сияющего биополя тонкие языки светлого пламени, способного покрыть расстояния в сотни километров за доли секунды.

И каждый импульс, каждый язык пламени нёс в себе короткое послание:

«Мы сильны в единстве. Мы едины в своих мыслях, словах и поступках».

«Мы способны противостоять внешнему врагу, окружившему нас».

«Будь верен Президенту — твоему единственному лидеру, ведущему в светлое завтра. Верь ему так же сильно, как и он верит в тебя».

Алекс уже почти задремал, когда в глаза ему ударил яркий свет. Планшет Кристиана? Какого хрена, Овер? Говорил, что устал как собака, зависал в ванной дольше, чем я, а теперь полон сил и листаешь новостную ленту?

И это ты мне сегодня днём накидал в личку картинок из

японской манги разряда 18+, завёл до предела, и что мы в итоге наблюдаем, родной мой?

— Ты вроде спать хотел, Овер… — пробормотал Алекс, разлепляя один глаз.

Я жду объяснений, король.

— Да погоди, — нетерпеливо откликнулся Крис. — Я послание Правительства читаю. Вчера только опубликовали. Проект бюджета, всё такое… Во-от, про импортозамещение они правильно говорят… Особенно в фармакологии. Что мы, сами не справимся без этих западных подачек?

Либо я чего-то не знаю о тебе, Овер, либо…

— Плевать я хотел на импортозамещение, Овер, — выставив раскрытую ладонь между тонким экраном злосчастного гаджета и серыми глазами Кристиана, Алекс придвинулся к нему вплотную. — Выбирай, либо ты выключаешь всю эту муть, либо я прямо сейчас…

Боги, Овер, почему ты смотришь на меня как на пустое место?

— Ты сейчас совсем как Линда, — тихо произносит Кристиан и неуловимым движением выскальзывает из-под одеяла. — Спи. Прости, что помешал тебе.

Ненавистное имя, произнесённое вслух тем, от кого меньше всего ожидаешь такого жестокого сравнения, срабатывает как пусковой механизм для Зверя в груди Алекса. В следующую секунду планшет летит на пол, а Крис — обратно на кровать.

— Никогда… не сравнивай… меня… и её, — склонившись над обездвиженной птицей, чеканит Охотник.

Крис закрывает глаза и часто-часто моргает. Всегда так делает, когда хочет перезагрузиться.

— Ты что творишь, Охотник? — голос у Кристиана растерянный, будто только что очнулся. — Зачем ты меня уронил? Или… я вырубался, а ты успел поймать? Ох, чёрт… Прости.

Знакомые искры в глазах. Не знаю, где ты был, Овер, но ты вернулся.

— Ну, а если не прощу? — выдыхает Охотник, легко сжимая запястья Кристиана.

— Ну, тогда наказание за тобой, — улыбается сероглазый провокатор.

* * *

Смирись, Линда. Есть вещи, что сильнее тебя.

Сколько бы раз луноликая богиня не пыталась подключиться к сознанию Киры и Лина, её выкидывало из телепатического канала через двенадцать минут активной работы, а с отъездом этой ненормальной парочки на Селигер связь стала ещё хуже из-за большого расстояния, так что многометровая волна, которую пыталась поднять Линда, долетала до её абонентов лёгкими, будоражащими брызгами морского прибоя, да и то в лучшем случае. А однажды она заигралась настолько, что очнулась, лишь услышав за спиной многозначительное покашливание и, короткий вопрос — проклятие всех хакеров, прозвучавший в исполнении Рафаэля:

— Ты что здесь делаешь?

Под «здесь» понималась виртуальная комната в транскоде, больше похожая на глубокую нишу, выходящую в основной зал базы данных, откуда Линда вытащила разнокалиберные коробки с кодовыми словами сына и его избранницы и в данный момент времени мяла в руках «Симметрию», решительно не представляя, чем можно было бы раздраконить эту мягкую, но удивительно прочную сферу из неведомого прозрачного вещества.

— Э-э…

Мда, Линда, хакер из тебя откровенно никакущий. У хакеров хотя бы красивая легенда готова на подобные случаи.

— Оставь всё на месте и выходи, — впервые за всё это время в голосе Рафаэля звучала сталь, и некуда было спрятаться от его взгляда в этом царстве светящихся стен.

Вернув файлы в соответствующие им ячейки базы данных, Рафаэль покачал головой. Ну словно игрушки за маленьким ребёнком убираю… Ты всерьёз рассчитывала, Линда, что эти виртуальные бирюльки помогут тебе обрести статус администратора в отношениях между Лином и Кирой? Во-первых, взгляни повнимательнее на своего сына. Чтоб его сломать, надо очень постараться. А во-вторых, твоему паззлу не хватает одной детали, которую ты в этом огромном архиве уже никогда не найдёшь, ибо в конце февраля я лично уничтожил её по приказу свыше. Ту самую «Версию — 02», найденную в шкатулке Пандоры с гравировкой «Souls Unite». Страшную штуку, если подумать. Ошибочную версию или… универсальный код взлома? А, впрочем, какая уже разница…

Рафаэль дождался заветного щелчка и тихого шипения гермозатвора, закрывающего вход в хранилище. Разлогинившись из транскода, аргентинец очнулся перед монитором своего рабочего компьютера. Сегодня же отключу удалённый доступ из дома. Да, придётся каждый день просыпаться на час раньше и мотаться в офис, зато скучающая богиня будет лишена

возможности лазить где попало.

Мысль об офисе, однако, не вызвала в Рафаэле совсем уж непереносимого отвращения. Повторно прокрутив логическую цепочку на малой скорости, аргентинец сумел изловить за хвост маленькую, недоношенную мыслишку, которая в эту минуту почти случайно показала нос из тёмных глубин его разума.

«В твоей жизни стало слишком много Линды, чувак! Не будь тряпкой, иначе она съест тебя, как самка богомола во время спаривания!»

Рафаэль рывком раскрутил мыслишку и отправил её в увлекательный полёт на задворки сознания. Это ты, Крис, не справился с управлением и сбежал. Но мои руки сильнее твоих, и я сумею удержать неистовую богиню в узде.

* * *

У-у, всеблагие провайдеры… Мало тебе Питера, Крис, так теперь ещё и в Москву придётся мотаться… Но, ёлки-палки, а что делать, если там, куда прилетает серокрылая птица, под лежачий камень начинает течь вода, льды вскрываются с оглушительным треском, а люди слезают с постылой нейтрали и ловят попутный ветер, чтобы отправиться к новым горизонтам?

«Игромир». В далёком прошлом — фестиваль настольных игр, а теперь — мультифандомный конвент, где чего только и не бывает представлено. Земля обетованная, настоящий Клондайк для геймеров и разработчиков игр. Билеты раскупают за полгода.

Уладив основные вопросы по поводу размещения стенда с рабочим названием «Алиса и Ко» (обещал не лезть к директору с советами по ребрендингу, но, чёрт возьми, после сегодняшней поездки не выдержу), Крис вспомнил, что совсем неподалёку от места проведения грядущего «Игромира» находится маленький магазинчик «Всё для мыловара», место постоянных паломничеств Маши. А, была не была, осваивать новые занятия никогда не поздно. Поэкспериментировать, что ли, с Алексом на Ладоге?..

Миловидная пожилая продавщица при виде вошедшего мужика под два метра ростом удивлённо вскинула седые брови.

— Э-э… — Крис с трудом собрал разбежавшиеся глаза в кучку. — Мне… это… мыльную основу, красители, давайте и прозрачных, и непрозрачных, и ещё вот те эфирные масла…

Выйдя с полным пакетом наперевес, Кристиан отыскал взглядом крышу дома, на которой он оставил свой аэроцикл. Мда, с парковкой в Москве стало более чем туго…

Значок перехода приветственно зажёгся зелёным, приглашая

пешеходов перейти второстепенную улицу, а владельцев машин и аэротранспорта — притормозить, ожидая своей очереди на поворот. А ещё Кристиан знал маленькую тайну этого перехода: если с самой его середины бросить взгляд налево, то в далёкой перспективе откроются острые шпили готического собора. Новодел, конечно, но с такого расстояния, да ещё и при дождливой погоде, можно и отпустить фантазию в полёт, представив, что там, в километре отсюда, какой-то добрый гений прокинул портал в Старую Прагу.

И, о чудо, сейчас на переходе нет ни адской толпы зомби, маскирующихся под офисный планктон, ни руки Алекса, который не давал ему, Крису, ни секунды, чтобы застрять на переходе ради единственного мига, в который только и возможно сделать этот снимок.

Замри, мигающий уже зелёный человечек, дай мне три лишних секунды, и узри моё действие-до-мысли.

Шаг. Тонкие пальцы ныряют в карман брюк за гладким прямоугольником смартфона.

Второй. Активация камеры. Ты ещё и спасибо скажешь, Охотник, и на камнях своих нарисуешь этот вид.

Третий. Остановись, мгновенье.

Есть…

Гром небесный, ударная волна и воздух, выгорающий дотла в полуметре от застывшего на переходе Кристиана, которого в следующее мгновение отбрасывает назад, впечатывая в стеклянную стену бизнес-центра. Пакет рвётся, и флаконы с цветными красителями разбиваются вдребезги, обдавая асфальт красным, зелёным и синим. Стекло бизнес-центра идёт трещинами, но выдерживает.

Редкие прохожие с нечленораздельными криками бросаются врассыпную. Оно и понятно: бомба, сброшенная на лету с флаера-невидимки — самый натуральный теракт, тем более что, судя по звуку, вражеская машина закладывает резкий вираж, разворачиваясь на месте, и открывает огонь по улице.

> For whom the bell tolls?
> It tolls for me…[25]

Бежать. Чёрт подери, бежать к чёртовой матери.

Крис поднимается на одно колено, беря низкий старт, и срывается в ближайший переулок. Любая дверь, будь оно всё проклято.

Автоматная очередь прошивает хакера насквозь, застигнув на углу злосчастной улицы и кривого безымянного переулка, в

котором жизнь словно вымерла с самого дня его закладки. Серый асфальт снова окрашивается красным, но в этот раз гораздо сильнее. Крис переламывается пополам, падает на шершавую поверхность и заходится в мучительном кашле, инстинктивно пряча голову под рукой.

Только б не в сердце, чёр-р-рт…

Рёв турбин над самым ухом грозит разорвать барабанные перепонки Кристиана в клочья, жар адского пламени опаляет лицо, едва не выжигая брови и ресницы. Секунда, две…

Нет меня, нет, нет, нет…

Я — голос за кадром, я — тот, кто запускает эфир и ждёт, не дыша, когда небо вспомнит о нём и выйдет на связь…

Невидимый флаер резко уходит ввысь, пропадая за углом девятиэтажки, и горячий пустынный воздух сменяется порывом прохладного ветра, который только и помогает Кристиану одолеть пару метров до узкой ниши, больше похожей на гроб, в который выведено заколоченное наглухо окно подвального этажа.

Через пару минут дождь превратится в ливень и смоет все следы, ведущие к сумрачному убежищу раненной птицы, которая помимо своего желания вырубится… на сколько? Четыре часа? Пять? Восемь?

Слабый шёпот.

Написать сообщение.

Кому… Алекс.

Текст… Родной, я застряну в Москве до завтра. Прости. Всё хорошо. Люблю тебя.

Отпр-равить…

[Обними меня, Охотник. Мёрзну…]

* * *

Расписание семинаров по-прежнему висело в холле центрального корпуса турбазы на Селигере, но к началу третьей недели никто уже не подходил к нему узнать, в какой аудитории будет лекция по биоритмологии или в какое время откроется бассейн. Да и в бассейн никто не стремился, и ни единый всплеск воды не нарушал его гулкую тишину.

Днём лагерь спал тяжёлым, беспробудным сном, но едва садилось солнце, глаза у людей открывались бездумно и широко-широко, а на губах, потрескавшихся от неведомой раньше жажды, проступала улыбка дрейфующих в океане моряков, которым вдруг удалось поймать в эфире песню на родном языке.

Голос пел, призывая людей найти во тьме руку ближнего и

сомкнуть ряды плечом к плечу.

— You’re waiting for the gates
To be raised.
When you walk through,
Your life will change.[26]

— Ты ждёшь ворот,
Которые откроются.
Когда ты пройдёшь сквозь них,
Твоя жизнь изменится.

Машинально продакав и пронеткав в телефонную трубку, Кира завершила ежевечерний разговор с матерью и вышла на улицу, мотыльком летя на тёплый свет, бьющий из дверей актового зала, и на чарующую песнь, которая манила к себе заблудшие души, словно маяк в ночи.

— Time after evil,
Hour after fear,
It’s the moment in life,
When souls unite.
…souls will unite![27]

— Время после зла,
Час после страха,
Это миг нашей жизни,
Когда души объединяются.
…и души объединятся!

Боги Сети, какая там «Инноватика»! Как он мог хоть на минуту усомниться в том, что здесь кто-то будет использовать его способности во зло?! Нет, Лин Вебер, ради этих людей, вместе с которыми ты каждый вечер улетаешь на волне всеобщего единения, ты способен сделать что угодно. Даже отдать свою жизнь за общую миссию, сложнее которой не бывает на свете — синхронизировать ментальное поле всех людей на Земле.

— When you close your eyes
Souls will unite,
Then the sun will rise,

Summer's might…[28]

— Когда ты закроешь глаза,
Души объединятся,
Потом взойдёт солнце,
Мощь лета…

Люди в тёмном зале замирают на выдохе. Секунды сменяют одна другую, а вдоха не делает ни один. Тольк после того, как голос Оператора — то космическое пение, то доверительный шёпот, то пламенный призыв Героя — произнесёт кодовые слова:

— I will give you the key,
Open the gate to me.
The sun will rise,
Let our souls unite.

— Я дам тебе ключ,
Открой мне дверь.
Солнце взойдёт,
Позволь нашим душам объединиться.

И души сгорают, вознося к небесам молитву за того, кто объединил их, а потом опадают светящимися искрами праздничного фейерверка на родную землю, и горячий радужный след их биополя накрывает всё пространство Восточно-Европейского сектора, заставляя людей чаще смотреть новости, даже если хотелось посмотреть фильм, поддерживать отечественного производителя, даже в ущерб своему здоровью, пахать, даже не вспоминая о зарплате, ибо как можно думать о корысти, когда стране нужен твой подвиг, и косо смотреть на всех, кто смеет заикаться о том, что глава государства ведёт страну в пропасть.

Эйфорическая опиумная курильня в редакции от высоких технологий исправно работала вплоть до того дня, когда на очередном сеансе телепатической связи внезапно раздался тонкий отчаянный крик, а после того, как толпа выжатых до нуля людей медленно разбрелась по своим комнатам, чтобы рухнуть в постели и кое-как восстановиться к следующему вечеру, техники-уборщики обнаружили в одном из угловых кресел худенькое тело

подростка, чья кожа покрылась глубокими морщинами, а разметавшиеся волосы поседели и вылезли клочьями.

— Срочно выяснить причину, — бросил глава Департамента безопасности в трубку, на том конце которой начиналась тихая паника. — Выслать ДНК-карту погибшего. Родителям отдадим двойника, рабочая версия: несчастный случай.

* * *

Жениться Стейнар по-прежнему не собирался, но удивлять друзей от этого не перестал. Новым увлечением норвежца стали латиноамериканские танцы. С наступлением весны вечерние набережные Москвы и Невы полнились красочными парочками, диджей ставил сальсу или бачату, и местные асы охотно делились опытом с восторженными неофитами, у которых на следующее утро неизменно болели ноги, зато на лице блуждала счастливая улыбка, с головой выдающая, что в минувший вечер они приложились к источнику чувственных радостей. Не хватало только довольного кошачьего мурлыканья.

Поймав предпоследний поезд метро, Стейнар ехал домой и тихо думал о чём-то своём, едва не пропустив выход на нужной станции. Двадцать восемь ступенек, выводящих из царства вечного полудня, пахнущего креозотом, в тёплую майскую ночь городских окраин, в аромат выхлопов редких машин и яблоневого цвета.

Короткая дорога до дома не славилась разнообразием видов, предоставляя Стейнару бинарный выбор: обогнуть тёмный пустырь по двум широким улицам (10 минут) или пройти его насквозь по диагонали (5 минут). Впрочем, организм норвежца деликатно намекнул мозгу, что второй вариант явно предпочтительнее по времени, за которое можно добежать до нужного места, а мозг в ответ ворчал, что последнее пиво явно было лишним.

Пару раз Стейнару мерещились чьи-то лёгкие шаги за спиной, но, обернувшись, он никого не мог увидеть, и, в конце концов, списал всё на шелест прошлогодней листвы в молодой траве под его ногами.

А на самой границе молчаливой тьмы и тусклого фонарного света Стейнара остановил болезненный укол в спину, между лопатками. Ноги норвежца моментально отказали, и он упал лицом в траву.

— Ещё минута, и можно стирать, — произнёс чей-то голос прямо над поверженным Штормом.

— К-кто? — из последних сил выдавил Стейнар, но его сознание ушло в темноту, так и не получив ответа.

Очнувшись под утро всё на том же пустыре, Стейнар с мучительным стоном повернулся на бок и воззрился на свои заляпанные грязью руки. Боги Сети, по какому поводу он вчера так феерически напился? Или позавчера? А, впрочем, какая разница, если все эти долбанные дни между увольнением из «Div-in-E» и недавним обретением новой работы пролетели как один бессмысленный понедельник, этакий день сурка, когда он бесцельно слонялся по окрестностям с очередной бутылкой, завёрнутой в плотный пакет из супермаркета…

Вибрация смартфона отозвалась где-то в районе бедра, и, перевернувшись на спину, Стейнар со сдавленным ругательством полез в карман брюк, основательно уделанных в майской грязи.

Номер был скрыт.

— Э-э… Это кто?

— Ну слава коннекту, ты жив, Шторм… Ты в порядке?

Блин, знакомый голос… А, кажется, коллега с новой работы. Стоп, да ещё со старой… Блин, Шторм, ну хоть вспомни, как он выглядит… Точно. Они же вместе ушли из «Div-in-E» прошлым летом, потому что поспорили с Рафаэлем на свои ставки, что тот не сумеет выиграть какой-то грант (это ж надо было так нажраться!) и благополучно ему проспорили. Потом оба долго гоняли балду, перебиваясь случайными подработками, а теперь ушли в геймдев.

— Да, а что? — кое-как выдавил из себя Стейнар. — Что-то срочное?

— Нет, — ответил тихий голос на том конце. — Извини, что побеспокоил… И если что, Кристиана Вебера ты уже неделю как не видел и не слышал.

Скинул. Странный какой-то парень.

* * *

Вот уж не думала ты, Маша, что будешь стесняться собственного брата…

Платья свободного покроя кое-как ещё скрывали её положение, но с каждым днём Маше всё труднее было жить своей прежней жизнью. Походка будущей матери стала тяжелеть, волосы приходилось мыть каждый день, а на носу появилась такая россыпь прыщей, какой у неё не было даже в подростковом возрасте.

Робкий поворот ключа в двери.

— Маша, Хидео? Я… вернулся.

Усталый голос, впалые щёки, растрёпанные патлы и лихорадочный блеск в серых глазах, которые не мигая смотрели на утреннее солнце за окном. И кажется, будто я обнимаю высохшую мумию с птичьими лапками. Боги Сети, Лин, ты в Освенциме, что ли, отдыхал?

— У-у, — моментально забыв про тяготы беременности, Маша рванула на кухню. — Так, братан. Иди в душ, Хидео тебе поможет. А я суп греть. Нафиг ваш «Марс» после такого…

— Ты не понимаешь, Маша, — о, этот призрак в инвалидной коляске ещё и речь собрался толкать. — Мы там узнали правду. Ты думаешь, почему у нас в стране всё плохо? Потому что другие государства нам завидуют и постоянно шлют своих шпионов, чтобы гадить. Но мы должны противостоять… должны объединиться… я покажу, кто нас объединит, кто знает истину… смотри…

Потянувшись за рюкзаком, что был прикреплен за спинкой коляски, Лин сдавленно охнул и резко прогнулся в спине. Тело мальчика сотрясла крупная дрожь, глаза на миг закатились, но к тому моменту как Маша и Хидео успели поймать его за руки, Лин уже отключился и теперь спокойно дышал в объятиях японца, словно дорвавшись, наконец, до желанного сна в родном гнезде, которого он так долго был лишён. А на полу рядом с коляской лежал портрет Президента, извлечённый Лином из рюкзачной темноты.

— Скорую вызываем? — уложив мирно спящего Лина на диван, уточнил Хидео.

Ответить, впрочем, Маше помешал звонок в дверь. Точно. Папа. Он же обещал приехать к возвращению Лина, а тут такое…

— Привет, родные, — даже не видя отца из комнаты, Маша могла безошибочно определить, что он улыбается. Ох, блажен не знающий…

— Тиш-ше, пап, — выскользнув в коридор, Маша предприняла формальную попытку повиснуть на папе. — Ё моё, тебя не узнать, ты чего так оброс? Пойдёмте все в кухню, пока Лин спит. Только ты не пугайся, потому что я тебе сейчас кое-что расскажу…

В эту ночь однокомнатная квартира приняла на ночёвку четырёх человек (если считать с будущим малышом, то и целых пять). Крис не сомкнул глаз до самого рассвета, вслушиваясь в тихое дыхание сына. Спи, Лин, а я буду забирать твои кошмары и переплавлять их в свет. Только бы вырвать тебя из цепкого плена чужих бредовых идей и бессердечных манипуляций, только бы

вернуть тебе силы, отнятые этими одержимыми фанатиками правительства, которые готовы напялить на себя любую маску, которые раскидывают сеть по всей ширине реки и бредут один с правого берега, а другой с левого, не оставляя рыбе ни единого шанса выжить и удрать на свободу…

Когда Лин проснулся, на часах было уже восемь вечера.

— О, пап, привет, — прошептал мальчик. — Давно ты приехал? Я же вроде только на минутку прилёг…

— Ну да, минутка длиной в полдня, — тревожно глядя в глаза сыну, ответил Крис. — Ты так редко писал с Селигера… Что вы там делали?

Лин озадаченно уставился на отца.

— Какой Селигер, пап? Мы с Кирой в Петергоф хотели махнуть в июне, но это пока ещё планы… А до того я никуда не ездил. Или тебе мама успела мозг вынести своими фантазиями на пустом месте?

Не было. Никакого. Селигера?

Похоже, тебе стёрли лог-файлы по завершении сеанса, Лин. Я помню твою счастливую улыбку в день отъезда в этот чёртов лагерь, но сейчас в уголках твоих глаз появились едва заметные морщинки, а уголки губ хранят следы горькой усмешки бесконечно усталого человека, которому за одну короткую жизнь досталось слишком много, словно небесный конвейер на нём сломался и выдал тройную порцию в одни руки.

— Поспи ещё, Лин, — тихо отзывается Кристиан. — Я буду рядом.

И клянусь, я узнаю, что там с вами делали на этом Селигере. А главное, кто.

Июнь 2072

Телефонный звонок прозвучал в тишине домика на Ладоге, так за год и не обретшего адрес из разряда «улица, строение, корпус, дом, квартира», словно набат в притихшей перед бунтом Москве. Алекс с трудом отыскал в своем бардаке на рабочем столе источник этого трезвона. Уже давно он и Крис перешли на мысленный уровень коннекта. В конце концов, справедливо решил Алекс, раз уж ты читаешь мои мысли хоть из Москвы, хоть из Питера, то можно здорово сэкономить на сотовых операторах и провайдерах сети. Какая разница, в мыслях или голосом я услышу, что готовить тебе на ужин?..

Быстрый взгляд на часы. А время-то детское. Впрочем, с этими белыми ночами вообще не разбёрешься, всё время светло.

— Алекс Рыков? — прозвучал незнакомый, торопливый женский голос. — Мы нашли ваш номер в телефоне Кристиана Вебера…

У Алекса перехватило дыхание. Преодолевая спазм, он выговорил:

— Это я. Что… случилось?

Женщина в трубке кому-то быстро ответила, но ветер на том конце съел половину фразы, удалось уловить лишь: «…везите уже».

— Он попал в аварию, мы везём его в реанимацию, в институт Склифосовского. Скажите, вы родственник? Можете приехать, или знаете телефон кого-нибудь из…

Боги Сети, за что?!.. Но каждая минута на счету. Потом, Охотник, потом проклятия небесам.

— Я приеду. Позвоню его детям.

Трубка летит в стену.

Так быстро, как в этот долбаный день, Охотник не гнал ещё ни разу в жизни. Дорога пролетела одной сплошной размазанной картинкой под несущимся флаером, и вот, наконец, Москва. Резкий вираж, стремительное снижение на парковку… Я не позвонил никому. Лин вне зоны доступа, Маше нельзя, Линде строго положить на это… Разве что Хидео, но не сейчас…

Кое-как воткнувшись меж двумя автомобилями, Алекс выпрыгнул с сиденья и локтём снёс одной из машин зеркало заднего вида. Ну и нефиг, надо было прижимать к двери, когда паркуетесь.

Молодая медсестра в маске и белом халате сбежала на улицу по лестнице, ведущей в главный корпус.

— Алекс? — тонко крикнула она. Слишком тонко, чтобы это

можно было списать на простое волнение, но прежде чем Охотник успел предпринять хоть что-нибудь, в его руку с размаху впился маленький шприц, и медсестра резко выжала поршень до упора.

Мир закружился перед глазами в ритме фламенко. В тщетной попытке поймать ускользающую фокусировку Охотник искал взглядом зацепку, ну хоть маленькую трещинку в этом белоснежном мире больничной чистоты, в этом миниатюрном ухоженном скверике внутреннего двора… Ноги подкосились. Кто-то на заднем плане крикнул, что человеку плохо, а чьи-то грубые руки уже ухватились за плечи. Слишком грубо, чтобы оказаться руками доброжелателя…

Оранжевые всполохи света под сомкнутыми веками. Алекс лежал неподвижно, стараясь даже не дышать полной грудью. Он очнулся уже пару минут тому назад, но голос учителя с курсов самообороны — интересно, жив ли ещё, — крутил в голове, как бесконечный цикл, лишь одну фразу: «Если у тебя нет никаких преимуществ, то тяни время».

Преимуществ было ноль. Вот такой нулище.

Он не чувствовал ни запястий, ни щиколоток. Прохладный воздух с запахом формалина омывал волнами его почти… Ну да, почти голое тело. И чего постеснялись исподнее снять?

Память, подленько хихикнув, подбросила картинку выхода из беспамятства после установки импланта имени Лисовского Г. А. Установки фактически без анестезии. Алекс стиснул зубы, всё так же не открывая глаз. Было одно отличие. Сейчас, помимо рук и ног, его лишили ещё одной степени свободы. Два тонких, обжигающе холодных стальных обруча впивались в кожу с остервенением хорька, не давая даже малейшей возможности шевельнуть головой. Первый огибал лоб, плотно охватывая виски, а вот второй… В нём не было надобности. Алекс тихо застонал, не в силах вынести этой изощренной пытки. Тот, кто это придумал, очень хорошо его знает.

Второй впивался в основание шеи и считал зашкаливающий пульс пойманного Охотника.

— Какие лю-юди… — протянул до боли знакомый женский голос, хозяйке которого уже не было нужды притворяться молодой медсестрой. — Поговорим, Алекс?

Линда?! Какого хрена?

— Догадываешься, о чём будет разговор? Ах, тебе, наверное, неудобно шевелить головёнкой, так я подскажу. О квартире, конечно. Ты же хочешь на свободу, к своему, чёрт возьми, Крису? Так вот, одна подпись на дарственной — и до свидания.

— Не слышу, Алекс, — добавляет откуда-то сбоку Олеся. —

Иди-ка сюда, я помогу тебе побыстрее согласиться…

Норны, троян их раздери. Одна по правую руку, другая по левую.

— Ты что, хочешь вырубить его? — Линда схватила Олесю за рукав рубашки прямо над головой Алекса, но вдруг отшатнулась и отдернула ладонь.

Олеся улыбалась. Лёгкая сумасшедшинка в её глазах напугала Линду сильней, чем даже словно по волшебству появившийся в руках подруги шприц с голубоватой жидкостью.

— Наоборот, богиня, — тихо откликнулась Олеся. — Это стимулятор. Повышает возбудимость. С такой дозы усилит любое воздействие раз в двадцать.

— Но…

— Смотри.

Олеся склонилась над притянутым к операционному столу Алексом. Муж, значит, да? Добей её, Охотник? Отрубить каблук на сапогах вместе с куском пятки — это так по-джентельменски… Но все. Амба. Нет Охотника больше.

Алекс спокойно встретил этот полный безумия взгляд жены. Я оплатил старый счёт, Олеся, там, в Сити. Сейчас ты открываешь новый… Но тебе придётся очень постараться, чтобы выбить у меня эту подпись.

Олеся кончиком пальца провела по шее своей добычи. От узкого обруча, по краям которого уже начала белеть кожа, вверх, к подбородку, мучительно долго задерживаясь над пульсирующими внутри сосудами.

Тщетный рывок. Тихий стон.

— Это его Запретное место номер один, — мягко улыбнулась Олеся, словно разговаривая сама с собой. — Ну что, не передумал ещё, Саня?

— Ты не получишь дарственную, — в тишине комнаты шёпот Алекса гулким эхом прокатился под потолком.

Олеся пожала плечами. Ну и ладно. Просто чуть дольше ждать. Игла ушла под кожу, с непреодолимой силой погружая Охотника в бушующий океан беспомощности и хаоса. Неужели с этим чудовищем я прожил столько лет? Когда я потерял тебя, Олеся? А, может, и не находил вовсе…

— Десять минут прошло, — глухо сказала Линда, глядя на бегущие стрелки наручных часов.

Снова кончик пальца притрагивается к шее. И под истерический смех Олеси Охотник заходится в крике, будто это не касание кожа-к-коже, а раскалённое железо над сонной артерией.

Короткая пауза. Олеся исчезла из поля зрения. Вместе с

выдохом с губ Алекса сорвался почти животный стон. Боги Сети, как же больно… Нет, до хорошего приступа ещё далеко, но там, чёрт побери, всегда под рукой есть анальгетик. И Овер. Овер. Овер. Если эти сволочи затащили меня сюда нарочно, значит, ты жив и невредим.

Перед глазами лишь кусок белого потолка, на периферии — лицо Линды с презрительной гримасой, которая медленно, но верно превращается в отвращение. Но она смотрит не в лицо тому, кто отнял у нее семейное счастье и лучшего хакера на свете, а ниже… Да, Олеся не постеснялась выставить на всеобщее обозрение мою изуродованную заразой правую половину груди. Бугристая кожа в красных прожилках-звёздочках, под коричневой ареолой соска — плотный клубок заразы, которая уже сейчас готова взорваться. Сердце пропускает удар, пока мысль, возникшая внезапно, заполняет самые дальние уголки мозга. Стимулятор. Усилит любое воздействие в двадцать раз. И даже самый слабый приступ станет…

— И в третий раз спрашиваю — мне продолжать? — голова Олеси в облаке непривычных каштановых кудряшек заслоняет собой весь мир. Одно дыхание на двоих. — Здесь отличная звукоизоляция. А ты всегда был мазохистом, Алекс. Или, может, за идею страдаешь…

— Нет, просто мазохист, — превозмогая страшное ощущение сверхчувствительности каждого сантиметра тела, выдавил из себя Алекс. Усилие — и кривая усмешка. — Что дальше, жёнушка? Учти, развод… тебе придётся… выбивать так же.

— Нахрен он мне сдался, — хмыкнула женщина.

Тонкие аристократичные руки вытянули над его головой чёрный шнур. Кожаный, судя по блеску, мельком подумал Алекс. Мгновение, изящный изгиб кисти, — и перед глазами обратная сторона игрушки для взрослых. Нет, Охотник, не дай ей удовольствия увидеть растерянность и шок на твоем лице. И плевать, что на оборотной стороне ряд из острых сверкающих металлических шипов… «Тогда не обессудь, если я одену на Олесю намордник и ввалю ей шипастым поводком по заднице». Х**вая шутка была, Овер. Сбывается.

Только цель другая. Я вижу это по направлению её взгляда. Боги Сети…

Удар. Снова и снова. По груди. По опухоли, что прячется под кожей.

Но и кожа уже разодрана шипами.

Сорван голос, и горло издаёт только хрип. Знаешь же, что должен выдержать все это. Что сам перегнул палку в Сити — так, по крайней мере, кажется сейчас, когда плохое из твоей дурацкой

памяти как всегда усвистало к чертям. Но всё равно едва слышное, на выдохе:

— О-о-овер…

Привалившись спиной к лабораторному шкафчику, который опасно пошатнулся под весом аргентинца, Рафаэль, притащивший сюда Алекса, равнодушно уставился на Олесю, с коротким замахом хлестающую Алекса шипастым поводком по груди.

— А не проще было бы навалять ему по-мужски? — уточнил Санти не то у Линды, которая в ожидании конца представления решила прогуляться по лаборатории, не то у самого Алекса, намертво привязанного к креслу.

— О нет, Рафаэль, пока Алекс не подпишет дарственную, он нам нужен живым и желательно здоровым, насколько это возможно при рвении Олеси и в его состоянии, — Линда усмехнулась и внезапно обожгла аргентинца коротким взглядом. — А вообще-то, помнится, у тебя был великолепный шанс, как ты говоришь, навалять Алексу…

Рафаэль с трудом подавил утробный рык. Чёрт вас дёрнул маяться этой фармацевтическо-бэдээсэмной дурью, бабы? Развяжите этого призрака отца Гамлета, дайте нам сойтись один на один, и я покажу вам, кто тут настоящий мужик…

— Если б не твой чёртов Кристиан, — выдал он, наконец, — от Алекса бы только мокрое место и осталось. Я вообще-то не хотел драться… ну, вроде как, больной человек, но он сам меня вывел. А вот Крису я бы ввалил сразу по максимуму, окажись он передо мной…

Линда коротко хохотнула, и Рафаэль уже собрался вконец обидеться на неё, но, кажется, богиня сменила гнев на милость.

— Крису? Да ты прибил бы его одной левой, Санти. Я без понятий, что ты там говорил про его регенерацию, но болевой порог у него как был нулевым, так, небось, и остался.

«А это легко проверить», — подумал вдруг Рафаэль, отлипая от шкафчика и подходя к столу. Олеся уже откровенно растянула нетренированную руку, которая тяжелей скальпеля вряд ли что-то держала в жизни. А Охотник… Аргентинец вдруг почувствовал укол жалости. Сухое изможденное тело с разорванной в клочья кожей на груди. Покрытое испариной и брызгами крови лицо. Закаченные глаза, у которых видны только тонкие полоски белков. Воистину, нет врага страшней, чем обиженная женщина.

— Пришел… помочь?.. — судорожно выдыхает Олеся, кидая на Рафаэля убийственный взгляд.

— Я лежачих не бью, — отмахнулся аргентинец, упорно стараясь поймать схлынувшую волну ярости и злости. Давай, Рафаэль, вспоминай, как хотел придушить этого седого кодера,

как желал ему вот такой долгой агонии… Чтобы достать Кристиана.

Вздрогнули кончики пальцев. Вот оно. И на старуху бывает проруха, Крис. Пусть бабьё развлекается на полную катушку. Это только потому, что им не достать тебя самого. А я достану.

Я забуду, что все мы трое — я, ты и Алекс, — ровесники. Я забуду годы нашей совместной работы. Я сделаю вид, что не заметил, как болезнь почти выжгла Алекса изнутри. Более того, мне, в отличие от ваших жён, бывших и не очень, наплевать, в какой позе вы трахаетесь. Но Алекс — твоя болевая точка, хакер. И все это знают.

Рафаэль недрогнувшей рукой достал смартфон из кармана брюк. Всё, что от меня требуется — это выбрать правильный ракурс. Точку зрения, раздери её троян. Хотя ты, сероглазый хакер, вряд ли оценишь мои старания. Говорят, что любимый красив со всех сторон. Да, пожалуй, так… Окровавленная грудь, запрокинутая к потолку голова с тонкой красной струйкой, бегущей с прокушенной губы, растрёпанные седые волосы. Фотовспышка.

— Ты что творишь?! — обе фурии мгновенно сорвались к нему с разных концов комнаты.

— Тссс-с-с, — прошептал Рафаэль, быстро скользя пальцем по экрану смартфона, — я спасаю ваши задницы, девоньки. Ничего вы от него не получите, пока не приставите ножик к горлу Кристиана. Но я вам в этом помогу. У вас ещё час на попытки добиться подписи. И это… Он чего-то плох совсем. Вы б его откачали, что ли…

> 05_JUN_2072
> from: Santi
> to: _overdrive_
> <текст сообщения отсутствует>
> Вложения: 1 изображение

Телефонный звонок раздался почти мгновенно, разорвав в клочья гулкую тишину лаборатории.

— Ты где, чёртов выродок?! — судя по фоновому шуму, Крис находился на оживлённой городской улице, но такого крика Рафаэль от него не слышал даже в тот день, когда аргентинца угораздило по невнимательности отправить в релиз промежуточную версию вместо финальной. — Какого хрена тебе надо? Жопа слаба впрямую со мной встретиться, да? Отпустил его, быстро.

— Ух ты, какие мы словечки знаем, — насмешливо протянул Рафаэль. — Помнится, ты сегодня в Москве болтаешься, я видел

тебя в списках приглашённых на «Игромир». Приезжай лучше к нам, тут такие игры, что тебе и не снилось. Координаты уже засёк, хакер, или тебе скинуть?

Хакер, блин. Каким же уродом надо быть, Санти, чтоб форматнуть самому себе память, выкинув из неё далёкий тайский остров, у берегов которого мы плечом к плечу одержали совместную, мать её, победу над ван Эйками? И какой же мразью надо стать, чтоб…

— Ты один там? Или зассал и позвал отряд спецназа, урод глиняный?

А этого я тебе, поганка бледная, не прощу.

— Твоя и Алексова бабы не в счёт. Они в наши дела не полезут.

Конец связи.

Смартфон Кристиана принял координаты прямо во время разговора. Место, отмеченное на карте, показалось Оверу смутно знакомым и отчего-то вызвало лёгкую тошноту. Впрочем, гораздо большую тошноту вызывали эти трое, которых уже и людьми язык не поворачивался назвать. Юниты противника. Нет. Боты монстров. Не другие юзеры, а всего лишь бездушные твари, дополнительный фактор, раздражающий героя и выматывающий его силы до нуля. Но, чёрт возьми, вы не знаете, с кем связались. Найти и уничтожить.

Чёрный аэроцикл буревестником взлетает в грозовое июньское небо, и рёв турбин сливается с отдалённым раскатом грома.

Разговор исчерпан, Кристиан. Сенсорная кнопка сброса отозвалась не сразу, как будто считая, что главное ещё не сказано.

На счастье аргентинца «твоя и Алексова бабы» были настолько заняты, что, мягко говоря, им было не до разбора лексических тонкостей беседы. Едва откачав Алекса, у которого сердце ушло вразнос, то выдавая провалы по несколько секунд, то улетая до запредельных ста семидесяти ударов в минуту, они тут же начали суетиться в дальнем углу комнаты.

Алекс глухо застонал. Наверно, действие этого долбанного стимулятора заканчивалось, потому что чувствительность пропала напрочь, оставляя сменщицей свинцовую тяжесть. Однако зараза явно не подчинялась всеобщему закону. И мало того, что над ней — наверняка сплошное кровавое месиво, так ещё и приступ начинается… Просить анальгетик? Ох, Олеся, как же ты всё рассчитала. Анальгетик за дарственную.

Рафаэль, стоявший рядом, уперся кулаками в мягкий борт

операционного стола и, как карающий ангел, навис над измученным в край Охотником. Запрятанная глубоко-глубоко симпатия к светловолосому кодеру, который никогда не был душой компании, но всегда — примером, которым можно повести за собой полки, вдруг заставила взгляд аргентинца потеплеть. Это с Крисом надо бить без промаха, а здесь чувак конкретно попал с женой, да и со здоровьем тоже не повезло.

— Хорошо держишься, старик, — мягко произнес аргентинец. — Я б не смог, наверно.

У Алекса задрожали ресницы. Первая волна боли приближалась неумолимо. Ответить бы тебе, Санти, что-нибудь, да сил жалко. Даже глаз открывать не буду.

— Я вот что подумал… — продолжал Рафаэль, искоса поглядывая на Олесю и Линду, колдующих в углу над каким-то не то шлемом, не то шапочкой из проводов а-ля бабушкино макраме. — Подписал бы ты эту бумажку… Ну зачем тебе квартира уже, а? Все говорят, что твои дни сочтены.

— Сука, — выдохнул Охотник. — Все считают мои дни… Ты почему считаешь?..

Рафаэль качнул головой. Даже обижаться на ругань неохота. Откуда в человеке может быть столько упорства? Что за цель должна быть в жизни, чтобы так за неё цепляться? А впрочем, это пустой разговор. Ты знаешь, что только через тебя я дотянусь до Кристиана. Я знаю, что по собственной воле ты не сдашься.

— Да мне по боку, сколько тебе осталось, Алекс, — пожал плечами аргентинец. — Как вы с Крисом до сих пор живёте, когда оба знаете, что случилось с архивом «Souls Unite», вот что интересно.

Охотник распахнул глаза. Волна настигала неумолимо, и надо бы замереть, сдержаться, но этого тонкого издевательства уже не вынести. Достаточно лишь на миг вспомнить, как первую неделю после страшного открытия он прятался от Криса в кромешном аду ладожских островов, готовый сгореть от стыда под самым мимолётным взглядом сероглазого хакера.

— А ты… на свой… нос посмотри… — вытащил он из закромов родины фразу под вывеской «жги, Охотник».

Рафаэль взорвался мгновенно. Но взорвался рационально, как всегда обычно с ним бывало. И прежде чем стремительным движением поднять тощее тело не по возможностям дерзкого Алекса, он двумя щелчками сбил с замков стальные обручи, державшие седую голову. Но про руки он всё же забыл. От рывка в небеса ремень на левом запястье вырвался с мясом из недр стола, а на правом остался цел. Алекс вскрикнул, выгибаясь дугой в медвежьей хватке аргентинца. Вывих. В лучшем случае.

— Пёс ты подзабор-р-рный… — прорычал в лицо Охотнику Рафаэль. — Что ты о себе возомнил, а? Я тебе, сучёнышу, столько денег отдал, а ты мне тут зубы скалишь…

Они смотрели друг другу в глаза. И если Охотник, которого уже подводило зрение, видел только две тёмные бездны с радужкой цвета гречишного мёда, то Рафаэль с трудом выдерживал пылающее пламя синих озер, выглядевших ещё более жутко из-за лопнувших сосудов на белках глаз.

— Добей, прошу… — вдруг прошептал Алекс, прижимая освобождённую руку к расквашенной груди. — Мне… не выдержать… такую… боль…

Ну, нет, Охотник. Очень хочется, но я сдержусь. Потому что огрести целых трех кровников, один из которых — твой любовник, а двое других — сумасшедшие бабы, думающие только о квадратных метрах, это отвратительная перспектива.

— Рафаэль, — тонкий и противный голос Линды разбил поединок взглядов. — Тащи его сюда. Он там ещё не согласился на дарственную?

— Не согласился, — буркнул аргентинец, отцепляя оставшиеся ремни и поднимая лёгкое, как пёрышко, тело Охотника.

Да, вы, бабочки, хотели бы видеть что-то более эротичное… Как его за волосы, например, через всю комнату к вам волоком тащу. Но, раздери меня все соединения, вы этого не получите. Вот так. Бережно, на руках. Как это сделал бы Кристиан, чёрт побери. И плевать, что я только что хотел придушить этого седого старика. Не убивают тех, кто сам об этом просит.

Шлем, который Олеся обычно использовала дома в качестве заменителя мужского тела рядом, а в последнее время — как попытку сбежать от острых осколков воспоминаний, нацепили на голову Охотника в страшной спешке, залив специальным гелем даже обнажённые плечи. Всё было до смешного просто — инверсия записи, которой Олеся гасила воспоминания, давала эффект их вызова. Причем цикличного вызова именно тех цветных фильмов из памяти, которые причиняли самую сильную боль.

— Сдавайся, Олеся, — прошептал Охотник, пока руки жены порхали над его головой, размещая датчики. — Я не подпишу эту бумагу.

— Подпишешь, — отрезала Олеся.

Она почувствовала, как лежащее на ледяном кафельном полу обнажённое тело мужа вдруг судорожно изогнулось, словно волна дрожи накрыла каждую его мышцу. Охотник застонал, переламываясь пополам. Жалость обожгла Олесю, как

пролившийся на душу кипяток, но тут же заткнулась под напором слепой ярости. Все твои грехи, Алекс. Все твои ночи напролёт с Овердрайвом, все твои командировки с ним же, весь твой стёб надо мной, все те разы, когда ты превращался в Зверя и выжигал меня дотла… И то, последнее, что ты сделал со мной в Сити… Всё это сейчас вернется тебе сторицей.

— А стимулятор еще будешь вкалывать? — поинтересовалась Линда. — Ты ж собиралась.

— Незачем. Видишь, у него приступ начинается, — бросила Олеся в ответ.

Алекс из-под опущенных ресниц наблюдал, как жена в странных сапогах с золотыми пряжками и опять на высоченной платформе пересекла комнату… по воздуху? Нет, летать может только Овер. Родное имя ударило в виски. Я не знаю, что они ещё придумали, но квартира уйдёт только твоему сыну, Крис. Обещаю.

Через минуту на полу перед Алексом лежали дарственная и ампула с анальгетиком. Его анальгетиком, бледно-розовым, того самого, чёрт побери, правильного цвета. Огненный жгут снова прошил плечо, на этот раз ударив в самую глубокую рану под соском. Боги Сети, неужели они всерьёз надеются, что я сдамся?..

Наверно, последнюю фразу он произнёс вслух, забившись от боли, как пойманная дичь в силке.

— Свяжи. Его, — Линда смотрит в глаза Рафаэлю, не мигая, и помимо своего желания рука аргентинца тянется за верёвкой.

Чёрт подери, такой взгляд он видел у тех, на ком испытывали предел мощности пресловутых телепатических наномашин. Но эта мысль быстро уходит в фон, сменяясь гораздо более весомым и конкретным желанием сопротивляться до последнего.

— Вы меня задолбали в корень, стервы, — выдаёт Рафаэль. — Посмотрим, как вы запоёте, когда Крис приедет…

— Свяжи. Его, — повторяет Линда.

Да ты заколебала, коза.

В следующую секунду верёвка летит в лицо Линде.

— Я, блин, на этот вот, — широким жестом Рафаэль обводит лабораторию и всех присутствующих в ней, — бедлам не подписывался. Вы сказали, он мигом подпишет. Ну, так рожайте уже. А я этим вашим грёбаным шибари заниматься не собираюсь.

Аукнется тебе это ещё, Санти. Руки Линды с остервенением стягивают запястья седого кодера за спиной. Вывихнутое правое отзывается такой адской болью, что от крика, кажется, уже звенят стекла в шкафу. О, как я давно мечтала об этом, Алекс. С того самого дня, как мой муж, бросив всё, сорвался к тебе и остался так надолго. И если б не эта дарственная, я бы тебе

собственноручно вырезала ливер. Прямо здесь. Прямо сейчас.

— Включаю. Отходите в сторону, — командует Олеся, но рядом уже никого нет.

Рафаэль невозмутимо разминает руки, видимо, готовясь к схватке с Кристианом, который по всеобщим расчётам должен был появиться в лаборатории максимум через полчаса. А Линда, пряча глаза, задумчиво крутит в руках поводок с окровавленными шипами.

Твое время вышло, Александр Рыков. Алекс. Санька. Dreamhunter.

<Play>

Разночастотный шум накрыл с головой. Он сопротивлялся, сколько мог, до последнего игнорируя нарастающий в ушах звук, с которым боль в груди то и дело попадала в резонанс, усиливаясь в разы. Стянутые за спиной руки своим нытьём вносили приятное разнообразие в этот ад из судороги и всполохов под веками.

А потом Охотник сдался. И волна звука подхватила его и швырнула об острые скалы. Раз за разом худое тело со связанными руками напарывалось на яркие слайды горьких, как сок полыни, воспоминаний. И от того, что на самом деле он просто катался по зеркальному полу, размазывая на нём жёлто-красную сукровицу с ран, рыча, как раненный зверь, и крича от боли, становилось не легче.

Двойник в транскоде. Обманка, которая столкнула его в пропасть боли, подсадила на этот сверхсильный анальгетик, чуть не заставила положить болт на Овердрайва.

Взлом моего электронного дневника. Чёртовы ван Эйки! Сколько лет вас уже нет в живых, а я так и не смог простить вам это.

Ночь с Олесей. Нет, две самые страшные ночи с этим чудовищем, с этой собственницей, у которой «хочу» — это будто пароль «12345» ко всем компам сети. Она его долбит в любые поля, и где-то система прогибается, а где-то сгорает в ноль.

Приступ на работе. При всех. Падение на пол офиса, когда всё, что ты помнишь, — это рисунок на линолеуме, встревоженные крики и боль, боль, боль…

Попытка зверя взбунтоваться. Обозвал Овера всезнайкой, забыв смириться с тем, что это аксиома. Он всегда на шаг впереди. Он читает тебя, как открытую книгу. Ты сам ему дал это право.

Приступ аритмии. Тот самый. Не у меня, у него. Увиденный первый раз в жизни. Это сейчас я уже сам ловлю такие променады

пульса от сорока к ста двадцати и обратно, а тогда, двадцать лет назад… Страх. Ужас. Понимание того, что ты со своей заразой не одинок в этом мире.

Лисовский. Установка импланта без анестезии ради этих чёртовых денег на комп. «Отдамся науке за умеренную плату». И уже не понять, что сейчас приносит больше боли — картинка из родной квартиры, где занимаются любовью посторонние люди, или всё-таки безумные глаза этого Охотника-от-науки, которому в руки попался беспомощный клиент без гроша в кармане…

Отравленный анальгетик. Все пути-дорожки ведут к невозможному ответу, и я на это повёлся. А надо было всего лишь пораскинуть мозгами, признать, что Крис не может быть таким подлецом… И думать до того, как выпивать полбутылки коньяка, заламывать своему королю руки и грозиться задушить, а не после, наутро, в лучших традициях широкой русской души.

Взлом. Сервера. Компании. Овердрайва…

Алекс начинает задыхаться, опрокидываясь на спину, и в отчаянной попытке сползти с этого чёртового штыря боли, что засел глубоко в сердце, скребёт ногтями по полу, обдирая пальцы до крови. Сволочи вы… Сволочи. Моим же оружием меня. Есть боль более сильная, чем может причинить тело или сталь.

Волчий камень. Который ждёт уже столько лет.

И теряя последние остатки самообладания, попытаться докричаться до небес, до смысла своей никчёмной жизни, насквозь пропитанной болью, называя этот единственный свет истинным именем:

— О-о-овер-рдр-р-ра-а-айв!!!

Гр-рёбаные скоты.

Выжгу дотла.

Словно почуяв угрозу собственному существованию, сканер на входной двери Института нейрофизиологии жалобно запищал, умоляя владельца тонких электрических пальцев не выдавать заряда в электронику, а мирно подождать распознавания, благо отпечатки Криса сохранились в базе данных с той ночи, когда он в состоянии «без пяти минут невменько» приехал на тестирование биополя.

В отличие от монументальной входной, межкомнатные двери в Институте не славились особой прочностью и были легко вышиблены ударом ноги в серебристом шнурованном сапоге.

— Свалили. Все. К хренам, — голос Кристиана уже не рвётся

до небес, как в телефонном разговоре с Рафаэлем, но теперь в нём нет и следа паники, случайно пробившейся сквозь этот его вечный запредельный самоконтроль.

Это приказ. Язык ассемблера, троян его раздери.

— Хр-р-рен тебе, Овер!! — товарняк имени Рафаэля Гарсиа Дуарте сбивает Кристиана с ног. Железные пальцы Санти обхватывают голову Овердрайва и пару раз прикладывают его лицом в пол. Блокировка чувствительности не успевает отработать, и отчаянный крик Кристиана сливается с хрустом его тонкого носа. Вывернув руку под каким-то совсем невообразимым углом, Крис пытается зацепить Рафаэля за одежду, но аргентинец прижимает его коленом, вышибая из лёгких хакера остатки воздуха; ещё секунда — и раздавит, как тонконогого паука, которого малые дети считают ядовитым лишь за то, что он выглядит слишком противно.

Сумасшедшим усилием Крис вскидывается, как ужаленный, отвоёвывая себе несколько сантиметров свободного пространства, и молниеносно разворачивается на бок, точным ударом кулака в челюсть едва не выбивая Рафаэлю зуб.

Но финал этой битвы титанов остаётся вовек открытым, ибо Линда стремительно выхватывает откуда-то электрошокер, бросается вперёд и выдаёт короткий разряд в плечо Кристиана. Хакер резко вздрагивает и теряет сознание. Твоим же оружием, Овердрайв.

— Снимайте с Охотника эту вашу байду, — о, если ты вспомнил истинное имя замученного кодера, Рафаэль, тебе и даром не нужны наномашины для того, чтобы перехватить управление двумя недотраханными бабами.

Опешив, Линда переглядывается с Олесей. Та молча пожимает плечами в ответ.

— Ну же, — торопит их Санти. — Некогда, растуды вас в макароны. Давай, Алекс, пока одна рука цела, черкани там, где следует, а потом валите к хренам на свою Ладогу и сидите там как сурки, пока смерть не разлучит вас. А если тебе вдруг успело понравиться садомазо, Охотник, или желаешь ещё потянуть кота за хвост, то у меня для тебя припасено прекрасное зрелище…

Вздёрнутая за волосы голова Овердрайва, позвонки которого слабо хрустнули, даже несмотря на его фантастическую гибкость, ибо Рафаэль, которому к этой секунде напрочь отшибло чувство меры, заставил хакера слишком сильно выгнуться назад.

Толстые смуглые пальцы шарят на бледном окровавленном лице, замирая поверх плотно сомкнутых век Кристиана, словно Рафаэль собирается кинуть шар в боулинге и ищет нужные отверстия, только вместо шара, чёрт возьми — голова любимого

человека.

— Хочешь птичьи глазоньки? — кажется, тяжкая волна всеобщего буйного помешательства накрывает и аргентинца. — На блюдечке? Не-ет? Тогда малюй уже свою подпись, раздери тебя троян.

Нет такого слова на свете, Санти, которое было бы в достаточной мере грязным, чтобы описать тебя.

Алекс, освобожденный от чёртовой паутины проводов, лежал на животе, уже и вовсе не обращая внимания на боль в разодранной груди и шум в голове. Из-под спутанных седых волос он смотрел на безумца, в руках которого была птица… Мы проигрались вдрызг, Овер. Похоже, что в прошлый раз мы оплатили не все счета. Или открыли новые.

— Ручку, — процедил Алекс, выбрасывая вперёд здоровую левую руку.

Если б все зависело только от меня, я бы этого не сделал. Я бы сдох здесь, сошел с ума от боли, предательства, воспоминаний, но не сдался. И только Санти, подлец, нашёл рычаг, который свернёт Землю.

В пальцы легла внушительная ручка представительского класса с золочёным колпачком. Нет, ну вы издеваетесь? Как я одной рукой… «Молча», — вдруг произнёс в голове голос отца. Ладно.

Алекс рванул зубами колпачок и выплюнул его вместе с кровью, тёкшей из раздавленных дёсен и прикушенных изнутри губ.

— Не ведись, Охотник… — едва очнувшись, шепчет Крис. — Пусть его… Мне не будет больно… Только не смотри… Всё восстановится… потом.

— Ну да, это пока в твоей крови чёрт-те что понамешано, — откликается Рафаэль.

Линда, подав Алексу бумагу, машинально прислушалась.

— Помнится, у вас с Алексом одна группа, да? — издёвка в голосе богини была просто неизмеримой. — Ну, так у нас тут есть всё необходимое, чтоб из тебя, Крис, эти наномашины откачать. Вместе с твоей кровью.

— Заткнись, стерва, — прорычал Охотник, не отрывая взгляда от Санти и Овера.

Бумага неприятно зашелестела под рукой.

— Отпусти его, Санти, — голос Охотника снова тот самый, которым должен быть, хладнокровный и глубокий, как Марианская впадина. — Ты убираешь руки, я подписываю. Одновременно.

— Да не вопрос, — Рафаэль отпускает голову Криса, коротко

вскинув руки перед собой. Грёбаное «я не при делах, я вообще мимо проходил». Крис тихо рычит, пытаясь сдержать болезненный стон собственного бессилия. О, если бы только Санти. Или Олеся с Линдой… Но троих ему не одолеть. Кто-нибудь всё равно успеет добраться до Охотника.

Алекс закрывает глаза. Попытка глубоко вдохнуть заканчивается кашлем. Боги Сети, за что… Простите, родители. Вы так долго на неё копили, платили ипотеку, отдавая последние крохи. Прости, Лин. Я пообещал и не сдержал слово. Прости, Овер. Но ради тебя…

Стремительного росчерка не получается. Это ж левая рука, раздери вас всех троян. Вообще не слушается. А, к чёрту. Вам хватит и этой закавыки.

Олеся выдёргивает бумагу в тот же миг, когда ручка отрывается от белой шелестящей поверхности, чудом не заляпанной кровью Охотника.

— Ну что?.. Поимели мы вас, полюбовнички? — ржёт в голос Рафаэль, поднимаясь с колен и вытирая заляпанные кровью руки об штаны. — И чтоб больше не рыпались даже.

Линда, потеряв почти весь интерес что к Рафаэлю, что к Олесе, что к Алексу, свысока смотрит на Кристиана, который не спешит подняться с колен, склонившись над тихо хрипящим Охотником.

— Держу тебя… Свет мой… — голос сероглазого хакера настолько тих, что его слышит лишь тот, кому адресованы эти слова, но Линда догадывается о содержании фразы по движению тонких окровавленных губ Кристиана.

Изрезать бы к чёрту твои пальцы, в которых всегда словно рыбья кровь, а может, охлаждение высоковольтной установки, постоянно готовой к разряду. Проверим, что там у тебя, вены или сплав титана. Где-то тут был скальпель…

— Пойдём, Линда, — настойчиво тянет её за руку Олеся. — Наше время вышло уже минут пятнадцать как…

Быстрые, тяжёлые шаги в соседней комнате, невнятное ругательство на польском.

— Что за разгром?.. — вопрошает Лисовский, врываясь в лабораторию. — И… вы, к лешему, кто?!

И, прежде, чем Олеся успевает что-нибудь сказать, прежде, чем Линда отступает от Кристиана на шаг, тяжёлый кулак Рафаэля прилетает в челюсть профессора, отправляя его в полёт к полуоткрытой двери лабораторного шкафчика.

— Валим!! — тонкостенные пробирки, оставленные на угловом столе, в страхе вздрагивают от бычьего рёва Рафаэля; топот остроносых ботинок, цокот каблуков и тонкий свист

аэросапог тают эхом в коридоре, и через полминуты в лаборатории воцаряется тишина, прерываемая лишь тихими стонами Алекса, шёпотом Криса да кашлем Лисовского.

Кристиан ничего не видит, ничего не слышит, лишь до одури повторяет над Охотником единственную короткую фразу, уйдя в самый глубокий транс из всех, доступных ему:

— Держу тебя… Я рядом… Прости… Люблю тебя…

Разлепив один глаз, Лисовский окидывает мутным взглядом развороченную лабораторию, почти сразу фокусируясь на парочке, замершей в дальнем углу. Зрительная память профессора ещё не подводила, хотя после такого удара из серии «с собой на вынос» можно и усомниться в собственной вменяемости, но две пары имплантов, показавшиеся из-под седых волос израненного мужчины, развеивают его сомнения.

— Рыков, — фамилию Лисовский выщепляет из памяти первой: ещё бы, потому что она до сих пор осталась у этой курвы Олеси.

Алекс заходится в кашле, что, надо полагать, выступает в качестве отклика.

— Вы же доктор, так? — подаёт голос тощий сероглазый брюнет, не размыкая объятий, в которых замер один из его, Лисовского, пациентов. — Помогите ему, умоляю.

Белый халат. Ещё один триггер, как и буйная седая шевелюра профессора. Но что делать, разбираться будем позже, а клятву Гиппократа никто не отменял.

— В двух словах, — речь Лисовского становится отрывистой, — куда и чем ему попало?

— Я… опоздал, — эй, ходячий пример астении с разбитым носом, ещё твоего нервного срыва мне тут не хватало. — Они что-то подключали к его голове… И, кажется, вывихнули руку.

— Ясно, — бросает Лисовский. — Сбегай до вон того шкафчика, на нижней полке — инструменты, на верхней — бинты. Я пока с анестезией прикину…

Сероглазого прошивает короткий разряд, на пальцах искрит, Лисовский видит это невооружённым глазом, без всякого «Альтаракса».

— Нельзя… То есть можно, если он ещё не…

— Где я тебя видел? — перебивает Кристиана профессор. — Как звать?

— Я был тут однажды… кажется. Плохо помню, — откликается хакер. — Крис Вебер. А теперь простите, я спрошу у Алекса…

Немой вопрос в серых глазах.

— Два слова, Охотник. Я не знаю, что они тебе вкатили.

— Стимулятор… — прохрипел Алекс, едва не теряя сознание. — Анальгетик… не… дали…

— С-сучёныши, — Крис умудряется рычать сквозь свист разгоняющихся в его сердце движков.

— Пся крев, — вторит ему Лисовский, услышав ответ Алекса. — Я всё понял. Перенеси его на стол, Крис. Будешь ассистентом.

Едва дождавшись действия местной анестезии, профессор, тихо матерясь, приступил к накладыванию швов на распоротую грудь Охотника. Надо было спешить, ибо впереди ещё маячила двадцатиминутная перспектива под названием «в вашем ядерном коктейле крови не обнаружено».

— Тампон прижми вот здесь, — Лисовский указывал Кристиану нужное место, моментально переключаясь между двумя задачами одновременно, и тем же негромким голосом задавал очередной вопрос.

— Кто все эти уроды? Олесю я знаю, а остальные? И какого хрена они припёрлись в мою лабораторию?

Боги Сети и пресвятые провайдеры. Что бы такое соврать…

[Истину говори, Крис. Мы с тобой уже знакомы, чёрт возьми. Лисовский, в упор не узнал? Или у меня в твоих мыслях голос по-другому звучит?]

— Они… по нашим делам. Простите, что так вышло…

[Ну всё, финиш, профессор. А с фига ли я вам должен всё выложить, не отходя от кассы?]

— Да ладно, не каждый же день такое случается.

[А скажи мне, тебя за последнее время грохнуть не пытались? Сегодняшний марлезонский балет не в счёт. Меня уже пробовали пристрелить. Пришёл забрать кое-какие вещи и залечь на дно. Откровенность за откровенность, Крис.]

— Так это вы ставили Алексу импланты?

[Меня грохнули один раз… почти. В конце апреля. Никто не знает. Даже Охотник. Что вам известно? Они убьют всех, кто приложил руку к…?]

— Было дело. Ну, он сам согласился на это.

[Да ничего… Почти ничего. В феврале вас заменили на этот Див-ин-е, а потом наш президент потребовал поставить ему «Версию-2», после чего её благополучно стёрли со всех носителей.]

— А вынуть их нафиг сможете? — на секунду отвлёкшись от сосредоточенного удерживания ватных тампонов, Крис бросает быстрый взгляд на Лисовского.

[Тот мужик, что вас вырубил, генеральный директор «Div-in-E», чтоб вы знали. Будьте знакомы, мазафака. Он спёр все наши

разработки… А назначил его на эту должность лично я, чёрт дери всю эту грёбаную карусель.]

— Смогу нафиг вынуть, — пальцы Лисовского, затянутые в тонкие хирургические перчатки, осторожно кладут стежок за стежком по тонкой коже Алекса, стараясь не спровоцировать раньше времени его разгорающуюся заразу. — Слышишь, Алекс, я думал, ты раньше заглянешь, попросишься на приём. Я ж тогда сказал Олесе, что через пару месяцев можно снять. Ну, ты и мазохист…

— Она… не сказала мне, — прошептал Алекс.

— А её я вообще по стенке рас… — внезапно выдаёт вслух Лисовский, забыв, что ушёл с уровня мысленного коннекта.

[…раскатаю. Крис, ёлки-палки, вопросов больше чем ответов, а времени в обрез, и у меня после вашего Рафаэля голова раскалывается. Давай так. Я сейчас заканчиваю, и вы летите куда-нибудь в тихое место. А в полночь выйдем на связь. Сможешь?]

— Терпи, казак, — Лисовский внезапно берёт в руки вывихнутое запястье Алекса. Короткий захват, поворот, миг резкой боли…

— Бинт эластичный, помнится, где-то был, — нараспев произносит профессор. — А, вот он… Минуту…

[Смогу, Георгий… ээ…]

— Знаете, мужики, после сегодняшего можно уж чуть ли не Жора, — Лисовский криво улыбается, протягивает костлявую ладонь Кристиану, легко хлопает залатанного Алекса по плечу и еле заметно вздрагивает, когда в его чутких пальцах внезапно оказывается живой электрический разряд.

— До связи, Георгий, — тихо откликается Кристиан, помогая Алексу одеть рубашку, а под конец отдав и свой лёгкий серебристый плащ… — Спасибо и…

— Увидимся ещё, — машет рукой Лисовский, и, глядя вслед этой странной, пошатывающейся парочке, в которой один всегда готов подхватить другого, на миг позволяет себе маленькую вольность.

Просканировать биополе Кристиана Вебера и Александра Рыкова просто так, без «Альтаракса». Пока это умение доступно ему, Лисовскому, всего на пару секунд в день, но этих секунд профессору оказывается достаточно, чтобы почти ослепнуть от чистого, запредельного света, который исходит от обоих кодеров даже сейчас, когда они вымотаны в ноль, если не ниже нуля.

* * *

«В полночь луна проявится из-за дымки,
Скинув её, как мантию-невидимку.
Лучшее время, чтобы прийти на шабаш —
Не на козле, не в ступе. Обычным шагом…»[29]

Вернувшись на Ладогу в полдвенадцатого ночи, Кристиан уложил измученного Алекса спать, осторожно укутав одеялом, и уже собрался рухнуть в кресло неподалёку, но Охотник, почти не просыпаясь, поймал его за руку, и Крис присел на край кровати, положив горячую голову Алекса на свои колени. Спи, родной, я рядом, и сны твои будут светлы. А мы с паном Лисовским пока поговорим о…

[Георгий?]

Соединение устанавливается…

[О, Кристиан. Наконец-то. Не забудь, у нас сорок с небольшим минут… ну максимум час. Итак, в какой момент моя лаборатория превратилась в БДСМ-клуб?]

Будь Охотник в порядке, Кристиан не смог бы сдержать смеха. Но только не сегодня…

[Примерно в тот, когда эти сучки и Санти умудрились выловить Охотника. Как они это сделали, я, увы, без понятий, но он сорвался с Ладоги и прилетел в Москву. Может быть, наврали, что Лин в беде… или Маша…]

[Или ты, Крис.]

Выдохни там, хакер, я не из тех, кто будет читать вам нотации на тему «если вы не можете жениться и родить детей, то и любить друг друга вы не вправе».

[Короче говоря, они заставили его написать дарственную на Олесю.]

Ты умудрился уйти от ответа даже на уровне мысли, Крис.

Лисовский на том конце озадаченно почесал в затылке, и макушка Кристиана немедленно отозвалась слабым зудом. Так, значит, и голову Алекса он на моих коленях сейчас…

[С этой курвой я ещё разберусь, а про свою семью ты мне ничего не рассказывал, Кристиан. Стой, не трать слов. Просто представь их сейчас…]

Крис кивнул и закрыл глаза.

Родные лица возникли перед его мысленным взором внезапно и одновременно, словно выхваченные ярким лучом софита. Лин, но не в коляске, а на диване рядом с ним, со счастливой улыбкой запускает квадрокоптер прямо в комнате. Маша в индийском сари, всё ещё стесняется говорить ему, Крису, что он скоро станет дедушкой. Сдержанный Хидео, который раскрывает всю свою

отзывчивую и бесконечно изобретательную душу только самым близким людям. Линда… Нет. После того, что было…

[Скажи, Крис. Давно ли Линда знакома с Олесей?]

Ты издеваешься, пан. Сначала берёшь много переменных в один момент времени, а теперь заставляешь меня нырнуть в те дни, когда «Div-in-E» был маленькой, никому не известной, но дружной семьёй, разработавшей чудо-гаджет, без которого я бы вряд ли смог вернуть сознание Линде, ушедшей в себя после вирусной атаки. И, чёрт возьми, именно я виноват в том, что Олеся познакомилась с Алексом, потому что она сидела в моей квартире с маленькой Машкой, когда мы с ним на всех парах примчались возвращать Линде недостающие части её собственного «Я»…

Не дожидаясь окончания визуального ряда, Лисовский прерывает мучения Кристиана следующим вопросом.

[Понял… Ей-то какая выгода была торчать там вместе с Олесей, да ещё и мужика притащить?]

У-у, Георгий, если б я сам знал…

Хотя нет, Крис, ты знаешь. Просто из последних сил отмахиваешься от этого знания, упорно твердя себе: «У всех людей в настройках по умолчанию прописана доброта и честность, а паскудами они становятся от плохой жизни и могут в любой момент исправиться, стоит лишь захотеть».

Тихий рык Кристиана отдаётся в груди Лисовского.

[Они решили пр-родать его квар-ртиру. Хотят, чтобы мы заплатили им за своё пр-раво быть… Чёрт, простите…]

Будешь так заводиться, Крис, пережжёшь все свои наномашины, никаких денег не хватит на обновления. Ладно, хакер. Последний вопрос. Контрольный, уж извини. Но если я не услышу истинного ответа, я не смогу помочь вам. Тому, кто всю жизнь привык держать в тайне свою работу, сложно выйти на свет открытых пространств, простреливаемых во все стороны. И все эти чёртовы деньги меня, увы, не интересуют, как не интересует «трава» наркомана, уже давно сидящего на героине. Мне нужен стимул иного рода.

[Почему ты решил уйти от семьи и жить с Алексом, Овер?]

Добил, пан. Какого хрена? Ты едва знаешь меня, а уже зовёшь истинным именем. О, или это особый род крючка, на который ты поймал меня и сейчас рассматриваешь под микроскопом, зажав мою душу тонким пинцетом и проверяя, не солгу ли я?

[Я… не…]

О да, конечно, ты не бросил родных, просто стал видеться с ними на порядок реже. О да, дети выросли, и ты стал им вроде как не нужен. Но с таким же успехом можно было бы собрать

вещи и отправиться автостопом по Индии. В одиночку, Крис.

Выдохни до упора, хакер. А теперь вспомни, с кем ты впервые в жизни говорил о реке-под-рекой вслух, хотя среди тогдашних транскодеров не поощрялся трёп с непосвящёнными. Вспомни безумную, солнечную улыбку этого свежеиспечённого полуночника, который переступил ради тебя через все свои принципы «пай-кодера» и принял твою руку, ни разу не отпустив её за все эти годы. Вспомни гонку со временем, когда Охотник примчался на мотоцикле прямо к залу суда и сумел похитить тебя у всех и всего в этом чёртовом мире, и его волосы раскалённым вольфрамом летели тебе в лицо, когда ты ехал сзади, обняв Алекса и забывая дышать, чувствуя каждый поворот дороги по лёгкому наклону его спины. И вспомни, как, пробив границу меж двумя мирами, ты показал этому кодеру себя-без-маски, себя-настоящего, и получил такой симметричный ответ, о котором и мечтать не смел.

А теперь вдохни, Овер — так же, как делаешь каждый день ради этого запредельного человека, и скажи слова истины. Пусть их услышит хоть Лисовский, хоть Линда, хоть целый мир, но в первую очередь они предназначены для того, кто спит на твоих коленях, доверившись тебе без остатка.

— Потому что ты для меня всё, Охотник.

[Конец связи.]

Как же сложно выдерживать этот твой заряд, Крис, а ведь ты выдал его после не самого лёгкого рабочего дня, да ещё и изрядно потрепав нервы из-за своего… друга? Брата по духу?.. Обычными любовниками вас язык не поворачивается назвать, ибо ваш союз держится не на постели.

Вытерев вспотевший лоб подолом светлой рубашки, Лисовский нетвёрдой походкой прошёл к окну и открыл форточку.

Свежий ночной ветер ворвался в затхлый мирок тесной комнаты общежития, где учёный нашёл себе укрытие после покушения. Лисовский пару раз глубоко вдохнул, пытаясь прокрутить в памяти кавалькаду образов, которые прилетели к нему с расстояния в несколько сотен километров, чтобы расслышать отдельные ноты в тонком и невероятно сложном аромате этой истории.

«Кое-что от Олеси я уже знаю, — при воспоминании о той давней ночи, которую он увидел в голове своей лаборантки спустя несколько лет после, собственно, самой ночи, Лисовский вздрогнул. — Неплохо бы запросить и точку зрения другой стороны, то бишь Алекса. Тогда есть шанс построить трёхмерную

картину и понять, наконец…»

А что тут непонятного, пан?

Ну, решили два мужика провести остаток дней одного из них вместе. Ну решили их жёны взять реванш… Не надо быть телепатом, чтобы догадаться об этом.

Ох, ладно… Как там говорила незабвенная Скарлетт О'Хара? «Я подумаю об этом завтра?».

Только хрена с два ты заснёшь, Георгий. И дело не в страхе перед новым покушением. Смерть тебя давно уже не страшит. Дело в том, что эти два кодера однажды пришли в твою жизнь — сначала один, затем второй, и с тех пор маячат где-то на орбите, а сейчас им обоим нужна помощь. И у тебя уже не получится спокойно лечь спать, когда ты знаешь, что просто обязан… нет, можешь… нет, хочешь им помочь и сделаешь это во что бы то ни стало.

«Маме ни слова».

Ещё бы, чёрт возьми. Особенно когда вынужден вести самое настоящее расследование, по крупицам собирая то, что удалось выбить из Маши и Хидео, путём несложных умозаключений добавив то, о чём догадался сам, взглянув на оборотную сторону темы злосчастного гранта.

Вот же проклятье. Как там Охотник говорил? Нет ничего позорнее, чем пострадать от собственного оружия?

— Так ты говоришь, что Лин участвовал в проекте вместе с Кирой? — Крис не давал дочери передышки, задавая один вопрос за другим, чтобы не дать ей сорваться с верхнего уровня действия и утонуть в бурном море эмоций, задохнувшись от невыносимого чувства вины, которое, наверное, мучило в своё время Линду, едва та поняла, что Лин никогда не сможет ходить из-за её неосторожности во время работы с опасными препаратами.

— Да, пап, — всхлипнув напоследок, ответила Маша, — они сделали это, чтобы заплатить мне за то, что Лин живёт у нас, хотя я с самого начала говорила, что не надо нам ничего…

— Так… А в какой момент Хидео стал кем-то вроде доверенного лица в поликлинике у Лина?

— Да чтоб я сама знала, пап, — всплеснула руками Маша. — Ничегошеньки не рассказывают, всё в себе держат… В кого это у Лина, я знаю, а вот от Хидео, честно сказать, не ожидала. Неужели он решил, что я такая же паникёрша, как мама, и мигом запрещу им что-нибудь, стоит лишь рассказать мне об этом?..

Если б я мог тебе ответить, Маша… То есть ответить-то я тебе могу, потому что, несмотря на разницу в возрасте и культурной принадлежности, мы с твоим мужем очень похожи. Только, боюсь,

ответ тебе не понравится. Поэтому постарайся, чтобы тёмная богиня не захватила власть над твоими словами и поступками, твоими жестами и взглядами, иначе Хидео моментально напишет если не антивирусную программу, то код универсальной защиты себя от тебя.

— Маша, — с трудом очнувшись от тяжких мыслей, Крис посмотрел в глаза дочери. — Пусть Лин ещё немного поживёт у тебя. Совсем немного. Мне нужно кое до кого добраться, чтобы избавить его с Кирой от наномашин.

* * *

Как и следовало ожидать, неофициальное расследование, начатое сотрудниками Департаментом безопасности, довольно скоро зашло в тупик. Тело подростка, погибшего во время сеанса массовой телепатической трансляции, подвергли всем мыслимым процедурам и сделали все возможные анализы, но видимость по-прежнему оставалась нулевой, как при езде по туманной просёлочной дороге в предрассветный час. А когда дело осложнилось внезапной смертью ещё нескольких участников селигерского форума, которые успели добраться домой, легли спать рядом с родителями, детьми, супругами или котиками, закрыли глаза со счастливой улыбкой, а под утро истаяли, не просыпаясь, Президент понял, что рискует потерять контроль над ситуацией, сполна предоставив газетчикам и блогерам поводов для очередной сенсационной полуправды. А допустить этого было никак нельзя.

До чего же главе Департамента не хотелось выносить сор из избы, а уж Президенту и подавно, но вариантов не было. Хочешь найти причину, вернись к истокам.

— Приостановка Приказа. Главу «Div-in-E» склонить к сотрудничеству, угрожая закрытием компании, как если бы произошедшее в любой момент могло быть предано огласке. Лисовского найти и держать под арестом, пока не найдёт способ бороться с нейрогенной прогерией.

Уже и название придумали, выкидыши от науки.

Лисовский хмуро глянул на троих верзил в штатском, которые были настолько любезны, что не вышибли с ноги рассохшуюся дверь в его комнату, а тихо-мирно взломали замок. Правильно, нечего соседей по этажу пугать.

— Сам пойду, — гордо вскинул голову учёный, пряча руки за спиной.

— Ну чё ты как маленький, — начал один из верзил, но

мигом проглотил язык, едва Лисовский поднял глаза и уставился прямо на него, выжигая парню остатки мозга через чёрные дыры его расширенных зрачков.

* * *

Выйдя на улицу, Крис по привычке полез в карман, достав оттуда изрядно потрёпанную пачку сигарет. «Как ты можешь брать в рот эту дрянь, — прокомментировала Линда в голове хакера, — даже рядом с тобой идти не хочу». Охотник был чуть более благосклонен со своим: «Мало тебе кофе, так ты ещё и курево с кофейным ароматом выискал».

Так, ладно. Вот эта обшарпанная скамейка у старой яблони во дворе — отличная локация для выхода на связь. Закрыв глаза, Кристиан вызвал перед своим внутренним взором седые волосы, ловкие узловатые пальцы, лихорадочно блестящие глаза за очками в тонкой оправе — взгляд чуть исподлобья, и быструю усмешку пожилого учёного.

[Георгий?]

[ожидайте ответа абонента…]

Глубокая затяжка, выдох через нос, без пяти минут китайский дракон. Чёртовы спецслужбы, обвели нас обоих вокруг пальца…

[Что там у тебя, Крис? Кстати, название марки скажи, раз уж на то пошло.]

Ну хоть бы поздоровался, пан, как-нибудь намекнул о своём незримом присутствии.

[Ричмонд. А случилось то, что нас равно нагнули и сейчас используют наномашины не по назначению. То есть по назначению, но не тому, которое было заявлено в гранте. Поэтому, видимо, нас и стремятся убрать.]

[Уже не стремятся. Насчёт тебя не знаю, но я бы предпочёл сдохнуть прямо сейчас, лишь бы не быть на привязи у этих… Чёрт, Крис, я в самом натуральном плену, и отсюда я уж наверняка не выйду живым, но прежде они вытянут из меня, почему у них в лагере померло человек пять, а сколько ещё народу отбросило копыта, вернувшись домой, я без понятий. Так же, как и о причинах… Да ты сам посмотри…]

Перед глазами Кристиана коротко вспыхивает страшная картина: исхудавшие тела подростков, лежащие на операционных столах. Лисовский почти вплотную приближается к одному из них, и Крис видит измождённое, морщинистое лицо, которое каким-то чудом ещё сохранило прежнюю, почти детскую форму. От тел слабо веет глубоко скрытым тлением, и Крис машинально

задерживает дыхание, передумав делать очередную затяжку, ибо его охватывает панический страх от мысли, что…

[Все, кто был там, обречены?]

[Да чтоб я сам знал, Овер… Н-нет, не думаю, что все… Стоп. Ты говорил, что твой сын…]

[Чёрт возьми, да. И его подруга. Я должен выкачать из них эти грёбаные наномашины. И мне известны только два места, где это можно было сделать тайком. Ваша лаборатория и офис «Souls Unite». Как я понимаю, оба потеряны.]

Лисовский чертыхнулся сквозь зубы. Ладно, программисты, но ты-то, звезда нейрофизиологии, почему так поздно прислушался к своей интуиции?

[Оба, да. Но будь я проклят, если не сделал бы заначку. Прими координаты, Крис, и езжай туда ночью. Вначале один. Вызовешь меня, я расскажу, как пробраться внутрь и активировать систему. Если там всё в порядке, привози сына и девочку. Ты уколы в вену делать умеешь? Хотя, я так полагаю, что да.]

[О боги Сети. Спасибо…]

[Да не за что. Оба вляпались, что уж там. Но поспеши, потому что завтра сюда обещали привести Рафаэля. И он будет мяться, как списавший троечник у доски, не умея обяснить ничего из переписанного у соседа. Давай, до связи…]

Сигарета, догоревшая до самого фильтра, обожгла пальцы, и Крис невнятно выругался, искренне понадеявшись, что на том конце его уже не услышали. А, впрочем, если и услышали, какая разница? Момент-то располагал, как никогда.

* * *

Неужто свершилось?

От радости Олеся подлетела вверх, едва не приложившись головой о люстру. Аэросапоги — дело тонкое, ёлочки-палочки. Ещё б помогали они убежать от самой себя…

— Что будем делать, Линда?

— С квартирой или вообще? — подала голос богиня.

Олеся замялась.

— Вообще, я бы напилась. Так, чтоб в ноль. А… что насчёт квартиры?

Линда демонстративно пожала плечами.

— Да ничего. Тебе же никто не помогал выбить её из Алекса… Зато кое-кто знает, каким именно способом ты её выбила.

Ну ты и стерва, Иштар.

— Обе же сядем, — сквозь зубы произнесла Олеся.

Линда коротко хохотнула.

— О нет, родная. Не у всех же прокурорские жёны химическую завивку делают… Так что извини, я провожу тебя до тюремных ворот. Если ты, конечно, не надумаешь продать эту злосчастную Алексову квартиру и немного поделиться со мной. Всё-таки у меня есть дети, положение обязывает заботиться о них. Кстати, у меня есть знакомый риэлтор, он тебе мигом покупателей найдёт, — во взгляде Линды сквозили морозные ветры заснеженных горных вершин. — Так что обращайся, Олеся. Ты видишь, что со мной лучше дружить, ведь верно?..

Ну ты и влипла, Зоряна. Думала, что холёная рука, протянутая тебе с небес в минуту отчаяния и боли, предлагала поддержку и заботу? Хрена с два. Неуловимое движение — и эта рука стала властно требовать награды за одно лишь своё эффектное появление на сцене твоей абсурдной, никому не нужной жизни. И лучше не рискуй сейчас, Олеся. Оставайся пай-девочкой и выполни все требования, не дожидаясь, пока в этой руке хищно блеснёт тонкое лезвие скальпеля.

* * *

Хакер, что с него взять… Обошёл половину защит на входе ещё до того, как Лисовский успел даже вспомнить о них, не то, что предупредить, и теперь бесшумной серокрылой птицей сновал по тёмной комнатке в трёхэтажном здании, которое было предназначено к сносу в следующем месяце.

Линия 1: активна.

Знакомый запах старого кирпичного дома, сырость и пыль. Ну, здравствуй, моя тайна-под-тайной. Сегодня твой звёздный час.

[Генератор в углу, Крис. На столе остался фонарик. Осторожней, я где-то там скальпель забыл.]

[Есть. Хидео уже летит сюда с Лином и Кирой.]

[Хорошо. Теперь обернись. Видишь кресло? Позади него шкафчик. Залезь на нижнюю полку, там стерильные катетеры и прочая мелочь, но главное — «Ундина». Тяжёлая, не грохни её. А принцип сборки тот же, что и у вас. Кнопка включения круглая, на углу. Когда загрузится, скажешь, что появилось на верхнем экране.]

Уф, передышка. Целых пять минут, пока эстонская в прямом и переносном смысле техника будет с чувством, с толком, с расстановкой загружаться в ночи. А пока…

Линия 2: активна.

[Охотник?]

Тише ты, тише, это не глюки и вообще…

[Алекс, это Лисовский. Твой невольный мучитель, он же невольный спаситель. Ты в скайпе говорил когда-нибудь? Вот сейчас то же самое. Первый и последний раз, клянусь.]

Алекс тихо, но прочувственно выругался. В голове хмыкнул Лисовский.

[Ладно, пан или как вас там, профессор. Я никого не звал, если что. Просто как раз хотел посчитать все свои грехи. У вас чутьё или просто совпадение?]

[Одно другому не мешает, знаешь ли… А что, много считать? Если даже у тебя полно скелетов в шкафу, то исповедь твоей жены мне, видимо, до утра слушать придётся.]

Линия 1:

[Самые тонкие шприцы бери. Э, хакер, перчатки одень!..]

Линия 2:

[О… Так помимо коллеги, начальника и спонсора, вы ещё её духовник? Не знал. Впрочем, хоть любовник, профессор. Мне все равно. А грехов много… У обоих. Я лишь понять хочу: эти раны на моей груди — это всё старые долги или новый счёт.]

[Хм… Я-то думал, что такие парочки, как ваша, не прерывают счёта, доколе смерть не разлучит их и всё такое… То есть был момент, когда вы оба посчитали старый счёт закрытым? Или его таковым счёл… только ты?]

Линия 1:

[Крис, что на экране?]

[Подключите к сети, написано.]

[Блин, ну давай её тоже к генератору. Когда выдаст надпись «Готов», жми «Главное меню».]

Алекс сжал кулаки и едва успел остановить грозящийся обвалиться на профессора многоэтажный мат. Из-за всепоглощающей тишины совершенно пустого домика на Ладоге — Крис смотался в Москву к дочери ещё утром и, наверно, завис там до завтра, — голос Лисовского в голове больше напоминал глас архангела. Хотя… Чего я боюсь? Пусть посмотрит со стороны. Если только сильно резать по живому не будет.

Ведь я действительно хочу понять, что произошло…

Линия 2:

[Облегчим задачу, пан. Я называю свои грехи, потом её. А там судите сами.]

[Я тебе не господь Бог, Алекс, и даже не верую, чтоб ты знал. Так что, выражаясь вашим с Кристианом языком, я поработаю на чтение, но привилегии администратора меня как-то не

прельщают. Итак, поехали. Только учти, у нас минут сорок с небольшим. И это не от меня зависит, поверь. Можно и дольше, но сгорим оба.]

Линия 1:

[Профессор, алло?]

Боги, Крис, ты что, уже всё подготовил? Воистину, шаровая молния в моей тайной лаборатории.

[Тут я, тут. Пустую кассету зарядил? А, вижу, отлично. О, какие люди в моей обители… Надо полагать, это Маша, а это Лин… Хм, а я ж его помн… Э-э, а его девочку как зовут?]

[Кира.]

[Так, Киру в соседнюю комнату, пусть подождёт… А Лина пересаживай в кресло.]

[Она не уйдёт, Георгий. И ни за что не отпустит его руку. А, чёрт, похоже, ваша установка слетела на настройки по умолчанию, иероглифы какие-то…]

Лисовский заметался по полу тесной одиночной камеры. Вспоминай, дырявая башка…

[Тебе нужна вторая сверху строчка, чтобы перейти к закладке с параметрами возраста, пола, роста, веса и…]

Линия 2:

[Меньше, профессор. Гораздо меньше сорока минут. Всё до безобразия просто. Мы прожили вместе почти семнадцать лет, как два чужих человека под одной крышей. Запись в паспорте — фикция, если нет коннекта. Эти годы — моё проклятие. Ибо я лгал каждый день самому себе, пытаясь с Олесей забыть и забыться. Потом она съехала на съёмную квартиру, бросив записку в прихожей. И это первый счёт.]

[У-у, если б ты знал, сколько народу так же… эмм… грешит, если угодно. И что помешало вам развестись? Дети? Случайно найденный пиратский клад? Как, едрёна вошь, вы докатились до того, что я увидел у себя в лаборатории?!]

Линия 1:

[Георгий, мы всё задали. Кстати, познакомьтесь с Хидео, это муж Маши. Нам повезло, что он помимо родного языка знает ещё и китайский.]

У-у, да у вас там народу столько, что вечеринку устраивать можно…

[Мда, а я-то полагал, что установка сделана в Эстонии. Ладно, пока всё работает, начинай. Тебе придётся действовать быстро и точно. Скажи Лину, чтобы положил руки на подлокотники и слегка их вытянул к тебе, потом найди у него вены… Э-э, давай так. Забудь на минуту про свои пальцы, расслабь их, доверься мне, я сам найду всё что нужно…]

Тёплая кожа, частый пульс Лина под тонкими пальцами его отца. А, есть.

Внезапная судорога волной прошла по телу. Спазм на диафрагме…

Алекс, лежа в кровати и глядя в потолок, усилием воли удержался, чтобы не схватиться за свежие ещё раны над заразой. Дышать. И вытаскивать истину.

Линия 2:

[У нас нет детей. В роли клада если только моя квартира… то есть не моя уже… подойдёт. Нахрен такую постановку вопроса, профессор. Всех всё устраивало. Я её не трогал эти годы, она меня почти тоже. Две долбанных ночи, из-за которых всё затрещало по швам… Я не получил главного, профессор, — понимания. Может, потому, что не дал его сам. Есть такая старая поговорка — народ имеет такое правительство, какого достоин. Так вот и у меня. Я ещё та сволочь, и, похоже, Олеся — это максимум добра и любви, который я смог выжать у неба. Овер не в счет. Подарок судьбы, чёрт побери. А то, что произошло в вашей лаборатории, — это следствие того, что в позапрошлом году я перерезал себе вены. С этого всё поехало.]

Я бы запросил у тебя карту образов, Алекс, но не сейчас. Сдохну через три секунды просмотра, а отвлекаться нельзя, там у Криса ответственный момент, и от меня очень многое зависит. Поэтому придётся ограничиться бледными поганками слов.

[Был бы я психоаналитиком, сказал бы… А, ладно. Это чем-то похоже на ваше: «Что имеем, не храним, потерявши — плачем?» Она захотела тебя вернуть, увидев, что ты счастлив с другим? Или… захотела добить? В этом ответный счёт??]

Линия 1:

[Есть, Крис. Теперь жми на экране кнопку «Извлечение наноботов», вроде бы нижняя из двух. Уточни у Хидео, пусть переведёт. Сразу после щелчка вгоняем Лину катетер в левую руку, через полминуты рабочая зона переполнится, кровь вытечет во вторую трубку. Имей смелость, подожди пару секунд, чтоб она вытолкнула воздух из трубки и немного вылилась оттуда, и ставим вместе с тобой вторую иглу в правую руку.]

Линия 2:

[Были б вы психоаналитиком, я бы уже давно послал вас на три буквы. Но всё в точку. Она не появлялась два месяца, потом приехала с дозами анальгетика по счёту «чтоб хватило» и потребовала детей, чтобы получить квартиру целиком, а не половину. Чтобы она отвязалась, я написал завещание. Может было ещё что-то, вина… Не знаю. Я думал, что всё кончено. Но устав ждать, когда же я сдохну, она передала через Овера

отравленный анальгетик. Сама проговорилась у вас в лаборатории, когда вы мне эту гадость вживили. Но мало этого… Ещё и квартиру сдавала тайком. Я за анальгетик чуть Овера не прикончил по ошибке. А потом… Мы встретились с ней в Сити. И я оплатил счёт. Срезал с неё эти долбанные каблуки, чтоб не смотрела сверху вниз. А ещё я изменил завещание, чтоб ей ничего не досталось. Ну что, профессор, хватило этого? Или я перегнул планку и разодранная грудь — это просто остаток по счёту с ее стороны?]

Задав этот последний вопрос, Алекс глухо застонал. Раны почти не болели, но заразе нужно было так мало, чтобы вспыхнуть… И выложиться до конца. Ха, даже она усвоила этот принцип. Боль медленно заслоняла горизонт, как девятая волна в самом страшном кошмаре.

Лисовский закусил губу, запредельным усилием воли сдерживая дрожь в руках, которые осторожно ловили воздух, коротким движением вгоняя воображаемую иглу в тонкую вену мальчика. Нет, конечно, за свою жизнь он тоже натерпелся разнообразной боли, но одно то, что он впервые в жизни смог почувствовать адскую муку другого человека как свою собственную, добавляло в кровь такого адреналина, что профессор не выдержал и, встав на колени, приложился лбом о холодный каменный пол. Боги Сети, как любят говорить эти двое, справиться бы… Хотел увидеть картину чужого мира во всей полноте, так приготовься ослепнуть.

[Прости меня, Алекс, что долго не отвечал… Я э-э… Знаешь… А, ладно. Спрошу. Только пообещай мне вдохнуть, выдохнуть и дождаться Кристиана. Он очень любит тебя.]

[Обещаю. Говорите, профессор.]

[Когда ты настиг Олесю с мечом, могла ли она сопротивляться или звать на помощь?]

Рукой. По ране. Ногтями.

[Нет.]

Чёр-р-рт, что ж ты делаешь, пёсий сын?! А, впрочем, ты же не знаешь, что твоя боль уже поделена на двоих, но легче от этого никому не становится…

[«З-здесь, похоже, война за любовь». Так почему ты не добил её?]

Линия 1.

[Спасибо вам, профессор, у нас, кажется, полёт нормальный.]

Короткий судорожный выдох. Лисовский? Вебер? Рыков?..

[Слава вашему коннекту, хоть у кого-то всё хорошо… Привет от меня. Шучу… До связи, Крис. Из тебя хороший ученик, с Кирой справишься сам. Извини, вынужден отключиться… Когда

закончите, найди в шкафу у окна канистру с бензином и спали всё к чертям. Хотел бы увидеть электроподжиг в твоём исполнении, но, видимо, в другой раз…]

Линия 2:

[Потому что жить гораздо труднее, чем сдохнуть, профессор.]

Алекса накрыло болью. И в этом сумасшедшем бреду, где мелькали в хороводе лица Криса, Олеси и Лисовского, появилось… Нет, не раскаяние.

Понимание.

И вдруг старые строчки начали срываться с губ Охотника, с поразительной точностью отражая то, что было за пределом логики, разума и любви.

[Всё, что можно было прожить,
Я прожил до тла.

Я умею ласкать
И наматывать на кулак.
Мне плевать на бессмертие —
Мне важна идея прощения.

Будем пить
Редкий сбор моего последнего лета.
А потом ты пойдёшь к своим,
Передашь им:
Я вас прощаю.
И не важно,
Что вы не просили меня
Об этом.[30]]

[Линия 1: соединение завершено.]

[Линия 2: соединение разорвано.]

[Конец сессии.]

* * *

— Сегодня ещё один мужчина умер, — глава Департамента безопасности прикончил за утро половину пачки сигарет, но легче ему не стало. — Внешняя причина — сердечный приступ, но есть все подозрения, что…

— Тело Лисовскому на экспертизу, — суженные зрачки Президента напоминали дуло снайперской винтовки, ищущей цель. — А этого Дуарте ко мне.

Рафаэль предстал пред очи главы государства ровно через полчаса после вызова. Теперь ты у меня на коротком поводке, аргентинец. Не жалеешь, что перехватил грант у компании Вебера?

— Мы делаем всё возможное, чтобы… — с порога начал Санти.

Ну, не тяни ты уже кота за хвост, Дуарте, признайся, что ты так и не смог разобраться в механизме той изящной игрушки, что неведомыми путями досталась тебе от Вебера. Не бойся, я тебя не покусаю. Просто сотру память… чуть позже.

— Не сомневаюсь, — сарказм в голосе Президента просто зашкаливал. — Но мне нужно, чтобы ты сделал для меня две вещи. Во-первых, определил истинную причину гибели людей и, во-вторых, нашёл способ избежать этого. Я хочу, чтобы мои граждане служили мне верой и правдой как можно дольше. Надеюсь, ты меня понял…

Рафаэль склонил голову. Этот тщедушный на первый взгляд человечек пугал его сильнее, чем трёхметровые монстры из ночных кошмаров, и дело было не в должностях и регалиях. Просто аргентинца в присутствии Президента охватывало странное ощущение, что из них двоих к роду человеческому принадлежит только он, Санти.

— Господин Президент, при всём моём уважении… Мы проверили все модули программы. Дважды. В коде нет ошибок, — несмотря на то, что в кабинете было холодно, словно в погребе, Рафаэль взмок, как мышь. — Позвольте спросить, корректно ли использо…

— Тогда убери это чёртово ограничение в сорок минут!! — от крика Президента Санти инстинктивно съёжился; на миг аргентинцу показалось, что в глотке у старика находится вторая пара челюстей. — И увеличь мне зону покрытия сигнала! А если не можешь сам, так скажи, и мои люди приволокут Вебера тебе в помощь.

— Я ещё раз просмотрю код, — выдохнул Рафаэль, стараясь не смотреть в глаза Президенту. — Дайте мне ровно неделю, прошу вас…

Президент махнул рукой, не проронив ни слова, и Рафаэль сам не заметил, как оказался уже за дверью этого страшного кабинета, с невидимым таймером собственного обещания на запястье.

Что же такого ты там накодил, Овердрайв?

Мы вскрыли каждый модуль твоей программы, с первого до последнего, но ни-че-гошеньки не обнаружили. Комар носа не подточит. Всё по уму, и даже этот маньяк Лисовский подтвердил,

что при правильном использовании наномашины с твоим кодом абсолютно безопасны. Правильном — это не больше сорока минут в сутки. А происшествие на Селигере означает лишь одно. Чёртов маньяк за этой самой дверью осознанно превысил полномочия, данные ему Природой и Технологией, а теперь ищет, кого бы выставить крайним.

И, троян тебя раздери, господин Президент, все мои логические доводы обречены разбиться об это твоё поведение избалованного ребёнка-диктатора, которому по воле Случая оказалось дозволено всё.

* * *

Олеся тянула время с упорством приговорённого к смертной казни. Даже съездила на неделю к себе на родину, к какой-то дальней родне — по старинке, поездом. На каждом мосту её тянуло открыть окно в тамбуре и выброситься в реку, может быть, ударившись перед этим о стальную паутину высоких пролётов.

Но окна в поезде мог открыть только проводник, и в назначенное время состав прибыл на московский вокзал, а двери его бесшумно разъехались в стороны, выпуская в числе прочих изрядно похудевшую женщину с тревожным, затравленным взглядом.

Как выснилось, в отсутствие подруги Линда не теряла времени даром.

— М-м, что-то непохоже, будто тебе удалось отдохнуть, Зоряна, — произнесла богиня, прищурившись на Олесю. — Ладно, к делу. Мой знакомый риэлтор согласен заняться квартирой. Плату попросит умеренную, а работает быстро. Он ждёт лишь твоего согласия. Ну так как?

Олеся тяжело вздохнула. Звучит, как вопрос, Линда, но на самом деле это — чистой воды утверждение.

— Скажи ему, пусть начинает, — прозвучало в ответ. — Мне уже всё равно…

* * *

Ныряя в транскод, Крис обычно пробивал двойое дно с закрытыми глазами, чувствуя лишь, как рвётся тонкая полупрозрачная плёнка под его плечом, но сегодняшней ночью хакер был намерен не пропустить ни единого момента своей короткой, но насыщенной онлайн-сессии. Кто знает, когда мы ещё

свидимся, река-под-рекой?..

Перво-наперво стоило заглянуть в верхнюю секцию стометровой белой башни, увенчанной ангельскими крыльями — так выглядел сайт продажи авиабилетов. Совершенно открыто взять там два билета до Бургаса на завтра, забронировать двухместный номер в первой попавшейся гостинице, а затем, включив в туалетной кабинке режим невидимости, вернуться в зал, нырнуть за стойку, от которой только что отлучился оператор, и налепить голографическую наклейку таймера, который произведёт активацию купленных билетов за час до выбранного рейса.

Это — полёт, которому не суждено случиться, потому руки твои дрожат, Овердрайв, хотя ты не раз проделывал подобные фокусы.

А сразу после своей вынужденной диверсии тебе нужно будет забиться на крышу сайта, в ложбинку между пятиметровыми крыльями, прислониться спиной к их мраморной прохладе, коротко выдохнуть и написать письмо дочери: одна часть — открытая, смотри — не хочу, а вторая зашифрована так, что без Хидео тебе её не прочесть, Маша. Но ты догадаешься позвать его на помощь.

> 12-JUN-2071
> 23:58
> from: _overdrive_
> to: Maria_Medici
> Машенька, мы с Алексом летим в Болгарию на месяц, там будем мотаться по разным городам… Пришлю фотографии. Лину и Хидео большой привет.

[Маша, никому не слова про то, что Лина и Киру мы уже освободили от наномашин.

Я всех вас очень сильно люблю. И настанет день, когда смогу обнять снова.

Папа и по совместительству будущий дедушка =).]

Тонкие пальцы нарисовали в воздухе контур птицы, и пару мгновений спустя из ветреной городской ночи на руку Кристиана сел самый настоящий сокол. Когти хищника осторожно вцепились в запястье хакера, и плащ выдал в ответ слабую искру. Сокол вопросительно склонил голову.

Крис пристегнул к лапке птицы своё письмо. Чернила, боги Сети. Рукописный текст, под которым проявится истинный смысл, только если развернуть бумагу при полной луне транскода.

— Лети, — тихо шепнул Крис, и сокол бесшумно снялся с его

руки, взяв курс на далёкий пряничный домик Маши.

А я полечу следом.

Короткий разгон и прыжок в пропасть. Миг невесомости, словно провал меж двумя ударами сердца, и сразу после — стремительное падение вниз, но нет в нём неизбежности, а есть лишь соревнование с самим собой. «Скажи мне, Овердрайв, веришь ли ты в себя так же, как верит в тебя Лин?.. Маша?.. Охотник?.».

Верю. Именно потому, что они верят в меня.

Раскинув руки, Крис ловит края своего плаща-невидимки и на высоте в двадцать метров резко прогибается в спине, чертя гиперболическую траекторию в пространстве родных до боли координат. Вдалеке — пресловутое здание Департамента безопасности, треугольные в сечении монолиты с багровой подсветкой, на перекрёстке — обновлённый Дом-под-корнями, похожий на одно из творений Антонио Гауди с разноцветными окнами, словно поплывшими от жары, а где-то левее, за парными высотками — башня «Div-in-E», словно льдинка с ярко-синими острыми гранями.

Сорок…

Ты генеральный директор компании, которую прилюдно костерят конкуренты и на которую тайком равняются они же, но ты иногда позволяешь себе ходить на совещания без галстука и петь на ежегодном корпоративе по случаю дня рождения своей огромной семьи, для которой ты — маяк в туманной ночи, по совместительству генератор новых идей. А ещё ты отец двоих детей — девочки, которая сияет в лучах утреннего солнца, и мальчика, которого мать приучила прятаться в её тени.

Тридцать пять…

Уходишь в работу с головой, словно на запасной аэродром, чтобы оправдать своё существование; радуешься, что сын обрёл друга и дядю в одном лице, и неважно, что они не родственники по крови, а после редких ночей исполнения супружеского долга лежишь опустошённый, задыхаясь от этой чёртовой аритмии, на которую давно положил болт в тайной надежде, что она рано или поздно превратится во что-то более серьёзное и прикончит тебя.

Тридцать…

Не снижая темпа на работе, достигаешь уровня «бог» в домашнем хозяйстве, подарив чахнущей Линде пару часов свободного времени в день, чтобы жена не потеряла настоящую себя среди масок примерной супруги и идеальной матери, которые она с подавленным вздохом ежедневно надевала на своё лицо, несмотря на то, что от неё этого никто не требовал. А в те жалкие три часа между последним взвизгом заигравшейся Машки

и первым утренним плачем Лина сидишь за перепиской с Алексом, радуясь, что никому не мешаешь своим присутствием и сплетая нити строк в призрачные холсты реальности-какой-она-могла-бы-быть.

Двадцать пять…

Переписывание кода в дедлайн, стремительная компиляция новых модулей программы — вот твоя жизнь, хакер по имени Кристиан, которого всё реже стали называть Овердрайвом, ибо ты сам выбрал свою судьбу в тот миг, когда не дал богине с розовыми волосами сделать аборт, пообещав ей, что никогда её не бросишь, ибо видел её своей спутницей, с которой хотел бы пройти до края земли, и наивно верил, что у тебя хватит сил сдержать обещание. Да ты и сдержал его, Овер, просто не сразу понял, что твои крылья оказались не так выносливы, как хотелось бы, что дорога меняет идущих, а горизонт — это всего лишь обман зрения и красивый литературный образ.

Двадцать.

Ночные бдения, ядрёные косяки укуренных ван Эйков, большие и малые шалости в транскоде, конспирация, от которой захватывает дух, словно снимаешься в главной сцене шпионского фильма. Свобода, свобода, драные футболки с логотипами рок-групп, раздолбанные кроссовки, биение дерзкой мысли в строках кодов взлома, улыбки заговорщиков, бесконечный полёт, и нет ни места на диске, ни лишней оперативной памяти, чтобы остановиться на минуту и спросить себя: «А что будет завтра?»

Интересно, цел ли ещё тот дом, на чердаке которого он снимал свою первую комнату в транскоде?

Проскользнув в узкую щель меж двух стеклянных монстров — здания финансовой компании и отечественного поисковика, Крис нырнул ещё ниже. Уровень «минус один». Вечные сумерки, подсвеченные кислотным неоном забегаловок, сомнительного вида личности, продающие что угодно — от дешёвых цифровых наркотиков до редчайшей информации, которой владеют единицы.

— Эй, парень, не желаешь развлечься?

Какой я вам, к чёрту, парень?

Поймав своё отражение в мутном стекле какого-то магазинчика, Крис растерянно замер. Забыл, Овер, что река-под-рекой отзеркаливает нашу истинную сущность прежде, чем мы задумаемся о том, как бы хотели выглядеть в её пространстве?

Растрёпанные чёрные волосы, непокорные пряди, падающие на лоб из-под капюшона серебристого плаща. Невыразимая лёгкость и юношеская порывистость движений. И никаких морщин вокруг глаз, тёмно-серая радужка которых сейчас была

похожа на монитор в короткий миг между включением в сеть и началом загрузки системы.

Узкий лаз на второй этаж, лестница, слишком тесная для двоих.

Потолок в комнате Овердрайва давным-давно снесло ураганом, одним из тех, что будоражат Сеть, заставляя её меняться вопреки своей природе, и теперь зелёное предрассветное небо, украшенное вечно меняющейся картиной созвездий чужого коннекта, по диагонали перекрывал широкий пролёт недавно возведённого моста, по которому день и ночь с грохотом неслись бесконечные потоки данных. Пол был украшен остатками упавших перекрытий, прошлогодней листвой и мелким урбанистическим мусором, так что Крис предпочёл зависнуть в нескольких сантиметрах над всем этим бедламом и приземлиться сразу перед своим рабочим столом, на котором стоял одинокий старый монитор с треснувшим экраном.

Тонкие пальцы прочертили дорожку в пыли, покрывшей стол, осторожно коснулись мёртвого монитора. В транскоде даже пыль светится золотым и серебряным. Иногда бледно-зелёным.

До отказа заполнив лёгкие тонким ароматом электричества и креозота, Крис опустился на колени. Мародёры реки-под-рекой, разносящие в клочья то, что не смогли унести, вряд ли догадались о том, какую ценность всё это время скрывали недра обшарпанного стола.

Короткая деревянная пластинка на нижней поверхности столешницы отъезжает в сторону, и в руку Кристиана падает круглая флеш-карта с размазанным психоделическим орнаментом. Редкая форма, устаревший разъём, маленький по нынешним меркам объём, которого хватило ровно настолько, чтобы записать код его первой в жизни программы, созданной ещё в школе — кажется, это был несложный перехватчик паролей, да вместить парочку семейных видеозаписей, призванных напоминать маленькому Крису и его родителям, что они всё-таки одна семья. Сдох уже тот комп, который способен был прочитать флэшку, но Оверу не было нужды просматривать ролики ещё раз.

«Ну, а теперь беги к папе». «Ну, а теперь беги к маме».

Маленький курьер, прибывший с одной планеты на другую, исправно доставив в своих тонких руках очередную порцию любви и заботы, которую родители отчего-то не могли выразить друг другу напрямую, или… просто под этаким благовидным предлогом отсылали ребёнка подальше от себя, чтоб он не мешал каждому из них жить в своё удовольствие? А хуже усталого папиного: «Ну что ты, сам себе игру не можешь придумать?» было только мамино: «Он же такой застенчивый / неловкий /

импульсивный / оторванный от реальности (нужное подчеркнуть), разве справится самостоятельно?»

Это сейчас ясно, как день, что родители мягко и изощрённо брали его на «слабо», но тогдашний Крис очень быстро научился не мешать. Научился быть незаметным — дома, в школе, в Сети. Научился радоваться синице в руке, решать свои проблемы без посторонней помощи и молчать, молчать, молчать, дабы не потревожить покой тех, кто подарил тебе жизнь, и не вызвать огонь на себя. Вытянулся вверх, но стал тощим, как жердь, нашёл себе занятия по душе, приучился скрывать их от родительских глаз, когда эти занятия перешли из категории развлечений в категорию правонарушений. Обрёл друзей, но в глубине души остался неприкаянным одиночкой, который на первом в жизни собственном ноутбуке поклялся установить новый мировой рекорд по количеству взломов и сдохнуть молодым, не ввязываясь во все эти дурные человеческие игры типа работы по графику и выматывающих душу отношений с девушками. И уж тем более никого случайно не влюбить в себя, а главное — не влюбиться самому.

Крис прислонился головой к обшарпанной деке стола, одел на шею цепочку с флеш-картой и горько рассмеялся.

Стоило ли переписывать программу, поддавшись минутной слабости и поверив, что ты, перелётная птица, сможешь до конца своих дней прожить в одном и том же гнезде? Мало того, что ты обманул Линду, малодушно поставив флажок «Скрыть настоящего Кристиана», едва на тебя обратился её светлый взор, растопивший лёд в сердце, так ты ещё и сам себя предал, дерзко отступив от первоначальных строк кода своей жизни, собственноручно написанных тобой же. Поверил, что можешь быть счастлив с кем-то. Поверил, что можешь сделать этого кого-то счастливым, достаточно лишь нацепить на своё лицо, на сущий воздух и ветер, ту маску, которую ты, Ткач, способен был в единый миг слепить своими тонкими пальцами из теста текстовых запросов интересующейся тобою стороны. Тебе ли, столько раз державшему в своих объятиях тех, кто уходил навсегда, не знать, что когда в твоих ладонях упавшей с неба звездой сияет жизнь и счастье того, кого любишь, не так уж сложно забыть, кем ты был до того, как они пришли в твою жизнь. Не сложнее, чем хакнуть ради них свою собственную программу. А потом стереть из памяти запись о том, что когда-то вообще существовала её более ранняя версия.

Боги Сети, но ведь с Алексом у него всё совсем не так… Или…

Нестерпимо яркий луч утреннего солнца прорезал далёкие

тучи на горизонте, и рыжий свет залил улицы Города-под-рекой, заставляя поблёкнуть звёзды в небе и истеричное мигание неона рекламных вывесок на земле. Крис прищурился и машинально стянул со лба тёмные очки с зеркальными стёклами, чтобы прикрыть глаза.

«Что бы ты сделал, Крис, если бы тогда, в Сити, на месте Олеси оказалась Линда?»

Отстранился бы от Алекса? Хрена с два. Скорее уж закрыл бы его собой, даже если б у Линды в руках не было оружия.

«Что бы ты сделал, Крис, если бы тогда, в Сити, на месте Олеси оказалась Линда-ещё-до-квартирного-вопроса?»

Умеешь ты прострелить сердце навылет, река-под-рекой. Только зачем тебе это сейчас? Хочешь посмотреть, как я упаду на колени, застонав от сознания собственной никчёмности, и уползу в тень, волоча за собой ослабевшие крылья с налипшими на них ярлычками, отметинами больших и малых дорожных ошибок? Эти отметины, как и следы ветрянки, остались на моей спине только благодаря Линде, которая при любом удобном и неудобном случае устраивала своему мужу бесконечную перепрошивку системы так, что не успевал зажить один шов, как поверх него тут же накладывался другой. Не скребла бы ногтями под лопаткой, всё бы зажило само собой. Прости меня, Линда. Я дал тебе слишком много свободы, и ты не устояла перед искушением нацепить на мою шею поводок вместо того, чтобы поцеловать меня в ямку меж ключиц. Одарила меня званиями Доедателя домашней еды и Почётного сумконосца, как метко выразился Лисовский, когда я не выдержал и выложил ему всё, что накопилось на сердце за эти годы ежеминутного запредельного самоконтроля во имя… чего? Призрачного семейного счастья? Или же в знак благодарности за то, что ты не отступила ни на шаг, когда я гнал всех прочь от себя в домике ван Эйков, чувствуя себя не человеком, а бомбой с часовым механизмом, которая может в любой момент сдетонировать, если кто-нибудь слишком близко к ней подойдёт?

Свет виртуального утра заполняет город. Нет, транскод не хочет спалить хакера дотла. Всего лишь пытается согреть его озябшие пальцы. И нет ничьей вины в том, что киберпространство физически не может выдать разряд меньшего напряжения, чем способно выдержать тонкое тело уставшего Овердрайва. Так безобидный травоядный динозавр мог бы свалить наземь ребёнка, дружелюбно ткнувшись мордой ему в плечо.

«Что, птица, боишься взглянуть на солнце?»

Да чёрта с два.

Очки летят на загаженный пол, и серые глаза, не мигая,

встречаются со светом тысяч огней транскода. Кристиан сдерживает тихий стон, но не отводит взгляда до тех пор, пока сама река-под-рекой, то ли из жалости, то ли из гордости, не отключает его соединения.

Пора.

Вещи давно уже собраны, дожидаются в неприметном чёрном фургончике, припаркованном вплотную к дому. Осталось забрать самое дорогое — Алекса, который снова вырубился до самого утра от этих своих анальгетиков.

Когда-то давно, кажется, накануне рождения Машки, мне приснился странный сон: будто мы с тобой, Охотник, колесим по дорогам Западно-Европейского сектора — Амстердам, Прага, Варшава, днём отсыпаясь прямо в машине, а ночью вскрывая сервера, захваченные не то спецслужбами, не то злобным искусственным интеллектом — не столь важно. Помню, что стоял с тобой у моря, пытаясь прийти в себя после критического перегрева собственного мозга, дежал тебя за руку, и ласковый прибой доходил нам до самых колен. А потом Линда разбудила меня на работу.

Я бы пообещал тебе море, свет мой, но сейчас я ни в чём не могу быть уверен. Даже в том, что за очередным поворотом безлюдной трассы на нас не вынырнет из тумана дорожный патруль, и спецагенты в форме гаишников не вышвырнут меня с водительского сиденья, запретив даже в последний раз прикоснуться губами к твоей ямочке на подбородке.

Три часа в пути. Пряный запах полевых трав долетает в раскрытое окно, солнце окрашивает верхушки деревьев яркой позолотой, словно в шутку напоминая им о неизбежной, но пока ещё далёкой осени. Зачехлённый красный флаер — на крыше фургончика. Дом на Ладоге в двух сотнях километров за спиной, и не спрашивай, куда мы едем, Охотник. Я и сам не знаю, куда. Знаю только, как. Дорогой хакеров. Глухими окольными тропами.

Тихий шелест гравия под колёсами. Остановка на обочине. Давно не водил машину, не могу больше.

— Просыпайся, Охотник…

Боги Сети, Крис, зачем ты меня будишь в глухую полночь? Или… уже утро?

По привычке скатившись с кровати налево, Алекс не заметил, как оказался на полу. Под коленями глухо грохнуло железо, прикрытое старым ковром. Где мы, чёрт возьми?

— Овер?..

— Я тут, — донеслось с переднего сиденья.

— Ну хоть что-то в этом мире… — буркнул Алекс, растерянно озираясь. — А куда мы едем?

— Скорее уж от кого, — у-у, опять эти загадки Сфинкса, неужели нельзя прямо сказать…

— Лисовский сказал, что нам лучше залечь на дно, — пояснил Крис. — Покушений больше не будет… по крайней мере, сейчас, но они там огребли серьёзные проблемы с наномашинами… Знаешь, это как открыть мануал уже после того, как накосячили… Так вот, они поняли, что от Санти мало проку, и хотят добраться до разработчика.

— Какие, нахрен, покушения? — Алекс уцепился за одну фразу и дальнейшее, кажется, пропустил мимо ушей, пытаясь поймать отражение серых глаз в зеркале заднего вида.

— Э-э… — твои сети крепки, Охотник, но птица увёртлива даже после трёх часов за рулём. — Ну, спецслужбы пытались убить его, и вроде как заодно должны были грохнуть и меня, чтоб никто не проболтался про эту чёртову телепатическую прогу… Короче. Сегодня ночью я выйду с ним на связь, тогда и решим, что делать. А пока, извини, придётся нам гнать вперёд, за цыганской звездо-ой ко-че-вой…

Алекс огляделся в фургончике. Катана висела на спинке переднего сиденья, создавая хоть какую-то видимость уюта. Ну, а…

— Катана. Минералы. Телескоп, — отозвался Крис, наконец-то оборачиваясь к Охотнику лицом. — Я помню, родной. Всё взял. Сегодня ночью обещают ясное небо.

* * *

У каждого человека свой предел, после которого ему становится настолько безразлична собственная судьба, что он готов рубить правду-матку в лицо своим палачам, и у Лисовского этот предел наступал на третьи сутки без сна.

То ли лаборанты-неумехи из спецслужб не заметили в упор того, что с самого начала бросилось в глаза учёному, то ли просто побоялись сказать об этом, но у всех жертв Селигера, как их окрестил Лисовский, наблюдалась одна и та же клиническая картина. Они были в буквальном смысле выпиты до дна, но погибали в конвульсиях невыразимого блаженства, словно смерть застигла их во время бурного секса. И да, вышесказанное относилось даже к подросткам, едва познавшим радость оргазма где-нибудь в одиночестве под одеялом.

— Придумай мне лекарство, — окинув лабораторию тяжёлым взглядом, Президент подошёл к Лисовскому почти вплотную. Почти — это потому, что из такой позиции ему приходилось бы

смотреть на учёного снизу вверх, а этого глава государства стерпеть категорически не мог.

— Какого рода лекарство? — отведя за спину руки со сжатыми кулаками, максимально вежливо уточнил Лисовский.

— Они должны выдерживать мой огонь, пан, — ощерившись в улыбке, ответил Президент. — Дуарте сказал, код исправен. Значит, мне нужно увеличить зону покрытия, а им добавить сил. С завтрашнего дня приступай к работе. Знаешь поговорку? Люди как свечи: либо горят, либо в жопу их. Так вот. Хочу, чтоб они горели дольше…

Оставшись один, Лисовский обессиленно привалился к холодной стенке лабораторного шкафчика и медленно сполз на кафельный пол. Как же мутит, боги Сети…

Кстати о Сети. Наверное, единственная отрада в этом аду.

[Крис?]

Синее небо, лёгкий ветер с поля, убаюкивающее шуршание шин по трассе…

[О, Георгий. Как вы?]

[Врагу не пожелаешь. Ты в пути? Отвлёк тебя?]

[Почти не занят… Скажите, где вы, я попробую перегрузить защитную систему, сможете сбежать.]

[Слушай меня, Крис. Я в президентской лаборатории. Ты можешь грохнуть хоть все местные компы, но вооружённую охрану этим не уберёшь. Завтра меня переведут в другое место, и я боюсь, что даже мысли мои будут для этого пса открытой книгой. Так вот. Он хочет всего и сразу, и это наш шанс. Я возьму на себя всю эту фармакологию, а ты, Овер, где бы ни был, начинай писать дополнение под свою «Версию 02», чтобы тот, у кого она в крови, выболтал бы без остатка всю правду о своих тёмных делах, едва ему скажут на ухо кодовые слова. Подадим под соусом чудо-программы, дарующей силу демиурга. Это технически возможно?]

[Возможно всё, во что найдёшь силы поверить, профессор. Я попробую это сделать. А вы подозреваете… Президента?]

[Да я не просто подозреваю, Крис. Я более чем уверен, что он виновен во всех этих… А, чёрт, сюда идут. Скажи, тебе с двух до трёх ночи сложно будет выходить на связь?]

[О, совсем как в старые добрые… Не сложно, Георгий. Мы сейчас как ветер, нынче здесь, завтра там. До связи и успехов. У нас с вами ещё личная встреча впереди, так что не вздумайте погибать.]

Ты где-то далеко, Крис, на самой границе стабильного сигнала, но всё равно твой заряд долетел ко мне вместе с тихим голосом, поднял с колен, и сейчас я нашёл в себе силы

безудержно рассмеяться в лицо всем этим агентам, похожим один на другого, зная, что ты впервые слышишь мой смех, и, прижав ладонь к собственной шее, удивляешься тому, как он отдаётся в твоём горле, меж хрупких ключиц.

У нас нет выбора. Мы победим, Кристиан. Обязаны победить.

Июль 2072

Наверное, только самый ленивый админ новостного сайта, зарегистрированного в Североамериканском домене, не вывел на главную страницу видеоплеер с прямой трансляцией запуска межпланетного лайнера «Black Horse», приуроченного ко Дню Независимости.

Серебристо-серая с чёрным громада корабля высилась на космодроме, закрывая собой багровое рассветное солнце. В ожидании прибытия космонавтов камеры переключались то на зал Центра управления полётами, то на виды стартовой площадки, то на прямой эфир из городов Сектора, где по празднично украшенным улицам гуляли разодетые в парадное американцы, при виде включённой камеры незамедлительно выдававшие улыбку во все тридцать два или сколько у кого было.

Ровно в девять утра ассортимент доступных ракурсов пополнился новой картинкой: цепочка автобусов, по диагонали пересекающих серое асфальтовое море космодрома, словно механический караван в пустыне, привезла к этому Ноевому ковчегу тех, чьё желание сменить земную прописку на марсианскую совпало с их возможностями.

Несколько сотен человек — не только космонавты, но и врачи, спортсмены, инженеры, биологи, строители, клерки, с детства бредившие космосом и простые рабочие, вместо пятничных попоек проводящие ночи на даче с телескопом — со счастливыми и взволнованными лицами совершали величайшее в своей жизни восхождение на борт лайнера.

— Oh my God, I caught up my dream and now I'm here, ready to reach the stars, — улыбалась в камеру молодая девушка с косой чёлкой, слегка взлохмаченной ветром.

Без минуты десять завершилась посадка всех, кто вместе с девушкой догнал свою мечту и был готов вознестись к звёздам, и сразу после этого началась контрольная проверка всех систем корабля.

Когда ровные ряды индикаторов в Центре управления полётами загорелись разрешающим зелёным, механический голос возвестил обратный отсчёт до старта.

Джон Кэтсман нервно кусал пальцы. Накануне вечером он до последнего проверял программу с параметрами расчёта мощности двигателей и в какой-то момент потерял сознание, очнувшись от прикосновения влажной салфетки к своему лицу. Аромат тропических фруктов. Сью Уотерхаус. Влюбился бы, если б не…

— I'm OK, — Иван еле успел переключиться с родного, полузабытого «Я в норме» на местный аналог.

И теперь агент чувствовал на своей спине её тревожный, сопереживающий взгляд, хотя смотреть стоило на другое, совсем на другое…

Три. Два. Один.

Старт.

Белые клубы дыма вырвались из-под мощных дюз корабля, следом полыхнул рыжий хвост огеннной лисы, и рокот Армагеддона сотряс эфир. На секунду Ивану послышались ликующие крики, летящие в небо со всех улиц всех городов Америки вслед монументальной громаде межпланетного лайнера, эдакому Титанику двадцать первого века.

— Десять секунд. Полёт нормальный.

— Двадцать секунд… Перегрев левого двигателя…

Иван метнулся к монитору, пытаясь выяснить причину неполадок, но чёртова программа не дала ему даже залогиниться, не то, что получить подробную информацию, и с плохо скрываемым ужасом агент осознал, что каким-то образом он сам (!) поставил вчера эту защиту от… себя самого?

«Ты — не причина, ты — орудие».

Что?! Откуда этот голос в его гудящей голове?..

— Тридцать секунд… Отказ левого двигателя.

Будь на месте системы живой человек, у него бы уже наверняка перехватило дыхание. Будь на месте камеры с автоматической наводкой рука оператора, она бы дрогнула, уводя объектив в расфокус, лишь бы не передавать картинки, на которой корабль с лучшими людьми страны на борту уходил по дуге в жаркую июльскую синеву — слишком медленно, чтобы выйти на орбиту, и слишком быстро, чтобы разбиться о материнский бок Земли, которую мечтал покинуть.

«Делай, что должно, и будь, что будет».

В отчаянии Иван забарабанил кулаками по клавиатуре, и его резко повело в сторону, пришлось ухватиться за край стола и бессильно наблюдать…

— Сорок секунд. Отключение второго двигателя…

«Безусловное принятие высшей воли…»

Захрипев, Иван упал на прохладный пол Центра управления полётами. Перед глазами замелькали мушки, и агента вырвало утренним кофе. Господи боже, прости и помилуй…

Левый и правый задние двигатели корабля выбивались из сил, но не могли выровнять курс, и каждое их слепое усилие лишь ускоряло неизбежный конец. В динамиках раздались крики ужаса, и кто-то наконец догадался вырубить радиотрансляцию.

Удар, сотрясший землю до основания.

Нестерпимо яркая вспышка. Гул земных недр, переходящий в слитный стон сотен тысяч людей, оставшихся в живых.

Последний удар сердца, секунда до небытия.

«Твоя миссия выполнена, Иван. Завершение работы».

* * *

> «Между двух миров — бесконечно сложных, но столь же малых,
> По ничьей полосе, где гуляет ветер, взметая пыль,
> Издавая скрип, через силу двигался на нейтрали
> Весь в грязи агрегат, вроде тот, что авто и что мобиль…»[31]

В утренние часы за рулём фургона сидел Алекс, днём беглецы загоняли машину куда-нибудь в тень деревьев или к первой попавшейся речке, а к вечеру, едва садилось солнце, неведомая сила поднимала на ноги Овера, и ночная птица гнала раздолбанную колымагу в сиреневые сумерки, оставляя по правую руку то алую полоску заката, то золотую луну, восходящую на тёмном горизонте. А ночью Крис парковал запылённый фургончик где-нибудь вдали от дороги и включал свой ноутбук, так славно пособивший Алексу в прошлом году, в деле под названием «Выкради Овера из этой чёртовой жизни хотя бы на пару часов».

> «Номера его, как и марка, скрыты под этой грязью,
> А водитель уснул, не осилив долгих часов пути.
> Выпадает Шанс. Упустить — несложно, да только разве
> Кто-то даст задний ход, чтоб сказать отставшим: „А впереди —…„»[32]

Не ходи дважды по одной и той же дороге. Золотое правило сталкера. Не переписывай дважды один и тот же код. Золотое правило… программиста? А каким правилом, интересно, пользоваться ему сейчас, если техзадание Лисовский сформулировал для Овердрайва всего тремя словами: «Хакни собственную прогу»?

> «Потому за руль после слишком долгого перерыва
> Я сажусь, но из всех передач доступна одна нейтраль.

Зеркала мутны, а бензин не то, чтоб совсем паршиво,
Но особого повода нет, чтоб в пол выжимать педаль».[33]

Хреновый коннект в этих ваших полях. Транскод — родина, на которую я сам запретил себе въезд, оставив заранее заготовленную программу на рассылке заранее заготовленных в фотошопе снимков — мы с Охотником в Созополе, всё чин по чину, болгарский сервер, фиг придерёшься. А в остатке имеем сисферу не самой последней модификации, да исходный код «Версии 02», под который нужно в кратчайшие сроки написать дополнение.

За время работы в «Div-in-E» и «Souls Unite» я усвоил, что ребятам гораздо легче кодить, когда придумано название будущего продукта. Хотя бы неофициальное. Да, так даже лучше.

Итак, пишем «Копролалию». Программу, которая вонзится тебе в мозг, господин, мать твою, Президент, и заставит прилюдно выложить всё дерьмо, которое подобно плесени развелось в твоём протухшем мозгу, заражённом манией величия. Всё то дерьмо, которое помогало тебе лгать собственным гражданам и не краснеть, которое, чёрт возьми, дало тебе право смотреть на преданных тебе людей как на тупое пушечное мясо, живущее лишь затем, чтобы восславить твою паршивую светоносную персону и тихо сдохнуть под стенами твоей сиятельной резиденции.

01:30

Коды доступа к долговременной памяти…

Есть.

05:49

Модуль скрытого контроля речевого центра…

Готово.

06:00

Алгоритм блокировки двигательной активности…

У-у, опечатки в двух командах подряд — верный признак того, что пора вырубаться, дабы не накосячить. К тому же мне позарез нужна биометрическая инфа от Лисовского, которому в скором времени предстоит стать программистом поневоле, ибо я не вижу иного способа передать профессору написанный код, кроме как перехватить управление его пальцами и за одну ночь успеть вбить в его компьютер всё, до самой последней строки. А потом пан под моим чутким руководством перепрошьёт твои наномашины, господин Президент, и когда ты выйдешь в эфир, раскрыв свой косой рот для очередной бредовой лжи, твоё дыхание собьётся, ибо ты, любитель пословиц и поговорок,

услышишь над ухом тихий шёпот, кодовое: «Всё, что на уме, то и на языке».

Я умею сдирать с лиц маски. Если понадобится, то и вместе с мясом.

Я выжму из тебя истину. До последней капли. Поверь мне, ублюдок.

* * *

Кухонные разговоры, боги Сети… Лин поморщился, но спорить с фактами было пустой тратой времени. Они по-прежнему оставались ТАСС его мира, где от знания новостей и умения прочитать как минимум пару слоёв подтекста зависела твоя судьба.

В который раз мысленно поблагодарив Хидео за апгрейд приводов коляски до состояния абсолютной бесшумности, Лин неслышно подъехал к закрытой кухонной двери. Всё-таки Маше несказанно повезло с мужем. Хидео не только был первоклассным кодером и хакером, у него ещё и руки росли из нужного места. И ради их тихого счастья стоило перебраться обратно в родную квартиру, которая, судя по разговорам на кухне, вот-вот грозила стать для него чужой территорией. Ради Маши и Хидео стоило крепче сжать зубы и каждый день просыпаться рядом с той, которая чуть не убила Киру. Ты по-прежнему уверена в том, что не оставила следов, мама, и мне большого труда стоит улыбаться тебе за обеденным столом, но я верю, что время твоей расплаты не за горами. Остаётся только выведать, в чём твоя слабость…

— Скоро всё уладим, — голос матери за дверью не имел и намёка на обычную слащавость, только деловой подход. — Риэлтор уже начал работать. Там, конечно, засада еще та. Сейчас эта квартира сдаётся, да и район… Выселки этот Дивногорск. Неудивительно, что он стал такой сволочью.

Булькающий звук разливаемого вина.

— То есть Олеся дала добро на продажу квартиры Алекса? — плохо скрываемый интерес в голосе «нового папы» привёл Лина в чувство.

Но как же так… Дядя Саша ведь говорил, что перепишет на меня завещание. И он сдержал слово, я уверен. Но тогда какая продажа? Почему Олеся, эта вредная тётка и, по совместительству, подруга матери, распоряжается его квартирой? И, пресвятой коннект, не в том дело, что я ничего не получу… Лин вздохнул. Просто понять логику происходящего уже невозможно.

— Ещё б она не согласилась, — хмыкнула мать. — Стоило сказать волшебное слово «прокурор» и вуаля. Половина моя.

— Наша, Линда.

— Нет, Рафаэль. Нашей будет эта квартира. Я много вложила в неё, слишком много, чтобы можно было взять и разменять, как того потребовал… мой бывший. А за лето, пока Лин в лагере, я успею разобраться с Олесей и купить какую-нибудь студию поблизости.

Всё, пора сваливать, хакер. Сейчас они допьют вино и потопают в спальню. Опять будут эти крики, стоны… Мерзость какая. И ведь всё опять решили без меня.

Лин как раз успел повернуть ключ в замке на двери своей комнаты, когда в коридоре послышались шаги. Абсолютный параноик внутри, тщательно взращённый матерью, всегда готовой найти предлог, чтобы придраться, отметил, что коридор пересёк один человек, но дышали двое. Значит, снова этот чёртов аргентинец тащит Линду в кровать на руках. Лин изломил губы в злой усмешке: мама ведь уже не та, что прежде, чего скрывать. Как бы ни старалась, все равно набирает килограммы, седеет и старательно разглаживает морщины. «Отец бы её уже не поднял», — вдруг подумал пацан и сам удивился собственным мыслям.

После лагеря на Селигере он не просто постарел внешне. Даже выбросив из комнаты зеркало прямо в окно, с пятидесятого этажа, он чувствовал лишние пару десятков лет на уровне мыслей.

Лин привычно поискал на столе наушники от плеера, чтобы заткнуть себе уши и не слышать звуков безудержного совокупления из соседней комнаты, но, как назло, чёртова гарнитура куда-то запропастилась. Вот поневоле и вспомнишь дядю Сашу, который часто говорил, мечтательно закатив глаза: «Сбежать бы ото всех в домик под Лугой…». Наивный ты тогда был, хакер. И слепой. Не видел, а, точнее, просто не замечал, как у этого твоего единственного друга дрожит в такие минуты правое плечо и до скрипа сжимаются зубы. Хоть у кого-то мечты сбываются, пресвятой коннект. Не Луга, так Сортавала.

А, нахрен. Есть вариант получше отшельничества.

Лин вогнал в импланты карту беспроводного интернета, едва не переломив тонкую микросхему пополам. Пара секунд — и он уже в си-сфере, берёт разгон, чтобы с ноги пробить её сверкающую поверхность, обманчиво твёрдую на первый взгляд.

Решено. Курс на синюю высотку «Div-in-E». Мало тебе папиного подарка, Рафаэль, так ты ещё и его женой пользуешься. Была б катана, я б тебе, наверное… Лин коротко хохотнул. Ну и

мысли лезут в голову. Да ты ж её не удержишь в замахе, парень, выпадешь из коляски. Лети уже, хакер, делай то, что у тебя получается лучше всего. Твои конкуренты будут рады, Санти, если я вынесу с сервера пару незавершённых разработок и продам кому-нибудь из них, пока ты там пыхтишь над мамой. Ведь я уверен, что ты, мастер копипаста, и сам спёр все лучшие идеи у моего отца, и мне плевать, что он вроде как официально передал компанию в твои руки. А красть украденное — это уже не преступление, верно?

Нога мальчика вошла в прозрачную субстанцию как нож в масло, и он рванулся вперёд, закрыв глаза, в томительном ожидании свежего наэлектризованного ветра реки-под-рекой, что на следующем вдохе заполнит его лёгкие, останется лишь раскинуть руки и…

Лицо Лина впечаталось в прохладную вязкую массу, моментально отозвавшуюся глухой вибрацией. Что происходит, ёлки-палки? Ведь в тот, самый первый раз всё прошло без проблем…

Инстинктивно Лин подался назад, пытаясь вырваться из липких объятий си-сферы, и сложил руки лодочкой, вспомнив, как красиво когда-то мог нырнуть в реку его эмулятор.

Вторая попытка, и… почти успех, который хуже любой неудачи. Руки Лина пробили плёнку, голова тоже прошла вполне благополучно, а вот на всё остальное уже не хватило импульса, и теперь мальчик беспомощно болтался меж двумя мирами, не в силах ни выпасть вперёд, ни сбежать на исходную точку.

Ни рыба, ни мясо, а. Ни вдохнуть толком, ни выдохнуть. Ну давай, разревись ещё, тряпка…

* * *

Алекс осторожно вёл машину по узкой однополосной трассе где-то в ста пятидесяти километрах западнее Воронежа. Справа за чернильными силуэтами кустарника таился коварный обрыв, слева нависали холмы, будто раскромсанные с краёв неведомым великаном. Его нож обнажил их меловые внутренности, которые белыми водопадами спускались теперь вниз чуть ли не до середины дороги.

Этим вечером обычный порядок смены за рулём был нарушен. Крис, гнавший предыдущим вечером машину по одному ему известному маршруту, — а чаще всего, как казалось Алексу, просто наугад, — потом всю ночь сидел за ноутом и мысленно беседовал с Лисовским. Доказательств этому, конечно, опять не

было, ибо король предпочитал молчать о своих делах или с улыбкой уходить из-под удара, но… В общем, после того, как Овера днём вырубило прямо у фургона, стоило только ему вытянуться на пушистой траве у случайно найденного родника, Охотник понял — сегодня его смена не только утренняя, но и вечерняя. Вот и сейчас, там, за холмами падало за горизонт алое солнце, а Крис мирно спал в кровати за водительским сиденьем.

Звёзды с неба падают бисером,
Я сижу на окне под звёздами,
Жду удачу, удача близится,
Нависает удача гроздьями.
Жизнь на Марсе, смерть на Юпитере,
На Луне есть лунные кратеры…[34]

Боги Сети, угораздило ж Овера вляпаться в такое дерьмо… Алекс тряхнул головой. Всю жизнь он не любил искать виноватых, а уж тем более без веских причин винить себя. Ведь желающие сделать тебя крайним всегда выстраиваются в очередь, невзирая на самобичевание. Но за последний год, когда я пустил все на самотёк, произошли критические ошибки. Чёрт побери, пока я работал в твоём подчинении, Овер, я знал о твоей работе если не всё, то, как минимум, девяносто процентов. Правда, совсем не знал тебя… Да и сейчас едва дотягиваю в этом до пресловутого восьмидесятого уровня.

Воистину, мешать личное и деловое — последнее дело.

— Спроси меня о чём угодно, — откликнулся Овер из-за спины. — Только… прошу, не об этой проге…

[Я помню, ты обещал мне врезать, если я когда-нибудь скажу, мол, это для твоего же блага, но во многом знании много печали, а я не хочу, чтоб ты грустил. Улыбнись, Охотник]

Алекс поймал в зеркале заднего вида край растрёпанной черной шевелюры. Губы сами собой дрогнули, неудержимо растягиваясь в улыбку. Усилием воли сконцентрировавшись на бесконечном серпантине у подножья белых гор, Алекс негромко произнёс:

— Мы уходим всё дальше на юг, Овер. Петляем, кружим уже добрых две недели. Но всё-таки… Мы когда-нибудь повернём?..

Куда, Охотник? Домой? Где же твой дом теперь, а? Да и что считать домом, если в этой машине есть всё, что тебе в той или иной степени дорого: Овер, катана, минералы, телескоп, флаер на крыше… Самому бы определиться, прежде чем спрашивать у серокрылой птицы, которой по всем законам жанра определено вить гнездо лишь на один сезон.

Фургончик начал плавно оттормаживаться, сворачивая на белый мел обочины.

— Охотник???

Алекс отстегнул ремень безопасности и распахнул дверь, почти вывалившись из машины. В колени впилась острая меловая крошка. Вечерний ветер с реки в овраге ударил в горящее лицо.

Это был не приступ в обычном для Алекса понимании. Боли не было. Но ставшая словно каменной грудная клетка не давала вдохнуть, ограничивая падающее в золотистое марево сознание одним лишь судорожным движением диафрагмы с минимальной амплитудой. Алекс непроизвольно схватился за шею, куда сейчас, видимо, повинуясь этому мейнстриму со сменой места жительства, переехало сердце. Оно рвалось в каждой вене, в каждой артерии, отдаваясь набатом в висках. Нет, не набатом… Слишком редки были его удары. Раз в секунду. Вместо метронома.

— Да что с тобой… Отзовись, Алекс…

Охотник с трудом заставил себя открыть глаза и сфокусироваться на таком близком родном лице. Читай мои мысли, Овер. Нет сил говорить. Но это не со мной, это с кем-то… из наших. У меня так было до этого лишь раз, в мае. Когда ты исчез в Москве почти на двое суток без связи, без вестей. Это отголоски боли и бессилия того, кто мне дорог.

Крис упал на колени рядом с Алексом, обняв его за плечи.

Дыши, Охотник, только дыши, прошу тебя…

Чей призыв о помощи ты поймал?

Маша?

Ловкие пальцы держат шерстяную нить. Маша сидит у окна и вяжет носки для будущего ребёнка. Получается не очень, и дочка раздражается, но решает, что для первого раза сойдёт.

Лин?

Растрёпанные волосы, голова, упавшая на руки. Из соседней комнаты доносятся такие стоны, что и мёртвые поднимутся, чтобы грохнуть тапком в стену. Крис сжимает кулаки. Сучка ты, Линда. Но убью я тебя позже. А вот что с тобою, сын? Ты словно здесь и… не здесь. Редкое дыхание, дрожащие ресницы над закатившимися глазами, судорога под рёбрами. Боги Сети, ты… на пороге транскода? Но как?!

Не делай глупостей, Лин. Дождись меня.

Не вырубайся, Алекс. Дождись меня.

— Охотник, я на минуту… Но я рядом, слышишь?

К чёрту конспирацию.

Крис не стал даже включать «невидимку», комком птичьих перьев вывалился с неба транскода и рванул по знакомому

маршруту так быстро, как только позволяла скорость соединения. В полёте хакер перешиб плечом ленту чьей-то длинной переписки, и мягкие кирпичики слов разлетелись от его удара во все стороны, вызвав следом волну трёхэтажного мата от юзеров, случайно задетых обрывками чужих фраз.

За яркими белыми мушками Охотник увидел, как Овер за доли секунды нырнул из этого мира в тот, другой. Кратко, но ёмко обрисовав ситуацию, Алекс еще пару раз тихо выругался, но всё-таки сумел вытащить из кармана бесчувственного Криса стерильный пакет и ампулу с анальгетиком. Сердце ещё не успокоилось, в ушах подозрительно звенело, но паскуда-жизнь не оставляла другого выбора. В конце концов, тогда, при взломе сервера, он это уже сделал, значит, сможет и сейчас.

Полная доза. Таймер на обратный отсчёт несчастных двадцати минут.

Хрупкий звон пробитой си-сферы.

Я не отпущу тебя одного, Овер. Во имя твоих баланса и симметрии. Что бы ни случилось.

О пресвятые провайдеры, как ты это сделал?!

— Дыши, Лин, дыши ровнее… — подлетев к застрявшему в си-сфере сыну, Крис взял его за руку. — Расслабься, ладно? Я верну тебя назад.

— Нет, пап, я уже смог войти однажды, — смесь страха и отчаяния уже переплавилась у Лина в какую-то безумную смелость, и парня окончательно понесло. — Когда мы с Хидео лазили на сайт больницы… Я случайно пробил границу и оказался в транскоде. Это всё наномашины, наверное… А теперь их нет, и у меня не получилось… Блин, я никчём…

— Тогда просто не отпускай мою руку, — Крис обжёг сына киловольтами своих тёмных глаз и в следующий миг резко выдернул его из си-сферы. — Пока мы держимся друг за друга, мы больше, чем сумма частей…

Оказавшись на свободе, Лин несколько раз судорожно вдохнул, но объятия Кристиана держали его надёжнее всего на свете, и мальчик уткнулся головой в плечо отца, даже не заметив, как они, не размыкая рук, мягко опустились на светящуюся поверхность улиц города-под-рекой.

Почувствовав под ногами твёрдую почву, Лин нервно вскинул голову. Чего ждать от тебя сейчас, папа? Вопросов типа «Как ты тут оказался?» «Что за проделки на пару с Хидео?» «Не обижает ли тебя мама?»

Даже на Большую Охоту следует выходить с комфортом.

Алекс криво усмехнулся, выравнивая флаер над Городом-подрекой. Не летать мне в одиночку с такой скоростью, как Овердрайв. А если попытаюсь, всё равно найдётся кто-нибудь — внутри или снаружи, — кто подойдёт сзади и полоснёт скальпелем по расправленным крыльям с милой фразой вроде «я хочу уберечь тебя от ошибок, сгоришь ведь». И что? Утром восстану фениксом из пепла, если будет ради кого дышать.

Поиск искомого серебристого плаща… Координаты. Выжать газ из виртуальной машины.

Высокая тонкокостная птица замерла прямо в воздухе, держа в своих объятиях… Нет, Охотник, к чёрту банальщину. Ревность — это уровень Зверя. Даже твоя совершенно никчёмная интуиция, вдруг проснувшаяся сегодня и каким-то чудом поймавшая сигнал SOS от кого-то из близких тебе людей, сейчас спокойна и не чует подвоха.

Траектория на сближение. Лихой вираж на предельной скорости, по которой ты так соскучился. И две пары серых глаз под удивлённо вскинутыми бровями. Крис… и Лин?!

Ха, это транскод, Охотник.

Овердрайв и Лин-Чужак.

— Прости меня, Лин, — шёпот отца был тише, чем вечерний бриз с реки.

— За что, пап?

Крис хотел что-то ответить, но задохнулся от нестерпимой горечи в горле.

— Я… выдрал тебе крылья.

Слёзы в транскоде тоже светятся. Как и пыль городских улиц.

— Но разве ты знал, что так будет? — спросил Лин.

Ты прав, сын. Если б я понял, что наномашины позволят тебе нырять в транскод, то… что? Написал бы для Лина личный код? А вдруг эффект дала именно та долбанная версия, которую ни при каких обстоятельствах нельзя было оставлять в крови мальчика, после того, как…

— Лин, эти наномашины… Они не были предназначены для выхода в транскод. На самом деле в них оказалась зашита дурная программа. Просто поверь мне, потому что именно я…

Охотник?!

Алый, цвета крови из вскрытой артерии, флаер стремительно спикировал на светящийся асфальт транскода. Алекс каким-то необъяснимым слитным движением оказался вдруг в шаге от пацана и по привычке упал на колени, чтобы обнять его. Но в транскоде нет инвалидных колясок, нет рака, нет всех тех печатей, которые падают на личное дело в реальном мире. Руки вместо плеч обхватили тощие бёдра… Промазал, Охотник. Ладно,

спишем на импровизацию.

Он подхватил сына на руки и поднялся с колен вместе с ним, закружив в воздухе, как пёрышко. Сына. Пора уже говорить истину, чёрт побери. И только тринадцать минут, чтобы побыть вместе.

— Встретились два одиночества, — улыбнулся Овер.

Охотник мельком взглянул на своего короля, возвращая Лина на безгрешную землю транскода. Прячешь боль в глазах, родной. Что у вас тут уже успело случиться? Как Лин сумел выйти в реку-под-рекой? О чём вы говорили?

Время, чёртово время. Всегда заставляешь себя расставлять дела, вопросы и мысли по ранжиру, отсеивая шелуху.

— Есть какие-то новости, Лин? — выдохнул Охотник, заглядывая парню в глаза. — Это транскод. Говори истину. Где уж, как ни здесь.

— Там тётя Олеся… И мама… — Лин запнулся. — Дядя Саша, они вашу квартиру продают.

Овер едва слышно выругался. Охотник краем глаза увидел, как с кончиков его пальцев срываются искры. Нет, я закрыл все счета. Они получили дарственную и вольны делать всё, что угодно. Это ожидаемо. Это предсказуемо. Это логично, раздери их троян. Но Лина я обманул, выходит.

— Прости меня, Лин, — Охотник прикрыл глаза. — Я пообещал тебе квартиру. Я действительно переписал завещание, но потом они заставили меня сделать дарственную. Я просто не мог иначе.

Тысячи киловольт. Два взгляда, перекрещенных на синем ладожском огне. Ты поступил бы так же, Лин, если б тебя заставили выбирать между квадратными метрами стоимостью в добрых десять миллионов и бесценной жизнью того, кто единственный автор всего светлого, доброго и вечного, что есть в твоей жизни.

— Это не важно, дядь Саш, — потянулся к Охотнику Лин-Чужак. — Мама заберёт не меньше половины от продажи, чтоб только отселить меня…

— Тс-с-с, — прошептал Охотник, глядя поверх головы сына на Овердрайва, которого уже почти буквально окутывало грозовое облако со сверкающим шлейфом молний. — Не будем сейчас об этом. Ты ведь в первый раз в транскоде?

— Второй.

— Но в одном месте ты точно не был, — улыбнулся Охотник, тряхнув золотистой копной волос по плечи и нараспев прочитав вдруг всплывшее в памяти. — Ураганы шатали горы, и стонали ветра на крыльях… Что границы и что запоры — небеса

рассыпались пылью, ноты рвали с креплений звёзды, разрывая Дорог сплетенья…[35]

Потом, всё потом. Десять минут абсолютной свободы.

С любимым человеком и сыном.

А остальное завтра переплавлю в свет.

Оказавшись на крыше Департамента безопасности, в самой высокой точке транскода Восточно-Европейского сектора, все трое заговорщицки переглянулись. Улыбка молнией пронеслась по их лицам. Остались в анабиозе датчики слежения, выключена ставшая уже ненужной «невидимка» в серебристом плаще, спят патрули охранных систем. Всё, как несколько лет назад. Всё, как десятки раз до этого. Кроме разве что небольшой смены ролей…

— Ты уверен, что это безопасно?.. — тихо спросил Овер.

Пресвятой коннект, Охотник, обычно эту фразу я слышал в свой адрес от тебя, а сейчас…

— Уверен.

Алекс поднял свой флаер в воздух. Боги Сети, это, наверное, как во сне увидеть полузабытый сон. Да какой там полузабытый?! Такое грешно выкидывать из памяти.

Ты научил Машу летать, Овер. Научи и Лина.

Двое — отец и сын — шагают за край, взявшись за руки, и Охотник на флаере срывается следом за ними.

Я не вижу ваших лиц, но уверен, что вы оба улыбаетесь, сероглазые маньяки с растрёпанными волосами. Ты научил летать и меня, Крис. И я до сих пор не забыл, каково это.

Запредельное ускорение и стремительный вираж почти у самой водной глади. Воздушный удар заставляет поверхность реки искриться, и до Охотника, летящего следом за Крисом и Лином, неведомо как доносится тихое:

— Здесь реально всё, во что найдёшь силы поверить, Лин.

Кристиану до боли хочется пообещать сыну, что он найдёт способ вновь подарить ему транскод — какой-нибудь тайный шифр в виде личного ключа от входной двери в квартиру, которым Лин-первоклашка безмерно гордился, гоняя в коляске по всей комнате с криками «Я уже взрослый!». А ещё Оверу хочется пообещать самому себе, что он разнесёт к чертям это змеиное гнездо под вывеской «Иштар, Зоряна и Ко», ни на минуту не усомнившись в правильности своего действия-до-мысли, и попутно успеет тряхнуть стариной, вскрыв Государственную Машину, как консервную банку с давно истёкшим сроком годности. И под конец тихо шепнёт Алексу на ухо: «Ночь на берегу моря. В августе».

Только сейчас ты отчего-то теряешь свои серебряные перья,

Овер, и они тихо опускаются на зеркально-гладкую поверхность тёмной речной воды, заставляя её светиться. А впрочем, у тебя ещё хватит сил, чтобы подарить сыну чувство этой запредельной, абсолютной свободы, по которой он, словно по камертону, будет потом сравнивать каждый момент своей жизни: не фальшивы ли стали ноты её мелодии?

— Любая дверь, Лин. Просто представь, что…

— Знаю, пап, — Лин уже почти улыбается. — Спорим, я окажусь дома быстрее тебя?

Ну, давай, юный хакер. Три, два…

Кристиан на долю секунды оттормаживает своё движение, словно у него слегка подвисла видеосистема, и мальчик первым успевает нырнуть в узкую дверцу телефонной будки. Под аккомпанемент торжествующего вопля сына Крис выводит перед глазами короткое меню с параметрами завершённой сессии, дабы убедиться, что выход у Лина прошёл корректно.

Когда родители провожают своих повзрослевших детей до двери, благословляя их сильные крылья на счастливый полёт, а потом всю неделю пекут пироги, дожидаясь их в гости на выходные, это корректный код.

Когда дети вынуждены запирать дверь за родителями, ушедшими невесть куда, варить макароны и яйца всмятку, а потом, забравшись под одеяло, читать самим себе вслух перед сном, это ошибочный код.

И означает ли то, что Алекс первым поймал твой крик о помощи, что я снова теряю этот едва установившийся коннект с тобою, Лин? Что я сам не заметил, как отступил на шаг, в тот сумрак, из которого ко мне настойчиво тянутся призрачные руки родителей, однажды покинувших меня навек, и отдёргивают ото всех, к кому я привязался настолько сильно, что рискнул впустить их в своё сердце?..

— Любая дверь, Охотник. Пойдём. И… прости меня. Только не спрашивай, за что. Я и сам не знаю.

* * *

Это было на порядок круче, чем любая «защита от дурака». Спроси сейчас кто угодно: «А что это за программу ты пишешь, пан?» — Лисовский не смог бы ответить при всём желании, ибо не понимал ни строчки из того, что за одну ночь накатали его пальцы под чутким руководством Кристиана.

[Запускайте компиляцию, Георгий, только выключите монитор. Когда Рафаэль передаст вам наномашины, позовите

меня, расскажу, как их перепрошить.]

Лисовский с улыбкой кивнул, вызвав подозрительный взгляд сидящего в углу охранника. «Чокнутый, в натуре», — уловил учёный обрывки его мыслей. Да и пожалуйста. Ты настолько глуп, громила, что даже обижаться на тебя смешно.

Бронированная дверь с грохотом отъехала в сторону, впустив в царство сумрака и запаха антисептиков широкую фигуру Рафаэля. Аргентинец затравленно огляделся в поисках того, кому он должен был передать код, в страшной спешке написанный им накануне. А точнее, поправленный им в нужных местах код Кристиана сотоварищи, в результате чего «Версия 02» благополучно перестала выдавать ограничение по длительности контакта. На секунду Рафаэль вспомнил первый в истории компании «Div-in-E» холивар, когда часть ребят выступала за безопасность кода их чудо-гаджета, а несколько безумцев готовы были рисковать, убрав все ограничения. В тот раз ты выбрал стабильность, Санти. А в этот…

— Есть кто живой? — голос Рафаэля предательски дал петуха.

— Нет, — громким шёпотом отозвался Лисовский и выскользнул из-за открытой створки лабораторного шкафчика.

Глаза Рафаэля чуть не вылезли из орбит, когда он признал в высокой тощей фигуре с белыми растрёпанными космами давешнего доктора, лабораторию которого они так неудачно превратили в филиал ада. О боги, вот оно, возмездие…

— Ну-ка, ну-ка, — протянул Лисовский. — Какими судьбами, товарищ генеральный директор? Неужто впали в немилость у своей владычицы, и она отправила вас в эту богом забытую дыру?

[Ты думаешь, раз мы оба пленники, можно держаться со мной наравне? Хрен там, Санти. Я, в отличие от некоторых, даю своим подопытным расписаться на информированном согласии, прежде чем приступить к лабораторным забавам.]

— Я… Э-э… — Рафаэль выставил вперёд руки, словно защищаясь маленьким серебристым чемоданчиком, хотя Лисовский не сделал к нему ни шага. — Принёс наномашины. Утром Президент придёт на операцию. Просил передать… чтобы вы подготовили всё к шести утра.

— Всенепременно, — профессор изобразил на своём лице вежливую улыбку и протянул руку за чемоданчиком.

Короткий захват, и узловатые пальцы учёного смыкаются на запястье аргентинца.

[Ссыкотно, а, Рафаэль?]

[Вы чего творите?!!]

[Да хорош уже притворяться, как там это: «Я художник не

местный, попишу и уеду»… А теперь слушай внимательно. У меня к тебе вопрос, просьба и приказ.]

[Какого хр…]

Лисовский едва заметным движением выкручивает Рафаэлю запястье, не отводя потемневших глаз, и аргентинец словно забывает, что вообще-то он в два раза мощнее этого старикана, который сейчас говорит с ним, не раскрывая рта.

[Начну с вопроса. Что вы собираетесь делать с квартирой Рыкова?]

Рафаэля начало мутить. Как на колоноскопии, только хуже, потому что желудок, в отличие от мозга, гаденьких мыслей никому не выдаст. Что ж ты, горгулья в белом халате, со мной делаешь?..

[Олеся оформила собственность… Линда продажей занимается… Хотят деньги пополам разделить, вроде бы. Хотя кто этих баб знает, у них семь пятниц на дню, и все тринадцатые… Клянусь, не знаю ничего больше.]

Лисовский мельком проглядел ассоциативную зону мозга Санти на предмет «прописка Лина», но, кажется, аргентинец не лгал, и о планах Линды в отношении собственного сына ему ничего не было известно.

[Теперь просьба. Если уж ты носишь тапочки Вебера, то хоть трахайтесь с Линдой, пёс вас раздери, потише! И не спрашивай, откуда я это знаю.]

От услышанного в своей голове Рафаэль мигом поперхнулся, и Лисовский с наигранным сочувствием постучал свободной рукой ему по спине.

[А теперь приказ. В шесть утра. Ты. Не. Появляешься. Здесь.]

Кое-как выпрямившись, Рафаэль судорожно кивнул.

Иди уже к чёртовой матери отсюда, псевдомедведь. И в следующий раз приходи ко мне в тёмных штанах. Светлые брюки беззастенчиво демонстрируют каждому встречному, что при встрече с паном Лисовским ты описался от страха.

Оставшись один, профессор собрался вздохнуть с облегчением, но внезапно пошатнулся, как пьяный, и опёрся рукой о спинку кресла. Ладно, не время расслабляться. До утра осталось совсем мало времени.

[Крис?]

[Тут я…]

[Наномашины у меня. Жду твоих инструкций. Только прошу, поскорее, потому что мы эти сорок минут уже шесть часов тому назад продолбали, меня тут несёт по-страшному…]

[Понял, профессор. Та же фигня. Ладно… Загоняйте контейнер в пустой слот, а вверх и вниз подводите два магнита.

Их надо вытащить из выемки…]

[Нашёл, есть. А с кодом что?]

[Ага, а установку к компу кто подключать будет? Ладно, шучу. Подключайте. Автозапуск сработал?]

[Да. У-у, тут такое меню, что я его до утра читать буду…]

[Дайте тогда перехвачу вас ещё раз.]

Да тебя там разорвёт, хакер. Ты уже выдрал вокруг себя всю траву на ночной поляне, думаешь, я не почувствовал этого? Впрочем, кто не рискует, тот спит в тёплой постельке, верит новостям и ждёт себе спокойно наступления мифического «зрелого возраста», живя вполсилы в ожидании гонга, который возвестит спящему: «Проснись и пой! Время создавать шедевр!»

Но мы-то с тобой знаем, что есть только Здесь и Сейчас.

И ладно уж, откровенность за откровенность. Я знаю, каких невероятных усилий тебе стоит вести меня за собой вот так, без единого слова, не позволяя ни одной лишней мысли примешаться к этому концентрату чистого действия, которое какой-то психолог давным-давно метко окрестил «состоянием потока», но, боги Сети, до чего же мне нравится это непривычное ощущение, дурманящее голову почище любого наркотика — возможность почувствовать себя ведомым и отдаться без остатка во власть твоих тонких рук с вечно зябнущими электрическими пальцами.

[Готово, Георгий. Ну, а уж «Enter» вы без меня нажмёте… Дальше автоматика справится сама. Простите, я вырублюсь на пару часов… К шести буду на связи.]

Угу, будет он. Иди уже, падай на руки своему Алексу, а я разберусь с этим старым параноиком, заигравшимся в своей песочнице под названием Восточно-Европейский сектор.

Серебристая пыль поднимается меж двумя мощными магнитами и зависает в вакууме посреди прозрачного контейнера. Установка тихо гудит, время от времени попискивая, и на экране перед Лисовским зелёной змейкой медленно ползёт полоса загрузки. Десять процентов… Двадцать…

Самое время подготовить чудо-зелье. Буйная смесь нейростимуляторов с миорелаксантами и ещё парочкой веществ, которых этому бугаю-охраннику ни в жизнь не выговорить.

Резкая телефонная трель, разорвавшая тишину лаборатории, заставила Лисовского подпрыгнуть на месте. Да от такого звука сердечный приступ поймать можно. Не заботишься ты о своих гражданах, господин Президент.

Охранник встрепенулся.

— Ну чё, готовы? Пойдёмте?

О, ну хоть на «вы». И на том спасибо.

— Ещё минуту, — как ни в чём не бывало ответил Лисовский.

В конце концов, я тут единственный, кто знает, что делать. Мне можно.

Девяносто семь процентов… Девяносто восемь…

Ради большой и малой сероглазых птиц.

Девяносто девять…

Ради истины, которую их племя ценит превыше правды.

Сто процентов. Запись программы завершена.

Магниты отключаются, и серебристая пыль опадает в узкую ложбинку на дне контейнера.

Лисовский убирает контейнер в серебрисый чемоданчик, рядом со шприцом, заполненным зеленоватой жидкостью, и выходит из лаборатории в сопровождении охранника.

За спиной учёного коротко звенит колокольчик — это настенные цифровые часы отмечают время.

06:00

Президент уже мается в лабораторном кресле, в нетерпении пиная носком ботинка ни в чём не повинную тумбочку.

— Побыстрее, ладно? У меня в девять прямая трансляция.

Лисовский коротко кивает. Бесполезно же говорить, что меньше двадцати минут процедура всё равно не может занять, а с такой хреновой кровью, как у тебя, рулевой моей страны, она растянется минимум на полчаса.

Рывком вытянув длинные трубки из недр перегонной призмы, учёный установил катетеры и приготовился вогнать их в вены Президенту. Ненавижу, когда он вот так, с хозяйской усмешкой, смотрит на мои метания по этой его тайной комнатке, словно я неумеха-лаборант, который впервые в жизни делает внутривенную инъекцию. От этого взгляда, помножающего на ноль всех и вся, и вправду теряешь свои навыки…

Нет, тебе меня не одолеть, чёртов дикатор. Я сильнее хотя бы потому, что…

Руку Лисовского свело короткой судорогой, и игла вонзилась в дряблую стенку вены Президента.

— Ты что творишь, пёсий сын?

Чёрт, сорвался всё-таки. Потерял самоконтроль. Лисовский почувствовал, как на его затылок ложится холодная, липкая рука ожившего мертвеца, и его черепная коробка начинает размягчаться, пропуская в себя эту чужеродную плоть, что способна выведать все его намерения, узнать о невероятном ночном бдении совместно с… Но если нельзя думать о том, что собираешься сделать, думай о работе, пан. Вспомни первую лекцию, которую ты прочёл студентам третьего курса факультета прикладной нейрофизиологии. «Мы сами не понимаем, каким богатством нас одарила Природа», сказал ты, держа в руках сосуд

с заспиртованным человеческим мозгом. И хорошо, если не понимаем, добавил бы ты сейчас.

— Простите, господин Президент. Немного устал…

Что-то с коротким звоном упало на кафельный пол сумрачной комнатки. Лисовский кинул быстрый взгляд себе под ноги. Золотая ручка с острым пером.

— Подними, — приказал Президент.

[На колени передо мной.]

Острая игла императива вонзилась Лисовскому в темя, но, уже приготовившись к боли, учёный внезапно понял, что его мозг способен растворить этот смертоносный металл, словно концентрированная кислота. У меня, оказывается, иммунитет к любому внушению. Тебе не зацепить меня, безумец. Но ради тех, кого я должен вывести из-под твоего удара, мне придётся принять эту боль и добровольно подчиниться приказу, прежде, чем ты заметишь мою неуязвимость.

Плавным движением профессор опустился на колени, осторожно захватывая скользкую ручку чистой салфеткой. Соблюдение гигиены — правда. Срыв возможной попытки отравления — истина. Знаю я, как вы там в спецслужбах любите баловаться с контактными ядами…

Скрюченная рука принимает золотое перо и продолжает маячить перед лицом Лисовского.

— Целуй, — хрипит Президент.

Ты же гений мысли, пан. Так вообрази себе губы какой-нибудь красотки, и нет проблем.

Но Лисовский не отключает своё восприятие, навсегда вбивая в свою память эту дряблую кожу, этот запах старости — не светлой, мудрой старости, как у него, Георгия, а тёмной, отчаянной, безнадёжной, желающей подняться до невиданных высот и оттого ещё сильнее вязнущей в своём гнилом болоте…

Мне почти жаль тебя, Президент, но ты всё-таки мразь ещё та. И спасибо тебе за этот заряд ярости. Он поможет мне дописать код нашей общей с Крисом программы. Прямо сейчас.

— Удачной вам конференции, господин Президент. А теперь расслабьтесь и закройте глаза. Процедура займёт полчаса, — поцеловав руку диктатора, Лисовский стремительно поднялся с колен, вогнал ему в вену второй катетер и незаметным движением активировал механизм захвата, скрытый в подлокотниках кресла, так что теперь Президент оказался прикован к сиденью. Предупредительно отодвинув тумбочку подальше от кресла, Лисовский развернулся к приборной панели и с размаху запустил установку. Можешь сколько угодно сучить ногами, коротышка. Теперь моя очередь быть сверху.

— Какого хр…

Широкий скотч залепляет рот Президента, и ему ничего не остаётся, кроме как, выпучив глаза и бессильно сжав кулаки, наблюдать за тонкой струйкой серебряной пыли, которая подобно притоку большой реки, вливалась в его тёмную кровь, изредка перемежаясь каплями неведомой зеленоватой жидкости, поданной этим чёртовым маньяком в основной резервуар.

Последнее, что Президент запомнил перед тем, как потерять сознание — это короткую фразу, сказанную мягким голосом, из которого до сих пор не выветрился западноевропейский акцент:

— Всё, что на уме, то и на языке. Иди, Яша, расскажи им истину про то, какой ты гадкий мальчик.

* * *

Неведомая сила по-прежнему поднимала Киру к девятичасовым утренним новостям даже в выходной, и исхудавшая девочка плелась на кухню с чашкой кофе, стараясь не пропустить ни единого слова диктора, втайне надеясь, что за короткий десятиминутный выпуск оператор успеет дать пару кадров с Президентом, и мужественно игнорируя причитания матери на тему: «В таком нежном возрасте ещё рано пить кофе!»

А может это тело тринадцатилетней девочки — обманка, и на самом деле я в два раза старше тебя, мам? Тебе в голову не приходил такой вариант, а?

— Сегодня Президент обращается к гражданам Восточно-Европейского сектора…

Кира прильнула к настенной голограмме, казалось, ещё немного — и она окажется по ту сторону эфира, в стране бесконечных телепередач, рядом со своим кумиром.

Президент вышел к микрофону, помахал рукой в пространство и сделал попытку улыбнуться, но улыбка вышла кривой и ненастоящей.

— Истину, истину говорю вам,
Расскажу правду всю, ничего не скрою.
А та правда ясным соколом
Полетит по полю[36], —

страшно фальшивя, пропел Президент вместо приветствия. — Узнай, честной народ, и ближнему расскажи о бессовестной лжи, о безумной моей затее, которая не к звёздам унесла невинных людей, а на дно колодца, из которого никто не вернётся…

Широко распахнув глаза, Кира отпрянула от экрана. Нет, девочка, не верь, это всё враги, они угрожают президенту, заставляют его клеветать на себя. Просто останься на его стороне, и вместе победим…

— А в поле том в руках матерей
На ладонях церквей расстилается
Да спящая, пропащая душа!
Спящая в доме Бога-отца,
Где двери без крыльца и нет фонарей[37], —

глава государства выдал очередную загадку, не утруждая телезрителей долгой расшифровкой, всё-таки, это не «Что? Где? Когда?», а прямое включение. — То не «Марс-2072», а моя дурная голова, что хотела под контролем удержать чужую волю. То не мысленная связь, что пошла б с Земли на Марс, а удар по спинам плетью, чтоб исполнили приказ…

[Не отвлекайся, Яша. Наномашины. Селигер. Жертвы.]

— По миру мир да место свое!! — не в силах вынести тихий, настойчивый шёпот Лисовского в своей голове, Президент возопил в голос и выложил, наконец, истину до последней капли в одном длинном предложении, без всех этих лубочных рифм.

Кира опешила. Пресвятые провайдеры, а она ведь ещё злилась на папашку Лина, когда тот без всяких объяснений привёз их в глухую полночь куда-то на окраину Москвы-2, и даже, помнится, обозвала его недалёким кретином, который хочет оборвать ей с Лином крылья из зависти. Это потом, когда Машка и Хидео заломили ей руки, а Лин, к тому моменту уже освобождённый от наномашин, тихо шепнул ей на ухо: «Я тебя люблю, Кира, но папу оскорблять не смей», девочка почувствовала что-то вроде укора совести и сдалась на милость Кристиана. Но теперь, когда паззл собрался, открыв перед Кирой картину страшной истины, она поняла, что в ту ночь ей стоило бы в знак благодарности упасть на колени перед Крисом, который вытянул их обоих из болота с риском для собственной жизни.

И теперь, вместо прежнего рабского благоговения Кира смотрела на развенчанного Президента с омерзением и ненавистью, оскалившись в хищной ухмылке, когда безликие люди в сером спешно взяли старика под белы рученьки и повели к резво подъехавшему автомобилю цвета воронова крыла.

Изо рта у Президента пошла пена, но он упорно пытался петь, давясь словами вперемешку с недавно выпитым утренним кофе.

— А невеста скитается в судный день,

Я так не хочу, а браслеты режут вены,
Мясо грызут как псы бешеной весны![38]

«Врача!» — пискляво крикнул кто-то за кадром.

Видеопоток был спешно переключён на обзорный вид столицы, но микрофоны вырубили не сразу, и Кира, как и сотни тысяч зрителей, услышала, что Президент всё ещё продолжает блажить:

— Дай мне волю, мать сыра-земля,
Дай мне волю, мать сыра-земля,
Дай мне волю…[39]

И корабль, и корабль я оземь разбил!! — взвизгнул Президент напоследок, но, кажется, эти слова уже никто не воспринял всерьёз, приняв их за бред умирающего.

Управление трансляцией перехватил премьер-министр, бодренько отрапортовав в камеру:

— В связи с длительным стрессом самочувствие Президента резко ухудшилось, и мы вынуждены прервать эфир, а пока за его жизнь будут бороться лучшие врачи, давайте вознесём небесам молитву, чтобы…

На заднем плане появился высокий, сухопарый мужчина с растрёпанными седыми космами, склонился над поверженным диктатором.

— Пульса нет, — неторопливо произнёс он, словно на плановом осмотре безнадёжного больного, который, к облегчению всего персонала, наконец-то отбросил коньки. — Дыхание отстутствует. Словом, вечная тишина…

Кто-то сзади зажал Лисовскому рот грязными пальцами, и учёный бешено мотнул головой, сбрасывая со своего лица чужие руки, однако, предпочёл не ввязываться в дискуссию о гигиене и молча скользнул в толпу. В конце концов, нездоровое внимание со стороны спецслужб ему сейчас даром не сдалось. Отсидеться бы где-нибудь, а лучше отлежаться, и потом выйти, наконец, на Криса. Живого, настоящего. Чтоб стоял в полуметре от профессора и улыбался, щуря кристальные серые глаза.

* * *

— Мы возвращаемся, Охотник.

Неся в горсти спелую лесную малину, Крис подошёл к

фургончику, все двери которого были раскрыты до упора.

— Охотник?

— Я тут.

Алекс сидел в тени машины, держа на коленях полураскрытую катану, и рисовал мягким карандашом на листе бумаги. Набросок окружающего пейзажа был почти закончен.

О, ну раз руки у тебя заняты, родной мой…

— Не отвлекайся, — Крис упал рядом, протягивая Алексу ягоду. Горячие губы коснулись тонких пальцев, и ягода исчезла.

— Спасибо, Овер, — отозвался Алекс. — Давно не ел малину. Так что у тебя за новости?

— Президент умер, — с нескрываемым облегчением выдохнул Кристиан.

Обожаю это выражение на твоём лице, Охотник. Смотришь на меня, словно я вывалился перед тобой из портала с другой планеты только для того, чтобы заставить тебя разгадывать свои шарады.

— Тот грант на самом деле курировали спецслужбы, — медленно начал Крис, закрыв глаза. — Но мы не знали этого. Официальная версия — разработка протокола межпланетной телепатической связи, над этим мы и работали. Нам удалось создать три версии: одна, рабочая, пошла в тираж, вторая была бесполезна, а третья превращала человека в оператора любого живого существа, способного мыслить. Под эгидой «Марса — 2072» людям предлагалось поучаствовать в тестировании наномашин. За деньги. Лин и Кира тоже ввязались в это, тайком от меня… К тому времени грант уже, — на секунду Крис замялся, — был перехвачен Рафаэлем. И вместе с этой опасной версией он отдал президенту мою незаконченную разработку. Семантическое кодирование. Его-то и использовали на Селигере, собрав всех воедино и заставив передавать президентскую волю. Помнишь, даже меня накрыло… А потом несколько человек погибло во время трансляции, и Лисовского привели к президенту, чтобы он нашёл причину. А вместо этого мы с ним смогли грохнуть этого засранца, который использовал людей как простые расходники. Ешь уже малину, свет мой. У нас впереди Москва, Питер и Сортавала.

Алекс присвистнул. Ну, охренеть. То клещами из этого хакера ничего не вытянешь, а то вдруг выдаёт историю киловольт на двести…

— Один вопрос, Овер. С Лином всё в порядке?

— Сейчас — да, — ответил Крис. — Всё позади, ночь за плечами, новый день прямо по курсу… Прости, меня несёт сегодня… Очень устал, много сил на телепатию ушло…

Вместо ответа Алекс осторожно взял спелую ягоду из тонких рук короля и зажал её в своих губах. Ты знаешь, как лишить меня сознания, Овер, а я знаю, как заставить тебя удержаться на самом его краю.

Ярко-розовая полоска по подбородку. Я без понятий, куда нас занесло, Овер, в навигаторе уже давно сел аккумулятор. Так пусть этот поцелуй тоже останется не отмеченным на картах.

* * *

Эх, Санти, если бы кто-нибудь оставил на документах этого долбаного гранта хоть маленькую карандашную приписку в духе: «Внимание, вопрос. Что находится в чёрном ящике?», ты бы мигом слил все карты, даже не глядя в них. Но нет же, решил выпендриться перед Линдой, думал, что добьёшь Овера с его стартапом и грохнешь двух зайцев одним махом, прокачав себя и как руководителя крутой фирмы, и как героя-любовника. Но не будет так, чтоб и волки сыты, и овцы целы, троян их всех раздери. А теперь ещё эти вездесущие спецслужбы, налетевшие, как таёжный гнус на заплутавшего туриста, задают ему такие вопросы, на которые не найти ответов, даже если в десятый раз просмотреть все материалы, так неудачно спёртые Рафаэлем у Кристиана.

— Я же говорила, у него всегда припасён туз в рукаве, — кажется, Линда уже напрочь забыла, что убеждала Санти в абсолютной уязвимости «своего бывшего». — Пока что они оставили тебя под подпиской о невыезде за рубеж, но по территории страны мы же можем перемещаться?

— Думаешь заныкаться где-нибудь? — осторожно уточнил Рафаэль. — Они меня всё равно найдут, и до того мне нужно успеть…

— Нет, ёлки-палки, — рассмеялась Линда. — Беготня — для слабаков. Мы нападём. Если у Криса что и осталось, то лишь в его башке. И с вероятностью девяносто процентов мы найдём эту башку вместе со всем остальным на берегу Ладоги, я ручаюсь. Ведь Алекс для него — лучшая подписка о невыезде, чёрт возьми.

Два флаера взвились в безоблачное небо июльского полдня второй половины 21-го века, на секунду зависли в жаркой синеве и взяли курс на север.

Вечерняя Ладога встретила нежданных гостей надвигающейся грозой. Домик на берегу был пуст, ставни на окнах оказались закрыты.

Взойдя на крыльцо, Рафаэль разбежался и попытался

высадить дверь плечом, но та не поддалась. Санти отошёл на шаг и пнул ногой дверной замок.

— Да стой ты, — оттолкнула аргентинца Линда. В её руке блеснул длинный ключ с зазубринками. — Сила есть, ума не надо…

Два полных поворота, и дверь, жалобно скрипнув, сдалась перед чужаками.

— А ещё хакер, называется, — коротко хохотнула Линда, входя внутрь.

На первом же её вдохе Дом применил своё тайное оружие — запах. Аромат древесины, корицы, ветивера и морского бриза. А, чёр-рт…

— Ищи уже скорее, — бросила Линда Рафаэлю, с трудом представляя, что должен найти её незадачливый партнёр. Секретные отчёты, спрятанные среди книг? Ну нет, бумага — это не про Криса. Тогда комп? Флеш-карты, зашитые в сиденья кресел?

Рафаэль извлёк из сумки какой-то странный прибор, отдалённо похожий на планшет с двумя тонкими усиками антенн.

— Сейчас, — Санти нажал пару кнопок, и планшет тонко запищал, словно дозиметр, улавливающий радиоактивное излучение. — Эта штука покажет нам все электронные штучки в доме.

Чайник. Микроволновка. Мда. Часы на тумбочке у кровати…

С бесконечным омерзением Линда посмотрела на заправленные в спешке простыни, попытавшись представить, в какой позе Крис мог бы трахаться с Алексом. Интересно, кто у них чаще бывает сверху? И кто кончает быстрее?..

— Ни хрена, — закончив сканирование, выдал Рафаэль. — Только на втором этаже комп Алекса. Единственное, что может нас заинтересовать…

— Так бери его быстрее и уходим, — отозвалась Линда.

— Э-э… А куда нам торопиться? Ты ж говорила, они усвистели в Болгарию, — вскинул густые брови Рафаэль.

— Похоже, что они просто в бегах, — задумчиво взяв в руки белое птичье перо, лежавшее на компьютерном столе, Линда переломила его пополам. — Мне показалось, что Лин недавно вышел с ним на связь, но адреса были внутренние, не болгарские.

— Хакер, тоже мне, — Рафаэль не упустил возможности вернуть Линде заряд. — Ладно, я захвачу комп.

Когда Санти поднимался по узкой лестнице наверх, из заднего кармана его брюк случайно выпала зажигалка, выдавленная на свет божий мускулистой задницей своего владельца. Линда машинально наклонилась поднять зажигалку, и

когда богиня коснулась дешёвого пластика с каплей сжиженного газа внутри, её посетило неодолимое желание чиркнуть колёсиком, выбив короткую, яркую искру, что зажигает неугасимое пламя.

Искра и пламя. Овердрайв и Охотник, чёрт подери.

Острым ногтём Линда вырвала из зажигалки маленькую деталь — ограничитель подачи газа, зажгла пламя и, широко размахнувшись, швырнула сгусток огня на кровать.

Тонкое бежевое покрывало моментально вспыхнуло, словно постель до сих пор была наполнена запредельным жаром, ждущим лишь условного знака, чтобы вырваться наружу.

— Ты что творишь?! — вскрикнул Рафаэль где-то за плечом, едва не выронив из рук свою добычу.

— Следы заметаю, — с безумной улыбкой выдала Линда, не оборачиваясь к Рафаэлю. — Сжигаю мосты…

А потом, к ужасу Санти, богиня начала петь, и огонь с удвоенной силой взвился вверх, захватывая уже и занавески на окне, и край деревянного шкафа.

> — Огонь горит, словно лепестки роз,
> Не нужно думать об этом всерьёз!
> Остынет боль твоя тёмной золой,
> Когда ты скажешь себе: всё прошло![40]

Схватив приплясывающую Линду за руку, Рафаэль вырвался на свежий воздух, и вслед им из распахнутой двери вылетели первые клубы дыма.

Треск огня смешался со свистом стартующих флаеров. С высоты птичьего полёта яркая оранжево-красная точка на краю сине-фиолетовой кромки леса, низкого свинцового полога неба и туманно-голубой глади вечерней воды смотрелась весьма и весьма эффектно. Ты мог бы нарисовать витраж в стиле «абстракционизм», Алекс, если бы увидел эту картину своими глазами.

* * *

Мда, народные песнопения — не совсем тот эффект, которого Лисовский рассчитывал добиться с помощью термоядерного сочетания чудес фармакологии и программирования. Но кто ж знал, что этого маньяка Президента так унесёт в фольклор?

Одно радовало: после трёхчасового допроса профессора всё-таки отпустили под подписку о невыезде до выяснения

обстоятельств, что значило лишь одно: распад синтезированного Лисовским препарата в крови главы государства успешно завершился через пять минут после его смерти в прямом эфире, и ни один из многочисленных анализов, проведённых сотрудниками спецслужб после инцидента, ничегошеньки не показал. А что до кода программы, зашитой в наномашины, то со своего рабочего компьютера пан подчистую снёс всё, написанное накануне под руководством Криса, после чего со спокойной совестью признался, что эти злосчастные наномашины были принесены в его лабораторию лично Рафаэлем, чему свидетелем был охранник, приставленный к Лисовскому.

А пока стоило воспользоваться кратким периодом затишья и наведаться кое-куда. Точнее, кое к кому.

Представляю, как ты вздрогнула, Олеся, когда в самый тёмный час очередной бессонной ночи твой планшет разразился звуком входящего сообщения. «Мы под подозрением. Надо встретиться, чем быстрей, тем лучше, и обдумать план действий. Лисовский».

И, судя по тому, как быстро мне пришёл ответ: «Город Столиц. Москва. 32 этаж. Хоть сейчас», ты места себе не находишь, дорогуша.

Естественно, я приду к тебе в гости не с пустыми руками. И надеюсь на ответный подарок.

Олеся открыла дверь почти мгновенно.

— Там… на этаже… никого? — тревожным шёпотом спросила она.

— Никого, — успокоил её Лисовский.

Квартира была обставлена со вкусом, что есть, то есть.

— Вина? — предложила профессору Олеся.

Тот коротко кивнул, откровенно наслаждаясь своей ролью зрителя в этом спектакле под названием: «Сделаю что угодно, только спасите меня, пан».

Олеся наполнила два бокала и осторожно присела на край дивана.

— Олеся, ты словно в гостях у самой себя, — усмехнулся Лисовский.

— Я снимаю эту квартиру, — тихо откликнулась женщина. — Правда, цены поднялись до небес…

Ну, Георгий, пора брать с места в карьер, а то так до утра можно трепаться. И как бабы умудряются часами ходить по кругу, обсудить всё подряд, да так и не перейти к делу?

— А чем тебя квартира мужа не устраивала?

Олеся едва не взвилась с места, и, опешив, уставилась на

Лисовского.

— При чём тут это? — от былого страха в ней не осталось и следа, — я думала, мы не за этим собрались, а по поводу нашей секретной работы в лабор…

— Вот именно, Олеся, вот именно, — примирительно откликнулся профессор. — По поводу вашей работы я бы и хотел услышать подробное объяснение…

[Какого лешего ты устроила в моей лаборатории?!]

Вот уж не ждали.

[Э-э… Ну, Линда с Рафаэлем заставили меня найти им подходящее место…]

[Я не об этом. Какого хрена ты практиковала свои садомазохистские штучки над Алексом?]

Олеся задохнулась от неожиданности, но Лисовский припёр её к стенке в прямом и переносном смысле этого слова.

[Отвечай. Мне. Истину.]

Оказавшись в клетке неожиданно сильных рук, Олеся попыталась сползти по стенке и выскользнуть из плена Лисовского, но не тут-то было.

[Я… хотела, чтобы он написал на меня дарственную.]

Не убирая рук, Лисовский на миг отвёл взгляд, неопределённо мотнув головой. Долбаные меркантильные людишки. Ни перед чем не остановятся, чтоб только урвать кусок покрупнее. А ещё врут друг другу про любовь и всё такое. Может быть, оно и к лучшему, что двадцать лет тому назад он так и не сделал предложение преподавательнице химии, которая подкатывала к нему в институте, с упорством броневика пытаясь навести его, Лисовского, на мысль о ЗАГСе. Может быть, именно из-за её маниакального упорства он и расхотел это делать.

Профессор закрыл глаза, пытаясь, словно заправский парфюмер, выцепить из раздёрганной олесиной ауры отдельные ноты. Панический страх. Естественно. Чувство вины. Наконец-то. И… тайное удовольствие доминантки. Хм-м, неожиданно…

[И что, другого способа не было? Или ты выбрала этот просто потому, что…]

[Какого хрена вы лезете ко мне в голову?!]

[…тебе нравилось наблюдать за мучениями собственного мужа? Чем он это заслужил, интересно знать?]

Взгляд Олеси заметался по сторонам, но зрение начало подводить её, выдавая странную двойную экспозицию, так что при очердном взгляде на пустую кровать женщине померещилось, что светлые простыни залиты кровью, а на них, связанный и измученный, лежит кодер с поседевшими волосами, и в его ладожских глазах такая мука, что не выдержать никому.

— Может быть, ты просто не догадывалась, как ему было больно, Олеся, — оставив в покое телепатию, тихо произнёс Лисовский над самым ухом своей бывшей лаборантки. — Позволь мне показать тебе лишь один миг этой боли.

И, прежде, чем женщина успевает сказать хоть слово, профессор одевает на её голову тонкий обруч с тремя зелёными огнями.

[Ты ничего не смыслишь в пытках, Олеся. В отличие от меня.]

Алая волна захлёстывает сознание Олеси, и нейроны её мозга подчиняются программе, которая была закодирована в сложной последовательности электрических импульсов, сгенерированных обручем. Лисовский сумел записать в этот странный девайс, одну из первых разработок «Div-in-E» почти двадцатилетней давности, лишь начало приступа Алекса, который ему довелось почувствовать и пережить вместе с ним во время мысленного контакта, но этого за глаза хватило, чтобы Олеся закричала в голос и выгнулась от боли, раздирая ногтями свою абсолютно здоровую грудь, в которой она сейчас ощущала нестерпимое жжение от засевшего под сердцем чужеродного куска плоти.

— Прошу… Хватит… — простонала Олеся, упав на колени и согнувшись почти пополам.

Сжав голову Олеси руками, чтобы она не сорвала обруч раньше времени, Лисовский подождал ещё несколько секунд, пока женщина не начала кататься по полу, и лишь после этого решительно произнёс:

— А теперь выдайте мне симметрию, пани.

На светлый паркетный пол перед измученной фантомной болью Олесей тихо приземлился лист бумаги. Официальный бланк. Дарственная.

Следом упала тонкая перьевая ручка.

— На… кого? — из последних сил пискнула Олеся. — Снова на… него? Или на Криса?

— Нет, — снизошёл до ответа Лисовский. — На его сына.

Обезумев от боли, Олеся схватила ручку и черканула свою подпись в положенном месте, вместо печати уронив на гербовую бумагу слезу запоздалого раскаяния. Следом добавился отпечаток пальца, оставленный женщиной на химически чувствительном квадратике в углу бланка.

[А теперь рви дарственную от Алекса. И избавь его от своего присутствия.]

Скрюченными пальцами Олеся залезла в сумку, выдернув оттуда бланк с закорючкой Охотника. А ведь он подписывался левой рукой, ибо правую ему к тому времени уже вывихнули…

Когда отдраенный до блеска паркет украсился обрывками

плотной бумаги, обруч исчез, а вместе с ним исчезла боль, новая дарственная и чёрные ботинки Лисовского.

Олеся осталась одна.

Невыносимо.

И он жил с этим… Сколько лет? И, господи, до сих пор живёт.

Как можно было терпеть эту муку, как он умудрялся скрывать от неё приступы? И главное, почему?

То ли странный обруч так на неё подействовал, то ли телепатия Лисовского, который умел без мыла влезть в чужую душу, но Олеся словно в новом свете взглянула на все эти двадцать лет, прожитых ею бок о бок с человеком, которого она не просто не понимала, а даже (будь честной хотя бы с собой!) толком и не пыталась понять.

Ты не заслужила его доверия, Олеся.

Словно в тяжёлом тумане, Олеся поднялась с пола, машинально собрала клочки разорванной дарственной и подхватила сумку. Точнее, попыталась подватить. Её рука сорвалась с лакированной кожаной поверхности, и раскрытая сумка грохнулась на пол, рассыпав всё своё содержимое по паркету.

Тридцать три несчастья, чёрт возьми.

Олеся вновь опустилась на колени, кое-как запихивая кучу разнокалиберных мелочей разной степени ненужности обратно в тёмные недра сумки. Лучшая метафора твоей жизни, Зоряна.

Пальцы нащупали холодный металл длинной золотой цепочки. Не может быть. Она искала эту подвеску ещё год назад и думала, что потеряла навсегда.

Гранатовое сердце в нежных объятиях золотых крыльев. Твой подарок и твоя душа, Алекс. Вот чего я лишилась навек. И в этом — только моя вина.

Олеся погасила свет, подошла к окну и рывком распахнула широкую створку, позволяя свежему ночному ветру ворваться в изысканный уют её одиноких апартаментов. Сияющие тысячей огней высотки Делового центра столпились перед заплаканной женщиной в немом ожидании неотвратимого конца, и на миг Олесе послышалось, как тонкий панцирь её жалкого убежища хрустит под напором неисчислимых киловольт этого транскода наяву, в котором только птицы вроде Овердрайва и могли чувствовать себя как дома.

Зачем ты забралась на такую высоту, Зоряна? Отчего не сняла квартиру где-нибудь на пятом этаже, на шестом? Ты же с детства боялась высоты. Родители объяснили, что люди не умеют летать и должны ходить по земле, а ты и поверила.

Скинув туфли, Олеся забралась на подоконник и встала во весь рост — растрёпанная, почти нагая, лёгкий халатик не в счёт. Закрыв глаза, почти не чувствуя пальцев, женщина надела на шею золотую подвеску, и на миг ей представилось касание горячих рук, лёгкий поцелуй в макушку, тихое: «Люблю».

«Но не взлететь и не упасть,
Рисованным крыльям настоящими не стать…»[41]

Он любил тебя, Олеся. А ты всё это время, кроме самого первого года совместной жизни, лишь изображала любовь к нему.

Пошатнувшись, женщина коротко вскрикнула и сорвалась вниз.

«Зачем мечтать, чего хотеть —
Рисованным крыльям никогда не полететь».[42]

За спиной Лисовского бесшумно закрылись стеклянные двери. Свежий воздух. Наконец-то. Там, у Олеси, он чувствовал не обонянием, а почти интуитивно, запах тлена, пыли и долгих бессонных ночей. Это было всё равно что нырнуть с головой в старый шкаф, где истлевшие скелеты режутся в карты и ведут долгие нудные разговоры о ревматизме и плохой погоде, в фоновом режиме жалуясь друг другу на скрип в кандалах.

Звучный глухой шлепок в десяти метрах за спиной заставил профессора резко обернуться. «Нашли меня», — ударила в голову первая мысль, но улица была пуста, ни агентов, ни машин с мигалками, лишь худенькое женское тело в пёстром халатике, распростёртое на асфальте.

Повинуясь рефлексу, перешедшему за годы врачебной практики в разряд безусловных, Лисовский сделал пару шагов к женщине, на ходу узнавая каштановые пряди, которые он всего лишь несколько минут назад увенчал короной чужой боли.

Господи боже, почему?! Он же не внушал ей мысль о самоубийстве… Или всё-таки фразу «избавь Алекса от своего присутствия» разгорячённый мозг Олеси воспринял как приказ к немедленному действию? Чёрт подери, профессор, тебе ли не знать, сколь многое зависит от точной формулировки в этом фантасмагорическом царстве слов, не высказанных вслух?

А может быть тебе стоит выйти в разговоре с самим собой на тот же уровень честности, какого ты десять минут назад потребовал от Олеси?

Ты хотел её смерти, пан.

Как почти тридцать лет назад ты хотел смерти той, из-за чьей халатности во время сложного эксперимента погиб твой ассистент, которому ты вечером того же дня хотел прошептать слова любви. Эти слова ждали своего часа целый год, словно жемчужина в раковине, но им так и не суждено было стать высказанными вслух.

Лисовский замер на месте, потом сделал осторожный шаг назад. Второй. Третий. А на четвёртом у профессора подкосились ноги, и он приткнулся к какому-то парапету за углом, даже не пытаясь сдержать приступ тошноты.

«Спаси лишь того, кого можно спасти».[43]

[Крис, где ты, а?]

[В двух часах пути от Москвы. Что стряслось?]

[Значит, через два часа на Комсомольской площади. Заберёшь дарственную.]

[Какую, к хренам, дарственную?!]

[На Лина. От Олеси. Не спрашивай ни о чём. Прошу.]

Лисовский отлепился от парапета и, не оглядываясь, вышел к широкой магистрали. Метро откроется через полчаса. Безумная ночка выдалась, чёрт подери.

Нет, не так он представлял себе «ту самую» встречу с Крисом, но избирательная глухота судьбы была профессору не в новинку. Спасибо хоть за то, что контакт состоялся, пусть и в дешёвом привокзальном ресторанчике.

— Как вам удалось выбить из неё подпись? — прикрыв воспалённые от бессонной ночи глаза, спросил Крис.

— Напомнил ей о светлом, добром и вечном, — усмехнулся Лисовский. — Ну, и ваш чудо-прибор немало поспособствовал… Вот уж не думал я, когда покупал его пару десятков лет назад, что когда-нибудь познакомлюсь с разработчиком лично.

Вместо ответа Овер выдал свою фирменную усталую улыбку, но даже её хватило, чтобы в тесном полутёмном зале стало светлей.

— Кстати о разработках… — прищурился хакер, словно вспоминая что-то бесконечно далёкое. — Вы случайно не родственник Артёма Лисовского, пан?

Профессор удивлённо воззрился на Криса.

— Мой троюродный племянник, седьмая вода на киселе… А ты его откуда знаешь?

— Работали вместе, — прошептал Крис. — Ладно, время… Спасибо вам, Георгий. Будем на связи. Удачи. И… до новых встреч.

Тонкие пальцы хакера легли в ладонь учёного.

[Ты похож на того, кого я потерял, Овердрайв.]

[А вы могли бы стать моим отцом, пан.]

Короткий разряд.

Пресвятой коннект, ради этого мига стоило пройти весь чёртов ад, что выпал на их долю в этой неведомо кем придуманной игре.

Проводив взглядом сутулую спину учёного, Кристиан написал короткое письмо Лину. Судя по тому, что письмо моментально потеряло бледно-голубую рамку вокруг текста, Лин был в сети. И либо мальчик очень рано встал, либо, что более вероятно (чёрт тебя дери, полуночник Крис, это же твой сын!), он вообще не ложился.

Ладно, нравоучения в сторону.

Выйдя из ресторанчика, Крис забрался в уже изрядно потрёпанный фургон.

— Охотник, — короткий выдох, и Овер с улыбкой прячет лицо на родном плече. — Поехали за Лином. Будем его… одарять, как ты и хотел.

Вместо ответа Алекс поперхнулся минералкой, и Кристиан хлопнул его по спине. Каким-то образом он умудрялся делать это сильно, но совсем не больно.

* * *

Со смертью Президента в правительственном аппарате начался самый натуральный разброд и шатание, а нужно ведь было в срочном порядке придумать «политически правильную» версию его гибели и организовать внеплановую предвыборную кампанию. О да, и кто-то ещё должен был выразить соболезнования американской стороне, потерявшей вместе с кораблём «Black Horse» не только людей и технику на несколько миллиардов, но и первенство на очередном витке космической гонки.

Красивый выход из тупиковой, на первый взгляд ситуации со смертями от «невидимых убийц», как окрестили наномашины в сетевых изданиях, был предложен министром внутренних дел. Раз уж от истины, обозначенной экспертами во главе с Лисовским, было не отвернуться, а истину профессор обозначл короткой фразой: «Широко шагаешь — штаны порвёшь», то правительству ничего не оставалось, кроме как выдать на широкие экраны трогательную сказку про то, как пожилой Президент, словно Юлий Цезарь, спавший на земле вместе с солдатами, решил поучаствовать в рискованном эксперименте, о котором, в общем-то, было заранее известно, что он рискованный, и принял на себя удар от матушки-природы наравне с героями из народа, павшими во славу Прогресса. А о мёртвых, как известно, либо хорошо, либо ничего. «Ничего» — это про безымянных смельчаков, публикации о которых подозрительно быстро исчезли из Сети. А «хорошо» — это, само собой, про Президента, который до самого последнего вздоха радел о благе своей горячо любимой страны, и, между прочим, успел неофициально назначить себе преемника, который, несомненно, примет участие в грядущих выборах.

* * *

Когда-то давно, на заброшенном вокзале, я с помощью листа бумаги и двух обломков кирпича сумел объяснить Охотнику суть транскода. Когда-то сам транскод объяснил чересчур беспечной Маше, что он не менее опасен, чем реальность, от которой замученные дневными заботами пользователи ищут спасения в тёмных искрящихся омутах реки-под-рекой.

Дело за малым — объяснить Лину и то, и другое.

Пробить си-сферу юный хакер по-прежнему не мог, и ему приходилось просить Хидео, чтобы в нужный момент он вытянул Лина за руку с той стороны транскода, но в последнее время у японца почти не было свободного времени, чтобы присматривать за Лином во время сёрфинга. Однажды вместо Хидео пришла Маша, но при ней Лин не рискнул сделать то, ради чего так упорно рвался в транскод. Может быть, Маша-год-назад с радостью поддержала бы брата и даже вызвалась бы помочь, однако, нынешняя Мария изменилась не только внешне, и Лин молил всех богов реки-под-рекой, чтобы его сестра никогда и ни за что не превратилась во вторую маму.

Оставался лишь один человек, перед которым Лину было не стыдно признать свою слабость и получить в ответ не насмешку над «неполноценным» способом входа в транскод, а раскрытые навстречу ему объятия и надёжную поддержку на входе. Отец.

— Пап, я сегодня хотел попробовать прыжки с торможением, — закинул удочку Лин. — Скажи, когда ты будешь свободен.

Поймав краем глаза недоумённый взгляд Алекса, Крис съехал на обочину и остановил машину.

— Прости, Охотник. Я понимаю, мы уже почти дома, но… Тут Лин…

Алекс махнул рукой и молча кивнул. Не нужно быть телепатом, чтобы понять тебя, Крис, с этим твоим желанием дать сыну то, чего ему так не хватает в этом чёртовом реальном мире. Бега по траве босиком и полёта над облаками. Позволь только напомнить тебе кое о чём, пока твоё латентное чувство вины перед Лином не сыграло с тобой злую шутку.

— Это ваш третий за сутки совместный выход в транскод, Овер, — тихо сказал Алекс. — Помнишь, на каких условиях ты взял меня в «Div-in-E»?

Летящая, чуть растерянная усмешка. Ты поймал меня, Охотник.

— Да, я не забыл, родной, — ответ Овера прозвучал ещё тише, чем вопрос, заданный ему Алексом. — Спасибо, что сказал это вслух. Я давно хотел поговорить с Лином насчёт длительности захода, но всё никак не мог решиться. Понимаешь, он из-за меня и так…

Вот она, твоя ошибка, Овер. Ты тянешь «вчера» в «сегодня», не умея или не желая сбросить с плеч этот груз, словно зимнюю куртку на пороге дома. Оставляешь ненужные вкладки открытыми, и они тормозят работу всей системы.

— Ладно, Охотник. Полчаса, и ни минутой больше.

— Спорим, ты снова… — начал Алекс, но Кристиан уже

нырнул в транскод.

После прохождения си-сферы Лин выглядел совсем как нахохлившийся воробей: мало того, что в растрёпанных волосах мальчика застряли остатки прозрачного силикона от злосчастного сферического интерфейса, шнурок на правом кроссовке развязался, так ещё и меж тонких бровей залегла глубокая складка, эдакий запрещающий знак для вопроса: «Что случилось, Лин?»

— Ты уже присмотрел место для прыжков? — обняв сына, спросил Крис.

— Ну, в общем, да, — прищурившись, Лин посмотрел куда-то вбок, мимо малоэтажных зданий частных сайтов, и, проследив за его взглядом, Крис увидел в конце улицы кислотно-зелёный шпиль радиостанции и ярко-синюю подсветку крыши «Div-in-E».

— Ты хочешь прыгнуть с…

— …с радиоточки на крышу твоей фирмы, пап, — ничуть не смутившись, ответил Лин. — А что, нельзя?

— Можно, Лин, можно, — привычно сдавшись ещё до боя, Крис вдруг разозлился на себя. Да сколько можно, Овер? Ты позволяешь близким вить из тебя верёвки, считая себя не вправе ущемлять их свободу, а на самом деле ты этой своей вседозволенностью выводишь их словно в степь, на бездорожье, где на много километров не найти ни единого ориентира, и говоришь: «Это ваш путь, а я не хочу давить…»

Свободный полёт не страшит лишь тех, кто умеет ориентироваться по солнцу. А те, кто ещё не научился смотреть на него невооружённым глазом, легко собьются с пути, если потеряют из виду родительские крылья.

— Я научу тебя прыгать с вышки, — улыбнувшись, пообещал сыну Кристиан. — Но давай договоримся с тобой об одном. В транскоде мы гуляем не больше трёх часов в день, ладно?

Лин обескураженно посмотрел на отца. Надо же, а он-то думал, что хоть папа не будет ощипывать его едва оперившиеся крылья, как любит это делать мама, особенно в последнее время, когда…

Мальчик вскинул голову. Его серые глаза плеснули на Криса горькой обидой.

— Почему, пап?

«Истину, истину говори. Где, как не здесь…»

— Когда-то давно я знал одного парня, — медленно начал Крис. — Он сутками не вылезал из Сети, скакал с одного сайта на другой, а остановиться его заставлял только обрыв соединения, потому что даже нужду он справлял чуть ли не в штаны. Забросил школу и потерял счёт времени, сутками не выходя из дома. Но не

за это он стал мне противен…

Лин кинул быстрый взгляд на отца. Раздражение в серой радужке медленно уступало место интересу.

— Там, в смысле, тут, — продолжил Крис, неопределённо махнув рукой на панораму Города, — он стал первоклассным хакером. Любой код был ему по плечу, а если враги брали в кольцо, он взлетал в небо. Но в реальности этот парень был по-настоящему жалок. Он боялся жить в том мире, где его зовут лишь по имени, и бежал туда, где знали его кличку. Он не умел бороться и отступал с каждым разом всё дальше, малодушно уходя от настоящей жизни по пути наименьшего сопротивления, ведь транскод дарил ему то, чем не баловал реальный мир — яркие краски полёта. Река-под-рекой не требовала от него просиживать штаны на скучных уроках, терять время в очередях, носить галстуки и доказывать своё право быть собой. Терпкий вкус и свежий ветер транскода были словно специи индийской кухни в сравнении с пресной лепёшкой будничной рутины. Но сколько бы серверов чудо-хакер ни вскрыл, всё равно он был вынужден снимать свои крылья при выходе из Сети и не знал, как вынести их с собой через узкую проходную со строгим охранником. Этот парень презирал себя за то, что не может понять, кто из них двоих настоящий — тот, что здесь или тот, что там. Он презирал себя за то, что не может одолеть свою тягу к омутам реки-по-рекой, но с каждым разом нырял всё глубже, доставая почти до самого дна. И однажды он решил уйти в Сеть навсегда, ведь кому нужна эта чёртова бескрылая реальность, если есть мир, где возможно всё, во что найдёшь силы поверить…

Лин затаил дыхание.

— И в тот момент ему было плевать, а точнее, он просто забыл, что у него есть родители, которые его любят, и друзья, которым без него не жить. Эти друзья и вытащили его силком на три дня к себе на дачу, лишив доступа в Сеть. Словно одичавшего зверя, заново приучили его сначала к своему обществу, а потом и к обществу других людей. Показали, что взять за руку того, кто тебе симпатичен — не смертельно…

Глаза Лина посветлели. Признак близкого озарения. Ещё пара фраз — и он поймёт.

— Но главное, они сами поймали его за руку в шаге от пропасти. Не позволили реке-под-рекой поглотить свою добычу, отравленную магией абсолютной возможности. И, в конце концов, они помогли этому парню превратиться в настоящего хакера. Взломать самого себя и стать админом над собственными слабостями. Не прятаться в реке-под-рекой от всего подряд, а нести её энергию в реальный мир. Это сложно — быть

проводником меж мирами, сложно держать тонкий, еле уловимый баланс, идя по канату над пропастью, но иначе просто невозможно. Как там? «Выше нас не пускает жизнь, а ниже мы не умеем». Отказаться от транскода — всё равно что перекрыть себе кислород, и ты это уже понял. Но и слишком долго дышать чистым кислородом — тоже смертельно. И когда я научился держаться на границе двух миров, транскод признал за мной право на истинное имя, которое до того было не больше, чем красивой пустышкой. И я до сих пор не могу простить себе, что сам дважды не успел удержать своих друзей за руку, — сбившись, наконец, на первое лицо, Овер чуть не задохнулся от нахлынувших воспоминаний. — Во-первых, с наркотиками, а во-вторых…

Тонкие пальцы Лина дёргают Кристиана за край плаща, и серебристая ткань мягко искрит.

— Не надо, пап, не мучься. Я понял. Полчаса так полчаса. Засекай время.

Прыжки с оттормаживанием дались Лину легче, чем он предполагал, так что заветных тридцати минут хватило, чтобы отточить технику скольжения не только по воздуху, но и по острым граням высоток, перилам мостов и заброшенным трамвайным рельсам.

— И всё-таки, почему ты выбрал… э-э… именно мою компанию? — проводив запыхавшегося Лина до родной си-сферы, спросил Крис.

Истину, значит… Что ж, папа. Ты рассказал мне о себе-без-прикрас, и мой черёд выдавать симметрию.

— Я хотел взломать сервер. Отомстить Рафаэлю. Прости, пап, — выпалил Лин в лицо Кристиану, и, не дожидаясь ответа, нырнул домой.

Боги Сети.

Закусив губу, Крис взмыл в небо. Нет, отдышаться уже не получится. Разве не то же самое ты планируешь сделать сразу после возвращения на Ладогу, Овер, правда, совсем по другой причине, о которой Лину знать не следует?..

О, только не наделай глупостей, сын. Уж лучше их наделаю я.

Изогнувшись в полёте, Крис описал резкую дугу и, включив невидимость, второй раз за вечер приземлился на крышу с синей подсветкой. Охотник там, наверное, уже радуется, что я ему проспорил, и пусть лучше думает, что это снова из-за Лина…

Мда, Санти. Прокачать защиту сервера «Div-in-E» ты, судя по всему, до сих пор не удосужился. Положился на меня, придя на всё готовенькое. Что ж, убью двух зайцев одним ударом. Разнесу в

клочья чёртову систему семантического кодирования и отомщу тебе за Охотника. А с учётом того, что я планирую устроить тут учебный полигон для юного хакера по имени Лин, убитых зайцев будет целых три.

Крис усмехнулся и еле слышно прошептал своё фирменное:

— Одно другому не мешает, правда?

И, словно в знак согласия, Город-под-рекой дохнул в лицо Кристиану свежим вечерним ветром, слегка взлохматив его тёмные волосы.

Охотник осторожно положил голову Овера на свое плечо и устало прикрыл глаза. Приходится ломать себя, раз за разом уступая вспышке отцовских чувств, чувствуя… Сожаление, что ему не удалось обрести продолжение себя в светловолосом мальчике или девочке-белянке? Грусть оттого, что время сейчас время утекает впустую, как и многие годы до того самого ноября?

Ревность к Лину, который отнимает… Нет, все это лишь мысли. Мысль, даже сформулированная, есть ложь. Проще, Охотник, ближе к поверхности. Ты не привык останавливаться, когда до цели всего один шаг.

До Ладоги совсем немного. Давно они уже без навигатора, но глаза не обманешь. Болота, старицы большой реки — то ли Волхова, то ли Мсты, чахлый березняк. Они уже на подступах к Великой Северной Глуши.

И если я не могу изменить себя, то с этим придётся мириться другим.

Алекс отстегнул ремни безопасности и, взяв лежавшего без чувств Криса, со всеми предосторожностями переместил его назад. Предательски скрипнула кровать, когда хрупкое тело короля коснулось потрёпанного пледа. Но всё это не важно. Пока ты в транскоде, жизнь прибоем бьётся на краю твоего сознания, и лишь изредка ловишь её солёные брызги на губах.

Разорванная на клочки белая разметка дороги районного значения мелькала на скорости, почти сливаясь в сплошную. Давно уже прошли оговорённые полчаса, но Алекс, которого так и подмывало ворваться в реку-под-рекой и надрать задницы обоим сероглазым маньякам, дорвавшимся до жизни, всё-таки держался и выжимал газ. Совсем немного, духи севера… В голове всплыло лицо Овера в ту самую ночь, когда он, Охотник за мечтой, принес ему инфу со взломанного компа и попросился на работу в Дивайн. А ведь условие приёма было до боли простым — три дня без транскода. И, чёрт побери, я это выдержал, даже несмотря на то, что только открыл тогда для себя этот мир без границ, это место, где реально всё. А вот теперь такое условие звучало бы

иначе… И ставил бы его или Господь бог, или демон верхом на месяце:

— Три дня без Овердрайва, — тихо произнес Алекс, щурясь на ленту дороги. — И ты на небе.

В смысле, сдох уже.

Горький смех заполнил замкнутое пространство фургона. Нет, Охотник, от себя не убежишь. Да и надо ли? Смысл жизни дышит за спиной, впереди — короткая, но зато не окольная дорога, а на небо ты всегда успеешь.

* * *

У-у, чёртова истеричка. Я прямо как знала, что ты выкинешь какую-нибудь феерическую глупость, едва дело с продажей твоей квартиры пойдёт на лад. Буквально вчера вечером мне позвонил риэлтор с радостной вестью о том, что нашёл подходящих покупателей, как сегодня в семь утра меня поднимает с кровати звонок из полиции.

— Требуется ваше присутствие на опознании… Нет-нет, это не убийство…

А сразу после того, как твоё обмякшее, переломанное тело покрывает белая простыня, следователь протягивает мне смазанную фотографию пожилого мужчины и спрашивает:

— Вы знаете этого человека?

Снимок — явно стоп-кадр с камеры в подъезде. И, судя по напряжённому молчанию молодого следователя, у него есть ещё один снимок, с камеры на твоём этаже, Олеся. Обознаться невозможно, это пан Лисовский.

Пару секунд Линда хмурит брови, старательно изображая, будто копается в собственной памяти, а на самом деле мучительно пытается сообразить, что будет выгоднее — сдать профессора или притвориться, что впервые видит его? Допустим, сдать. Ну, изловят этого Лиса, и выяснится, что они с Олесей всего лишь мило побеседовали, а уж прыгнула она после его ухода вполне себе добровольно… Или всё-таки не добровольно? На секунду Линда вспомнила, как стремительно ворвался этот безумный учёный в свою лабораторию, яростно раздувая тонкие ноздри и сверкая потемневшими глазами. Жуткий тип. Умудрился связаться со всеми персонажами в этой долбанутой шахматной партии и вышел в дамки, каким-то неведомым способом подставив Рафаэля с кодом наномашин для Президента. А вдруг этот профессор Франкенштейн читает сейчас и её мысли?!

Линда помотала головой, словно пытаясь сбить настройки связи и ускользнуть из-под наблюдения, и торопыга-следователь тут же отреагировал:

— То есть вы его не встречали раньше?

— Нет, не встречала, — решительно произнесла Линда. — Извините, я бы и рада вам помочь, но понимаю во всём произошедшем не больше вашего. Вы, наверное, вышли на меня, решив, что мы близкие подруги, но, увы, я не так хорошо знала Олесю, как хотелось бы… А теперь уже поздно. Прошу меня простить, но я бы покинула это скорбное место как можно скорее.

* * *

Последний поворот, короткая финишная прямая, и они дома. Сколько бы птицу не тянуло в небо, но среди облаков негде дать отдых усталым крыльям, а полёт возможен лишь тогда, когда есть родное гнездо, в которое можно вернуться, чтобы переждать тёмную ночь или затяжной дождь.

Кристиан улыбнулся своим мыслям и привычно повернул голову влево, пытаясь поймать последний блик заходящего солнца на высокой ломаной крыше, едва заметной между стволами сосен. Но блика не было. Крыша исчезла.

Всё ещё не веря своим глазам, Крис убрал ногу с педали газа и по инерции выкатился на широкую лужайку, но сердце не обманешь, а оно впервые за всё это время выдало почти двухсекундную задержку, срывая хакера в тёмную пропасть отчаяния, оказавшуюся сразу за только что пройденной точкой невозврата, имеющей вид разорённого пепелища.

Крис рывком заглушил двигатель и спрыгнул с сиденья прямо на землю. Колени его подвели, и Овер рухнул на высохшую траву перед жалкой кучей балок, почерневших от огня.

Неужели гроза, родная стихия серокрылой птицы, уничтожила последнее, что осталось у него с Охотником?

Словно в бредовом сне, Крис подошёл вплотную к пепелищу и перешагнул через толстое обугленное бревно. Стоит закрыть глаза, затаить дыхание, чтобы не чувствовать запах гари, и можно легко представить, как поднимаешься на крыльцо, скользя пальцами по шершавому дереву узких перил, открываешь дверь, которая отзывалась приветственным скрипом, сколько б её ни смазывали, и заходишь в коридор, а из кухни снова тянет ароматом выпечки за авторством Алекса.

Кристиан открыл глаза, втягивая в себя чуть горчащий на языке воздух. Выныривай, хакер. С возвращением в реальность,

чёрт подери. Плита прямо по курсу, краска на ней обгорела, и больше она никогда не выдаст своего созидательного пламени, ибо была уничтожена неудержимым небесным огнём.

Запрокинув голову в сиренево-зелёное небо с редкими проблесками первых звёзд, Крис обессиленно пошатнулся и машинально выставил перед собой руку, случайно коснувшись полусгоревшего перекрытия, антрацитовая поверхность которого уже покрылась первыми капельками вечерней росы.

Одно дело — уходить, оставляя за собой горящие мосты и разрушенные города, и совсем другое — возвращаться к двери, которой уже не суждено дождаться заветного поворота ключа.

Кое-как дойдя до машины, Крис пролез в фургон и привалился спиной к плечу Алекса. У меня четыре часа, прежде чем ты проснёшься, Охотник, я помню. Или они у тебя, эти четыре часа блаженного неведения, за которые я должен найти хоть какой-то номер в любой из гостиниц Сортавалы… Э, нет. Уютный номер в хорошем отеле. Хватит уже этих хиппятников на обочине. Тебе и так пришлось почти целый месяц терпеть эту кочевую жизнь по моей милости…

Машина завелась только с третьего раза, и то лишь после того, как Крис горько рассмеялся. Молнию в сотню киловольт, значит, получите-распишитесь, а долбаную искру в движке — хрена с два…

Неизвестно, что больше привлекло Кристиана в сортавальском отеле — то ли смешное название «Пийпун Пиха», то ли необычная архитектура, наводившая на смутную мысль о котельной в духе стимпанка.

— Номер на двоих. На… три дня, а дальше будет видно.

Игнорируя без меры любопытные взгляды холёных девушек на ресепшн, Кристиан затащил бесчувственного Алекса в холл и направился к лестнице. Предстоял подъём на третий этаж.

«А может, всё-таки за ноги возьмёшь да моей башкой ступени пересчитаешь?» — вспомнилась Оверу фраза Охотника, которую тот выдал с каким-то полустоном, будучи однажды втянутым под мышки на второй этаж дома. Дома, чёрт возьми, которого у них больше нет.

Уложив Алекса на кровать, Кристиан зашёл в душ. Кое-как помыться и… надо бы прикинуть, что им делать дальше, но сил на это у хакера решительно не хватало, ибо жалкие остатки мощности уходили на то, чтобы удержаться на ногах и удержать себя в руках. Глупый каламбур, но да, шутим, как умеем.

Кран в ванной забулькал, однако вода полилась не сразу, и Крис, приготовившись уже намылить руки, впустую растёр по ладоням чёрную сажу, в которой вымазался на пепелище.

Кончики пальцев невыносимо защипало, из глаз помимо воли брызнули слёзы, и Крис зажмурился, решив, что он схватился там за что-то весьма токсичное, но в следующий миг перед его закрытыми глазами проступила картинка: тёмная богиня, с безумной улыбкой швырнувшая перед собою сгусток огня на глазах у ошеломлённого аргентинца с ноутбуком в руках.

Крис машинально подался вперёд, словно желая как следует рассмотреть гаденькие мысли в головах этих двоих, которые так сильно боялись хозяев Дома, что решились влезть внутрь, только когда они были в отъезде, но пепел, растёртый на руках хакера, больше не делал попыток щипать кожу. Впрочем, всё, что нужно, он смог донести до адресата.

Так и не помывшись, Крис вышел из ванной и рухнул на кровать. Кажется, он что-то ещё хотел обдумать — наверное, то, с каких пор он научился считывать информационное поле предметов, но лёгкая дремота накатила на хакера ласковой волной, а следом за ней на него навалилось ватное одеяло долгожданного сна. Единственное, на что ещё хватило Овера — это повернуться на бок, уткнувшись лбом в тёплое плечо Охотника. Ладно, двух часов сна тебе хватит, киборг? «Два часа», — приняли наномашины шифровку от мозга. Можно с чистой совестью выкидывать будильник. А проснувшись, защекотать Охотника. Давно ведь не практиковал этого, а навык терять нельзя…

Как же ты мне осточертела, зараза… Алекс едва слышно застонал, поворачивая голову и осматривая окрестности из-под дрожащих ресниц. В голове снова, как и много раз до этого, стоял трезвон сорока московских сороков, а плечо, сведённое судорогой, мгновенно брало с места в карьер, чтобы первым выставить счёт хозяину, обогнав ноющие виски и немеющие руки.

Не понял… Дожил, Охотник. Похоже, ещё несколько доз, и тебя придется в психушку сдавать. Алекс крепко зажмурился и снова распахнул глаза. Так-так-так. Нет, психушку рановато, хоть и самый дурацкий вопрос «где я» актуален как никогда.

Но белый потолок вместо крыши фургона, тёсаных брёвен дома или, на худой конец, синего неба и едва уловимый, но стойкий запах гостиничного номера не оставляли ошибочным версиям даже призрачного шанса. Отель. Номер на двоих. Шум воды за маленькой дверцей. И при всём этом слабый ветер из распахнутого окна… Ладожский ветер. Алекс вдруг громко рассмеялся. «Афторр, убейся аб стену». Чёрт побери, вот уж когда вспомнишь это любимое у мамочки, в свое время безнадёжно погрязшей в грехе сетературы и самиздата.

Стихла вода, и из ванны выплыл Крис, целомудренно завернутый в полотенце, как древнеримский император — в тогу. Алекс усилием воли отогнал приличествующие такому положению дел мысли, ибо рвущаяся с языка нецензурная лексика с большим количеством вопросительных знаков явно не обладала эффектом виагры.

— Какого хрена, Овер, мы здесь делаем? — прохрипел Алекс, с трудом приподнимаясь на локте. — Только не рассказывай сказки, ладно? У нас была финишная прямая, когда я вырубился… А ветер с Ладоги от любого другого я отличу на раз.

— Мы? Готовимся ломать сервак, Охотник. По крайней мере я, — как ни в чём не бывало, отозвался Овер, и лишь его глаза полыхнули болью, которую не смогла скрыть даже улыбка заправского маньяка. — Пользуясь случаем, хочу спросить: ты совсем с хакерством завязал или как?

О, это нежно любимое мной синее ладожское пламя. Сейчас выдаст что-нибудь едкое… А может быть, притянет к себе и поцелует. Я бы сказал «одно другому не мешает», но это не твой случай.

— Где ты, там дом, Охотник, — прошептал Крис. Мягкая посадка, и птица прячет голову под рукой Алекса. Лучшее лекарство от боли, на все времена.

Ладно… А если без шуток? Охотник прислушался к сбитому дыханию своего бога. Внутри уже гасла внезапная вспышка злобы, которую быстренько затушил рассудок, и вся мощность быстро ушла в задачу «угадай, что именно Овер имел в виду». Ключевые слова: сервер, хакерство, дом… Да что ж ещё умудрилось случиться, пока я валялся в отключке? Алекс едва слышно скрипнул зубами. А ведь это была последняя доза, раздери её все соединения. Осталась одна в заначке на флаере и… Всё. Остальное только в домике на берегу озера.

— Что за сервер-то? — поинтересовался Охотник, просеяв сквозь пальцы ещё слегка влажные волосы Кристиана.

На лице Овера уже не было и тени улыбки, когда он вскинул голову, чуть не спалив Алекса грозовым разрядом своих тёмных глаз.

— «Div-in-E», Охотник. Всё, что есть у Рафаэля. Линду он… потеряет… чуть позже. За то, что заставил тебя хакнуть «Souls Unite». За то, что он на пару с ней спалил наш дом. Нам некуда возвращаться, Алекс. Прости меня.

* * *

Письмо от отца настигло Лина поздним вечером, когда он рубился в интерактивные шахматы с Кирой. Ну, то есть, как рубился: играть Кира научилась недавно, и пока ещё долго раздумывала над очередным своим ходом.

— Не подсказывай, — шикнула девочка на Лина, который уже было раскрыл рот, чтобы намекнуть ей на возможные варианты развития событий, и безо всякого перехода одарила его хитрой улыбкой.

Лин улыбнулся ей в ответ и переключился на почту.

> 29-JUL-2072
> from: _overdrive_
> to: LinStranger; Hideo_Himitsu
>
> Прежде, чем решить, что папаша Овер чокнулся, парни, постарайтесь вспомнить, когда вас в последний раз называли хакерами, признайтесь себе, что это было чуть ли не в другой жизни, а после этого дочитайте моё письмо до конца, поскольку я приглашаю вас немного развлечься и попутно разнести одну небольшую, но стратегически значимую локацию, содержимое которой способно превратить людей в покорных исполнителей воли Государственной Машины. И чем быстрее мы её разнесём, тем лучше.
>
> Координаты в транскоде: div-in-e.com.
>
> Да, кстати. Я знаю архитектуру этой чёртовой башни лучше, чем вы думаете.

— Э-эй, Лин, ты тут? Что с тобой? — раздался в наушниках у парня встревоженный голос Киры.

«Да ничего особенного, просто папа (!) предлагает мне (!) взломать сервер под его руководством, а поперхнулся я чаем». Так, что ли, ответить тебе, Кира?

— Тут я, Кира, — откликнулся мальчик, переключился на шахматную доску и сделал ход почти не глядя. Если не упустишь мою ошибку, то наверняка выиграешь, радость моя.

А ночью настанет наше с папой время побеждать.

* * *

При всём своём скептическом отношении к разного рода приметам и традициям, в последние годы Георгий Лисовский не изменял одному правилу, которое установил сам себе, когда только устроился на работу в Институт нейрофизиологии. Отмечать день рождения на даче под Прагой. А после всех этих

приключений, в которые его угораздило ввязаться на старости лет, учёного тянуло уехать в Чехию насовсем, забыв Москву-2 как не очень-то страшный, но выматывающий душу и тело сон длиною в пятнадцать долгих зим.

И жарким утром на излёте июля, перед очередным бессмысленно-формальным допросом, Лисовский собрался с духом, продумал схему ментальной атаки на следователя и решительно окатил голову холодной водой, вспомнив, как это делал Кристиан, когда его импланты перегревались от долгой работы в Сети.

Гора, однако ж, сама пришла к Магомету в виде начальника Следственного управления, имевшего вид печальный и растерянный. В коротком разговоре выяснилось, что два дня назад горячо любимая жена начальника попала в аварию, и врачи все как один заявили, что если ей и светит дальнейшая жизнь, то не более чем в состоянии овоща.

— Вы сделаете ей операцию, — даже на грани отчаяния пожилой, измотанный бессонной ночью чиновник не растерял командных ноток в голосе. — И если всё пройдёт успешно, я лично прослежу за тем, чтобы вас оставили в покое.

Лисовский не стал уточнять, что будет, если всё пройдёт неуспешно. И так ясно, что глубже дна не провалишься.

— Когда я могу осмотреть вашу супругу? — уточнил профессор.

— Прямо сейчас, — начальник Следственного управления приглашающе махнул рукой в сторону выхода. — Пройдёмте в мой автомобиль.

Честно сказать, Лисовский ожидал худшего, но голова жены высокопоставленного начальника оказалась разбита не больше, чем бывают разбиты головы других жертв автокатастроф. При взгляде на пожилого чиновника, который мялся в изголовье больничной койки, профессор едва удержался от того, чтобы прочесть его мысли, но решил, что игра не стоит свеч. А потому, переключив своё внимание на главного врача больницы, Лисовский попросил:

— Позовите анестезиолога и дежурную бригаду реанимации. А ещё мне нужно кое-какое оборудование.

— Каковы шансы? — голос чиновника дрожал от плохо скрываемого волнения.

— Шансы, что она не станет растением или не потеряет память? — уточнил Лисовский. — Первого мне удастся избежать почти со стопроцентной вероятностью. Насчёт второго пока ничего обещать не могу, но, — почувствовав на своём затылке

тяжёлый взгляд мужа пострадавшей, профессор добавил, — сделаю всё возможное, чтобы она смогла вспомнить вас, когда очнётся.

* * *

Ночью пепелище, залитое лунным светом, превратилось в чёрную дыру посреди серебрящейся ночной росой прогалины. Алекс, не веривший в произошедшее до последнего, на подгибающихся ногах вышел из машины и сделал несколько нетвёрдых шагов к тому, что когда-то было его Домом.

Ближе… В ноздри ударил запах палёного, убийственно едкий и настолько сильный, что весь остальной мир с его ветром близкой воды, сыростью мшистых валунов и смоляной свежестью ельника канул в небытие. Только сгоревший дотла Дом и Охотник. Один на один.

Алекс опустился на одно колено у края чёрной пропасти. Ладонь коснулась золы — внутри ничего не отозвалось. Он растёр в пальцах давно остывшие угли. Что это было? Кухонный стол? Трюмо в коридоре? Или, быть может, солома, что застилала пол чердака под раскалённой солнцем крышей? Да какое это теперь имеет значение…

По щекам Алекса потекли слёзы. Пустота, царившая в груди, взорвалась яркой вспышкой всего спектра чувств, какие только доступны человеку. Уже не контролируя себя, не пряча искажённое болью лицо, Алекс медленно провел чёрной от сажи ладонью по своим растрёпанным волосам, убирая их с пылающего лба назад, к затылку. Сейчас я стану твоего цвета, Овер. Сейчас я стану этим пепелищем, всего лишь вскрыв истинное положение вещей в своей источенной болью душе. Сейчас я отрекусь от того, что у меня уже отня…

«Но я у тебя останусь навсегда», — голос на краю сознания был воплощением Вселенского спокойствия.

Овер?.. Снова залез в мою голову без спроса, раздери тебя троян?!

«Я не он. Или ты успел забыть, что я тебя жду?»

Жду, жду, жду… Эхо разносило чужой голос по всем закоулкам мозга. Алекс взвыл сквозь стиснутые зубы, запрокидывая голову к полной луне, небесным фонарём висевшей в зените. И Волк, неслышимый для всех, невидимый глазу, вторил ему на одной низкой ноте, заглушая трезвон в ушах и боль в груди.

Я не забыл тебя, Волк. Такое не забывают. Я знаю, что ты

ждёшь меня, ждёшь моей смерти так же, как и некоторые в этом, реальном мире. Они выдирают из моих рук то, что имею, они льют отраву в мои вены, они раздирают тело, чуть ли не зубами рвут на клочья. Но всё равно они гуманней в этой своей бессильной ярости, чем ты, Волк. Призрак, выбравший меня своей жертвой на одном из тысячи ладожских островов. Выбравший только за то, что так похож на тебя, будто мой дух — реинкарнация твоя во второй половине двадцать первого века. Ты молча ждёшь, напоминая о себе изредка… Нет, даже зараза, которая изо дня в день превращает мою жизнь в ад, благородней тебя.

— Подождёшь… ещё, — процедил Охотник, поднимаясь с колен.

Оставив за спиной груды пепла и обгоревший камень фундамента, он вышел на берег Ладоги. Внутри всё умерло. Наивный, ты думал, что терять тебе нечего, кроме пары безделиц да Овера. Ошибся. Это пепелище, оказывается, значило для тебя много больше, чем просто место для сна. Новая жизнь сгорела синим пламенем. Поздно начинать с нуля. Так уж не обессудь, Санти, если я проведу тебя дорогой боли. Лучше б ты там, в лаборатории пана профессора, поддался на мою провокацию и свернул мне шею. Всё было бы не так подло, мерзавец.

Та же скала, снова вытянуться во весь рост… Охотник вспомнил взлом ради денег на обновления наномашин Овера. Всё не так, как тогда. Лето вместо зимы. Пепел вместо ноутбука. Любимая кожаная куртка вместо серебристого плаща. И лишь одно не изменилось. Холод, который сковывает сердце, унося его в пропасть сбившегося к чертям пульса.

Но тогда он шёл извне.

А теперь он внутри.

И ты за это ответишь, Санти.

«Солнце село — Овера подняло». Кажется, так ты говорил мне, Алекс, перед тем, как упасть лицом в подушку при виде своего обожаемого хакера, готового с маниакальной улыбкой сидеть перед экраном ночь напролёт?

Но сегодня ты сам напросился на полуночное рандеву, Охотник. И я не вправе запретить тебе выплеснуть своё безудержное пламя в дело.

— Я выведу видеопоток своего канала на монитор, — сообщил Крис, забравшись в фургон, дверь которого была широко распахнута, открывая вид на пепелище, едва заметное в фиолетовом сумраке близкой ночи. — Когда мы расчистим путь, я дам тебе знак. Так и скажу: жги, Охотник. Двадцати минут тебе

хватит.

Алекс молча кивнул. Компьютера у него уже не было, сгорел вместе с домом, поэтому пришлось все-таки слезть со скалы и устроиться на полу фургона у ног сероглазого короля. У головы, источая слабый медицинский запах, лежали осточертевший уже стерильный пакет и ампула с розовой жидкостью. Последняя. Может, в доме что-то и было, хотя Овер наверняка выгреб все подчистую… Неважно. Сил не осталось. Только тягучая, как патока, смесь злобы, ярости и бесконечной усталости от жизни, которая каждый божий день долбала клювом в темечко, медленно выжигала душу. Не был бы седой — стал бы белым сегодня. Ты прав, Овер, двадцать минут мне хватит. Только один вопрос сначала…

— А Олеся тоже была здесь, когда?..

Крис вздрогнул и медленно помотал головой.

— Олеси не было… По крайней мере, в доме.

Ну и то хлеб. Закрывай глаза, Охотник, и жди. Жди, когда на тебя погонят зверя. Жди, когда взорвут плотины. Жди, когда глаза Овердрайва полыхнут красным, как молния в мезосфере.

Впадай в анабиоз. Держи шприц у исколотой к чертям руки, прижимай холодную иглу к коже. Ты уже наловкался убивать себя так, что сможешь сделать это даже на ощупь, с закрытыми глазами. Кроме этого тебе не нужно будет ничего делать, даже готовиться к очередному акту хакерства. Ты идешь на Санти с голыми руками…

Не надо бояться прослыть дураком и паяцем. Дышать. Ждать. Мстить.

Июльская полночь на Ладоге. Лучшее время и место для взлома, чёрт возьми. Особенно когда в сотне метров от фургончика — сожжённое гнездо, а ты на пару с любимым человеком собираешься выдать виновному такую симметрию, которая по мощности всё равно что синий джет в сравнении с атмосферной молнией.

— Погнали, Охотник. Я люблю тебя.

— И я тебя, — откликнулся Алекс, искренне надеясь, что сероглазая птица всё-таки успела услышать его ответ перед тем, как нырнуть в сверкающий водоворот ночной реки-под-рекой.

Ветер транскода разметал волосы Кристиана по плечам, тонко засвистел в ушах. Взметнув полы серебристого плаща, хакер активировал режим невидимости и взял курс на высотку «Div-in-E».

Хидео и Лин уже ждали его за углом какого-то одноэтажного сайта, выполненного в ванильно-розовых тонах. Лин был в простой чёрной водолазке, но намётанным взглядом Кристиан

выхватил широкий браслет электронных часов на запястье сына и потрёпанную книгу в его руках. Миллион против тарелки супа, что это не домашнее задание по литературе, сын.

Хидео был с головы до ног затянут в чёрную кожу, пересечённую по всем диагоналям серебристыми молниями, большая часть из которых была вполне функциональна и закрывала карманы самой разной формы, заставляя случайного зрителя теряться в догадках насчёт их фактического объёма, равно как и содержимого.

— Лучшего места для маскировки, чем салон дамского белья, трудно и выдумать, — с улыбкой выдал Крис, обдав парочку ветром, принесённым со звёздной высоты на людные улицы Города-под-рекой.

Лин прыснул в кулак. Хидео вернул Кристиану улыбку и ответил:

— Зато мы кажемся настолько забавными, что ни у кого и мысли не возникнет, будто эти два парня, тупящие над подарками своим подругам, способны на дерзкий взлом. Кстати, о взломе. Спасибо за карту этажей, я тут подумал, что мы можем…

— Вот вы где, полуночники! — глас Провидения, раздавшийся с небес, был подозрительно похож на Машкин. Хидео едва заметно поморщился, взлохматив пальцами и без того растрёпанные волосы. Ну, если не можешь победить противника, предложи ему союзничество.

— Маш, мы тут… э-э… — Хидео мельком глянул на Криса, и, дождавшись его кивка, продолжил, — собираемся влезть в один сервер. Видишь ли, на нём запущена программа, которую надо срочно остановить. Это связано с теми наномашинами и форумом на Селигере…

При слове «Селигер» Лина накрыл необъяснимый приступ лёгкой тошноты, и мальчик закинул голову в ночное небо, бездумно уставившись на неоновое безумие рекламных баннеров и пытаясь в очередной раз понять, почему ему так опротивело название ни в чём не повинного озера.

— Ну хорошо, — Маша изобразила тактическое отступление. — А Лина-то зачем было тащить?

— Я сам попросился, — выпалил мальчик.

Ну и ну, боги Сети.

— И папа так сразу согласился? — прищурилась на брата Мария. — Кстати, папуля, ты сейчас где обретаешься? Или надо всё ещё верить в твою Болгарию?

— Мы вернулись на Ладогу, Маша, — тяжело вздохнул Кристиан. Слишком тяжело, чтобы это можно было списать на обычную усталость от долгой дороги.

— Что стряслось? — мигом поймала волну Мария. — И не надо тут про «тебе нельзя волноваться». Выкладывайте всё, что есть, партизаны.

Наверное, у вашего с Хидео ребёнка тоже будут серые глаза. Если не в реальном мире, где правят законы генетики, так хоть здесь, в реке-под-рекой, которая отражает истинный облик человеческой души.

— У каждого из нас свои счёты к Рафаэлю, Маша, — Крис, как всегда, умудрился впихнуть невпихуемое в одну-единственную фразу истины. — А результат должен быть один: завалить сервер «Div-in-E» и уничтожить систему семантического кодирования…

— О, тогда я с вами! — мигом воодушевившись, Мария подскочила в воздух, благо в транскоде она выглядела по-прежнему легковесной и тонкой.

— Не-е-ет! — в один голос возопили Хидео, Кристиан и Лин.

Маша обиженно надула щёки.

— Что, дамам в положении не дозволяется мир спасать? — вопросила она, но ветер реки-под-рекой уже донёс до неё три волны, ни в одной из которых не было снисходительного презрения, а лишь безмерная забота, искренняя любовь и желание не навредить своими затеями как самой Маше, так и будущему сыну, внуку и племяннику.

В транскоде всегда ветер.

— У-у, ладно, сдаюсь, — всплеснула руками Мария. — Но дайте сделать мне хотя бы одну шалость. Я знаю, как быстро выкинуть всех активных юзеров с сервера. Хидео, дождись меня на крыше.

Не дожидаясь приглашения, Маша одним махом одолела десять ступенек до входа, и широкие стеклянные двери разъехались перед стройной девушкой в лёгком платье цвета ванильного мороженого.

Вежливо уточнив у администратора, где находится дамская комната, Мария свернула в боковой коридор.

— Пятиминутная готовность, — раздался в ушах Криса, Хидео и Лина её звонкий голос.

Заперевшись в кабинке, Маша подтянулась на руках и влезла в узкую вентиляционную шахту и зависла в воздушном канале, словно в невесомости. В её руках сами собой появились разноцветные прямоугольные пластинки, которую она по одной сбрасывала через каждые двадцать метров полёта. На пластинках весёленьким шрифтом было написано единственное слово: «Тяпница».

Пролетев всю башню по вертикали, Маша остановилась у

закрытой решётки, ведущей на крышу.

— Хидео, выпусти меня, — прошептала девушка.

Японец бесшумно возник около решётки и черканул тонким лезвием по цепи, закрывающей дверь на выход. Лезвие тускло блеснуло в темноте, на миг отразив всё буйство неоновых огней транскода, и Марии показалось, что тонкая полоска металла растёт прямо из острых костяшек пальцев её мужа.

— Спасибо тебе, родная, — лезвие исчезло, и Хидео нежно обнял Машу. — А теперь лети домой, прошу.

Маша щёлкнула пальцами и залихватски крикнула, обращаясь к высокой синей башне:

— Выходные!!

Внизу Лин с безмерным удивлением наблюдал, как из здания «Div-in-E» с развесёлыми воплями вываливаются случайно зашедшие на сайт юзеры и припозднившиеся на работе сотрудники европейского отделения в обнимку с сотрудниками южноамериканского филиала, у которых рабочий день был в самом разгаре, и на всех лицах без труда можно было прочесть одно желание: бухать и тусить до рассвета.

Когда поток иссяк, Хидео слетел вниз и тихо сообщил товарищам:

— Маша разлогинилась. Камеры теперь показывают психоделические картинки. А для нас путь открыт.

Кристиан первым шагнул под сияющий синим огнём портал входной двери, по привычке втянув носом прохладный кондиционированный воздух. За время правления Рафаэля кофейный аромат почти выветрился из здания. Жаль.

— Нам на тридцать второй этаж, — мотнул головой Крис, направляясь к лестнице. — В лифтах встроена блокировка чужих аккаунтов, так что долетим своими силами.

Где-то на двадцатом вираже у Лина с непривычки начала кружиться голова, и мальчик взял отца за руку. Кажется, только сейчас до парня дошло, во что он ввязался. Хватит ли у него сил?..

— Я верю в тебя, Лин, — шепнул Крис. — И если ты веришь в меня, у нас всё получится.

Тридцать второй этаж встретил хакеров глубоким малиново-фиолетовым сумраком. Стены едва заметно заискрились белым, реагируя на движение, и Лин отпрянул назад, но было уже поздно.

— Активация защитных систем, — возвестил механический голос, и металлическая колонна позади хакеров начала удлиняться, грозя отрезать их от единственного выхода на этаже.

Хидео молнией метнулся вперёд, на ходу создавая длинный прочный шест, который он вогнал враспор между стеной и закрывающимися гермоворотами, изо всех сил пытаясь сдержать их неумолимое движение. Секунда, две, и шест, выгнувшись до предела, с громким хлопком переломился пополам, вылетев на лестницу, а обессиленный Хидео упал на одно колено, и Крис едва успел выдернуть его из закрывающегося проёма.

— Не-ет! — вскрикнул Лин, ударив кулаком в монолитную створку.

Крис закусил губу. Чёрт, как же глупо они попались. А он, выходит, сказал ребятам полуправду, самонадеянно недооценив способности Рафаэля. Сусанин, блин.

— Значит, только вперёд, не идти же теперь назад, — надо же, иногда строки из стихотворений всё-таки остаются в твоей голове, Овер. — Разнесём систему, а потом напишем Маше, чтобы она отключила вас обоих.

— Блин, папа, я уже у себя дома, — выдал Лин. — А Санти с мамой в соседней комнате.

Перекатившись набок, Хидео поднялся на ноги и осмотрел пятиугольную нишу, закрытые наглухо створки которой были похожи на лепестки диафрагмы мощного объектива. Справа на стене находился сканер отпечатков пальцев, единственный зелёный огонёк в этом царстве оттенка волос Линды в её лучшие годы.

Кристиан подошёл ближе к сканеру. Ну что, Овер, завёл парней в ловушку, так изволь хотя бы довести их до заветной цели.

Поймав волну Кристиана, Хидео просовывает острое лезвие между стеной и датчиком, отрывая его от стены, и маленькая коробочка повисает в воздухе на единственном проводке. Тонкие пальцы Криса захватывают датчик, касаясь провода, и хакер закрывает глаза.

— Рафаэль Гарсиа Дуарте, — шепчет Крис, вызывая из базы данных отпечаток пальца Санти, а затем проецирует его на собственный палец. Короткий разряд, и система впервые за всё время своего существования вынуждена работать на вывод, прожигая кожу хакера тонкими лазерными лучами. В воздухе ощутимо запахло палёным, и Крис еле заметно поморщился от боли, но не убрал руку, дожидаясь, пока сканер перенесёт чужой рисунок на его указательный палец.

Через три секунды зелёный огонёк погас, сканер перезагрузился и вновь выразил готовность пропускать авторизованных пользователей.

— Сим-сим, откройся, — мрачно выдал Крис и поднёс свой

многострадальный палец к яркой зелёной точке.

Стальные лепестки диафрагмы втянулись в стену со звуком клинка, убираемого в ножны, и яркий свет резанул хакеров по глазам.

— Это тоже ты придумал, пап? — тихо спросил Лин.

Крис промолчал. Знак согласия, если помнишь поговорку, сын.

Тихо застонав, Хидео надел тёмные очки. Ещё одна ночная птица, которая не выносит режущего света ламп, направленных прямо в лицо.

— Да тут дофига данных, — присмотревшись к ровным рядам полок, смутно напоминавших бесконечную камеру хранения на вокзале, присвистнул японец. — А времени у нас в обрез, потому что Рафаэлю наверняка уже пришло уведомление о том, что он оказался залогиненным на работу во втором часу ночи.

Прикрыв глаза рукой, Крис обернулся на голос.

— Мы сожжём всё к чертям. Надо только впустить того, кто умеет делать это лучше всех. Алекс, готовься. Не знаю как, но мы тебя впустим.

Снова малиновый коридор, хоть фотографии проявляй.

Лин встаёт у гермодвери, касаясь холодной металлической поверхности руками, и что-то шепчет себе под нос. Наклонившись к нему, Хидео слышит тихое:

— Бумага… Тонкий белый лист…

Серая сталь под ладонями мальчика светлеет и перестаёт отражать свет. Секундой позже к Лину присоединяется Хидео, а затем и Кристиан. Металл истончается и гнётся под напором трёх десятков пальцев, одни из которых ещё почти детские, вторые скрывают в себе острые лезвия, а с кончиков третьих срываются яркие белые искры. «Реально всё, во что поверишь». Так пусть будет не «Холод. Твёрдость. Сталь», а «Тепло. Податливость. Бумага»… Ещё мгновение, и картонный лист, в который по воле хакеров превратилась гермодверь, рвётся по диагонали с оглушительным треском, и Лин, не удержавшись на ногах, выпадает в коридор.

— Нарушена целостность системы, — равнодушно возвестил из динамиков тот же механический голос. — Запускаю сканирование…

Из потолка вырвались тонкие алые лучи и начали слепо шарить по пространству коридора. Схватив Лина за шкирку, Крис отскочил назад, за угол.

— Я захожу в офис, Овер, — раздался в наушнике родной голос.

— Стой, Охотник. Остановись, прошу…

— Что там у вас?

Хидео осторожно тронул Кристиана за плечо.

— Я отвлеку эту чёртову систему, — японец сжал кулаки, словно собираясь перед смертельным прыжком. — А ты пойдёшь следом за мной и перехватишь Охотника.

— А Лин?

— Мне есть чем заняться, пап, — спокойный голос мальчика, забившегося в узкую щель рядом с лифтами, неожиданно придал хакерам сил и унял дрожь в пальцах. — Я тут пока с блокировкой разберусь, так что обратно вы сможете подняться в кабине.

— Погнали, — кивнул Крис. — Лин, у тебя десять минут. И прошу, берегись лазеров.

— Фигня вопрос, я такие лифты уже однажды… э-э… — улыбнулся мальчик, открывая книгу, в которой на самом деле был спрятан миниатюрный нетбук. — Пожалуйста, пап, Хидео… Возвращайтесь, ладно?

Как бы не поджимало время в этой чёртовой киберреальности, на объятия его всегда хватит. Иначе всё, что делается по ту ли сторону двойного дна или по эту, напрочь теряет смысл.

Хидео расстёгивает несколько молний на своей куртке, и из карманов выпрастываются на свет тонкие гибкие перепонки, превращая японского хакера в некое подобие летучей мыши.

— Я всё равно быстрей любой системы, — в тёмных глазах Хидео отражаются всполохи лазерных лучей. — А ты, Овер, такой же быстрый, как я.

— Пойду следом и перегружу модуль сканирования, — отозвался Крис.

Хидео коротко кивнул и сорвался с места в полёт.

Предельная концентрация на чёрном силуэте, за которым след в след летит серебристая молния. С невероятной скоростью Хидео лавирует меж багровых лазерных нитей, прошивающих лестницу в псевдорандомных направлениях, и лишь пару раз смертоносные лучи опаляют края перепончатых крыльев японца.

Уловив инфразвуковой гул на подлёте к пятому этажу, Хидео издал странный звук, похожий не то на свист, не то на чаячий крик. «Процесс сканирования запущен отсюда», догадался Кристиан.

Японец вжался в угол под потолком, пропустив Криса в маленькую комнатку. Темнота, хоть глаз выколи, но Оверу не нужно было зрение, чтобы уловить едва заметную вибрацию воздуха и броситься на колени перед металлическим кубом, поставленным на ребро. Металлическим, мать его ети. Говорил же, не экономь на системе сканирования, Санти, закажи

полимерные.

Сорок процентов мощности. Разряд.

Вспышка едва не ослепляет хакера, и даже сквозь сомкнутые веки он видит этот обжигающе ледяной свет под собственными пальцами, едва коснувшимися гладкой грани генератора.

Со звуком зевнувшего великана рабочая частота падает до нуля, и лазерные лучи, коротко мигнув, отключаются на неопределённое время, хочется верить, что насовсем. Путь свободен, и Лин наверху в безопасности.

— Входи, Охотник.

Прохладные ладони смыкаются с горячими пальцами, и лифт приветственно открывает свои двери. Из динамика слышится торжествующий голос Лина:

— Состав проследует без остановок!

От резкого подъёма у хакеров закладывает уши. Я, конечно, всё понимаю, сын, мы торопимся, как никогда, но это не повод вышибать из нас дух, мы всё-таки не в компьютерной игре и чувствуем эту реальность даже острее, чем ту, в которой сейчас болтаются наши тела, поймавшие высокую волну ночной Сети.

Охотник, Овер и Хидео вываливаются в порядком уже надоевший малиновый коридор, и Крис одним прыжком покрывает расстояние до входного сканера. Райский свет бьёт с той стороны сквозь медленно раскрывающееся отверстие, невесомые пылинки байтов парят в воздухе, и тихий голос Овердрайва произносит:

— Хидео, выведи Лина на улицу, прошу тебя. Лин, сразу, как вернёшься, сваливай из квартиры к Маше. А мы тут пока всё разнесём. Жги, Охотник.

Алекс молча нырнул в хранилище, лишь слегка прищурив глаза, и вдруг тихо присвистнул. Да, ёжкин кот, это будет покруче того облака данных в «Souls Unite». Впрочем, ломать не строить.

Раскинув руки, Охотник замер посреди круглого амфитеатра. Силы медленно собирались в привычной точке на три сантиметра ниже основания шеи. Жаль, что Овер этого не видит. Хотя… Почему бы и нет? Тело Охотника начало стремительно приобретать прозрачность, выдавая зрителю картинку слегка размытого человеческого контура, изогнутого от боли, и будто сотканного из тысяч язычков пламени.

Быстрый расчёт мощности. Чёрт побери, до дальних секторов не дотянуться. Охотник, вернув себе привычный облик, рухнул на колени и схватился рукой за грудь. Оттянуть взрыв хоть на пару минут, чтобы найти решение… Потому что даже если использовать весь резерв, положившись на то, что Овер вытащит его отсюда, — это не поможет.

Что же ты, Охотник? Чего медлишь, если знаешь ответ?

Вспыхнуть и выложиться до конца.

Тонкие, удивительно сильные руки обнимают Алекса за плечи, и своей разгорячённой спиной он чувствует частые, но, слава богам Сети, ровные удары пульса сероглазой птицы.

— Бери мои крылья, Охотник. И меня впридачу.

Крис кладёт голову Алексу на плечо, сквозь плечо, проникая в него невесомо и светло, пока они не становятся единым целым, и для боли просто не остаётся места.

— С тебя разряд, Овер, — тихо шепчет Охотник. — И закрой глаза.

— Не боюсь твоего огня, — заглядывая в глаза Алексу, с улыбкой провокатора отвечает Кристиан. — Птица летает высоко и умеет смотреть на солнце.

Три, два…

Разряд.

Короткая искра прошивает грудь Охотника, во сто крат усиливая рвущееся наружу пламя. Под тихий стон светловолосого кодера языки огня выстраиваются в идеальную сферу вокруг ставших одним целым мстителей. Это тебе за всё хорошее, мир.

Сфера на мгновение сжимается, диким жаром опаляя кожу. Сгорают к чертям ресницы, на лбу испарина, но Охотник не отпускает пламя, продолжая выкачивать энергию. Сто десять процентов покрытия, сто двадцать… Лин и Хидео ушли, так что сожжём всё. Получай, Санти.

Крис уже едва успевал генерировать заряд, чтобы отдавать его Охотнику, и в ход у хакера пошла тяжёлая артиллерия. Воспоминания.

Разнесённый в клочья дом ван Эйков. Порванный на байты эмулятор. Аннигиляция «Souls Unite»… «Не доставайся ж ты никому». Да будет так.

— Не боюсь тебя. Заходи, разувайся в сенях,

Хоть убийца ты, хоть мародер, хоть ренегат.

Нет у меня ничего, что бы можно было забрать,

Кроме внутреннего огня, — на первых строчках Овер ещё рычит, затем сходит на шёпот, всем телом чувствуя, как отзывается Алекс на стихи, невесть откуда залетевшие в птичью голову.

Прокусив губу, Кристиан резко выгибается, запрокинув голову и впившись напряжёнными пальцами в свою грудь… или в грудь Охотника? Оверхантера, гибридного существа, каждая клетка тела которого — высокооктановый сплав атмосферного электричества и ядерного пламени. Сверхчеловека, срок жизни которого исчисляется в минутах, но этого времени его создателям

будет достаточно, чтобы с нуля переписать ошибочный код двух миров, даже если они выгорят до нуля и рассеются пеплом по ладожскому берегу.

Огненный шторм уходит во всех трёх кооординатах, сметая на своём пути массивы данных и стены хранилища. Горят ячейки с детскими игрушками, вербными веточками, конфетами, купюрами, горят велосипеды и кожаные чемоданы, сгорают счастливые билеты на поезд, вечно спешащие часы, опаздывающие часы, отпечатки босых ног в песке, прошлогоднее вишнёвое варенье и акварельные краски, пылает чья-то маленькая Венера и чей-то Марс. Даже монолитные перегородки превращаются в жидкий металл…

Алекс обессиленно вцепился в птичьи крылья.

Четыре процента. Во всех смыслах. Вытащи меня отсюда, Овер.

— Всё, Охотник, всё, — Овердрайва бьёт крупная дрожь. Если б не саднило так в груди и не жгло ладони, сравнил бы с оргазмом. — Мы сделали это… Пойдём отсюда, родной.

Птица обнимает своего охотника руками, а потом крыльями, и от этого становится спокойно и тепло. Невесомое тело Алекса поднимается в воздух.

Пойдём, говорил он.

Полетим, Овер.

— Ничего, если я засну? — привычно спрашивает Алекс.

— Ничего, свет мой, — откликается Кристиан, и, подавив болезненный стон, отрывается от зеркального пола. — У меня хватит сил на двоих…

Обратный путь лифт проделал в штатном режиме. Оно и понятно, Лин наверняка уже разлогинился, и некому превращать кабину в стартующую ракету. Ну и отлично. С боевым крещением тебя, юный хакер.

— …ни шагу! Отпущу, когда твой папа починит всё, что сломал.

Стремительным бесшумным движением Крис вскинул руку в сторону, придержав Алекса, и осторожно выглянул из раскрывшейся двери.

— Ничего он тебе не починит! — выкрикнул Лин, пряча за злостью растерянность и страх.

Две тонких фигуры — стройный японец, прикрывающий собою испуганного подростка, и третья — медвежья гора с каким-то гибридом плазменной пушки и пулемёта в руках.

[Любая дверь, Лин. Позади тебя. Падай смело и втяни с собой Хидео. Три, два…]

— Ну, тогда… — прорычал Рафаэль, снимая пушку с предохранителя.

Полсекунды мне хватит, Санти. Всегда хватало.

За спиной Лина проявляется узкая деревянная дверь сожжённого домика на Ладоге, и на её шершавых брёвнах прорастают тонкие живые побеги.

Мальчик откидывается назад, увлекая за собой летучую мышь родом из Токио, и Рафаэль стреляет. Отдача едва не отшвыривает аргентинца назад, и Хидео отчаянно кричит, но плазменный выстрел лишь слегка задел ногу хакера по касательной, и дело ограничится ожогом и коллективными извинениями, если Маша будет снисходительна. Крис бросает остатки сил на пробой короткого пространственного канала, выкидывая сына и зятя на площадь перед офисом. Дальше не потянуть, а, впрочем, этого им вполне хватит для побега.

И прежде чем Крис успевает хоть что-то понять, Алекс вырывается из его рук, вкладывая в прыжок последние проценты своего заряда, и с размаху разворачивает Санти лицом к Оверу, заламывая аргентинцу руки за спину.

[Он твой. Я уже не смогу.]

Острый мысок серебристого шнурованного сапога с размаху вонзается промеж ног Санти. Ещё раз. И ещё, пока Рафаэль не скукливается, уже даже не рыча, а жалобно стоная от боли. И в довершение экзекуции каждый удар сопровождается болезненным разрядом в пару десятков киловольт.

— Больше… тебе… нечем будет… порадовать Линду, — тяжело дыша, выдаёт Кристиан.

Порванные яйца в транскоде — неизлечимая импотенция в реальном мире. И ты знаешь это не хуже меня, Санти.

Оставив аргентинца задыхаться от боли на светлом полированном мраморе в холле корпорации, Крис подхватил Охотника под руки и почти упал вместе с ним в синий слепящий свет на выходе.

— Любая дверь, Охотник. Лишь бы с тобой за руку.

О боги Сети, похоже, это его карма — устраивать эпичные взломы на последней, самой жестокой волне июльской жары.

— Алекс… Кинь меня в воду… Прошу… Если ещё можешь…

Полёт над землёй на руках родного человека и прохладная ладожская волна, обдавшая лицо. Что ещё нужно для счастья?

Опустив едва дышавшего Криса в воду, Алекс уселся рядом, так, чтобы голова хакера лежала на его коленях и прибойная волна не залила ему нос. Опять кровь пошла, Овер…

— Спасибо, свет мой…

Еле слышно тебя, птица, и глаза закрыты, лишь длиннющие

ресницы дрожат, ловя первые лучи рассветного солнца. Странная штука транскод. Такая же странная, как жизнь. Чтобы работать на чтение, особых усилий не требуется — знай себе мотайся туда-сюда по течению да лови восходящие потоки воздуха. Но если вдруг захочешь переписать хоть одну строку, хоть одну букву кода, река-под-рекой вынет из тебя душу, проверяя на прочность, глядя на просвет — чист ли, сможешь ли выдержать её заряд, не сгоришь ли в её огне… И отличие хакера от юзера в том, что у хакера хватит сил идти, раскинув руки, против грозового ветра транскода, а у обычного юзера — не хватит.

— Овер, меня вырубит через минуту, — откинувшись на прибрежные камни, прошептал Охотник. — Люблю тебя, родной…

— И я тебя, — откликнулся то ли Овер, то ли ладожский ветер, то ли оба разом.

* * *

— Что значит «переписала дарственную»?! На кого?! Почему? Отмените это!

Линда тяжело дышала в трубку, но риэлтор и вправду был стреляным воробьём, так что суетливые штормовые волны, поднятые его клиенткой в телефонном эфире, не могли сокрушить каменную стену его спокойствия.

— Олеся Рыкова подарила квартиру Лину Веберу, и данное действие невозможно отменить. Химический анализ отпечатка пальца показывает, что даритель действовал добровольно и находился в здравом уме, хотя по неизвестной причине и пребывал в расстроенных чувствах. Вы говорили, что она покончила с собой, Линда? А ещё, помнится, вы утверждали, что Олеся весьма дружна с вами. Простите, но в таком случае её мотивы вам должны быть известны лучше, чем мне.

Раздражённо швырнув телефонную трубку на диван, Линда распахнула дверь своей комнаты, пулей вылетев в коридор.

— Рафаэ-эль! — заорала она на всю квартиру.

Отлично. Тут дело всей жизни решается, а он засел на кухне и провалился в транскод, упав мордой в миску с фруктами. Ладно, сама всё решу. На что я, собственно, надеялась с тобою, Санти?..

Дверь в комнату Лина была заперта изнутри, но мать была в такой ярости, что со всей силы долбанула ногой в замок, и хлипкий шпингалет по ту сторону сорвало с гвоздя.

Окно над кроватью пацана вновь было широко распахнуто.

Лина и след простыл. Только на стене яркой, светящейся в темноте краской было накарябано:

«Прибыла к народу банда из транскода,
В банде были наши хакера,
Поломала банда к чёрту планы Санти,
А потом гуляла до утра».

Ах ты, маленький наглый бунтарь.

Вернувшись на кухню, Линда что есть сил начала трясти Рафаэля.

— Просыпайся ты уже, чмо! Квартира из-под носа ушла, а он и не чешется!

Рафаэль застонал и скатился с дивана на пол.

— Не бей меня, — взмолился аргентинец.

Дожили, Санти. Это ты мне?

— Овер, хватит… — схватившись за промежность, выдохнул Рафаэль.

Опа. Эпический батл в транскоде? И чего стоит твоя гора мышц, Санти, если нет силы воли нанести удар?

Рафаэль вскинул голову с налитыми кровью тёмными глазами.

— Квартира, бляха-муха… Да мне сервак только что разнесли эти двое… и сын твой, сучка!

Датчик, настроенный у Линды на чужую обсценную лексику, прямо-таки разрывается от звона, и тёмная богиня залепляет аргентинцу оглушительную пощёчину.

Вопреки её ожиданиям, Рафаэль не бросается на неё с кулаками и даже не вскакивает с дивана.

— Мне кажется, я стал понимать Кристиана, — странным, обесцвеченным тоном признался аргентинец. — Прости, я перебил тебя, а ведь ты собиралась сказать, что такой грязноротый мужик недостоин даже подойти к тебе ближе, чем на пять метров, не то, что спать с тобой в одной постели. И я вроде как должен устыдиться и упасть перед тобой на колени, умоляя богиню о пощаде. Но мне уже начала надоедать эта игра, а ведь мы с тобой прожили вдвоём лишь один год. Будь я Овером, сдох бы от сердечного приступа году этак на пятом совместной жизни…

— Да что ты вообще об этом знаешь?! — взвилась Линда, но воспоминания уже накрыли её широкой волной, оставив от бессильной ярости лишь жалкий пшик.

Застывшие, расширенные до предела зрачки в тёмно-серой радужке с нулевым зарядом. Короткий выдох, сорвавшийся с

тонких побледневших губ хакера, падающего в никуда.

«Я… вас… люблю».

Развернувшись на пятках, Линда стремительно убежала обратно в комнату и бросилась на кровать, впившись зубами в подушку.

Ты так долго лгала всему миру и самой себе, Иштар. Ловила Кристиана с поличным на каждой его мало-мальской ошибке, чтобы доказать, будто ты — луч истины, а он — тот, кто стоит в сумраке под фонарём. Хрена с два. Овердрайв — это чистый разряд в тысячу киловольт, виноватый лишь в том, что подошёл слишком близко и, сам того не желая, лишь сильнее сгустил тени в душе богини своим запредельным светом.

— Прости… меня, Крис, — давясь горькими рыданиями, прошептала Линда в подушку, безразлично принявшую в себя её солёные слёзы, зелёные сопли и тягучие слюни.

* * *

Говорят, что в Питер едут по любви. Бросив взгляд на Лина с Кирой, выходящих из первой утренней «Пустельги» рука об руку, а потом, случайно поймав на себе тёплый взгляд искрящихся синих глаз Охотника, Кристиан в очередной раз убедился в том, что так оно и есть. Это — истина.

— Ну что, птенцы столичного гнезда, — улыбнувшись, выдал Крис, — вы в шаге от того, чтобы сменить московскую прописку на питерскую. Поехали смотреть квартиру, нас там уже ждут.

Пожилая хозяйка небольшой «однушки» на Лиговке так сильно упирала на прекрасный вид в сторону Обводного канала, равно как и на шаговую (в буквальном смысле) доступность одноимённой станции метро, что Крис простил ей облупившийся потолок, обои в пёстрый деревенский цветочек, запах кошек и барахлящую сантехнику. Всё равно для новых жильцов нужно ремонт делать.

— Как здорово, что вы на моего сына в этом вашем энтернете вышли, — обрадовалась женщина. — Он-то сам в Москве, с женой, у них недавно дочка родилась, так что я уже бабушкой к ним перееду, ох, годы-то летят, ну, да ничего… Дай вам бог счастья на новом месте, ребятки.

Через полчаса в квартиру явился свежеиспечённый папаша с юристом под мышкой, и договор был заключён в тот же день.

— Пап, мы осваивать город, — едва оказвашись на улице, Лин изловил попутный ветер своими давно не стриженными волосами и вопросительно посмотрел на Криса.

— Будьте осторожней и не пропустите обратный поезд, — откликнулся Овер. — Мы придём вас проводить.

Ни тебе «ох, незнакомый город полон опасностей, а вы всё ещё дети», ни тебе «к восьми чтоб был дома». Спасибо, что веришь в меня, папа. Это — лучшая гарантия того, что со мной и Кирой не случится ничего плохого.

Кристиан всё-таки проводил юную парочку до поворота, а потом задумчиво развернулся к Охотнику.

— У нас, кажется, ещё одно дело не закончено, — вскинув тонкую бровь, произнёс хакер.

Алекс коротко кивнул.

«Ещё одно дело» подразумевало закупку очередной партии анальгетика в Военно-медицинской академии имени Кирова. Крис никогда не влезал слишком глубоко в эту часть жизни Алекса, а после того, как Охотник однажды вкатил ему свою «мёртвую воду» там, на берегу Ладоги, Овер и вовсе установил себе блокировку на любые мысли по поводу этой больной в прямом и переносном смысле темы. Так что, отправив Алекса на «шопинг», Кристиан прислонился спиной к обшарпанной бледно-жёлтой стене подворотни, выбил из помятой пачки предпоследнюю сигарету и от души затянулся.

Сегодня ещё один его птенец приготовился вить собственное гнездо. И за это стоило кое-кого от души поблагодарить.

[Георгий, вы на связи?]

Готические шпили, статуи святых на мосту, в воздухе — аромат выпечки с корицей и лёгкая нотка речной тины.

[О, Кристиан. Привет тебе из Праги.]

Лисовский смеётся и щурится на солнце, прекрасно зная, что Кристиан сейчас ловит блики в глазах, будто в дождливом Питере тоже на миг стало ясно.

[Какими ветрами, профессор?]

[Скажем так, короли тоже люди. А значит, они болеют. И готовы заплатить что угодно за чудесное исцеление. Короче говоря, я кое-кого удачно подлатал, получил за это свободу и вышел на пенсию в любимом городе. А вы с Алексом как? И сын твой, кстати, тоже?]

[Да вот, только сегодня закончили эпопею с квартирой. Лин с Кирой влюбились в Питер, и мы вышли на обмен с доплатой от продавца. Спасибо вам, Георгий. Без вас бы фиг…]

[Ладно уж вам, хакеры. На новоселье пригласите. А, кстати, если что, приезжайте пока в Прагу. Хоть на три дня. Я вот думаю, не стать ли экскурсоводом, так хоть на вас потренируюсь.]

Лисовский снова хохотнул, и Крис улыбнулся в ответ.

Куда подевался тот задёрганный учёный с безумным

взглядом?

Навеное, когда человек дома, он становится самим собой. Будь этот дом хоть на другом конце земного шара. Вот и весь секрет.

А где твоё гнездо, птица по имени Овердрайв?

Последняя затяжка до самого фильтра, и окурок летит в урну. Тяжёлая дверь Академии со скрипом открывается, нехотя выпуская Алекса, и Кристиан рывком дёргает массивную створку на себя, помогая Охотнику вырваться на свободу.

— Полегче, киборг, — насмешничает Алекс. — Руку мне не оторви заодно.

Не проведёшь меня, Охотник. Что-то там у тебя случилось такое, от чего на самом дне твоих синих глаз капелькой ладожской воды застыла тихая печаль.

Кристиан мягко, но настойчиво притянул к себе Алекса, прижимаясь губами сначала к зажмуренному правому глазу, затем к левому. Лёгкий поцелуй в ямочку на подбородке — контрольный.

— Поехали в Прагу, Охотник. Я знаю, ты давно хотел. Когда, если не сейчас?

Август 2072

После благополучного решения жилищного вопроса Лин вернулся в квартиру матери лишь однажды, да и то в сопровождении Кристиана и Хидео, которые помогли мальчику собрать свои нехитрые пожитки. По счастливой случайности (а может, по точному расчёту) хакеры не застали в квартире Рафаэля, которого к тому времени затаскали по допросам, пытаясь выяснить, не сам ли он организовал эту дурацкую атаку на собственный сервер, чтобы выставить себя невинной жертвой дерзких взломщиков и тем объяснить свою несостоятельность в деле исполнения государственного заказа.

Когда в широком проёме входной двери, предупредительно распахнутой японцем, показалась коляска с Лином, темноликая богиня торжествующе вскинула голову, готовясь с неприступным видом выслушать извинения от сына. Когда следом за ним в прихожую проскользнул сам Хидео, Линда чуть отредактировала свою маску, сменив неприступность на холодную вежливость. Но появление Кристиана, который привычным движением скинул лёгкую куртку на вешалку, а потом с едва заметной улыбкой победителя взглянул Линде в глаза, пробило все её защиты одним сокрушительным ударом.

— Ты-ы?! — задохнулась хозяйка квартиры.

— Я, — подтвердил Крис. — Не беспокойся, через десять минут мы уйдём.

[Останься, Кристиан.]

Лёгким, неуловимым движением Крис огибает богиню и устремляется на кухню, достаёт с верхней полки кухонного шкафчика свою старую кружку и наливает туда воду из чайника.

[Зачем?]

— Не торопитесь. До вечера никто… ээ… не придёт, — да что ж такое, этот хакер с глазами цвета магнитов в электрогенераторах ещё даже не начал атаку, а ты уже сдаёшься, Иштар. — Ну что, как твои дела?

[Останься со мной по-хорошему, иначе мне придётся вывести полицию на твой след.]

— Тебе что, и правда интересно? — прищурился Крис.

[Ох, Линда, блефуешь. Быстро же ты забыла про лабораторию Лисовского.]

— Ну, не хочешь рассказывать о себе [и Алексе], так хоть про Лина скажи, а то от него ни слова не дождёшься…

[Ну, и кто виноват в том, что с тобой он ничем не хочет делиться?]

— В сентябре Лин с Кирой переезжают в Питер, если тебе интересно, — обращаясь не то к вышитым занавескам, не то к заоконной Москве, рассказывает Крис. — Ах, наверное, зря я об этом. Тебе же наплевать. Хоть в Шахунью. Теперь никто не помешает вам с Рафаэлем трахаться в полную силу.

[Какого хрена ты сначала…?!]

— Какого хрена ты сначала бросил меня, Крис, а теперь лезешь в мою жизнь?!

— Не знаю, Линда, — улыбка Криса стала откровенно недоброй. — Наверное, затем же, что и ты одёргивала меня, когда я смеялся при гостях слишком громко, шикала на меня, если я говорил на людях что-то, по-твоему, неподходящее, душу вынимала, если я позволял себе сходить на работу в простой помятой футболке. Как же, что подумают лю-ю-юди… А что твой сын думает и чувствует каждый раз, когда слышит ваши стоны, тебе вдруг стало абсолютно по барабану?

Чёртово зеркало. Вот за что я злюсь на тебя, Крис, вот за что я боюсь тебя. За эту идеальную симметрию, которую ты умудряешься выдать каждому, кто рискнёт поглядеться в твои штормовые глаза и встретиться с собственным отражением.

— Ты поругаться, что ли, приехал? — в ход идёт контрольный удар богини. Хитрая ловушка: скажешь правдивое «нет» — получишь ответ: «так нахрена ругаешься?». Соврёшь и скажешь «да», нарвёшься на логичное: «ты мучитель и психопат, а я невинная жертва».

— Я свой старый комп забрать приехал, — пожав плечами, Крис развернулся к выходу. — О, печеньки. Мы захватим в дорогу, можно? Спасибо, что купила.

Линда поджала губы, втянув в себя воздух с лёгкой цитрусовой ноткой, которую она так тщательно старалась вычеркнуть из мелодии своей жизни. Засадить бы скальпелем в эту гибкую костлявую спину, прямо под лопатку, сделать широкий надрез и влезть внутрь, сжав пальцами сердце серокрылой птицы — просто, чтобы проверить, не из титана ли оно…

Словно почувствовав тёмную мысль богини, Крис остановился в коридоре, который насквозь простреливался закатным солнцем из окон кухни, и медленно обернулся. Зрачки хакера сузились от света, и в радужке полыхнул короткий разряд.

— Тогда на какого чёрта ты отвезла меня в больницу, Иштар? Почему не дала мне сдохнуть?

[Потому что я всё ещё люблю тебя, Овердрайв. И всё, что я делаю сейчас — это пытаюсь уничтожить свою любовь к тебе.]

— Удачи, Крис, — Линда потупила взгляд. — И… прости

меня. Напиши потом, как там Лин устроится, ладно?

Короткий кивок. Пара поседевших прядей упала на высокий лоб Кристиана.

— Напишу. Обещаю. До связи, Линда.

* * *

«Скромная» дача под Прагой на поверку оказалась впечатляющим особняком в стиле модерн, спрятанным в зарослях цветущих рододендронов. Сам Лисовский к удивлению Алекса органично вписался в этот уголок рая, и непонятно было, куда исчез стальной человек со сверхчувствительными пальцами и репутацией учёного лёгкой степени сумасшествия. Впрочем, об этом Алекс вспоминал в последнюю очередь, если вспоминал вообще. Профессор искрился радостью, не умолкая, рассказывал истории из жизни, тонко шутил над в ноль утопавшимся по узким улицам Вышеграда Крисом, которому по вкусу был полёт, а не пешие экскурсии.

Насыщенный впечатлениями день плавно перетёк в вечер. В небольшом зале, стены которого до потолка были зашиты резными дубовыми панелями, горели настоящие свечи, погружая в тёплые коричневые тени лица всех троих, сидевших полукругом вокруг стеклянного стола на витых кованых ногах — единственного элемента псевдохайтека во всём доме. Алекс прикрыл глаза, переключая мозг на остальные чувства. Мягкость бархата под ладонью. Сладкое послевкусие бехеровки на языке. Аромат мирры и ладана в лёгких. Ты бог, пан Лисовский. А если нет, то явно побывал в командировке в раю и взял оттуда лучшее.

— Это случилось в квартале Йозефов, самом еврейском районе Праги, — начал профессор новую историю, загадочно щуря глаза на дрожащие огоньки свечей.

«Или голем, или Кафка», — решил Алекс, вслушиваясь в тихий голос профессора. И скорее голем, судя по театральной паузе. Надо было отдать должное пану Лисовскому — в неформальном общении он сиял как жемчужина среди невзрачных песчинок. В этот сумасшедший век высоких технологий и транскода такого жемчуга уже вряд ли хватило бы на нитку бус.

Но рассказать историю пан не успел. Звук входящего сообщения подбил его на вдохе. Кристиан метнулся к листку планшета, лежавшему на столике.

— Лин. Простите, профессор, мне нужно… — выдохнул хакер.

— Мой кабинет в твоем распоряжении, — откликнулся пан и мягко улыбнулся. — Дети — это святое.

Крис бросил взгляд на Алекса, блаженно развалившегося в кресле. Нет, ты меня не обманешь, солнце. У тебя опять дрожит правое плечо.

[Я скоро, Охотник. Полчаса.]

Когда за Крисом закрылась дверь в зал, на сидевших обрушилась тишина. Нет, Овер не создавал шум. Он наполнял пустоту смыслом, своей энергетикой превращая каждую истёкшую секунду в событие вселенского масштаба.

— У нас часа два, профессор, — приглушённый бархатный голос Алекса первым разрушил чары безнадежного вакуума. — Раньше Овера можно не ждать.

Лисовский на едва уловимый миг стал прежним, с холодным интересом глянув на своего гостя. Шальная мысль нетрадиционным способом узнать, что задумал этот кодер, просто прочитав мысли в его голове с серебристым всполохом седых волос, возникла и тут же пропала. Лисовский мысленно хмыкнул. Обещал ведь, что тот телепатический контакт, когда он, профессор, пытался понять запутанную змеиным клубком историю взаимоотношений Олеся-Алекс, будет первым и последним.

— Ничего смешного я ещё не сказал, — заметил Алекс.

Профессор удивленно присвистнул. Овер на тебя, что ли, плохо влияет, что ты мои мысли читать можешь?

— По глазам понял.

Алекс вынырнул из объятий кресла. Лисовский по старой привычке ловить прежде всего невербальное, а уж потом искать второе дно в словах, окинул стоявшего беглым взглядом.

Вконец исхудавший Алекс, днём уплетавший за двоих в кафешке на Староместской, смотрел ему прямо в глаза. С трудом увернувшись от синего огня, профессор заметил плечо, сведённое судорогой, и напряжение в руках, будто Охотник готовился к прыжку.

— Говори, чего хочешь.

Выстрел мимо. К такому вопросу кодер был готов.

— Чтобы вы убрали с моей головы свои импланты… И поговорить, — Охотник тряхнул головой. — Я просто уверен, что даже здесь у вас есть лаборатория.

Лаборатория действительно нашлась в подвале особняка и была не чета московской. Ложась на операционный стол, Алекс мельком подумал, что попадать в руки Лисовского под слепящим светом медицинских ламп становится нехорошей традицией. Но сейчас он шёл на это по собственной воле.

— Так сильно мешают? — спросил Лисовский, гремя инструментом за границами видимости.

[О чем поговорить хотел, Алекс? Даже и ежу понятно, что это лишь предлог.]

— Ноют к перемене погоды, как старый ревматизм, — отшутился Охотник, с трудом деля концентрацию между мысленным и реальным диалогом. А ещё ж операция, чёрт ее подери.

[Ну не совсем предлог, профессор. Я до сих пор не верю, что охота на Овера кончилась. А я с вашими имплантами — ходячее доказательство близких контактов Криса и вас. Но я хотел поговорить не об этом…]

Холодные пальцы легли на плечи.

— Мне придётся зафиксировать тебя, — голос профессора дрожью отозвался в теле. — И шею… в первую очередь.

[И о чём же? Не тяни кота за хвост, Охотник. Если сюда ворвётся Овер, то я стану кучкой пепла прежде, чем услышу его коронное «какого хрена…».]

— Валяйте, пан. Я сам на это согласился.

Ремни снова, в третий уже раз за последние два года, притянули Охотника к операционному столу. Руки Лисовского осторожно повернули его голову набок и одним неуловимым движением перекинули последний фиксатор через шею, но даже этот краткий миг сбил Алексу дыхание. Он с трудом подавил в себе инстинкт и попытался отвлечься. Ладно, допустим, что это не фиксатор, а объятия Овера… Хорошо хоть мыслям кислород раз в несколько секунд не нужен.

[О дарственной Олеси. Почему она изменила решение?]

— Анестезию делать? Когда анальгетик вкатывал последний раз? — спросил Лисовский, игнорируя мысленный вопрос.

[Эй, профессор, хорош притворяться ангелом. Вы забирали у неё эту бумагу, вы и знать должны.]

— Давно, выветрился уже. И вообще, анальгетик — это отдельная тема. А ещё бехеровкой ты меня напоил, пан, — Алекс скосил глаза и, насколько позволяло перехваченное горло, перекривлял профессора. — Ровно столько, чтоб не свихнулся…

— Запомнил всё-таки, — в голосе Лисовского зазвучала неприкрытая горечь. — Прости, Алекс. Сделаю местную сейчас.

[А насчёт дарственной… Чем ты недоволен? Квартира ушла Лину, как ты и хотел. Олеся осталась с носом. Эта… как её там… Линда? Так она тоже зря губу раскатала. А если ты отблагодарить меня хочешь, то не стоит. Я лишь восстановил баланс.]

Алекс замер. Физическое ощущение беспомощности, даже погашенное анестезией, грозило вот-вот перехватить управление

в голове и ввергнуть сознание в хаос. Наверно, Лисовский это почувствовал, потому что вдруг заговорил снова, копируя интонации Овердрайва, когда тот держал в тонких руках стонущего от боли Охотника.

[Выкинь всё это из головы, Алекс. Вся эта история в прошлом. Или тебе скучно жить спокойно?]

[Мне не скучно, профессор. Каждый день как обухом по голове. У меня ещё один вопрос к вам… как к специалисту. Сколько мне ещё осталось?]

Лисовский зашёлся в кашле. Но руки, жившие сейчас почти что отдельной жизнью, к счастью, лишь едва дрогнули. Капля крови обожгла Охотнику шею.

[Если будешь задавать такие вопросы в ответственные моменты операций, то очень мало. И какого лешего, Охотник? Живи и радуйся. Ты теперь вместо Олеси что ли?]

Алекс скосил глаз на напряжённое лицо Лисовского, нависшее над его многострадальной головой. Так-так-так, выдёргиваем ключевое слово…

[Вместо? А почему она больше не задаёт такого вопроса?]

[Она вообще больше не задает вопросов.]

В голове Лисовского мгновенно всплыло подножье небоскрёба «Город Столиц», изувеченное тело Олеси, спрыгнувшей с чёрт знает какого этажа, панический ужас сразу вслед за осознанием этого простого факта небытия…

— Что-о-о?! — Алекс заорал на всю лабораторию и попытался вырваться из захвата фиксирующих ремней. — Почему… мне никто… не сказал? Ты её толкнул что ли?!

— Нет, Алекс, клянусь, — голос Лисовского зазвенел на недоступной высоте отчаяния. — Я задал ей те же вопросы, что и тебе тогда. И показал ей твою боль. Всё. Больше ничего не было.

Чувствовать другого — так до конца. Не по вкусу тебе, пан, искренняя ярость, слёзы бессилия, нерациональная тоска по той, что отравила жизнь? Лисовский, накрываемый разноцветными волнами эмоций Охотника, извлёк, наконец, импланты собственного изобретения. То ли поставили они их криво в своё время, то ли прижились неправильно… Только снова на воротнике белой рубашки россыпь алых пятен. «Кристиан меня убьёт за это», — дурацкая мысль вертелась в мозгах пана, пока он носился по лаборатории, готовя новую инъекцию анестезии.

— Не убьёт, — прошептал Алекс. — Но я не хотел ей смерти… Это нечестно. У меня был Овер, который вытащил с того света… А у неё никого, никого рядом…

Лисовский молча пытался унять кровь, с едва заметными толчками пульса покидавшую рану, которая раньше была портом

импланта.

[Тише, Охотник. Ей повезло меньше… Не оказалось никого, кто схватил бы за руку. Но если б она в своей время тебя не оттолкнула, то ты бы спас её ещё лет двадцать назад… А что до твоего вопроса… Я два года назад сказал Олесе, что даю тебе полгода. Как видишь, я не господь бог, я ошибся. Пока тебе есть ради кого жить, я буду ошибаться и дальше.]

[Всё держится на Овердрайве. Похоже даже само мироздание, пан профессор.]

Щелчки размыкаемых фиксаторов. И, по закону подлости, последним слетел тот, что на шее. Алекс приподнялся на локте, с трудом поводя в стороны затёкшими плечами. В груди появилось жжение — зараза, почуяв медвежье мясо и молоко буйволиц, торопилась на пир. А, нахрен все это. Узнал в разы больше, чем собирался. Но, Олеся, боги сети, зачем ты это сделала? Впрочем, я тебя скоро догоню, чутьё не обманешь. И будет ли Овер в этот раз рядом — ещё большой вопрос…

— Что ты задумал, Алекс? — заглянул в глаза седому кодеру Лисовский. В расширенных зрачках эхом отозвалась боль.

— Ничего, пан Лисовский, — выдавил из себя Алекс. — Вы правы. Я жив, пока со мной Овердрайв и его крылья. Одному не летать… Да и не нужно, нахлебался уже одиночества. Я пойду к нему, час уже прошёл… И спасибо вам за всё. Может, ещё свидимся.

Прибравшись в лаборатории, Лисовский поднялся в гостиную. Комната была пуста, хоть кресла всё ещё таили тепло серокрылой птицы, белого волка и… Кто ты тогда, пан? Не знаешь. Когда определился с образом, жить легче. Залпом опрокинув стопку бехеровки, профессор поднялся в свой рабочий кабинет. Давно он уже научился управлять собственными мыслями, давно перестал брать на себя вину за то, на что лишь косвенно повлиял. Олеся — не на его совести. Это уж точно. Лишь одну вину такой тяжести можно взвалить на плечи, и хватит того Человека, что потерял много лет назад…

Птица полулежала на диване в дальнем углу кабинета. Волк устроился у её ног, положив на её крыло свою лохматую седую голову. Один в транскоде, другой в стране безмятежной и бессознательной сини.

Но всё равно вместе.

* * *

— Они не верят мне, Линда, — Рафаэль в отчаянии метался

по кухне, как незадолго до того метался по этажам своей фирмы, пытаясь восстановить хоть малую часть базы данных, не говоря уж о самой системе семантического кодирования, но после адского огня, оплавившего даже стены, в виртуальном зале ничего не осталось. — Сначала думали, что я сговорился с Кристианом, чтобы он изобразил взлом и помог мне расплеваться с этой секретной мутью. Не могу же я им сказать, что и сам пришёл на готовенькое с этой программой, верно? Вот был бы номер… А вдобавок ко всему зараза Лисовский что-то там нахимичил с наномашинами и остался в стороне, а все стрелки перевёл на меня, потому что изначально кодировал их для Президента лично я. И хрен докажешь, что…

Обречённо махнув рукой, Санти умолк и сверзился в кресло.

Линда с трудом подавила вздох. Ну, а от меня-то ты чего хочешь, Рафаэль? Чтобы я снова тянула тебя за шиворот из того омута, в котором ты, вроде-как-руководитель-кучи-айтишников, должен ориентироваться на порядок лучше меня?

— Знаешь, Санти, — с плохо скрываемым раздражением бросила Линда. — Может, Крис и не умел так красиво трепать на презентациях языком, как ты, но он хотя бы как следует продумывал всё, что касалось работы.

Рафаэль вскинулся с места, как ужаленный.

— Я тебя… просил… никогда не сравнивать меня и… его, — выдохнул аргентинец, непроизвольно сжав кулаки.

Вздрогнув, Линда вжалась в стену и отвела взгляд. Без сравнений, так без сравнений, Санти, но даже Криса в крайне редкие дни его срывов я боялась меньше, чем тебя сейчас, ибо знала, что Овер может разнести полквартиры, если уж его накрыло, но даже за гранью ярости он не позволит себе ударить меня. А вот насчёт тебя, мистер кофейная гуща, я ни в чём не могу быть уверена.

Словно прочитав мысли Линды, Рафаэль разжал кулаки и осторожно коснулся вздрагивающих плеч богини своими широкими ладонями.

— Ну прости меня, Линда, прости, — настойчивый поцелуй Санти не оставлял женщине другого выбора, кроме как ответить на его ласки. — Я люблю тебя, дорогая… Просто не оставляй меня одного, ладно? Помоги мне немного…

Приобняв Линду за талию, Рафаэль бережно завалил её на кухонный диван. Из огня да в полымя, Иштар. Тебя раздражало, что Крис редко домогается тебя и долго разгоняется, ну так получи это первобытное «здесь и сейчас» безо всякого перехода от агрессии к любви. Воистину, правы были психоаналитики, утверждавшие, что инстинкт жизни и инстинкт смерти — суть две

стороны одной медали.

Рывком задрав юбку Линды, Рафаэль приспустил собственные брюки и приготовился действовать. Зажмурившись, Линда начала спешно перебирать в памяти яркие картинки с постановочных фотосессий, чтобы хоть как-то завести себя, поэтому она не сразу поняла, что старт откладывается. Открыв глаза, женщина с удивлением отметила, что на лице Рафаэля нет и тени прежней решимости, а одно лишь тревожное замешательство. «Чёрт, наверное у меня критические дни раньше срока пришли, а я и не заметила», — в панике подумала Линда. Ну вот, уже и думать начала, как Овер, априори считающий виноватым себя, что бы там не стряслось…

Рафаэль, однако ж, стремительным движением застегнул брюки и выбежал из кухни. Линда машинально прислушалась к странным звукам, доносящимся из ванной, пока с искренним изумлением не поняла, что впервые слышит приглушённые рыдания Рафаэля.

О-о, Хьюстон, у нас проблемы.

Через минуту в ванной зашумела вода, а потом Рафаэль вырвался на свободу и взял курс на входную дверь, бросив богине короткое:

— Я пойду… прогуляюсь немного.

Линда сделала попытку ободряюще коснуться широкого плеча аргентинца, но он так стремительно выбежал на площадку, что жест поддержки повис в воздухе, сам собой превратившись в жест прощания, когда Линда наконец опустила свою руку, протянутую вслед Рафаэлю.

Когда Санти вернулся со своего вечернего променада, на столе его ждала тарелка супа и целая горка пирогов — знак того, что богиня по-прежнему благосклонна к нему. Возблагодарив Линду за терпение и понимание, Рафаэль умял пирожки, а потом отправился в рабочий кабинет Кристиана. Повод — поискать в недрах комода дополнительный жёсткий диск. Причина — до сих пор не выветрившийся аромат свежего морского ветра и лимона. В этом запахе не в пример лучше думалось, как добраться до Овердрайва и заставить его восстановить программу, которую Санти уже давно привык считать собственной разработкой.

Я недооценил тебя, Крис. Расслабился после уверений Линды в том, что ты весь из себя такой беглец, и напрочь забыл, что ты уходишь лишь затем, чтобы набрать заряд, вернуться и вынести противника одним коротким, точным ударом. И ведь знаешь же, чёртов хакер, куда бить.

Нырнув в транскод, Рафаэль зашёл в частный кабинет к

знакомому врачу, записавшись на приём — разумеется, исключительно для очистки совести. Травмы, полученные в транскоде, отзываются в физическом теле на уровне нервной системы, поэтому их лечение, как правило, оказывается долгим, недешёвым, а главное, лекарства играют в нём второстепенную роль.

При мысли о …надцати визитах к психотерапевту Санти тихо взвыл. Эти хирурги человеческой души вынут из него всё, что надо и не надо, прежде чем доберутся до того вопроса, с которым он к ним и пришёл.

Словно тренируясь перед ещё не назначенным визитом, Рафаэль мысленно прокрутил в памяти короткую стычку с Крисом в виртуальном холле «Div-in-E». Стремительный захват Охотника, серебристый сапог Овера, летящий прямо в цель, и боль — не выдуманная, настоящая… Позор, Санти. Уже два-ноль в пользу этой гейской парочки. Хорошо ещё, что они догадались выкинуть всех юзеров в сайта.

Рафаэль тяжко вздохнул. Тяжело признаться самому себе, что и захват-то был не очень крепким, и удар был не настолько сильным, насколько мог выдать Овер. Просто всё снова произошло слишком быстро, а что толку в силе, если два легковесных задрота вновь сумели опередить тебя на шаг?

Как бы там ни было, Крис, свои личные проблемы я в состоянии уладить сам, даже Линде ничего не скажу. А вот за потерянную программу мы с тобой ещё повоюем. И, если уж статус героя-любовника у меня временно отключён, то статус крутого босса должен остаться при мне.

* * *

Покинув гостеприимный дом пана Лисовского, Крис и Алекс отчалили обратно в гостиницу. Ну, как отчалили. Ночь была тепла, дороги — почти безлюдны, и, наверное, со стороны два хакера, выписывающие синусоиду по узким мощёным улочкам, казались мертвецки пьяными, но на самом деле пресловутая бехеровка была лишь каплей в море по сравнению с их опьянением друг от друга.

Добравшись до номера, Крис чуть не уронил при входе электронную карту.

— Что, координацию теряешь, Овер? — раздался из-за плеча насмешливый голос Алекса. — Я вот до сих пор не пойму, как мы с тобой не заблудились?

Ну-ну, Охотник. Сколько ещё раз ты собираешься

припоминать мне тот день, когда мы трижды нарезали круги вокруг Староместской площади, ибо я с недосыпа адски тупил без навигатора?

— Ну а если б заблудились? — стремительно развернувшись, вопросил Крис. — Я там видел пару тёмных проулков, где тебя можно было бы зажать и…

Крис осёкся, но улыбку провокатора оставил. Это твой огонь, Охотник, заставляет меня нести такую смелую чушь, и я знаю, что через каких-нибудь двадцать минут сгорю, едва успев выдать тебе в ответ свой разряд, но всё же открою дверь, а потом-таки закончу фразу:

— М-м… хотя ты прав, Алекс. В горизонтали всё-таки не в пример легче…

Ну, всё. Есть контакт.

Едва успев сгруппироваться, Крис оказывается вознесённым в воздух, а потом, почти сразу — уложенным на широкую кровать. Алекс оказывается сверху, но медлит, бережно взяв любимую птицу в кольцо своих рук. А потом тихо просит:

— Сожги меня, Овердрайв…

И одна эта фраза, три простых коротких слова, заводит так, что вся усталость, накопившаяся за долгий день, проведённый на ногах, все сомнения в своих силах сносит напрочь широким потоком звёздного ветра, на котором я смогу унести тебя далеко-далеко, мой запредельный, родной человек.

Я не помню стихотворения, но помню строку.

«Мы летим вдвоём, далеко, высоко и долго»[44].

Да будет так.

Пусть твоё дыхание собьётся к чертям, а я не смогу унять судорогу под рёбрами. Это наш полёт, и никому его у нас не отнять. А оторванную пуговицу на рубашке я тебе прощаю, Охотник.

С трудом восстановив дыхание, Алекс разжал стальную хватку своих объятий и выпустил серокрылую птицу на сбившиеся простыни. Хрупкое тело с белоснежной кожей, покрытое испариной и оттого казавшееся разгорячённому Охотнику просто ледяным, ещё вздрагивало.

Овер, свет мой… Я снова догнал мечту. На краткий миг зависнув над ещё унесённым за облака Овердрайвом, Охотник улыбнулся краешком губ. Невозможно, запредельно красив. Особенно сейчас, когда закрыты глаза, дыхание усвистело к чертям, а на руке, брошенной за голову, дрожат кончики пальцев. Охотник склонился ниже, коснулся губами словно выточенной из

мрамора белоснежной скулы с мелкими бисеринками пота и резко поднялся. Надо и самому отдышаться, в конце концов.

Алекс подошёл к окну и отдёрнул тяжёлую штору. В распахнутое дрожащей рукой окно ворвался ветер. Пражский ветер, несущий в себе тонкую нотку вездесущей пивной пены, цветущих каштанов и уютной сутолоки Староместской площади. На фоне тускло-жёлтого облачного заката двумя фиолетовыми громадами высились шпили Тынского храма. Совсем близко, чёрт побери, кажется, стоит протянуть руку, и сможешь кожей ощутить каждый завиток барельефа, всем существом проникнуть в жар нагретой солнцем кровли этих островерхих башен…

Лёгкое прикосновение к спине заставило Алекса вздрогнуть. Вот так и превращается Охотник в Добычу. Расслабился, отключил концентрацию на внешнем мире, на миг ушёл в созерцание — и вот обманчиво хлипкие руки короля сцеплены в замок на груди. Дыхание обожгло шею. Сероглазый чёрт, знаешь же, чем заставить меня вспыхнуть в одну секунду… Ну и ладно. У нас ещё вся ночь впереди. Я и ещё раз донесу тебя до звёзд.

Захват чуть ослаб, но перед глазами вдруг замаячила… Что?! Не может быть, Овер. Ты шутишь.

— Ты сказал давно… про ночь… с лентой, — опаляя дыханием, сбивчиво прошептал король. — У нас действительно вся ночь впереди…

Охотник закрыл глаза. Проще не верить в мечту, но когда до неё всего одно движение, всего три коротких слова, всего пара секунд ожидания… Сейчас или никогда?.. Я живу одним днём, свет мой. Кому, как ни тебе, этого не знать.

Забросить обе руки за спину и сцепить пальцы в замок.

— Я твой, Овер…

Томительные секунды, пока ледяной атлас стягивает запястья.

И делай со мной, что хочешь, в эту ночь.

* * *

Самым сложным во всём переезде в другой город для Киры стали не ускоренные сборы, не суета по поводу перевода в другую школу, а резкая смена настроения матери. Ещё вчера пожилая женщина, познавшая в своей жизни одиночество, нужду и беспомощность перед равнодушными жерновами судьбы, выматывала дочку своими навязчивыми тревогами по поводу того, что она, недостаточно умная / красивая / богатая (нужное подчеркнуть) будет никому не нужна, начисто игнорируя успехи

Киры в школе и даже в спорте, который ей в силу очевидных причин давался гораздо сложнее, чем одноклассникам.

Теперь же у матери сменились настройки онлайн-трансляции, и канал вещания получил новый заголовок: «На кого ж ты меня покинешь, родная моя кровиночка? Уедешь далеко, совсем забудешь мамку…»

Нет, мам, не забуду. Да, я буду приезжать каждые выходные. Да, отзвон перед школой, после школы, перед секцией, после секции. Нет, мам, мы не будем есть всякий фастфуд, я вообще-то умею готовить. И за компом мы тоже не будем сутками пропадать. Да, мама, Лин классный парень и даст фору многим взрослым. Да, мам, он любит меня и я тоже его люблю.

<repeat>

— Но пусть имеет в виду, никакого секса до свадьбы!

Контрольный, ёлки-палки. Поздравляю, мама, последняя жалкая ниточка нашего коннекта только что с треском оборвалась. Кира подавила усталый вздох. Интересно, мама, услышишь ли ты меня, если тебе сказать, что мы не за этим уезжаем в другой город? Уж, по крайней мере, не за этим в ближайшую пару лет… Но своим безапелляционным тоном всезнайки, которая думает, что видит насквозь всех, на кого упал её взгляд, ты окончательно убила во мне желание обсуждать с тобой что-либо кроме банальностей погоды и фильмов в кинотеатрах. А ещё ты своей воспитательной крионикой чуть не убила во мне кое-что на порядок более важное — зерно, ждущее своего часа, чтобы по весне вырасти в белый цветок, без которого ничто не в силах будет состояться ни до, ни после свадьбы. Прости, но доступ на уровень откровенности для тебя отныне закрыт, мама.

— Да, мам, конечно, — горькая печаль в единый миг переплавилась у Киры в игольчатый шар защитного импульса, и девочка выпалила, — можешь не переживать, бабушкой тебя назовут ещё не скоро.

* * *

В десятый раз перепроверив сумку с вещами, которую Хидео в шутку называл «Roddom Service Pack», Маша распахнула окно и высунула голову на свежий воздух. Конец августа плавно стремился к началу сентября, словно желая отдать первому месяцу осени остатки своего щедрого тепла, и ветер с реки уже нёс прохладную свежесть далёких северных горизонтов.

— Маша, я ненадолго, — голос мужа раздался откуда-то из

полутёмной прихожей. — В магаз сгоняю. А то ты меня покусаешь, если томатного сока в квартире до заката не будет…

Маша коротко хохотнула и вышла проводить Хидео. Плевать, что до магазина пять минут ходу. Это ритуал, сродни шаманскому, это черепаха, на которой стоят слоны их с Хидео счастливой совместной жизни.

Где-то на тридцать девятой минуте отсутствия супруга Мария почувствовала короткий, но сильный толчок под сердцем. Низ живота свело тягучей судорогой, и Маша со стоном опустилась на колени, прислонившись плечом к мягкому матрасу.

— Хидео, — прошептала она, активируя программу голосового вызова, но номер мужа был занят.

Закусив губу, Мария подождала ещё пару минут, предположив, что муж снова звонит ей в тот же миг, что и она ему — такое у них случалось довольно часто. Но линия Медичи молчала. Снова исходящий звонок, и снова абонент занят.

— Да где же ты?! — в голос закричала Маша, выплёскивая в коротком крике всю свою тревогу, отчаяние и боль, а потом как-то разом сникла, сойдя на шёпот. — Отзовись, родной…

На третьей попытке у Марии сдали нервы, тошнотворный звон в ушах перекрыл деловое безразличие коротких гудков, и дрожащими пальцами она набрала номер скорой.

— Здравствуйте… Да. У меня роды. Наблюдалась в клинике по адресу…

Заплетающийся язык Марии автоматными очередями выдавал заранее заготовленные фразы (спасибо Кире за то, что месяц назад старательно отыгрывала на репетициях роль оператора скорой), а мозг, выжигаемый волнами страшной боли, услужливо напоминал ползущей к выходу Маше, что у её собственной матери также были преждевременные роды. Дважды, между прочим.

Подтянув за собой тяжёлую сумку, скрюченная в три погибели Мария открыла входную дверь и со стоном упала в сильные руки незнакомого врача, приехавшего забирать пациентку клиники, в которой он работал.

— Ну, милочка, пойдёмте, — деловитым шмелём прогудел врач. — Дышите глубже, но реже… Всё будет замечательно… Кого ждёте, пацана или девочку?

В конце концов, за всё уплочено, можно и поразвлекать будущую маму разговорами, и домчать её с комфортом.

Завершив разговор с Рафаэлем, Хидео обессиленно привалился прямо к стеллажу со свежим хлебом, начисто забыв про то, что планировал купить. Аргентинец был вежлив, краток и

встревожен до предела. Что удивительно, не столько за себя — казалось, Санти уже почти смирился с неотвратимостью расплаты за свои ошибки, — сколько за Лина и, что самое странное, за Кристиана.

— Я ни за что не могу ручаться, — понизив голос, добавил Рафаэль. — Само собой, пока это всё неофициально, и если Крис восстановит программу, дело скорее всего замнут. Но действовать надо очень быстро, ибо терпение у наших спецслужб быстро кончается, а давить на больные места они те ещё мастера. Доберутся до всех, кто дорог Оверу… и тебе, кстати, тоже… Не знаю, как в Японии, а здесь мы все на коротком поводке у власти… если, конечно, сами не имеем чести состоять в верхнем эшелоне. Поговори с Крисом, передай мои слова. Я надеюсь, он будет благоразумен.

Оставив корзину с продуктами прямо на полу, Хидео метнулся к выходу. О боги Сети, во что ты втянул нас, Овердрайв?

Внутренний голос японца мягко намекнул, что никто, вообще-то, его силком на взлом не тащил. Можно было вежливо отказаться, объяснить, что уже полтора года носишь гордое звание пай-мальчика и остаться дома.

А на следующий же день обнаружить, что в транскоде ты малость заплыл жирком и категорически не влезаешь в свой вингсьют. Типа, Бэтмен уже не тот…

Река-под-рекой никогда не даст соврать самому себе, хакер из Токио.

Ты сделал, что хотел, так прими и ответственность за содеянное. Но прежде выведи из-под удара тех, кто тебе дорог.

Родная квартира встретила японца подозрительной, тревожной тишиной. Хидео растерянно огляделся и тихо позвал Машу. Позвал второй раз, громче, но вновь никто не отозвался.

Ну, Хидео, что пропало из комнаты помимо твоей ясной звёздочки по имени Маша?

Бинго, её эпичный баул. А это значит…

До смерти напугав бабушку с мопсиком, Хидео вылетел из подъезда, мазнул по лицу старушки отчаянными чёрными глазами и спустя несколько секунд с рёвом и свистом поднял свой флаер в воздух.

Прости меня, Маша.

Я так долго готовился к этому моменту, но долбаная капризуля-жизнь повернула всё по-своему.

Ничего, я ещё успею ворваться к тебе в последнюю минуту, чтобы молча упасть перед тобой на колени и взять за руку. И хрен кому я позволю разорвать этот коннект.

Волчий камень

В ту ночь Алексу не спалось. Фоновая боль, ставшая уже неотъемлемой частью его самого, вдруг утихла. Опустошённый, со звенящей лёгкостью внутри, Алекс смотрел на потолочные балки. Рядом, совсем близко, прижавшись лбом к его плечу, спал Крис.

Как странно… Прошло уже почти два года здесь, на Севере, а я всё так же вздрагиваю от шёлка твоих чёрных волос и обжигаюсь о ледяные хрупкие пальцы. Воистину, есть вещи, которые не меняются со временем.

Тишину их нового дома прорезала тонкая телефонная трель. Алекс затаил дыхание. В этот ранний предрассветный час если кто и мог позвонить, то только Крису и только кто-то из близких. Его, Охотника, уже давно никто не ищет в этой глуши.

Крис, мгновенно проснувшись, единым движением выскользнул из-под одеяла. И сразу холод очертил на плече то место, что было согрето чужим теплом.

— Да?.. Здравствуй, Хидео. Что случилось? …как?! С ней всё в порядке?..

Алекс приподнялся на локте. Что бы ни случилось, нанороботы в крови друга не дадут его сердцу пропустить удар, но…

— Пресвятой коннект, — выдохнул Крис в трубку. — Ты не шутишь, Хидео?

Кристиан начал оседать на пол как в замедленной съёмке. Алекс рванул к нему, едва успев в последнюю секунду удержать Криса в воздухе. Стареешь, Охотник. И реакция уже не та, и силы на двоих не хватает.

— Что случилось? — голос Алекса дал петуха.

Крис запрокинул голову и посмотрел другу в глаза. Да, за эти годы мы научились не скрывать слёз. Но почему сейчас за прозрачными солёными каплями, бегущими по твоим щекам, я вижу сумасшедшую радость?

— Маша попала в больницу… — Крис вдруг улыбнулся. — У меня родился внук, Охотник.

Алекс на автопилоте вернул улыбку и сделал шаг назад. Вот оно, начало конца. Тот самый день, которого он так боялся.

Над Ладогой светало. Алекс сел на крыльце маленького бревенчатого домика, чем-то похожего на тот, в котором они жили почти два года, пока сучка Линда не спалила его. Яркая до рези в глазах малиновая полоса протянулась на полгоризонта. Фиолетовые абрисы далёких островов, похожих один на другой

как близнецы, таяли в тумане. Август. Ещё не осень, но тем грустней, что лето на исходе.

Охотник скрипнул зубами. Он знал, что этот день когда-нибудь настанет. Несколько раз уже так же замирала боль от опухоли в груди, внутри выгорало всё дотла и появлялся такой глубокий вакуум, что казалось, дыши, не дыши — разницы никакой. Алекс ждал смерти, но она не приходила, ибо рядом был Овер, всегда верный своему слову. Но сегодня его нужно отпустить и заново научиться терпеть боль в одиночестве. Признайся, Охотник: ты украл эту сероглазую птицу из обычного для неё мира на целых два года. В «Div-in-E» со скрипом обошлись без своего создателя. Лин и Мария, да даже Линда, поняли это, пусть и каждый по-своему. Но сейчас Крис нужен им. Твои админские права на Овера отменены, Охотник. И внуки — не самая плохая причина для этого.

Одиночество. Тихий проникновенный мат Алекса слился с громким ударом кулаком по деревянной ступени. Но боль в отбитом крае ладони на этот раз не помогла отвлечься. Сколько можно лгать, обманывать самого себя, когда все вокруг знают правду? Ведь близкие и не очень, друзья и враги говорят почти одними и теми же словами: я жив, пока Овер со мной. И это они ещё не знают даже, насколько это правда. Стоит ему просто отойти на пару шагов, отпустить мою руку в толпе — и я мгновенно теряю ориентировку, падаю в небытие. Я словно дикий зверь, которого держали в тепле и уюте пару лет, а потом хозяин уехал и… Конец. Не найти самому себе пропитание, не устроиться на ночлег в лесу, где всюду свои законы и оскаленные пасти. Алекс хрустнул пальцами. Если копнуть поглубже, то и на Олесе, тогда этой светлой яркой звёздочке, я женился не для того, чтоб привязать к себе, а чтобы привязаться самому хоть к кому-нибудь. И из-за этого всё пошло прахом. Я думал, что она станет мне хозяйкой, будет вести за собой, а оказались под одной крышей просто два зверя-одиночки, которым сама природа помешала распределить роли так, как мечталось.

Взгляд Алекса, притянутый силуэтами далеких островов, скользнул в сторону. Верхушки елей из Аллеи Желаний остервенело цеплялись за безоблачное небо. Скажи Охотнику кто-нибудь ещё лет десять назад, что на излёте своей никчёмной жизни он будет обитать на Таруниеми, сказочном мысе, арендуя гостевой домик буквально в ста метрах от места, где Рерих писал свой русский Север, от дендропарка, собравшего в себе сотни и сотни растений со смешными названиями типа «снежноягодника» или «пузыреплодника», от Аллеи Желаний, где всё загаданное становится реальностью… Никогда б не поверил. Ведь проще не

верить в мечту, верно? Так что, Линда, похоже я ещё и поблагодарить тебя должен за поджог.

Вязкая, как трясина, пустота медленно заполняла душу. Робкая надежда, что и на этот раз пронесёт, что Овердрайв не бросит своего питомца, медленно таяла. Можно было бы, конечно, рискнуть, ещё раз пройти Аллею Желаний, зажмурив глаза, и попросить духов Севера… Алекс задумался, как бы он сформулировал свою вторую просьбу богам. Чтобы сегодня не кончилось никогда? А будет ли это честно по отношению к Кристиану, который света белого не видит, который и так потерял или бросил всё ради неизлечимо больного тебя? Ты ведь должен был сдохнуть уже давно, Охотник. Никто не давал тебе больше сорока лет жизни, ты сам чудом дотянул до сорока пяти. Ещё два незапланированных медицинскими картами года тебя тащит Овер. И давай уж начистоту — ты не пойдёшь второй раз в Аллею Желаний. Не потому что у тебя сил нет, веры нет, что просимое исполнится, а просто потому что нужно стать, наконец, фаталистом. Не в мелочах, а глобально. Отпустить серокрылую птицу и отмучиться побыстрее в одиночестве. Или не мучиться, что тоже возможно, если фатализм все-таки не по вкусу.

Мягкое одеяло опустилось на плечи. Алекс вздрогнул. Крис стоял сзади, он чувствовал это спинным мозгом.

— Тебе нужно возвращаться в Москву-2, — тихо проговорил Алекс, поправляя одеяло. Тепла, что внутри, уже не хватает, чёрт побери.

В свежем воздухе близкой воды появилась дымная нотка. Сигарета. Страшное нарушение обетов.

— Ненадолго, поверь мне, — выдохнул Крис вместе с дымом.

Алекс закрыл глаза. Ну уж нет. Жить как на вулкане, не зная, когда ты вернёшься и надолго ли, я не смогу. Меня от этого ежесекундного напряжения будет накрывать болью снова и снова… Мы измучаемся оба, Овер. Лучше уж решить всё сегодня. Чего греха таить — ты подарил мне эти два самых счастливых года. Мне сорок семь, и я давно уже пересёк все предсказанные мне сроки.

И потом, ты нужен Маше и Хидео. Именно ты, а не Линда. Забота и поддержка вместо советов и попыток перекроить чужую жизнь под свое лекало. Мне ли не знать, кто из вас на самом деле вырастил того же Лина? Кто выхаживал пацана лет до пяти, а кто потом уже, когда остались в прошлом сопли, нюни и прелести маленького ребёнка-инвалида, пришел на всё готовенькое, вдруг став заботливой и внимательной матерью? Алекс вдруг вспомнил письмо от тёщи, после которого Олеся рвала, метала, а потом ревела в его плечо почти всю ночь, изливая душу. Много там

было всякого, в этой длинной электронной простыне, но на граните мозгового винчестера осталась только фраза «пока три года не исполнится, можешь с ребёнком даже у нас не показываться». Уверен, что вот такого от тебя Маше не услышать по определению, Овер.

И я знал, что этот день настанет, чёрт побери. Знал, когда в последний раз покупал анальгетик в Военно-медицинской академии, ибо вопрос «сколько доз вам нужно» вогнал меня в полный ступор. Знал, когда ложился в очередной раз под нож Лисовского, якобы чтобы замести следы ваших контактов, а на самом деле чтобы узнать, на сколько месяцев этого треклятого одиночества мне ещё рассчитывать. И я верю, что профессор прав. Даже на месяц не хватит. Я буду жить столько, сколько ты сможешь отдавать весь свой заряд только мне. А с учётом того, что мне становится всё хуже, что даже твоих сил уже не хватает, чтоб гасить частые приступы, чтобы помочь мне поднять руки поутру… Это, знаешь ли, даже посильней внука будет. Я видел, как умирают от рака. Какие кошмары снятся потом, даже если ты был рядом не до конца. Как в этой ночной хмари с операционного стола тянет руки к тебе родной человек, сквозь стон выпуская из груди твоё имя?.. Я потерял так два поколения передо мной. И только ядрёный самогон несколько дней подряд помог выключить это в башке.

Ну и всё. Уходить, так красиво. И самому.

— Я вспомнил, Овер, что не выполнил одно обещание, — с ледяным спокойствием сказал Алекс, поднимаясь со ступеней. — Ты просил показать самый изящный и смертоносный удар катаной…

— Её здесь нет, — быстро ответил Крис. — И тебе нельзя плечо надрывать.

Вот чего ты не умеешь — это лгать. И я даже знаю, куда ты заныкал мою катану, Овер. Опять на чердак. Традиция уже. Но достанешь сам, хоть и пора тебе уже перестать бояться, что я снова перережу себе вены. Не смогу. Данное тебе обещание останавливает меня куда лучше разума. Я уже проверял в те редкие твои отлучки в Москву-2 и Питер за тёплыми вещами и всякой бытовой ерундой. Как только лезвие катаны прикасается к коже, я начинаю терять сознание, в ушах — шум прибоя, а в глазах — белые искры. А насчет плеча… Боги Сети, Овер, да если б я боялся его надорвать, то ещё лет двадцать назад должен был забить на тренировки с холодным оружием, перестать носить тебя на руках и превратиться в этакую амёбу-параноика с безвольной плетью вместо правой руки.

— Мы возьмём катану с собой, — продолжал Алекс, в упор

глядя на друга, — когда поплывём к Волчьему камню. Ты там так ни разу и не побывал…

«Потому что время для этого пришло только сегодня», — мысленно закончил Охотник, повинуясь порыву и делая шаг вперёд. Обнять ослабевшими руками, невесомо поцеловать в ямку под скулой…

Я не хочу тебя отпускать, Овер. Но так надо.

Крис никогда не пускал Алекса за штурвал катера — потрёпанной, но по-прежнему быстрой посудины, взятой напрокат в Сортавале. И дело было даже не в том, что Алекс по обыкновению своему сразу до упора выжимал газ, превращая Ладогу в смазанный стоп-кадр. Просто так повелось, что дела, требующие хоть капли рассудительности, неизменно отходили Крису.

Вот и сейчас Алекс, сидя на корме, молча смотрел на невозмутимо проплывающие мимо тёмно-зелёные шпили елей и серые скаты скал, стёсанные ледниками. И даже не нужно оборачиваться, чтобы представить Овера у руля: короткая серая куртка, хлопающая на ветру, белый ворот рубашки, слегка врезающийся в шею, и тонкие руки, которые удерживают на одной линии разрезающее волны судёнышко… Он вообще не изменился. Морщинки в уголках глаз и седая прядь на правом виске — не в счёт.

Когда два года назад Крис увёз его сюда, на север Ладоги, и выкупил домик под Сортавалой, Алекс не поверил своему счастью. Но безумная радость, накрывшая с головой, в один миг сменилась страхом. Ведь если Крис увидит приступ… Один из тех, что превращают меня в животное, которое может только кататься по полу и стонать сквозь стиснутые зубы, а потом я не в силах даже вспомнить, что со мной было… Выдержит ли Крис? Знает ли, на что соглашается? Отшатнётся? Сбежит в Москву-2, пусть не после первого раза, а десятого?..

Страх оказался напрасным. Алексу даже не приходилось предупреждать или придумывать кодовые слова. Крису хватало беглого взгляда, чтобы засечь начало приступа. Его могло сорвать с другого конца дома, будто он чувствовал это на расстоянии. Ничто не могло испугать сероглазого короля. Не было в нём ни капли брезгливости, такой естественной по отношению к чужой боли. Он молча обнимал за плечи и держал до той минуты, пока Алекс не отключался после дозы анальгетика. И всегда, очнувшись, Охотник находил Криса бодрствующим рядом, сколько бы не длилось беспамятство

Алекс вспомнил историю с эмулятором. «Не знаю, какие три

слова я выбрал бы для тебя тогда, Овер, — подумал он, наблюдая за бурлением кильватерных струй, — но сейчас всё очевидно…»

Сталь. Забота. Терпение.

Катер замедлил свой бег. Пена за кормой быстро таяла, как последний снег под апрельским солнцем. Замерла Ладога. Ультрамариновые волны тихо плескались о борт, горбатые острова сложились в давно забытую картинку. Мы на месте.

— Ты уверен, что это именно здесь? — спросил через пять минут Крис, когда они худо-бедно пришвартовали катер.

— Уверен, — выдавил из себя Алекс, стараясь не показывать лицо другу.

Прости меня, Овер.

— Это Тиннирсаари, — сказал Алекс, склоняясь над миниатюрным заливчиком в ложбинке серого морщинистого камня. — Я здесь был когда-то давно.

Из воды на Охотника взглянуло его отражение. Растрёпанная шевелюра из коротких седых волос. Худое лицо с тонкой розовой полоской губ. Что во мне осталось от того пухлого мальчика-отличника? Глаза, если только. Сколько б не трепала эта зараза в груди, всё равно глаза не сдаются и полыхают синим огнём.

— Ты мне не говорил, — Крис осторожно коснулся рукой плеча.

Разряд. Едва слышный треск и белая искра.

Я рассказал тебе очень много за эти два года, Овер. Практически всё, никогда не требуя взамен твоих признаний, потому что они мне не нужны. Ни к чему мне читать тебя, как открытую книгу, и разбираться в причинно-следственных связях твоей души. Мне за глаза хватало того, что ты просто есть рядом. И сейчас ты не знаешь лишь о двух вещах, которые касаются меня: Волчьем камне и том, что час назад, перед самым отплытием, я вкатил себе тайком немаленькую дозу анальгетика. Ровно столько, чтоб не вырубиться раньше времени. И теперь нужна одна обычная доза, чтобы уйти насовсем. Та, что лежит в аптечке у тебя за спиной, вполне подойдёт.

— Это было ещё в институте, — ответил Алекс, возвращаясь в реальность. — Здесь дикие места, но тропа к Волчьему камню не зарастает…

Но «дикие места» оказались не такими уж и дикими.

Цивилизация 2072 года изнасиловала даже самые девственные острова Ладоги.

Рассказ Алекса то и дело прерывался телефонными звонками. Раз за разом Крис извинялся, некоторые сбрасывал, на другие отвечал, сходя с тропы. К концу пути Охотник уже тащил на себе катану в ножнах, аптечку и какой-то рюкзак с неизвестным

содержимым. «Никогда бы не подумал, что для разговора по телефону нужно всё тело», — тихонько хмыкнул Охотник, прислонясь спиной к шершавой сосне. Ну, ничего, за поворотом уже самая высокая точка острова и конец пути. Перетерпеть бы только эту слабость в коленях…

А Крис, судя по всему, за это утро явно решил перевыполнить месячную норму телефонных разговоров. По интонациям, которые Алекс хорошо научился узнавать в голосе Криса, он понял, что друг уже поговорил с Хидео, Шанкаром, Лином, Линдой и даже Машей. Все явно с «хорошими» новостями, потому что после каждого разговора Крис тянулся к пачке сигарет в заднем кармане брюк, но не успевал даже достать её до следующего звонка.

— Через два часа в Доме. Общий сбор, — решительно произнёс Крис, бросил телефон в карман куртки и подошёл к Охотнику. Не надо, Овер, молчи, а то я проговорюсь, что через два часа ты станешь свободен…

— Прости, Алекс, — произнёс сероглазый король, отбирая у друга рюкзак и аптечку. — Словно все с ума посходили…

— Бывает, — кивнул Алекс, заставляя себя оторваться от ствола. — Пойдём, немного осталось.

«И я не буду спрашивать, что там стряслось, — подумал он, перешагивая через крючковатые еловые корни. — Потому что при всём желании я тебе уже не смогу помочь».

— Повтори свой рассказ, пожалуйста, — попросил Крис через пару минут.

Охотник помолчал. Катана привычно хлопала его по лопаткам, и это была приятная тяжесть оружия. На миг закралась предательская мысль, что только сталь верна до конца. Если её выбьют из твоих рук, то виноват в этом будешь только ты, а не обстоятельства и телефонные звонки.

— На Тиннирсаари мы приехали всей группой на третьем курсе, — проговорил Охотник, неслышно ступая по пушистому мху. — Рассказывали много легенд про Волчий камень. Будто бы положили его здесь ещё язычники… А скорее всего, просто местные, которых прогнали в своё время с Валаама. Говорили, что здесь даже капище было. А ещё тогда я узнал, что камень этот умеет говорить и раз в году выбирает себе человека. Узнаёт в нём волчью природу и больше не отпускает…

Крис за спиной что-то фыркнул. Правильно, не надо в это верить. И рассказывать, что в тот год камень выбрал меня, тоже не стоит. Это была не галлюцинация, Овер. Тогда я обходился обычными таблетками. Но почему же именно я остался один на вершине и услышал тихое, как шорох хвои: «Ты следующий…»?

Они вышли на абсолютно голую каменную площадку, всю в бороздах от древних ледников. На краю, у самого обрыва, как и много лет назад, стоял Волчий камень: овальный валун, густо изрезанный морщинами и трещинами, словно покрытый скальной шерстью. Два небольших горба и глубокая выемка издалека действительно напоминали уши и обращённый к небу глаз. Волчий глаз.

Алекс, как магнитом притянутый, сделал два шага вперёд и замер. Беззвучная Ладога вдруг закричала, зашуршала, забилась в ушах гудком зуммера. Слух обострился настолько, что, казалось, он мог услышать крик чайки над Шлиссельбургом. А под всем этим на глухой вибрирующей ноте камень радовался его приходу.

— Алекс?! Что с тобой? — нещадно теребил его Крис.

Дышать. Чёрт побери, дышать. Подожди, камень, я ещё не закончил все свои дела.

— Норма, — выдохнул Алекс, стряхивая наваждение.

Снова стало тихо. Только шепнул кто-то на грани слышимости: «Я жду тебя».

Сдёрнуть катану с плеча. Внутри поднималась волна давно забытой незамутнённой ярости. Он всех заставляет ждать. Камень ждёт. В Москве-2 ждут. Овер… Нет, Овер не ждёт. Это было бы слишком.

Ладони легли на плечи. Боги Сети, как трудно перебороть желание прижаться к ним щекой и забыть обо всём, что должен сделать!..

Глубокий вдох.

— Начинаем, Овер.

Ладони исчезли. Осторожный разворот, чтоб не потревожить заразу в груди раньше времени. Крис в едва заметном напряжении, осторожная боевая стойка. По лицу Охотника скользит довольная улыбка — за эти два года одна мечта Овера всё-таки сбылась. Он научился держать удар. Да, рукопашная не для него — слишком тонкокостный, словно тростник клонится от малейшего давления, но дай ему заряд и цель — он вложит всего себя в движение… Этому не научить, ну а что до техники — об этом Охотник позаботился.

На секунду отвлёкшись, Алекс пропустил удар и чудом удержался на ногах. Теперь его может выбить из равновесия даже Овер. Зараза изгрызла его, он похудел до состояния учебного пособия по анатомии, но ещё остался огонь внутри.

Осторожно, по голени в кожаном сапоге. Это как твой удар током… И поймать в сантиметре от серого камня. Я ещё могу это сделать, Овер.

— Опять ты меня уделал, — улыбнулся Крис, вставая на ноги.

— Я сам чудом удержался, — усмехнулся Алекс, нехотя выпуская Криса из объятий. — Ладога пошла тебе на пользу, даже румянец появился. Ладно, теперь катана.

Клинок с тихим шелестом выскользнул из ножен. Обвязанный чёрной кожей эфес лёг в руку нежно, будто и не было этих двух лет.

— Смотри, Овер. Отводишь руку назад, выгибаешь кисть, чтоб клинок был за спиной… Левая рука не только придаст тебе ускорение, она отвлечёт противника. Разгон, замах…

Катана со свистом разрезала воздух. Неуловимым движением Охотник остановил вращение и снова замер в исходной позе. Напряжение из рук медленно перетекало под рёбра, электрическим разрядом прошивая под плечом. Нет, ещё рано, зараза. Сначала я должен научить Овера этому удару, который может раскроить человека пополам при удачном стечении обстоятельств. Зачем он ему нужен — представить не могу даже, но в своей время я понял, что мы никогда не сможем угадать заранее, что и когда сможет пригодиться нам в жизни.

Снова и снова, раз за разом они повторяли и оттачивали движения. Сложнее всего было остановить вращение, но Крис не сдавался. Охотник, видя бисер пота на его лбу и вздувшиеся вены, с трудом подавлял в себе желание крикнуть: «Хватит!». Но отрезать крылья гораздо проще, чем отрастить их снова.

Наконец. Получилось. Изящный разворот, клинок неумолимо очерчивает полукруг… Крис замер, как влитой. Рука закончила движение, снова заводя клинок за спину. Катана чуть дрогнула, ловя солнечный зайчик. Крис, тяжело дыша, откинул со лба пряди чёрных волос. Они посмотрели друг другу в глаза. Да, Овер, ты сделал это. Но я скажу другое…

— Она твоя, Овер, — голос не подвёл. Ведь и правда не жалко.

— Ты не шутишь? — Крис осторожно положил оружие на скалы и подошёл вплотную.

Алекс закрыл глаза. Боги, даже в таком взмыленном состоянии ты безупречен, Крис. И я могу тысячу раз ошибаться в чём угодно, но точно знаю, что сейчас здесь, на вершине Тиннирсаари, из-за тебя пахнет озоном.

«А вот теперь, зараза, я даю тебе вольную», — подумал Алекс, набирая воздух в лёгкие. В голове возникла дурацкая мысль, что он, всю жизнь окружавший себя щитами лжи и так настойчиво пытавшийся быть честным с самим собой, даже сейчас не может назвать свою болезнь истинным именем. Может быть, причина в том, что пока не сказано слово «рак», есть ещё надежда на «доброкачественную опухоль»? Но сорвавшейся с цепи боли было

наплевать на точность медицинских терминов. Она с факелом понеслась под кожей, зажигая каждый нерв, каждую клеточку многострадального тела.

И снова Крис всё понял без слов. Держа Алекса под локоть, он довёл его до Волчьего камня. Охотник рухнул как подкошенный.

А теперь отвернуться, не смотреть. Слух уже подводит, но даже за шумом в ушах слышно, как Крис рвёт стерильный пакет, как в его пальцах со стеклянным хрустом ломается ампула с анальгетиком… Сейчас он вгонит иглу под кожу — привычное ощущение, почти родное, и я получу обычную дозу.

Обычную. Главное в эту секунду забыть про ту, которую сам себе ввёл перед отплытием. И не закричать об этом на весь остров. Запяртать этот крик глубоко в подкорку, чтоб даже Овердрайв со своими наномашинами не смог его услышать.

Охотник стиснул зубы. Его молитва во время приступов всегда была сумбурной и короткой, но в последние два года она обрела конкретные слова и читалась как заклинание: «Я люблю тебя, Овер. Ты для меня — воздух».

Всё. Кончено.

Почти двойная доза.

Алекс выдохнул. Внутренний таймер, давно и безнадёжно барахливший в присутствии Овера, заменил формулировку с «до бесчувствия» на «до смерти» и начал обратный отсчёт.

Семь минут.

— Овер, — тихо позвал Охотник, не открывая глаз.

— Я держу тебя, — прошептал Крис, обнимая за плечи.

— Давай нырнём в транскод, Овер.

— Но ты не успеешь выйти, — возразил Крис, заглядывая другу в лицо.

Тихая просьба, что хуже приказа:

— Успею. Пожалуйста.

Алекс почувствовал, как тонкие пальцы скользнули по его шее вверх, к имплантам. Горячая волна прошлась по телу, вымывая усталость. Знаешь, Овер, мне даже два года один на один с тобой мало. Мне не хватило бы даже вечности.

Карта беспроводного интернета мягко вошла в порт. Установить соединение, с ноги пробить си-сферу… И впервые увидеть сердце Ладоги в транскоде. Не город с огнями небоскрёбов, а настоящее море. С чайками и изумрудной россыпью островов.

В транскоде реально всё, во что ты веришь. Потрясённый Крис был даже не в силах пошевелиться, издать малейший звук при виде того, как…

Как валун под спиной улыбающегося Алекса вдруг становится пушистым и живым.

Как Волчий камень превращается в волка.

Как этот белоснежный зверь с медными глазами осторожно обнюхивает откинувшегося на серые скалы Охотника и вдруг ложится у его ног.

— Не бойся, — голос Алекса, такой глубокий и бархатный, становится очень далёким. — Он не укусит тебя.

Крис медленно опускается на колени перед другом. Волк не делает резких движений, но медный глаз с чёрной точкой зрачка внимательно следит за каждым вдохом Криса.

— Обними меня, Овер.

Руки Криса дрожат. Он не знает, не понимает, почему, но его интуиция вопит, как резаная, что что-то идёт не так.

— Крепче.

Пресвятой коннект, Алекс!.. Никогда я не был сильным. Никогда ты не просил ничего такого, а молча брал инициативу в свои руки… Что с тобой происходит, Охотник?

— Запомни меня таким, Овер.

Усталый кодер с пшеничными волосами до плеч, глазами цвета ладожских волн и горячими ладонями.

Крис вдруг почувствовал, как с его пальцев срываются искры и одна за другой бегут по телу Алекса. Горячие слёзы Охотника прожгли серебристый плащ и тонкую ткань рубашки, добравшись до кожи. И… Нет, не может быть… Крис чуть отстранился от Алекса, пытаясь пальцами нащупать пульс на шее и запястье кодера.

— Люблю тебя, — беззвучно прошептал Охотник, стремительно теряя сознание. — И отпуска…

Вынырнуть из транскода. Поздно, Овер. Да и не спасёшь уже этим остановившееся в реальном мире сердце.

Всё будет, как два года назад. Свобода. И призрак Охотника, навсегда оставшегося в реке-под-рекой и на твоей орбите.

Только волчий вой ещё будет долго звучать то ли над Тиннирсаари, то ли в твоих ушах.

Пожалуйста, не сгорай,
Ведь кто-то же должен гореть.
За углом начинается Рай,
Нужно только чуть-чуть потерпеть…

Шагни обратно за край,
Тебе рано ещё сгорать,
За углом начинается Рай,

Нужно только чуть-чуть подождать…[45]

На руках. До самого берега…

Изредка падая на колени, зарываясь лицом в серебристые, но по-прежнему мягкие волосы, целуя в полуоткрытые глаза, в которых отражается запредельная лазурь ладожского неба.

И уже у самой воды сорваться и завыть смертельно раненным зверем…

Я давно приучил себя к мысли, что рано или поздно останусь один, Охотник. Но я не думал, что это произойдёт в один из самых тяжёлых моментов моей жизни, сразу после того, как плохие новости о здоровье родившегося внука застанут меня на краю мира. Нашего с тобой мира.

Как же сейчас мне не хватает твоего понимающего взгляда, тихого слова поддержки…

Я сжимаю твои руки, но они уже стали холоднее моих.

Алекс, я готов отдать тебе всё, что у меня есть сейчас. Свою жизнь. Только очнись…

Разряд.

Ещё…

Не-е-ет…

Когда Кристиан пришел в себя, солнце уже клонилось к закату. Тридцать пять пропущенных вызовов, однако. Так его ещё никогда не вырубало. И всё впустую. Очнись, Крис, тут тебе не транскод, чёрт бы побрал всё это… А рядом с тобой — страшное доказательство того, что отныне ты уже не вправе называть себя Овердрайвом.

Осталось совсем немного. Пойдём, Охотник.

Иди через лес,
Иди через ягоды, сосновые иголки
К радуге на сердце;
Я пойду за тобой,
И я буду искать тебя всюду до самой
До смерти.[46]

Глухое урчание мотора яхты, плеск воды, и вольный ладожский ветер, который треплет твои волосы и всё никак не может высушить мои слёзы. Но даже с горьким комом в горле я постараюсь петь для тебя, Охотник. Ибо что ещё я могу сделать сейчас…

Нам сказали то, что мы одни на этой земле,
Мы поверили бы им, но мы услышали выстрел
В той башне,
Я хотел бы, чтобы это тело пело ещё,
Но озера в глазах замерзают так быстро,
Мне страшно.

Четыре километра отмахать, не оглядываясь, и только когда дальний берег скроется из виду в вечернем тумане, вырубить движок и дождаться полной, абсолютной тишины, чтобы услышать странный, неестественный в этой глуши звук — словно кто-то ударил в большой колокол глубоко под водой.

Свяжи все мои нити узелком,
Время поездов ушло по рельсам пешком,
Время кораблей легло на дно
И только волны, только волны над нами,
Только ветер и тростник,
Всё, что я хотел узнать, я вызнал из книг,
Всё, что я хотел сказать — не передать словами,
Не высказать, нет,
Это чудо из чудес.[47]

А теперь — повернуться, и теряя равновесие, упасть на жёсткую палубу, уткнувшись лбом в холодное плечо того, кто был и будет для тебя целым миром, запредельным и солнечным миром.

Спасибо тебе, Охотник. За каждый день, что ты был со мной.

Нет, никаких там: «Как же я теперь без тебя, зачем ты меня оставил?» и прочего в том же духе. Попробую выдержать, чёрт возьми, да и не обо мне речь. Больно не от того, что я смотрю на закат в одиночестве, а оттого, что ты уже не можешь его увидеть, поэтому позволь мне только один короткий стон на выдохе:

«Прости, что смог дать тебе так мало».

Я никогда не забуду тебя, Алекс.

Знаешь, я хотел уйти с тобою сквозь лес,
Но что-то держит меня в этом городе, на этом
Проспекте,
И я хотел бы, чтобы тело твое пело ещё,
И я буду искать тебя всюду до самой
До смерти…

Помнишь, я всё-таки однажды признал своё поражение в борьбе с ладожскими морозами и одел тёплую куртку? Стоило вытерпеть её ради твоей светлой улыбки. А потом я начал искать в карманах перчатки, а нашёл кое-что другое. До сих пор не знаю, что толкнуло меня под руку и заставило взглянуть на оборот записки. И в то утро меня накрыло так, что я моментально послал все свои дела лесом, вышел на крыльцо и упал перед тобой на колени. Кажется, что-то ещё шептал тебе в бреду… «Не оставляй меня, Алекс»?

Сколько дорог ведёт из дома домой —
Об этом лишь бог весть;
Сколько камней легло вокруг нас —
И вот опять кольцо;
Я много курю, но сквозь сиреневый дым
Я вижу мир, как он есть;
И иногда я вижу твое лицо.[48]

Нет, больше не выдержать. Ватную озёрную тишину нарушает тихий щелчок зажигалки. По привычке отворачиваюсь, ловлю ветер, чтобы сигаретный дым не несло в твою сторону.

Протяни мне руку, Охотник.

А на зелёной траве,
На зелёной траве не спрятать красные маки,
Не спрятать рисовые зёрна;
А на большой высоте
Летит самолёт и посылает нам знаки,
Что дождь будет скоро.[49]

Знаешь, что самое сложное? Связать тебе руки, когда на другом конце верёвки — чемодан с разноцветными минералами. Непостижимо, как ты умудрялся находить их среди этих суровых скал, каждый раз выдавая названия, которые я честно пытался выучить и не мог? Я оставлю один в память о тебе. Прозрачный кристалл удобно ложится в ладонь, и грани его светлы.

Нам сказали то, что мы одни на этой земле,
И мы смотрим в небеса, но небо нас не слышит,
Небо нам не внемлет,
И я хотел бы улететь с тобою на луну,
Чтобы больше никогда не вернуться на землю,
Никогда не вернуться…

Я бы вечность простоял так, посреди этой бескрайней воды, с тобою на руках, наблюдая, как на горизонте гаснет рыжий закатный отблеск, а в небе зажигаются первые звёзды. А потом ты бы неуловимым движением обхватил меня за шею, поцеловал в скулу и пошёл устанавливать свой телескоп, чтобы посмотреть на северные созвездия до того, как взойдёт полная луна, при которой у тебя начисто отключалась блокировка…

Неужели это конец?

Как же больно, чёр-рт.

Бесконечный стоп-кадр, исхудавшее тело меж двух миров, но зов воды неодолим, и мои руки предательски слабеют, размыкая объятия в последний раз. Отпускаю тебя, Охотник, но только лишь потому, что ты сам попросил меня об этом.

Возвращайся ко мне хотя бы во снах.

> «Мы обязательно встретимся,
> Слышишь меня?
> Прости.
> Там, куда я ухожу,
> Весна…»[50]

Что дальше? Подбитой птицей сорваться в Москву, к Маше, а как только ей с малышом полегчает, разрулить на автопилоте чёртову кучу дел, окончательно переехав в Питер, ибо смотреть на Ладогу в одиночку невыносимо. Просыпаться в три часа ночи на узком диване с вопросом: «Спишь, Алекс?..». Слышать молчание и чувствовать, как капля за каплей из внешней оболочки утекает в небо, устремляясь на север, тот электрический огонь, которым он жил все эти два года.

На третью ночь после рождения внука Кристиана вывел из тяжелой дремоты звонок из клиники, где до сих пор лежала дочь с новорождённым. Врач был краток.

— Нам не удалось стабилизировать состояние малыша, мы были вынуждены ввести его в состояние искусственной комы. У него редкая аномалия, нервной системе не хватает импульса, чтобы выйти с уровня бессознательных рефлексов на уровень осознанных действий. Как бы это сказать… Он будет индивидом, но не сможет стать личностью. Мы уже предлагали вашей дочери оформить отказ от ребёнка, но она не согласилась. Имейте в виду, что после двух месяцев комы его шансы выжить будут минимальны.

— Что-нибудь можно сделать? — обречённо выдохнул Крис в

трубку.

— Знаете, нейрохирургию в таком раннем возрасте мы не практикуем, это слишком рискованно… Я знаю одного специалиста в израильской клинике, но, во-первых, к нему нужно записываться за полгода, а во-вторых, цена его работ не самая маленькая… Впрочем, есть один альтернативный метод, и надеюсь, что вы, как бывший хакер, можете о нём догадаться, поскольку это не телефонный разговор…

Ну, конечно. История с эмулятором уже вошла в золотой фонд легенд и мифов Восточно-Европейского сектора. Крис тяжело вздохнул. Тогда, два года назад, они писали программу для Лина аж впятером, и ушло на это почти две недели. Справится ли отчаянное трио за вдвое меньший срок?

Хрена с два, это очевидно. Но если начать не с нуля, а…

Чтоб ты знал, эскулап, бывших хакеров не бывает.

К хренам все эти чёртовы наномашины. Добрая половина из них уже неактивна: выгорела дотла, когда я пытался удержать Алекса там, на глазах у призрачного волка из древних мифов, что широкой волной ворвались в транскод, отбирая его у меня. Мне незачем насмехаться над природой, ведя нечестную игру, заставляя сердце биться ровно, когда душу рвёт на куски.

Но не бойся, свет мой, мне хватит времени, чтобы начать и закончить одно дело — последний долг, незавершённый ответ тебе, ибо никто кроме Овера не помнит настоящего Охотника — светлого, как утренняя звезда, горячего, как июльское солнце. То сносящего всё на своём пути, как горный поток, а то запредельно спокойного, принимающего тебя таким, какой ты есть, совсем как вода ладожских озёр…

Я клянусь, Алекс. Я переверну весь транскод вверх дном, но верну тебя к жизни.

Я. Сделаю. Это.

Потому что без Охотника нет и не может быть Овердрайва.

Сентябрь 2072

Как там было у классиков? Помнится, что-то вроде:

«…Переживи крик.
Переживи смех.
Переживи стих.
Переживи всех»[51].

Что же ты, Алекс? Не хватило тебя до рождения Машкиного внука, жаль. Или это Овер наконец исчерпал себя до дна и потерял высоту, не в силах больше лететь с балластом в когтях?

Как бы там ни было, мёртвые сраму не имут, а вот те, кому теперь придётся заново привыкать к вечерам в одиночестве, сейчас о-о-очень уязвимы. Что ж, Овер, попробуем пробить твою защиту прямо в процессе установки обновлений.

Итак, что мы имеем на вводе? Персонаж у нас такой прокачанный, что убивать его бесполезно, разве что отрубить голову и вогнать осиновый кол в сердце. Зато его спина вновь открыта для стрелы гарпуна. Сочувствую, Овер, но мне придётся и дальше блефовать, к тому же, кажется, Хидео уже повёлся на мою полуправду.

02-SEP-2072
from: Santi
to: _overdrive_

Крис, если ты думаешь, что если твои проделки на пару с сыном и зятем сойдут тебе с рук, ты ошибаешься. Я бы и рад простить тебе эту шалость на старости лет, но, похоже, спецслужбы пронюхали насчёт того, каким образом мне досталась твоя разработка, а уж они-то найдут способ добиться своего. Короче говоря, я сейчас в полной заднице, меж двух огней, а, впрочем, сам виноват, мне и расхлёбывать. Просто имей в виду, что они легко могут добраться до тебя и до твоих близких. А посему предлагаю зарыть топор войны и держать друг друга в курсе дел. И прими мои соболезнования, Овер. Вне зависимости от того, захочешь ли ты восстановить систему добровольно или предпочтёшь, чтоб спецслужбы вынудили тебя это сделать, я искренне сочувствую твоей потере.

Держись там.

Санти.

Ответ от Кристиана пришёл лишь около полуночи, и от коротких строк хакера на аргентинца повеяло неприкаянным ветром городских окраин и полынной горечью.

02-SEP-2072
from: _overdrive_
to: Santi

> Ведь не будет так, чтоб и волки сыты, и овцы целы,
> Да не выкрутить так, чтоб и миру мир, и двоим любовь.
> Перекрёст дорог — две прямые, стерео двух прицелов,
> Под которыми равно платить по каждому из счетов.[52]

Ты нашёл кого нанять для взлома, Санти, найди кого-нибудь и для восстановления той программы, которую имел наглость присвоить. И я буду очень удивлён, если окажется, что ты писал своё письмо в одиночку, без редакторской правки от Линды.

Ну, чёртов буревестник, ты сам выбрал свою дорогу. Хочешь воевать, так давай повоюем.

Рафаэль свернул планшет в трубочку, встал во весь рост у окна и поднёс импровизированную подзорную трубу к своему прищуренному глазу, словно хотел разглядеть далёкие питерские улицы с имперских высот Москвы-2.

Я знаю, Овер, что ты принял к сведению моё письмо, хоть и сделал попытку огрызнуться. Дело за малым — окончательно убедить тех, кто ещё остался у сероглазого хакера, что ему и вправду грозит опасность, если он в очередной раз не подчинится требованиям столь ненавистной ему Системы.

* * *

Лин давно уже по праву считал себя парнем, почти на сто процентов готовым к самостоятельной жизни. Плевать, что ноги не ходят, зато голова на плечах есть и руки из нужного места растут. А уж в транскоде всем вообще наплевать, сколько тебе лет, если ты со своей подругой быстрее всех доставляешь по

адресу дорогие приватные заказы, к примеру, программы ручной работы, которые по обычной почте отправлять не принято, ибо это вроде как дурной тон.

Так что ясный сентябрьский день, когда Лин с Кирой поняли, что заработанных денег им полностью хватает на квартплату, стал для них новой точкой отсчёта в недавно выстроенной системе координат.

— А ведь у папы скоро день рождения, — прищёлкнул пальцами Лин. — Вот только что ему подарить?..

Кира задумчиво поскребла подбородок. Тяжело придумывать деньрожденные затеи для человека, который до сих пор не сдох от тоски лишь потому, что у него в этом мире ещё остались родные люди, которым он нужен как воздух.

— Давай ближе к делу приготовим кучу вкусняшек и просто завалимся поутру к твоему папе, — предложила Кира. — Мне отчего-то кажется, что плевать он сейчас хотел на всю эту мишуру, а поздравления ему вообще душу порвут. Так что, видимо, рабочая схема: «Зацени наш ремонт, Крис».

Едва заметно улыбнувшись, Лин коротко кивнул.

— Принимается, Кира. Ты как всегда в точку. О… Я знаю, что нам нужно. Сможешь «Прагу» в пироженках испечь?..

Выходя на улицу, Лин активировал онлайн-карту города, и теперь с нескрываемым наслаждением смотрел, как программа, с лёгкостью подстраиваясь под направление взгляда мальчика, отрисовывает тонкие бледно-зелёные линии маршрута поверх пока ещё незнакомого и непривычного для глаза низкоэтажья питерских улиц.

На самом краю обзора мигнула яркая точка входящего сообщения. Мама, вот не было печали…

> 09-SEP-2072
> from: — ishtar-
> to: LinStranger
> Привет, Лин! Скажи, ты не забыл, какая сегодня дата?
> Надеюсь, у тебя найдётся минутка, чтобы навестить папу?
> Передавай ему мои поздравления. Напиши потом, как он там устроился в этом вашем Питере =))
> Целую, мама.

У-у, даже до смайликов дошло. Какие мы белые и пушистые, да? А слабо тебе, мама, самой приехать в «этот наш Питер», изловить папу у подъезда квартиры, которую он с недавних пор

снимает неподалёку от Петропавловской крепости, и поздравить его, глядя прямо в усталые, чуть прищуренные глаза?

Лин мотнул головой, удаляя сообщение, и отключил почтовое приложение насовсем, отдав освободившийся объём оперативной памяти на растерзание интерактивным картам.

Яркая зелёная линия легла под ноги мальчика, и он крепко сжал ладонь Киры в своих тонких руках. Даже если один из нас ослабнет или ослепнет, другой в тот же миг превратится в ледокол «Ленин» и вытянет за руку к свету. А уж от тех, кто хочет лишить нас этого света, мы сумеем написать защитный код, правда, родная моя?

* * *

В редкие часы перед рассветом Крис мог спокойно заснуть, и дело было совсем не в том, что вместо запаха старого дерева и близкой воды его окружал тяжёлый московский воздух и едва уловимый запах синтетики в квартире Маши и Хидео. Но если все-таки удавалось забыться и провалиться в это желанное небытие, то перед глазами обязательно появлялась Ладога. Ясная солнечная колыбель для тысячи островов и миллиона чаек. Они беззвучно плыли в синеве, будто кто-то выкрутил в ноль всю громкость у волн, сосен и птиц. Так всегда было с тех пор, как…

Тёплое прикосновение ладоней к плечам. Выдохнуть полной грудью, перестать сжимать кулаки до белых костяшек, откинуть голову на грудь друга.

Крис знал главное условие этого сна. Алекс рядом. Всегда. С ним можно беседовать часами, хоть во сне и пройдёт всего пара секунд. Можно перебирать пальцами пряди шелковистых волос. Можно улыбаться и сжимать горячие руки.

Но не открывать глаза. Не смотреть. Не видеть. Только представлять то, что и так заучил наизусть за два года или за один день — не важно.

— Как ты, Овер? — тихий голос вымывает из головы звон, а из тела — усталость.

— Без тебя… — начинает Крис, но голос срывается.

Он слышит смех. Колдовской и светлый. Совсем близко горячее дыхание. Алекс целует в губы, едва касаясь, как простой смертный, дозволено б было ему, поцеловал бы ангела.

Только не открывай глаза, Крис. Тренируй силу воли, чтоб её…

— Я всегда с тобой, Овер, — шепчет Охотник. — Просто помни об этом. Ветром на улице, искрой за плечом… А во сне или

наяву — не важно…

Дрожат ресницы. И тает тепло рук.

Крис просыпается, даже не вздрогнув. Снова комната в квартире, снова светлый натяжной потолок вместо балок бревенчатого дома. Но внутри появился маленький тлеющий огонёк, в котором сгорает тоска и боль утраты, и этот огонёк неведомым образом дает запредельную лёгкость его, Криса, жизни.

Слёзы по щекам. Ну и ладно. Ты их уже видел, Алекс. Но сейчас они от счастья, что ты всё ещё со мной.

Не уходи далеко, прошу. Позволь мне поймать тебя за руку.

Словно пытаясь догнать пенную волну, отползающую обратно в море, Крис кинулся с кровати на пол, активируя беспроводное подключение к сети.

> «Ведь нам без связи ни вверх, ни вниз, словно воздушным змеям:
> Выше нас не пускает жизнь, а ниже мы не умеем…»[53]

Падать, так до конца.

Рассвет над озером, алое небо, лёгкие волны. Первый уровень. Крис стрелой пробивает безмятежную водную гладь и, подняв в небо тучу брызг, выходит на второй слой, в ночное небо фантастического города с тысячами киловольт его приветственных огней.

Закрыть глаза, замереть в воздухе, свободно раскинув руки, чтоб с каждого пальца срывались и исчезали в пространстве синие искры, сканирующие каждый дом, будь то чей-то компьютер или сервер крупной фирмы, каждую площадь тематических форумов, каждого случайного пользователя в надежде, что его лицо — это маска, под которой вынужден скрываться светловолосый кодер…

> «Я смотрел в эти лица и не мог им простить
> Того, что у них нет тебя и они могут жить…»[54]

Где-то на грани сознания — не то безразличный голос системы, не то уведомление на периферии обзора: «Сорок процентов заряда. Оставшееся время —…»

Плевать я хотел, Охотник.

Где ты?

Я хочу быть с тобой…

Ты ушёл в бесконечный свет вместе с белым волком. Но во

всём транскоде я не знаю такого места, которое было бы настолько похожим на Ладогу, что…

Прочь из города.

Заложив крутой вираж, Крис уходит в сторону заброшенных пустошей, пролетает над обломками никому не нужных сайтов в поисках свободного пятачка земли.

Есть.

Падение на острые камни, перекат… Всё, как ты учил, Охотник. Дело за малым — позволить, наконец, воспоминаниям прорвать защитные модули самоконтроля.

> create new object

Крис стоит на коленях, крепко зажмурив глаза, поэтому не сразу чувствует, как тяжелеет ткань его серебристого плаща. Вода прибывает, и свежий ветер свободы приводит хакера в чувство.

Вот оно, озеро. Не вся Ладога, конечно, а её часть. Большая лужа, честно говоря; вокруг золотое поле, на грани видимости — хвойный лес. Но этого мне хватит, чтобы поймать отражение одинокого облака в глубокой синеве сентябрьского неба и нырнуть ещё раз, сложив перед собой ладони, в которых рождается такой разряд, какого ты, Овер, давно уже не создавал.

Я запрашиваю вход на третий уровень, река-под-рекой.

Ткань виртуальной реальности смыкается плотнее с каждым взятым метром глубины, и Крис начинает задыхаться, теряя силы, не в состоянии уже представить воду воздухом. А может быть, на этом уровне все эти семантические игры уже не работают.

«Тридцать процентов мощности…»

Отчаянная мысль бьёт набатом в голову.

Чтобы вернуть тебя к жизни, я сам должен умереть.

Самое сложное — удержать перед глазами вектор, преодолеть инстинкт самосохранения, позволив воде заполнить место, предназначенное для воздуха.

Ты мой воздух, Алекс. И моя река. Будь во мне всегда. Я не боюсь.

Вдох, разрывающий лёгкие. Короткая судорога.

Раскрытые пальцы Кристиана касаются дна, вслепую шарят по холодным камням, никогда не знавшим солнечного света.

Свет? Даже сквозь сомкнутые веки я вижу его. Твоё безмятежное лицо, Алекс, слегка уже занесло илом, но для меня ты по-прежнему остался маяком во тьме.

Вырвать исхудавшее тело из илистого плена, короткими разрядами перерубить цепкие ленты водорослей, крепко обнять и…

Мощный боковой удар отбрасывает Криса на камни.

Противник невидим, но смертельно опасен. Река-под-рекой не привыкла отпускать тех, кто расстался с жизнью, нырнув в её запредельную глубину.

«Десять процентов мощности…»

Кристиан лишь сильнее прижимает к себе Алекса и, едва не теряя сознание, разворачивается к противнику спиной, закрывая едва заметную тёплую искру в груди своего лучшего друга от любых посягательств извне.

Бесформенное зубастое существо, порождение тёмных глубин транскода, вгрызается хакеру в шею, отравляя его своим ядом. Выталкивая из лёгких остатки воздуха, Крис беззвучно кричит от боли в ледяной темноте.

«Один процент мощности».

Р-р-разряд, чёрт возьми.

«Два процента».

Что?..

Тихое, на грани слышимости: «Забирай мой огонь, Овер. Его хватит на двоих».

Сжать кулак, чтобы побелели пальцы, а затем резко раскрыть ладонь, создавая сферу светлой электрической энергии. Подводная тварь наталкивается на силовой барьер и бессильно бесится по ту сторону.

Илистое дно под Овердрайвом и Охотником начинает медленно проседать вниз. Ещё один уровень?

Слава пресвятому коннекту, нет.

> exit

Домой.

— Кри-ис?..

Бархатный голос, от которого мой заряд взлетает с нуля почти до отметки полной мощности.

Полетели, Алекс. Мне снова предстоит обогнать само время.

Негнущиеся пальцы на руле аэроцикла, серебристая флеш-карта на шее. Один звонок:

— Машенька, родная, мы спасём твоего сына. Через полчаса буду.

Не знать — чувствовать, как где-то далеко его новорождённого внука кладут на чистые белые простыни, ставят капельницу, и по его тонким венам течёт прохладная смесь, призванная замедлить время до того момента, как Крис молнией влетит в приёмный покой, рванёт цепочку с шеи и коротко скажет врачу:

— Я сам сделаю это.

И врач отступит на шаг, позволив себе лишь осторожное:

— У вас полчаса. Рассчитывайте на двадцать минут. Если не успеете за это время, прекращ…

Сотня киловольт в тёмно-серой радужке.

— Успею.

Подключение.

Распаковка архива…

Воды реки-под-рекой вымывают песок внешних данных из душ погибших транскодеров, оставляя крупицы золота. Плоть слаба, и она распадается без следа в сумрачной глубине мерцающего цифрового потока, оголяя белые, прочные кости. Нерушимый каркас, на котором из направленных сгустков чистой энергии можно создать новое тело, написать новый код.

Открыть папку.

Расскажи мне о себе, Алекс. Да, я столько раз читал тебя, как открытую книгу, но сейчас хочу услышать твой голос.

#1

Июльская ночь с синей бездной вместо неба. Миллион звуков — от стрёкота сверчков до далёкого, на грани слышимости, воя волка в Атаманском лесу. В воздухе разлит запах только что распустившейся маттиолы — ночной фиалки, над которой не властно солнце. И её аромат сплетается в лёгких с дымной ноткой только что погасшего костра, впитавшейся в брезентовую куртку отца.

— Смотри, вот четыре звезды… Это Ковш Большой Медведицы. Тусклая дальше — это ручка его. А прямо над тобой — Полярная звезда.

Крепкие горячие руки отца. Пара мгновений — и ты уже закутан в эту тонкую брезентовую ткань, полную родного тепла. А над головой — яркие светящиеся точки, которые можно часами соединять, придумывая созвездия, что не найти ни в одном атласе.

#2

Не сдавайся. Борись. Иди до конца. «Не хочу» и «не могу» — через них, это всего лишь твоя слабость, а не серьёзная причина сдаться. Поднимайся, если ты упал, потому что это глубокое заблуждение, что лежачего не бьют. Его просто раздавят и не заметят.

Никогда не говори никогда. Не подставляй вторую щёку, если уж умудрился схлопотать по одной. Отольются кошке мышкины слёзы. Почему ты не смог это сделать, а Кристиан Вебер смог? Ты что, дурней его?

Но иногда наступает такая ночь, когда ты уже кажешься себе настолько… Нет не взрослым, а старым, что можешь всё. И преодолевая скрипучие половицы, щелчки дверей и звон ключей, ты выходишь в ночь. Город манит огнями. И бежать, бежать на волю, не забывая ничего из того, чему учили, но переплавляя это внешнее, наносное, в принцип жизни. И одной ночи для этого хватит за глаза.

Визуализация — это то, чем я владею виртуозно, Охотник, без шуток и ложных похвал. Но, пресвятой коннект, сейчас этот дар невыносим. За короткими файлами твоего архива, Алекс, я вижу тебя самого. Не папку я раскрыл сейчас, а душу твою. Не читаю я колючий текст из рубленых фраз, а ты сгораешь на моих глазах. То неугасимое пламя, что ты так часто дарил мне, теперь срывается с кончиков твоих пальцев и расплавленным золотом стекает с твоих волос, снова пшеничных, без намёка на седину.

#3

Ходишь по струнке, соблюдаешь правила. Ты и сам понимаешь, что в этот непривычно пасмурный июньский день незаконченный код последней проги, который развёрнут на твоем экране, — лишь самообман. Потому что под кодом — твой электронный дневник. Единственная отдушина в этом мире обязанностей и кривых целей.

Нет друзей? Слишком отличник, чтобы вызывать уважение, слишком некрасив, чтобы думать о любви? Уже почти всё равно, если есть мечта. Догнать. Достать журавля в небе. Темноволосую аристократичную птицу неведомого, давно вымершего вида. Сидеть за первой партой и слышать её тихий переливчатый смех с Камчатки. Он — прирождённый хакер. Он может учиться играючи, обходить тебя на лихих поворотах, где твоя правильность и прямолинейность буксует и сносит тебя в кювет. Давно б уже возненавидел, если бы не влюбился по уши в эти глаза с кристальной серой радужкой.

Догнать мечту. И наплевать, что сегодня тебе шестнадцать и ты можешь не успеть.

Но это речь твоей светлой половины. А вторая, выкрашенная в тысячи оттенков чёрного, долбит в висок, что неделю назад был

выпускной вечер в школе, где твой электронный дневник был взломан и выложен на всеобщее обозрение. Что о твоей мечте теперь знает весь выпуск… «Он — прирождённый хакер». О, какая ирония судьбы, что это дело твоих рук, Овердрайв. Догнать. Отомстить. Достать журавля в небе. Я начну с синиц. Я стану первоклассным программистом, мозгами взяв то, что тебе дала природа. А потом я буду Охотником на хакеров, на таких же подлых недолюдей, без чести и принципов, как ты. Давно б уже влюбился, если б не твои тонкие пальцы, виртуозно ломающие лёд серверов.

Догнать мечту. И наплевать, через сколько лет ты станешь моей добычей и что я могу не успеть.

#4

— Вставай, слабак, — голос учителя спокоен. О, хоть каплю презрения! Дай мне повод взорваться, дай причину упасть ещё глубже.

Тишина. Он стоит над тобой, нем и глух. Он учит тебя тому, за чем ты пришёл, а не рекламным лозунгам школы самообороны. Он не знает этой одновременно длинной и короткой истории о Кристиане Вебере. Ты, конечно, не рассказал ему о заброшенном вокзале, где мечта вдруг осложнилась присутствием прекрасной девушки с крыльями за плечами, а потом так же внезапно упростилась до невозможности, когда ты узнал, что не за что мстить Кристиану.

Но за этими двумя гналась служба безопасности. Ты сделал всё, что смог: запудрил им мозги, виртуозно жонглируя словами. Конечно, ты же правильный кодер. Какое хакерство, вы что? Я один из вас, и слышать не слышал я про человека с ником Овердрайв.

А уж тем более учителю неизвестно, что сейчас этот человек сидит в тюрьме за революционный демарш и скоро над ним будет суд. И виноват в этом только я. Нужны были не слова, а удар. Не сувенирная игрушка в руке, а настоящая катана, ибо оружие может быть любым. Главное условие — уметь им пользоваться.

Ты поднимаешься с колен и снова получаешь сокрушительный удар, от которого не успел увернуться. Медный привкус во рту за этот месяц стал родным. А надо всего лишь превратить все свои принципы в физическое воплощение: стать сильным не духом, а телом, научиться контролировать не себя, а ситуацию, не со скоростью света подбирать едкое слово, а сжимать кулак.

— Ты не знаешь, зачем пришёл ко мне, — усмехается учитель.

Нет, знаю. Я должен суметь защитить свою мечту.

Ты запрокидываешь голову к пылающему небу, Алекс. Твои синие глаза — последнее напоминание о северном холоде в этом раскалённом аду. Я уже начинаю задыхаться от жара, какого не бывает и в самый солнечный июльский день. Воздух превращается в плотное золотистое марево, которое обволакивает, мешает вдохнуть полной грудью, чтобы продолжать смотреть на этот пожар в твоём сердце. Ты ни слова не оставил ещё о своей болезни. И значит, я снова прав, хоть ты и не любил признавать за мной этого: ты — свет, а твоя зараза — лишь шелуха, то, чему можно дать бой, а не основа твоего существа…

В сознании меня сейчас держит только твой взгляд. Но сколько ещё в тебе этого огня, Охотник?.. И как ты мог столько лет носить его весь, отдав мне, наверно, лишь малую часть того, что накопилось за недолгую жизнь?

#5

— Любая дверь, Охотник…

Я запомнил правило наизусть. Но это ушло в фон. Я держал в своих руках подбитую серокрылую птицу, с первозданным ужасом считая сдвоенные удары её сердца и глубокие провалы между ними. Чёртова аритмия. Я проклял бы всё небо за этот рваный пульс у того, кто оказался мне дороже самой жизни. Но я смолчал. И за это принятие судьбы, второе в жизни, меня вознаградили.

Сколько б лет я не прожил ещё — пять, десять, двадцать, — я всё равно буду помнить этот короткий, как разряд, поцелуй в губы. Но медный привкус крови преследует меня всю жизнь.

Мне было всё равно, как это произойдет. Вот так, как случилось, или где-нибудь в городских дебрях из небоскрёбов, цепляющихся за облака. Притянет ли Овер меня к себе сам или я, замерев в опасной близости от зашкаливающих киловольт, тихо шепну: «Ну же…». И пусть сейчас уже глубокая ночь, десятая от той, самой главной, — я теперь их считаю, — я всё равно проговариваю вслух своё новое имя.

Охотник, догнавший мечту.

#6

Абсолютное принятие. Не так уж тяжело, когда ты искренне этого хочешь. Если только не одно «но»: это нужно выдержать, когда всё старое, взращённое с детства, хочет ударить наотмашь.

Он говорит: «Веди себя со мной так, как со всеми». Это значит взрываться от любого косого взгляда и ехидной фразы, бить со всей дури по тому, кто не вовремя попал тебе под горячую руку, а потом усилием воли замыкать себя в ледяную броню самоконтроля. Но я не хочу этого.

Он говорит: «Представь, что я — прохожий». Не хватает воображения. Сколько помню себя, никогда не мог дышать к нему равнодушно. От ненависти до любви — весь спектр чувств, кроме белоснежной зимы «прохожего».

Он говорит: «Я хочу знать, каким я тебе не нужен». И старается, злит тебя, вспоминает забытое, трясёт скелеты в шкафу. Все методично, размеренно, по нарастающей. И этот научный подход к делу больше всего вгоняет тебя в ступор… И заставляет держаться на плаву, как ни странно. Если ему зачем-то это нужно, то ты должен терпеть.

Не поддаваться соблазну хлопнуть дверью и уйти, потому что ты никогда этого себе не простишь. Даже когда Зверь внутри видит во фразе «никуда ты от меня не денешься» попытку взять на слабо, а не барахтанье в болоте отчаяния.

Твоё главное свойство — протягивать руку утопающему, даже если он только что разрубил тебя на куски.

Но важнее — другое. Абсолютное принятие — это принятие любым. Как бы ни было тяжело. Только не переписывать код, не менять ни строчки.

Не ты создавал, не тебе и править.

Огненный вихрь замирает. Струи пламени застывают в безвоздушном пространстве, окутывая Охотника настолько плотно, что как будто втягиваются обратно под белую кожу. Что происходит? Почему даже время, которое я всегда чувствую как движение секундной стрелки под лопатками, вдруг остановилось?

Синие глаза цвета ясной Ладоги. Смертельная тоска.

#7

Тиннирсаари… Белый волк…

Не-е-т, Охотник… Я выдержал всё, но это мне не по силам. Пощади меня, пощади моего… Нет, чёрт побери, нашего внука!

#7

clrscr ()
Двойная доза. Нарочно. Умение отпускать.

Алекс, который вдруг превратился в себя, прежнего, светловолосого кодера с пшеничными волосами по плечи, без намёка на огонь, делает шаг. Что? Я ещё не успел выдохнуть после открытия истинной причины твоей смерти, а ты уже добиваешь меня контрольным. Время, Охотник. Мы безумно ограничены были в нём всегда, а сейчас и подавно. И если б дело касалось только нас…

#7

clrscr ()
В транскоде не умирают?..

Боги Сети…
Я не смогу тебе это сказать. Даже подумать. Я знаю только, что если твой образ останется неприкаянным свободным призраком реки-под-рекой, у нас с тобой максимум полгода. Всего полгода, Охотник, или целых полгода — не важно. Потом ты превратишься в то же, что и братья ван Эйки. Но если от них я, Овердрайв, смог избавить транскод, то на тебя у меня не поднимется рука.
Мне и вечности с тобой было бы мало, Охотник за мечтой. И я никогда не смирюсь с потерей. Поэтому и привёл тебя к своему внуку, который готов принять твой образ.
Ты будешь жить, Алекс. И я буду жить рядом.

#7

clrscr ()
Я твой, Овердрайв.
Люблю тебя. Больше жизни.

…хоть мне и придётся второй раз смотреть, как ты умираешь…
…позволь мне обнять тебя в последний раз, перед тем, как…

Ослепительно яркое пламя столбом вырывается из груди

Охотника. Выгибаясь всем телом, он неумолимо выгорает изнутри, белыми искрами, так похожими на те, что срываются с пальцев Овердрайва, опадая на воображаемую землю. Это неправда, что пепел чёрен. Пепел бел, если сгорает свет.

Вспыхнуть и выложиться до конца.

* * *

Всё то время, что Хидео удерживал стабильное соединение для Криса, а папа бился на белой простыне за тонкой ширмой, компилируя архив совершенно нового формата, Маша держала своего новорождённого сына за тонкие пальчики, с замиранием сердца наблюдая, как малыш часто-часто дышит, словно неоперившийся птенец, которого выкинуло из гнезда порывом холодного северного ветра.

Это она виновата, чёрт подери. Нельзя было выбрать для путешествий страну поспокойней — нет же, Африка, Индия, Таиланд… Наверное, там что-нибудь и подцепила.

Воспалённый мозг Марии вкрадчиво вещал голосом Линды, торжествующе размахивая транспарантом со словами врача о том, что причиной подобных отклонений являются, как правило, вирусные заболевания, тем более что характерных генетических аномалий при анализе ДНК новорождённого выявлено не было. Ну, если даже был бы и сбой, то не иначе, как со стороны матери…

Лина с Кирой врачи всё-таки сумели остановить на самом пороге операционной, и теперь ребята мыкались в коротком коридоре, страдая не столько от обиды на фразу доктора: «Ну давайте ещё патихард тут устроим» — в конце концов, его можно понять, вся бригада на нервах, сколько от щемящей неизвестности, вытягивающей душу через узкую щель сведённого судорогой горла, а ещё сильнее — от осознания абсолютной невозможности доказать кому бы то ни было, что их помощь может оказаться решающей в этой битве за простое человеческое счастье.

Перед самой операцией Лин перевёл все онлайн-оповещения в беззвучный режим, так что он не сразу заметил мигание миниатюрной иконки, стилизованной под красный конвертик. Ну, кто там ещё?.

12-SEP-2072
from: Santi
to: LinStranger

Лин, здравствуй. Это дядя Рафаэль. Прошу, дочитай письмо до конца. В моей компании только что был обыск. Я не знаю, что им удалось найти, но на допросе мне намекнули, будто знают, кто совершил взлом. Ты, наверно, будешь рад, узнав, что мне светит тюрьма, но сразу после меня они доберутся до тебя, Хидео и папы, а насколько я понимаю, у него сейчас не самая радужная полоса в жизни. И что бы там ни было между нами, сейчас я хотел бы одного — чтобы Криса оставили в покое и не отрывали от родных людей. Пока я ещё на свободе, готов помочь ему восстановить систему, которую вы так красиво разнесли (да, я впечатлён, без шуток). Проблема в том, что Кристиан не хочет меня видеть. Так что ты — моя последняя надежда достучаться до него и хотя бы пару минут поговорить с ним лично.

Надеюсь, что до связи.

Рафаэль.

Ну, это полный звездец. Самая натуральная западня.

Забыв о правилах поведения в больнице, Лин с размаху стукнул кулаком в стену. Не верю я тебе, дядя Рафаэль. Не-ве-рю. Наверняка ты там уже сговорился со спецслужбами и пытаешься отыграть роль невинной жертвы. Но у меня для этой партии припасён туз в рукаве. И плевать, что доказательств маловато. Мы оба знаем, кто ломал программу протезов Киры и кто принёс её в поликлинику. А уж блефовать я умею не хуже тебя.

12-SEP-2072
from: LinStranger
to: Santi

Если папа не хочет тебя видеть, значит у него есть на это веская причина, «дядя Рафаэль». И зря ты думаешь, будто о ваших с мамой скелетах в шкафу никто до сих пор не в курсе.

Выискался тут, мальчиш-кибальчиш.

— Где они могут быть? — с обманчивой рассеянностью спросил Рафаэль у Линды.

[Как мне прижать этих долбанных партизан к стенке?]

— Где угодно, — откликнулась Линда. — А вообще, они все сейчас живут в Машиной квартире. Видишь ли, Рафаэль, у меня хватает собственных проблем. Не хочу тебя обидеть, но напоминаю, что я в любой момент могу потерять внука. И если

тебе так нужно добраться до Криса, поехали к Маше домой, там и поговорим.

Тихий щелчок входной двери. Полчаса возни, и датчик распознавания на двери, разрисованной японскими иероглифами «Мария, Хидео, дом счастья», сдался под напором Рафаэля, вспомнившего все свои лучшие хакерские приёмы ради Линды, которая сейчас стояла тенью за его плечом, тихо злясь на сероглазого хакера, который, приехав в столицу, первым делом заблокировал ей доступ в квартиру дочери.

Открытое настежь окно, чашка тёплого кофе на столе… Кажется, они опоздали, и стайка легкокрылых птиц упорхнула из квартиры прямо в небеса.

Рафаэль раздражённо пнул по компьютерному стулу, и тот упал на пушистый белый ковёр.

— Ты что творишь? — накинулась на него Линда. — Они поймут, что тут кто-то был.

Наклонившись, чтобы поднять стул, Линда кинула рассеянный взгляд на светло-зелёные линии дешёвого линолеума и растерянно замерла, уставившись на засохшие капли тёмной крови, дерзко нарушившие идеальную гармонию рисунка на полу.

Что здесь произошло?

Нет, не то. Что произошло с ним?..

Вспоминай, Линда. Когда-то давно было уже нечто похожее и всё-таки другое: лазерные лучи в дыму ночного клуба, электронная музыка, ночной полицейский рейд. Запредельное напряжение в тёмно-серых глазах, тонкая алая полоска крови — от сгоревших имплантов вниз, по шее…

— А, чёрт… Но, кажется, я успел. Теперь уходим.

Более феерического первого свидания, какое состоялось у тебя с Крисом, и представить сложно. Линда болезненно застонала, почувствовав, как в её обледеневшем сердце возникает тонкая трещина, и вместо ненависти горячей волной наружу рвётся столь долго скрываемая жалость. Догоняй своего хакера, Иштар. Ему сейчас очень плохо.

— Есть идея, Рафаэль, — одолев спазм в горле, выдавила Линда. — Я позвоню Крису, скажу, неотложные дела, надо встретиться…

Номер Кристиана, однако, оказался недоступен.

Тихо чертыхнувшись после третьей попытки дозвона, Линда задумалась.

Куда он мог подеваться?

Тишину узкой комнаты нарушил входящий звонок, предназначенный самой Линде.

— Хидео? Привет. Что-о?.. О господи… Да, я уже еду.

Тёмные глаза Рафаэля изучающе скользили по лицу Линды.

— Что такое?

— Нам… мне надо в больницу к Маше, — ответила Линда, лихорадочно добавив, — Крис тоже там.

Редко, очень редко Линда нарушала скоростной режим на аэротрассе, но сейчас случай был более чем подходящий.

Первым делом богиня попыталась прорваться к своей дочери, ребёнка которой, по словам Лина, совместным усилием спасли Хидео и Кристиан, но два дюжих врача изловили её у самых дверей операционной, направив в соседнюю комнатушку со словами:

— Ваш… ээ… муж отказывается от медицинской помощи. Может, хотя бы вы на него повлияете.

Если бы Хидео не держал Криса за плечи, а Лин — за руку, хакер упал бы на пол и отключился на неопределённое время. Осколки воспоминаний Алекса ранили ему душу, и боль в груди была в разы сильнее, чем жжение в затылке от перегоревшей электроники. Я читал тебя, как книгу, Охотник, но так и не успел дочитать до конца…

— Свободный стол, чистую воду, анестезию.

Голос, который он рассчитывал услышать меньше всего. Давно позабытые за ненадобностью интонации прежней Линды — юной, отзывчивой богини с розовыми волосами и лёгкой рукой, особенно когда дело касалось медицинских операций.

— Не надо… — по инерции шепчет Крис, до последнего не веря, что перед ним не тёмная Кали, а родная Иштар, несущая в своих руках тепло самой жизни. Когда Линда касается окровавленной шеи хакера, меж её пальцами вспыхивает яркая искра — это сгорает последняя защита обессиленного Кристиана, но руки Линды по-прежнему остаются на его плечах, как и двадцать лет назад, готовые спасти то, без чего ему не быть Овердрайвом. Проверка завершена успешно, и только после этого Крис позволяет себе потерять сознание.

Вместе с сотней мелочей, которые мы ошибочно полагали важными, забудутся ненужные слова и неверно понятые поступки, но глаза и руки будут помнить всегда.

Откинуть тёмные волосы, вдохнуть свежий запах ветра, который уносил тебя, Линда, к новым горизонтам и который ты потеряла, предпочтя окуклиться в уюте тесного гнезда, будто кто-то пообещал тебе, что внутри него течение времени замрёт на отметке «вечный безмятежный день идеальной семьи»…

Но гнёзда разрушены, и птицы разлетелись по дальним странам.

Крис что-то невнятно простонал, и, наклонившись ближе, Линда обратилась в слух, втайне надеясь, что на грани наркотического сна, в который она собственными руками ввела Кристиана, хакер выдаст какой-нибудь из своих секретов, предоставив им с Рафаэлем козырь в этой чёртовой игре. Но Крис больше ничего не сказал. Оставалось только довериться памяти собственных рук, осторожным движением вытянуть из-под его кожи старые импланты, установить новые и ждать.

Едва Линда загнала две тонких сверкающих пластинки на положенное место, Кристиан дёрнулся, чуть не упав на пол. Нет, сероглазая птица, сейчас тебе не улететь далеко.

Инициализация системы…

Настройка визуального модуля…

Кинетика…

Звук…

Контакт.

Нетерпеливый мужской голос пробился в сознание Кристиана сквозь гулкий звон в ушах, и хакера чуть не вырвало на пол.

— Ну что, Линда, когда я смогу с ним…

Шипение разозлённой тигрицы прервало Рафаэля:

— Подождёш-шь, Санти. Я прос-сила не входить следом за мной. Проваливай в коридор.

— Что… вам всем… от меня нужно? — слабо простонал Кристиан.

— Пока нич… — начала Линда, но Рафаэль мало того что не вышел из кабинета, так ещё и перебил её.

— За других не скажу, Овер, а мне от тебя нужно только одно. Чтоб ты восстановил этот долбанный пчелиный улей с гордым названием «Система семантического кодирования». У нас мало времени. Ты же не хочешь, чтобы спецслужбы добрались до твоего сына? Про зятя я молчу. Так что приходи в себя и…

Исчерпав запас нормативной лексики, Линда коротко выругалась и с силой дёрнула аргентинца за край пиждака, но Рафаэль оттолкнул её руку, словно гоня от себя назойливую муху.

— Молчи, Линда, сейчас моё время.

Глаза богини полыхнули адским огнём, и она собралась выдать очередную порцию нецензурной брани, но в следующую секунду Кристиан вскинул голову, судорожно вздохнул и, не открывая глаз, еле слышно ответил:

— Одно условие, Санти. Прошу тебя.

Рафаэль удивлённо вскинул брови. Что, так быстро сломался, Крис? Впрочем, момент располагал как никогда.

— Что угодно, Овер, — ответил аргентинец, с нескрываемым удовольствием наблюдая, как тонкие пальцы Лина впились в

подлокотники коляски, а Хидео сделал какое-то странное движение, словно пытаясь найти на поясе эфес несуществующей катаны. Впрочем, в маленькой комнатке ожидания не было ни единого острого предмета, и народ злился, но вынужден был безмолвствовать, по крайней мере, до тех пор, пока…

Пока ресницы Кристиана не дрогнут, рождая торнадо на другом конце земного шара, и в потемневшей, словно небо Апокалипсиса, радужке не выбьет к чертям все предохранители.

— Договорились. Давай руку, Санти, — протянув хрупкую ладонь навстречу аргентинцу, предложил Крис.

Нет, не предложил. Приказал.

Ладно, подыграем тебе, король в отставке.

Рафаэль с силой сжал в своей пятерне тонкие пальцы хакера, не столько услышав, сколько кожей ощутив хруст его суставов, и уже собрался выдать торжествующую улыбку победителя, как вдруг почувствовал короткий болезненный укол в запястье. В изумлении скосив глаза на собственную руку, Санти увидел, что пальцы Криса оканчиваются самыми натуральными птичьими когтями, которые в данный момент впились аргентинцу в вены. Поверил бы, что это морок, если бы боль не была такой настоящей.

Рафаэль попытался размахнуться, чтобы врезать Кристиану по лицу и заставить его разжать свою стальную хватку, но в следующий миг перехватил взгляд Овердрайва. Две чёрных дыры в кольце штормовых туч за одну невыносимо долгую секунду вытянули из аргентинца все силы, лишая его остатков самообладания, и тихий шёпот Кристиана ударил ему в виски, как набат.

— Расскажи, откуда у тебя эта программа. Прямо сейчас.

Рафаэль сделал попытку вырваться, но лишь растерял координацию, едва не упал и был вынужден опуститься на колени.

— Я… заставил Алекса взломать сервер «Souls Unite», — чуть не плача, выдал Санти.

[show more info…]

— А ещё я поломал обновления для протезов Киры, потому что Линда попросила меня об этом…

[show more info…]

— И не стал спасать дом на Ладоге, когда она его подожгла…

[show more info…]

— Всё, Овер, — простонал Рафаэль. — Я конченный мудак. Добей меня, имеешь право.

Острый коготь разрывает самую тонкую вену на запястье аргентинца, но кошмарная птичья лапа уже обретает свой

привычный человеческий облик, и на последнем остатке мощности Крис коротко касается вспотевшего лба Рафаэля своими тонкими, холодными пальцами.

— А теперь ты пойдёшь в прокуратуру и повторишь всё это слово в слово.

Ослепительно белая разрядная вспышка заставила двух молодых санитарок, прибежавших на шум, растерянно замереть на пороге и бесшумно смыться в неизвестном направлении.

Выпустив Рафаэля на свободу, Крис прикрыл глаза дрожащей рукой, словно боясь случайно опалить кого-нибудь своим электрическим огнём, над которым он сегодня едва не потерял контроль, но даже сквозь сомкнутые веки хакер видел, как вспыхивает красно-фиолетовым аура отчаяния вокруг разоблачённой Линды, как стремительно рыжеет поле вокруг Хидео, готового броситься на защиту кого бы то ни было от кого бы то ни было, а самое горькое — как Лина и Киру окутывает тускло-голубое облако страха. Страха перед ним, чёрт возьми, получеловеком-полуроботом.

— Отойдите. Нахрен. Из комнаты. Все. Прошу, чёрт возьми, — задыхаясь, Крис уткнулся пылающим лбом в стену и судорожно схватился за горло, пытаясь унять сердце, вышедшее на отметку «150» и не желающее останавливаться на достигнутом.

Ты один мог выдержать мой заряд, Охотник.

Тихий, глубокий голос — свежим ветром в раскрытое настежь окно.

— Дыши, Овер. Дыши, птица моя.

Горячие руки, снимающие мучительную судорогу меж рёбрами.

Никому, кроме тебя, не удавалось утихомирить меня одним прикосновением, Алекс.

Ты мой воздух, Охотник.

Спасибо…

* * *

Почуяв неладное ещё в конце августа, Лисовский отчего-то не решился беспокоить Кристиана телепатическими беседами. Тем выше поползли вверх его седые брови, когда в глухую сентябрьскую полночь Крис сам вышел с ним на связь, сообщив, что за время своего оффлайна он потерял любимого человека, посадил за решётку любовника бывшей супруги, а также стал дедушкой.

— Умеешь же ты найти экшн на свою голову, — изумлённо покачав головой, присвистнул профессор.

[Искренне тебе соболезную, Крис.]

[Спасибо, Георгий…]

Краем восприятия Лисовский перехватил зрение хакера. Крис по-турецки сидел за ноутбуком, кажется, с новой подработкой. Интереса маловато, зато платят хорошо. Чуть поодаль Маша нянчила засыпающего младенца, а Хидео, предусмотрительно выведя звук в наушники, рубился в сетевую стрелялку с Лином и Кирой, которые, судя по всему, снова вернулись в Питер. Овера периодически шатало, и, прислушавшись к своей интуиции, Лисовский понял, что дело не столько в усталости, сколько в том, что Крис по привычке ищет родное плечо, на которое можно упасть, но уже не находит.

Ладно, попробуем развеять твою тоску, хакер.

[Как внука назвали?]

[Шикари. По-индийски означает «охотник».]

Да, Крис, от вашей семейки я и не ожидал каких-нибудь банальных «Дима» или «Петя», но всё-таки…

[Почему хинди? И почему…]

[На хинди красиво звучит, а «охотник» — потому, что он тот самый Охотник, профессор. Это была не совсем легальная операция, но выбора у нас не было. Простите, большего сказать не имею права, вы и так по моей вине вляпа…]

[То есть ты хочешь назвать самое яркое приключение всей моей жизни «вляпаться во всякое…»?]

Наконец-то хоть чуть-чуть улыбнулся, хакер.

[Ну, раз вы мне до сих пор в лоб не дали за всё, что было, я рискну попросить вас о помощи.]

[Что угодно, Кристиан.]

Глубокий вдох и тихое, как ночной ветер:

[Мне нужно умереть на десять минут, выйдя в транскод, а потом очнуться. Только так я смогу записать себя самого. Маленький Охотник не выживет без Овердрайва. Посмотрите сами, пан. Маша каждый вечер пытается убаюкать сына, а он всё вертит головой по сторонам. Я, конечно, не знаток психологии развития, но это уже больше, чем простой ориентировочный рефлекс.]

Лисовский (или Крис?) с сомнением прищурился. Малыш на руках у Марии беспокойно перебирал тонкими пальчиками. Ресницы у него были чёрные, разрез глаз вышел в отца, а вот цвет…

Синее ладожское пламя. Вопреки всем законам генетики, чёрт возьми.

Контрольный выстрел, Крис.

[Когда будешь готов, назови мне дату, Овер. Я приеду.]

[Первое октября. Я нашёл младенца с такой же аномалией. Родители подписали отказ, через неделю смогу его забрать. К тому времени техническая часть будет готова.]

[Понял. Ну что ж, до встречи, Крис. Я знал, что мы с тобой не последний раз видимся.]

* * *

Сложно описать словами облегчение Линды, которое она испытала в зале суда, когда поняла, что заседание окончилось, а дело так и не вышло за рамки пресловутого «взлома того, что было украдено». Новый Президент всеми силами стремился подчеркнуть, что его малость двинутый предшественник яйца выеденного не стоил, равно как и его жалкие попытки выровнять политический курс огромной лодки под названием «Восточно-Европейский сектор», так что в скором времени ушлые блогеры уже вовсю начали публиковать карикатуры, в которых предыдущий глава государства был изображён в виде немецкого фюрера, отправляющего своих лучших людей искать мифическую Шамбалу и чертить гексаграммы на поле битвы.

Нет, телепатией делу не поможешь. Только Воля и Разум.

Линда задействовала все свои связи, чтобы спасти Рафаэля, но просила она за него уже без особого рвения, скорее по инерции, словно выключив движок моторной лодки недалеко от берега, дабы сэкономить остатки топлива, поэтому Санти всё-таки получил три месяца тюремного заключения в колонии общего режима за незаконное присвоение интеллектуальной собственности компании «Souls Unite». Достаточно для того, чтобы щёлкнуть зазнайку-директора «Div-in-E» по носу и предать забвению это дело вместе со злосчастным предметом раздора.

«Так не доставайся ж ты никому», и правда.

На первом часу процесса Линда выгорела почти дотла под огнём по-детски обиженных глаз цвета крепкого кофе. Проснувшаяся совесть богини резво поскакала по улицам её сознания, размахивая листовками с короткими лозунгами: «Кто развёл Рафаэля на взлом протезов?», «Кто сделал его соучастником поджога дома на Ладоге?», «Кто втянул его в патихард у Лисовского?»

Ну, знаешь, Санти, может, я и дурная баба, но адски тупить и соглашаться влезть хоть к чёрту в задницу, лишь бы со мной за компанию, тебя никто не заставлял.

А может быть, это и есть любовь? Такая вот форма выражения твоей любви, Рафаэль: тупить и виться за мной хвостом. Но вот только ты, в отличие от Криса, настолько прост в эксплуатации, что админские права на тебя перестали меня прельщать где-то на третьем месяце с момента их обретения. Паззл на тысячу кусочков заставляет своего владельца ощущать себя без пяти минут ничтожеством, но паззл на двадцать деталек способен вызвать восторг лишь у трёхлетних детей.

Скосив глаза куда-то в сторону, Линда внезапно почувствовала, как адский жар постепенно начал отпускать её, словно в душном зале открыли все окна и вдобавок врубили кондиционер.

— Крис, — зажмурившись, прошептала Линда. — Я думала, ты не придёшь.

— Так ты рада, что ошиблась, или мне уйти? — неведомо как сероглазый хакер, которого Линда мельком увидела в соседнем ряду, оказался уже за её спиной. Слишком близко, чтобы солгать. Только вот самой бы определиться, что чувствуешь сейчас…

— Не знаю, Крис, — выдохнула Линда. — Честное слово, не…

— Выбирай нейтраль, Линда, — ответил Кристиан. — Я не требую немедленного ответа. Вообще пришёл по другому поводу.

Линда непроизвольно напряглась.

Тебя страшил паззл на тысячу деталей, Иштар? А как тебе вот такой вариант: полторы тысячи кусочков, да ещё и картинка, абсолютно не совпадающая с той, что заявлена на коробке?

— Что?.. — выдавила из себя Линда.

[Я кругом виновата, я последняя мразь, но прошу, пощади меня, Овердрайв.]

Тонкие пальцы невесомо легли на шею Линды, обжигая её нежную кожу февральским холодом, принесённым из самых тёмных глубин реки-под-рекой. Линда съёжилась от страха в томительном ожидании разряда, который по всем законам жанра должен был если не прикончить гадкую богиню, то лишить её памяти и дара речи.

Крис подождал, пока адреналин в крови испуганной Линды не смешается с эндорфином, рождённым его прикосновением, а потом выдал:

— Наверное, ты не горишь желанием оказаться на месте Рафаэля, я прав? Тогда давай кое-что сделаем друг для друга. Я заставлю себя забыть обо всём, что ты натворила, а ты в течение двух недель разменяешь квартиру. Тебе хватит и одной комнаты, а мне понадобится две. В остальном я полагаюсь на твою совесть, Линда. Она тихо и мирно доест тебя где-нибудь на равном удалении от Лина, Маши и меня. Договорились. Ну и славно.

* * *

— Хидео будет рядом с нами на поддержке соединения, а Лин залогинится из Питера и в нужный момент запустит эмуляцию в транскоде, — наверное, огласи Лисовский химические формулы своих препаратов, Крис понял бы в них ровно столько, сколько сейчас понимал пожилой нейрохирург во всех этих компьютерных ухищрениях.

Хидео, занятый синхронизацией двух систем — его и Овера, органично смотрелся в своём длинном кожаном плаще при тусклом холодном свете кварцевой лампы, на фоне проржавевших стен заброшенной судоремонтной верфи, кое-как обжитой хакерами за пару предыдущих визитов.

Сам Крис держал на руках маленький, мирно сопящий свёрток.

— Как назвал? — кивнув на приёмыша, спросил Лисовский.

Крис бросил взгляд на потёртое замшевое кресло, рядом с которым профессор уже разложил весь свой термоядерный арсенал, и коротко ответил:

— Пока никак. Видно будет… потом.

Неведомо как проникший в мозг, невозможный по своей сути, тихий голос Охотника вдруг заставил Криса едва заметно вздрогнуть:

— Я с тобой, Овер. Что бы ни случилось.

Глубокий вдох. Выдох с закрытыми глазами.

Рассветное солнце над Ладогой. Серебристое крыло птицы на спине белого волка. Волчья лапа, мягко лежащая поверх птичьих когтей.

— Я готов, профессор.

Не открывая глаз, Кристиан падает в продавленное кресло. Где-то неподалёку Хидео ласточкой ныряет в транскод: ему ещё надо сгонять за Лином, протянуть парню руку и выдернуть его из си-сферы в реку-под-рекой. Лисовский гремит инструментами, запускает установку, на последние деньги арендованную Крисом в той же клинике, где был спасён его внук. Неофициально арендованную, разумеется.

— Ну, малыш, пойдём прокачивать тебе новый уровень, — ох, пан, всё новое на лету схватываете. Наверное, дело и вправду в вашей душевной молодости. Никакие примочки не помогут сохранить блеск в глазах, если мыслишь и живёшь, как старик, будь тебе хоть двадцать, хоть тридцать.

Свёрток исчезает, и Кристиан молча щурится на учёного, который с почти отеческой заботой укладывает новорождённого в специальную люльку, сплошь оплетённую прозрачными

трубками. Во внутренней поверхности люльки ждут своего часа тонкие, невероятно острые шприцы — первая боль в такой ещё недолгой маленькой жизни. Боль, без которой пустые глаза ребёнка навсегда останутся пустыми.

Отработанным движением Лисовский закрепляет датчики портативного энцефалографа на голове Кристиана. После сложной активации люльки, которую учёный увидел впервые в жизни (век живи, век учись, конечно, но не при таких бы обстоятельствах…) руки Лисовского едва заметно дрожат, но магия привычных действий постепенно приводит его в чувство.

— Возвращайся, Овердрайв. Обещаешь?

Крис медленно кивает на автопилоте, и Лисовский вкладывает всего себя в одно короткое, точное движение, вгоняя в кровь хакера полную дозу мёртвой воды, поднятой с придонного слоя Стикса.

На исходе лета ты уходил так по несколько раз в неделю, Алекс. Значит, хотя бы один раз и я смогу. А большего и не надо.

Пару минут Кристиан молча ждал, прикрыв глаза. Стайка залётных мыслей попыталась облепить тонкие провода его сознания, но мигом снялась с места, словно почувствовав, что вот-вот по ним с сухим коротким треском пройдёт сокрушительный разряд, рвущий ватную предгрозовую тишину в клочья.

— I dive into the sea,
To realms of unknown blue,
I break the surface
To drown in nothingness.
Calm before the storm,
Storms drowning everything…[55]

Вот она, звенящая лёгкость, о которой ты столько раз говорил мне, Охотник. Почти как эйфорическая невесомость транскода. Верхняя точка американских горок, миг, достаточный лишь для того, чтобы увидеть в золотистом мареве край закатного солнца, а потом падать, падать, падать вниз, в холодную мглу надвигающейся ночи.

— Floods drowning all,
You’re sinking down.
Water, deep, blue, cold —
The sea’s calling You.
Floods drowning all
Blue dimensions,

Water, deep, blue, cold
Destroying all.[56]

В горле у Кристиана пересохло, дыхание стало каким-то дёрганым и поверхностным, в ушах зазвенело, и хакер протянул руку в сторону, пытаясь ухватить открытую бутылку с водой, но вестибулярный аппарат послал его лесом, наплевав даже на наномашины, которые пребывали в некотором смятении, не понимая, с какого хрена хозяин решил долбануть анальгетика, если у него ничего не болит. Ну, разве что душа.

— And the flood's destroying all,
And the world is sinking down,
Blue dimensions over us,
Our world is dying.[57]

К чёрту воду, когда тебя ждёт целая река. Сверкающие волны унесут обессилевшую серокрылую птицу к далёкому берегу, на котором она должна умереть и родиться заново. Вспыхнуть и выложиться до конца, если угодно. И пусть где-то там его безвольное, холодеющее тело валяется в кресле, а сердце выдаёт редкие удары через каждые три секунды… пять… семь. Ночь не страшна, если знаешь, что новый рассвет встретишь об руку с родным человеком, а все сообщения, отправленные в одиноком полуночном бреду, будут прочитаны адресатом с первыми лучами солнца.

— Black clouds appear
And the rain falls,
Lands under water,
They sink into forget.
Cold under water…[58]

Пора.

Сжатым кулаком Крис пробил си-сферу, но боли не было. Ничего уже не было в нём, кроме пылающего семисвечника, запредельной радуги на сердце, семизарядного револьвера, каждая пуля в котором — то, что делает Кристиана Овердрайвом.

Где-то над головой хакера, в безоблачном синем небе с частыми проблесками активных подключений, стройный японец раскидывает серебристую сеть, которая легковесным куполом закрывает птицу от посторонних глаз. Из вершины купола

выходит тонкая светящаяся нить, теряясь где-то высоко в зените.

Раскинув серые крылья, птица плывёт по реке и тихо поёт свою песню.

#1

Июльская ночь на даче. Родители ушли к соседям праздновать очередную «тяпницу», и, судя по пьяным нестройным взвизгам в караоке, намереваются зависать там до рассвета, вознаграждая себя за прошедшие трудовыебудни. А тебе всего шесть, и ни одному из этих недосягаемых взрослых не хочется впускать тебя в свою систему координат. Всё, чего ты хочешь — это перестать быть единоличным правителем в царстве игрушек и пригласить на трон хоть кого-нибудь из тех, кто приходит в дом твоих родителей. Но до маминого понедельничного приступа гиперопеки ещё далеко, и лучшее, на что ты сейчас можешь рассчитывать — это тонкие пальцы отца, вскользь потрепавшего тебя по голове на пути от костра к холодильнику.

Ты — обуза, Крис, хоть никто никогда и не говорил тебе это в лицо.

Ты виснешь на крыльях у папы и мамы, мешая им летать так же высоко и долго, как они могли делать это до твоего рождения.

Ты не имеешь права просить их о любви.

Ты — лишний.

Забор одаряет твою ногу глубокой царапиной, забирая частички кожи и крови в качестве платы за пересечение границы двух миров, и роса сверкает на траве в ярком свете полной луны. Зачем тебе жалкие четыре сотки участка, на котором дюжина скучных людей пытается с помощью духов алкоголя убежать от постылой реальности, когда перед тобой — настоящая свобода, зовущий горизонт и туманная лента реки?

> <Ты уходишь прочь из дома
> В час, когда все крепко спят,
> По дороге, мне знакомой,
> От рассвета на закат.
>
> Ночь в июле полна соблазна,
> И мятежна ночная даль.
> Свыше путь тебе указан,
> Знает Бог один, куда…[59]>

Можно изваляться в траве и вымокнуть до нитки. Можно

сигануть в реку, вода в которой теплее, чем воздух, и покрыться мурашками не то от ночной прохлады, не то от шалой запретной радости, недоступной тем, кто остался в духоте деревянного дома, променяв сияние Млечного пути на жёлтый кружок света от пыльной лампы. Можно есть дикую малину, удивляясь, что ночью её вкус совсем не такой, как днём. Можно побежать за луной, почти взлететь, задыхаясь от восторга, вдруг споткнуться о подлый камень, разодрать колени, но не заплакать, а засмеяться, услышав, как в лесу твоему смеху вторит неведомая ночная птица. Можно вернуться на рассвете в порванных джинсах, с репьями в спутанных волосах и перепачканными в земле руками, бесшумно скользнуть на чердак и, не раздеваясь, упасть — не на кровать, ниже. На пол. И моментально заснуть с безумной, счастливой улыбкой. Всё равно родители проснутся только к обеду. И хорошо, если как обычно в упор не заметят тебя.

Ещё вчера ты горько рыдал, задыхаясь от одиночества. Сегодня ты научился ценить одиночество, и от твоей прежней горечи не осталось и следа, словно ты перерос её, как прошлой ночью перерос хлипкий забор, ограждающий загон в четыре сотки, где по вытоптанной траве бродили люди с крыльями слабыми, как у птички киви, и глядели в землю, пытаясь найти выход за пределы самих себя, да так ничего и не смогли отыскать.

<Ночь. Луна. Свобода.>

#2

Первая учительница — Настасья Фёдоровна (именно Настасья, не Анастасия), выглядит почти как славянская богиня: русая коса по пояс, глаза цвета молодой листвы, голос чуть окающий, напевный. И этим самым голосом она спрашивает:

— Кристиан Вебер, отчего ты подделал мою подпись в дневнике товарища?

Именно так: не «зачем», не «почему», а «отчего».

Крис молчит, чувствуя на своём горящем лице взгляды тридцати пар острых глаз и едва не теряя сознание от концентрированной смеси праздного любопытства, откровенного осуждения и искреннего сочувствия, тяжёлыми волнами разлившейся по классу. Звонок с урока уже прозвенел, но учительница тянет время, ожидая, когда вихревой калейдоскоп детских эмоций обретёт вектор, словно железная стружка под действием магнита, и обратится против дерзкого нарушителя порядка, из-за которого все они вынуждены сидеть на месте,

впустую теряя драгоценные минуты жалкой школьной вольницы.

— Позор!.. — раздаётся чей-то писклявый вскрик с левого ряда. Петька Титов, чей дневник и воздет сейчас в руке учительницы, словно наглядное пособие для хакеров-неудачников. Петька, который на предыдущем уроке перехватил недоверчивый взгляд Настасьи Фёдоровны и на перемене умудрился изловить её, наврав с три короба, что Крис сам расписался в его дневнике, чтобы проверить — заметит учительница подделку или нет.

— Позор!.. — подхватывает правый ряд, и спустя несколько секунд целый класс синхронно выдыхает в побледневшее лицо Кристиана одно и то же короткое слово, с ужасающей размеренностью вбивая его в грязно-зелёное болото запачканной мелом доски.

Крис хочет что-то сказать — кажется, о том, что добрая половина скандирующих к этому дню уже не раз пользовалась его, Кристиана, даром подделывать любой почерк, и только одна крыса догадалась сдать его классухе, но дыхание у мальчика перехватывает от короткой отчаянной мысли:

«Они боятся истины одиночек».

— Это плохое поведение, Кристиан. Надеюсь, ты понимаешь, что…

«Они. Боятся. Истины. Одиночек».

Сердце у Криса бьётся пойманной птицей где-то в области диафрагмы, с каждым ударом выталкивая горячие, алые сгустки — четыре слова, и новый круг.

— Ты должен быть хорошим мальчиком, Кристиан. А что делают хорошие мальчики? Правильно. Признают, что…

«Они… боятся… истины… одиночек…»

На спине Криса отпечатывается тонкий белый след от уравнения, случайно оставленного на доске старшеклассниками с прошлого урока. Только отражённые уравнения решаются по иным законам. И первый закон — «Икс в левой части может быть больше, меньше или равен сумме иксов в правой части уравнения».

— Давай, Кристиан, не бойся признаться… Ты можешь сказать это вслух. Более того, ты должен сказать своим товарищам, что…

— Они боятся!.. — выпалил смертельно бледный Крис, и, вздрогнув, словно от удара током, медленно сполз по стенке на пол.

> Будь как все, вороной чёрной стань,
> Не мучайся.

Ты с крыши сажу чёрную достань —
Получится…[60] >

Очнулся парень от тошнотворного запаха нашатыря, поднесённого к носу щедрой рукой школьной санитарки.

— Они… боятся… белых птиц, — бездумно повторил Крис, разглядывая перегоревшую лампочку, одну из десятка товарок, уютно устроившихся на потолке.

— Но мы-то не боимся, — раздался чей-то тихий голос прямо над ухом. Следом послышался шорох, и второй голос добавил:

— Ты клёвый, Крис. Хорош дичиться, давай дружить. А чтоб ты нас не путал, запомни: у Яна пробор налево, а у меня направо.

<Неподчинение. Истина. Дружба.>

#3

Ты — хакер, каких поискать. Утром ходишь в институт, днём подрабатываешь, вечером гоняешь свою костлявую тушку на спортивной площадке, ночью носишься меж сверкающих высоток Города-под-рекой, и кажется, даже твоё отражение за тобой не успевает. Всегда на шаг впереди, на секунду быстрее всех остальных. И как бы банально это не звучало, ты не привык откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Причина? Однажды ты подумал: ну, устроился на первую в жизни работу, рад до очумения, собрался похвастаться родителям — мол, вот, я сам, я сумел, но привычно гасишь свой восторг — подумаешь, событие века, предки, наверное, снова в командировке, заняты по горло, угукнут в трубку и сбросят вызов. Неохота ломать себе кайф, позвоню им как-нибудь потом. В гости приеду тоже как-нибудь потом. А это «потом» оказалось сложенным из руин взорванного дома и имело горький привкус гексагена, смешанного с мелкой кирпичной пылью, покрывшей лица тех, кто дал тебе жизнь и в одну дождливую ночь ушёл навсегда, даже не успев проснуться, чтобы узнать, как сильно ты их всё-таки любишь.

Ты — молодой отец и руководитель маленькой, но дружной команды айтишников. Утром готовишь завтрак, жалея чуткий сон своей жены, днём впахиваешь над кодом наравне с остальными, вечером гуляешь с семьёй, ночью снова учишься — на этот раз дистанционно, просто потому, что руководители обязаны пройти какие-то там курсы, без бумажки об окончании которых никто не

поверит, что ты сумеешь выдать годный продукт и не вляпаться в дедлайн. Всегда на шаг впереди, на секунду раньше остальных. И как бы банально это не звучало, ты не привык откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Причина? Двадцать классных ребят, каждого из которых с руками оторвут в любой корпорации, но которые выбрали свой путь — рядом с тобой. И два самых родных на свете человека, ради которых ты ежедневно готов выкладываться до нуля и даже уходить в минус.

Ты просто не имеешь права дать им меньше, чем они могли бы получить в другом месте и с другими людьми. Это непредсказуемые дни и бессонные ночи, которым нет конца, это ежедневная работа на разрыв, но мы в ответе не только за тех, кого приручили. Мы в ответе за тех, кто приручил нас.

> «Я не вернусь» —
> Так говорил когда-то,
> И туман глотал мои слова
> И превращал их в воду.
> Я всё отдам
> За продолжение пути,
> Оставлю позади свою беспечную свободу…[61]

Ты умеешь формировать запрос к мирозданию, хакер, умеешь ежедневно вытягивать на себе кучу мелких рутинных дел и ждать, когда закрутятся невидимые глазу шестерёнки, выведенные из трясины колдовского сна твоим электрическим импульсом. Те, кто знает тебя, Овер, говорят, что ты меняешь мир там, где появляешься, словно линза из чистого хрусталя, собирающая в себе крохи рассеянного дневного света, чтобы на выходе дать тонкий луч чистой энергии. Ты умеешь зажигать искры в глазах людей, и только за одним этим они приходят к тебе и остаются на твоей орбите.

И ты бываешь вознаграждён за это, когда Госпожа Жизнь бьёт тебя под дых, перегружая неподъёмным количеством дел в единицу времени, словно устраивая бесконечный тест-драйв хакеру-молнии, или когда Его величество Случай заставляет тебя уничтожить всё, во что ты вложил душу, принеся сотню бессонных ночей в жертву богам Судьбы. Ты готов подбитой птицей упасть в пыль и пепел сожжённых городов, но надёжные руки друзей держат тебя за плечи, и чей-нибудь голос возвращает тебе твой же заряд единственной фразой: «Целое — больше, чем сумма частей. Играть, так вместе. Играть, так красиво. Играть, так до конца».

<Whenever you feel that the world is a lie,
A cruel and merciless hope homicide,
You gotta fight it with everything you have inside…

You are a rockstar, a superhero,
Get up, get up and show 'em what you're made of,
You know what you are so let the fear go,
Get up, get up and show 'em what you're made of…[62]>

Обманный манёвр, ложная слабость напоказ противнику и внимательный, чуть прищуренный взгляд за зеркальными стёклами очков. Победитель нагло смеётся, держа тебя за волосы и запрокинув лицо в небо, а ты стоишь на коленях, тайком высматривая уязвимые места триумфатора, и незаметно, неотвратимо поднимаешь в себе высокое напряжение. А потом смыкаешь тонкие пальцы в монолитную стальную линию и пробиваешь врагу рёбра, запредельной разрядной вспышкой останавливая его сердце навсегда. И последнее, что ты слышишь — это рычащее: «Будь ты пр-роклят, Овердр-райв».

<Хакер. Вектор. Разряд.>

#4

Клубничный коктейль или шоколадный? Работа или учёба? Путешествие или дача?

— Давай, Крис, примкни ко мне, — соблазняет левая полоса дороги. — Я ровна и предсказуема, на мне что ни метр, то сытная еда и тёплая постелька, всё, как у нормальных людей. Тебе же уже не шестнадцать, чтобы сломя голову гонять по трассам, ты семейный человек, руководитель крупной компании…

— Будь моим, Овер, — призывает правая. — У меня в запасе колдобины всех мастей, на мне нет ни знаков, ни разметки, но если будешь быстрым и смелым, сможешь разогнаться и взлететь из ямы прямиком в небеса. Выйди за рамки. Твои крылья слишком долго были сложены за спиной и от этого ослабели так, что дёрни за них — и отвалятся…

Кому же ты достанешься с потрохами, хакер, а кто будет проклинать тебя за то, что выбрал не его?

Одно другому не мешает. Я выбираю нейтраль.

Сын или дочь? — пытает белая лента Двойной Сплошной.

Я выбираю нейтраль.

Жена или друг? — добивает Окольный Путь.

Нейтраль, чёрт её дери.

Кот Шрёдингера, портал меж двумя мирами, птица, что поёт лишь в полёте из пункта А в пункт Б, сверхчувствительные весы, которым причиняет боль любое отклонение стрелки с амплитудой, превышающей границы малой погрешности, и неважно, в какую сторону — да, всё это ты, сероглазый хакер.

Светлой молнией ты проскакиваешь между дерущимися, и они забывают, по поводу чего только что хотели навалять друг другу. Ты на ходу генеришь с десяток способов достижения компромисса и летишь дальше, а позади тебя мечи перековываются на орала, совершается великое открытие — оказывается, у Луны, как и у медали, есть обратная сторона, а обе они — части одного целого.

> <Вероятность — ноль, что замрёт, дрожа, на ребре монета.
> Не читай мне матан: здесь другой, по-видимому, закон.
> Грозовой эфир вновь пытает песней: «Ты с кем? Ну, с кем ты?»
> Только я на «зеро» по привычке ставлю, плюс всё на кон.[63]>

Не каждому под силу пройти по острию меча, держа хрупкий баланс под жестокими порывами левых и правых ветров, но ты справишься, Флин. Иначе можно с самого начала прикрутить ко лбу подзорную трубу, настроенную на малый кусочек мира, забыв о том, что твои глаза способны охватить землю до самого горизонта, и злиться на тех, кто считает, что в его телескопе вид лучше, чем в твоём.

Кстати, да, решено. Назову тебя Флин. Если, чёрт подери, выберусь отсюда.

Где-то там твой будущий старший брат, мой родной сын, собирает камни, падающие с неба на лесную поляну в Великой северной глуши транскода, и, теряя силы, складывает их в некое подобие человеческой фигуры, создавая архив с коротким названием «Came over». На каждом камне выбиты три слова и короткий текст. Я прожжённый визуал, прости меня, Лин. А в данный конкретный момент — визуал, которому пришлось ширнуться мёртвой водой, чтобы позволить Смерти урвать мой короткий поцелуй в обмен на дозволение клонировать собственную душу. Я не мастер толкать речи, так что пусть чужие стихи и песни говорят за меня.

Где-то там яркой свечкой сгорает Хидео, непривычный к

таким запредельным перегрузкам, и тонкая ниточка воздушного змея, энергетического канала меж пресловутыми двумя мирами, грозит вырваться из его слабеющих рук в манящую синеву стратосферы. Прости, Такахаси-сан.

Немного осталось, всего чуть-чуть, а мимо текут века[64].

<Перекрёсток. Стерео. Нейтраль.>

#5

Тонкие пальцы осторожно раскрывают створки простого карманного зеркальца. Амальгама отражает закатный солнечный свет пополам со слегка прищуренными глазами своего владельца, и рыжее осеннее солнце рикошетом бьёт в тёмно-серую радужку.

Крис зажмуривается, но перед его внутренним взором ещё долгое время маячит бледно-зелёное пятно, а потом, когда он открывает глаза, мир сдвигается со своей привычной точки, и на лицах людей вдруг проступают узкие щели. Это происходит непроизвольно, в те краткие моменты, когда они тайком приподнимают свои маски, чтобы всосать в себя жалкую каплю свежего воздуха. И вот сейчас какой-нибудь нудный моралист может вещать хоть до утра, что нельзя так злоупотреблять богатствами амстердамских кофешопов, но Кристиан знает, что действие косяка закончится, едва он немного продышится, стоя на Синем мосту, а пришедший образ уже никогда не выветрится из памяти. Более того, муторная до рвотного спазма картинка догонит хакера спустя много лет и накроет его уже без содействия какой-либо чудо-травы.

Добрая богиня, несущая в тёплых руках свежий хлеб, парное молоко и приветственно зажжённую свечу, может обернуться злой ведьмой, с диким хохотом вспарывающей вены своим жертвам. Неплохой хакер, заводной аргентинец, в фоновом режиме приплясывающий под любую музыку, способен во мгновение ока превратиться в медведя-шатуна, который ломится к цели, не разбирая пути, а если не дерётся, то трахается.

А страшный доктор, готовый с кривой улыбкой пустить на опыты любого, до кого дотянется своими крючковатыми пальцами, на поверку оказывается гениальным нейрохирургом, отличным рассказчиком и верным соратником. Так же, как и мальчик-отличник в скучной одежде, застёгнутой на все пуговицы, спустя пять лет становится безбашенным гонщиком и охотником на хакеров, а спустя двадцать — любимым человеком

того, на кого он открыл свою охоту.

И я отдаю тебе это зеркало, Флин. Вот оно, настоящее хакерство — вскрыть внешнюю оболочку человеческой души и с одного поворота ключа войти на нижний уровень. Повернись спиной к закату и поймай солнечный зайчик. Пусть яркий отблеск сканером пройдёт по лицу того, кто подошёл к тебе слишком близко, пусть световой скальпель вонзится в еле заметную щёлку меж Правдой и Истиной, и тебе останется лишь задать единственный Вопрос.

«Кто ты, Маска?»

И ты увидишь противогазы и хирургические повязки, золотые лики и волчьи морды, зашитые губы и порванные губы, хрустальные ресницы и оголённые мышцы, но не бойся этой кавалькады, она нахлынет прибойной пеной и уйдёт обратно в океан, а на песке рядом с тобой останется тот, чьё сердце оказалось настроено на частоту твоей волны. Тот, кто пробился сквозь помехи и поймал твой короткий позывной. Тот, кто сорвал свою маску, предназначенную для защиты от чужаков, едва встретился с тобою взглядом.

> <Я узнаю тебя по тайному знаку,
> Ты узнаешь меня по перстню на пальце,
> Наша память хранит забытые песни,
> Мы умеем плясать первобытные танцы…
>
> Где-то там под водой спит наш город старинный,
> В тишине первозданной он хранит наши тайны.
> Мы любили друг друга — потому и спаслись.
> Мне не хочется думать, что это случайно…[65]>

Может быть, ты не станешь программистом, Флин, но одну короткую, почти магическую формулу ты должен усвоить. Единственное и главное правило, по которому устанавливается любое соединение.

<Запрос. Ответ. Синхронизация.>

#6

Чёрт, как же разбегаются мысли, когда подходишь к самому главному — тому, что не передать словами, не высказать, нет, это чудо из чудес…

Знаешь, я хотел уйти с тобою сквозь Лес,
Но что-то держит меня в этом городе, на этом проспекте…[66]

Держись там и ты, малыш Флин. Когда тонкие шприцы вопьются в твою кожу, седой учёный увенчает твою голову тонкой электронной короной, превратив в юного бога от киберпанка, а японский хакер запустит программу распаковки архива прямиком в твой пока ещё дремлющий мозг, ты будешь избавлен от моей ошибки, от моих отчаянных плясок на нейтрали, что протянулась магнитофонной лентой объёмом почти в двадцать лет непрерывной записи с того самого дня, как горячие губы Охотника за мечтой коснулись моих тонких, обветренных губ, залитых кровью.

И это — единственный модуль, в котором я меняю последовательность строк кода, загоняя промежуточную переменную «Семейная жизнь» в дальний разряд опций, необязательных для выбора.

Птичьи перья к этому времени промокают насквозь, и Кристиан начинает медленно погружаться под воду. Не то, что шевелиться — даже дышать ему становится откровенно лень.

Знаешь, Охотник, а ведь я, воплощенная молния транскода, был откровенным прокрастинатором в отношениях с тобой. Чего стоит одно твоё: «Ну же, Овер…»

Боялся напугать тебя? Да, возможно.

Боялся привязаться к тебе? Истинно так.

А ведь я не успел показать тебе кое-что, написанное мною ещё в марте 2071-го, в том далёком и вместе с тем таком близком, словно вчерашний день, ладожском марте.

＜Там, на изломе дня, за границами горизонта
Солнцем насквозь прострелены этажи.
Ты украдёшь меня у родителей и ремонта,
Я попрошу тебя: «Оставайся жив».
Я подарил тебе весь транскод и себя впридачу,
Ты подарил мне ветер в моё крыло.
Мы не должны судьбе. Счёт обоих давно оплачен.
Выберем город, поезд, маршрут, число.
Светловолосый кодер с глазами озёрной сини,
Хакер, чьи пальцы — тонкий февральский лёд.
Кто-то там высоко смог исполнить, что мы просили,
Больше ничто коннекта не разорвёт.
Слой облаков пробьём и достанем до дна речного,
Словно во сне увидев забытый сон.

«Сутки с тобой вдвоём». Заклинанье в четыре слова.
Нужно всего лишь выдержать марафон:
Снова бежать вперёд, за улыбкой скрывать усталость,
Лгать для чужого блага и своего.
Будет ночной полёт, и плевать, сколько нам осталось
Времени на совместное колдовство.
Кодом шальной мечты сбиты к чёрту настройки сроков,
Если хватает взгляда, к чему слова?..>

Тебе не придётся красть Шикари у судьбы и уходить с ним на руках к одинокому домику, затерянному в бескрайней северной метели, вместо дороги скатертью и ветра в спину получая болезненные тычки под лопатку от тех, кто расценил твой выход на дальнюю орбиту как самое натуральное предательство. Тебе и не придётся предавать тех, кто появился в твоей жизни до Охотника, потому что твой отчим, чёрт побери, один из лучших транскодеров в мире, и прямо сейчас он готовится выдать разряд запредельной мощности, свято веря, что река-под-рекой подхватит его волну и с размаху вставит титановую палку в грохочущие жернова колёс Сансары.

Электрический свет охватывает тонкое тело полуптицы-получеловека, выжигая узоры небесных молний на его коже, речная вода взбухает вокруг хакера огромным пузырём и взрывается тучей сверкающих брызг, усиливая импульс Овердрайва в тысячу раз.

<Я. Люблю. Тебя.>

От перегрузки у Кристиана закладывает уши, вода попадает в нос и рот, но хакер, к своему удивлению, не замечает ни малейших признаков удушья. Ты дышишь рекой, Овер. Ты не чувствуешь холода, ибо и сам уже стал серой льдиной, плывущей из пресловутого пункта А в пункт Б. А это значит, что там, в заброшенном ангаре судостроительной верфи, Лисовский мечется над тобой, готовясь вкатить какой-нибудь из своих чудо-препаратов, а то и долбануть дефибриллятором, чтобы выдернуть тебя из объятий близкого Нигде. И времени, птица, долбанного времени у тебя по-прежнему в обрез.

#7

Всё, Овер, это финиш.

Ты уже не чувствуешь тела, словно оно без остатка растворилось в ласковой воде транскода. Остались только глаза цвета грозового неба, короткий судорожный вдох и семь ударов сердца в минуту.

> <Да, легко мне скользить по земле,
> Души не оставив нигде,
> Так просто ступив за порог.
> Да, мимо улиц пустых,
> Прохожих, похожих на бледных святых.
> Их тоже мучают змеи дорог.
>
> Да, уже начинает светать.
> Неужели я смею летать,
> Не чувствуя тяжесть оков?
>
> Да, может так замыкается круг,
> И только медные струны отбились от рук,
> Да звенят высоко-высоко[67]… >

Превыше умения уходить — лишь умение остаться рядом.

Превыше умения остаться — лишь умение отпускать.

Много сил нужно, чтобы удержать родного человека за руку на самом краю пропасти.

Ещё больше сил понадобится, чтобы разжать свои пальцы, когда придёт время.

И принять, пресвятой коннект, безусловно принять то, что любимый человек вправе сам решить, когда ему уйти. Даже если к слову «уйти» добавлено гранитное «навсегда».

Полюби Охотника за то, кто он, а не за то, кто ты с ним, Овер.

И чтобы ты выдержал его огонь, чтобы всегда успевал перезарядиться для нового дня, в который вы с Шикари войдёте, держась за руку, я отдаю тебе всего себя, Флин — без разряда, без опустошительного пробоя атмосферы и прочих спецэффектов. Просто знай, что отныне у тебя хватит сил на двоих.

Тихо застонав, Крис устало прикрыл глаза.

Последняя строка кода. Вот оно.

Дозволено ли будет проводнику меж двумя мирами, на чьих обманчиво хрупких руках родные люди уходили в лучший мир, опаляя его сердце своим последним вздохом, пожелать себе симметрии не только в жизни, но и в смерти?

> <Я бы хотел уйти, взявшись за руки, в тех высотках,
> Где Овердрайв Охотника целовал. >

— Живи, Овер, прошу тебя…
Тихая просьба, что хуже приказа.
Да будет так.

clrscr ()

> <Я пойду за тобой,
> И я буду искать тебя всюду до самой,
> До смерти[68]…>

Я прописал тебе всё, что смог, Флин, и ты готов выйти на исходную в качестве нео-Овера. А в настройках по умолчанию у тебя установлен поиск по тэгу «Охотник». И ты найдёшь своего Охотника быстрее, чем думаешь. Или это Охотник найдёт тебя. Тот, который…

Пай-мальчик с душой бунтаря.

Ломкий растрёпанный неформал с безумной улыбкой и боевой катаной в руках.

Гениальный кодер, один из всей команды готовый работать на топливе голого энтузиазма.

Грация хищника, горячие ладони, трогательная ямочка на подбородке и бесконечная июльская Ладога в глазах.

Человек, ближе которого у тебя никого не было, Овер. Запредельный свет, готовый ради тебя вспыхнуть и выложиться до конца. Человек, ради улыбки которого ты и сам готов на что угодно.

— Живи и ты, Охотник.

> <Когда отпустит мне судьба
> Последние три дня,
> На миг забуду я тебя,
> Но ты прости меня.
> Свой первый день — один из трёх —
> Друзьям своим отдам.
> Пусть в дом придёт веселый смех
> С раздумьем пополам.
> С детьми второй день проведу,
> Я очень виноват
> За то, что много дней в году
> Далёк был от ребят.
> А свой последний, третий день
> Пробуду я с тобой,
> Чтоб не узнала ты меж дел,

Что жизнь даёт отбой.
Чтоб было всё с тобой у нас,
Как много лет назад:
В последний раз,
Как в первый раз, —
Улыбка, слово, взгляд.
Хочу, чтоб я с собой унёс
Сокровища двоих.
Не соль и горечь тихих слёз,
А сладость губ твоих.
Чтобы навек в родных глазах —
(Ты забывать не смей!) —
Не боль осталась и не страх,
А свет любви моей.[69] >

Завершение сеанса.

В небе над Кристианом коротко вспыхивает оборванная нить энергоканала, и вымотанный в ноль Хидео моментально разлогинивается. Следом за ним выходит и Лин. Слава богам Сети, хотя бы покидать транскод он может без посторонней помощи.

Спасибо вам, родные мои.

Короткий разряд прошивает грудь хакера, уходя куда-то под лопатку, и синий свет полудня медленно сваливается на него с небес, уходя плавным градиентом в белый. Надо полагать, Лисовский там сошёл с ума от паники и перешёл сразу к тяжёлой артиллерии.

Кристиан закрывает глаза, и его солёные слёзы смешиваются с водами реки, до дна которой не сумел достать ещё ни один транскодер. Может быть, просто потому, что не было и нет у неё никакого дна.

— Производится запись. Пожалуйста, не отключайте от сети, — радостно возвестила люлька механическим женским голосом с претензией на архетип Матери. — Расчётное время копирования: семь минут.

Лисовский выругался не то по-польски, не то по-чешски. Линда бы взвыла от негодования, услышав такую витиеватую конструкцию, в которой приводились к общему знаменателю все возможные соединения вкупе со способами их обрыва. Ну что сказать. Имеешь право, пан. Я и так застрял на две минуты дольше, чем рассчитывал. Если б ты не был белым как лунь,

наверняка бы поседел после моих сегодняшних полётов под небесами транскода.

— Один формат, разная структура, Горги-сан, — не вставая с пола, Хидео кое-как вытер с лица холодный пот и нацепил на нос тёмные очки, которые, впрочем, зажглись в следующую секунду бледно-голубым, проецируя картинку с монитора прямо в глаза уставшему японцу. — У Алекса получилась такая термоядерная компиляция, а у Криса всё вроде как по полочкам. Может, дело в самой процедуре… В конце концов, Охотника мы вытащили из реки-под рекой уже после того, как э-э… Ну, что осталось, то и взяли в работу, а Овер успел заранее продумать чуть ли не каждое своё слово…

Лисовский едва заметно хмыкнул. Может, насчёт чудес транскода и магии софта ты и прав, Хидео. Но это — повод. А причина в другом. И, наверное, сейчас пожилой профессор нагло воспользуется тем, что Крис до сих пор валяется в отключке, чтобы поделиться с японским хакером своими наблюдениями.

— Пока Овер разгоняется, Охотник успевает сгореть дотла, — привычно сбившись на настоящее время, пояснил учёный. — Так что у Криса в условиях такого адского дедлайна не было другого выхода, кроме как заранее набрать свой заряд. Имей в виду, Хидео, — Лисовский коротко хохотнул. — Коли уж Шикари — второй Алекс, то желаю удачи тебе и Маше с воспитанием сына, хе-хе. И ещё. Код кодом, но мне тут издалека кое-что открылось, поверь. Взгляни на экран с моего места. Эти два архива — словно две части одного целого. Два кусочка паззла, на первый взгляд совсем разные, а на самом деле идеально подходящие друг к другу. Это чудо из чудес, когда в мире встречаются двое таких, что…

Тонкий писк, сообщающий об успешном завершении процедуры пересадки личности, совпал с коротким болезненным стоном Овердрайва.

— Хочу… увидеть… его, — мотнул головой хакер. — Как?..

— Всё хорошо, Крис, — накрыв дрожащего в кресле Кристиана своим потрёпанным плащом цвета старого кирпича, Лисовский отсоединил трубки от плачущего Флина и не без помощи Хидео запеленал малыша прямо на коленях у Овера. — Держи. Только лицо своё сначала вытри, у тебя кровь носом пошла, незачем пацана пугать.

С трудом поймав фокус на цветастом свёртке, Крис откинул край одеяла и вгляделся в глаза мальчика. Гулкая пустота канула в небытие, а вместо этого в кристальной светло-серой радужке билась тревога и желание спрятаться ото всех как можно дальше.

— Не бойся, Флин, — прошептал Крис, целуя малыша в

горячий лоб. — Я с тобой. И я тебя очень люблю.

Пару раз всхлипнув для приличия, Флин затих и уставился на Кристиана огромными доверчивыми глазами.

Эпилог. 2077

Звон бьющегося стекла застал Криса врасплох. Он вздрогнул, а вместе с ним покрылась мурашками и кожа Лисовского, коротающего пополуденную маету в тёмном кабинете дачи под Прагой.

[Простите, профессор… Кажется, эта неугомонная парочка что-то расколотила.]

В голове Криса, стремительно направившегося к двери, послышался удивительно тёплый смех Лисовского. Да, пан, никто не заменит мне Охотника, но протянутую вами руку я не оттолкну уже никогда.

[Только не отключайся, Крис. Я хочу на них посмотреть.]

Тихо постучав в дверь детской, что на уровне рефлекса превратило тамошнюю возню в гробовую тишину, Крис вошёл и замер на пороге потрясённой темнокрылой статуей.

Детская, и раньше-то походившая на развалины склада околокомпьютерной всячины в стиле постапокалипсиса, сейчас являла собой просто квинтэссенцию разрухи. С потолка падал белый снег из птичьих перьев — последняя память о подушке, укрывавший от серой радужки ворох проводов, разобранные блоки, обрывки бумаги… И осколки разбитого зеркала.

[И это нормально, Крис? Ты спокоен, как слон. Привык уже, что ли?]

[Всегда готов, профессор. И даже знаю, куда надо смотреть.]

Бесшумно преодолевая препятствия обманчиво пустой комнаты, Крис неумолимо приближался к шкафу-купе в дальнем углу. Организаторы диверсий искренне считали, что нырнув за дверцу, они освобождаются если не от наказания, то уж точно от ответственности. Крис вздохнул. А вот когда эти пятилетние оторвы дорастут до транскода, будет самое интересное…

[Будешь обретать спокойствие, пока они спят.]

Смех Лисовского стал фоном к тихому шёпоту, доносившемуся из шкафа.

У самой дверцы Кристиан остановился. Сознание его вдруг оказалось разорванным на несколько частей. Одна чутко ловила панические настроения двух сорви-голов, другую накрыло внезапное и оттого ещё более разрушительное сожаление Лисовского о том, что даже если он и сумеет создать свой образ в ребёнке, то жить этому продолжению будет не для кого. А третья… Третья нырнула в прошлое, в холодную Ладогу, забралась на чердак бревенчатого дома и коснулась крылом горячего плеча Охотника.

— Дед сильно разозлится, — голос Шикари был устало-обречённым.

— Он никогда не злится, — возразил Флин шепотом. — Он только смотрит иногда… так…

— Слушай, Флин, а почему если мы… Ну, одного возраста… Он мне дед, а тебе — отец, а?

— Не знаю, Шикари. У тебя вон глаза синие, а у твоего отца и матери — нет, и что это меняет…

Ну, ребята, вы даёте. Крис вынырнул в реальность с головной болью. Так уже бывало не раз за эти пять лет. Пересадка личности в маленького Флина не прошла бесследно. Нет, Кристиан Вебер так и остался Овердрайвом, но чувство некой опустошённости, какое бывало с ним когда-то давно ещё на Ладоге с Охотником в состоянии «совсем хреново», страшно затянулось.

[Эй, хакер, ты долго будешь лбом полировать шкаф? Соберись, в конце концов. Ещё пять лет назад ты стал богом, что уж теперь вспоминать.]

[Вы правы, профессор. Мне даже интересно, чем они на этот раз такой бардак устроили.]

Но открыть шкаф Крис не успел. Дверца распахнулась под вопль Шикари «лучше так, чем отсиживаться здесь», внук вылетел из потаённого места, чуть подволакивая за собой… Какого хрена? Катану?! Ту самую, которую Алекс мог полировать часами, превращая клинок в зеркало. Кстати о птичках…

— Деда зарезать решил? — поинтересовался Кристиан, останавливая мальчонку в шаге от себя и осторожно протягивая руку к оружию.

Шикари этот жест проигнорировал, затащив катану за спину и вцепившись пальцами в эфес. Синий ладожский огонь мазанул по лицу Кристиана. Тот вздрогнул, поймав давно забытую волну коннекта, и выдал раньше, чем подумал:

— Я не буду отнимать её, Охотник.

Лисовский присвистнул, но смолчал, давая хакеру время прийти в себя. Он и сам оказался на гребне волны узнавания этого нестерпимого пламени в синих глазах ребёнка, сам бы так же произнёс настоящее имя, которое уже скоро станет принадлежать мальчику по праву, а не только по природе… Вздрогнули пальцы, не забывшие биение пульса на шее седого кодера, когда он ложился под скальпель. А чёрт, что же это за день глубокого погружения.

[Вылитый Алекс, Овер. Даже сейчас, в пять лет… Ты сделал невозможное. Я думаю, даже сколько б жизнь не била, этот огонь уже навсегда.]

Крис судорожно выдохнул и эхом повторил:

[Навсегда, профессор.]

А никем не замеченный Флин вынырнул вдруг между дедом и внуком, весь дрожа как осиновый лист, и выпалил, глядя Крису в глаза:

— Это я ему саблю отдал, пап. Я виноват, меня ругай.

— Это катана, а не сабля, — машинально поправил Крис.

Так вот как я выгляжу на самом деле… Вот они, киловольты бесцветных серых глаз, от которых рождается дрожь в правом подрёберье, через считанные микросекунды рвущая на клочки силу воли и иже с ней. Ну хоть с цветом радужки повезло больше, чем Шикари. Не возникает вопросов.

[Знаешь, Крис, если в глаза не смотреть, то можно и перепутать… А ты с генетикой у Флина потом не мудрил? Светленький, крепкий, небольшого роста…]

Крис мысленно усмехнулся и продолжил в тон:

[…и родом из Норвегии. Не мудрил, профессор. Только вот хакерство от меня, похоже.]

— И нашел ты катану тоже сам, — тихо сказал Крис, касаясь рукой плеча Флина. Руку прошил слабый разряд. Не мой, раздери троян все соединения, это пацан уже сам генерит маленькие молнии. — Хакер ты. Но запомни, ответственность за то, что ты вытащил на свет — катану, инфу или ещё что — с этого момента на тебе.

Скажи я такое Охотнику, в ответ получил бы не только понимание, но и ироничную ухмылку левой половиной рта, и тихий смешок. А ты лишь серьёзно киваешь, пряча под русой чёлкой свои хакерские глаза. Ты мой сын, Флин. Даже больше, чем сын…

[Не страшно их перепутать, пан. Всё равно две части одного целого.]

[В точку, Крис.]

— Значит так, — с деланной строгостью сказал Вебер, наблюдая за парочкой Овер-Охотник, в которой каждый готов подставить другому плечо и прикрыть собой, — уборку никто не отменял. Осколки — за мной. За вами — весь хлам и перья. Шикари, твои родители приедут через три часа. А сейчас я вам покажу один трюк…

Внук нехотя отдал дедушке катану. Согретый детскими пальцами эфес мягко лёг в ладонь.

— Отойдите подальше.

[Вы когда-нибудь держали в руках холодное оружие, профессор? Вряд ли что-то кроме скальпеля. Ловите кайф.]

На секунду исчезает детская, квартира на Петроградке, сырость питерской отметки уровня моря… Тиннирсаари.

Охотник. Тот-самый-удар.

Вспоминай, Овердрайв.

Снова завести за спину клинок, поймать волну напряжения в кисти, замах и разворот… Свист разрезаемого клинком воздуха слился с восторженным выдохом детей и едва слышным возгласом Лисовского. Остановив вращение, Крис замер, глядя в сияющие глаза реинкарнаций двух последних Творцов этого мира. Искра и пламя. Ты подаришь им свободу, Овердрайв. Ты научишь их летать.

[Я никогда ничего подобного…]

[Рад за вас, профессор. Знал бы — попросил Алекса о паре уроков с вами. Выйдите на связь в полночь по Москве, если сможете… Есть один вопрос. Кажется, сейчас он всё-таки назрел.]

Маленького Охотника Маша и Хидео забрали поздно вечером. Чаепитие «на дорожку» прошло без маленьких членов семьи: Шикари и Флин, вцепившись в друг друга и в катану, предусмотрительно убранную в ножны, сбежали от взрослых в детскую, отказавшись от еды в таком категорическом тоне, что даже Маша, в последнее время начавшая страдать сверхправильностью, не смогла ничего сделать с сыном и приёмным братом.

И уже потом, в тёмной прихожей, у самого порога, когда Хидео почти силой увел Шикари к флаеру, Маша поймала руку отца. Тонкие пальцы вцепились в запястье. Совсем как у Лина. Совсем как у Флина. Совсем как у тебя, хакер.

— Как мне вести себя с Шикари, папа? Он совсем не похож на нас… Такой доверчивый, открытый, слово скажешь — и он тут же…

— Вспыхивает, — выдохнул Крис, сжимая ладонь дочери.

Прости меня, Маша. Я спас твоего сына, спас моего Охотника от илистого дна реки-под-рекой, но подложил тебе этим такую свинью… Ты знала Алекса, как няньку, но не как своевольного ребёнка. Я бы справился, наверно, и с двумя этими сорванцами сразу, но, во-впервых, нечестно отнимать у тебя первенца, а во-вторых я так и не понял за пять лет, будут ли маленькие Овер и Охотник повторять судьбы своих предшественников или, даже идя собственным путём, они обретут друг друга?

Только б не так поздно, как мы, пресвятой коннект… Но один совет я тебе дам.

— Люби его, Маша, — почти умоляюще прошептал Крис. — И прими таким, каков он есть. Если ты не станешь пытаться его переделать… Он привяжется к тебе навеки.

Порывистые крепкие объятия, скрип старых петель, щелчок

замка. Серой тенью Крис метнулся к окну в кухне, выходившему на парковку во дворе-колодце. Подоконник уже оккупировал Флин, забравшись на него с ногами и прижимаясь к стеклу белым лбом. Внизу, в темной пропасти под высотой третьего этажа, Хидео подсаживал Машу в флаер, где на заднем сиденье уже сидел Шикари. Наверняка пристегнутый всеми возможными ремнями безопасности, ибо любовь к скорости уже дважды играла с ним злые шутки на картинге и лётной площадке.

Крис обнял Флина за плечи. Знаешь, сын, мне почему-то тоже больно, когда Шикари увозят в Москву. Это не тот Охотник, которого я всё ещё зову по ночам, ещё не тот, но… Синие глазищи и горячие ладони заставляют мое сердце сбоить, тем более что от наномашин осталось всего ничего, только на поддержку изношенного организма, измотанного этой жизнью на два мира. Но я не отдал тебя на воспитание Маше, первый раз в жизни поступив как эгоист. Вы были бы совсем близко с Шикари, были бы счастливы. Прости меня, Флин. Без вас, без моей искры, что передана тебе, и без огня, оставленного Шикари моим Охотником, я не найду дорогу.

Флаер осторожно поднялся в воздух. Но вдруг Хидео, ставший за эти пять лет семейной жизни ещё более спокойным и рассудительным, словно пытаясь этим уравновесить сносящую всё на своем пути энергетику маленького Охотника, вывел машину в крутой вираж и пронёсся так близко к окну, что зрители невольно отшатнулись. О, Хидео, я уже говорил с тобой однажды про это… Долго говорил. И компанию нам составили напитки с серьёзным градусом. Но если ты однажды сбросишь перед Шикари маску и вы оторвётесь вдвоём на полную катушку… Я хорошо знаю Охотника. Он искренность и свободу воли ценил в людях едва ли не больше ответственности и умения держать своё слово.

— Пойдем, Флин, — Крис легко снял мальчонку с подоконника и поставил на пол. — Пора спать.

— Хорошо, папа.

Кого мы с тобой обманываем, Флин? Я расскажу тебе сказку на ночь, ты прилежно сделаешь вид, что уснул. Я уйду в свою комнату, забрав с собой свежий ветер ладожского мира, а ты выскользнешь из-под одеяла и начнешь ваять какой-нибудь код. И плевать, что тебе только пять. Язык программирования ты выучил чуть ли не раньше, чем научился читать. Два одиночества, два полуночника, понимающие друг друга с полуслова.

[Точность — вежливость королей, Крис. Но я мешаю, видимо. Может, позже?]

[Если хотите, останьтесь, Георгий. Я сейчас уложу Флина… Ну то есть подыграю ему немного и сделаю вид, что поверил в его

сон с затаённым дыханием и дрожащими ресницами. А потом поговорим.]

Ну что, жги, Овер. Флин, завёрнутый в одеяло, на твоих коленях. Должен же ты хоть раз суметь его усыпить своими байками про пирата Синюю Бороду и капитана Сорви-голову. Это с Охотником не надо было напрягаться, он вырубался сам, едва положив голову тебе на плечо. В памяти вдруг так некстати всплыл горячий шёпот кодера с пшеничными тогда ещё волосами, признание после первой ночи вместе: «Я никого не мог донести до звёзд… раньше. Ты мои крылья, Овер». А я так и не сказал тебе, свет мой, что не выложился на сто процентов в ту ночь, то ли от внезапности, то ли от страха напугать тебя. История ходит по кругу. Мы с Флином так же играем в эту игру под названием «во многом знании многие печали». Но сейчас, чёрт побери, я выложусь на полную, Флин, и даже если ты не уснёшь от моего рассказа, то он уж точно врежется тебе в память.

— Далеко-далеко на Севере, в маленькой хижине на берегу большого озера, жил-был волшебник, — начал Крис негромко, прижимая к сердцу кокон одеяла, из которого торчала только русая макушка. — Он встречал рассвет и провожал закат, от мановения его руки замолкали птицы и останавливались тучи. Он наслаждался своей властью над этим суровым краем, но как-то раз он почувствовал усталость. День за днем она копилась, волшебник сгорал изнутри. А потом она переплавилась в одиночество, которое он сначала возненавидел, потом свыкся, а конце концов сделал своим вторым «Я». Но однажды он так сильно затосковал, что его волшебство сыграло с ним злую шутку. Волшебник обернулся волком. Белым зверем с медными глазами. Он любил это делать, чтобы пользуясь свободой, которая недоступна даже магу, видеть мир без прикрас, лжи и масок. Волк бродил вдоль озера, зигзагом исхаживал остров за островом… Но не смог превратиться обратно в человека. Так бывает со многими, даже с не-волшебниками, Флин. Люди забывают, кто они на самом деле, ради мифических целей или низменных обстоятельств. Волк бродил неприкаянным по маленькому островку, но истинный волшебник рвался наружу, не в силах вернуть себе человеческий облик. И тогда он решил: «Если я не могу быть свободным, слушая песнь луны, то я найду другой способ…».

— И что он сделал? — тихо спросил Флин.

— Он стал камнем. Замер, застыл шершавым валуном, отдалённо напоминающим волка. Научился слушать песнь волны и земли, ему стала доступна музыка звёзд… А камень назвали Волчьим. И поныне он находит заблудшие души, вот также

запутавшиеся в том, что свобода и одиночество — это совсем разные вещи.

— А у этого камня можно загадать желание?

[Никогда с ним не встречаться.]

[Вот именно. Ну или перестать красть людей из этого мира.]

— Можно, Флин. Только надо очень хорошо подумать, чтобы это желание не обернулось бедой для тебя или тех, кто тебе дорог…

— А расколдовать этого волшебника кто-нибудь пробовал? — продолжал расспросы мальчик.

Крис поперхнулся. Вот наивная душа, а я даже об этом не подумал. Выдумал историю почти что с нуля, а вдруг именно это и случилось на самом деле?

— Нет, наверно…

— А я бы смог, — серьезно заявил Флин. — Обнял бы его и сказал, что стану его другом. Он бы и раскаменел.

Раскаменел. Отлично, сын. Так держать.

— Мы попробуем когда-нибудь, — пообещал Крис, ловя пропуски пульса от ноющих воспоминаний. В ушах вместо привычного звона послышался волчий вой. — А теперь я пою, а ты засыпаешь. Договорились?

— Да, пап.

[Не знаю, о чём ты там говорить со мной собрался, хакер, но если это будет при таком ярком свете… Ей-богу, я разорву соединение.]

[В крайнем случае, светлая грусть, профессор.]

В тёмной комнате голос Овердрайва звучал как пение ангела. Тихое, без зоны покрытия, но ударяющее в самые уязвимые места своими обертонами и ревербом.

— Когда станет неважно своё и чужое,
Когда на Земле нас останется двое,
Наступит самый последний в мире рассвет,
И мы пропадем на многие тысячи лет.
Я буду смотреть тебе вслед,
Пока не погаснет свет,
На всей Земле не погаснет свет.
Я буду смотреть тебе вслед,
Пока не погаснет свет,
В моих глазах не погаснет свет…[70]

Крис осторожно положил на кровать тихо сопящий сверток, совсем как пять лет назад сделал это тогда с младенцем без имени и собственной души. Снова дрогнули выгоревшие на

солнце ресницы. Не спишь, Флин. Впрочем, я на это и не надеялся. Оставлю ночник… Чтобы самому найти выход. Потому что когда я не вижу твоих серых глаз, мне кажется, что я нянчу не Овера, а Охотника — настолько вы похожи…

Прикрыв за собой дверь детской, Крис пошатнулся и вцепился тонкими пальцами в дверной косяк. Судорожный выдох на долю секунды обогнал встревоженный вопрос Лисовского.

[Эй, хакер, ты там как?]

Сами знаете «как», пан. Вы же всё чувствуете, что и я. Не хотел бы уточнять, но аритмия там у вас сейчас знатная. Но и я ловлю вашу ломоту в плечах и головную боль… Возраст? Или стоит всё-таки вытащить на свет божий вашу медицинскую карту?

[Ну, я постарше тебя буду, конечно. Шестьдесят пять — не шутки, но, чёрт побери, Овер, ты и сам знаешь, что даже твои пятьдесят с хвостиком — обман зрения. В транскоде тебе по-прежнему двадцать шесть. Просто… устал.]

[И я устал, Георгий. Меня как-то Алекс зажал на Ладоге, когда ему совсем хреново было… Содрал обещание жить, что бы не случилось. А так бы…]

Рухнув в кресло, Крис потянулся к катане, брошенной на рабочий стол. Клинок с мягким шелестом выскользнул из ножен, поймав жёлтый блик огонька настолькой лампы.

[Его?]

[Да. Только она и осталась. Да ещё вот это.]

Лисовский, лёжа на диване, почувствовал в правой руке тяжесть. Вот только не в своей руке-то. В хрупких пальцах хакер держал прозрачный кристалл, по форме напоминавший цилиндр, у которого по всей окружности оставили неравные плоские грани, а верхушку сточили на конус. Камень был необработан, но даже в таком первозданном виде дробил свет на маленькие радуги.

[Горный хрусталь?]

[Правы, пан. Единственный из всех, что я смог выучить. Ну и агаты ещё, конечно. Он их обожал. Подрастет Шикари немного — подарю ему. Начнёт собирать коллекцию, может быть.]

Волна тепла и спокойствия захлестнула Криса с головой. Спасибо вам за эту поддержку, профессор. Это ещё один столп моего шаткого бытия. Вы рождаете во мне уверенность в собственных силах. Но один вопрос всё-таки остается открытым.

[Задавай, Крис. Отвечу, если смогу.]

[Не для себя спрашиваю, Георгий. Я, если уж быть честным, у жизни уже на подхвате, вроде старого верного пса, который, может, и сгодится на что-то, да повода нет проверить. Я хотел спросить про Флина и Шикари… Как нам всем — мне, Маше, Хидео, — нужно выстраивать мир вокруг них? До разумных

пределов повторять судьбы мою и Алекса? Позволять жизни бить их так же, как нас? Алекс терпеть меня в школе не мог, к примеру. Считал меня конкурентом, а это в его категориях было похуже врага. Что нам сделать, чтобы они нашли друг друга?.. Неужели они должны пройти через этот ад, чтобы понять своё предназначение?]

Тишина мысленного соединения порой кажется страшней тишины транскода. А всё дело в том, что очень легко потерять волну коннекта, когда один из собеседников или запредельно ускоряется, чтобы найти нужный ответ, начинает мыслить настолько быстро, что ты просто не успеваешь даже поймать обрывки цветных кадров за хвост, или подбирает слова как кирпичики настолько медленно, что пытки инквизиции кажутся раем.

[Я знаю ответ на твой вопрос, Овердрайв. Он принесёт тебе облегчение… наверно. Тяжело объяснить словами, но посмотри на камень, что у тебя в руках. Его создала природа. Нагревала до адских температур, плавила в жижу, кидала в ледяную воду… Неважно. Результат её работы перед нами. Это ты и Алекс. А потом кто-то просто берёт эти камни и кладёт в пустые ниши душ младенцев. И даёт им имена Шикари и Флин. Кристаллы эти останутся в них на всю жизнь. Их не надо создавать по новой, а, значит, не нужно воссоздавать ваши судьбы.]

[То есть я им не нужен?]

[Нужен, Овер. Ты научишь их жить так, чтоб горный хрусталь в них не помутнел. Научишь симметрии, балансу и принятию. Мало завести птенцов, птица, надо ещё выпустить их на свет… И научить летать.]

Крис крепко зажмурился. Бархатный голос Охотника, несущегося следом на флаере в отвесном полёте с высотки Департамента безопасности, произносит в голове слова-заклинания: «Ты научил меня летать. Научил Машу. Научил Лина. Дело за малым — не растерять перья ради Шикари и Флина».

[Спасибо вам, Георгий…]

[Не за что, Крис. И приезжайте ко мне в Прагу. С Шикари и Флином. Экскурсию обещаю. До связи, хакер.]

Еще немного покрутив в руках кристалл, сероглазый король погасил свет, подошел к окну и настежь распахнул створки. Ветер с Невы ворвался в комнату, обжигая холодом пылающую, но всё равно бледную кожу рук. Ты прав, Охотник. Дело за малым. Протянуть без тебя ещё лет десять, научить юного хакера Флина фирменному взлому льда серверов и убедиться, что у Шикари всё в порядке со здоровьем. И можно будет наконец догнать тебя,

Охотник. Ничто уже не удержит меня в этом городе, на этом проспекте. И вот тогда нам хватит на двоих вечности.

Нашей вечности.

Вечности entre dos tierras.

_____

© *Анна Закревская, 2017*

© *Елена Пильгун, 2017*

notes

Примечания

1

Анна Закревская «Пилот-одиночка».

2

Анна Закревская «Ваш баланс равен…».

3

«Наутилус Помпилиус», «Крылья».

4

Светлана Сурганова «Я теряю тебя».

5

WASP, Heaven’s hung in back.

6

WASP, Heaven’s hung in black.

7

Олег Медведев «Марш небесных связистов».

8

Валерий Меладзе «Разведи огонь».

9

Эдуард Асадов «Дорогие оковы».

«Аквариум», «Песня нелюбимых».

«Мельница», «Прялка».

12

Иосиф Бродский «Не выходи из комнаты…».

13

Frozen Plasma, Foolish dreams.

14

Frozen Plasma, Foolish dreams.

15

Гелла Самойленко «Ночь полнится ангелами…».

16

Гелла Самойленко «Ночь полнится ангелами».

«Сруб», «Тайной тропой».

«Изумрудный город», «Апрель».

19

Flëur, «Голос».

20

Дана Сидерос «Орфей».

21

«Башня Rowan», «Песня про псов, воинов и трусы».

22

Aire & Saruman, «Берег».

23

«Смысловые галлюцинации», «Охотники рядом».

«Изумрудный город», «Апрель».

25

WASP, For whom the bell tolls.

26

Darkseed, Souls unite.

27

Darkseed, Souls unite.

28

Darkseed, Souls unite.

29

Сергей Аксёнов «Ближний круг».

30

Дана Сидерос «Час пик».

31

Анна Закревская «Ваш баланс равен».

32

Анна Закревская «Ваш баланс равен».

33

Анна Закревская «Ваш баланс равен».

«Смысловые галлюцинации», «Звёзды».

35

Аэлирэнн «Баллада Закатных ветров».

36

Анна Пингина «Истина».

37

Анна Пингина «Истина».

38

Анна Пингина «Истина».

39

Анна Пингина «Истина».

Felidae, «Когда сгорают мосты».

«Сенсор», «Крылья».

«Сенсор», «Крылья».

«Наутилус Помпилиус», «Доктор твоего тела».

44

Гелла Самойленко «Ночь полнится ангелами».

45

Flëur, «Голос».

«Сплин», «Иди через лес».

«Сплин», «Иди через лес».

«Сплин», «Иди через лес».

«Сплин», «Иди через лес».

«Дельфин», «Весна».

51

Иосиф Бродский «Сонет (Переживи всех)».

52

Анна Закревская «Ваш баланс равен…».

53

Олег Медведев «Марш небесных связистов».

«Наутилус Помпилиус», «Я хочу быть с тобой».

Darkseed, Cold under water.

Darkseed, Cold under water.

Darkseed, Cold under water.

Darkseed, Cold under water.

«Ария», «Ночь в июле».

Любовь Васенина «Ворона белая».

«Би-2», «Серебро».

Blue Stahli, Rockstar.

63

Анна Закревская «Ваш баланс равен…».

Тим Скоренко «Картограф».

«Наутилус Помпилиус», «Атлантида».

«Сплин», «Иди через лес».

«Пикник», «Скользить по земле».

«Сплин», «Иди через лес».

69

Андрей Дементьев «Когда отпустит мне судьба последние три дня…»

«Смысловые галлюцинации», «Последний день Земли».